

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2023

№ 84

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Гололобов Е.И., Ашихина Д.С. Экономические аспекты экологического регулирования в СССР в 1970–1980-е гг.	5
Гордеев П.Н. 2 января 1918 г.: день, когда большевики подчинили государственные театры	11
Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект	18
Мостовенко М.С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е гг.: становление и основные направления деятельности	27
Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России: промышленная революция и освобождение крепостных крестьян	34
Орлова И.В., Дамешек И.Л. Социальный портрет врача Иркутской губернии в XIX – начале XX в.	42
Раков Т.Н., Свирина Д.В. От ходок к делегациям: практики представительства и коммуникации с властью в советском обществе	54
Селиверстов С.В. «Я принимаю живое участие»: евразийский контекст взаимоотношений Н.П. Игнатьева и Ч.Ч. Валиханова (конец 1850-х – первая половина 1860-х гг.)	63
Туров С.В. Ландшафтно-климатический аспект хозяйственной деятельности русского населения Северного Зауралья (XVIII – 30-е гг. XIX в.)	72
Устюжанцева О.В. Угольная промышленность Кузбасса: социально-политическое измерение	79

Gololobov E.I., Ashikhina D.S. Economic Aspects of Environmental Regulation in the USSR in the 1970s–1980s	5
Gordeev P.N. January 2, 1918: the day when the Bolsheviks subdued the State theatres	11
Dunbinskiy I.A. Construction of buildings of the Siberian (Tomsk) University as an all-Russian project	18
Mostovenko M.S. Activities of the Permanent Commission for Nature Protection under the Surgut City Executive Committee in the 1960s and 1980s: formation and main directions of activity	27
Nefedov S.A. “Challenges” and “responses” in Russian history: industrial revolution and release serfs	34
Orlova I.V., Dameshek I.L. Social portrait of a doctor in the Irkutsk province in the 19th – early 20th centuries	42
Rakov T.N., Svirina D.V. From petitioners to delegations: practices of representation and communication with the authorities in Soviet society	54
Seliverstov S.V. “I take an active part”: the Euro-Asian context of the relationship between N.P. Ignatyev and Ch.Ch. Valikhanov (late 1850s – first half of the 1860s)	63
Turov S.V. Landscape and climatic aspect of the Russian population’s economic activity in the Northern Trans-Urals (XVIII – 30s of the XIX centuries)	72
Ustyuzhantseva O.V. Coal industry of Kuzbass: socio-political dimension	79

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙPROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Вячистая А.В. «Британская лига домохозяек»: опыт послевоенной женской политической организации Великобритании (1945–1948 гг.)	88
Сян Ююань, Ло Яньчао. Вклад Чжэн Хэ в развитие концепции мягкой силы Китая	97
Кривошеина В.О. Традиционализм и проблема репродуктивного выбора женщин в Польше	103
Ло Яньчао. Влияние российско-украинского конфликта на треугольник отношений Россия–Китай–Индия	112

Vyachistaya A.V. The British Housewives’ League: The Experience of the Post-war Women’s Political Organization of Great Britain in 1945–1948	88
Xiang Yiyuan, Luo Yanchao. Zheng He’s contribution to the development of China’s soft power concept	97
Krivosheina V.O. Traditionalism and the problem of women’s reproductive choice in Poland	103
Luo Yanchao. The Impact of the Russian-Ukrainian Conflict on the Triangle of Russia-China-India Relations	112

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯPROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Дацышен В.Г. Фотоальбом «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе». Из истории изучения в контексте историко-архитектурного наследия КВЖД	119
Молодченко О.А. Итальянское деловое письмо в русском архиве	127

Datsyshen V.G. Photo album “Harbin of the twenties and forties in a modern city”. From the history of the study and preservation of the historical and architectural heritage of the CER at the end of the 20th century	119
Molodchenko O.A. Italian business letter in the Russian archive	127

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ,
ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИPROBLEMS OF ANTHROPOLOGY,
ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Аткунова Д.А. Традиционные промыслы, благопожелания и кухня северных алтайцев	131
Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г.	142
Уваров С.Н. К вопросу о методике определения количественных размеров этнической ассимиляции в 1959–1989 гг. (на примере удмуртов)	148
Щанкина Л.Н. Мордва на территории Иркутской области во второй половине XIX – начале XXI в.: динамика численности и история переселения	154

Atkunova D.A. Traditional crafts, well-wishes and cuisine of the Northern Altai	131
Zinoviev V.P. Interethnic division of labor in the Semipalatinsk region according to the census of 1897	142
Uvarov S.N. On the question of the method of determining the quantitative dimensions of ethnic assimilation in 1959–1989 (on the example of Udmur)	148
Shchankina L.N. Mordovian people in the Irkutsk region in the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century: population dynamics and history of migration	154

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Савельева А.С. История исследований металлургии и металлообработки бронзы таштыкской культуры	164
Селин Д.В., Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тейлор В., Кривошапкин А.И. Новые данные по Чустской культуре Памиро-Алая (Южный Кыргызстан)	175

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Райтина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И., Пустоварова А.О. Проблемное поле образовательной траектории студента в вузе (по результатам социологического опроса в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники)	184
Турдикулов О.Т. Стипендиальная программа фонда «Эл-юрт умиди» как механизм государственной поддержки внешней интернационализации высшего образования Узбекистана	192

РЕЦЕНЗИИ

Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А. Рецензия: Ермаков С.В. Театральная жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX века. Новосибирск: ДЕАЛ, 2023. 160 с., ил.	201
--	-----

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Savelyeva A.S. The history of studies of Tashtyk culture's bronze metallurgy and metalworking	164
Selin D.V., Shnaider S.V., Abdykanova A., Taylor W., Krivoshapkin A.I. New evidence for the Chust culture in the Pamiro-Alay mountains (South Kyrgyzstan)	175

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Raitina M.Yu., Pokrovskaya E.M., Zinoviyeva V.I., Pustovarova A.O. The student's educational trajectory at the university: problem field (according to the results of a sociological survey at the Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics)	184
Turdikulov O.T. The Scholarship Program of the "El-yurt umidi" Foundation as a mechanism for state support of the external internationalization of higher education in Uzbekistan	192

BOOK REVIEW

Khudoleev A.N., Tresvyatsky L.A. Review: Ermakov S.V. Theatrical life of Kuznetsk in the late XIX – early XX century. Novosibirsk: DEAL, 2023. 160 p., ill.	201
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 502.56(571.1):94(571.1)

doi: 10.17223/19988613/84/1

Экономические аспекты экологического регулирования в СССР в 1970–1980-е гг.

Евгений Ильич Гололобов¹, Дарья Сергеевна Ашихина²

^{1,2} Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ gololobov.eig@yandex.ru

² DAshihina@surgpu.ru

Аннотация. Анализируются экономические аспекты экологического регулирования в СССР в 1970–1980-е гг. В рассматриваемый период происходила разработка системы эколого-экономического регулирования, обосновывались методики подсчета стоимости природных ресурсов, их включения в план народного хозяйствования. Выделялись реальные бюджетные средства на природоохранную деятельность и рациональное природопользование. Экологическое регулирование было неотъемлемой частью широкой производственной программы советского экономического руководства.

Ключевые слова: экологическое регулирование, природопользование, экологическая история СССР

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991» и за счет гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Гололобов Е.И., Ашихина Д.С. Экономические аспекты экологического регулирования в СССР в 1970–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 5–10. doi: 10.17223/19988613/84/1

Original article

Economic Aspects of Environmental Regulation in the USSR in the 1970s–1980s

Evgeny I. Gololobov¹, Daria S. Ashikhina²

^{1,2} Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ gololobov.eig@yandex.ru

² DAshihina@surgpu.ru

Abstract. 1970s - 1980s was the period of development and introduction of economic mechanisms in the ecological regulation of industrial activity in the USSR. During this period, the system of ecological and economic regulation was developed, and methods of calculating of the value of natural resources and their inclusion in the plan of national economy were substantiated.

In 1974 the Department of Nature Protection under the Gosplan of the USSR was founded, which allowed making significant changes in the planning process. The department was formed in accordance with the resolution of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR "On Strengthening Nature Protection and Improving the Use of Natural Resources". There was a ramified system of bodies involved in nature protection, and its structure became more complex. The system was cumbersome and bureaucratic, nevertheless it functioned: environmental problems were recognized by the state, measures aimed at reducing the anthropogenic impact and nature protection were implemented, and budgetary allocations for these purposes were included in plans of national economy. It is worth noting the integrated approach to nature protection activities, the development of methods for determining the amount of environmental damage in economic interpretation and the degree of efficiency of nature protection measures, various norms regulating harmful emissions of enterprises, many normative legal acts, the expansion of the system of nature protection agencies.

In the USSR, in the ninth-tenth to eleventh five-year periods (1971-1985), conferences were repeatedly held on environmental protection, as well as on the assessment of the value of natural resources. Naturally, there were many unsolved problems. The success of environmental protection measures was measured by the amount of funds allocated for their implementation without regard to long-term socio-economic results. The mechanism of financial responsibility

for the violation of environmental legislation was poorly developed. Nevertheless, environmental regulation was an integral part of the broad production program of the Soviet economic leadership, which was hampered by ideological and political constraints. Nevertheless, the need to solve environmental problems, the struggle for a favorable natural environment becomes part of the current political agenda in the USSR.

Keywords: environmental regulation, environmental management, environmental history of the USSR

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-28-20115 “The Soviet State and Society in the Process of Understanding and Solving the Environmental Problems of the North of Western Siberia in 1917-1991” and This article is supported by a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Human in the changing space of the Urals and Siberia”.

For citation: Gololobov, E.I., Ashikhina, D.S. (2023) Economic Aspects of Environmental Regulation in the USSR in the 1970s–1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 5–10. doi: 10.17223/19988613/84/1

Во второй половине XX в. в СССР, как и в других промышленно развитых государствах мира, все острее становится проблема истощения природных ресурсов и загрязнения окружающей среды в результате активного хозяйственно-экономического развития. Становится очевидным, что экономические, хозяйственные решения должны быть надежны в природоохранном плане. В среде специалистов, связанных с проблемами взаимодействия общества и природы, формируется понимание того, что если некоторые предлагаемые технико-экономические решения разрушают ту природную среду, на которой они базируются, то их нельзя признать надежными и, следовательно, результативными. Так, нельзя признать надежным и оправданным ведение сельского хозяйства, которое сопровождается разрушением почв, ведение лесного хозяйства, разрушающего леса, и т.д. Однако то, что было совершенно ясно применительно к техническим системам, на практике оказалось далеко не так ясно применительно к экологическим решениям. «Никто не будет выбирать вариант плотины для гидроэлектростанции, которая сможет простоять не больше 10 лет, аргументируя тем, что страна остро нуждается в электроэнергии. Но тезис о том, что стране необходим лес, нередко еще служит аргументом в пользу принятия таких планов лесозаготовки, которые разрушают лесные массивы», – писал советский экономист, специалист по проблемам взаимосвязи производства и окружающей среды Павел Григорьевич Олдак [1. С. 123]. Необходимо было гармонизировать экономические и экологические аспекты в рамках хозяйственной деятельности человека.

Экономические аспекты экологического регулирования начинают активно обсуждаться на международном уровне. В 1970-х гг. при ООН действовал Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП), который помогал поиску компромисса в вопросах охраны природы и объединял 29 стран (СССР, страны Европы, Азии, Северной и Южной Америки), 9 международных ассоциаций. МСОП издавал журналы «Бюллетень МСОП», «Ежегодный отчет МСОП». В докладах отмечалось, что охрана природы жизненно необходима, так как экологические проблемы будут нарастать из-за форсированного развития экономики, которая, в свою очередь, не замедлится из-за растущей численности населения. Поэтому надо проводить экологические исследования и действовать в международных масштабах [2. С. 98]. ООН активно стремилась гармонизировать защиту природы и потребности раз-

вития. В докладе ООН «Наше общее будущее» были приведены доказательства того, что экономический рост можно отделить от соответствующего давления на окружающую среду [3].

В 1972 г. состоялась Стокгольмская международная конференция по окружающей среде, в которой СССР по политическим причинам участия не принял. Однако советские ученые к ней готовились и солидаризировались с основными ее результатами. Принятые на конференции рекомендации были учтены и легли в основу разработки «Политики Советского Союза в области охраны окружающей природной среды». Данный документ был представлен на международной выставке ЭКСПО-74 в США [4]. Согласно этому документу, Советский Союз признавал глобальный характер экологических проблем и предлагал для их решения принципы социалистического природопользования.

В 1970-е гг. в СССР на государственном и экспертном уровнях начинают активно разрабатываться экономико-экологические аспекты рационального природопользования. 19–20 сентября 1972 г. на IV сессии Верховного Совета СССР VIII созыва, посвященной проблемам охраны природы и рационального природопользования, министерства и ведомства были подвергнуты критике за недостаточное внимание к этим вопросам. На сессии впервые была дана оценка экологических проблем и их роли в жизни человека с точки зрения социологии и экономики [5]. Необходимость решения экологических проблем, борьба за благоприятную природную среду становятся частью актуальной политической повестки [6. С. 90–91].

В 1970-е гг. были приняты различные нормативно-правовые акты, касающиеся регулирования рационального природопользования, а также предприняты попытки гармонизации экономико-экологических отношений. Перечислим основные: 1972 г. – Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов»; 1977 г. – Конституция СССР; 1978 г. – Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов».

В Конституции СССР 1977 г. имелось сразу несколько статей, имеющих природоохранную тематику. Статья 18: «В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, расти-

тельного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды». Статья 67: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства». Статья 42: «Граждане СССР имеют право на охрану здоровья (это право обеспечивается в том числе мерами по оздоровлению окружающей среды)» [7].

Вице-президент Международного союза охраны природы Андрей Григорьевич Банников отмечал, что проблемы охраны природы в 1970-х гг. делились на две группы: с одной стороны, охрана живой природы и рациональное использование возобновляемых ресурсов; с другой стороны, охрана чистоты окружающей среды, в том числе рациональное потребление невозобновимых ресурсов. И так как вторая группа проблем на момент девятой пятилетки была наиболее актуальной не только в СССР, но и во всем мире, он призывал решать вопросы охраны природы на наднациональном, международном уровне, в сотрудничестве с ООН [8. С. 78].

В декабре 1974 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» был создан отдел охраны природы при Госплане СССР, который позволил внести существенные изменения в процесс планирования. Главной задачей этого отдела являлась разработка проектов сводных перспективных и годовых планов охраны природы и рационального использования природных ресурсов. Новизна и специфика работы по планированию природоохранных мероприятий потребовали решения в короткий срок большого круга вопросов, особенно в области создания методической и нормативной базы.

Для создания системы научно обоснованных технико-экономических норм и нормативов под руководством специалистов отдела в Научно-исследовательском институте планирования и нормативов (НИИПН) при Госплане СССР и отраслевых институтах велась работа по созданию более совершенных методических указаний и природоохранных норм и нормативов, направленных на усиление обоснованности, пропорциональности, сбалансированности планов и повышение эффективности природоохранных мероприятий [9. Л. 33]. Были разработаны и переданы в отраслевые министерства и ведомства указания по разработке норм водопотребления и водоотведения в промышленности, рекомендации по разработке нормативов для планирования рационального использования полезных ископаемых, подготовлены указания, касающиеся воздухоохраных нормативов и др. В январе 1980 г. руководством Госплана СССР была утверждена «Временная методика определения экономической эффективности затрат в мероприятиях по охране окружающей среды», разработанная по инициативе и при непосредственном участии института экономики АН СССР [9. Л. 34].

Велась работа по созданию методики для определения экономического ущерба, причиняемого народному хозяйству загрязнением окружающей природной среды. Совместно с Госстроем и Государственным комитетом науки и техники (ГКНТ) разрабатывались методические указания по составлению территориаль-

ных комплексных схем охраны природы, роль которых заключалась в повышении научной обоснованности увязки природоохранных мероприятий по сферам в сочетании с развитием промышленного и сельскохозяйственного производства, градостроительства и другими факторами хозяйственной деятельности человека, влияющими на окружающую природную среду. Был подготовлен проект технического задания на разработку подсистемы Автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР) «Охрана природы» и согласованы координационные планы совместных работ с институтами Минводхоза СССР, Минсельхоза СССР, Госкомгидромета, Гослесхоза СССР и рядом других организаций по разработке отдельных блоков подсистемы. Большинство расчетов проекта плана на 1980 г. были выполнены с помощью ЭВМ Главного вычислительного центра (ГВЦ) Госплана СССР. Отдел принимал участие или являлся непосредственным разработчиком ряда законодательных актов СССР, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, определявших основные направления природоохранной деятельности в стране [9. Л. 35].

С 1975 г. раздел «Охрана природы и рациональное использование природных ресурсов» стал включаться в производственные планы министерств и ведомств вплоть до конкретных предприятий. Каждый годовой и пятилетний план с 1975 г. предусматривал значительные бюджетные ассигнования на охрану природы и рациональное использование ресурсов. Затраты на охрану окружающей среды перешли на бухгалтерский учет предприятий, и им было поручено отчитываться по ним. Эти меры обещали не только сохранение окружающей среды, но и сокращение потерь природных ресурсов и, следовательно, более высокую производительность в долгосрочной перспективе [10].

Была создана разветвленная система органов, занимавшихся вопросами охраны природы, усложнялась их структура. Бюрократизированная и громоздкая система, однако, функционировала: экологические проблемы признавались государством, мероприятия, направленные на снижение антропогенного воздействия и охрану природы, проводились, а бюджетные ассигнования на эти цели включались в планы народного хозяйства. Стоит отметить комплексный подход к деятельности по охране природы, разработку методик определения размеров экологического ущерба в экономической интерпретации и степени эффективности мер по охране природы, различных нормативов, регулирующих вредные выбросы предприятий, множество нормативно-правовых актов, расширение системы природоохранных ведомств. В дискуссиях о роли природы в производственном процессе в СССР участвовали экономисты, оказывая влияние на формирование советского экологического законодательства. Именно они разработали нормы загрязнения для колхозов, шахт и заводов и новые нормы управления природными ресурсами [11], которые использовались в дальнейшем развитии регулирующих государственных органов.

Проблемы охраны природы активно освещались в СМИ: появлялись соответствующие разделы в газетах, тематические рубрики в журналах. Это отражало

взгляды ученых на то, что необходимо формировать социальное экологическое сознание путем привлечения ресурсов периодической печати (в частности, следить за тем, чтобы в печать попадали статьи природоохранной тематики) [12, 13]. В дискуссии активно включились экономисты, публиковавшие свои научные статьи не только в тематических журналах (экологический журнал «Человек и природа», научный журнал «Природа», «Литературная газета», «Наука и жизнь», «Энергия: экономика, техника, экология» и т.д.), но и в газетах, например в «Известиях» и «Правде» [14, 15]. Но основные идеи советских экономистов прослеживаются в ежемесячном журнале Госплана СССР «Плановое хозяйство».

«Плановое хозяйство» – это журнал Госплана СССР, в котором публиковались научные статьи политической и экономической тематики. Журнал издавался ежемесячно, начиная с марта 1924 г. Основные разделы журнала: «Вопросы экономической теории», «План и практика хозяйствования», «Проблемы научно-технического прогресса», «Актуальные задачи народного хозяйства», «Критика и библиография», «Информация», «По следам наших выступлений», «Научная жизнь», «В помощь политическому и экономическому образованию трудящихся», «Территориальное планирование и экономика районов». Периодически, в зависимости от тематики номеров, добавлялись разделы, содержащие информацию о странах СЭВ, странах с рыночной экономикой, встречах и дискуссиях, хозяйственном опыте и т.д.

Таким образом, тематика журнала и его периодичность позволяют провести анализ дискуссий ученых, партийных деятелей, руководителей министерств и ведомств в рассматриваемый период. Поэтому для того, чтобы выяснить, как соотносились экономика и экология в IX–XI пятилетках, был проведен контент-анализ 180 выпусков журнала «Плановое хозяйство» за 1971–1985 гг.

В ходе контент-анализа проанализировано 3 925 статей из 180 выпусков. Под статьями природоохранной тематики в данном анализе понимаются научные статьи, которые содержат различную информацию (исследования, предложения и пр.), касающуюся вопросов охраны природы:

- дискуссии относительно стоимости природных ресурсов;
- статистические отчеты по результатам проведения природоохранных мероприятий;
- предложения по совершенствованию природоохранного законодательства;
- выступления государственных деятелей по вопросам охраны природы;
- предложения по повышению экономической эффективности использования природных ресурсов (рациональное и комплексное их использование);
- предложения по совершенствованию распределения бюджетных ассигнований, направленных на проведение природоохранной политики.

В девятой пятилетке около 3% всех статей в журнале «Плановое хозяйство» было посвящено вопросам природосбережения, вторичного использования ресур-

сов, утилизации отходов и прочим мероприятиям по охране природы. Это можно объяснить повышением внимания государства и общества к вопросам охраны природы. В начале 1970-х гг. СССР поддержал общемировые тенденции энвайронментализма, признавал и стремился решить назревшие экологические проблемы путем внедрения различных нормативно-правовых актов, основывавшихся на научных исследованиях и международном опыте, создавал сеть учреждений природоохранной направленности.

В десятой пятилетке интерес к охране природы многократно возрос, и экономисты стали чаще публиковать статьи природоохранной тематики (около 5% от общего количества статей). Это было связано с повышением международного общественного внимания к охране природы (например, в 1977 г. состоялась конференция ООН в Тбилиси по образованию в области охраны окружающей среды, которое помогло бы вовлечь в решение проблем охраны природы население) и с позиции высшего руководства СССР, в частности Л.И. Брежнева, подчеркивавшего в своих официальных выступлениях необходимость беречь природные ресурсы и полнее использовать их. В 1980 г. по инициативе СССР состоялась генеральная ассамблея ООН, принявшая резолюцию «Об исторической ответственности государств за сохранение природы», и только в этом году экономисты опубликовали 18 статей природоохранной тематики против обычных ежегодных 5–7).

В XI пятилетке (1981–1985) интенсивность международной и внутрисоветской экономико-экологической повестки снизилась и внимание экономистов к охране природы и рациональному использованию природных ресурсов медленно пошло на спад. Публиковалось все меньше научных статей, посвященных мерам по охране природы (всего в пятилетке было опубликовано около 2% подобных статей). Однако, говоря о мерах, принимаемых государством по защите природы, можно отметить, что многие предложения, выдвигавшиеся экономистами ранее, были учтены. Так, например, совершенствовались нормы и нормативы предельно допустимых концентраций вредных веществ в окружающей среде, устанавливались дополнительные выплаты для предприятий, которые эти нормативы превышали, а для сотрудников организаций, которые укладывались в нормативы, предусматривалось стимулирование.

В СССР в девятой–одиннадцатой пятилетках (1971–1985) неоднократно проводились конференции, посвященные охране окружающей среды, а также оценке стоимости природных ресурсов. Так, в рамках конференции «Хозрасчетные рычаги эффективного использования материальных, трудовых, финансовых и природных ресурсов» стоит отметить выступление доктора экономических наук, Дмитрия Семеновича Львова, который отмечал, что множество различных методик оценки природных ресурсов уведут государство от прибыли, которое оно могло бы получить при разработке единой, унифицированной, сквозной методики [16. С. 125]. На заседании Межведомственной комиссии по комплексному использованию полезных ископаемых при Госплане СССР в 1983 г. говорилось

о необходимости рекультивации поврежденных земель, привнесении в добычу полезных ископаемых достижений научно-технического прогресса [17].

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 28 октября 1987 г. «О перестройке деятельности и организационной структуры Госплана СССР» в структуре Госплана СССР были созданы подразделения научно-технического прогресса и группы специалистов по охране окружающей среды, которые должны были более тесно взаимодействовать между собой и координировать свою деятельность в вопросах планирования развития науки и техники природоохранного значения [18. Л. 171]. В этом направлении удалось сделать, к сожалению, не очень много. За пределами государственного планирования по развитию науки и техники в СССР остались такие вопросы, как разработка, освоение производства и поставка на предприятия средств контроля за состоянием атмосферного воздуха и источниками его загрязнения, в том числе предусмотренных директивными органами, прогрессивных систем нейтрализации отработавших газов двигателей внутреннего сгорания, поставка принципиально новых видов приборов для контроля токсичности и дымности автомобилей в условиях эксплуатации.

Таким образом, в СССР было создано нормативно-правовое обеспечение, учитывающее экономические аспекты охраны природы и рационального природопользования, устанавливались санкции за несоблюдение природоохранного законодательства, существовали нормы и нормативы загрязнений воды, воздуха и т.д., а в планы народного хозяйства с 1975 г. на регулярной основе закладывались бюджетные ассигнования на меры по охране природы и рациональному природопользованию. Очевидно, что некоторые оценки зарубежных авторов конца 1980 – начала 1990-х гг. о том, что в СССР «уделяли внимание только увеличению промышленного производства, игнорируя все остальное» [19. С. 22], слишком упрощают существовавшую в реальности картину.

Естественно, было много и нерешенных проблем. Показателем успешности проводимых природоохранных мер считались объемы денежных средств, выделяемых на их реализацию без учета долгосрочного социально-экономического результата. Был плохо проработан механизм ответственности за нарушение природоохранного законодательства. Также нужно отметить, что советское правительство стремилось во что бы то ни стало интенсифицировать производственный процесс, действуя в условиях жесткого планирования «сверху», практически не оставляя предприятиям шанса самостоятельно влиять на свое производство. Нарращивание промышленного потенциала постоянно опережало рост мощностей природоохранных объектов. В результате для снижения уровня загрязнения окружающей среды до установленных нормативных требований в местах расположения предприятий топливно-энергетического, металлургического и химико-лесного комплексов требовались объемы капитальных вложений, соизмеримые с затратами, направляемыми на основное производство.

Начало 1970-х – первая половина 1980-х гг. – период активных дискуссий и поиска путей гармонизации экономики и экологии в рамках советской государственной модели. На данном этапе происходила разработка системы эколого-экономического регулирования, обосновывались методики подсчета стоимости природных ресурсов, их включения в план народного хозяйства. Выделялись реальные бюджетные средства на природоохранную деятельность и рациональное природопользование. Экологическое регулирование было неотъемлемой частью широкой производственной программы советского экономического руководства, которому, однако, мешали реализовываться идеологические и политические ограничения. С одной стороны, к мнениям ученых прислушивались, на их основе разрабатывались нормативно-правовые акты, нормы и нормативы загрязнения, выделялись бюджетные ассигнования. С другой стороны, идеологические цели очень часто превалировали над экологическими.

Список источников

- Олбак П.Г. Равновесное природопользование. Взгляд экономиста. Новосибирск : Наука, 1983. 128 с.
- Банников А.Г. Генеральная ассамблея международного союза охраны природы и природных ресурсов // Природа. 1970. № 6. С. 98–99.
- Гасанова В.С. Деятельность Организации Объединенных Наций в сфере экологической защиты и ее развития // Молодой ученый. 2015. № 21 (101). С. 585–587.
- Политика Советского Союза в области охраны окружающей природной среды : (представлено в г. Спокане, США, на выставке ЭКСПО-74 23 октября 1974 г.). М., 1974.
- О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов : постановление Верховного Совета СССР от 20.09.1972 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М. : Политиздат, 1974. Т. 9. С. 271–276.
- Материалы XXIV съезда КПСС. М. : Политиздат. 1971. 320 с.
- Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Гарант : информационно-правовой портал. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 26.05.2023).
- Банников А.Г. Международное сотрудничество в деле охраны природы // Природа. 1973. № 1. С. 78–79.
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. Оп. 67. Д. 3388.
- Беречь и умножать природные богатства : решения XXIV съезда КПСС – в жизнь // Плановое хозяйство. 1973. С. 3–6.
- Благосклонов К.Н. Воспитываем мы друзей или врагов природы? // Природа. 1973. № 1. С. 84–85.
- Звонкова Т.В. Человек и ландшафт // Природа. 1973. № 1. С. 81–82.
- Новик И.Б. Улучшать, а не покорять // Природа. 1973. № 1. С. 83–84.
- У подножия Хибин // Известия. 1974. 28 дек.
- За рамками отрасли // Правда. 1975. 30 янв.
- Василов Н. Рациональное использование ресурсного потенциала // Плановое хозяйство. 1979. № 5. С. 124–126.
- О рациональном использовании природных ресурсов // Плановое хозяйство. 1983. № 10. С. 127–128.

18. РГАЭ. Ф. 4372. Государственный плановый комитет СССР (Госплан СССР) Совета Министров СССР. Оп. 67. Д. 8874.
19. Фешбах М., Френдли А. (мл.). Экоцид в СССР: здоровье и природа на осадном положении. М. : Биотехнология : Голос, 1992. 308 с.

References

1. Oldak, P.G. (1983) *Ravnovesnoe prirodopol'zovanie. Vzgl'yad ekonomista* [Equilibrium nature management. An economist's point of view]. Novosibirsk: Nauka.
2. Bannikov, A.G. (1970) General'naya assambleya mezhdunarodnogo soyuza okhrany prirody i prirodnikh resursov [General Assembly of the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources]. *Priroda*. 6. pp. 98–99.
3. Gasanova, V.S. (2015) Deyatel'nost' Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy v sfere ekologicheskoy zashchity i ee razvitiya [Activities of the United Nations in the field of environmental protection and its development]. *Molodoy uchenyy*. 21(101). pp. 585–587.
4. USSR. (1974) *Politika Sovetskogo Soyuz v oblasti okhrany okruzhayushchey prirodnoy sredy : (predstavleno v g. Spokane, SShA, na vystavke EKSP-74 23 oktyabrya 1974 g.)* [The Soviet Union policy of environmental protection: (presented in Spokane, USA, at the EXPO-74 exhibition on October 23, 1974)]. Moscow: [s.n.].
5. The USSR Supreme Soviet. (1974) O merakh po dal'neysheму uluchsheniyu okhrany prirody i ratsional'nomu ispol'zovaniyu prirodnikh resursov: postanovlenie Verkhovnogo Soveta SSSR ot 20.09.1972 [On measures to further improve nature conservation and rational use of natural resources: Decree of the USSR Supreme Soviet of September 20, 1972]. In: Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (eds) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 9. Moscow: Politizdat. pp. 271–276.
6. USSR. (1971) *Materialy XXIV s"ezda KPSS* [Materials of the 24th Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat.
7. The USSR Supreme Council. (1977) *Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (prinyata na vneochednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta SSSR devyatogo sozyva 7 oktyabrya 1977 g.)* [The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Council of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977)]. [Online] Available from: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1977/red_1977/5478732/ (Accessed: 26.05.2023).
8. Bannikov, A.G. (1973) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v dele okhrany prirody [International cooperation in nature conservation]. *Priroda*. 1. pp. 78–79.
9. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 372. *Gosudarstvennyy planovyy komitet SSSR (Gosplan SSSR) Soveta Ministrov SSSR* [The State Planning Committee of the USSR (Gosplan of the USSR) of the Council of Ministers of the USSR]. List 67. File 3388.
10. The CPSU of the USSR. (1973) Berech' i umnozhat' prirodnye bogatstva: resheniya XXIV s"ezda KPSS – v zhizni' [Preserve and increase natural wealth: Decisions of the 24th Congress of the CPSU – in life]. *Planovoe khozyaystvo*. pp. 3–6.
11. Blagosklonov, K.N. (1973) Vospityvaem my druzey ili vragov prirody? [Are we bringing up friends or enemies of nature?]. *Priroda*. 1. pp. 84–85.
12. Zvonkova, T.V. (1973) Chelovek i landshaft [Human and landscape]. *Priroda*. 1. pp. 81–82.
13. Novik, I.B. (1973) Uluchshat', a ne pokoryat' [Improve, not conquer]. *Priroda*. 1. pp. 83–84.
14. *Izvestiya*. (1974) U podnozhia Khibin [At the foot of the Khibiny Mountains]. 28th December.
15. *Pravda*. (1975) Za ramkami otrasli [Beyond the industry]. 30th January.
16. Vasilov, N. (1979) Ratsional'noe ispol'zovanie resursnogo potentsiala [The rational use of resources]. *Planovoe khozyaystvo*. 5. pp. 124–126.
17. Anon. (1983) O ratsional'nom ispol'zovanii prirodnikh resursov [The rational use of natural resources]. *Planovoe khozyaystvo*. 10. pp. 127–128.
18. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. *Gosudarstvennyy planovyy komitet SSSR (Gosplan SSSR) Soveta Ministrov SSSR* [The State Planning Committee of the USSR (Gosplan of the USSR) of the Council of Ministers of the USSR]. List 67. File 8874.
19. Feshbach, M. & Friendly, A. Jr. (1992) *Ekotsid v SSSR: zdorov'e i priroda na osadnom polozhenii* [Ecocide in the USSR: Health and nature under siege]. Translated from English. Moscow: Biotechnologiya: Golos.

Сведения об авторах:

Гололобов Евгений Ильич – доктор исторических наук, профессор, заведующий научной лабораторией исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Тюменского государственного университета (Тюмень, Российская Федерация). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru
Ашихина Дарья Сергеевна – аспирант кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Российская Федерация). E-mail: DAshihina@surgpu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gololobov Evgeny I. – Doctor of historical Sciences, Professor, Head of the Research Laboratory for Historical Research, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation); University of Tyumen, Leading Researcher (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru
Ashikhina Daria S. – PhD student, Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: DAshihina@surgpu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 29.05.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 94/571

doi: 10.17223/19988613/84/2

2 января 1918 г.: день, когда большевики подчинили государственные театры

Петр Николаевич Гордеев

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, petergordeev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается сюжет истории, связанный с установлением советской власти в театрах России в период революции. 2 января 1918 г. в здание Дирекции театров в Петрограде явился отряд красногвардейцев во главе с комиссаром В.В. Бакрыловым. Бакрылов отстранил от работы главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова и уволил служащих его канцелярии. Драматическая и балетная труппы осудили большевиков, но отказались прекращать спектакли, а солисты оперы и технический персонал открыто перешли на сторону новой власти.

Ключевые слова: Революция 1917 года, государственные театры России, большевики, В.В. Бакрылов, Ф.Д. Батюшков, А.В. Луначарский

Для цитирования: Гордеев П.Н. 2 января 1918 г.: день, когда большевики подчинили государственные театры // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 11–17. doi: 10.17223/19988613/84/2

Original article

January 2, 1918: the day when the Bolsheviks subdued the State theatres

Petr N. Gordeev

A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, petergordeev@mail.ru

Abstract. More than two months of confrontation between the People's Commissar for Education A.V. Lunacharsky and Russian State theatres that did not recognize his authority in January 1918 came to its culmination. The decisive day was January 2, when acting on behalf of Lunacharsky and the Soviet government, the Commissar V.V. Bakrylov seized by force the Office of the Chief Commissioner for State theatres, dismissed its employees and suspended F.D. Batyushkov, the Chief Commissioner, who was the leader of anti-Bolshevik resistance in theatres. Despite their significance, these events have not yet been the subject of a special research; this article is the first time that such an attempt has been made. The main sources were the memoirs of a number of theatrical figures (the most important of them are the memoirs of S.L. Bertensson and V.F. Bezpalov), materials of the periodical press and archival documents. The latter were deposited in three repositories – the Central State archive of literature and art of Saint Petersburg (in the case “Statements, certificates and correspondence about the admission and dismissal of employees, part 1” there is a description of the incident itself, presented by the dismissed employees), the Manuscript Department of the Institute of Russian literature (of particular interest is the diary of S.I. Smirnova-Sazonova) and the Department of manuscripts of the Saint Petersburg State Museum of theatrical and musical art – the funds of the latter preserved a number of resolutions showing the attitude of artists to the events taking place.

The government Commissar V.V. Bakrylov, who occupied the Office of the Chief Commissioner for State theaters on the morning of January 2, 1918, not only suspended F.D. Batyushkov, but also required the employees to recognize the power of the Bolsheviks. When the latter refused to obey, they were all dismissed. Actors Yu.M. Yuriev and A.A. Usachev, who were in the Office at that time, were affronted, and the Office itself was smashed. These actions caused outrage in the theatrical circle, and on the same day the troupe of the Alexandrinsky theatre expressed sympathy to F.D. Batyushkov and the injured officials.

However, by this time there had already been many supporters of the Soviet government in the former Imperial theatres. The actions of V.V. Bakrylov and A.V. Lunacharsky were generally supported by the representatives of the technical staff and the soloists of the Mariinsky Opera company. Although the drama actors and, a little later, the ballet dancers condemned the Bolsheviks, they did not cancel the performances, supporting the dismissed only in words. This allows us to confirm that the events of January 2, 1918, were a turning point in the struggle of the Bolsheviks for the subordination of State theatres.

Keywords: Russian revolution of 1917, the State theatres of Russia, the Bolsheviks, V.V. Bakrylov, F.D. Batyushkov, A.V. Lunacharsky

For citation: Gordeev, P.N. (2023) January 2, 1918: the day when the Bolsheviks subdued the State theatres. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 11–17. doi: 10.17223/19988613/84/2

После Октябрьской революции бывшие императорские театры, переименованные в марте 1917 г. в государственные, отказались признавать власть большевиков. Во главе «саботажа» стоял главноуполномоченный комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора по государственным театрам Ф.Д. Батюшков, известный филолог, театральный и литературный критик [1. С. 32–36]. В декабре 1917 г., обменявшись открытыми письмами с А.В. Луначарским, требовавшим сначала подчинения, а затем отставки Батюшкова, последний получил от целого ряда театральных деятелей и учреждений письма с выражением поддержки [2. С. 143–151]. Однако после официального увольнения Батюшкова (приказом за подписью председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина и народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского [3. С. 1]), а также после начавшихся в труппах «паломничества» к Луначарскому и переписки с ним положение главноуполномоченного стало более шатким [4. С. 3; 5. С. 8]. Последняя надежда – на образованный в декабре Совет по управлению государственными театрами – также не оправдалась. 1 января 1918 г. Батюшков писал председателю Союза артистов-солистов оперной труппы Мариинского театра Г.А. Боссэ, отстаивая свое право на учреждение подобного Совета и его правомочность (что тяготевшие к большевикам солисты не признавали и прямо заявили об этом Батюшкову 30 декабря): «Мой ответ имеет, так сказать, исключительно “академический” характер, так как я теперь не ожидаю ни от Совета, ни вообще от своей дальнейшей деятельности при Госуд[арственных] Театрах никаких практических результатов ввиду новых сложившихся обстоятельств» [6. Л. 7; 7. Л. 4 об.–5].

Тем временем 28 декабря А.В. Луначарский, издавший приказ об упразднении «нелепо громоздкой, дорогой бюрократической и корчащей из себя начальство “Конторы”» (так он именовал Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам), а также о назначении «ликвидационной комиссии», в состав которой наряду с представителями артистов и технического персонала должен был войти «назначенный мною полномочный комиссар» [8. С. 1], в очередной раз обратился к Батюшкову, причем теперь в письме звучали откровенные угрозы: «Я даю Вам срок в 24 часа. Если Вы не пришлете мне за это время категорическое заявление о том, что Вы подчиняетесь моему распоряжению, сдаете свою должность и очищаете занимаемую Вами квартиру в трехдневный срок, что Вы отказываетесь от дальнейшей интриги с каким-то Высшим советом, то я обращусь в Военно-следственную комиссию с просьбой немедленно арестовать Вас как чиновника, не подчиняющегося революционной власти и противодействующего ей». Батюшков ответил на этот раз менее уверенно: «Мне не было сообщено, да и теперь Вы не сообщаете, кому я должен “сдать должность” и в чем эта процедура заключается? Сложив полномочия я могу только перед властью, узаконенной Учредительным собранием. Я уже писал Вам, что не скрываюсь и что Вы можете меня арестовать, когда Вам угодно». 30 декабря из Наркомпроса за подписью товарища народного комиссара Г.Д. Закса Батюшкову

было отправлено извещение в том, что «Л.Д. Мецнер уполномочен принять от Вас все дела по управлению государственными театрами» [9. С. 59–60]. Отметим, что управляющий Канцелярией главноуполномоченного по государственным театрам Л.Д. Мецнер был технической фигурой и доверием большевиков не пользовался (что доказало его увольнение несколько дней спустя); новой власти было прежде всего важно устранить популярного и упрямого Батюшкова, а фамилия его преемника значила не столь много.

На этот раз Батюшков решил выполнить требование новой власти. Не позднее 1 марта 1918 г. (датируется по пометке на документе) он писал А.В. Луначарскому: «Согласно полученной мной бумаге за подписью тов. народного Комиссара по просвещению, Гр. Закса, от 30-го дек. 1917 г., № 147, я передал дела по управлению Государств[енными] Театрами Л.Д. Мецнеру (бумага получена мной 31 дек.), причем г. Закс на ... (неразборчивое слово, возможно «словах». – П.Г.) мне заверил, что Канцелярия остается и не будет нарушена автономия отдельных Трупп Госуд[арственных] Театров. Сообщение о передаче мною дел управляющему Канцелярией должно было появиться в “Вестнике Канцелярии” в ближайший срок, но, очевидно, в новый год этот номер не мог быть напечатан» [10. Л. 4].

После Нового года настало время действовать тому самому «полномочному комиссару», о появлении которого А.В. Луначарский (перешедший теперь, как иронизировал эмигрант Н.А. Горчаков, «к подлинно советским методам» [11. С. 30]) предупреждал театральную общественность, – революционеру, левому эсеру, а после революции фольклористу и участнику Вольфилы Владимиру Васильевичу Бакрылову [12]. Последний был не чужд сцене: кассиры и служащие Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам в январе 1918 г. вспоминали, что этот «совсем молодой человек, бывший студент» – «большой театрал», который «обращался многократно с просьбой “записать билеты” к бывшему заведующему театральными кассами Н.М. Шишко» [13. С. 4]. Впрочем, на этот раз он повел себя не так, как можно было бы ожидать от записного поклонника Мельпомены и Терпихоры.

Сам Луначарский вспоминал о завершающем этапе своей борьбы с Батюшковым: «Я назначил для введения некоторого внешнего административного порядка в театрах и для постоянного наблюдения за их повседневной жизнью молодого левое эсера Бакрылова в качестве комиссара государственных театров. Этот молодой революционер показал свою энергию и умение при своеобразном завоевании нами Министерства народного просвещения. Товарищ Бакрылов был человеком немного нажимистым и несколько самоуверенным, но его твердая рука хотя кое-где и прижимала довольно больно тот или иной пункт, но оказалась, на первое время по крайней мере, целесообразной. Некоторые говорили потом, что с Бакрыловым повеяло новым воздухом» [14. С. 281]. «Бакрылов очутился под кровлей государственных театров в самое горячее время – самое горячее, по крайней мере с политической точки зрения, – принял на себя и, в свою очередь,

отбил все удары, которые, как легко себе представить, сыпались на него в достаточном количестве. Человек порывистый и нервный, Бакрылов, быть может, порой излишне восстанавливал против себя, но все это в большой степени оправдывалось обстановкой тех дней», – вспоминал артист В.Ф. Безпалов, в описываемое время – комендант петроградских государственных театров, близкий к большевикам [15. С. 111–112]. Схожие впечатления оставил Бакрылов у В.Н. Всеволодского-Гернгросса, вспоминавшего в 1927 г.: «Государственные театральные круги были невероятно взволнованы поведением Бакрылова: он действительно вел себя крайне радикально. Бакрылов был человек молодой, с темпераментом, и, вполне возможно, были некоторые резкости, но главное было в том, что управление государственных театров чувствовало, что налагается советская рука, и Бакрылов был олицетворением этой руки, и естественно, что против него было большое возбуждение; по-видимому, он допускал и кое-какие нетактичности» [16. С. 264]. «Своими энергичными действиями в конторе он в несколько дней разорил очаг, подогревавший саботажнические настроения в труппе», – одобрительно писал в своих мемуарах Б.А. Горин-Горайнов [17. С. 147]. Сам Бакрылов, впрочем, оценивал свою деятельность без излишнего пафоса: несколько лет спустя в ответ на просьбу театроведа Е.М. Кузнецова «написать воспоминания о его работе в государственных театрах», он сказал: «Какой я комиссар!.. Не был я комиссаром!.. Я был просто вышибалой...» [15. С. 120].

В выявленных документах сохранилось несколько описаний событий 2 января 1918 г., произошедших в историческом здании Дирекции императорских театров на Театральной улице. Одно из первых и наиболее подробных принадлежит Ф.Д. Батюшкову. В его архиве, отложившемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, сохранился черновик обращения к художественно-репертуарным комитетам трупп («как органам самоуправления артистичес[ких] коллективов») по поводу разосланной 2 января всем труппам резолюции служащих Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам, «на которую до сих пор не последовало ответа». Батюшков, напоминая об этом спустя несколько дней (даем примерную датировку исходя из содержания), подталкивал артистов к выражению солидарности чиновникам.

«Обстоятельства дела таковы, – напоминал главноуполномоченный. – 2-го января, до начала присутствия, явившимися большевиками во главе с Народн[ым] (Бакрылов именовался правительственным, а не народным комиссаром. – П.Г.) Комиссаром Бакрыловым было занято помещение Канцелярии, куда сходящиеся служащие не были допущены. Это вынудило их собраться наверху в приемной Главноуполномоченного, куда явился вскоре гражд[анин] Бакрылов. Заявив, что Канцелярия считается упраздненной, тем не менее, дескать, в интересах театров работа ее не должна прекращаться, г. Бакрылов предложил служащим немедленно приступить к занятиям под его руководством, при непременно условии признания власти Народн[ых] Комиссаров. Таким образом, управляющий Канцеля-

рией Л.Д. Мецнер фактически уже оказался отстраненным. В ответ на выраженное требование служащие, обсудив положение, вынесли уже сообщенную артистам резолюцию, в которой ясно была формулирована мысль, что если труппы найдут возможность продолжать свою деятельность при создавшемся положении, то все они немедленно встанут на работу именно в интересах Госуд[арственных] Театров. Выслушав эту резолюцию, гражд[анин] Бакрылов объявил, что все служащие считаются уволенными и приступил к приемке дел. Уступая насилию, служащие сдавали ключи, причем подвергались грубым оскорблениям, случайным свидетелем которых оказался артист Госуд[арственных] Театров Юрьев, подвергшийся, в свою очередь, резкому оскорблению со стороны гр. Бакрылова, потребовавшего удаления Ю.М. Юрьева из Канцелярии. Точно так же пришедшего за своим паспортом в Канцелярию артиста Госуд[арственных] Театр[ов] А.А. Усачева удалили в самой резкой форме. В тот же вечер разослана бумага служащим, пользующимся казенными квартирами, об очищении этих квартир в семидневный срок. В Канцелярии водворились неведомые люди, и что там происходит, неизвестно, но служащие уже четвертый день ничего не знают о своей участи, причем большинство не получило содержания.

Подтверждая свою готовность обслуживать Госуд[арственные] Театры, служащие ожидают от артистов решения вопроса – как же им быть, ввиду разгона Канцелярии, насильственного удаления служащих, которым объявлено об их увольнении, тогда как они ни на минуту не прерывали своей работы, пока не оказались запертыми двери Канцелярии? Желают ли артисты, чтобы служащие Канцелярии продолжали свою службу Театрам, и каковы их намерения в отстаивании условий, делающих такую работу возможной?

Позволю себе напомнить, что и комиссар Луначарский подтвердил на собрании артистов-солистов, что никакого признания законности большевистской власти от служащих при Госуд[арственных] Театр[ах] не требуется. Между тем комиссар Бакрылов именно потребовал от людей, стоящих совершенно вне политики, заявления их политического сгедо и придрался к отказу высказаться о большевистской политике, которая лишь не признавалась общегосударственной, чтобы выкинуть на улицу лишенных всякого обеспечения тружеников» [18. Л. 1–1 об.].

Любопытно, что уволенные служащие, обращаясь в феврале 1918 г. (в документе указано, что со времени их увольнения прошел «шестинедельный срок») в новый, организованный уже при большевиках Совет государственных театров с просьбой «о скорейшем рассмотрении вопроса о восстановлении нас в служебных правах по Канцелярии Государственных Театров», излагали события 2 января почти дословно по приведенному выше обращению Ф.Д. Батюшкова [10. Л. 6–6 об., 9–9 об.]. По всей видимости, чиновники не посчитали нужным сочинять свой текст, когда в их распоряжении был документ, составленный приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, другом и корреспондентом А.П. Чехова, В.Г. Короленко и А.И. Куприна [19. С. 178–195].

Об упоминаемом в письме Ф.Д. Батюшкова оскорблении, нанесенном В.В. Бакрыловым Ю.М. Юрьеву и А.А. Усачеву, говорят и другие источники. Инцидент подробно описан в воспоминаниях С.Л. Бертенсона (возможно, перепутавшего спустя сорок лет Усачева с актером Ю.В. Корвин-Крюковским): «Не обошлось без драматических выступлений: в самый разгар разгрома в канцелярию зашли артисты Александринского театра Юрьев и Корвин-Крюковский и стали громко выражать протест Бакрылову и тем, кто его сопровождал. Особенно волновался Корвин-Крюковский. Он стал в эффектную позу, простер руки по направлению видневшегося из окна Александринского театра и сказал: “Вы видите это здание? Клянусь моими сединами (и он показал на свою седую голову), что ни один из вас не переступит порога этого здания!” Самое ближайшее время показало, что эти громкие слова были ничем другим, как трескучей театральной фразой: актерам неизбежно пришлось подчиниться силе» [20. С. 243]. В дневниковой записи С.И. Смирновой-Сазоновой, сделанной в тот же день, 2 января 1918 г., со слов ее дочери, актрисы Л.Н. Шуваловой, этот эпизод изложен несколько иначе – главным героем в нем предстает Ю.М. Юрьев: «Контора госуд[арственных] театров разогнана и занята красногвардейцами. Батюшкову и всем конторск[им] чиновникам приказано очистить казенные квартиры. Карпов и Зилотти уже не управляющие труппами, эта должность уничтожается, Карпов будет просто режиссером. Юрьева, кот[орый] пришел в контору, комиссар выгнал. Юрьев, уходя, сказ[ал] ему: “Попробуйте явиться в нашу труппу, вы увидите, к[ак] она вас примет!”» [21. Л. 157].

О том, что происходило 2 января 1918 г. (по данным прессы, «захват» Канцелярии состоялся в 11 часов дня [22. С. 6]) в здании Дирекции театров, сохранились любопытные мемуарные свидетельства. С.Л. Бертенсон, бывший в 1917 г. заведующим постановочной частью петроградских государственных театров, вспоминал в эмиграции спустя много лет: «2 января 1918 года, спускаясь рано утром по лестнице своей квартиры в канцелярию, я увидел, что в подъезде и в передней находятся несколько солдат с винтовками и что наш старорежимный швейцар, верой и правдой прослуживший в театральном доме много лет, совершенно растерян и подавлен. Оказалось, что советский комиссар явился со стражей, чтобы принять соответственные меры. Комиссар этот, молодой человек лет восемнадцати по фамилии Бакрылов, прошел в канцелярию и приказал всем служащим собраться в кабинете у Батюшкова для того, чтобы выслушать требования власти. Приказание это было исполнено. Бакрылов начал с того, что задал вопрос, признаем ли мы советскую власть? На это последовал единогласный отрицательный ответ. Тогда он заявил, что не признающие эту власть должны немедленно сдать ему свои должности и все служебные бумаги, а Батюшкову, кроме того, было сказано, что в его квартире будет произведен обыск. Подчинение силе было неизбежно, – Бакрылов опирался на солдат с винтовками. Каждый из нас отправился по своим местам в канцелярии и стал подготавливать сдачу дел» [20. С. 242–243].

Е.М. Кузнецов, редактировавший воспоминания коменданта петроградских государственных театров В.Ф. Беспалова, поместил в примечаниях к тексту своеобразный очерк о В.В. Бакрылове, с которым Кузнецов был знаком лично. Колоритное описание событий этого дня было сделано им со слов самого Бакрылова и потому особенно интересно: «Все входы были заперты, а у главного подъезда поставлена стража. В служебном кабинете Батюшкова были произведены обыск и выемка служебных бумаг, после чего были созваны все работники дирекции (всегда отличавшейся довольно пухлым штатом), которым Бакрылов кратко объявил, что с сегодняшнего дня все они уволены, должны немедленно очистить помещение и завтра сюда допущены уже не будут. Часть служащих разбежалась; некоторые оставались у своих столов, прибирая бумаги, и Бакрылов вспоминал, как у какого-то стола он размашистым движением сбросил гору папок, рассыпавшихся бумажным дождем под испуганные крики чиновника

– “Фьюить!.. По всей этой бумажной трухе, понимаете, – говорил он, выразительно присвистывая: фьюить!..”» [15. С. 116]. Отметим, что варварское поведение Бакрылова вполне вписывается в его образ, запомнившийся Батюшкову, Бертенсону и другим современникам событий («При разгроме большевиками конторы уцелел только один кабинет старшей кассирши, – отметила 3 января 1918 г. в дневнике С.И. Смирнова-Сазонова. – В остальных помещениях все было вскрыто и разбросано» [21. Л. 161]). Однако его отношение к служащим Канцелярии в этом эпизоде передано не совсем точно: прежде увольнения их попытались «привести к присяге» большевистскому правительству. Бакрылов, как отмечал по свежим следам журналист «Наших ведомостей» (бывших «Биржевых»), «направился в контору, где все служащие находились в сборе. Им был задан вопрос, будут ли они работать под властью большевиков. Служащие потребовали дать им некоторое время для обсуждения этого вопроса. После недолгого совещания служащие вынесли следующее решение: они будут работать с большевиками только в том случае, если их также признают и артисты, а сейчас они приступить к занятиям не могут». После этого Бакрылов, не настроенный ждать, объявил об увольнении всего состава Канцелярии главноуполномоченного [23. С. 8]. Увольнению подвергся 41 человек во главе с управляющим Канцелярией Л.Д. Мещнером [10. Л. 8–8 об.].

Несмотря на запугивание со стороны представителей новой власти, чиновники не сдавались. В тот же день они провели общее собрание, выработавшее резолюцию (которая уже упоминалась выше, в «обращении» Ф.Д. Батюшкова), отправленную труппам артистов. Вот ее текст: «Мы, служащие Канцелярии Государственных Театров, выслушав предложение представителя “Совета Народных Комиссаров” приступить немедленно к работе под руководством уполномоченного от этого Совета лица, постановили:

Ввиду того, что работа Канцелярии неразрывно связана с деятельностью Государственных Театров и к политике никакого отношения не имеет, возобновить

деятельность Канцелярии лишь по выяснении вопроса об отношении артистов всех трупп к проекту реформы Государственных Театров, предложенному г. Луначарским, а также о том, будут ли функционировать Государственные Петроградские Театры при создавшемся положении». «По уполномочию Общего Собрания служащих» резолюцию подписали их «выбранные делегаты» – Л.Д. Мецнер и бухгалтер Д.А. Поспеев [10. Л. 7]. Отметим, что разгром В.В. Бакрыловым Канцелярии главноуполномоченного вызвал у артистов, насколько можно судить, смешанные чувства: к возмущению самоуправством большевиков примешивалось некоторое злорадство по адресу «чиновников». И С.И. Смирнова-Сазонова, и ее дочь Л.Н. Шувалова придерживались правых, резко антибольшевистских взглядов, при этом первая из них записала в дневнике (в тот же день, 2 января) о взгляде дочери на произошедшее: «О разгоне канторы она не жалеет. Это б[ыло] чиновничье гнездо, присосавшееся к театру. Они вдесятером делали дело, для кот[орого] довольно б[ыло] одного, и держали себя величественно с актерами, около кот[орых] кормились, мало того, занимали казен[ные] квартиры в дирекции. Оказывается, канторскими чиновниками б[ыло] занято 16 квартир» [21. Л. 158].

Несмотря на такие настроения, вероятно, не высказываемые публично, актеры Александринского театра, на экстренное собрание которых в тот же день явился Ф.Д. Батюшков с рассказом «о насильственном занятии Канцелярии Государственных театров и о разгоне всех ее служащих именующим себя Правительственным Комиссаром по Государственным театрам» и резолюцией служащих Канцелярии, встали на сторону последних. Александринцы постановили «одобрить действия служащих канцелярии и выразить им свое сочувствие», а также «протестовать против насилия, учиненного над избранником автономной труппы Ф.Д. Батюшковым и над канцелярией, обслуживающей автономную труппу Александринского театра, но тем не менее продолжать спектакли и репетиции, преодолевая все сопряженные с упразднением канцелярии трудности, и только в случае полной невозможности отвечать за нормальную работу в театре, в зависимости театра от канцелярии, прекратить всякую работу в Александринском и в Михайловском театрах» [24. С. 4]. Оговорка о продолжении спектаклей, конечно, несколько подрывала декларируемую артистами солидарность с уже уволенными чиновниками.

Тем временем В.В. Бакрылов пытался склонить отдельных служащих на свою сторону. «Не успел я начать приводить в порядок бумаги в моем служебном кабинете, – вспоминал С.Л. Бертенсон, – как открылась дверь и появился Бакрылов. Усевшись в кресло возле моего письменного стола, он начал следующую речь: “Товарищ Бертенсон! Мне известно, что работники Государственных театров вас ценят и вам доверяют. Почему бы вам не остаться работать с нами? Я уверен, что все пошло бы у нас гладко и хорошо”. Я отвечал, что считаю советскую власть незаконной и, кроме того, не могу нарушать общего постановления всех Государственных служащих вообще и нашего управления в частности не работать с этой властью и

потому от его предложения отказываюсь. Бакрылов быстро со мною расстался, и через каких-нибудь полчаса мне был вручен приказ об моем увольнении, подписанный Луначарским, и другой приказ, подписанный Бакрыловым, о выезде из казенной квартиры в трехдневный срок» [20. С. 243]. Гораздо больше сочувствия новое руководство встретило у технического персонала. В тот же день, 2 января, к Бакрылову «явилась депутация от портных Александринского театра, которая заявила, что она признает власть большевиков» [23. С. 8].

Тогда же Бакрылов направил официальное обращение в «комитет оперной труппы Мариинского театра» с предложением «делегировать одного товарища» для работы в «Комиссии по реорганизации управления Государственными театрами». 3 января на общем собрании артистов-солистов Мариинской оперы под председательством В.Э. Мейерхольда было решено направить делегатом в эту комиссию режиссера П.И. Мельникова, а кандидатами певцов В.И. Лосева и В.С. Шаронова, чем фактически артисты подтвердили легитимность переворота, произведенного Бакрыловым в управлении театрами [7. Л. 3, 9 об.]. Артисты балетной труппы, в свою очередь, определили свое отношение к событиям на собрании 8 января: хотя они и поддержали на словах служащих Канцелярии («работа Канцелярии Государственных Театров должна быть продолжена, как учреждения, обнимающего собою заведывание всеми отраслями театрального хозяйства, нарушение деятельности которого отразится сейчас пагубно и на деятельности Гос[ударственных] Театров»), а также отметили, что «ликвидация и реорганизация Канцелярии должна быть произведена только представителями всех групп, входящих в состав Гос[ударственных] Театр[ов], и с их согласия», однако на прекращение спектаклей все-таки не пошли, обусловив продолжение работы сохранением своей «автономии» [25. Л. 1].

Рассмотрев фактическую сторону событий 2 января 1918 г. в театральном ведомстве, представляется возможным подвести некоторые итоги.

Во-первых, следует отметить, что накануне проведенного под руководством В.В. Бакрылова захвата здания Управления государственными театрами Ф.Д. Батюшков уже был готов передать свои полномочия Л.Д. Мецнеру, как того требовал А.В. Луначарский. Однако грубость Бакрылова, его обращенное к служащим требование признать новую власть и затем их увольнение резко обострили потухавший уже конфликт. Во-вторых, обратившись к артистам государственных театров, Батюшков и чиновники Канцелярии главноуполномоченного получили поддержку только у актеров Александринского театра и, спустя некоторое время, в балетной труппе Мариинского театра; солисты оперной труппы и технический персонал выразили готовность работать с Бакрыловым. В-третьих, даже александринцы и артисты балета, высказав возмущение разгоном Канцелярии (первые выразили также поддержку лично Батюшкову), не стали прекращать спектакли, не используя тем самым последнее и наиболее сильное средство борьбы, бывшее в их распоряжении. В-четвертых, нерешительная и

половинчатая реакция артистов и служащих, не признававших власть Совета народных комиссаров, на проведенную под руководством Бакрылова силовую

акцию позволяет заключить, что большевики одержали 2 января 1918 г. важную победу над «саботажниками» из бывших императорских театров.

Список источников

1. Золотницкий Д.И. Академические театры на путях Октября. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1982. 343 с.
2. Гордеев П.Н. «В лице Вашем имеем дело с кристально чистым человеком» : письма деятелей культуры Ф.Д. Батюшкову. Декабрь 1917 г. // Исторический архив. 2016. № 1. С. 143–151.
3. По ведомству государственных театров // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 15 дек.
4. Артисты Михайловского театра у Народного Комиссара по просвещению // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 29 дек.
5. Письмо артистов Гос. Мариинского театра к нар. комиссару А.В. Луначарскому // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. 24 дек.
6. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 66. ГИК 8624/117.
7. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 68. ГИК 23238/5.
8. Распоряжение Народного Комиссара по просвещению о временном порядке самоуправления Петроградских Государственных театров // Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 29 дек.
9. Первые мероприятия Наркомпроса по управлению театрами (декабрь 1917 г.) / подг. В.Д. Зельдович // Исторический архив. 1959. № 1. С. 50–60.
10. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 260. Оп. 1. Д. 48.
11. Горчаков Н.А. История советского театра. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1956. 414 с.
12. Розанов Ю.В. Фольклорист и театральный деятель Владимир Бакрылов: страницы биографии // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 3. С. 32–36.
13. Новый комиссар В.В. Бакрылов // Новая Петроградская газета. 1918. 5 янв.
14. Луначарский А.В. На советские рельсы // Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М. : Сов. Россия, 1968. С. 275–286.
15. Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. Л. : Academia, 1927. 136 с.
16. «День воспоминаний» в РИИ о театральной жизни 1917–1918 гг. Публикация Ю.Е. Галаниной // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств. Сообщения. Публикации. Обзоры. СПб. : Рос. ин-т истории искусств, 2016. Вып. 6. С. 227–290.
17. Горин-Горайнов Б.А. Актеры : (из воспоминаний). Л.–М. : Искусство, 1947. 156 с.
18. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. № 15636.
19. Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 856 с.
20. Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. Холливуд, 1957. 414 с.
21. Рукописный отдел Института русской литературы РАН. Ф. 285. № 67.
22. К конфликту в государственных театрах // Театр и искусство. 1918. № 1. С. 5–6.
23. Захват большевиками канцелярии гос. театров // Наши ведомости. 1918. 3 янв.
24. Театральное эхо // Новая Петроградская газета. 1918. 7 янв.
25. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 66. ГИК 8624/118.

References

1. Zolotnitskiy, D.I. (1982) *Akademicheskie teatry na putyakh Oktyabrya* [Academic theaters on the ways of October]. Leningrad: Iskusstvo.
2. Gordeev, P.N. (2016) “V litse Vashem imeem delo s kristal'no chistym chelovekom”: pis'ma deyateley kul'tury F.D. Batyushkovu. Dekabr' 1917 g. [“We find you a crystal-clear man to deal with”. Letters of cultural figures to Fyodor Batyushkov. December 1917]. *Istoricheskij arhiv – Historical archive*. 1. pp. 143–151.
3. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva*. (1917a) Po vedomstvu gosudarstvennykh teatrov [The Department of State Theatres]. 15th December.
4. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva*. (1917b) Artisty Mikhaylovskogo teatra u Narodnogo Komissara po prosveshcheniyu [Actors of the Mikhailovsky theatre at the People's Commissar for Education]. 29th December.
5. *Izvestiya Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Petrogradskogo Soveta Rabochikh i Soldatskikh Deputatov*. (1917) Pis'mo artistov Gos. Mariinskogo teatra k nar. komissaru A.V. Lunacharskomu [Letter from actors of the State Mariinsky Theatre to the People's Commissar Anatoly V. Lunacharsky]. 24th December.
6. *Department of Manuscripts of the St. Petersburg State Museum of Theater and Musical Art*. Fund 66. GIK 8624/117.
7. *Department of Manuscripts of the St. Petersburg State Museum of Theater and Musical Art*. Fund 68. GIK 23238/5.
8. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva*. (1917) Rasporyazhenie Narodnogo Komissara po prosveshcheniyu o vremennom poryadke samoupravleniya Petrogradskikh Gosudarstvennykh teatrov [Order of the People's Commissar for Education on the Provisional Order of Self-Government of the Petrograd State Theatres]. 29th December.
9. Zeldovich, V.D. (1959) Pervye meropriyatiya Narkomprosa po upravleniyu teatrami (dekabr' 1917 g.) [The first events of the People's Commissariat of Education for the management of theaters (December 1917)]. *Istoricheskij arkhiv*. 1. pp. 50–60.
10. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. Fund 260. List 1. File 48.
11. Gorchakov, N.A. (1956) *Istoriya sovetskogo teatra* [The History of the Soviet Theatre]. New York: Izd-vo im. Chekhova.
12. Rozanov, Yu.V. (2018) Fol'klorist i teatral'nyy deyatel' Vladimir Bakrylov: stranitsy biografii [Folklorist and theatre worker Vladimir Bakrylov: Pages of biography]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*. 3. pp. 32–36.
13. *Novaya Petrogradskaya gazeta*. (1918) Novyy komissar V.V. Bakrylov [The new Commissar Vladimir V. Bakrylov]. 5th January.
14. Lunacharsky, A.V. (1968) *Vospominaniya i vpechatleniya* [Memories and Impressions]. Moscow: Sovetskaya Rossiya. pp. 275–286.
15. Bezpalov, V.F. (1917) *Teatry v dni revolyutsii 1917* [Theatres in the days of the revolution of 1917]. Leningrad: Academia.
16. Galanina, Yu.E. (2016) “Den' vospominaniy” v RII o teatral'noy zhizni 1917–1918 gg. [“Day of Memories” in RII about theatrical life 1917–1918]. In: *Iz fondov Kabinetov rukopisey Rossiyskogo instituta istorii iskusstv. Soobshcheniya. Publikatsii. Obzory* [From the collections of the Office of Manuscripts of the Russian Institute of Art History: Messages. Publications. Reviews]. Vol. 6. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 227–290.
17. Gorin-Goraynov, B.A. (1947) *Aktery: (iz vospominaniy)* [Actors: (From the memoirs)]. Leningrad; Moscow: Iskusstvo.
18. The Manuscript Department of the Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences. № 15636.
19. Gordeev, P.N. (2019) *Gosudarstvennyye teatry Rossii v 1917 godu* [State theatres of Russia in 1917]. St. Petersburg: RSPU.
20. Bertenson, S.L. (1957) *Vokrug iskusstva* [Around the Art]. Hollywood: [s.n.].
21. The Manuscript Department of the Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences. Fund 285. № 67.

22. Anon. (1918) K konfliktu v gosudarstvennykh teatrakh [To the conflict in state theatres]. *Teatr i iskusstvo*. 1. pp. 5–6.
23. *Nashi vedomosti*. (1918) Zakhvat bol'shevikami kantselyarii gos. teatrov [Capture by the Bolsheviks of the Office of State Theatres]. 3rd January.
24. *Novaya Petrogradskaya gazeta*. (1918) Teatral'noe ekho [The theatrical echo]. 7th January.
25. Department of Manuscripts of the St. Petersburg State Museum of Theater and Musical Art. Fund 66. GIK 8624/118.

Сведения об авторе:

Гордеев Петр Николаевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: petergordeev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gordeev Petr N. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Russian History (XIX–XXI centuries) of the Institute of History and Social Sciences of the A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: petergordeev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2020; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 10.01.2020; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 94:727:378.4(571.16)

doi: 10.17223/19988613/84/3

Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект

Илья Александрович Дунбинский

Томский государственный университет, Томск, Россия, dunbunskiy@mail.ru

Аннотация. На основании документов, хранящихся в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского, Государственном архиве Томской области, а также в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, реконструируется история деятельности Строительного комитета, связанная с возведением зданий Императорского Томского университета. Раскрывается роль В.М. Флоринского в этом процессе, изучаются основные проблемы в организации строительства Сибирского университета и пути их решения.

Ключевые слова: Строительный комитет, Сибирский университет, строительство, В.М. Флоринский, Томск

Для цитирования: Дунбинский И.А. Возведение зданий Сибирского (Томского) университета как общероссийский проект // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 18–26. doi: 10.17223/19988613/84/3

Original article

Construction of buildings of the Siberian (Tomsk) University as an all-Russian project

Ilya A. Dunbinskiy

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dunbunskiy@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to study the activities of the Construction Committee on the organization of construction of the buildings of the Imperial Tomsk University, as well as to study the contribution of V.M. Florinsky in this process. The object of the study is the history of the construction of the Imperial Tomsk University, and the subject is the activities of the Construction Committee, aimed at organizing the construction of the university buildings.

To solve the tasks, the author of the article analyzed archival documents and magazines of the Construction Committee, on the basis of which the main circle was identified with the problems faced by the members of the Construction Committee in organizing the construction of the university. Documents of personal origin were examined, as well as V.M. Florinsky's personal contribution to the organization of construction. Then, the analyzed archival documents were compared with the sources of personal origin of the Construction Committee members. After that, the information was transformed into a system of actions of the Construction Committee, which was aimed at organizing the construction of buildings of the Siberian University and solving problems arising during this process. In the final part of the study, the impact of the actions of the Construction Committee on the process of construction of the university buildings was considered.

As a source of research, it is worth mentioning, firstly, the materials from the State Archives of the Tomsk Region, which allowed us to study the terms of the concluded contracts and assess the amount of work performed during the erection of the university buildings; secondly, the magazines of the Construction Committee, kept by the Department of Manuscripts and Book Monuments of the TSU Scientific Library, which reflect the official part of the relationship of the Construction Committee, both state institutions and contractors. Thirdly, the documents kept in the National Museum of the Republic of Tatarstan in the Fund of V.M. Florinsky, on the basis of which the memories of the members of the Construction Committee about the process of building the university were reconstructed, should also be mentioned.

In the course of the study, the author came to the conclusion that, despite the very beginning of the work, the Construction Committee was placed in extremely unfavorable conditions, but it still managed, as planned, to build a significant part of the university complex by 1885, and open the first university in the Asian part of Russia by 1888. During the construction of the university, many advanced technologies of the time, unique for Siberia, were applied. In addition, thanks to the private donations that were organized by the members of the Construction Committee, by the time the university was opened, one of Russia's largest libraries was located within its walls, and the museums organized by the Imperial Tomsk University had the largest and, in many ways, unique collections.

Keywords: Construction Committee, Siberian University, construction, V.M. Florinsky, Tomsk

For citation: Dunbinskiy, I.A. (2023) Construction of buildings of the Siberian (Tomsk) University as an all-Russian project. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 18–26. doi: 10.17223/19988613/84/3

Изучая историографию, посвященную дореволюционной системе высшего образования, следует отметить, что большинство научно-исследовательских работ посвящено изучению отдельных факультетов, институтов, лабораторий (С.А. Некрылов, И.А. Сергачев, А.Н. Шишкин [1–3]) либо определенным аспектам существования высшего учебного заведения, например профессорско-преподавательскому корпусу или студенческим корпорациям (А.Е. Иванов, Е.А. Ростовцев, М.Г. Грибовский [4–6]). Практически не освещенной остается история создания этих высших учебных заведений. Отчасти это объясняется отсутствием должного количества архивного материала, отчасти тем, что данная тема все еще ждет своих исследователей.

На этом фоне значительно выделяется история Императорского Томского университета, чьи уникальные архивные материалы, посвященные процессу его организации и строительства, хранятся как в Томске, так и в Казани, где находится личный архив устроителя университета В.М. Флоринского. В этой связи цель статьи – на основании ранее не опубликованных документов изучить и реконструировать уникальный процесс строительства первого университета в азиатской части России, а также проанализировать деятельность В.М. Флоринского как его ключевого организатора.

Как известно, 16 (28) мая 1878 г. указом императора Александра II был учрежден Сибирский университет в Томске [7. Ст. 58527]. К непосредственному строительству Сибирского университета приступили лишь через два года. За это время были решены вопросы, связанные с началом строительных работ: составлены чертежи и сметы на возведение зданий, определены источники финансирования, а также выбран способ организации строительных работ.

В связи с постоянной нехваткой средств в казне из-за продолжавшейся русско-турецкой войны (1877–1878), а также желая привлечь дополнительные частные пожертвования, по предложению В.М. Флоринского [8. 1878. 22 апр.] строительство университета было решено начать хозяйственным способом. Возведение университета подобным способом было уникальным решением для того времени, так как большинство учрежденных ранее университетов Российской империи занимали уже имеющиеся помещения и не требовали для своих нужд строительства отдельного комплекса зданий. В целях организации строительных работ в Томске В.М. Флоринским было предложено организовать Строительный комитет, в который должна была войти часть властной региональной элиты [9. С. 39–40].

14 марта 1880 г. императором Александром II был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета в городе Томске [10. Ст. 60655], находившийся в ведении Министерства народного просвещения. Председателем Строительного комитета был назначен томский губернатор В.И. Мерцалов [11. Л. 1]. Кроме председателя в состав Строительного комитета в разное время входили: председатель Томского губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов (1880–1881) [9. С. 230], председатель Томского губернского правления Н.Н. Петухов (1881–1888),

томский купец I гильдии, городской голова З.М. Цибульский (1880–1882) [12. 1882. 10 дек.]; управляющий Томской казенной палатой М.А. Гиляров (1883–1891) [12. 1883. 13 июня]; архитектор М.Ю. Арнольд (1880–1881) [13. Л. 4], которого через некоторое время сменил архитектор П.П. Наранович (1881–1891) [14], а также член Строительного комитета от Министерства народного просвещения на весеннее и летнее время, профессор Казанского университета В.М. Флоринский (1880–1885) [12. 1885. 1 авг.].

В период отсутствия последнего в Томске право его голоса передавалось делопроизводителю Строительного комитета, сотруднику Министерства народного просвещения А.С. Белявскому (1880–1886) [12. 1886. 29 янв.], который, находясь в постоянной, тесной переписке с В.М. Флоринским, всегда отстаивал его точку зрения на организацию строительства университета.

С первых дней работы Строительного комитета перед его членами встал ряд немаловажных вопросов, касающихся как выделения дополнительного участка для строительства университета, пересмотра сметы на материалы и работы по возведению зданий и строений, так и поиска, закупки нужных для строительства материалов, найма рабочей силы, необходимой для быстрой и качественной реализации планов по постройке зданий и строений Сибирского университета.

Уже 3 июня 1880 г., на первом заседании Строительного комитета, членами комитета было обращено внимание на тот факт, что на территории общей площадью в 54 510 саж.² (250 746 м²) [15. С. 16], которая 26 июня 1877 г. была пожертвована Томской городской думой [16. Л. 6], расположить предполагаемые по смете и чертежам обсерваторию, Ботанический сад с оранжереями и теплицами было невозможно. Объяснялось это тем, что для осуществления данного замысла, как записано в журнале, «пришлось бы вырубить всю [городскую] рощу», а «здания [университета] были бы очень скучены, [и] при разбитии ботанического сада осталось бы слишком мало пространства» [12. 1880. 3 июня].

В связи с этим, а также принимая во внимание тот факт, что «город располагает пустопорожней местностью, примыкающей к университетской земле и весьма удобной для устройства Ботанического сада с оранжереями и теплицами, а также обсерватории» [12. 1880. 3 июня], по предложению В.М. Флоринского Строительный комитет направил прошение в Томскую городскую управу об уступке дополнительной территории [16. Л. 3–4].

26 июля 1880 г. Томская городская управа на основании постановления Томской городской думы передала Строительному комитету в «вечную и неотъемлемую собственность Сибирского университета» [16. Л. 11–11 об.] городское место, расположенное в Юрточной части города Томска на углу Большой Садовой улицы и Московского тракта [17. С. 4].

Согласно плану, составленному городским землемером Дягилевым, с востока эта территория ограничивалась Большой Садовой улицей, с запада – Московским трактом, городским выгоном и кузнечным переулочком, с севера – Московским трактом, Богоугодными

заведениями Томского приказа общественного призрения, городской оброчной статьей и пустопорожным местом городской земли, а с юга – Буткеевской улицей и Лазаретным переулком [12. 1880. 18 авг.]. Суммарно площадь, переданная университету, составила 15 десятин (свыше 16 га).

В своем отчете Министерству народного просвещения о командировке в Томск летом 1880 г. для закладки главного здания будущего университета В.М. Флоринский писал: «Сибирскому университету городом уступлено около 15 десятин земли, т.е. такое количество земли, какое не имеет ни один из садов наших университетов. Место, избранное мною, представляет собой все удобства для древесных, кустарных, цветочных и других растений как по своему гористому с низменностями и оврагами расположению, так и потому, что на означенной местности находятся уже: довольно большой пруд и колодец, требующие некоторой очистки, и родник для орошения растений» [18]. Сочетание этих благоприятных факторов позволило уже осенью 1880 г. приступить к началу работ на территории, отведенной под Ботанический сад.

Не менее важным вопросом для членов Строительного комитета стала проблема переоценки сметы. По первоначальной смете архитектора А.К. Бруни на возведение главного университетского здания с жилыми флигелями, двумя служебными домами и службами требовалось 367 641 руб. 28 коп., для анатомического корпуса – 34 100 руб. 71 коп., для каменной часовни для покойников – 1 650 руб. 78 коп., для терапевтической и хирургической клиники – 70 825 руб. 88 коп., для женской клиники – 54 201 руб. 1 коп., для Ботанического отдела – 20 914 руб. 97 коп., для газового завода – 41 727 руб. 88 коп., для водопровода – 15 903 руб. 20 коп., для обсерватории с двумя башнями – 15 196 руб. 72 коп., наконец, на планировку местности, устройство мостовых дорог, заборов и прочее – 26 152 руб. 3 коп. Итого по смете на строительство всего университетского комплекса отводилось 648 312 руб. 47 коп. [12. 1880. 31 дек.]

Уже на первом заседании Строительного комитета его члены отметили «непреодолимые затруднения в приобретении всех вообще строительных материалов: бутового камня, кирпича, извести, песка, и, наконец, в найме рабочих сил». Дело в том, что при составлении вышеозначенных чертежей и смет архитектор А.К. Бруни руководствовался справочными ценами на строительные материалы и рабочую силу, которые были предоставлены Министерству народного просвещения Томской городской думой в 1877 г. [12. 1880. 3 июня]. Однако к моменту начала строительных работ в связи с «введением попенных денег, увеличением цен на дрова, и лес» [19. 1880. 21 окт.] «все без исключения цены, как на материалы, так и на рабочие силы», выросли от 30 до 100% [12. 1880. 31 дек.]. Так, например, средняя цена на кирпич составила 14 руб. за 1 000 шт., на бутовый камень 17 руб. за куб, а на известь 15 коп. за пуд, в то время как в 1877 г. средняя цена на кирпич составляла 8 руб. за 1 000 шт., на бутовый камень 8 руб. за куб, а на известь 12 коп. за пуд [20. Л. 12–13, 19–20].

Выделенной на возведение Сибирского университета суммы в 648 312 руб. 47 коп. оказалось недостаточно. В связи с этим Строительный комитет, желая предотвратить обвинения в свой адрес о неизбежном перерасходе выделенных средств, поручил новому архитектору Сибирского университета П.П. Нарановичу переоценить сметы.

В результате переоценки на строительство главного университетского здания с жилыми флигелями, двумя служебными домами и службами потребовалось 725 407 руб. 88 коп., для анатомического корпуса – 68 158 руб. 54,5 коп., для каменной часовни для покойников при анатомическом театре – 3 166 руб. 52,5 коп., для терапевтической и хирургической клиники – 149 466 руб. 67 коп., для женской клиники – 106 748 руб. 4,5 коп., для ботанического отдела – 39 112 руб. 22,25 коп., для газового завода – 47 672 руб. 77,75 коп., для водопровода – 15 903 руб. 20 коп., для обсерватории с двумя башнями – 29 256 руб. 83 коп., наконец, на планировку местности, устройство мостовых дорог, заборов и прочее – 35 695 руб. 39 коп. [12. 1880. 31 дек.]

Помимо переоценки первоначальной сметы, утвержденной Министерством народного просвещения, П.П. Наранович составил дополнительную смету, включив в нее те статьи, которые были намеренно упущены архитектором А.К. Бруни [19. 1880. 31 дек.], как, например, «оштукатурка главного здания, установление решетки вокруг университетского места» и т.д. [12. 1880. 10 дек.]

Увеличение же суммы, предназначенной на планировку местности, устройство дорог и прочее, почти в два раза объяснялось необходимостью благоустроить обширную территорию, которая была дополнительно подарена Томской городской думой Сибирскому университету [12. 1880. 31 дек.].

Таким образом, в результате переоценки и включения дополнительных сумм, не учтенных в первоначальном варианте сметы, составленной А.К. Бруни, общая сумма, необходимая для окончательного возведения университета, была увеличена с 648 312 руб. 47 коп. до 1 220 567 руб. 51,5 коп. [12. 1880. 31 дек.]

Поскольку средств на продолжение работ у Строительного комитета не хватало, по ходатайству членов комитета были переведены на нужды университета: пожертвование П.Г. Демидова на открытие университета в Тобольске (1803), возросшее к тому времени до 189 054 руб. [12. 1882. 6 апр.], и пожертвование З.М. Цибульского в 140 тыс. руб. на открытие университета в Томске, возросшее до 158 тыс. руб. [21. Л. 1; 22. С. 10]

Помимо этого, как уже упоминалось выше, Строительный комитет с момента начала своей работы занимался подготовкой строительных материалов и наймом рабочей силы. «Оказывается, – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, – что на томском рынке нет ни камня, ни леса, ни кирпича, ни извести. Существует пять или шесть кирпичных заводов, но все они в совокупности вырабатывают в год не более одного миллиона кирпичей для всех городских надобностей, преимущественно на печи, на фундаменты и мелкие постройки. Рассчитывать на это производство Строи-

тельный комитет не может не только в нынешнем, но и в будущем году. <...> В таком же положении извест и лесной материал. Комитет получил разрешение вырубить до 30 тыс. бревен в томской тайге без попенной пошлины, но эту операцию можно начать только будущей зимой» [9. С. 161]. Более подробно работа Строительного комитета по поиску строительных материалов и найму рабочей силы описана в статьях «Деятельность Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения зданий Сибирского университета в Томске» [23] и «Деятельность Строительного комитета по найму рабочей силы для возведения зданий Сибирского университета в Томске» [24].

Вернемся к непосредственному строительству Сибирского университета в Томске. 26 августа 1880 г. Строительным комитетом и Томским городским управлением была организована торжественная закладка Сибирского университета в городе Томске [25. С. 1].

Специально для церемонии закладки на месте, где предполагалось построить главный университетский корпус, был возведен «особый временный крытый павильон», чтобы защитить присутствующих от возможного дождя и «дать возможность открыть акт на самом месте закладки при участии возможно большего числа публики» [25. С. 2].

Среди лиц, приглашенных на закладку университета, были как местные жители, так и приехавшие из крупнейших городов Сибири: Красноярска (П.А. Родственный, П.Н. Ковригин, Г.А. Ларионов), Минусинска (М.П. Попов), Бийска (А.В. Соколов), Барнаула (Н.А. Давыдович-Нащинский, М.Б. Пранг, И.В. Федулов). Кроме того, от учебного ведомства Западной Сибири был приглашен главный инспектор училищ Н.Я. Максимов, а от учебного ведомства Восточной Сибири – инспектор училищ Енисейской губернии А.С. Еленев [25. С. 2].

В полдень 26 августа, после обряда освящения университетской рощи, был торжественно заложен первый камень в фундамент первого в азиатской части России университета. «Я считаю своею священной обязанностью, – говорил в своей речи на закладке В.М. Флоринский, – выразить здесь всем... ревнителям отечественного просвещения искреннюю и глубокую благодарность от лица всех, кому дороги успехи русского научного прогресса. Слава вам, доблестные граждане русской земли! Внуки и правнуки наши не забудут вашего имени, на вечные времена связанного с сооружаемым ныне рассадником сибирского просвещения. Пройдут десятки и сотни лет, не только город Томск, но и вся Сибирь изменит свой вид, но следы ваших патриотических поступков неизменно останутся в стенах нашего Университета в назидание потомкам, напоминая им о гражданском долге бескорыстного служения отечеству. Дай Бог, чтобы такое общение Университета и общества продлилось и на будущее время. Взаимная любовь и взаимная помощь да будут заветом дальнейшего существования нашего дорогого учреждения! При обоюдной помощи и взаимодействии да процветет наш Сибирский университет и да разольются чрез него на всю необъятную сибирскую

землю мудрость, гражданская доблесть и общее благоденствие!» [25. С. 19–20].

Кроме В.М. Флоринского на закладке с торжественными речами выступили председатель Строительного комитета В.И. Мерцалов, архитектор М.Ю. Арнольд и член Строительного комитета А.И. Дмитриев-Мамонов. Завершился праздник 27 августа торжественным обедом, на котором был организован сбор пожертвований на строительство дома общежития для студентов.

После торжественной закладки Императорского Томского университета Строительный комитет перешел к организации строительных работ. Так, с июля 1880 г., получив в свое распоряжение землю, переданную в дар Сибирскому университету Томской городской думой, Строительный комитет приступил к очистке местности от деревьев, кустарника и пней под постройку главного университетского корпуса. Была осуществлена выемка 230 саж.³ (2 231 м³) земли для фундамента в средней части главного здания. «Вечером ездили в университетскую рощу (так мы стали называть ее теперь) вместе с В.И. Мерцаловым, Мамоновыми и Цибульскими, – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, описывая начало строительства университета, – часть рощи начали уже рубить на дрова, чтоб очистить место под постройки. Это первый акт разрушения, которое, к сожалению, обыкновенно предшествует почти всякому созиданию» [9. С. 180].

Тогда же была произведена бутовая кладка 55 саж.³ (533 м³) фундаментных стен [26. Л. 384], а также положено 2,5 тыс. кирпичей на разгрузочные арки фундамента. «Утром был на постройках, – писал в том же дневнике В.М. Флоринский, – там роют канавы под центральную часть здания, а в конце недели, может быть, удастся начать забутовку, хотя бы одной передней стенки. К несчастью, погода стоит скверная, канавы и шурфы заливаются дождевой водой» [9. С. 189].

Из вспомогательных работ на 1880 г. необходимо отметить два вырытых колодца для снабжения водой места постройки, сооружение забора вокруг места постройки протяженностью в 536 пог. саж.; возведение двух известковых сараев [12. 1880. 18 авг.], а также проложенную «для сокращения пути и удобства подвозки строительных материалов дорогу со стороны р. Томи» протяженностью в 150 пог. саж. «с мостом и гатью по болотистому месту и с выемкой земли по кособору» [27. Л. 1–3].

С наступлением осенне-зимнего времени активный период строительных работ завершился. Это было связано не только с суровым сибирским климатом, но и с тем, что в это время при строительных работах вместо раствора цемента для скрепления элементов кладки использовался раствор из извести, песка и воды. Такой раствор не застывал достаточно долго лишь в теплое время года, поэтому кладка велась исключительно в весенне-летний период и заканчивалась с установлением стабильной холодной погоды.

Строительные работы в следующем году начались 24 апреля 1881 г. с изъятия земли для подвальных этажей и под фундамент главного университетского корпуса с флигелями [26. Л. 385]. Помимо этого, из каменных работ стоит отметить, что был выложен весь

фундамент под главный университетский корпус с флигелями – 562,75 саж.³ (5 458,6 м³). Была произведена облицовка кирпичом стен подвального этажа до цоколя и выложены до этой же высоты внутренние кирпичные стены; выложен фундамент под здание химического корпуса и кирпичная кладка стен до второго этажа; выложен фундамент с кирпичной облицовкой стен подвального этажа астрономического дома [26. Л. 385 об.]. «Наш эмбрион, – писал В.М. Флоринский, описывая результаты работы Строительного комитета, – уже обозначается в очертания своих фундаментальных линий. Бутовая кладка фундаментов продолжается довольно успешно. Теперь яснее видны в натуре довольно внушительные размеры главного университетского корпуса. Рабочих достаточно и работа кипит. Если бы не задержка с кирпичом, то в этом году можно было бы вывести стены по меньшей мере всего подвального этажа» [28. Л. 22 об.].

В этот год были построены: деревянный астрономический дом до крыши [12. 1881. 10 нояб.], третий деревянный сарай для хранения извести, а также временный деревянный мост через овраг на ботанический участок для подвоза материалов к строящемуся астрономическому дому. Кроме того, было обеспечено водоснабжение места постройки водой из озера взамен колодцев, оказавшихся неудовлетворительными [12. 1881. 17 июня]. «На ботаническом участке появились уже первые признаки жизни, – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, отмечая темпы строительства университетского комплекса, – через овраг построен мост и вырублен кустарник для дороги. <...> Вот такая живая деятельность в моем вкусе: задумано, решено и тотчас же к делу, без раздумья и проволоочки. К будущей весне дом будет готов, и мы утилизируем его с отличной пользой до времени открытия университета» [28. Л. 30 об.].

15 апреля 1882 г. начался новый сезон строительных работ [12. 1883. 31 марта]. В это время завершилась кладка стен второго этажа химического корпуса и крыши астрономического дома, начатая в конце 1881 г. Однако в полном размере работы развернулись лишь с 3 мая и завершились к 1 октября. За это время был частично построен главный университетский корпус, без жилых флигелей. Полностью с отделкой были окончены химический корпус и астрономический дом [26. Л. 387–389].

В 1883 г. было окончено оштукатуривание центральной части главного университетского корпуса, а также внутренних помещений южного и северного флигелей университета, кладка которых завершилась годом ранее [26. Л. 390].

22 июля 1883 г. был заложен и к осени выстроен вчерне дом общежития для студентов [12. 1883. 19 окт.; 23, 29]. Идея о его организации родилась еще во время торжественного обеда, устроенного по случаю закладки университета 27 августа 1880 г. На приеме, «набросав картину жизни бедных студентов, полную лишений», П.И. Макушин обратился к присутствующим «с воззванием о сборе денег на постройку интерната при университете» [30. С. 271]. «Это предложение, – писал в своих мемуарах А.И. Дмитриев-Мамонов, –

было принято с радостью и тут же на месте было подписано 2 100 руб.; музыканты, игравшие туши во время обеда, вырвали листок из нот и покрыли его своими подписями по мере своих средств, кто рубль, кто два». [31. С. 253]. В результате этого к 1883 г. было собрано на возведение общежития более 24 тыс. руб. [12. 1884. 16 июля], а всего на нужды дома общежития для студентов было собрано более 32 тыс. руб. [32]

После окончания летних работ, зимой 1883–1884 гг., производились настилка черных полов, навеска дверей и устройство лестниц в двухэтажных частях главного корпуса, заготовка сосновых паркетов и дверей для центральной части и для жилых флигелей [29]. В квартирах этих последних ставились деревянные переборки, подшивались потолки с обрешеткой под штукатурку, подготавливались ступенная плита и косяки для лестниц [26. Л. 392].

К сентябрю 1884 г. в церкви и актовом зале был настлан 180 кв. саж. (810 м²) дубового паркета, купленного В.М. Флоринским в Казани по цене в 9 руб. за кв. сажень [19. 1883. 19 сент.]. Во всех других помещениях и в доме общежития студентов полы были простые плотничные из лиственницы [12. 1884. 5 янв.]. С октября 1884 г. была начата окраска внутренних стен клеевыми красками, а в церкви и актовом зале масляными красками; были заготовлены и частью поставлены для главного корпуса ватерклозеты [12. 1884. 13 окт.].

Кроме проведенных отделочных работ были выстроены и отделаны внутри различные университетские службы (каретники, конюшни, ледники, кучерские и дворничьи, прачечная и баня) [26. Л. 393], вчерне построены каменные оранжереи для будущего Ботанического сада, а также были выстроены здание для газового завода и часть стен газгольдера [12. 1884. 13 окт.].

Поскольку для эксплуатации столь огромного здания, как будущий Императорский Томский университет, было недостаточно свечного освещения, а работать лишь в дневное время суток, как это делали университеты в европейской части России, не представлялось возможным, главнейшей работой в 1885 г. стала организация строительства первого для азиатской части России газового завода и водопровода [33]. Кроме того, начиная с 1885 г. В.М. Флоринский занимался меблировкой всего университетского комплекса, включая учебные аудитории, музеи и библиотеку [34].

К 1 сентября 1887 г. все строительные работы были полностью завершены. Всего на строительство университетского комплекса Строительным комитетом было израсходовано 761 923 руб., из 1 220 567 руб. 51,5 коп., которые были выделены казной на строительство Сибирского университета в Томске по второй (переоцененной) смете [22. С. 10].

Несмотря на это, открытие университета откладывалось, поскольку было опасение, что Томский университет станет новым очагом революционного студенчества. «В Департаменте (народного просвещения. – И.Д.), – писал в своем дневнике В.М. Флоринский, – я узнал от Н.М. Аничкова (заместителя министра народного просвещения. – И.Д.) следующее: идея

о Сибирском университете не нравится большинству лиц власть имущих; на это смотрят как на либеральную затею прошлого царствования, – затею не только не нужную, но даже опасную в политическом смысле. По тону этого разговора мне показалось, что и в нашем Министерстве смотрят на Сибирский университет весьма недоверчиво и лишь потому формально не отступают от этого дела, что мысль об нем была возбуждена именно в нашем министерстве» [35. Л. 11–12].

В связи с этим для решения вопроса о судьбе Сибирского университета было созвано «Особое совещание по делу об открытии Сибирского университета». В его работе приняли участие шеф жандармов граф Д.А. Толстой, министр народного просвещения, граф И.Д. Делянов, обер-прокурор К.П. Победоносцев, министр государственных имуществ М.Н. Островский, сенатор А.А. Половцев; министр финансов России И.А. Вышнеградский; попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский и товарищ (заместитель. – *И.Д.*) министра народного просвещения Н.М. Аничков [35. Л. 154–156]. В ходе работы этого совещания большинство членов пришло к заключению, что Императорский Томский университет необходимо открыть, но «на первое время» в составе одного медицинского факультета [35. Л. 164–165], а не четырех, как планировалось изначально. 25 мая 1888 г. Александр III подписал указ об открытии в Томске Императорского Томского университета [36. Ст. 5231].

22 июля 1888 г., в день тезоименитства Государыни Императрицы, в два часа дня состоялось торжественное открытие Императорского Томского университета [37. С. 1]. Начало празднику положил благодарственный молебен епископа Томского и Семипалатинского Исаакия в университетской церкви. Затем В.М. Флоринским в торжественной обстановке был зачитан указ императора Александра III об открытии университета и поздравительные телеграммы от императора, членов императорского дома, министров, городов Сибири, духовных лиц, учебных заведений, различных обществ и государственных деятелей.

Кроме этого, по случаю открытия университета В.М. Флоринским была произнесена торжественная речь. В ней он подчеркнул значение возникающего университета и обозначил нормальные условия его развития, а также его воспитательные и научные задачи. Поблагодарив тех частных жертвователей, которые обогатили учебные средства университета и при помощи которых были выстроены университетские здания, В.М. Флоринский пожелал открывшемуся университету «славы и благоденствия на многие столетия». Вот его слова: «Да сияет он на восточной окраине нашего дорогого отечества как восходящее солнце, оживляя и согревая своими теплыми лучами нравственную атмосферу холодной Сибири! Пусть откроет он в недрах народной жизни источники новых деятельных сил и докажет потомству, что при помощи света, правды и разума можно превратить страну ссылки, скорби и запустения в благоустроенную, равноправную и равносильную с остальными русскими областями, нераздельную часть великого Российского государства» [37. С. 3].

Таким образом, несмотря на то что с самого начала работы Строительный комитет был поставлен в крайне неблагоприятные условия, ему все же удалось, как и планировалось, к 1885 г. возвести значительную часть университетского комплекса, а к 1888 г. – открыть первый университет в азиатской части России. Более того, благодаря рачительной политике Строительного комитета и В.М. Флоринского в частности [38] из выделенных на строительство Императорского Томского университета 1 220 567 руб. 51,5 коп. было сэкономлено 458 644 руб. 51 коп. Свою роль сыграло и привлечение большего числа частных пожертвований.

При строительстве университета были применены многие уникальные для Сибири передовые технологии своего времени. Так, впервые за Уралом, изначально исключительно для нужд будущего Томского университета, пермским инженером Н.А. Ренкулем были построены первый водопровод и первый газовый завод. Последний стал первенцем углеводородной промышленности в азиатской части России [39. 1883. 25 дек.].

Уникально и создание первого в Сибири Ботанического сада, который был способен не только переживать суровые сибирские зимы, но и развиваться, постоянно пополняя свои коллекции. Благодаря этому Ботанический сад Томского государственного университета сегодня обладает одной из богатейших коллекций растений в России, по-прежнему являясь одним из самых северных ботанических садов страны [40].

Благодаря частным пожертвованиям, которые были организованы членами Строительного комитета, к моменту открытия университета в его стенах располагалась одна из крупнейших библиотек России, насчитывавшая свыше 96 тыс. книг [41. С. 18], а организованные при Императорском Томском университете музеи располагали крупнейшими и во многом уникальными коллекциями. Помимо этого, на частные пожертвования были построены первое в России студенческое общежитие, позволившее обучаться в университете выходцам из малообеспеченных семей, а также факультетские клиники, которые стали центром развития и совершенствования врачебной науки в Сибири [42].

В дальнейшем деятельность Императорского Томского университета получала высокие оценки как в отечественной, так и в зарубежной прессе. Так, американская газета “The evening world” писала о Томском университете: «Томский университет хорошо обеспечен помещениями, включая очень большие помещения для клиник. В музеях укомплектован, его отделы имеют богатую археологическую коллекцию и коллекцию анатомических препаратов. Благодаря полученной в самом начале строительства ценнейшей коллекции книг, гравюр, оригинальных рисунков и эскизов графа Строгонова, его библиотека насчитывает более 100 000 томов. Некоторые из этих томов ценнее, чем сокровища в любой европейской столице. Химическая и физическая лаборатории специально предназначены для удовлетворения нужд многочисленных добывающих отраслей в регионе, в то время как Ботанический сад едва ли превосходит в своем многообразии и полноте европейские коллекции» [43. 7 Oct.; 44. 25 Dec.].

Список источников

1. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2009. 48 с.
2. Сергачев И.А. История создания и деятельность рабочих факультетов в вузах центрального Черноземья (1919–1930 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2005. 174 с.
3. Шишкин А.Н. Кафедра терапии Медицинского факультета Санкт-Петербургского государственного университета: история рождения и становления // Медицина. XXI век. 2007. № 6. С. 24–26.
4. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. 1917 г. М. : ИРИ, 1994. 195 с.
5. Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX начало XX в.). М. : РОСПЭН, 2017. 903 с.
6. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус Императорских университетов как социально-профессиональная группа русского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1878. Т. 53, отд. 1. Ст. 58048–58673.
8. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959–409. Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
9. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1884. Т. 55, отд. 1: С 19 февраля 1880 г. по 28 февраля 1881 г. Ст. 14141–14986.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1.
12. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Журналы Строительного комитета.
13. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАТО. Ф. 126 (фонд Управления Западно-Сибирского учебного округа Министерства народного просвещения). Оп. 4. Д. 1765.
15. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Черняк Э.И. и др. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х – 1888 г.) // Томские музеи : сб. док. и ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 3–41.
16. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 10.
17. Сибирский Ботанический сад ТГУ : к 135-летию со дня основания / под ред. Т.П. Астафуровой, А.С. Прокопьева, С.Ф. Фоминых, Е.М. Игнатенко. Томск : ИРО ТГУ, 2015. 70 с.
18. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–277. Отчет профессора Казанского университета по командировке его в г. Томск летом 1880 г.
19. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–896. Письмо В.М. Флоринского А.С. Белявскому из Казани в Томск.
20. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 9.
21. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 46.
22. Речь профессора В.М. Флоринского на празднестве по случаю закладки Сибирского университета в г. Томске 26 августа 1880 г. Томск, 1888. 12 с.
23. Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по приобретению строительных материалов для возведения зданий Сибирского университета в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 16–24.
24. Дунбинский И.А. Деятельность Строительного комитета по найму рабочей силы для возведения зданий Сибирского университета в Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 27–32.
25. Описание праздника, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880. 61 с.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 149. Д. 211.
27. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 7.
28. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–103. Дневниковые записки В.М. Флоринского. 1881 г.
29. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–305. План студенческого общежития Томского университета.
30. Потанин Г.Н. День закладки университетских зданий (30 августа 1880 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 267–273.
31. Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого университета в Сибири (1875–1899): памяти В.М. Флоринского // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 230–267.
32. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 37.
33. Дунбинский И.А. История создания первого газового завода и системы водоснабжения в императорском томском университете // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов XI Междунар. молодежной науч. конф. Томск : Изд. Дом. Том. гос. ун-та, 2015. Вып. 11, т. 1. С. 157–161.
34. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–220. Предложение В.М. Флоринского о меблировании Томского университета. 1881.
35. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–107. Флоринский. В.М. Дневниковые записки. 1887 г.
36. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1890. Т. 8: 1888. Ст. 4933–5685.
37. Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. 76 с.
38. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 15.
39. НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959–688. Письмо Н.А. Ренкуля В.М. Флоринскому из Екатеринбурга в Казань.
40. Зленко К.В. П.Н. Крылов – основатель сибирской ботанической школы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 26 с.
41. Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири : к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 194 с.
42. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. История комплектования музейных коллекций Сибирского (Томского) университета в документах // Томские музеи : сб. док. и ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 41–172.
43. The evening world. New York, NY, 1903.
44. The Holt Country sentinel. Oregon, MO, 1903.

References

1. Nekrylov, S.A. (2009) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.
2. Sergachev, I.A. (2005) *Istoriya sozdaniya i deyatel'nost' rabochikh fakul'tetov v vuzakh tsentral'nogo Chernozem'ya (1919–1930 gg.)* [The history of the creation and activities of working faculties in the universities of the central Chernozem region (1919–1930)]. History Dr. Diss. Voronezh.

3. Shishkin, A.N. (2007) Kafedra terapii Meditsinskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: istoriya rozhdeniya i stanovleniya [Department of Therapy of the Medical Faculty of St. Petersburg State University: the history of birth and formation]. *Meditsina. XXI vek*. 6. pp. 24–26.
4. Ivanov, A.E. (1994) *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii XVIII v. 1917 g.* [Academic degrees in the Russian Empire of the 18th century]. Moscow: IRI.
5. Rostovtsev, E.A. (2017) *Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraya polovina XIX nachalo XX v.)* [University in the capital of the Russian Empire: Academia, society and power (the second half of the 19th – early 20th century)]. Moscow: ROSPEN.
6. Gribovskiy, M.V. (2018) *Professorsko-prepodavatel'skiy korpus Imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiyskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g.* [The teaching staff of the Imperial Universities as a social and professional group of Russian society. 1884 – February 1917]. History Dr. Diss. Tomsk.
7. Russian Empire. (1878) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 53(1). Cl. 58048–58673. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–409. *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskomu iz Tomska v Kazan'* [Letter from A.S. Belyavsky V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan].
9. Florinskiy, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya (1875–1880)* [Notes and memoirs (1875–1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
10. Russian Empire. (1880–1881) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 55(1). Cl. 14141–14986. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
11. The State Archive of the Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 1.
12. The Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Book Monuments. Journals of the Construction Committee.
13. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 3.
14. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 126. List 4. File 1765.
15. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F., Chernyak, E.I. et al. (2010) Nachalo formirovaniya muzeynykh i botanicheskikh kollektsiy pervogo v aziatskoy Rossii Sibirskogo (Tomskogo) universiteta (konets 1870-kh – 1888 g.) [The beginning of the formation of museum and botanical collections of the first Siberian (Tomsk) University in Asian Russia (late 1870s – 1888)]. In: *Tomskie muzei* [Tomsk Museums]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–41.
16. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 10.
17. Astafurova, T.P., Prokoviev, A.S., Fominykh, S.F. & Ignatenko, E.M. (2015) *Sibirskiy Botanicheskiy sad TGU: k 135-letiyu so dnya osnovaniya* [The Siberian Botanical Garden of TSU: to the 135th anniversary of its foundation]. Tomsk: Tomsk State University.
18. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–277. *Otchet professora Kazanskogo universiteta po komandirovke ego v g. Tomsk letom 1880 g.* [Report of a professor of Kazan University on his trip to Tomsk in the summer of 1880].
19. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–896. *Pis'mo V.M. Florinskogo A.S. Belyavskomu iz Kazani v Tomsk* [Letter from Vasily M. Florinsky to A.S. Belyavsky from Kazan to Tomsk].
20. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 9.
21. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 46.
22. Florinsky, V.M. (1888) *Rech' professora V.M. Florinskogo na prazdnestve po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta v g. Tomske 26 avgusta 1880 g.* [Professor Vasily M. Florinsky's speech on the occasion of the laying of the Siberian University in Tomsk on August 26, 1880]. Tomsk: [s.n.].
23. Dunbinskiy, I.A. (2020) Activities of the Construction Committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian university in the city of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 63. pp. 16–24. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/63/2
24. Dunbinskiy, I.A. (2023) Activities of the Building committee for purchasing building materials to establish buildings of the Siberian University in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 27–32. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/83/4
25. Anon. (1880) *Opisanie prazdnestva, byvshego v g. Tomske 26 i 27 avgusta 1880 goda po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the celebration that took place in Tomsk on August 26 and 27, 1880 on the occasion of the laying of the Siberian University]. Tomsk: [s.n.].
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 149. File 211.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 7.
28. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–103. *Dnevnikovye zapiski V.M. Florinskogo. 1881 g.* [Vasily M. Florinsky's Diaries. 1881].
29. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–305. *Plan studencheskogo obshcheshchitiya Tomskogo universiteta* [Plan of a student hostel at Tomsk University].
30. Potanin, G.N. (2014) Den' zakladki universitetskikh zdaniy (30 avgusta 1880 g.) [The day of laying university buildings (August 30, 1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 267–273.
31. Dmitriev-Mamonov, A.I. (2014) K istorii pervogo universiteta v Sibiri (1875–1899): pamyati V.M. Florinskogo [On the history of the first university in Siberia (1875–1899): in memory of Vasily M. Florinsky]. In: Fominykh, S.F. et al. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in the Memoirs of Contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 230–267.
32. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 37.
33. Dunbinskiy, I.A. (2015) Istoriya sozdaniya pervogo gazovogo zavoda i sistemy vodosnabzheniya v imperatorskom tomskom universitete [The history of the creation of the first gas plant and the water supply system at the Imperial Tomsk University]. In: Sorokin, A.N. (ed.) *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Problems of History, International Relations and Documentation]. Vol. 11(1). Tomsk: Tomsk State University. pp. 157–161.
34. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). (1881) Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–220. *Predlozhenie V.M. Florinskogo o meblirovanii Tomskogo universiteta* [Vasily M. Florinsky about furnishing Tomsk University].
35. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). (1887) Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–107. *Florinskiy. V.M. Dnevnikovye zapisi. 1887 g.* [Florinsky V.M. Diary entries. 1887].
36. Russian Empire. (1890) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 8. Cl. 4933–5685. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
37. Anon. (1888) *Otkrytie Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 goda* [Opening of the Imperial Tomsk University July 22, 1888]. Tomsk: [s.n.].
38. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 15.
39. National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). Fund of Vasily M. Florinskiy. № 117959–688. *Pis'mo N.A. Renkulya V.M. Florinskomu iz Ekaterinburga v Kazan'* [Letter from Nikolay A. Renkul to Vasily M. Florinsky from Yekaterinburg to Kazan].

40. Zlenko, K.V. (2006) *P.N. Krylov – osnovatel' sibirskoy botanicheskoy shkoly* [Porfiry N. Krylov – the founder of the Siberian botanical school]. History Cand. Diss. Tomsk.
41. Filimonov, M.R. (1988) *Knizhnaya sokrovishchnitsa Sibiri: k 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [Book Treasury of Siberia: To the 100th anniversary of the opening of the Research Library of Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
42. Fominykh, S.F., Nekrylov S.A., Gribovskiy M.V. et al. (2010) *Istoriya komplektovaniya muzeynykh kollektsey Sibirskogo (Tomskogo) universiteta v dokumentakh* [The history of acquisition of museum collections of the Siberian (Tomsk) University in documents]. In: *Tomskie muzei* [Tomsk Museums]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–172.
43. *The Evening World*. (1903) New York, NY.
44. *The Holt Country Sentinel*. (1903). Oregon, MO.

Сведения об авторе:

Дунбинский Илья Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbunskiy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dunbinskiy Ilya A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbunskiy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2018; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 01.10.2018; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 502.56(571.1):94(571.1)

doi: 10.17223/19988613/84/4

Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е годы: становление и основные направления деятельности

Максим Станиславович Мостовенко

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, reiseleiter@mail.ru*

Аннотация. В фокусе внимания – постоянная комиссия по охране природы при Сургутском горисполкоме, ее состав, полномочия и основные направления деятельности. Подобные комиссии возникли в связи с принятием закона «Об охране природы в РСФСР» на каждом уровне государственной власти. В данном случае именно депутатами постоянной комиссии собиралась первичная информация об экологической обстановке в городе, выносились решения и рекомендации по ее нормализации. Делается вывод о том, что, несмотря на принимаемые меры, экологическая ситуация в городе оставалась напряженной.

Ключевые слова: экологическая история, экологическая история Сибири, Север Западной Сибири, постоянные комиссии по охране природы, экология города

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991».

Для цитирования: Мостовенко М.С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е годы: становление и основные направления деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 27–33. doi: 10.17223/19988613/84/4

Original article

Activities of the Permanent Commission for Nature Protection under the Surgut City Executive Committee in the 1960s and 1980s: formation and main directions of activity

Maksim S. Mostovenko

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, reiseleiter@mail.ru

Abstract. The period of the 1960s–1980s was a turning point in the history of the North of Western Siberia. For 20 years, one of the most powerful energy centers of the country was created in the region, which was considered as economically backward and unpromising. At the same time, the large-scale industrialization of the Siberian North has actualized the problem of environmental well-being. It concerned not only the territory of various deposits, but also urban space. The development of environmental legislation has led to the emergence of permanent commissions for the protection of nature under executive committees of all levels. In this regard, the main goal of the proposed study was to study the activities of the Permanent Committee on Nature Protection under the city executive committee of the city of Surgut, since it was the city commissions that primarily collected information about the environmental situation in the city. In addition, in the process of their activities, they could attract specialists from various departments (sanitary and epidemiological service, prosecutor's supervision, etc.), and also had wide powers in terms of attracting violators of environmental legislation.

The source base of the study contains various materials on the activities of the city commission for the protection of nature, preserved in the funds of the municipal archive of the city of Surgut (fund R-3). This information includes, first of all, the documents of the commission: composition, protocols, reports on activities, certificates on the results of inspections, work plans. Using this corpus of sources allows you to track the range of issues in the area of responsibility, the measures taken to improve the state of the environment, as well as how effectively certain solutions were implemented. In addition, the materials of the fund of the Surgut district inspection of the statistical department (fund R-10) were used. The Surgut Commission for Nature Conservation, established in the late 1960s, was small and focused mainly on the local landscape. However, as it developed, not only its composition expanded, but also the range of problems facing it. By the end of the 1980s, the meetings considered issues of building treatment facilities, ensuring the cleanliness of the atmosphere, and preserving the city's green zone.

In conclusion, it can be noted that despite the measures taken by the permanent commission, the environmental situation in the city of Surgut remained tense. In the field of punishment, the commission was limited only to the imposition of fines.

Keywords: environmental history, environmental history of Siberia, the North of Western Siberia, permanent commissions for the protection of nature, urban ecology

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-28-20115 "The Soviet State and Society in the Process of Understanding and Solving the Environmental Problems of the North of Western Siberia in 1917-1991".

For citation: Mostovenko, M.S. (2023) Activities of the Permanent Commission for Nature Protection under the Surgut City Executive Committee in the 1960s and 1980s: formation and main directions of activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 27–33. doi: 10.17223/19988613/84/4

Период 1960–1980-х гг. стал важной вехой в истории развития Севера Западной Сибири. В короткие сроки здесь был создан крупный энергетический комплекс страны – Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Активное индустриальное развитие данной территории не могло не сказаться на качестве окружающей среды региона, тем самым актуализируя проблему ее охраны. В особенности это касалось пространств развивающихся новых «нефтяных» городов: Сургута, Нижневартовска и др. В связи с этим при разработке генеральных планов строительства городов необходимо было учитывать и природный ландшафт. Это, в свою очередь, ставило вопрос о необходимости интеграции природы в город и максимальном сохранении зеленой зоны. Так, говоря о Сургуте, историк И.Н. Стась отмечает: «Концепции озеленения г. Сургута в 1960–1980-х гг. базировались на идеях максимального сохранения существующей растительности и лесных массивов и развития рекреационных зон за счет гармоничного включения городской застройки в водную систему поймы рек Обь, Сайма, Кедровка и Черная» [1. С. 102].

Необходимость контроля экологической обстановки в городе возрастала в связи не только с промышленным развитием, ростом поселения, но и с формированием природоохранного законодательства. В 1960 г. в РСФСР принимается закон «Об охране природы», согласно его 15-й статье «контроль за исполнением возлагается на Совет министров РСФСР, советы министров АССР, исполнительные комитеты краевых, областных, городских, районных, поселковых и сельских советов депутатов трудящихся, министерства и ведомства» [2]. Принятие этого нормативного документа свидетельствовало о возрастании роли государства в решении экологических проблем страны, а также о расширении прав органов законодательной и исполнительной власти, так как комиссии создавались при советах всех уровней.

Формируемые постоянные комиссии по охране природы обладали широким кругом полномочий: были вправе вызывать с докладами на свои заседания руководителей предприятий, учреждений, организаций и давать свои рекомендации, а также запрашивать необходимые документы и материалы. При этом выданные рекомендации подлежали обязательному рассмотрению, а о принятых мерах организации должны были отчитаться в месячный срок. Однако ввиду особенностей советской системы государственного управления

на практике подобный механизм не всегда работал как должно.

Исследовательская литература по данной проблематике представлена фрагментарно. В основном подобные вопросы рассматривались либо в рамках анализа государственной экологической политики на отдельных территориях [3–7], либо в контексте последствий ускоренной урбанизации региона [8–10]. В рамках региональных сюжетов авторами иллюстрируются особенности работы комиссий, проводится анализ и оценивается эффективность принимаемых решений по тем или иным вопросам.

В данном контексте отдельного внимания заслуживают исследования самарского историка Е.Д. Макеевой [11–13]. На материалах Среднего Поволжья ею подробно освещен региональный опыт действовавших постоянных комиссий по охране природы, выявлен круг рассматриваемых проблем, а также проанализированы причины низкой эффективности деятельности подобного рода комиссий.

Автором настоящего исследования уже предпринималась попытка проследить, как функционировали постоянные комиссии по охране природы в региональном измерении [14, 15]. Предлагаемая работа ставит основной целью рассмотреть процесс деятельности комиссии на примере отдельного города, что даст возможность проанализировать особенности функционирования самой комиссии, изменения ее социального состава и круга вопросов.

Источниковая база исследования представлена материалами муниципального архива города Сургута (Ф. Р-3. Оп. 1) и включает в себя прежде всего делопроизводственную документацию комиссии: протоколы, отчеты о деятельности, справки по итогам проверок, планы работы и т.д. Использование этого корпуса источников позволяет отследить круг вопросов, находившихся в сфере ответственности, принимаемые меры для улучшения состояния окружающей среды, а также эффективность выполнения тех или иных решений.

В первую очередь следует подчеркнуть, что документационное сопровождение деятельности комиссии было строго регламентировано. В архивных фондах сохранился перечень документов, подлежащих обязательному хранению и ведению: 1) протоколы заседаний и материалы к ним; 2) список членов комиссии с указанием Ф.И.О., места работы и должности; 3) список активистов комиссии; 4) распределение обязанно-

стей среди членов комиссии; 5) учет поручений, данных членам комиссии; 6) акты и справки обследований и проверок; 7) содоклады и доклады и т.д.

Первые сведения о деятельности постоянной комиссии по охране природы при сургутском горисполкоме датируются 1967 г. На момент своего возникновения ее численность составляла 5 человек. Председателем комиссии был избран директор школы № 1 А.Н. Сибирцев. Кроме того, в состав комиссии был включен городской прокурор Н.И. Рязанов, к его обязанностям было отнесено взаимодействие с обществом охотников и рыбнадзором. Остальными членами комиссии являлись Л.Н. Ишимцева, весовщик РКК (рыбоконсервного комбината. – М.М.), которая выполняла функции секретаря, Т.А. Худякова, учитель школы № 1, к ее обязанностям относились высадка и разведение цветов и зеленых насаждений, и Д.П. Бабкин, отвечавший за озеленение пос. Рыбников [16. Л. 1].

При этом следует отметить, что вопросы озеленения городского пространства также были отнесены и к компетенции постоянной комиссии коммунального хозяйства и благоустройства. Несмотря на некоторое дублирование функций, в данном случае деятельность комиссии по охране природы была направлена на формирование экологического сознания у школьников (в основном посадка деревьев на территории школ).

Основной круг проблем можно проследить по сохранившимся материалам проверок, а также по докладом на заседаниях, поскольку в них была представлена текущая ситуация с выполнением предприятиями природоохранного законодательства.

Так, например, в рамках плана работы на 1973 г. предполагалось заслушать руководителей РЭБ НГДУ, Рыбокомбината, Речпорта, Сургутгазстроя по вопросам рационального использования и охраны водных ресурсов, а также представителя санэпидстанции по вопросам санитарной очистки города. Вместе с тем при более детальном рассмотрении плана работы комиссии в этот период можно увидеть, что из 11 пунктов плана непосредственно контролю и охране природы посвящены только 4 пункта, остальные связаны с вопросами озеленения и благоустройства [17. Л. 108].

Вторым направлением деятельности стал экологический надзор за строительными организациями, чтобы те в процессе своей работы не разрушали природный городской ландшафт, поскольку в ходе строительства часто уничтожались зеленые зоны. Так, в результате проведенной проверки членами комиссии в середине 1970-х гг. отмечалось: «На территории города расположено очень много строительных организаций с большим количеством строительной техники, да и строительные работы ведутся очень большие. Но многие хозяйственные работники, выполняя эти строительные работы, не задумываются над тем, что нехозяйственный подход к охране природы, обедняя город, лишает его природной красоты. Строители, как правило, уничтожают захламляемостью лесные массивы вокруг строящихся объектов. Неоправданно на больших площадях, необходимых им для строительства. Свои действия они оправдывают тем, что небольшие площади леса в городе гибнут. А вот в районе НГУД около

школы стоит небольшой клочок сосенок уже года три и не гибнет» [17. Л. 115]. В связи с этим комиссией были приняты следующие решения.

Во-первых, подрядчики должны были принимать меры к сохранению уже существовавших зеленых насаждений на строительных площадках.

Во-вторых, при наличии на территории зеленых массивов предприятиям было предписано согласовывать вертикальную планировку под застройку с городским обществом охраны природы.

В-третьих, организациям и учреждениям было предложено «высаживать на закрепленных территориях ежегодно по два дерева на каждого работающего, с условием обязательного ухода за ними и сохранности насаждений. Высадку деревьев практиковать не менее 20-летнего возраста» [17. Л. 119]. Данное решение было принято с целью компенсации потерь зеленой зоны города в связи с масштабными строительными работами.

Вместе с тем по мере роста численности городского населения Сургута (с 1959 по 1975 г. число жителей увеличилось в 12 раз – с 6 до 76 тысяч) встал вопрос о необходимости строительства городских очистных сооружений. Многочисленные предприятия, вопреки действующему законодательству, сбрасывали неочищенные производственные стоки в реку Обь, тем самым загрязняя водоем и нанося ущерб рыбному хозяйству. Постоянная борьба за необходимость возведения очистных сооружений становится третьим направлением деятельности комиссии.

По данным протоколов заседаний, вопрос о строительстве очистных сооружений начинает подниматься уже в 1972 г. Так, по результатам проведенной в 1972 г. проверки, было установлено, что «Сургутский рыбоконсервный комбинат сбрасывает ежегодно 120 т жира в Обь. Загрязнены Г.С.В. (горюче-смазочными веществами. – М.М.) территории УМ-3, автобазы ПСХ Сургутгазстроя <...>, вся эта грязь стекает в реки и уничтожает рыбу и загрязняет воду» [17. Л. 116].

В связи с этим в феврале 1972 г. было организовано специальное заседание комиссии по вопросу о состоянии городских очистных сооружений, на котором начальником Северо-Уральской бассейновой инспекции А.Н. Мечановым отмечалось, что руководители треста Сургутгазстрой, геологи и энергетики практически не занимаются вопросами строительства очистных сооружений. Кроме того, он подчеркивал, что «больше всех нарушений у строителей, рыбокомбината; только по городу наложено на 17 чел. штрафов» [17. Л. 121].

Со второй половине 1970-х гг. в деятельности постоянной комиссии по охране природы начинают происходить изменения, связанные со сменой руководства и расширением сферы деятельности. В 1977 г. ее председателем становится И.А. Киртбая. Среди первых решений, принятых им на этом посту, стала обязанность комиссии постоянно «публиковать статьи под рубрикой “Человек и природа” в газете “К победе коммунизма”, а также организовать депутатский пост для контроля строительства очистных сооружений на предприятиях города» [18. Л. 127].

Кроме того, на ряде предприятий удалось сгладить негативную экологическую ситуацию. Например, согласно материалам справки «О выполнении закона “Об охране природы в РСФСР” НГДУ Сургутнефть», на предприятии были разработаны следующие природоохранные мероприятия: строительство очистных сооружений, улучшение состояния промысловых объектов и сооружений, организация контроля. В дополнение к этому была создана специальная лаборатория по охране окружающей среды. На очистных сооружениях городских и товарного парка организован лабораторный контроль за сбросами сточных вод. В рамках общественной деятельности в цехах и на участках появились контрольные посты, а также возникла общественная инспекция [18. Л. 153–158].

Вместе с тем НГДУ «Сургутнефть» смогло обеспечить работу существовавших на тот момент городских очистных сооружений механической очистки. Так, «при мощности сооружений 20 тыс. куб. м в сутки на них поступает до 26 тыс. куб. м стоков, эффективность работы очистных в пределах нормы. Влияния сбросов очищенных стоков на р. Обь не обнаруживается, БПК₅ водоема не превышает 2 мг/л. (это соответствовало нормам ПДК для рыбохозяйственных водоемов. – М.М.).

В заданных параметрах работают очистные сооружения товарного парка Западно-Сургутского месторождения мощностью 30 тыс. куб. м в сутки. В 1977 г. на очистных сооружениях проведен ряд мероприятий по увеличению объема утилизации нефти, позволивших дополнительно сэкономить до 320 тонн нефти. Очищенные стоки закачиваются в пласт» [18. Л. 158]. В конечном счете предпринятые меры привели к улучшению экологического состояния внутренних водоемов на месторождениях НГДУ «Сургутнефть». Концентрация нефтепродуктов в воде оказалась в пределах фоновых показателей и не превышала предельно допустимых концентраций.

Однако стоит отметить, что не на всех предприятиях складывалась положительная ситуация с выполнением природоохранного законодательства. Так, постоянной критике подвергался Сургутский рыбоконсервный комбинат, – первую очередь из-за захламленности территории, а также загрязненности прибрежной зоны. Кроме того, комбинат крайне медленно занимался строительством локальных очистных сооружений, а имеющиеся установки работали неудовлетворительно. Как свидетельствуют материалы проверки, «через очистные сооружения РКК (рыбоконсервного комбината. – М.М.) проходит 650–670 куб. м/сутки. Эффективность 30–40% с примитивным хлорированием» [18. Л. 163]. Соответственно, только треть от общего числа производственных стоков предприятия проходила очистку, остальное попадало в Обь.

Несмотря на предпринимаемые меры, ситуация с охраной водоемов в городе к началу 1980-х гг. продолжала оставаться напряженной. Согласно заключению главного санитарного врача г. Сургута В.Г. Штылева, «планируемые сроки ввода в эксплуатацию очистных сооружений с биологической очисткой в 1982 г. вновь ставятся под угрозу срыва. Город продолжает

служить источником загрязнений поверхностного водоема р. Оби. За невыполнение мероприятий по охране внешней среды в 1981 г. санэпидстанцией отклонены от согласований планы по охране природы на 1982 г. по п/о “Сургутнефтегаз”, тр. “Сургутгазстрой”, “Спецнефтегазстрой”. Перед Сургутским отделением стройбанка СССР поставлен вопрос о лишении премий руководящих работников вышеперечисленных трестов и объединения “Сургутнефтегаз” за 1 кв. 1982 г. и апрель месяц текущего года» [19. Л. 50]. Кроме того, имеющиеся очистные сооружения города работали с перегрузкой. Первая очередь очистных сооружений города была рассчитана на нагрузку в 49,9 тыс. куб. м в сутки. К 1985 г. без учета восточного жилого и промышленного района общий объем стоков составлял 78,5 тыс. куб. м в сутки. На очистные сооружения подавалось 61,4 тыс. куб. м в сутки [20. Л. 60].

К середине 1980-х гг. состав постоянной комиссии по охране природы при горсовете увеличивается до 13 человек, и на смену И.Г. Киртбаю на должность председателя приходит главный санитарный врач сургутской санитарно-эпидемиологической службы В.Г. Штылев. С этого момента усиливается санитарный надзор за предприятиями города, начинают проводиться совместные рейды СЭС и сургутской гидрохимической лаборатории (ГХЛ). При этом стоит отметить, что в сравнении с начальным периодом деятельности комиссии возрастает роль специалистов (работников СЭС, ГХЛ), а не рядовых депутатов, которые часто были представлены некомпетентными гражданами.

Подконтрольная территория сургутской гидрохимической лаборатории была достаточно обширна и включала в себя Сургут и Сургутский район, Нефтеюганск и Нефтеюганский район, Когалым и Ноябрьск. Состав лаборатории насчитывал 11 человек. На учете состояло 514 предприятий [20. Л. 11]. Несмотря на большую территорию и небольшой персонал, только за 1986 г. за нарушение водного законодательства сотрудниками лаборатории было оштрафовано 111 должностных лиц на сумму 5 015 руб., лишено премий 125 должностных лиц.

Следует отметить, что со второй половины 1980-х гг. продолжает усиливаться санитарный надзор за предприятиями. Так, совместно с гидрохимической лабораторией и СЭС были отклонены планы природоохранных мероприятий п/о «Сургутнефтегаз», тр. «Сургутгазстрой», п/о «Обьнефтегазгеология» в связи с их несоответствием. На руководителей данных предприятий подавались ходатайства в стройбанк о лишении премий.

Были переданы в прокуратуру материалы о халатном отношении руководства речпорта и Водрем-74 по вопросу окончания строительства канализационного коллектора. Кроме того, как свидетельствуют материалы из справки «О работе санэпидстанции по разделу “Охрана окружающей среды”», подготовленной в апреле 1986 г., «за халатное отношение к вопросу устранения аварий на канализационных коллекторах и загрязнения почвы материал на руководителей Сургутской ГРЭС (Левченко), ПОК и ТС (Долгополов) и СУ-22 СДСК (Ткаченко), речного порта (Киселев) передавался в органы прокуратуры» [20. Л. 21].

С принятием в июне 1980 г. закона «Об охране атмосферного воздуха в СССР» и в ноябре 1982 г. закона РСФСР «Об охране атмосферного воздуха» к кругу проблем, стоящих перед постоянной комиссией, добавляются вопросы борьбы с загрязнением воздушного бассейна города. Первые сведения о деятельности комиссии по охране атмосферного воздуха появляются во второй половине 1980-х гг. Главным загрязнителем воздушного бассейна города являлась Сургутская ГРЭС-1. Согласно материалам проверки, «существенным источником загрязнения атмосферного воздуха является ГРЭС-1, выбрасывающая в атмосферу 30 тыс. тонн окисла азота и 3 тыс. тонн окиси углерода в год. Выбросы производятся через 6 дымовых труб высотой 63 м и одну высотой 240 метров» [20. Л. 21], – и это несмотря на тот факт, что ГРЭС была удалена на 4 км от жилой зоны города и благоприятно располагалась по розе ветров. Помимо ГРЭС-1 к числу загрязнителей также относились четыре завода ЖБИ, котельные города и предприятия, а также городской автотранспорт. Проблема автотранспорта заключалась прежде всего в том, что не велось контроля за его состоянием, отсутствовали сами средства диагностики и контроля. Кроме того, контроль и ремонт топливной аппаратуры проводился бессистемно и только по требованию водителей. Все это приводило к загрязнению атмосферного воздуха селитебной зоны города отработанными газами.

Общее экологическое состояние бассейна ухудшалось и низким уровнем озеленения города вследствие нарушения правил строительных работ. Для оздоровления атмосферы города был предпринят ряд мер.

Во-первых, ряд производственных площадок был вынесен за пределы селитебной части города. Прежде всего это предприятия ЦБПО, УТТ п/о «Сургутнефтегаз», трест «Геофизика», СУ «Востокбурвод», МУ-6.

Во-вторых, в 1984 г. было принято решение о переводе действующих энергоблоков Сургутской ГРЭС-1 на двухстадийное сжигание топлива, а также о подключении 8 энергоблоков к трубе высотой 240 м, тем самым сократив количество труб высотой 63 м с шести до четырех. Это позволило снизить концентрацию окислов азота в атмосфере на 38% за счет более эффективного рассеивания.

В-третьих, с целью снижения содержания вредных веществ в атмосфере городские котельные, а также часть котельных промышленных предприятий были переведены на газовое топливо. Также продолжалось начатое строительство второй дымовой трубы сургутской ГРЭС-1 на 240 м. Однако если первая труба, как уже упоминалось ранее, была введена в эксплуатацию, то со второй возникли сложности. Согласно проведенной в 1988 г. проверке, вторая труба строилась крайне медленно: по плану она должна была быть запущена в 1987 г., но на 1988 г. было построено только 50 м трубы [21. Л. 172].

В-четвертых, с 1983 г. для более эффективного контроля за предприятиями – загрязнителями атмосферы была введена специальная статистическая форма, которая должна была заполняться ежегодно. В данной форме указывались объекты загрязнения, объем выброшенных вредных веществ, их химический состав, а также меры, предпринятые организацией для снижения наносимого вреда [22, 23].

В заключение отметим ряд моментов. Во-первых, созданные после принятия закона «Об Охране природы в РСФСР» постоянные комиссии по охране природы обладали достаточно широким кругом полномочий. В процессе своей деятельности, сотрудничая с органами санитарно-эпидемиологической службы и прокуратурой, они могли оказывать влияние на работу предприятий, если те не соблюдали экологическое законодательство. Вместе с тем до серьезных санкций в отношении нарушителей ситуация доходила крайне редко, в основном комиссия ограничивалась наложением штрафов и лишением премий руководителей предприятий.

Во-вторых, постоянная комиссия по охране природы при сургутском горисполкоме возникла достаточно поздно, только в 1967 г. Вначале она состояла из 5 человек, а к концу 1980-х гг. насчитывала уже более 13 членов. Активность комиссии зависела от ее председателя. Если в первые годы своего существования в ее ведении был небольшой круг вопросов, в ряде случаев дублирующийся с комиссией по благоустройству, то в более поздний период природоохранная комиссия отвечала за весь комплекс экологических проблем.

В-третьих, несмотря на все предпринимаемые меры, экологическая обстановка в Сургуте в 1960–1980-х гг. оставалась напряженной. В первую очередь это было связано с загрязнением главной водной артерии – реки Оби. Захламленность прибрежной зоны, утечки нефти и технологических жидкостей, низкая эффективность очистных сооружений, а в ряде случаев и их отсутствие приводили к нарушению водной среды. Еще одной проблемой стало загрязнение воздушного бассейна города. Со второй половины 1960-х гг. в Сургуте начинается строительство промышленных и жилых объектов, и нередко во время строительных работ уничтожался зеленый массив города, что приводило к запыленности. Появление сургутских ГРЭС-1 и ГРЭС-2 усилило процесс загрязнения воздушного бассейна в связи с использованием низких труб (высотой в 60 м), которые не обеспечивали достаточного уровня рассеивания дымовых газов. Резкое увеличение автотранспорта, который вовремя не обслуживался, также не лучшим образом сказывалось на общей экологии города.

Таким образом, можно сделать вывод, что экологическая обстановка в Сургуте в период развития нефтегазового комплекса оставалась неблагоприятной, несмотря на предпринимаемые постоянной комиссией по охране природы меры.

Список источников

1. Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 96–103

2. Об охране природы в РСФСР : закон от 27.10.1960 : утратил силу с 03.03.1992. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (дата обращения: 01.05.2023).
3. Евланов В.В. Формирование территориально-республиканской системы управления охраной природы (50–80-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30), ч. 1. С. 70–78.
4. Гололобов Е.И. Деятельность природоохранных комиссий исполнительных комитетов депутатов трудящихся на Севере Западной Сибири в 1960–80-е гг. (на примере Сургута и Сургутского района) // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2018. С. 217–228.
5. Гололобов Е.И. Советская власть в борьбе за сырьевые ресурсы таежной зоны Западной Сибири (1960-е – 1980-е гг.): от природы к окружающей среде // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46. С. 34–40.
6. Гололобов Е.И. Документирование деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся (1960–1980-е гг.) // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 71–80.
7. Михеева Ю.С. Роль региональных комитетов по охране природы в реализации основных направлений экологической политики государства на Севере Западной Сибири в конце 1980-х – 1990-х годах // Экологическая история России: локальные измерения и перспективы интегральных исследований : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / отв. ред. О.Ю. Солодянкина. Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2017. С. 178–188.
8. Красовитова Э.С. Экологическая деградация урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в 1960–1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 106–113.
9. Красовитова Э.С. Экологические проблемы использования водных ресурсов Северо-Западной Сибири в 1960-х–1980-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 20–28.
10. Красовитова Э.С. Экологический аспект ускоренной урбанизации Севера, на примере города Нижневартовска (1960–1980 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 142–153.
11. Макеева Е.Д. Причины низкой эффективности природоохранной деятельности местных органов власти в 1960–1980-е гг. (на материалах Куйбышевского областного совета народных депутатов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 154–165.
12. Макеева Е.Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918–1950-х гг. (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 134–139.
13. Макеева Е.Д. Характерные особенности управления охраной природы в регионах РСФСР в 1960–1980-е гг. (исторический аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 4. С. 51–55.
14. Мостовенко М.С. Экологическая политика советского государства в отражении деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся в 1960–1970-е гг. // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени : сб. материалов Двенадцатой Междунар. Конф. молодых ученых и специалистов «Clio-2022». М. : Полит. энцикл., 2022. С. 123–126.
15. Мостовенко М.С. Деятельность постоянных комиссий по охране природы по защите водных ресурсов Западной Сибири в 1960-е – 1970-е годы (региональный опыт ХМАО и Омска) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 46–57.
16. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 15.
17. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 69.
18. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 118.
19. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 171.
20. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 309.
21. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 394.
22. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 687.
23. Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 742.

References

1. Stas, I.N. (2017) Kontseptsii ozeleneniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.) [Landscaping concepts and environmental issues in the Soviet general plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(51). pp. 96–103
2. The USSR. (1960) *Ob okhrane prirody v RSFSR: zakon ot 27.10.1960 : utratil silu s 03.03.1992* [On the protection of nature in the RSFSR: Law of October 27, 1960: invalid since March 3, 1992]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/902066838> (Accessed: 1st May 2023).
3. Evlanov, V.V. (2013) Formation of territorial-republican management system of nature protection (the 1950–80s). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 4-1(30). pp. 70–78. (In Russian).
4. Gololobov, E.I. (2018) Deyatel'nost' prirodookhrannykh komissiy ispolnitel'nykh komitetov deputatov trudyashchikhsya na Severe Zapadnoy Sibiri v 1960–80 e gg. (na primere Surguta i Surgutskogo rayona) [Environmental commissions of executive committees of working people's deputies in the North of Western Siberia in the 1960s–80s (a case study of Surgut and Surgut region)]. In: Alekseeva, L.V. (ed.) *Pyat' stoletiy Yugry: problemy i resheniya, itogi i perspektivy* [Five centuries of Yugra: Problems and solutions, results, and prospects]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 217–228.
5. Gololobov, E.I. (2017a) Sovetskaya vlast' v bor'be za syr'evye resursy taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri (1960 e – 1980 e gg.): ot prirody k okruzhayushchey srede [Soviet power in the struggle for raw materials in the taiga zone of Western Siberia (1960s – 1980s): From nature to the environment]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter."* 46. pp. 34–40.
6. Gololobov, E.I. (2017b) Dokumentirovanie deyatel'nosti postoyannykh komissiy po okhrane prirody ispolnitel'nykh komitetov sovetov deputatov trudyashchikhsya (1960–1980 e gg.) [Documenting the activities of the standing commissions for nature protection of the executive committees of the councils of workers' deputies (1960–1980s)]. *Vestnik RGGU. Ser. Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'.* 3(9). pp. 71–80.
7. Mikheeva, Yu.S. (2017) Rol' regional'nykh komitetov po okhrane prirody v realizatsii osnovnykh napravleniy ekologicheskoy politiki gosudarstva na Severe Zapadnoy Sibiri v kontse 1980 kh – 1990 kh godakh [The role of regional committees for nature protection in the implementation of the main directions of the state environmental policy in the North of Western Siberia in the late 1980s – 1990s]. In: Solodyankina, O.Yu. (ed.) *Ekologicheskaya istoriya Rossii: lokal'nye izmereniya i perspektivy integral'nykh issledovaniy* [Ecological History of Russia: Local Measurements and Prospects for Integrated Research]. Cherepovets: Cherepovets State University. pp. 178–188.
8. Krasovitova, E.S. (2018) Ekologicheskaya degradatsiya urbanizirovannykh territoriy Severa Zapadnoy Sibiri v 1960–1970-e gg. [Ecological degradation of urbanized territories in the North of Western Siberia in the 1960s–1970s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(57). pp. 106–113.

9. Krasovitova, E.S. (2019) *Ekologicheskie problemy ispol'zovaniya vodnykh resursov Severo-Zapadnoy Sibiri v 1960-kh–1980-kh gg.* [Ecological problems of using water resources in Northwestern Siberia in the 1960s–1980s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(63). pp. 20–28.
10. Krasovitova, E.S. () *Ekologicheskiy aspekt uskorennoy urbanizatsii Severa, na primere goroda Nizhnevartovska (1960–1980 gg.)* [Ecological aspect of the accelerated urbanization of the North, on the example of the city of Nizhnevartovsk (1960–1980)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(69). pp. 142–153.
11. Makeeva, E.D. (2020) *Prichiny nizkoy effektivnosti prirodookhrannoy deyatel'nosti mestnykh organov vlasti v 1960–1980-e gg. (na materialakh Kuybyshevskogo oblastnogo soveta narodnykh deputatov)* [Reasons for the low efficiency of environmental activities of local authorities in the 1960s–1980s (based on the materials of the Kuibyshev Regional Council of People's Deputies)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(69). pp. 154–165.
12. Makeeva, E.D. (2016a) *Deyatel'nost' regional'nykh i mestnykh organov upravleniya v sfere okhrany prirody v 1918–1950-kh gg. (na materialakh arkhi-vov Srednego i Nizhnego Povolzh'ya)* [Activities of regional and local authorities in the field of nature protection in the 1918–1950s (on the materials of the archives of the Middle and Lower Volga region)]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. 4(17). pp. 134–139.
13. Makeeva, E.D. (2016b) *Kharakternye osobennosti upravleniya okhrany prirody v regionakh RSFSR v 1960–1980-e gg. (istoricheskiy aspekt)* [Characteristic features of nature protection management in the regions of the RSFSR in the 1960s–1980s. (a historical aspect)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(4). pp. 51–55.
14. Mostovenko, M.S. (2022) *Ekologicheskaya politika sovetetskogo gosudarstva v otrazhenii deyatel'nosti postoyannykh komissiy po okhrane prirody ispolnitel'nykh komitetov sovetov deputatov trudyashchikhsya v 1960–1970-e gg.* [Ecological policy of the Soviet state in the reflection of the activities of the permanent commissions for the protection of nature of the executive committees of the councils of workers' deputies in the 1960s–1970s]. In: Sorokin, A.K. (ed.) *Novye gosudarstva v XX veke. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arkheografii, istochnikovedeniya, rossiyskoy i vseobshchey istorii novogo i noveyshego vremeni* [New states in the 20th century. Historical Documents and Actual Problems of Archeography, Source Studies, Russian and General History of Modern and Contemporary Times]. Moscow: Polit. entsikl. pp. 123–126.
15. Mostovenko, M.S. (2022) *Deyatel'nost' postoyannykh komissiy po okhrane prirody po zashchite vodnykh resursov Zapadnoy Sibiri v 1960-e – 1970-e gody (regional'nyy opyt KhMAO i Omska)* [The activities of the permanent commissions for nature protection for the protection of water resources of Western Siberia in the 1960s – 1970s (regional experience of Khanty-Mansi Autonomous Okrug and Omsk)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(81). pp. 46–57.
16. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 15.
17. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 69.
18. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 118.
19. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 171.
20. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 309.
21. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-3. List 1. File 394.
22. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-10. List 1. File 687.
23. The Municipal Archive of the city of Surgut. Fund R-10. List 1. File 742.

Сведения об авторе:

Мостовенко Максим Станиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия); научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: reiseleiter@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mostovenko Maksim S. – Candidate of Historical Sciences, senior research fellow, Laboratory of Historical researches, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation); Researcher, Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: reiseleiter@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 28.04.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья
УДК 94(470)"18"
doi: 10.17223/19988613/84/5

«Вызовы» и «ответы» в истории России: промышленная революция и освобождение крепостных крестьян

Сергей Александрович Нефедов

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, hist1@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникшие в середине XIX в. в связи с происходившей в мире промышленной революцией. «Большой вызов» промышленной революции носил комплексный характер и сочетал в себе инновации в различных областях, которые в конечном счете давали промышленным странам Запада преимущество в военных технологиях, проявившееся в Крымской войне. Цель статьи – анализ механизмов, посредством которых технические инновации вынуждают к проведению реформ, трансформирующих социальные отношения и социальную структуру общества.

Ключевые слова: Россия, стратегия научно-технического развития, промышленная революция, импорт технологий, освобождение крестьян

Для цитирования: Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России: промышленная революция и освобождение крепостных крестьян // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 34–41. doi: 10.17223/19988613/84/5

Original article

“Challenges” and “responses” in Russian history: industrial revolution and release serfs

Sergey A. Nefedov

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, hist1@yandex.ru

Abstract. The Strategy for the Scientific and Technical Development of the Russian Federation adopted in 2016 uses the Toynbian terminology of “challenges” and “responses”. Continuing the previous studies, this article examines the “great challenge” that Russia faced during the industrial revolution that began in England in the late 18th century. The “great challenge” was growing gradually, so the reaction to it in Russia was slow. This reaction was mainly confined to the creation of a small number of cotton-spinning mills, the construction of small steamers and the first railway, as well as to unsuccessful attempts aimed at reproducing rifled hand-guns (“carbines”) that appeared in the West. Ultimately, the “challenge” had matured and materialized in the Crimean War, the defeat of which forced Russia to prepare a hasty “response”.

This “response” meant, first of all, the import of Western technologies and the creation of a new military industry, as well as the development of the production of crucible steel, “carbines”, and steel guns. An attempt to use Russian metallurgical technologies ended in failure and the War Department was forced to turn to German specialists. The new mechanized industry could not use the labor of non-free workers, so the idea of freeing the peasants became popular in the military. However, the import of technology meant recognition of the superiority of Western technologies, culture, and ideology. This led to the spread of liberal ideas, especially among the military, who felt the superiority of the West from their own experience. The perception of Western liberal ideology by the military and the bureaucracy became a direct incentive to liberal reforms, first of all, to the abolition of serfdom. Contrary to the claims of Soviet historiography, the crisis of corvée farming and peasant disturbances did not play a significant role in the reform.

Apart from creating a new military industry, the “challenge” of the industrial revolution led to the vigorous construction of railways. Plants to produce locomotives and equipment for these railways have been built. However, extent of industrial development was limited and incomparable with the extent of Germany or Britain. In Russia, the share of industrial workers in the artisanal production was an order of magnitude smaller than in these countries and it did not exceed 3%. Overall, Russia remained a backward peasant, agricultural country.

Keywords: Russian Federation, scientific and technological development strategy, Toynbee, Challenges and Responses, historical experience, import of technologies, industrial revolution, emancipation of serfs

For citation: Nefedov, S.A. (2023) “Challenges” and “responses” in Russian history: industrial revolution and release serfs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 34–41. doi: 10.17223/19988613/84/5

Постановка вопроса

Утвержденная в 2016 г. «Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» рассматривает задачи научно-технического развития в контексте поиска ответов на «большие вызовы». «Стратегия» указывает, что «большие вызовы» – это «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов». Наиболее значимыми «большими вызовами» признаются такие первостепенные проблемы, как «исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов», «качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики», «военные угрозы» и т.д. Среди возможных ответов на эти вызовы упоминаются *импорт технологий и импорт институтов* [1. С. 10].

Очевидно, что «большие вызовы» такого рода, так же как и ответы на них, не являются чем-то новым, специфическим для XXI в., поэтому для анализа возможных вызовов и ответов на них могут быть привлечены методы социальной истории. В предыдущих статьях рассматривались вызовы, встававшие перед Россией в XVII – первой половине XIX в. [2–4]. В настоящей статье рассматриваются проблемы, возникшие в середине XIX в. в связи с происходившей в мире промышленной революцией. Цель статьи – анализ механизмов, посредством которых технические и военно-технические инновации порождают вызовы и проблемы, требующие вмешательства государства и в конечном счете трансформирующие социальные отношения и социальную структуру общества.

Вызов промышленной революции

Начавшаяся в конце XVIII в. в Англии промышленная революция поначалу не выглядела «большим вызовом» для других государств. Революция началась в текстильной промышленности и лишь со временем распространилась на другие отрасли. Настоящий «большой вызов» был связан с достижениями в создании машин, преобразующих энергию. Такого рода «большие вызовы», квалифицируются «Стратегией» как «качественное изменение характера... энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики». При этом надо отметить, что «большой вызов» в энергетике не был революционным, он вызревал постепенно. Первоначально паровая машина давала энергию, более дорогую, чем водяные двигатели, основной привод тогдашних мануфактур, поэтому их использовали в основном на удаленных от рек производствах. Но совершенствование паровой машины (появление машин высокого давления и компаунд-машин) привело к тому, что в 1760–1830 гг. валовые затраты снизились втрое, и к 1830 г. мощность стационарных паровых машин в Англии сравнялась с мощностью водяных двигателей [5. С. 252–253].

Внедрение паровых машин на транспорте также было достаточно постепенным: хотя первый паровоз был построен Ричардом Тревитиком в 1801 г., первая большая железная дорога (Манчестер–Ливерпуль) появилась лишь 30 лет спустя. Правда, затем процесс ускорился, и к 1850 г. Англия имела уже 10 тыс. км железных дорог. В России необходимость строительства новых дорог ощущалась чрезвычайно остро: при огромных размерах страны в одних губерниях часто ощущалась нехватка хлеба, в то время как в других был излишек; доставка железа с уральских заводов в Петербург требовала не менее года. Но правительство медлило, лишь в 1842 г. было принято решение о строительстве дороги Петербург–Москва длиной 645 км, причем затянувшееся строительство закончилось лишь в 1851 г. Различные группы предпринимателей выражали готовность создать акционерные компании для строительства других дорог, в том числе к Черному морю, но Николай I негативно относился к таким начинаниям [6. С. 71–73]. Десять лет спустя Александр II был вынужден признать эту ошибку; беседуя с маршалом Канробером в Лионе в 1865 г., он отмечал, что одной из главных причин поражения в Крымской войне была трудность снабжения русской армии из-за отсутствия хороших дорог [7. С. 503].

Как и в случае с паровозами, история создания пароходов шла путем преодоления многих трудностей. Первые пароходы появились в начале XIX в., но в действительности эти суда оставались парусниками, на которых паровая машина использовалась лишь при движении против ветра. Машины высокого давления были малопригодны для использования в море, так как на дне котла оседала морская соль. Эта проблема была решена лишь в 1840-х гг., тогда же появился и гребной винт, что сделало возможным создание линейных паровых кораблей, вооруженных 90–100 пушками. Первый из таких кораблей, сконструированный французским инженером Дюпюи де Ломом – «Наполеон», – был построен в 1852 г., годом позже подобные корабли появились и в английском флоте. Когда в 1854 г. началась Крымская война, в Черное море в составе англо-французской эскадры вошли три линейных паровых корабля [8. С. 202; 9. С. 109–111]. Это было неожиданностью для русского командования. «Отсутствие (в русском флоте. – С.Н.) паровых линейных кораблей исключало возможность боя с линейными кораблями противника в открытом море; корабли были затоплены у входа в Севастопольскую бухту» [9. С. 111].

О катастрофическом отставании с внедрением транспорта на паровой тяге и паровых машин в целом говорят следующие цифры: в 1847–1850 гг. общая мощность всех паровых двигателей составила в Британии 1 290 тыс. л.с., во Франции – 370 тыс. л.с., в России – только 70 тыс. л.с. [10. С. 430]. Мало того, паровые машины в России были в основном английского изготовления, импорт машин и станков более чем в 5 раз превосходил отечественное производство [11. С. 146]. Н.Ф. Лабзин, автор раздела по истории машиностроения в «Историко-статистическом обзоре промышленности России» (1882) указывал, что «Крымская война (1853–1856), заставшая Россию почти без машино-

строительных заводов, заставила ее испытать всю тяжесть подобного положения» (цит. по: [12. С. 91]). Ситуация осложнялась тем, что многие виды станков в России вообще не выпускались; когда в 1854 г. началось строительство Николаевского завода на Урале, все станки (кроме простейших сверлильных) были заказаны в Англии и Бельгии [13. С. 196–197].

Николаевский завод (так и не вошедший в строй) предназначался для выпуска «штуцеров», нарезных ружей, появившихся в период промышленной революции. Создание штуцеров стало возможным благодаря использованию сварочной стали, так называемого «ленточного дамаса». В 1832 г. немецкий инженер Бернер предложил конструкцию ружья с двумя нарезами в стволе и с пулей со скользящими по нарезам выступами. Производство таких штуцеров было налажено в Энсфилдском арсенале в Англии и в Бельгии, в городе Люттих (Льеж). В 1840 г. русское правительство заказало 5 тыс. «люттихских штуцеров», и в 1843 г. отдельные экземпляры из этой партии были направлены на русские оружейные заводы с предписанием наладить производство копий. Однако это оказалось невозможным, так как в России не умели делать ленточный дамаск [14; 15. С. 40]. Несмотря на отдельные удачные опыты производства стали, русская металлургия в целом использовала технологии XVIII в.; ружейные стволы делали из кричного железа. Поставляемые на оружейные заводы железные полосы зачастую содержали включения шлаков и браковались приемщиками, производственные заказы не выполнялись, и в армии не хватало даже гладкоствольных ружей старой конструкции. Некомплект составлял более полумиллиона ружей [13. С. 192–193].

Между тем во Франции и Англии появились более совершенные конструкции штуцеров, стрелявшие расширяющимися пулями Минье. В итоге, если в английской армии накануне Крымской войны половина стрелков была вооружена нарезными ружьями, во французской – треть, то в русской – только 4%. При этом наибольшая дальность эффективной стрельбы для гладкоствольных ружей составляла 300 шагов, а для штуцеров – 1 200 шагов. Это позволяло неприятелю издали расстреливать атакующие русские колонны. Более того, артиллерия, обычно стрелявшая картечью с открытой позиции начиная с 900 шагов, теряла от огня снайперов до половины людского состава, еще не изготовившись к стрельбе [16. С. 318–319].

Создание штуцеров было вызовом, квалифицируемым «Стратегией» как «военная угроза».

Таким образом, промышленная революция на Западе трансформировалась для России в целый комплекс вызовов, содержащий в себе, в частности, «исчерпание возможностей экономического роста, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов», «качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики», «военные угрозы». Все эти вызовы материализовались в поражении, которым закончилась для России Крымская война. России предстояло дать ответ на этот комплексный «большой вызов».

Ответ России на вызов промышленной революции

Необходимо прежде всего отметить, что России пришлось отвечать на «большой вызов» в условиях продолжающейся военной угрозы, новым проявлением которой был внешнеполитический кризис, разразившийся во время польского восстания 1863–1864 гг. Главной задачей и главным «ответом» на «большой вызов» было скорейшее перевооружение русской армии. Но до недавнего времени историки не обращали должного внимания на технические трудности, которые пришлось преодолевать при организации производства нового оружия. По существу, речь шла о создании новой военной промышленности, основанной на машинной технике и использующей новые технологии.

Наиболее острой проблемой, требовавшей скорейшего решения, была проблема производства штуцеров («винтовок»). Попытка использовать для изготовления стволов железо, как это делалось для гладкоствольных ружей, закончилась неудачей – брак достигал 90%. Некоторое время стальные стволы закупали за границей. «Между тем в России инженер П.М. Обухов уже получил в 1856 г. превосходную ствольную сталь на Златоустовском заводе, – писал Л.Г. Бескровный. – Оставалось лишь организовать производство стальных стволов в промышленном масштабе» [17. С. 295]. Как следует из работы Л.Г. Бескровного, проблема была решена, – однако реальность была иной. В 1859 г. под руководством П.М. Обухова был построен Князе-Михайловский сталелитейный завод. Все оборудование, в том числе паровые машины, станки для сверления болванок и паровой молот, было заказано в Бельгии и устанавливалось бельгийскими инженерами. Но выплавка тигельной стали по методу Обухова была сродни искусству; отдельные удачные плавки чередовались с неудачными, и уральские металлурги не смогли наладить массовое производство. В 1860-х гг. русские оружейные заводы использовали в основном импортные стальные стволы немецкого фабриканта Бергера. Лишь после 1871 г. с помощью Бергера удалось наладить массовое производство тигельной стали на Ижевском заводе [18. С. 206–207; 19. С. 392–393].

Ситуация осложнялась новыми западными инновациями в производстве стрелкового оружия. Еще в 1840 г. на вооружение прусской армии был принят казнозарядный штуцер («винтовка») Дрейзе; его скорострельность была в 4–5 раз выше, чем у ружей, заряжающихся с дула. В 1866 г. Винтовка Дрейзе обеспечила победу Пруссии в австро-прусской войне; после этого все армии стали срочно перевооружаться на казнозарядные винтовки. В России в спешке принимались на вооружение и вскоре отставлялись как неудачные винтовки систем Тьерри, Карле, Крнка, пока в конце концов в 1870 г. военное министерство не отдало предпочтение винтовке американского конструктора Хайрама Бердана [17. С. 300–305]. Оружейные заводы были реконструированы; в частности, крупнейший Тульский завод получил английские станки Гринвуда–Бэтли и немецкие станки Циммермана. В это же время была решена проблема производства литой стали (на

Ижевском и Обуховском заводах), и с 1873 г. началось массовое производство современных по тому времени винтовок Бердана. К началу русско-турецкой войны эти винтовки успела получить лишь часть действующей армии, поэтому поначалу русские войска уступали турецким в отношении качества стрелкового оружия. Но к концу войны перевооружение было завершено [17. С. 307, 310].

Военно-технический вызов не сводился к новым винтовкам. В конце 1850-х гг. на Западе появились нарезные артиллерийские орудия. Сначала это были бронзовые заражающиеся с дула пушки французской системы Ля-Гитта, но в 1863 г. известный немецкий промышленник Альфред Крупп освоил массовое производство стальных нарезных казнозарядных орудий. Гладкоствольные пушки времен Крымской войны имели дальность стрельбы около 1 км, пушки Ля-Гитта – до 2,8 км, пушки Круппа – до 4 км [20. С. 362].

В России поначалу попытались наладить производство пушек из обуховской стали Князе-Михайловского завода. Но, как и в случае с ружейными стволами, первая попытка закончилась неудачей: половина отливок была забракована. П.М. Обухов продолжал попытки наладить производство на заводе в Санкт-Петербурге, но и здесь его до самой смерти (в 1869 г.) преследовали неудачи. В ситуации противостояния в период польского кризиса (1863–1864) на помощь пришла Пруссия – Крупп безвозмездно предоставил России 100 новейших стальных пушек. Затем Круппу заказали еще 350 орудий; в итоге до 1871 г. все стальные пушки в войсках были крупновскими. Начиная с 1868 г. присланные Круппом инженеры помогали освоить производство тигельной стали и пушек на Обуховском заводе и на новом заводе в Перми. Однако дело двигалось медленно, и к началу русско-турецкой войны русская артиллерия состояла в основном из нарезных бронзовых пушек; эти пушки уступали в дальности стрельбы закупленным на Западе турецким стальным орудиям. Под впечатлением неудач при штурме Плевны Круппу был выдан огромный заказ на 1 850 полевых орудий; вскоре после войны было, наконец, налажено производство крупновских пушек на русских заводах [18. С. 207; 20. С. 385; 21. С. 31, 37].

Помимо новых западных винтовок и пушек, вызовом были английские и французские линейные корабли-пароходы. Когда английский флот во время Крымской войны угрожал Петербургу, власти мобилизовали все силы, чтобы создать флотилию паровых канонерских лодок; паника была такова, что для строительства паровых машин были мобилизованы кустарные мастерские [12. С. 91]. После войны, к 1859 г., было построено 6 винтовых линейных кораблей, однако уже через год угроза выступила в новом обличье: в Англии был спущен на воду первый корабль-броненосец «Варриор», построенный целиком из железа. Морское ведомство срочно приступило к реконструкции судостроительного завода в Петербурге; как и в других случаях, практически все оборудование привозилось из-за границы. Первое броненосное судно, плавучая батарея «Первенец», было заказано и построено в Англии, второй корабль этого типа строился в Петербур-

ге с участием английских инженеров и мастеров. В 1869 г. был заложен первый русский броненосец «Петр Великий», однако из-за многочисленных технических проблем строительство затянулось до 1877 г., а в 1881 г. корабль был отправлен в Англию для установки более совершенных паровых машин [9. С. 227–232].

Таким образом, ответ России на военно-технический «вызов» заключался в создании новой военной промышленности. Это оказалось нелегкой задачей, и процесс перевооружения армии растянулся на 20 лет. Даже к началу войны с Турцией русское оружие уступало закупленному на Западе оружию противника, – и это привело к большим потерям. Несмотря на первоначальные попытки использовать отечественные технологии (например, обуховскую сталь), в конечном счете пришлось прибегнуть к *импорту технологий*. Как отмечалось выше, машины и станки для новых военных заводов в основном закупались за границей. Однако часть заказов размещалась внутри страны, и это способствовало развитию отечественного машиностроения. Если перед Крымской войной машиностроение находилось в зачаточном состоянии, то после войны в Петербурге был построен ряд крупных заводов – Невский (Семяникова и Полетики), Балтийский (Карра и Макферсона), Металлический, Сан-Гали, Лесснера и др. В 1854–1860 гг. производство продукции машиностроения увеличилось в четыре раза, оно обеспечивало потребности страны примерно на 40%. Увеличилось и производство паровых машин. Из 6 тыс. стационарных паровых машин, имевшихся в 1875 г., треть была отечественного производства [12. С. 91–97; 22. С. 67].

Освоение массового производства паровых машин было ответом на другой – «энергетический» – «вызов». Помимо появления военных пароходов, этот вызов заключался в необходимости строительства стратегических железных дорог. В вопросе о железных дорогах военные реформы соприкасались с экономическими и социальными. Обеспечив мобильность армии, железные дороги должны были вместе с тем открыть внутренние районы России для мировой торговли; они создавали возможности вывоза хлеба, леса, других российских продуктов и их обмена на необходимые стране товары, в первую очередь на машины, станки, оружие. Средств для строительства дорог у государства не было, и приходилось обращаться к частной инициативе. В 1860-х гг. было создано несколько привилегированных компаний, целью которых было привлечение иностранного капитала для строительства русских железных дорог. Таким образом, в этом случае имел место не только *импорт технологий*, но и *импорт капитала*. В 1866–1875 гг. было построено 15 тыс. км путей. Паровозы, вагоны и рельсы поначалу импортировались, но концу 1870-х гг. были построены первенцы русской индустрии: Коломенский, Невский, Сормовский, Обуховский, Балтийский, Путиловский, Брянский заводы. В 1880 г. на машиностроительных заводах было занято 48 тыс. рабочих; к этому времени Россия смогла обеспечить локомотивами свои железные дороги [12. С. 100, 105; 23. С. 44].

Социальные последствия промышленной революции

Каким образом технические достижения привели к освобождению крестьян? Вопрос об освобождении крестьян на заводах был поднят военным ведомством в связи с созданием новой оснащенной машинами оружейной промышленности. Военно-ученый комитет в 1856 г. признал, что русское оружие «много уступало иностранному». Главной причиной называлось то, что работы вели мастера, «приписанные навсегда к заводу вместе с семьями». «Широкое применение машин сделалось неудобным, так как через это оставалось бы много рабочих без всякого занятия, а следовательно, и без платы». Предлагалось освободить приписных крестьян-рабочих, «уволить всех оружейников в звании государственных крестьян или мещан, а для заводских работ нанимать из их среды искуснейших» (цит. по: [24. С. 211]).

Военный министр Д. А. Милютин докладывал царю: «Настоящее положение наших технических заведений нельзя считать удовлетворительным... мастерские комплектуются из незнающих мастерства рекрут... По дознанному на опыте *превосходству вольнонаемного труда перед обязательным* (курсив мой. – С.Н.) имеется в виду по возможности устранить существование его в наших технических заведениях» (цит. по: [17. С. 295]).

С другой стороны, военное ведомство сомневалось в возможности решить проблему внедрения машин собственными силами и предлагало привлечь к этому иностранные компании. Таким образом, речь шла о частичной приватизации военной промышленности, о передаче заводов в коммерческую аренду иностранным предпринимателям. В частности, известные бельгийские заводчики Фаллис и Трапман предлагали организовать производство нарезных ружей на Сестрорецком заводе, если он будет передан им в аренду. Это было возможно лишь при освобождении приписных рабочих. Таким образом, проблема освобождения приписных переплеталась с проблемой привлечения иностранного капитала и вопросом о приватизации [24. С. 212].

Те же вопросы обсуждались и в Морском министерстве, возглавляемом вел. кн. Константином Николаевичем. Морское ведомство отказалось от использования казенных заводов и обратилось к частной промышленности; крестьяне, приписанные к Петербургскому адмиралтейству, получили свободу. Константин Николаевич оказывал большое влияние на своего брата Александра II, подталкивая его к реформам и продвигая на видные посты своих единомышленников [25. С. 84–85]. Современник академик А.В. Никитенко отмечал, что «великий князь пользуется репутацией защитника и главы всех мыслящих людей – главы так называемого прогресса» [26. С. 124].

О необходимости освобождения крестьян говорили многие либеральные интеллигенты и чиновники, но реальные усилия в этом направлении исходили от военных, которые, столкнувшись с необходимостью коренной модернизации оружейной промышленности, стали проводить «сепаратные» реформы в своих ведомствах. Далее встал вопрос о распространении этих

реформ на всю страну. «Мы не можем себя обманывать и должны признать, что мы и слабее, и беднее первостепенных держав, и при этом беднее не только материальными способами, но и силами умственными, особенно в деле администрации, – писал Константин Николаевич главнокомандующему на Кавказе князю А.И. Барятинскому в 1857 г. – Теперь явились жизненные вопросы внутренней администрации нашей, а именно: о крепостном праве, о раскольниках, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию...» [26. С. 124].

«Партия прогресса» состояла в значительной степени из военных, которые на собственном опыте ощутили техническое и культурное превосходство Запада и, признавая это превосходство, восприняли также и западную либеральную идеологию. Следом за *импортом технологии* шел *импорт идеологии*. Агитируя за освобождение крестьян, «партия прогресса» ожидала увеличения производительности труда, как это было при переходе к вольнонаемному труду на заводах. Таким образом, по представлениям тогдашних либеральных экономистов, можно было догнать «первостепенные державы» в отношении богатства и «материальных способов». Другим аргументом «прогрессистов» была апелляция к принципам морали. Россия оставалась единственной крепостнической страной в Европе. В случае отмены крепостного права «мы много выиграем во мнении европейцев, – писал М.А. Фонвизин, – потому что существование в России рабства... внушает им презрение к нам» [27. С. 363]. О морально-идеологическом давлении просвещенного Запада в вопросе освобождения крестьян говорит и Александр II в письме к римскому папе: «...по заключении мира император Наполеон убеждал меня приступить к этому делу, может быть, несколькими месяцами ранее, нежели я думал...» (цит. по: [25. С. 625]). В этом письме легко заметить оправдательную нотку: Александр II говорит, что он и сам думал об освобождении, независимо от советов Наполеона III.

Легко видеть, однако, что эти идеологические и моральные соображения получили столь большое значение лишь на фоне поражения в Крымской войне и признания технического превосходства Запада. Если бы техническое превосходство отсутствовало и Россия одержала победу, как в 1812 г., то идеология и мораль не имели бы такой силы.

Современная историография признает решающее значение этих двух факторов – идеологии и либеральных представлений о преимуществе вольнонаемного труда, приобретавших дополнительную силу на фоне военного поражения [28. С. 15]. Однако следует подчеркнуть, что военное поражение было результатом промышленной революции, так что в конечном счете именно военно-энергетический «большой вызов» трансформировал социальную структуру российского общества.

К этому нужно добавить, что, по мнению современных историков, представления реформаторов о преимуществах вольнонаемного труда в сельском хозяйстве оказались ошибочными. Оказалось, что крепостное барщинное хозяйство не находилось в состоянии кри-

зиса, как считалось ранее. Не нашел подтверждения и тезис о надвигающейся волне крестьянских восстаний, который использовался реформаторами, чтобы нейтрализовать сопротивление помещиков. В итоге получается, что освобождение крестьян было результатом порожденных промышленной революцией сдвигов в морали и идеологии, которые привели к появлению проводившей реформы «просвещенной» бюрократии, включавшей и высокопоставленных военных [25. С. 651–652; 28. С. 15]. Этот сдвиг отразился уже в первом обращении Александра II к московскому дворянству: «Мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться» (курсив мой. – С.Н.) (цит. по: 25. [С. 88]). Конечно, император имел в виду век промышленной революции, но он не мог использовать это понятие, потому что его еще не было.

Российские реформаторы были «западниками», и их идеологией был господствовавший в то время на Западе либерализм. Личная свобода была для либералов самодовлеющей ценностью, и освобождение крестьян можно рассматривать как высшее достижение русского либерализма. В других отношениях политика реформаторов также следовала либеральным принципам. В 1856 г. были отменены ограничения на поездки за границу и поступление в университеты, ослаблена цензура; затем были введены гласное и независимое судопроизводство, местное земское самоуправление. В двух последних случаях большую роль сыграли западные образцы, т.е. имел место *импорт институтов*. Правительство сняло существовавшие ограничения и разрешило всем частным лицам создавать акционерные компании, а затем и банки. В 1841–1855 гг. было учреждено лишь 36 акционерных обществ с капиталом

30 млн руб.; после снятия ограничений началась «грюндерская лихорадка», и за 1856–1860 гг. было учреждено 107 акционерных обществ с капиталом в 267 млн руб., из них 178 млн руб. было вложено в железнодорожные компании. Была проведена частичная приватизация, предусматривавшая, в частности, продажу Николаевской железной дороги и передачу военных заводов в арендно-коммерческое управление. При строительстве железных дорог была сделана ставка на привлечение иностранного капитала; в 1866–1880 гг. на условиях гарантии 5-процентной прибыли с акций было привлечено около 1,6 млрд руб. [23. С. 26, 44].

Так же как освобождение крестьян, эти реформы изменяли социальную структуру общества, способствовали быстрому росту слоя торгово-промышленной буржуазии. Увеличивалась и численность интеллигенции, количество студентов высших учебных заведений возросло с 4,1 до 14,1 тыс. Появились технические школы и вузы – непосредственное проявление промышленной революции. В реальных училищах в 1880 г. было 13,2 тыс. учащихся, в технических вузах – 6,1 тыс. [29. С. 51–57].

При анализе социальных последствий промышленной революции обычно в первую очередь говорят о быстром росте рабочего класса, точнее, класса промышленных рабочих. Выше упоминалось о строительстве ряда известных впоследствии крупных заводов. До недавнего времени именно ростом рабочего класса объясняли якобы «пролетарский» характер Русской революции. Однако так ли это? Достаточно сравнить долю промышленных рабочих в самостоятельном населении России и стран Запада, чтобы убедиться, что в действительности ситуация была иной (таблица).

Доля промышленных рабочих в самостоятельном населении различных стран

Страны	Россия		Британия		Франция		Германия*		США	
Годы	1860	1900	1851	1900	1848	1900	1850	1900	1850	1900
Рабочие, млн	0,8	2,2	4,1	12	2,5	5,0	0,9	9,5	1,4	7
Самостоятельное население, млн	45,6	81,9	9,7	16,3	14,1	19,7	12,9	24,3	7,7	28,5
Доля рабочих, %	1,8	2,7	42	74	18	25	7	39	18	25

Примечания. Составлено по: [30. С. 205, 206]. * – численность самостоятельного населения для Германии подсчитана мной.

Таким образом, за 40 лет (1860–1900) доля промышленных рабочих в самостоятельном населении увеличилась лишь на 0,9% и в 1900 г. оставалась незначительной – 2,7%. Это резко контрастирует с ситуацией в промышленных странах, где фабричные рабочие составляли от 25 до 74% населения. Более того, около трети российских рабочих были на самом деле крестьянами-отходниками, которые имели в деревне землю и семью; четверть московских рабочих уходили в деревню на летние работы [30. С. 207].

Если не считать освобождения крепостных, вызванные промышленной революцией сдвиги в социальной структуре были невелики. Россия оставалась крестьянской страной, где, по данным переписи 1897 г., 75% населения было занято в сельском хозяйстве. К 1913 г. численность промышленных рабочих увеличилась до 3,1 млн, но это составляло лишь 2,9% от самостоятельного населения (подсчитано по: [31. С. 42]).

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что «большой вызов» промышленной революции для России конкретизировался в форме военного вызова Крымской войны. «Ответом» были спешные меры по созданию новой военной промышленности и освоению производства новых видов вооружений с помощью иностранных специалистов, т.е. *импорт технологий*. Эти меры не сразу привели к результату, основные проблемы были решены лишь к концу 1870-х гг. В 1860–1880 гг. с помощью привлечения иностранного капитала было построено большое количество железных дорог, а также заводы, производящие для них оборудование. В 1877 г. русские солдаты ехали на войну в поездах и были в значительной части вооружены современным оружием.

Еще одним – и с социологической точки зрения важнейшим – «ответом» российского общества на

«вызов» Крымской войны и промышленной революции стало освобождение крестьян. В процессе создания новой машинной военной промышленности военные круги убедились в эффективности использования вольнонаемной рабочей силы, т.е. в необходимости освобождения приписанных к заводам мастеровых. Под влиянием получившего распространение западного либерализма эта идея была распространена на все крепостное крестьянство. Как следует из работ современных историков, освобождение было обусловлено не кризисом помещичьего хозяйства и не ростом числа крестьянских волнений, а, скорее, идеологическими и моральными причинами. Признание технического и культурного превосходства Запада привело к признанию превосходства западной идеологии. Вслед за

импортом технологии шел импорт идеологии, приводивший к импорту институтов.

Что касается других социальных последствий промышленной революции, то до 1917 г. Россия не успела ощутить их в полной мере. Рост промышленного пролетариата, который ранее полагали основной причиной социального кризиса начала XX в., не был столь значительным, и доля фабричных рабочих в самодеятельном населении не превышала 3%. Россия, в отличие от стран Запада, оставалась крестьянской страной, и происходившие в России социальные процессы во многом, а может быть, в основном, определялись спецификой крестьянской страны. Напомним, что главным лозунгом 1917 г. был лозунг «Земля – крестьянам!»

Список источников

1. Стратегия научно-технического развития Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 // Президент России. 2016. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010007.pdf> (дата обращения: 22.12.2018).
2. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России (на примере допетровских и петровских реформ, 1615–1725 гг.) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 78–87.
3. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России XVIII века // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 95–105.
4. Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России: первая половина XIX века // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 95–105.
5. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 448 с.
6. История железнодорожного транспорта России / под общ. ред. Е.Я. Красковского. СПб. : Петерб. гос. ун-т путей сообщения, 1994. Т. 1: 1836–1917 гг. 336 с.
7. Тарле Е.В. Сочинения : в 12 т. М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. IX. 627 с.
8. Мокир Дж. Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 504 с.
9. Шершов А.П. История военного кораблестроения. СПб. : Полигон, 1994. 360 с.
10. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848–1875. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 476 с.
11. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб. : Тип. И.А. Ефрона, 1896. 636 с.
12. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М. : Наука, 1975. 315 с.
13. Шумкин Г.Н. К вопросу о месте Николаевского оружейного завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 4. С. 192–202.
14. Ермаков А.А. Изготовление лютихских штуцеров на Ижевском оружейном заводе // Из истории оружейного дела. Ижевск : MBK CO, 2008. Вып. 1. С. 8–17.
15. Клишин А., Шевченко О., Яровенко Ю. Загадка литихского штуцера. Ч. 2 // Мастер-ружье. 2012. № 181. С. 32–40.
16. Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество. М. : Военное изд-во, 1965. 687 с.
17. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1973. 616 с.
18. Шумкин Г.Н. Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850-х – 1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (19). С. 202–214.
19. Шумкин Г.Н. Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России в XIX – начале XX веков // Война и оружие : новые исследования и материалы. СПб. : ВИМАИВиВС, 2016. Ч. V. С. 384–398.
20. Прочко И.С. История развития артиллерии. СПб. : Полигон, 1994. 495 с.
21. Широкопад А.Б. Тевтонский меч и русская броня. М. : Вече, 2003. 382 с.
22. Брандт А.А. Очерк истории паровой машины и применения паровых двигателей в России. СПб. : Тип. Б.П. Эглих, 1892. 70 с.
23. Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М. : Госфиниздат, 1960. 415 с.
24. Ашурков В.Н. Русские оружейные заводы в 40–50-х годах XIX в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М. : Наука, 1969. С. 204–215.
25. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. 718 с.
26. Константин Николаевич // Русский биографический словарь / под набл. А.А. Половцова. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1903. Т. 9: Кнаппе–Кюхельбекер. С. 120–155.
27. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века : в 2 т. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1888.
28. Большакова О.В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 14–26.
29. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. : Мысль, 1971. 366 с.
30. Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. 528 с.
31. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг. Л. : Наука, 1976. 299 с.

References

1. President of the Russian Federation. (n.d.) *Strategiya nauchno-tehnicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii* : utv. Ukazom Prezidenta RF ot 01.12.2016 [Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation: Approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://snttrf.ru/upload/iblock/dc8/УказПрезидентаРФоСтратегиинануочно-технологического развития Российской Федерации.pdf> (Accessed: 22nd December 2018).
2. Nefedov, S.A. (2017) “Challenges” and “Responses” in the history of Russia (pre-Petrine and Petrine reforms, 1615–1725). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 78–87. (In Russian).
3. Nefedov, S.A. (2018) “Challenges” and “Responses” of the 18th Century Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 95–105. (In Russian).
4. Nefedov, S.A. (2019) “Challenges” and “Responses” in Russian History: The First Half of the 19th Century. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 95–105. (In Russian).

5. Allen, R. (2014) *Britanskaya promyshlennaya revolyutsiya v global'noy kartine mira* [The British Industrial Revolution in the Global Picture of the World]. Translated from English. Moscow: The Gaidar Institute.
6. Kraskovsky, E.Ya. (ed.) (1994) *Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii* [The history of railway transport in Russia]. Vol. I. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Communications.
7. Tarle, E.V. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: USSR AS.
8. Mokyr, J. (2014) *Rychag bogatstva. Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskiy progress* [The Lever of Riches. Technological Creativity and Economic Progress]. Translated from English. Moscow: Gaidar Institute.
9. Shershov, A.P. (1994) *Istoriya voennogo korablestroeniya* [History of Military Shipbuilding]. St. Petersburg: Poligon.
10. Hobsbaum, E. (1999) *Vek kapitala. 1848–1875* [The Age of Capital. 1848–1875]. Rostov on Don: Feniks.
11. The Ministry of Finance of Russia. (1896) *Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' i trgovlya Rossii* [Factory industry and trade in Russia]. St. Petersburg: I.A. Efron.
12. Solovyova, A.M. (1975) *Zheleznodorozhnyy transport Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Railway transport of Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
13. Shumkin, G.N. (2015) K voprosu o meste Nikolaevskogo oruzheynogo zavoda v istorii russkoy promyshlennosti [On the role of the Nikolaev Arms Plant in the history of the Russian industry]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 192–202.
14. Ermakov, A.A. (2008) Izgotovlenie lyutikhskikh shtuserov na Izhevskom oruzheynom zavode [Production of Lyutikh fittings at the Izhevsk Arms Plant]. In: bogomolova, M.V. (ed.) *Iz istorii oruzheynogo dela* [From the History of Weapons Business]. Vol. 1. Izhevsk: MVK SO. pp. 8–17. (In Russian).
15. Klishin, A., Shevchenko, O. & Yarovenko, Yu. (2012) Zagadka littikhskogo shtusera [A riddle of the Littikh fitting]. Vol. 2. *Master-ruzh'e*. 181. pp. 32–40.
16. Stokov, A.A. (1965) *Istoriya voennogo iskusstva. Kapitalisticheskoe obshchestvo* [History of Military Art. Capitalist Society]. Moscow: Voennoe izd-vo.
17. Beskrovnyy, L.G. (1973) *Russkaya armiya i flot v XIX veke* [The Russian army and navy in the 19th century]. Moscow: Nauka.
18. Shumkin, G.N. (2016) Transformatsiya sistemy proizvodstva artilleriyskikh orudiy na Urale v kontse 1850-kh – 1860-kh gg. [Transformation of the artillery production system in the Urals in the late 1850s – 1860s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(19). pp. 202–214.
19. Shumkin, G.N. (2016) Problema snabzheniya metallom dlya stvolov oruzheynykh zavodov Rossii v XIX – nachale XX vekov [The problem of metal supply for the barrels of weapons factories in Russia in the 19th – early 20th century] In: *Voyna i oruzhie: novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons. New Research and Materials]. Vol. V. St. Petersburg: VIMAIVS. pp. 384–398.
20. Prochko, I.S. (1994) *Istoriya razvitiya artillerii* [History of the Development of Artillery]. St. Petersburg: Poligon.
21. Shirokorad, A.B. (2003) *Tevtonskiy mekh i russkaya bronya* [Teutonic Sword and Russian Armor]. Moscow: Veche.
22. Brandt, A.A. (1892) *Ocherk istorii parovoy mashiny i primeneniya parovykh dvigateley v Rossii* [An outline of the history of steam engines and the use of steam engines in Russia]. St. Petersburg: B.P. Eglikh.
23. Gindin, I.F. (1960) *Gosudarstvennyy bank i ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva* [The State Bank and Economic Policy of the Tsarist Government]. Moscow: Gosfinizdat.
24. Ashurkov, V.N. (1969) Russkie oruzheynye zavody v 40–50-kh godakh XIX v. [Russian weapons factories in the 1840–50s]. In: Shunkov, V.I. et al. (eds) *Voprosy voennoy istorii Rossii. XVIII i pervaya polovina XIX vekov* [Questions of the military history of Russia. The 18th and the first half of the 19th century]. Moscow: Nauka. pp. 204–215.
25. Zakharova, L.G. (2011) *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the abolition of serfdom in Russia]. Moscow: ROSSPEN.
26. Polovtsov, A.A. (ed.) (1903) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 9. St. Petersburg: Imperial Russian Historical Society. pp. 120–155.
27. Semevsky, V.I. (1888) *Krest'yanskiy vopros v Rossii v XVIII i v pervoy polovine XIX veka* [The peasant question in Russia in the 18th and the first half of the 19th century]. Vol. I-II. St. Petersburg: Obshchestv. Pol'za.
28. Bolshakova, O.V. (2011) Mezhdru dvumya yubileyami: angloyazychnaya istoriografiya otmeny krepostnogo prava [Between two anniversaries: English-language historiography of the serfdom abolition]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 14–26.
29. Leykina-Svirskaya, V. R. (1971) *Intelligentsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [The intelligentsia in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: Mysl'.
30. Mironov, B.N. (2019) *Rossiyskaya modernizatsiya i revolyutsiya* [Russian modernization and revolution]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
31. Kruse, E.E. (1976) *Polozhenie rabochego klassa v Rossii v 1900–1914 gg.* [The position of the working class in Russia in 1900–1914]. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторе:

Нефедов Сергей Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail адрес: hist1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nefedov Sergey A. – Doctor of Historian Sciences, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor of Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: hist1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2020; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 24.03.2020; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 614.23:316(517.73)

doi: 10.17223/19988613/84/6

Социальный портрет врача Иркутской губернии в XIX – начале XX в.

Ирина Вячеславовна Орлова¹, Ирина Львовна Дамешек²

¹ Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, Россия, irina_orlova7@mail.ru

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, dameshek@rambler.ru

Аннотация. На основе архивных источников, впервые вводимых в научный оборот, анализируется социальный портрет профессиональной группы врачей Иркутской губернии. В качестве основных параметров анализа использовались следующие элементы: этническая и религиозная принадлежность; половозрастная характеристика; экономико-материальное положение (текущие доходы и уровень благосостояния); социальное влияние и социальная роль (авторитет и престиж профессии, условия труда и объем полномочий). Авторы приводят биографические сведения, профессиональные характеристики и описывают условия службы врачей.

Ключевые слова: врач, социальный портрет, статус, Иркутская губерния

Для цитирования: Орлова И.В., Дамешек И.Л. Социальный портрет врача Иркутской губернии в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 42–53. doi: 10.17223/19988613/84/6

Original article

Social portrait of a doctor in the Irkutsk province in the 19th – early 20th centuries

Irina V. Orlova¹, Irina L. Dameshek²

¹ Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation, irina_orlova7@mail.ru

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation, dameshek@rambler.ru

Abstract. The main purpose of this research is to analyze the social portrait of a doctor in the Irkutsk Governorate in the 19th - early 20th centuries. The essential components of a social portrait of that historical period were the educational and regional status of a doctor, since a Siberian doctor differed from a doctor from the middle belt of Russia; there was also a social differentiation between urban and rural doctors within the Siberian medical community. However, according to the modern understanding of "social portrait", the main indicators in this article are: ethnicity and religion; gender characteristics; economic and financial status; social influence and social role.

The article is based on the materials from six fonds of the Irkutsk Region State Archive, which were first introduced into the scientific community. These documents contain personal data of doctors from formulary lists, report materials, letters and protocols. As an additional source, materials from the periodical press of Irkutsk were used.

The analysis of the social portrait of a doctor in the Irkutsk Governorate showed that ethnically the medical profession was mostly shared by Russians, Poles and Jews, who were denominationally represented by the branches of Christianity and Judaism. Despite the multi-confessional composition of Irkutsk Governorate, there were no representatives of indigenous peoples in the medical community. A unique phenomenon for the medical profession in Siberia was the presence of female doctors in Irkutsk. The gender approach in the higher education system during the reviewed period created significant barriers for women to receive a medical education, with the exception of female obstetricians and gynecologists. The financial position of the Irkutsk doctors was at a decent level, the total income was made up of many elements. A considerable part of the income consisted of the Siberian service fee. The service in Siberia had an impact on the material part of the pension, which served as a great economic incentive. However, the poor financial situation of the medical institutions and the shortage of medical personnel created difficult working conditions for doctors, especially in rural areas, and increased the volume of medical duties. The distrust of doctors among the peasant and indigenous population decreased the level of the profession reputation.

As a result of researching the social portrait of a doctor in terms of the above-mentioned components, it is worth noting that a more stable position of the doctor's status existed among the urban population. The doctor's place of service played an important role, and there were differences in the status of civilian doctors and military doctors.

Keywords: doctor, social portrait, status, Irkutsk province

For citation: Orlova, I.V., Dameshek, I.L. (2023) Social portrait of a doctor in the Irkutsk province in the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 42–53. doi: 10.17223/19988613/84/6

Анализ социального портрета профессиональной группы подразумевает описание некой интегральной характеристики, выражающейся в наиболее существенных признаках, отражающихся в восприятии общества, отождествляющихся с определенным набором социального поведения, обладающих ценностными ориентирами и образом жизни, присущим этой социальной группе. В трактовке современного подхода к характеристике социального портрета профессиональной группы образовательный статус является «прилагаемым», выступает лишь социальным лифтом для занятия более высоких ступеней в социуме. Исследователи отмечают, что в конце XX в. в современной России статусные функции образования во многом утратили былое значение и практически перестали играть роль в характеристике социального портрета [1. С. 85].

В данной статье на основе документальных фактов, впервые вводимых в научный оборот, проведем анализ и дадим характеристику социальному портрету врача Иркутской губернии XIX в., где уровень образования выступал не только существенным фактором в контуре социального портрета, но был обязательным условием для вхождения в социальную страту «служащих врачей». Также значимым элементом в социальном портрете был региональный статус, так как по ряду параметров врач-сибиряк отличался от врача Центральной России, а внутри сибирского врачебного сообщества существовала социальная дифференциация между городскими и сельскими врачами. С учетом факторов влияния, существенных для XIX в. (образование и территориальность), в анализе «социального портрета» мы будем придерживаться современного понятия интегрированного описания социальной группы, включающего системную характеристику всех составляющих его компонентов, социальных процессов и отношений, с ним связанных [2. С. 18].

До середины 1880-х гг. количественные данные по врачам в Иркутской губернии были обрывочны и не фиксировались из-за отсутствия медицинской статистики. Однако качественную характеристику иркутским врачам можно получить из отчетов, формулярных списков и пр., которые легли в основу данной статьи.

Обобщенно рассмотрим основные индикаторы, на базе которых формировался анализ социального портрета врача: этническую и религиозную принадлежность; гендерную характеристику; экономико-материальное положение; социальное влияние и социальную роль.

Этническая и религиозная принадлежность

Первый лекарь Иркутска Иоганн Ваксман был иностранцем, что для середины XVIII – начала XIX в. было типичным, так как в тот период в России потребность в квалифицированных медицинских кадрах в значительной мере удовлетворялась за счет приглашения лекарей из-за рубежа. В Иркутской губернии до середины XIX в. было немало лекарей с иностранными фамилиями: Ваксман, Рейслен, Шиллинг, Далстен, Меннер, Шлихтинг, Кратче, Штубендорф, Стеффенс, Зауер, Вейрих, Кинаст, Гольтерман, Виндиш и др.

Доподлинно неизвестна этническая и религиозная принадлежность первых членов Иркутской Врачебной управы: инспектора доктора медицины VII класса Федора Реслейна, акушера – штаб-лекаря VII класса Ивана Шиллинга и позже сменившего его Андрея Далстена; первых членов-организаторов Общества врачей Восточной Сибири (1858) Вишнякова, Виндиша, Гольтермана, Громова, Зауера, Карповича, Цитовича, Стеффенса. Однако о национальной принадлежности таких идеологов создания первого врачебного сообщества в Сибири, как Г.В. Вейрих, К.В. Кинаст, мы можем делать выводы на основе документальных источников. Итак, Генрих Васильевич (Вильгельмович) Вейрих был уроженцем Лифляндской губернии, выходцем из семьи эстонского провизора, владельца небольшой аптеки, и католиком по вероисповеданию. После окончания курса медицины в Дерптском университете (1846–1851) он был зачислен на военную медицинскую службу. Скорее всего, Карл Васильевич Кинаст имел схожий этнический и религиозный статус, он также был выпускником Дерптского университета.

В середине 1860-х гг. национальный состав врачебного сообщества Иркутска стал заметно «размываться» за счет ссыльных. В течение 1863–1867 гг. в Сибирь прибывали осужденные поляки. Согласно «Правилам по устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний» от 8 января 1866 г., осужденным вменялись запреты, в том числе заниматься медицинской практикой [3. С. 47]. Но ощутимый дефицит специалистов и потребность региона в прогрессивных формах развития смягчил эти ограничения. Так, на Усольском заводе содержались и практиковали хирурги-поляки Лаговский и Лясоцкий, на Николаевском заводе (Братский острог) – врач Пласковицкий, на Александровском заводе – врач Цехановский, на должностях окружных врачей служили Талько-Грынцевич (Троицко-савск) и Ронбинский (Нижеудинск), практикующими врачами были Орачевский, Свида и др.

В период 1860–1870-х гг. среди иркутских врачей стали преобладать так называемые «православные, из сибиряков». К этой категории относились уроженцы Восточной Сибири, потомки ссыльной интеллигенции, дети сибирских мещан, дворян, священников. Во многом этому способствовало введенное в 1853 г. постановление МВД, по которому для студентов, обучающихся на медицинских факультетах, выделялись средства на условии 10-летней сибирской службы в звании городского или уездного врача. В этот период вошло в практику назначение стипендиатов от местных ведомств для обучения на медицинском факультете с обязательным условием возвращения на родину после получения диплома. Подобным примером был путь в медицину старших врачей Иркутской Кузнецовской гражданской больницы Руфа Петровича Кельберга, сына лекарского ученика П.А. Кельберга, близкого соратника декабристов, и Константина Адамовича Заорского, родившегося в Иркутске в семье ссыльного польского дворянина и местной крестьянки. Стипендиатом от Управления Горного округа на поступление в Петербургскую военно-медицинскую академию был Филарет Спиридо-

нович Ковригин, уроженец Забайкалья. После получения диплома, в 1882 г., для отработки стипендии Ковригин был направлен в Забайкалье, на Карийские золотые прииски. Проработав 4 года, вернулся в Иркутск. К концу карьеры и жизни – статский советник, гласный городской думы Иркутска, старший врач Кузнецовской гражданской больницы [4. С. 7].

Особой конфессиональной группой в 1880–1900 гг. выступают иркутские врачи-евреи. Первым иркутским евреем, окончившим высшее учебное заведение, был Григорий Леонтьевич Юдалевич, известный российский врач-венеролог. Он родился в г. Киренске, после окончания Иркутской гимназии поступил на медицинский факультет Императорского Томского университета, который окончил по специальности «кожные, венерические и мочеполовые болезни» (1893), – это был первый выпуск медицинского факультета Томского университета. После возвращения в Иркутск Юдалевич стал вольнопрактикующим врачом, принимал больных бесплатно в Михеевской лечебнице Общества врачей Восточной Сибири. В 1904 г. переехал в Петербург, где открыл лечебницу. В Иркутске его клинику поддерживал брат Фадей Леонтьевич Юдалевич, также врач-венеролог [5. С. 332].

Выпускником медицинского факультета Томского университета со степенью лекаря по специальности «сифилис и кожно-венерические болезни» (1896) был иркутский врач-еврей Яков Леонтьевич Домбровский, получивший в Иркутске известность как частнопрактикующий врач, владелец водолечебницы. В университете он учился на одном курсе со своим двоюродным братом Э.Я. Брегелем. После получения диплома и женитьбы Домбровский открыл в Иркутске частный врачебный кабинет и первую водолечебницу. Объявления о домашних приемах доктора Домбровского систематически публиковались в иркутских газетах. Его двоюродный брат Яков Энохович Брегель после окончания Томского университета работал в Иркутской Кузнецовской гражданской больнице сначала сверхштатным, после – штатным ординатором. Наряду с врачебной деятельностью в Кузнецовской больнице он преподавал фармакологию, кожные и венерические болезни в Центральной акушерско-фельдшерской школе.

Известной фигурой среди иркутских врачей-евреев был Авраам (Борис) Акимович Ельяшевич – военный врач, представитель Хаскалы. Он был потомком нескольких поколений раввинов, однако от еврейской традиции отошел, пойдя по пути получения европейского образования, значительно обрусел и являл пример интегрированного в русский быт и русскую интеллигенцию еврея. Выпускник курса медицинских наук Императорского Московского университета со степенью лекаря и званием уездного врача (1874). В Иркутске он имел большую частную практику и пользовался широкой популярностью, был активным членом Общества врачей Восточной Сибири [6. С. 127].

Самой популярной еврейской фамилией среди врачей Иркутска была фамилия Зисман. В Иркутске одновременно практиковали два врача Зисмана. Леонтий Соломонович (его горожане звали «Зисман 1-й») – врач-окулист, общественный деятель, действительный

статский советник, сын С. Зисмана, иркутского оспопрививателя. Леонтий был выпускником военно-медицинской академии, впоследствии стал редактором журнала «Врачебно-санитарная хроника Иркутска», состоял в должности городского санитарного врача. «Зисман 2-й» – Лев Соломонович, врач-гинеколог, доктор медицины, выпускник медицинского факультета Императорского Томского университета (1896). Он создал в Иркутске образцовую лечебницу [5. С. 332]. Зисман 2-й работал в клинике Леонтия Зисмана, но были ли они родственниками, неизвестно.

В многоконфессиональном составе Иркутской губернии XIX в. значительный вес имели буряты, магометане (в основном татары), но в социальной группе врачей они представителей не имели.

Гендерная характеристика

Безусловным фактором для «занятия врачебных должностей» в России в XIX в. был гендерный принцип. Это определялось, во-первых, системой подготовки медицинских кадров (только в 1872 г. правительством было принято решение об открытии при Медико-хирургической академии «особого женского курса для образования ученых акушеров» [7. С. 102]), а во-вторых, первоочередной потребностью государства в обеспечении врачами госпиталей, лазаретов, этапов и тюрем военного ведомства.

Поэтому, давая гендерную характеристику врача XIX в., можно утверждать, что врач – мужская профессия. Наличие во врачебной корпорации женщин-врачей было редким исключением, на котором стоит остановиться подробно. Следуя примеру первых русских женщин, получивших звание доктора медицины в 1860-е гг. (Суслова, Руднева-Кашеварова, Бокова), в 1880-х гг. стали появляться женщины-врачи в Иркутске. Известно, что в Обществе врачей Восточной Сибири активную работу вели А.С. Ковригина, М.Э. Глаголева, В.Г. Зисман [8. С. 14]. При этом в различных источниках статус первой женщины-врача в Иркутске приписывается и Зисман, и Ковригиной.

Вера Григорьевна Зисман, дочь иркутского присяжного поверенного Г.А. Аптекмана, преуспевающего адвоката, вышла замуж за Зисмана 1-го, врача-офтальмолога. Она имела активную гинекологическую практику в городском родильном доме, называемом «Зисманским», осуществляла акушерскую помощь. На поприще общественной деятельности, будучи членом Общества врачей Восточной Сибири, вела просветительскую работу, была организатором обучения женщин перед родами, занималась вопросами их психологической подготовки. В Иркутске была известна как прекрасный врач, общественный деятель и преподаватель женской фельдшерской школы.

Поистине самоотверженной выглядит судьба женщины-врача Анны Семеновны Ковригиной, супруги врача Ф.С. Ковригина. Выйдя замуж (примерно в 1877–1878 гг.), она уехала вслед за мужем в Петербург и поступила на «особый женский курс ученых акушеров». К окончанию учебы в семье Ковригиных было двое детей, ожидался третий. В 1882 г. Анна Семенов-

на выехала к мужу в Забайкалье, в дороге родила дочь. По возвращении в Иркутск занималась врачебной практикой: работала в качестве неофициальной заведующей акушерским отделением Иркутской Кузнецовской гражданской больницы (в штат больницы эта должность не входила, хотя акушерское отделение неофициально существовало). Со времени открытия Центральной школы фельдшериц (1893) совмещала должность надзирательницы (завуча) и преподавателя курса акушерства-гинекологии. После смерти мужа приняла решение учиться дальше, хотя в семье было уже 12 детей, младшему было меньше года. Оставив старших детей на попечение знакомой, А.С. Ковригина с младшим ребенком уехала на год в Петербург. Осенью 1903 г. вернулась в Иркутск и продолжила работу [9. С. 23].

Когда в Иркутске в 1890-е гг. оформилась зубо-врачебная специализированная помощь, появились женщины – зубные врачи: С.Г. Писаревская (Лури), политическая ссыльная, впоследствии товарищ председателя Иркутского зубо-врачебного общества, С.Р. Домбровская, М.И. Ромм-Аронсон. Наиболее ярко представлена биография Софьи Рафаиловны Домбровской. Для своего времени и конфессионального статуса она была довольно прогрессивной, а в силу купеческого происхождения – состоятельной. После ее свадьбы с врачом Я.Л. Домбровским (1902) родители Софьи в качестве приданного приобрели за 5 тыс. руб. дом, где ее супругом были устроены частный кабинет по лечению кожных болезней и водолечебница. Обладая дипломом врача медицинского факультета Императорского Московского университета, С.Р. Домбровская открыла зубо-врачебный кабинет в том же доме.

Женщина в медицине XIX в. – явление нетипичное, а женщина-врач – явление уникальное. Еще в 1861 г. доктор Н.И. Кашин статье «Докториссы» осуждал реакционные взгляды некоторых врачей на женское медицинское образование, призывал не препятствовать получению женщинами медицинского образования: «Женщины-врачи нам очень нужны. Не говоря о лечении женских болезней, рука женщины нежнее, сердце ее мягче, взгляд ее на вещи более практичен. Чем больше медицина становится строгой и трудной наукой, тем скорее женщина нужна в медицине для применения науки к жизни, для утешения больных, для утирания слез. Итак, во имя эмансипации, во имя равноправия, во имя вечной чистоты человеческой природы не заграждайте женщинам дорогу в святилище медицинской науки!» [10. С. 53].

Экономико-материальное положение

Говоря о уровне благосостояния иркутских врачей XIX в., стоит отметить, что существенными обстоятельствами для данной характеристики социального портрета являются:

1) длительный временной отрезок анализа, в результате чего мы будем наблюдать непостоянство величины дохода, так как доход врача складывался из годового жалованья, постепенно вводимых дополнительных выплат: прогонных, столовых, квартирных и пр., а также

зависел от потребительской способности рынка на протяжении всего столетия;

2) дифференциация статуса внутри врачебного общества (квалификация, чины, ведомственная принадлежность, местонахождение, выслуга).

Для последовательного рассмотрения следует начать с учреждения в 1798 г. Иркутской Врачебной управы в составе инспектора, оператора (хирурга) и акушера с назначением годового жалованья: инспектору – 700 руб., оператору и акушеру – по 500 руб. каждому, писарю – 80 руб. [11. Л. 23]. Согласно штатам на должности чинов Врачебной управы назначались лица медицинского звания не ниже доктора медицины или штаб-лекаря, поэтому при сравнении размера жалованья члена Врачебной управы с доходом практикующего врача следует принимать во внимание уровень медицинского чина. Интересно сравнение жалованья инспектора Врачебной управы с жалованьем начальника пожарной охраны. В 1800 г. в Иркутске «для руководства пожарным делом при полицейской части» была введена должность брандмейстера с размером жалованья в 1 920 руб. в год [12. С. 441]. Значительная разница в жалованье у двух высших должностей определенных профессиональных групп объясняется «полезностью»: Иркутск как центр торговли и город деревянных застроек достаточно точно знал цену пожарам, в то время до понимания ущерба от медико-санитарных проблем население еще не созрело.

Обозначенный выше размер жалованья у членов Врачебной управы сохранялся до 1822 г., когда управа стала самостоятельным органом при Общем губернском управлении. Спустя полвека, когда в 1887 г. инспектор Иркутской Врачебной управы Степан Семенович Муратовский был уволен со службы на основании личного прошения, в его формулярный список было внесено: «...вышел на пенсию в 58 лет, прослужив в Сибири 32 года; имел годового жалования 1 250 руб., столовых 1 250 руб.; добавочного жалования за сибирскую службу 900 руб.; пенсии за выслугу 450 руб., что в общем составляло: 3 850 руб.» [13. Л. 144].

Как видим, многократное увеличение дохода врача давали различные прибавки к жалованью, которые постепенно вводились в отношении медицинских служащих; особенно ощутимой была выплата за «сибирскую службу». Однако мы видим почти двукратную разницу между первоначально введенным жалованьем инспектора Врачебной управы, доктора медицины VII класса Ф. Реслейна (1798) в 700 руб. и жалованьем инспектора Врачебной управы, доктора медицины, действительного статского советника С.С. Муратовского (1872–1887) в 1 250 руб. Чтобы понять динамику увеличения оплаты труда, стоит привязать ее к цене на хлеб как главному эквиваленту уровня жизни. Так, летопись Кротова гласит, что в январе 1802 г. были «закрыты винокуренные заводы... по дороговизне ржаного хлеба (1 руб. 30 коп.)» [14. С. 312]. В следующем источнике встречаем, что в декабре 1887 г. в Иркутске цена на ржаную муку составляла 1 руб. 50 коп. – 1 руб. 60 коп. [12. С. 511]. То есть можно считать, что цены на продовольствие менялись не так значительно, как жалованье инспектора Иркутской Врачебной управы, чинов-

ника высшего уровня в губернской системе медицинских чинов.

Рассмотрим уровень дохода врачей (уездных лекарей), должности которых были введены в 1797 г. с непосредственным подчинением Иркутской Врачебной управе. Вместе с учреждением должностей лекарей был определен размер годового жалованья в 300 руб. В качестве сравнения приведем разницу между врачебной и фельдшерскими должностями: в 1800 г. годовое жалование Киренского уездного лекаря составило 300 руб. (без надбавок), старшего лекарского ученика – 60 руб., младшего – 45 руб. При этом лекарю за каждый дополнительный уезд назначалась прибавка по 100 руб. [11. Л. 35–37].

28 августа 1809 г. императором Александром I был принят доклад Министра внутренних дел с отметкой «Быть по сему», в котором содержалось обоснование увеличения доплаты уездным врачам за дополнительное выполнение обязанностей: «По причине недостатка медицинских чиновников по губерниям, местное начальство возлагает на местных уездных врачей исполнение медицинских обязанностей, сверх настоящих их должностей и по другим уездам, с награждением за труды их половины из 300 руб. жалования уездного врача. Но вознаграждение не соответствует важности двух должностей, требующих неутомимых трудов и беспрестанных разъездов (для освидетельствования мертвых тел, и других случаев, как пользование больных в обоих уездах, равно проходящих воинских команд и рекрутских партий), заставляет медицинских чиновников уклоняться часто от таковых препоручений. Просим повелеть начальникам губерний, по засвидетельству Врачебных управ распоряжений о награждении полным окладом тех, кто занимался своей обязанностью сверх настоящей его должности более месяца... Постановление единственное, на чины Врачебных управ распространяться не будет» [15. Л. 18–24]. Этим решением власти предприняли попытку не только компенсировать (за счет доплат) тяготы врачебной службы, связанные с непростыми условиями и увеличенным объемом работы, но и выделить группу уездных практикующих врачей как целевую для назначения дополнительных средств.

В сибирских губерниях дефицит врачей был настолько велик, что с 1815 г. на врачебные должности стали распределять выпускников медицинских факультетов на льготных условиях: «Лекарей, определенных в Сибирь на места со штатным жалованием... награждать чином титулярного советника». Это соответствовало чину IX класса, который давался «профессорам при Академии» и «докторам всяких факультетов, которые в службе обретаются». Каждому лекарю, направленному в Иркутскую губернию, кроме прогонных денег на две лошади выдавалось еще по 600 руб. [16. Л. 28]. Тогда же произошло существенное повышение жалованья уездным лекарям.

Однако врачи больниц Приказа общественного призрения МВД обладали более низким экономическим статусом по сравнению с врачами военного ведомства. «Приказная» медицина, направленная на «подание» медицинской помощи низшим чинам, отставным сол-

датам, мещанам, крестьянам и прочим обладала скудным бюджетом, который отражался как на комплектовании и материальном содержании больниц, так и на уровне дохода медицинского персонала. В 1844 г. общее годовое содержание (с прогонами, столовыми, надбавками за выслугу) окружного лекаря IX класса составляло 1 200 руб. против содержания врача военного госпиталя 2 700 руб. [15. Л. 11].

До 1865 г. в Иркутской губернии, занимавшей площадь в 690 131 кв. верст, внегородское население оставалось практически без медицинской помощи. 15 июля 1865 г. было введено положение «Об окружных сельских врачах в Восточной Сибири», чем положено начало сельской медицине в Восточной Сибири. Согласно документу в каждом округе губернии (Иркутском, Балаганском, Киренском, Нижнеудинском, Верхнеленском) вводилась должность окружного сельского врача. Кроме годового денежного содержания в 720 руб. (350 руб. – жалованье, 200 руб. – столовых, 100 руб. – на разъезды по округу, 30 руб. – на приобретение медицинских книг и журналов, 40 руб. – на канцелярские расходы) окружным сельским врачам предоставлялось право на бесплатную квартиру, бесплатное пользование земельным участком «для хлебопашества из ближайших крестьянских свободных дач», не превышающим 100 десятин. По прошествии 15 лет «беспорочной службы» эти земли переходили в собственность, но, как правило, медицинские работники ими не пользовались, предпочитая получать денежную компенсацию от крестьянских обществ [17. Л. 4–10].

Исследуя вопрос комплектования окружных больниц медицинским персоналом, отмечаем, что зачастую в 1860–1870-х гг. должность врача не входила в штат учреждения. Его обязанности по больнице выполнял окружной врач, совмещая лечение стационарных и амбулаторных пациентов с разъездами по округу, составлением актов санитарно-эпидемиологического состояния дворов в селениях, проводя медико-судебную экспертизу и пр. Так, в 1868 г. в штат должностей Киренской окружной больницы входили: смотритель больницы – 1 (с годовым жалованьем 125 руб., столовых – 75 руб., доплата на канцелярские расходы – 120 руб.); фельдшер – 1 (с годовым жалованьем 120 руб.); повар, он же хлебопек – 1 (с жалованьем 10 руб. 80 коп.); палатные служители – 2 (с жалованьем 10 руб. 80 коп. на каждого); прачки – 2 (с жалованьем по 18 руб. в год на каждую); караульный при кладовых – 1 (с жалованьем 32 руб.). Штатного врача при Киренской больнице не было, обязанности врача были возложены на Киренского окружного врача. Годовое жалованье за эту должность он получал в размере 350 руб. от казны, 150 руб. столовых и 100 руб. разъездных [18. Л. 9].

Как отмечалось выше, социальный портрет врача формировался под влиянием разных обстоятельств и условий, и не последнюю роль играл статус лечебного учреждения. Кузнецовская больница, построенная в 1871 г. на 220 штатных коек, считалась лучшей во всей Восточной Сибири. Это отражалось на материальных условиях, объеме работы, штатной комплектации персонала и его оплате труда. В 1875 г. на должность старшего врача Иркутской Кузнецовской граж-

данской больницы Иркутского Приказа общественно-го призрения был назначен Р.П. Кельберг с размером годового содержания 840 руб. (жалованье 560 руб. и 280 руб. столовых) [19. Л. 75–76]. Для сравнения приведем размеры годового дохода других служащих больницы: младший врач Кокорин – 600 руб. (жалованье 400 руб. и 200 руб. столовых); смотритель больницы – 600 руб. (жалованье 400 руб. и 200 руб. столовых); старший фельдшер – 180 руб. [19. Л. 81–82]. Спустя время, в 1880-е гг., при больнице был выстроен «Дом для врачей», где врачам предоставлялись служебные квартиры.

Однако и в этот период продолжала сохраняться разница в доходах между врачами «приказного» и военно-ведомственного подчинения. В 1879 г. врач Шерагульского войскового конвойного лазарета А. Завьялов был определен на должность с годовым жалованьем в 750 руб. (оклад), так же как и С.П. Тыжнов, прибывший из Казани в 1887 г. на службу врачом Бирюсинского гражданского этапного лазарета [20. Л. 2–6 об.]. К штатному жалованию полагались дополнительные выплаты.

В период 1880–1890-х гг. иркутское медицинское сообщество стало участником и свидетелем больших перемен в формирующейся системе здравоохранения региона: зарождение профилизации медицинской помощи, проведение медико-санитарных мероприятий, увеличение коечного фонда больниц. Все это оказало влияние на вопросы материальной поддержки врачей. 12 августа 1892 г. на заседании Иркутской городской думы, посвященном угрозе заноса холеры, было принято решение разделить город на три постоянных санитарных участка, заведование которыми было поручено врачам с окладом годового жалованья 1 200 руб. каждому. Спустя 15 лет подобные угрожающие здоровью и жизни врачей условия стали обеспечиваться страховыми суммами на случай смерти врача.

В 1890-е гг. произошли изменения в оплате должностей старших врачей гражданских больниц. Если в 1875 г. годовое содержание старшего врача Кузнецовской гражданской больницы Р.П. Кельберга составляло 840 руб., то в 1897 г. старший врач той же больницы П.П. Асташевский получал годовой доход 2 500 руб. [21. Л. 2]. Избранным по конкурсу в 1895 г. первому директору и старшему врачу Иркутской Ивано-Матренинской детской больницы Г.И. Губкину был определен размер годового жалования в 2 400 руб., также предоставлялась готовая квартира [22. С. 38].

Безусловно, врач XIX в. обладал стабильным заработком, который зависел от выслуги лет и занимаемой должности, врач не влачил существование, но и не был финансово выделяющейся фигурой в касте российского чиновничества. По выходу на пенсию врачу за «сибирскую службу» назначалась значительная прибавка, что было большим стимулом. В течение службы врачи могли себе позволить выезжать в отпуск в Центральную Россию, были и те, кто стажировался за рубежом, оплачивали обучение детям в гимназиях. Примером тому служит семья врачей Ковригиных, в которой все 12 детей получили образование [4. С. 7]. Абсолютно очевидно, что были врачи-«бессребреники» и врачи-

владельцы частных кабинетов, но эти крайние проявления отражают не профессиональную, а личностную характеристику. Выходя на пенсию, многие иркутские врачи предпочитали покинуть Иркутск, перебраться в более благоприятный климат и «цивилизованные» условия, а учитывая, что «сибирская» пенсия позволяла чувствовать себя уверенно в европейской России, это было вполне объяснимо.

На основании изложенного можно утверждать, что уровень дохода врача отнюдь не был низким, шло постепенное его увеличение, предпринимались меры материального стимулирования. Но был ли доход врача соизмерим с профессиональной ответственностью, условиями труда и быта, – на этот вопрос можно ответить, рассмотрев следующую характеристику социального портрета врача.

Социальное влияние и социальная роль

Анализируя «социальное влияние» профессии врача, мы предлагаем рассмотреть уровень авторитета и доверия, престиж профессии, отношение общества и власти к исполнению врачами их обязанностей. Говоря о «социальной роли», остановимся на фактах, характеризующих условия труда и объем полномочий. С учетом того, что в первой половине XIX в. в Иркутской губернии практически отсутствовала профессиональная врачебная помощь и преобладали народные способы лечения, у населения было сформировано двойственное отношение к деятельности врача: с одной стороны, врач «как ученый человек» вызывал уважение, с другой – недоверие и опасение, при котором надежнее было обойтись без врача. Но когда вопрос касался финансовых затрат на получение врачебных услуг, население далекой иркутской провинции занимало твердую позицию отстраненности и даже неприятия. Так было, когда в Иркутске появился первый городской врач Ваксман, который за 25 лет службы не снискал уважения горожан, так как предпочитал пользоваться только состоятельными пациентами [9. С. 13]. Так продолжалось до 1767 г., когда в Петербург, в Законодательную комиссию, работавшую по исполнению Указа 1737 г. «О содержании в знатных городах лекарей...», из Иркутска было направлено письмо, объяснявшее «медленное заполнение должностей городских врачей» тем, что городские магистраты считали городских лекарей «непозволительной роскошью» и не хотели тратить деньги на их содержание, прося упразднить должность лекаря вовсе [23. Л. 17].

Частное предпринимательство Иркутской губернии также оказывало пассивное сопротивление введению врачебных должностей на фабриках. 26 декабря 1866 г. было утверждено положение Комитета министров «Об устройстве при фабриках и заводах в Московской губернии больничных помещений», обязавшее владельцев предприятий, имеющих более 1 000 рабочих, устраивать больницы из расчета 1 койка на 100 человек. Согласно постановлению Госсовета, с 1867 г. это постановление вступало в силу на всей территории страны. Безусловно, в Иркутской губернии таких крупных предприятий не было, и это давало возможность «за-

крывать глаза» на невыполнение требований положения до конца 1870-х гг., пока циркуляры из Петербурга не стали систематически требовать отчетов по исполнению документа. Так, 24 июня 1877 г. в ответ на уведомление Врачебной управы относительно содержания врача из Главной конторы Товарищества Николаевского железодельного завода братьев Бутиных было направлено письмо, где содержалась требование указать статью закона, которой стоит руководствоваться при определении врача, а также указывалось, что назначение врачей должно происходить по представлению самой Врачебной управы, и далее: «Покорнейше прошу сообщить мне циркулярное предписание Министра внутренних дел 1866 г., в коем... действительно надобность во враче обусловлена для Николаевского завода... Должен присовокупить, что назначение врача на железный завод я могу признать обязательным, если отпустить на его содержание, какое назначено по штатам, а если такового еще нет по обоюдному нашему согласию, то врачам указанную цифру в 1 300 руб. серебром нахожу высокой. Жалование на одного врача для 10 человек и лазарета не соответствует такой плате» [24. Л. 9 об.].

Наблюдалась парадоксальная вещь: врач обществу XIX в. был и нужен, и не нужен одновременно, выбор зависел от преследуемой цели. Влияние на колеблющийся социум старалась оказать немногочисленная группа иркутских врачей, внедряя различные инициативы: объединение в профессиональное сообщество (1858), учреждение бесплатной лечебницы для вольноприходящих больных (1861), организация ночных дежурств (1888), проведение публичных лекций с просветительской целью, предложение открытия амбулаторий в предместьях Иркутска (1896), санитарное обследование города и пр. Однако все это могло оказать влияние только на население губернского города, село оставалось в стороне от этих изменений. В Иркутске возросшее доверие к врачу и авторитет профессионалов отражались на объеме собранных сумм по благотворительным билетам, газетных публикациях, статистике обращений и пр. Так, за 56 дней работы лечебницы для вольноприходящих больных (со дня открытия 5 ноября 1861 г.) было принято 163 человека, в том числе 10 детей. Больным было выписано 156 рецептов, сделано 8 малых хирургических операций, 1 вправление перелома кости и наложение повязки. Статистика посещений как маркер доверия врачам была следующей: за январь 1862 г. в Иркутской лечебнице для вольноприходящих больных было принято 77 человек, за февраль – 85, март – 143, апрель – 119, май – 132 посетителя [25. Л. 9–20].

На селе к помощи врача предпочитали не обращаться в силу дороговизны услуги, обывательского недоверия и мировоззренческих установок. Расходы по оплате за лечение крестьян несли крестьянские общества, решения об этом принимались на сходах, но сначала рассматривались бюджет общества, целесообразность выделения средств на лечение конкретного крестьянина, – все это длилось долго, и не всегда в пользу страдающего недугом. Исключение составляли «прилипчивые болезни», реагировать на которые

старались быстрее. Из донесения Киренского окружного сельского врача Красицкого в Иркутскую Врачебную управу от 9 октября 1893 г.: «...жители по р. Лена на коклюш внимание не обращают и редко просят о помощи медицинской» [26. Л. 34].

Авторитет сельского врача у населения поддерживался с большим трудом (селяне прятали детей от осмотров, не пускали медицинский персонал на двор во время оспопрививания, игнорировали предписания по санитарному осмотру дворов, ретирад, бань и пр.), но и со стороны властей к сельским врачам было потребительское отношение, часто с нескрываемым недоверием к исполнению их обязанностей. Приведем пример донесения в Иркутскую Врачебную управу Киренского окружного сельского врача Красицкого от 18 марта 1893 г., в котором подробно описаны содержание разъездных дней с 17 февраля по 10 марта и основания для «подания медицинского пособия» 222 больным, большая часть из которых нуждалась в освидетельствовании физического состояния для освобождения от податей [26. Л. 1–1 об.]. Донесение врач Красицкий составил в ответ на требование Врачебной управы отчитаться о работе в округе, так как чины Врачебной управы, руководствуясь мнением окружных полицейских властей, усомнились в исполнительской дисциплине врача, и Красицкому пришлось оправдываться.

В подобных донесениях в Иркутскую Врачебную управу окружные врачи не только отчитываются, но и аргументируют правильность своих действий. Так, встречаются следующие объяснения: «Волостное начальство требовало освидетельствовать неспособных поселенцев к физическому труду; для освобождения их от платежа податей, возложенных на них... Неспособными я признаю, во-первых, стариков лет 60 и старше, во-вторых, калек безруких и безногих, потерявших или теряющих зрение и с тяжелыми страданиями внутренних органов, не позволяющие переносить физически тяжелый крестьянский труд... Кроме этого, стараюсь привлечь крестьян в приемные покои в случае заболевания, потому что крестьяне природные весьма недоверчиво относятся к больничному лечению – поселенцы же обратно. Повлиял я еще на полицейские власти, чтобы те насильно не заставляли крестьян зимним временем очищать скотские дворы от навозу (навоз. – *И.О., И.Д.*)...» [26. Л. 2–2 об.]. Резолюция, поставленная на данном отчете чиновником Врачебной управы, гласила: «К сведению. Уведомить врача, что он не обязан производить освидетельствования неспособных поселенцев», – т.е. врача нашлось за что упрекнуть, невзирая на объем проделанной работы.

В силу законодательно оформленной системы подчинения врачей полицейскому ведомству механизм взаимодействия был следующим: окружной полицейский исправник осуществлял контроль за эпидемиологическим порядком в округе, получая сведения о заболевших (особенно «заразительными болезнями») с мест, также на имя окружного полицейского начальства поступали прошения от волостных правлений и сходов крестьянских и инородческих обществ о направлении

врача для борьбы с болезнями. Поэтому окружной врач был в подчинении и на контроле у Врачебной управы и у полицейского начальства. В свою очередь, Врачебная управа получала дублирующие отчеты о деятельности врача от полицейского начальства и непосредственно от самого врача. 31 марта 1887 г. Иркутский окружной исправник обратился в Общее губернское правление и сообщил, что из донесения земских заседателей вверенного ему округа «во многих селениях лежат в ледниках трупы скоропостижно умерших и даже убитых, подлежащих вскрытию, что составляет обязанность судебно-полицейского врача Василькова, между тем врач находится в продолжительном болезненном состоянии, и исполнение его обязанностей возложено Врачебной управой на окружного сельского врача Макова». Признавая, что на врача Макова легла двойная нагрузка и он физически не может охватить весь округ, исправник требовал прислать «особого врача для выполнения обязанностей судебно-полицейского врача». Требования исправника о подтверждении «серьезности болезни» Василькова были удовлетворены документом, выданным Иркутской Кузнецовской гражданской больницей, в котором говорилось, что Иркутский окружной врач Васильков Иван Иванович в тот период времени находился на лечении как страдающий Брайтовой болезнью в связи с сильным нервным расстройством. Серьезность недуга подтвердилась спустя некоторое время смертью врача И.И. Василькова 19 июня того же года [13. Л. 135]. Из формулярного списка, составленного на 5 января 1887 г.: «Лекарь И.И. Васильков, 30 лет, жалование 700 руб. в год, столовые 700 руб. Итого: 1 400 руб. Сын священника, имения нет. 8 октября 1883 г. окончил полный курс медицинских наук Императорского Московского университета и удостоен степени лекарь. Во время учебы пользовался казенной стипендией в течение 3 лет и был освобожден с 1876–1877 и 1877–1878 уч. гг. от уплаты за слушание лекций, за что обязан отслужить по назначению правительства 5 лет и 5 месяцев. Медицинским департаментом МВД 28 января 1884 г. определен Иркутским окружным врачом. Женат первым браком на московской мещанской девице Богомоловой С.Ф., детей не имеет, православная, находится при нем» [13. Л. 142–191].

Условия труда врачей, особенно сельских, были ужасающими. В 1902 г. в газете «Восточное обозрение» был опубликован очерк разъездного фельдшера Рабиновича из с. Манзурка, в котором он описывал жизнь ольхонских бурят. Но в связи с тем, что опубликованный материал вышел с изрядной долей правок и купюр, предлагаем фрагмент рукописи, сохранившийся в фондах областного архива: «...для желающих сделать вклад в науку, да и вообще пролить свет на проказу, – к услугам прокаженные. Конечно, не в таких условиях, при каких приходится в настоящее время лечить и исследовать больных: в коровьей стойке на 18 градусах мороза, как пришлось делать господину участковому врачу, а в хорошо обставленной больнице...» [27. Л. 17 об.].

Социальный портрет врача XIX в. как собирательный образ не может быть представлен в полном объе-

ме без освещения морально-этических и мировоззренческих установок. Специфика врачебной деятельности, заключающаяся в гуманном начале, в большей степени вскрывает в личности врача социально-психологические аспекты, которые призваны дополнить профессиональный портрет существенными элементами. В качестве обзора приведем ряд контрастных примеров проявления личностно-профессиональных черт иркутских губернских врачей XIX в.

В ноябре 1885 г. в Иркутск прибыл профессиональный врач-психиатр Владимир Апполонович Брянцев, выпускник Казанского университета, сторонник введения в методику лечения душевнобольных «разумного начала». 22 января 1886 г. врач В.А. Брянцев был назначен на должность ординатора Иркутской Кузнецовской гражданской больницы и заведующим отделением душевнобольных при ней. Под влиянием прогрессивных методов содержания и ухода за душевнобольными реформатора отечественной психиатрии С.С. Корсакова В.А. Брянцев стал внедрять режим «нестеснения» и рационального ухода, отказ от смиренных рубашек. Вместе со старшим врачом Кузнецовской больницы П.П. Асташевским В.А. Брянцев вырубил последние цепи в камерах для буйных психиатрических больных. А уже 16 июня 1886 г. в Иркутске произошло резонансное событие. Психиатр Кузнецовской больницы Брянцев, внедряющий в лечение душевнобольных трудотерапию, вывел психиатрических пациентов на территорию больницы с целью привлечения их к озеленению территории. Позже В.А. Брянцев писал: «Праздные люди собрались ждать момента, когда душевнобольные разmozжат орудиями для работы череп врача, надзирателя и служителя. Не только чернь, но и интеллигентные люди смотрели на невиданные и неслыханные нововведения. Вслед за этим до 40% больных стационара стали вовлекаться в полезный труд». Позже с целью расширения методов трудотерапии к физическому труду на больничном огороде из 68 психиатрических пациентов были привлечены 22 человека (из них 12 женщин). Этими больными были вскопаны гряды, посажены семена, производился полив, устроен парник и приготовлены рамы к нему. Иркутская газета «Восточное обозрение» писала в 1888 г. о В.А. Брянцеве как о враче, проявляющем отеческое отношение к больным и большую заботу о них [28]. 28 ноября 1914 г. в центре Иркутска около 15.00 часов на проходящего доктора Брянцева напал его бывший пациент и нанес два ножевых ранения: одно в плечо, другое – в область сердца. В бессознательном состоянии Брянцева доставили в Кузнецовскую гражданскую больницу, но спасти доктора не удалось, он скончался от полученных ран в тот же день. Нападавшим был пациент Брянцева, трижды находившийся на лечении в психиатрическом отделении, «страдавший алкоголизмом и проявлявший во время запоев признаки психической ненормальности».

В январе 1887 г. из Казани прибыл на службу врачом Бирюсинского гражданского этапного лазарета Сосфен Порфирьевич Тыжнов. Более 10 лет он был врачом Ремесленно-воспитательного училища Н.И. Трапезникова, на протяжении 7 лет состоял бесплатным

врачом Мариинского приюта императрицы Марии Федоровны. Из некролога Тыжнова в газете «Иркутские губернские ведомости» за 1905 г.: «В Иркутске покойный не гремел славой, но зато хорошо был известен как знаток своего дела и как человек с отличной христианской душой почти всей бедноте города. Тут он не получал гонорара, а что мог, давал от себя» [29. Л. 4]. Тыжнов оставил семью без всяких средств.

Что касается соблюдения врачами этических норм или дисциплинарной ответственности, то за этим были призваны следить ведомственные инстанции. Для врачей, состоящих на гражданской службе, это были Врачебная управа (с 1895 г. – Врачебное управление), комиссия Общего губернского управления, попечительские советы больниц. Сохранились документальные свидетельства предписаний, которые были мерой реагирования на проявленную неразборчивость врачей при выписке бесплатных рецептов в Михеевской лечебнице для приходящих больных. Так, попечительский совет врачей Восточной Сибири, 2 декабря 1882 г. дал ответ за № 118: «Совет не может проверять действия врачей, которые должны быть основаны на их нравственном убеждении в бедности пациентов. Но вместе с тем просит принять во внимание крайне скудные материальные средства лечебницы и не обессиливать пропиской дорогих лекарств... При этом Совет полагает, что материальный и нравственный успех лечебницы зависит от разумной бережливости» [30. Л. 6].

24 декабря 1882 г. Иркутская Врачебная управа вынесла решение по вопросу, касающемуся Иркутского окружного врача Константина Францевича Дзедзюля. Суть вопроса была в следующем: врач Дзедзюль, ссылаясь на серьезные недуги, перестал исполнять обязанности окружного врача. По окончании заседания в протокол совещания было вписано решение: «Усматривая, что все припадки, на которые жаловался Дзедзюль, признаны инспектором Врачебной управы действительными, как спутники гиперемии мозга легкой формы, Управа находит, что при таком состоянии здоровья г-н Дзедзюль, получив облегчение в болезненных припадках, должен вступить в отправление обязанностей Иркутского окружного судебно-полицейского врача; возможность заниматься по прямой обязанности доказывается тем, что Дзедзюль 4 декабря был в заседании Общества врачей Восточной Сибири и принимал участие в прениях. И кроме того, в настоящий момент занимается частной практикой, о чем свидетельствует объявление в газете «Сибирь» № 51, в котором он приглашает в свою квартиру не только публику, но и врачей. При таких действиях г-на Дзедзюля нельзя допустить мысли, чтобы он как больной врач решил практиковать и через то усиливал свою болезнь – церебральную гиперемию, которую он считал главным препятствием для исполнения возложенной на него обязанности судебно-полицейского врача, а напротив, следует заключить, что Дзедзюль в данное время совершенно здоров, невероятно по каким-либо личным расчетам не может вступить в отправление занимаемой должности судебно-полицейского врача, чем, с одной стороны, затрудняет работу Иркутского

окружного сельского врача г-на Хруля, обязанного на время болезни Дзедзюля исполнять сверх прямой своей обязанности и должность Иркутского судебно-полицейского врача; а с другой стороны, вынуждает Иркутскую Врачебную управу предложить г-ну Дзедзюлю вступить в отправление своих обязанностей, в случае своего несогласия на это, подать прошение об увольнении его в отставку. Врачебная управа просит покорнейше дать категорический ответ в 7-дневный срок, считая его со времени получения данного предложения Управы. При этом предупредить г-на Дзедзюля, что если он в назначенный 7-дневный срок не вступит в отправление обязанностей или не подаст прошение в отставку, в таком случае Управа вышеизложенное представит на благоусмотрение начальника Иркутской губернии. Подлинное подписали: инспектор Муратовский, акушер Покрышкин, оператор Гаевский» [30. Л. 20–21]. Очевидно, окружной врач Дзедзюль вернулся к обязанностям судебно-полицейского врача Иркутского округа, так как 31 декабря в Иркутской Врачебной управе вновь было вынесено решение по Дзедзюлю, касающееся его профессиональной компетенции. Предписание Врачебной управы от 31 декабря 1882 г. № 3784: «При рассмотрении следственного дела и судебно-медицинского акта о причине смерти инородца Убуши Жартунова Врачебная управа нашла следующее: Ваше Высокоблагородие высказали мнение, что Убуши Жартунов умер вследствие воспаления кишок, развившегося от употребления чая, сваренного в медном нелуженом котле. Вы, заподозрив отравление, должны были, на основании 1845, 1849 и 1850 ст. Устава судебной медицины, перевязать желудок и кишки по правилам, установленным законом, положить внутренности в банки и прислать через следователя во Врачебную управу для физического исследования. Между тем подобные требования закона Вами не были исполнены, а потому Управа не могла в настоящем случае определить, было ли здесь отравление или нет. Мнение высказали поголовно: Муратовский, Гаевский, Покрышкин» [30. Л. 22–23].

Иными красками окрашен профессиональный портрет оператора Иркутской Врачебной управы, статского советника Александра Викентьевича Гаевского. Из формулярного списка: «Гаевский А.В., оператор Иркутской Врачебной управы. На службе с 1858 г. в Пензенской губернии уездным врачом, в Саратовской губернии уездным врачом. В 1874 г. командирован в Якутскую область на 3 года. С 1882 г. – оператор Иркутской Врачебной управы. В 1886 г. с караваном выехал из Иркутска. Годовое жалование 750 руб., столовые 750 руб.» [13. Л. 120]. Действительно, Гаевский по распоряжению Генерал-губернатора Восточной Сибири был командирован из Иркутска в Петербург для сопровождения каравана с золотом в качестве помощника караванного начальника 30 июля 1886 г. и на протяжении нескольких месяцев числился в составе Иркутской Врачебной управы. Но в феврале 1887 г. Гаевский прислал прошение об отставке, что стало неожиданным для коллег, ожидавших его возвращения.

В ряде публикаций, освещающих историю становления медико-санитарной службы Иркутска, первые

шаги по реализации санитарно-эпидемиологических мероприятий связывают с назначением в Иркутске на должность санитарного врача Михаила Яковлевича Писарева (1882), совершенно справедливо отождествляя его имя с прогрессивными начинаниями, направленными на санитарный контроль и профилактические мероприятия, и приписывая ему статус первого санитарного врача. Однако архивные источники содержат сведения, которые «ломают» устойчивое мнение по поводу очередности исполнения должности санитарного врача.

В Государственном архиве Иркутской области сохранился документ, свидетельствующий, что в Иркутскую Врачебную управу из Иркутской городской думы 9 июня 1879 г. было направлено сообщение, что «городской лекарь Пуцилло В.П. поступил на службу городским санитарным врачом по определению городской думы с 1 января 1878 г. и по настоящее время». При этом сопровождался сведения, лично записанные врачом: «Я родился в 38 году. Заведующим врачом в Иркутской тюремной больнице я находился с 15 октября 1871 г. по 5 августа 1874 г. по распоряжению г-на Иркутского гражданского губернатора. В лазарете Иркутского женского института я был заведующим врачом по предложению Совета института с 1 мая 1870 г. по 24 апреля 1878 г.» [13. Л. 41–42].

О профессиональной деятельности Вячеслава Павловича Пуцилло как врача сведений немного. Известно, что в бытность городским врачом (1865), когда врачи столкнулись с проблемой захоронения павших от эпидемии животных, городской врач В. Пуцилло направил предложение городскому голове: «Павший скот и другая животины в настоящее время зарываются в ямы. Находя способ этот не вполне удовлетворительным с точки зрения санитарной, я полагаю бы применить для этой цели способ сжигания. Покорнейше прошу Вас, милостивейший государь, сообщить мне, может ли быть предпринято сжигание трупов животных и какой из известных способов лучше в этих целях» [17. Л. 18]. Сложно определить по сохранившимся донесениям Пуцилло, как они характеризуют личность врача: как принципиального и требовательного или как придиричавого человека. Приводим фрагменты двух донесений городского врача В.П. Пуцилло в Иркутскую Врачебную управу:

– от 11 января 1877 г.: «Младший лекарский ученик, состоящий при мне Егоров неоднократно замечен был мною в нетрезвом поведении и, несмотря на мои повторные просьбы и приказания, не исправлялся, а потому покорнейше прошу Врачебную Управу уволить фельдшера Егорова от занимаемой им должности, а на место его определить... фельдшера из поселенцев Кораченко, свидетельство которого мною представляется»;

– от 20 января 1877 г.: «Имею честь покорнейше просить Врачебную управу выдать фельдшеру из поселенцев Кораченко свидетельство, представленное мною от 11 января, так как он объявил себя неспособным к фельдшерской должности и письменной части, который действительно ничего не знает» [31. Л. 2–3].

В.П. Пуцилло проживал в Иркутске с 1865 г. и слыл небедным человеком. Имел членство в комитете коне-

завода, жертвовал суммы на содержание зимнего и летнего ипподромов, его лошади показывали на скачках неплохие результаты, владел собственным домом в центральной части города, но в результате иркутского пожара 1879 г. дом Пуцилло сгорел, а земельный участок он продал (предположительно В.П. Сукачеву, будущему гласному городской думы и городскому голове). Газета «Сибирь» (№ 17 за 1887 г.) оставила заметку о Пуцилло: «12 января 1887 г., в Татьянин день, на встрече со студентами доктор Пуцилло как бы пропел лебединую песнь всему университетскому образованию, выставляя на вид, что в жизни играет большую роль протекция, а не образование» [32]. В начале 1890-х гг. он переехал в Петербург. Очевидно, как санитарный врач он прошел весьма незамеченной фигурой, его с легкостью затмила личность М.Я. Писарева, деятельного и энергичного врача-профессионала, оставшегося в памяти «первым».

Михаил Яковлевич Писарев, врач-сибиряк, племянник М.В. Загоскина, «отца иркутской журналистики», на посту санитарного врача Иркутска был автором ряда мероприятий по искоренению антисанитарии в городе, инициатором обследования санитарного состояния Иркутска, организатором санитарной статистики. Сразу по окончании медико-хирургической академии поступил на службу в Восточно-Сибирский военный округ, работал врачом в Усолье. В Иркутске многих больных лечил бесплатно, за что пользовался большим уважением как человек правдивый и бескомпромиссный. Скончался на 46-м году от воспаления легких, оставив семью без каких-либо средств. Вдову и дочь спасла врачебная солидарность: по ходатайству доктора медицины Г.И. Губкина жена Писарева получила должность начальницы воспитательного дома. Позже городская дума сочла возможным обучать его дочь в Цюрихском университете [8. С. 117]. Возможно, родство с Загоскиным, собственная тяга «к перу» и публицистическое наследие, эффект от медико-санитарных мероприятий, – все это способствовало созданию образа «первого санитарного врача», первого в профессиональном качестве, первого в идеологических взглядах на проблемы города.

Заключение

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что социальный портрет иркутского губернского врача XIX в. окрашен яркой палитрой красок, и в силу специфики исторического анализа скрытыми остаются психоэмоциональные черты, поведенческие установки, элементы быта. Однако рассматривая представителей врачебного сообщества по предложенной структуре, мы констатируем, что малочисленная группа иркутских врачей в разные периоды восполнялась по двум каналам: за счет осознанного выбора (во многом основанного на мотивации продвижения по карьерной лестнице, а часто базирующегося и на интересе к профессии); на условиях вынужденного существования в роли «сибирского врача» (как ссыльный элемент, рассматривающий врачебную деятельность через призму социальной востребованности, или как выпускник ме-

дицинского факультета с вынужденным сроком обязательной врачебной практики). Этнический состав иркутских врачей объясняется возможностью той или иной конфессиональной группы получить соответствующий уровень образования. В материальном отношении врачебное сообщество не было ущемлено до такой степени, что это могло быть причиной разрыва с профессией. Внутри врачебной корпорации были постоянные перемещения, за исключением сохранения

строгих обязательств по контрактам. Что касается условий исполнения должностей, то это было самым сложным вопросом в профессии врача: климат, удаленность населенных пунктов от городов, низкий ментальный уровень населения, устойчивое отношение к обрядовым и народным традициям лечения, огромный объем работы, – все это было призвано компенсироваться за счет понятия «выслуга врача по сибирской службе».

Список источников

1. Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества / под ред. М. Тарусина. М. : Журнал Эксперт, 2006. 680 с.
2. Ермолаева П.О., Носкова Е.П., Зайнуллина М.Р., Купцова А.И., Нагимова А.М. Социальный портрет населения: методология, основные характеристики. Казань : Артифакт, 2014. 92 с.
3. Шостакович Б.С. Феномен польско-сибирской истории (XVII в. – 1917 г.): основные аспекты современных научных трактовок, результатов и задач дальнейшей разработки темы. М. : МИК, 2015. 750 с.
4. Гайдаров Г.М., Алханова Н.С. Кузнецовская больница – флагман медицинских учреждений Иркутской губернии // Актуальные вопросы здравоохранения Иркутской области. Иркутск : ИГМУ, 2008. С. 4–10.
5. Орлова И.В. Хроники провинциальной медицины: Иркутск и его окрестности. Иркутск : Репроцентр+, 2022. 336 с.
6. Чернигов А.К. Иркутские повествования. 1661–1917 годы : в 2 т. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 2. 244 с.
7. Кондрашкина Л.Г. Медицинское образование женщин в России XIX в. // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2015. № 3. С. 102–104.
8. Секулович А.Ф. Из истории борьбы с заразными болезнями в Иркутской области : очерки. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 240 с.
9. Малоземова А.И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1961. 180 с.
10. Гайдаров Г.М. Общество врачей Восточной Сибири: путь от истории к современности // Актуальные вопросы здоровья населения и развития здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 155-летию образования Общества врачей Восточной Сибири (1863–2018). Иркутск : ИНЦХТ, 2018. С. 47–56.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 474. Оп. 1. Д. 12. Киренский уездный лекарь. Наряд бумаг.
12. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. 848 с.
13. ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 17. Переписка по личному составу медицинских работников Иркутской губернии.
14. Кротов В.А. Летопись города Иркутска. 1652–1856 гг. / вступ. ст., публ., подгот. текста, коммент. Н.В. Куликаускене. Иркутск : Сиб. книга, 2013. 448 с.
15. ГАИО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 4. О состоянии медицинской помощи в сельских местностях Иркутской губернии.
16. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1705. Циркуляры, распоряжения и переписки о мерах борьбы с венерическими болезнями.
17. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1817. Об окружных сельских врачах в Восточной Сибири.
18. ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 13. Годовой отчет по больнице г. Киренска Иркутской губернии за 1860 г.
19. ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11. О формулярных списках служащих по ведомству приказа лиц за 1876 г.
20. ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 27. Формулярный список врачей.
21. ГАИО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 126. О выдаче денег на приобретение микроскопа.
22. Новожилов В.А., Филиппов Е.С. Ивано-Матренинская – наследие меценатов: 120 лет Ивано-Матренинской детской больницы. Изд. 2-е, испр. и доп. Иркутск : Оттиск, 2015. 640 с.
23. ГАИО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 1. Сборник дел. 1. Об оспопрививании. 2. О венерических болезнях, горячке, холере и кожных болезнях Киренского округа. 3. О предохранении укусов бешенных животных. 4. О чуме рогатого скота. 5. О представлении офицерам внутренней стражи, находящимся в уездных городах, отпуска по болезни. 6. О лекарственных травах. 7. Ведомости о больных, находящихся в Киренской больнице.
24. ГАИО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 2. Об учреждении должности врача и фельдшера на Николаевском железоделательном заводе Иркутской губернии.
25. ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 67. По отношении 4 отделения Главного Управления об учреждении Иркутскими врачами лечебницы для вольно-приходящих больных.
26. ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 10. Об эпидемиях по Киренскому округу.
27. ГАИО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 20. Очерк о жизни и быте Ольхонских бурят / Корреспонденция в газету «Восточное обозрение».
28. Врач – гуманист // Восточное обозрение. 1888. № 19.
29. Некролог // Иркутские губернские ведомости. 1905. 11 апр.
30. ГАИО. Ф. 96. Оп. 2. Д. 7. О сдаче дел в Губернский архив. О службе медицинского персонала.
31. ГАИО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Об увольнении медицинских чиновников в отпуска и в отставку 1877 г.
32. На праздновании Татьянинного дня // Сибирь. 1887. № 17.

References

1. Tarusin, M. (2006) *Real'naya Rossiya: sotsial'naya stratifikatsiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva* [Real Russia: Social Stratification of Modern Russian Society]. Moscow: Zhurnal Ekspert.
2. Ermolaeva, P.O., Noskova, E.P., Zaynullina, M.R., Kuptsova, A.I. & Nagimova, A.M. (2014) *Sotsial'nyy portret naseleniya: metodologiya, osnovnye kharakteristiki* [Social portrait of the population: methodology, main characteristics]. Kazan: Artifakt.
3. Shostakovich, B.S. (2015) *Fenomen pol'sko-sibirskoy istorii (XVII v. – 1917 g.): osnovnye aspekty sovremennykh nauchnykh traktovok, rezul'tatov i zadach dal'neyshey razrabotki temy* [The phenomenon of Polish-Siberian history (the 17th century – 1917): The main aspects of modern scientific interpretations, results and tasks of further development of the topic]. Moscow: MIK.
4. Gaydarov, G.M. & Apkhanova, N.S. (2008) *Kuznetsovskaya bol'nitsa – flagman meditsinskikh uchrezhdeniy Irkutskoy gubernii* [The Kuznetsov hospital – the flagship of medical institutions of the Irkutsk province]. In: *Aktual'nye voprosy zdavoohraneniya Irkutskoy oblasti* [Topical issues of healthcare of Irkutsk region]. Irkutsk: ISMU. pp. 4–10.
5. Orlova, I.V. (2022) *Khroniki provintsial'noy meditsiny: Irkutsk i ego okrestnosti* [Chronicles of provincial medicine: Irkutsk and its environs]. Irkutsk: Reprotsentr+.
6. Chernigov, A.K. (2003) *Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gody* [Irkutsk stories. 1661–1917]. Vol. 2. Irkutsk: Ottisk.
7. Kondrashkina, L.G. (2015) *Meditsinskoe obrazovanie zhenshchin v Rossii XIX v.* [Medical education of women in Russia in the 19th century]. *Bulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya im. N.A. Semashko*. 3. pp. 102–104.

8. Sekulovich, A.F. (1994) *Iz istorii bor'by s zaraznymi boleznyami v Irkutskoy oblasti: ocherki* [From the history of the fight against infectious diseases in the Irkutsk region: essays]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Malozemova, A.I. (1961) *Iz istorii zdravookhraneniya v Irkutskoy oblasti* [From the history of healthcare in Irkutsk region]. Irkutsk: Irkut. kn. izd-vo.
10. Gaydarov, G.M. (2018) Obshchestvo vrachey Vostochnoy Sibiri: put' ot istorii k sovremennosti [The Society of Doctors of Eastern Siberia: the path from history to the present]. In: *Aktual'nye voprosy zdorov'ya naseleniya i raz-vitiya zdravookhraneniya na urovne sub"ekta Rossiyskoy Federatsii* [Topical issues of public health and the development of health care at the level of the subject of the Russian Federation]. Irkutsk: INTsKhT. pp. 47–56.
11. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 474. List 1. File 12. *Kirenskiy uездный lekar' Naryad bumag* [The Kirensky district doctor. A set of papers].
12. Kolmakov, Yu.P. (2003) *Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg.* [Irkutsk Chronicle 1661–1940]. Irkutsk: Ottisk.
13. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 2. File 17. *Perepiska po lichnomu sostavu meditsinskikh rabotnikov Irkutskoy gubernii* [Correspondence on the personnel of medical workers of the Irkutsk province].
14. Krotov, V.A. (2013) *Letopis' goroda Irkutsk. 1652–1856 gg.* [Chronicle of Irkutsk. 1652–1856]. Irkutsk: Sib. Kniga.
15. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 1. File 4. *O sostoyanii meditsinskoy pomoshchi v sel'skikh mestnostyakh Irkutskoy gubernii* [On the state of medical care in rural areas of the Irkutsk province].
16. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 9. List 1. File 1705. *Tsirkulyary, rasporyazheniya i perepiski o merakh bor'by s venericheskimi boleznyami* [Circulars, orders and correspondence on measures to combat venereal diseases].
17. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 9. List 1. File 1817. *Ob okruzhnykh sel'skikh vrachakh v Vostochnoy Sibiri* [About district rural doctors in Eastern Siberia].
18. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 474. List 1. File 13. *Godovoy otchet po bol'nitse g. Kirenska Irkutskoy gubernii za 1860 g.* [Annual report on the hospital of the city of Kirensk, Irkutsk province for 1860].
19. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 33. List 1. File 11. *O formulyarnykh spiskakh sluzhashchikh po vedomstvu prikaza lits za 1876 g.* [On the official lists of employees in the department of the order of persons for 1876].
20. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 2. File 27. *Formulyarnyy spisok vrachey* [Formulary list of doctors].
21. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 33. List 1. File 126. *O vydache deneg na priobretenie mikroskopa* [On the money for the purchase of a microscope].
22. Novozhilov, V.A. & Filippov, E.S. (2015) *Ivano-Matreninskaya – nasledie metsenatov: 120 let Ivano-Matreninskoy detskoj bol'nitse* [Ivano-Matreninskaya Hospital – the legacy of patrons: 120 years of the Ivano-Matreninskaya Children's Hospital]. 2nd ed. Irkutsk: Ottisk.
23. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 474. List 1. File 1. *Sbornik del. 1. Ob ospoprivivanii. 2. O venericheskikh boleznyakh, goryachke, kholere i kozhnykh boleznyakh Kirenskogo okruga. 3. O predokhraneni ukusov beshennykh zhivotnykh. 4. O chume rogatogo skota. 5. O predstavlenii ofitseram vnutrenney strazhi, nakhodyashchimsya v uездnykh gorodakh, otpuska po bolezni. 6. O lekarstvennykh travakh. 7. Vedomosti o bol'nykh, nakhodyashchikhsya v Kirenskoj bol'nitse* [Collection of cases. 1. About smallpox vaccination. 2. About venereal diseases, fever, cholera and skin diseases of the Kirensky district. 3. On the prevention of bites from rabid animals. 4. About rinderpest. 5. On the provision of sick leave to officers of the internal guard who are in county towns. 6. About medicinal herbs. 7. Sheets of patients in the Kirensk hospital].
24. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 1. File 2. *Ob uchrezhdenii dolzhnosti vracha i fel'dshera na Nikolaevskom zhelezodelatel'nom zavode Irkutskoy gubernii* [On the establishment of the position of a doctor and paramedic at the Nikolaev ironworks in the Irkutsk province].
25. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 24. List 2. File 67. *Po otnoshenii 4 otdeleniya Glavnogo Upravleniya ob uchrezhdenii Irkutskimi vrachami lechebnitsy dlya vol'no-prikhodyashchikh bol'nykh* [With regard to the 4th department of the Main Directorate on the establishment by Irkutsk doctors of a hospital for free-coming patients].
26. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 2. File 10. *Ob epidemiyakh po Kirenskomu okrugu* [On epidemics in the Kirensky district].
27. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 2. File 20. *Ocherk o zhizni i byte Ol'khonskikh buryat / Korrespondentsiya v gazetu "Vostochnoe obozrenie"* [Essay on the life and way of life of the Olkhon Buryats / Correspondence to the newspaper "Vostochnoe obozrenie"].
28. *Vostochnoe obozrenie*. (1888) Vrach – gumanist [Doctor – humanist]. 19.
29. *Irkutskie gubernskie vedomosti*. (1905) Nekrolog [Obituary]. 11th April.
30. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 96. List 2. File 7. *O sdache del v Gubernskiy arkhiv. O sluzhbe meditsinskogo personala* [On the delivery of cases to the Provincial Archives. On the service of medical personnel].
31. The State Archive of the Irkutsk Region (GAIO). Fund 43. List 1. File 1. *Ob uvol'nении meditsinskikh chinovnikov v otpuska i v otstavku 1877 g.* [On the dismissal of medical officials on leave and resignation in 1877].
32. *Sibir'*. (1887) Na prazdnovanii Tat'yaninogo dnya [At the celebration of Tatyana's Day]. 17.

Сведения об авторах:

Орлова Ирина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Иркутского государственного медицинского университета (Иркутск, Россия). E-mail: irina_orlova7@mail.ru

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshek@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Orlova Irina V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health Irkutsk State Medical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: irina_orlova7@mail.ru

Dameshek Irina L. – Doctor of Historical Sciences, professor of the Department of History and Methods of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: dameshek@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 14.03.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья
УДК 94(470)
doi: 10.17223/19988613/84/7

От ходоков к делегациям: практики представительства и коммуникации с властью в советском обществе

Тимофей Николаевич Раков¹, Дарья Викторовна Свирина²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ timofey.rakov@gmail.com

² dsvirina@eu.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена практике низовой политической репрезентации и ее развитию в СССР. Авторы рассматривают ленинских ходоков, сталинские делегации рабочих и делегации советских немцев 1960-х гг. как способ коммуникации населения и власти в советском обществе через призму политического представительства. В силу отсутствия регламентированного механизма личного приема граждан высшими должностными лицами практика коммуникации и репрезентации тех или иных социальных групп решалась по-разному, однако способы представительства обладали общими чертами, присущими политической культуре советского общества на разных этапах его существования.

Ключевые слова: политическая культура, представительство, делегации, ленинские ходоки, советские немцы

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири», и гранта РНФ № 22-78-00172 «Политические практики советского общества в 1920-е и 1960-е годы: сравнительный аспект».

Для цитирования: Раков Т.Н., Свирина Д.В. От ходоков к делегациям: практики представительства и коммуникации с властью в советском обществе // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 54–62. doi: 10.17223/19988613/84/7

Original article

From petitioners to delegations: practices of representation and communication with the authorities in Soviet society

Timofey N. Rakov¹, Darya V. Svirina²

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ timofey.rakov@gmail.com

² dsvirina@eu.spb.ru

Abstract. The article is devoted to the practice of grassroots political representation and its development in Soviet society. The authors consider 'Walkers to Lenin', Stalin's receptions of delegations of Soviet workers and self-organized delegations of Soviet Germans in the 1960s. On the one hand, all these delegations were a way of communication between the population and the authorities in Soviet society. On the other hand, it was the practice of grassroots political representation. A delegation or a single delegate tells us that they are sent by someone, delegated to represent the interests of a certain community. If written appeals have become a sufficiently developed and regulated mechanism of communication (which also causes a great deal to the authorities to study these letters), then, due to the lack of a developed mechanism for personal reception of citizens by senior officials, the practice of communication and representation of certain social groups was solved by «delegates» in different ways. Analyzing various archival and published materials that reflect the history of delegations to Soviet authorities from the 1920s to the 1960s, the authors of the article aim to look at the problem of representation from the perspective of how it could be comprehended within the framework of the political culture of Soviet society. One way or another, the cases considered had common features referring to the public political life of Soviet society. 'Walkers to Lenin' demonstrate the initiative of the peasants themselves in the absence of a certain regulation that would determine how to implement political representation. During the Stalinist period, there was a transformation of political representation into the representation of ideal Soviet citizens. The delegation of Soviet Germans demonstrates the practice of legitimizing the repressed ethnic groups in the Late Soviet period. In the first half of the 1970s, the practice of self-organized delegations passed over under the pressure of the repressive apparatus, and they will reappear only during the period of Perestroika.

Keywords: political culture, representation, delegations, Lenin's walkers, Soviet Germans

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Russian Federation Government, project No 075-15-2021-611 “Human and the changing Spaces of Ural and Siberia”, and the Russian Foundation grant No 22-78-00172 “Political practices of Soviet Society in the 1920s and 1960s: a comparative aspect”.

For citation: Rakov, T.N., Svirina, D.V. (2023) From petitioners to delegations: practices of representation and communication with the authorities in Soviet society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 54–62. doi: 10.17223/19988613/84/7

Введение

В 1965 г. инициативная группа советских граждан, немцев по национальности, дважды собиралась в Москве с намерением добиться личного приема у высших партийных и советских должностных лиц для обсуждения вопроса о восстановлении национальной автономии для советских немцев. Делегации стали действием, последовавшим после многочисленных письменных обращений, индивидуальных и коллективных, по поставленному немцами вопросу. Один из активистов движения, В.Ф. Дизендорф, написал в своих воспоминаниях: «Делегации 1965 года – феномен, возможный лишь при авторитарном режиме с сильными элементами популизма. Наиболее известные прототипы тогдашних ходатаев – это, конечно, знаменитые ленинские ходоки» [1. С. 144]. В 1965 г. Виктору Дизендорфу было 14 лет, и его семья жила в Кемеровской области. О поездке в Москву группы «своих соплеменников» он узнал из записей в общей тетради, которая оказалась в семье из Абакана, от близких знакомых. Сравнение делегатов советских немцев с ленинскими ходоками не лишено смысла и подталкивает нас сопоставить два случая появления делегаций – ходоки к В.И. Ленину в 1920-е гг. и делегации советских немцев в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР в 1960-е гг.

Разрешение вопроса о схожести двух отдаленных во времени явлений лежит в плоскости анализа проблемы представительства и репрезентации в ее советском изводе. Нам представляется, что делегации объединяют в себе функции репрезентации некоторого коллектива и задачу коммуникации с властью. Делегация или же единичный делегат в самом своем названии отражают то, что они кем-то направлены, делегированы представлять ту или иную группу [2. С. 90–91].

Термин «делегация» в статье фигурирует в двух плоскостях: это и понятие из самих источников, и наша аналитическая категория. Они не всегда совпадают, поскольку мы рассматриваем «делегацию» и «делеги-рование» как одну из политических практик советской системы. Причем в некоторых случаях, анализируемых в тексте, эта практика будет существовать даже в форме «самоделегирования» – репрезентации какой-то группы без соблюдения процедур избрания делегата.

Однако, прежде чем ставить вопрос о том, были ли делегации одной из форм представительства, стоит обозначить теоретическую базу, на которую мы опираемся. Для понимания репрезентации в обществе, совершающем переход от либеральной системы представительства к некоторой иной (советской), полезно обратиться к идеям марксистских авторов о представительстве вне системы институтов буржуазной демократии. Для марксистской мысли феномен репрезен-

тации и взаимоотношений между пролетариатом, его партией и системой учреждений не так очевиден. Кто-то из авторов, как, например, Д. Лукач, полагал, что рабочий класс, а вернее, даже его классовое сознание, должно олицетворять в себе всемирную историческую эмансипацию всего человечества [3]. Идея о политической организации класса, призванного осуществить всеобщее освобождение, концепция «авангардной» партии как воплощения наиболее революционных тенденций в пролетариате сформулирована В.И. Лениным в «Что делать?», однако ситуация 1917 г. и ранних лет советской власти, видимо, привела к усложнению мысли Ленина о соотношении класса, массы и политического представительства. Авангардная партия не представляла, конечно же, весь класс как целое, но революции 1917 г. поставили впервые в острой форме вопросы о том, как представляются все угнетенные массы, а не только их наиболее политизированная часть. Стоит заметить, что в работах Ленина послереволюционного периода сложно найти четко сформулированную схему представительства. В «Великом пошине» Ленин предлагает некоторое разграничение между классом и массой: «...только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала» [4. С. 14]. Здесь эксплуатируемые массы не сводятся исключительно к пролетариату, но в политическом смысле рабочие представляют в борьбе интересы всех угнетенных групп. В «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин останавливается на проблеме отношения именно партии с классом, в частности в том разделе, где он рассматривает вопрос о работе коммунистов с «реакционными профсоюзами». Здесь важно то, что и партия, как кажется, не всегда прямо репрезентирует весь класс, поскольку Ленин отмечает, что рабочие могут поддерживать некоммунистические силы.

Для данной статьи стоит зафиксировать то, что, видимо, для Ленина существовало напряжение в отношении представительства между классами в послереволюционную эпоху – идейное главенство пролетариата, но при этом существование иных эксплуатируемых групп. Партия и советы в этом отношении являются формами представления классов, но они не выражают интересы всей массы трудящихся сразу. В современном марксизме также осмысливается другой аспект этой проблемы: политические группы не представляют интересы рабочего класса, а замещают их интересами партикулярных групп [5]. Мы видим специфику феномена делегации именно на полюсе представления социальных групп, которые не всегда представлены прямо в рамках системы. Крестьянство как класс ре-

презентируется в системе Советов, но выражение конкретных интересов отдельных сообществ внутри класса осуществляется помимо этой системы, в том числе посредством делегаций. Ситуация с делегациями советских немцев отражает ту же проблему в ином историческом контексте – непредставленность внутри советской системы в целом интереса (восстановление территориальной автономии) партикулярной этнической группы.

Делегации как способ коммуникации с властью в советском обществе имеют общую основу с письмами во власть, которые заняли особое место в советской системе контроля за настроениями населения и работой партийного аппарата на местах. В наибольшей степени исследователями опубликованы и изучены письменные обращения 1920 – начала 1950 гг. Шейла Фицпатрик рассмотрела письменные обращения крестьян в 1930-е гг. в различные властные инстанции, опираясь на концепцию скрытых сценариев сопротивления Джеймса Скотта. Согласно Фицпатрик, письма крестьян стали реакцией на коллективизацию и были направлены на самозащиту [6. С. 11–12, 24–25]. Исследования о позднесоветском периоде продолжают развивать идеи, сформулированные исследовательницей, обращая внимание на отдельные жанры. Е. Богданова в письменных жалобах граждан в сфере потребления в 1960–1980-е гг. также видит эти обращения как способ отстоять свои интересы и восстановить справедливость [7].

Чаще всего письма касались проблем конкретного человека – автора обращения, однако во второй половине 1950-х гг. наблюдается поток коллективных обращений. К. Гофф рассмотрела коллективные письма от представителей этнических меньшинств на Северном Кавказе: грузины-ингилойцы, проживавшие на территории Азербайджанской ССР, и лезгины из Грузинской ССР жаловались Хрущеву на свое правовое положение и добивались реализации приписываемых любому советскому народу прав согласно ленинским принципам национальной политики [8. Р. 28–29]. Автор обратила внимание на то, что подобные кампании возникали независимо друг от друга и объяснила это общим изменением общественного сознания после войны, когда население ожидало либерализации, и снижением рычагов давления при Хрущеве, что создавало возможность начать дискуссию о правовом положении с представителями власти без ожидания жестких репрессий.

В исследовательской литературе не рассматривается то, как осмыслялась и решалась проблема представления социальных групп в рамках структур советской политической системы. Осознавая эту историографическую лакуну, в данной статье мы ставим цель взглянуть на проблему репрезентации с позиции того, как она могла осмысляться в рамках политической культуры советского общества.

Источниками для данной статьи послужили различные архивные и опубликованные материалы, в которых отражена история делегаций в советские органы власти с 1920-х по 1960-е гг. Среди таких материалов – отчеты и воспоминания о приеме Лениным ходатаев от крестьянства, стенограммы сталинских приемов

делегаций рабочих, делопроизводственные документы и самиздат о деятельности двух делегаций советских немцев в 1965 г.

Ходоки как феномен раннего советского общества

Изучение феномена ходоков и их коммуникации с Лениным сталкивается с рядом трудностей. Чаще всего встречи крестьян и Ленина никак не документировались, поскольку происходили в кабинете В.И. Ленина в Кремле. В этом существенное отличие ранних делегаций от, скажем, партийных собраний – у нас нет стенограмм бесед Ленина с ходоками. Всё, что мы имеем, – это отчеты самих делегатов, написанные сразу после бесед или же вскоре после смерти вождя, в период зарождения ленинского культа.

Сами ходоки делились на две значительные группы – коллективные делегации и индивидуальные делегаты. На известной картине В.А. Серова как раз изображен первый вариант делегации.

Термин «ходоки» – не советский, означал он, как правило, либо ходатаев в судах, либо участников переселенческого движения крестьян. По всей видимости, связь ходатайства с политикой зарождается еще до революции, о чем косвенно свидетельствует рассказ некоего Михаила Зотова, в котором ходоки от крестьян Рязанской губернии пытались найти в Петербурге депутата от своего родного края [9].

Самый ранний случай посещения Ленина делегатами от крестьян относится, видимо, к первым месяцам после Октябрьской революции. В ноябре 1917 г. Ленина в Совнаркоме посетила делегация из трех человек из г. Сердобска, представлявших местный совет. По итогам встречи был составлен протокол, отразивший время беседы (15 минут), характер приема, который затем станет частью нарратива о скромности вождя: «...принял делегацию очень просто, без доклада и промедления», – а также отразил коротко основное содержание беседы и передачу Лениным агитационной литературы и газет в Сердобск [10. Л. 42–42 об.].

В рамках нашей статьи мы рассмотрим прием Лениным крестьянских делегатов в промежутках с конца 1920 г. до начала 1921 г. – время окончания основных действий Гражданской войны и перехода к НЭПу. Вероятно, фактор наступления мира и перемен в государственной аграрной политике стимулировал направление делегаций к Ленину.

В первую очередь проанализируем относительно хорошо задокументированное посещение Ленина А.И. Гусевым, представлявшим крестьян Тверской губернии. Гусев посетил Ленина в начале 1921 г. Случай этого визита уникален тем, что существует свидетельство о направлении Гусева к Ленину. Он был делегирован не просто крестьянами той или иной волости или уезда, что было распространенной практикой, а губернским съездом крестьян и крестьянок. Поручалась Гусеву не задача донесения жалобы до Ленина, а делегировался он с политической целью – предложить созвать всероссийский съезд беспартийных крестьян и крестьянок [11]. Возможно, будучи делегатом съезда, Гусев был человеком грамотным, поскольку после

посещения Ленина он оставил об этом воспоминания, сначала напечатанные в «Тверской правде» [12, 13], а потом изданные отдельной брошюрой [14].

Стоит отметить несколько моментов в воспоминаниях Гусева, которые можно отнести к созданию образа вождя. Так, отмечался теплый прием со стороны Ленина: «Совсем он меня расположил к себе своим приемом. Как друг какой старый принял» [14. С. 8]. Той же цели, вероятно, служило и описание облика Ленина, представленное в подразделе «Как выглядит Ильич?» Можно привести характерный пример продолжения образа скромности: «Одет плохо, в старый синий засаленный костюм» [14. С. 9]. В отчете также обращает на себя внимание общение с Лениным на «ты», что является отражением похожего обращения к царю до революции. Еще один момент, который можно было бы отнести к коммуникации, отражающей формирующийся культ вождя, — это нарратив о личном влиянии Ленина на отношение к власти: «Раньше, когда в Москву ехал, недоложен был на многое у Советской власти, а как послушал Ленина — знаю уже, что иначе никак нельзя...» Второй момент — намерение Гусева перейти на советскую работу после встречи с партийным лидером [14. С. 12].

Не стоит в то же время переоценивать влияние складывающегося культа на коммуникацию делегата и Ленина. Отчет не сообщает нам о том, что Гусев докладывал Ленину об успехах советской власти в своей губернии, скорее, он показывает интерес тверского крестьянина к дискуссии с вождем о различных аспектах внешней и внутренней политики в СССР. Также на определенную содержательность коммуникации указывает и помещенная в конце брошюры резолюция ВЦИК о создании комиссии для рассмотрения вопроса о созыве беспартийной крестьянской конференции [14. С. 16]. Таким образом, показывался некоторый результат визита делегата в Москву.

Другой пример делегатов, принятых Лениным в том же 1921 г., — визит к нему крестьян из Владимирской губернии И.А. Чекунова и Н.А. Ганявина 28 февраля. На этой встрече также присутствовал редактор газеты «Беднота», а обсуждалась на ней реформа мясной промышленности. Чекунов был одним из тех делегатов, кто обсуждал с Лениным идею перехода к продовольственному налогу. Более того, встреча в 1921 г. Чекунова с Лениным была не первой, они беседовали и в 1919 г. [15. С. 202]. Судя по отчетной заметке в «Бедноте», Чекунов и Ганявин были избраны делегатами на сельском собрании [16]. От других ходоков Чекунов отличался тем, что он и прежде, до приема у Ленина, публиковал свои статьи в «Бедноте» и еще до революции был довольно активным деятелем в своей Гороховецкой волости. Вероятно, что и отчет о своей встрече с Лениным для газеты он составил сам. В этом отчете излагались мысли Чекунова о том, что для увеличения поголовья скота в деревне необходимо установить четкое количество сдаваемого государству поголовья, что будет стимулом для самих крестьян выращивать больше мясных животных. В «Бедноте» также был приведен и ответ Ленина о том, что вопрос о продналоге будет разрешен ближайшим партийным съездом.

Более пространная оценка визита Чекунова дана Лениным в письме в Наркомат земледелия от 1 марта 1921 г. В этом документе Ленин подходит к словам делегата не столько с точки зрения того, что они обсуждали в рамках конкретной беседы, а дает своему собеседнику политическую оценку и подчеркивает важнейшие моменты разговора: «Крестьяне, говорит, потеряли доверие к соввласти. Можно ли, спрашиваю, поправить налогом? Думает, что да... Вот за таких людей нам надо *изо всех сил* уцепиться для восстановления доверия *массы* крестьян. Это *основная* политическая задача, и притом не терпящая отлагательства» [17. С. 86]. Стоит обратить внимание, что Ленин курсивом выделил слово *масса* применительно к крестьянству. Можно предположить, что здесь он подчеркивал, что Чекунов выступает медиатором между советской властью (и партией) и представителями широких слоев крестьянства. Это возвращает нас к мысли о том, что в произведениях, написанных после 1917 г., Ленин поднимал проблему представленности беспартийного крестьянства, той самой массы. В продолжении мысли о представительстве Ленин предлагает Наркомзему инициировать создание «совета беспартийных крестьян» и привлечь Чекунова к работе по его организации. Выше уже упоминался Гусев, приезжавший к Ленину с очень похожей мыслью.

Привлечение Чекунова к работе, как это предлагал Ленин, действительно состоялось. Он стал членом юридической коллегии наркомата земледелия и занимался в наркомате приемом ходоков начиная с начала ноября 1921 г. [18. Л. 315 об.]. Однако проработал на этой должности Чекунов лишь до июля 1922 г., запросив в Наркомземе отставку по причине того, что приемом ходоков помимо него занимаются еще два сотрудника Наркомзема, и в силу материальных условий труда, не позволяющих Чекунову проживать в Москве [19. Л. 10]. Его просьба об отставке была удовлетворена на заседании наркомата 22 июля 1922 г. [19. Л. 1].

Третий пример делегата, который мы затронем, также выпадает на 1921 г. В данном случае к В.И. Ленину направился О.И. Чернов, крестьянин из Иркутской губернии. Их беседа состоялась 9 февраля и продолжалась в течение 15 минут [20. С. 92]. С Черновым Ленин также обсуждал проблему введения продовольственного налога и положение сибирского крестьянства. Воспоминания о встрече с Лениным Чернов, как и многие, написал уже после смерти вождя, в 1924 г. В них он не указывает, был ли он делегирован какой-либо крестьянской общиной или делегацией. Рассказ построен так, будто Чернов самостоятельно направился в Москву — «решил ехать в Москву, к Владимиру Ильичу». Возможно, на такое описание решения как индивидуального повлияла политическая субъектность Чернова — он принадлежал к партии социалистов-революционеров и в Сибири оказался, будучи на каторге «за принадлежность к партии с.-р.» [21. С. 124]. Чернов практически не описывает содержания своей беседы с Лениным, упоминая, что он зачитал ему подготовленный доклад. Текст доклада затем, по всей видимости, был напечатан в качестве статьи в «Правде» [22] по предложению самого Ленина [23. С. 3]. Статья в це-

лом затрагивала вопрос об отличиях в социальном положении сибирского крестьянина от крестьянина европейской части России, и в ней выдвигалась мысль, что первому чужды «эксплуаторские» тенденции и «кулачество». В воспоминаниях 1924 г. Чернов пытается присвоить себе функцию представителя крестьян: «Не меня, конечно, слушал т. Ленин, как какую-то персону, а через меня он слушал, что говорят и думают крестьяне во всей массе» [21. С. 125]. Чернов приписывает себе функцию медиатора, опять же не раскрывая перед читателем, был ли он делегирован кем-то на разговор с Лениным. В конце статьи в «Правде», приводя биографические сведения о себе, он пишет – «занимаюсь крестьянством», хотя он и происходил, видимо, в действительности из сельской местности Нижегородской губернии. В данном случае перед нами своего рода присвоение делегатской функции через провозглашение (пусть и ретроспективное) себя проводником мнения всех крестьян, на которое, вполне вероятно, повлияла принадлежность когда-то Чернова к политической партии. Он также быстро усваивал и нужный дискурс о Ленине, завершая мемуары рассуждениями о способности Ленина видеть «через все головы» и упоминая про «заветы Ленина», клише, запущенное пропагандистами сразу после смерти партийного вождя. Пример Чернова показывает, как в создании истории о представительстве важное место занимает коммуникация, подчеркивающая как важнейший факт то, что она происходит именно между «делегатом» трудящихся и партийным вождем.

Представительство и делегации в 1930-е гг.

Сталинский период лишь усилил обозначенную выше коммуникацию с вождем как основную функцию делегаций в Кремль. Коллективные делегации не прекратились, о чем свидетельствует ряд отчетных публикаций о них. Адресатами делегаций мог выступать не только И.В. Сталин как главный партийный «вождь», но и ряд других партийных лидеров – В.М. Молотов, С. Орджоникидзе, Л.М. Каганович. Социальный состав делегаций, отчеты о которых были опубликованы, представлял собой «знатных людей страны советов». Так, от колхозников Днепропетровской области в состав делегации входили лишь ударники, т.е. колхозная элита [23. С. 3], в делегации металлургов присутствовали директора, главные инженеры, начальники цехов ведущих металлургических предприятий (т.е., по сути, рабочая аристократия) [24. С. 3–4], а в делегации от председателей сельсоветов Горьковского края к Молотову присутствовал заместитель председателя исполкома края [25. С. 5]. Уже социальный состав делегаций отсылает к тому, что они создаются не с целью донесения до власти некоторых важных вопросов, а для создания иллюзии коммуникации вождя с массами.

Во многом ритуальный характер делегации показывает отчет о визите металлургов. Торжественность момента подчеркивают следующие фразы: «Участники делегации горячо встретили товарищей Сталина, Молотова и Орджоникидзе» [24. С. 4; 26]. Примечательно, что беседа началась с речи Сталина, обращен-

ной к металлургам, а реплики металлургов, которые, согласно отчетам, выступали в течение семи часов, не были зафиксированы. Завершался отчет выступлениями Орджоникидзе и Молотова, а также ритуальными «бурными, продолжительными аплодисментами» [24. С. 9].

Не всегда ясно прописан в отчетных текстах механизм отбора делегатов для встречи со Сталиным. В отчете о встрече колхозников Днепропетровской области со Сталиным и Кагановичем есть указание на выборность со стороны одного из делегатов – «когда меня выбирали», плюс позднее в отчете указывается на то, что делегатов выдвинули на слете передовых колхозов Днепропетровской области [23. С. 13]. Интересно, что вождь позволил себе критику системы представительства в делегации, указав, что на 50 делегатов только две колхозницы, причем колхозники приняли критику о малой представленности женщин – «делегаты согласились, что это оплошность» [23. С. 7]. В целом текст отчета создавал картину того, что делегаты давали партийному лидеру сводку достижений об успехах колхозного строительства и никаких проблемных вопросов не поднимали.

Еще одним обстоятельством, свидетельствующим, что значимость делегаций снижается, является момент, который можно назвать «отчет в отчете». По возвращении в свой колхоз делегаты рассказывают односельчанам о встрече со Сталиным. В колхозе устраивается специальное собрание, на котором один из делегатов должен представить доклад о встрече со Сталиным и Кагановичем. В отчете про это собрание опять воспроизводится ритуальная коммуникация – Сталин и другие вожди передают колхозникам привет, встречаемый собранием «бурей рукоплесканий», а пересказ встречи с вождями сводится к рассказу о достижениях колхозников.

Рассмотренные примеры, разумеется, не исчерпывают все случаи делегаций в 1930-е гг. или встреч Сталина и других партийных лидеров с представителями различных социальных и профессиональных групп. Вероятно, делегации в 1930-е гг. совмещаются и отчасти замещаются традицией приемов в Кремле, приуроченных к торжественным датам и событиям [27]. Делегации к советским руководителям хоть и не полностью перенимают торжественные ритуалы встреч, но явно избегают коммуникации о проблемах и недостатках советской системы, что еще было возможно в случае с ходоками. Однако после смерти Сталина, в ходе «оттепели», происходит ренессанс именно политической составляющей делегаций, которую мы рассмотрим ниже на примере советских немцев.

Самоорганизованные делегации советских немцев как явление позднесоветского общества

Делегации советских немцев второй половины 1960-х гг. могли возникнуть в условиях ожидания реабилитации репрессированных народов, побуждавших их к активным действиям. В мае–июле 1956 г. в Москве находились делегации чеченцев, ингушей и карачаевцев для переговоров об условиях возвращения на прежнее место жительства [28. С. 122–123]. Если часть

депортированных народов получила возможность вернуться в восстановленные автономии, то советские немцы были лишены этого. Только 29 августа 1964 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”», по которому с немцев снималось обвинение, выдвинутое в 1941 г., но не последовало восстановления их автономии. В этих условиях, после многочисленных письменных обращений о решении проблемы восстановления автономии, образовались делегации советских немцев.

Для продолжения разговора о рассматриваемых делегациях важно оговориться, что понятие «делегация» в отношении советских немцев нормализовано в работах, посвященных истории немцев в СССР и России, а также среди активистов и сторонников движения за восстановление автономии. В этом контексте «делегация» означает представителей национальной группы, которые одобряются и поддерживаются другими представителями данного сообщества, формируют общую цель и прибывают в Москву для представления национальных интересов в переговорах с властями. Однако само явление, подобное делегациям советских немцев, не имело регламента, который определял бы механизм, позволяющий группе советских граждан просить коллективного приема от имени определенного сообщества. Поэтому активисты из числа советских немцев самостоятельно вырабатывали такой механизм, стремясь соответствовать принятым политическим практикам представительства для собственной легитимации.

5–13 января 1965 г. в Москве находилась первая «инициативная группа советских немцев, прибывших в Москву по вопросу о восстановлении немецкой автономной республики» [29. С. 20]. Участники поездки именовали себя «делегатами от советских немцев». Группа из 13 человек впервые предприняла подобную поездку после многочисленных писем немцев в центральные органы власти. Первые дни работы январской делегации были заняты составлением обращений и писем, их рассылкой, телефонными звонками в приемные Президиума Верховного Совета СССР и ЦК КПСС. Делегаты уточняли, дошли ли до адресата их заявления, и узнавали о возможности принять их. 12 января А.И. Микоян, на тот момент Председатель Президиума Верховного Совета СССР, принял делегацию советских немцев. На запрос немцев о восстановлении их государственности Микоян ответил весьма однозначно, что восстановление автономии невозможно ввиду экономических затруднений, которые могут быть вызваны переселением большого количества людей (советских немцев) [30]. Летом 1965 г. активисты организовали еще одну делегацию, в которую вошли более 30 человек, и во второй раз отправились в Москву, где снова были приняты Микояном. Но вопрос об автономии так и остался нерешенным, и аргументы по-прежнему упирались в экономическую нецелесообразность.

Во время январского звонка в ЦК КПСС участник делегации Г.А. Михель пытался убедить своего собеседника из партийного аппарата о приеме их группы:

«Ленин в трудные годы находил время принять ходоков даже по одному человеку, а нас все-таки 13 человек, и мы приехали, имея с собой 660 подписей и поддержку полутора миллионов человек», – но ему было отказано [30]. В этой цитате интересно несколько аспектов, раскрывающих проблему представительства инициативной группы советских немцев. Во-первых, отсылка Михеля к ленинским ходокам, как и воспоминание Дизендорфа, приведенное в самом начале статьи, показывает нам, что сами участники делегации находили преемственность их делегации с ленинскими ходоками 1920-х гг. Это вписывается в дискурс о возвращении к «ленинским нормам демократии». Во-вторых, группа делегатов ссылалась на итоги переписи населения 1959 г., по результатам которой в СССР проживали 1 620 000 советских граждан немецкой национальности, чьи интересы стремились представить делегаты. Подобная отсылка будет повторяться и в других документах, составленных немцами. Таким образом, группа активистов репрезентировала себя от имени этого сообщества. В-третьих, количество делегатов, приехавших для общения с властью, и их разнообразный, насколько это возможно, социальный состав. Участники первой и второй делегаций стремились показать заинтересованность в автономии среди широкого слоя советских немцев: членов партии и беспартийных; учителей, рабочих, журналистов, экономистов; молодежи и пенсионеров. Кроме того, в делегации участвовали советские немцы, проживавшие в разных частях Советского Союза: Казахской ССР, Киргизской ССР и регионах Сибири. Наконец, еще один инструмент легитимизации своего представительства – сбор подписей. Первая делегация привезла с собой около 660 подписей, вторая – 3 498 [31. Л. 216–217]. Документ, который составлен участниками второй делегации, носит показательное заглавие «Ведомость регистрации писем-полномочий делегатов от советских немцев <...>» [31. Л. 216]. Стремление собрать как можно больше подписей давало уверенность делегатам в том, что они выступают от имени советского немецкого народа.

Внутри властных институций представительность советских немцев, несмотря на все усилия активистов, была неоднозначной. В документообороте распространенным обозначением прибывшей делегации была нейтральная формула «группа граждан немецкой национальности» [31. Л. 9–10]. Для делегации советских немцев политическое представительство было целью, так как они стремились добиться определенного политического статуса, который возможен при условии существования национальной автономии, которой советские немцы не имели.

Интересным сюжетом в дискуссии о представительстве делегаций советских немцев является отсылка к депутатам различных уровней советского аппарата, немцам по национальности. Для формирования ответа на запрос немцев собирались статистические данные, которые показывали, что ограничения в политической жизни для немцев отсутствовали, и на июль 1964 г. насчитывалось 6 170 немцев – депутатов местных и верховных советов, что этот аргумент подтверждало [32]. Среди этих депутатов особо выделялся А.А. Бекер,

депутат Верховного Совета СССР с 1962 по 1966 г. от Алтайского края, который упоминался в разговоре с активистами как пример проявления неограниченных политических прав для немцев [31. Л. 157]. Однако делегаты отвергали этот аргумент в пользу их политического представительства, так как Бекер «не представлял немецкую национальность» [31. Л. 158].

После 1965 г. советские немцы организовали еще нескольких делегаций, которые имели общую цель решить национальные проблемы немцев в СССР. В июле 1967 г. небольшая группа прибыла с требованием о восстановлении автономии и стремилась повторить действия 1965 г. В январе 1972 г. делегаты просили уже беспрепятственного выезда из СССР. Далее до объявленной Горбачевым перестройки каких-либо активных действий не предпринималось, и только в период с апреля по октябрь 1988 г. вопрос об автономии снова был поднят в работе трех делегаций советских немцев. Однако общий политический кризис снял этот вопрос.

Заключение

Проанализированные в статье примеры делегаций, разумеется, не исчерпывают всех случаев приема советскими руководителями граждан по различным вопросам. В то же время представленные кейсы объединяются проблемой представительности – низовой и самоорганизованной. Историография зачастую в качестве низовой формы коммуникации рассматривает письменные обращения, не обращаясь к практике делегирования представителей.

Сравнение случаев делегаций трех разных временных периодов показывает, что проблема представления делегатами тех или иных социальных групп могла решаться по-разному. Ходоки начала 1920-х гг. могли посещать Ленина коллективно или индивидуально, быть избраны на конференции, направлены сельским сообществом или же быть самопровозглашенными делегатами (как показывает пример Чернова). Но все упомянутые в статье случаи так или иначе сводятся к инициативе самих крестьян. Об этом же говорит и отсутствие какого-либо регламента организации деле-

гаций к Ленину или их распределения между губерниями страны. Даже в трех разобранных случаях многообразие представительства не укладывается в единый регламентированный ритуал.

Пример трех делегаций середины 1930-х гг. показывает, что представительство в это время, по всей видимости, является репрезентацией идеальных советских граждан. Как и советское соцреалистическое искусство, демонстрирующее движение к лучшему, делегации показывают вождю лучших представителей двух главных советских классов – рабочих и крестьян. При этом механизм делегирования «снизу», видимо, в некоторой степени сохраняется, но он подчинен цели репрезентации идеального и не несет в себе политического «сигнала» партийному лидеру.

К середине 1950-х гг. делегации стали возможными как форма низовой самоорганизации для формирования и репрезентации политического требования. Делегаты от числа репрессированных народов были теми, кто прибегнул к подобной практике. Они опирались на существующие политические механизмы представительства, что давало им основания для легитимации себя как ходатаев, выдвинутых национальной группой, к которой они себя относили. Мы не отрицаем того, что они могли в действительности представлять интересы большого количества заинтересованных людей, однако делегаты действовали вне регламентированной для их цели системы коммуникации с властью. В первой половине 1970-х гг. к практике самоорганизованных делегаций перестают прибегать под действием репрессивного аппарата, и они появляются вновь только в период перестройки.

Изучение представительства в советской системе в русле долгой истории ставит перед нами вопрос о преемственности и трансформациях политической культуры. Делегации являются лишь частным случаем большой проблемы репрезентации в контексте политических практик советского общества. Диахроническое сравнение с проблемным фокусом, как кажется, позволит в дальнейшем излучить и иные элементы политической культуры, которые присутствуют в различные исторические периоды развития СССР.

Список источников

1. Дизендорф В.Ф. Прощальный взлет : судьбы российских немцев и наше национальное движение. М., 1997. Кн. 1: От национальной катастрофы – к попытке возрождения. 347 с.
2. Политический словарь : краткое научно-популярное толкование слов / под общ. ред. Б.М. Эльцина. М. : Главполитпросвет, 1922. 356 с.
3. Лукач Г. История и классовое сознание : исследование по марксистской диалектике // Марксистский интернет-архив. Русский раздел. URL: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/index.htm (дата обращения: 11.04.2023).
4. Ленин В.И. Великий почин (о героизме рабочих в тылу) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1974. Т. 39. С. 1–29.
5. Woods E.M. Retreat from the Class: A New 'True' Socialism. London : Verso, 1996. 202 p.
6. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2008. 422 с.
7. Богданова Е. Обращения граждан в органы власти как опыт отстаивания своих интересов в условиях позднесоветского общества (1960–1970-е годы) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. СПб., 2006. 183 с.
8. Goff K.A. "Why not love our language and our culture?" National rights and citizenship in Khrushchev's Soviet Union // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43 (1). P. 27–44.
9. Зотов М. Деревенские ходоки на пороге Государственной думы. М. : Тип. под фирмой «Ломоносов», 1910. XVI с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130 (СНК РСФСР). Оп. 1. Д. 30.
11. Тверская правда. 1921. 21 января.
12. Гусев А.И. Шесть дней в Кремле // Тверская правда. 1921. 10 фев.
13. Гусев А.И. Шесть дней в Кремле // Тверская правда. 1921. 11 фев.
14. Гусев А.И. В гостях у Владимира Ильича : рассказ делегата Беспартийн. крестьян. конф. А.И. Гусева. Тверь : Госиздат, Тверское отделение, 1921. 16 с.

15. Ленин В.И. Заметки во время беседы с крестьянами И.А. Чекуновым и Н.А. Ганявиным // Ленинский сборник. М. : Политиздат, 1959. Т. 56. С. 201–202.
16. Крестьяне у тов. Ленина // Беднота. 1921. 3 марта.
17. Ленин В.И. Письмо Н. Осинскому, 1.III.1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 52. С. 85–86.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478 (Наркомат земледелия РСФСР). Оп. 1. Д. 473.
19. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 1. Д. 668.
20. Владимир Ильич Ленин : биографическая хроника. 1870–1924. М. : Политиздат, 1979. Т. 10: Январь–июль 1921. 732 с.
21. Рабочие и крестьяне о Ленине. М. : Партийное изд-во, 1933. 135 с.
22. Чернов И.И. Взгляды на сибирское крестьянство как на социальный элемент // Правда. 1921. 11 фев.
23. Колхозники на приеме у товарища Сталина : [Делегация Днепропетровск. обл.]. М. : Партиздат, 1934. 32 с.
24. Делегация металлургов у тов. И.В. Сталина, В.М. Молотова и Орджоникидзе. Киров : Ред. газеты «За коллективизацию», 1935. 13 с.
25. Лучшие председатели сельсоветов Горьковского края на приеме у председателя Совнаркома СССР тов. Молотова. Горький : Тип. Крайинского полкома, 1934. 61 с.
26. Металлурги у товарищей Сталина, Молотова и Орджоникидзе // Правда. 1934. 29 дек.
27. Неvezhin В.А. Большие кремлевские приемы Сталина: зарождение традиции // Труды Института российской истории / отв. ред. Ю.А. Петров, ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2012. Вып. 10. С. 279–302. URL: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=162> (дата обращения: 11.04.2023).
28. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. : НЛО, 2006. 696 с.
29. Вормсбехер Г.Г. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. как фактор зарождения послевоенного движения российских немцев // Российские немцы: 50 лет послевоенному общественному движению: от первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе Самоорганизации (1965–2014 гг.) : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф, Москва, 11–16 февраля 2015 г. 2-е изд. М. : МаВи групп, 2015. С. 20–33.
30. Работа инициативной группы советских немцев, прибывших в Москву по вопросу о восстановлении немецкой автономной республики в январе 1965 г. Хроника. // Neues Leben. 1995. № 2. С. 8.
31. ГАРФ. Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР). Оп. 83. Д. 423 (Приемная Президиума. Переписка по заявлениям и жалобам с личного приема граждан Председателем Президиума Верховного Совета. Т. 10: Немцы, выселенные с Поволжья).
32. Записка П.Ф. Пигалева, М.П. Георгадзе и В.Е. Семичастного в ЦК КПСС о реабилитации советских граждан немецкой национальности, высланных из АССР немцев Поволжья, от 17 июня 1964 г. // Реабилитация: как это было : документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / сост. А.Н. Артизов и др. М. : МФД, 2003. Т. 2: Февраль 1956 – начало 80-х годов. С. 467–469.

References

1. Dizendorf, V.F. (1997) *Proshchal'nyy vzlet: sud'by rossiyskikh nemtsev i nashe natsional'noe dvizhenie* [Farewell takeoff: the fate of the Russian Germans and our national movement]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].
2. Eltsin, B.M. (ed.) (1922) *Politicheskii slovar': kratkoe nauchno-populyarnoe tolkovanie slov* [Political dictionary: a short popular science interpretation of words]. Moscow: Glavpolitprosvet.
3. Lukacs, G. (n.d) *Istoriya i klassovoe soznanie: issledovanie po marksistskoy dialektike* [History and class consciousness: a study of Marxist dialectics]. [Online] Available from: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1923/history_class/index.htm (Accessed: 11th April 2023).
4. Lenin, V.I. (1974) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Politizdat. pp. 1–29.
5. Woods, E.M. (1996) *Retreat from the Class: A New 'True' Socialism*. London: Verso.
6. Fitzpatrick, Sh. (2008) *Stalinskie krest'yane: sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's peasants: A social history of Soviet Russia in the 1930s: Country-side]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
7. Bogdanova, E. (2006) *Obrashcheniya grazhdan v organy vlasti kak opyt otstaivaniya svoikh interesov v usloviyakh pozdnesovetskogo obshchestva (1960–1970-e gody)* [Appeals of citizens to authorities as an experience of defending their interests in the late Soviet society (1960–1970s)]. Sociology Cand. Diss. St. Petersburg.
8. Goff, K.A. (2015) “Why not love our language and our culture?” National rights and citizenship in Khrushchev's Soviet Union. *Nationalities Papers*. 43(1). pp. 27–44.
9. Zotov, M. (1910) *Derevenskie khodoki na poroge Gosudarstvennoy dумы* [Village walkers on the threshold of the State Duma]. Moscow: Lomonosov.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-130 (SNK RSFSR). List 1. File 30.
11. *Tverskaya pravda*. (1921) 21st January.
12. Gusev, A.I. (1921a) *Shest' dney v Kreml'e* [Six days in the Kremlin]. *Tverskaya pravda*. 10th February.
13. Gusev, A.I. (1921b) *Shest' dney v Kreml'e* [Six days in the Kremlin]. *Tverskaya pravda*. 11th February.
14. Gusev, A.I. (1921c) *V gostyakh u Vladimira Il'icha: rasskaz delegata Bespartijn. krest'yan. konf. A.I. Guseva* [Visiting Vladimir Ilyich: The story of a Non-Partisan Peasant Conference A.I. Gusev]. Tver: Gosizdat.
15. Lenin, V.I. (1959) *Zametki vo vremya besedy s krest'yanami I.A. Chekunovym i N.A. Ganyavinym* [Notes during a conversation with peasants I.A. Chekunov and N.A. Ganyavin]. In: Adoratsky, V.V. (ed.) *Leninskii sbornik* [The Lenin Collection]. Vol. 56. Moscow: Politizdat. pp. 201–202.
16. *Bednota*. (1921) *Krest'yane u tov. Lenina* [Peasants at Lenin's]. 3rd March.
17. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 85–86.
18. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 478. List 1. File 473.
19. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 478. List 1. File 668.
20. Golikov, G.N. (ed.) (1979) *Vladimir Il'ich Lenin: biograficheskaya khronika. 1870–1924* [Vladimir Ilyich Lenin: A biographical chronicle. 1870–1924]. Vol. 10. Moscow: Politizdat.
21. Anon. (1933) *Rabochie i krest'yane o Lenine* [Workers and peasants about Lenin]. Moscow: Partiyное izd-vo.
22. Chernov, I.I. (1921) *Vzglyady na sibirskoe krest'yanstvo kak na sotsial'nyy element* [Views on the Siberian peasantry as a social element]. *Pravda*. 11th February.
23. Anon. (1934) *Kolkhozniki na prieme u tovarishcha Stalina: [Delegatsiya Dnepropetrovsk. obl.]* [Collective farmers at a reception with Comrade Stalin: [Delegation of Dnepropetrovsk region]]. Moscow: Partizdat.
24. Anon. (1935) *Delegatsiya metallurgov u tov. I.V. Stalina, V.M. Molotova i Ordzhonikidze* [Delegation of metallurgists visiting Comrade Iosif Stalin, Vyacheslav Molotov and Sergo Ordzhonikidze]. Kirov: Za kollektivizatsiyu.
25. Gorky Regional Executive Committee. (1934) *Luchshie predsedateli sel'sovetov Gor'kovskogo kraja na prieme u predsedatelya Sovnarkoma SSSR tov. Molotova* [The best chairmen of the village councils of the Gorky Territory at a reception at the Chairman of the USSR Council of People's Commissars Comrade Molotov]. Gorky: Tip. Krayis-polkoma.
26. Anon. (1934) *Metallurgi u tovarishchey Stalina, Molotova i Ordzhonikidze* [Metallurgists at Comrades Stalin, Molotov and Ordzhonikidze] *Pravda*. 29th December.
27. Nevezhin, V.A. (2012) *Bol'shie kremlevskie priemy Stalina: zarozhdenie traditsii* [Stalin's big Kremlin gatherings: The birth of a tradition]. In: Petrov, Yu.A. & Rudaya, E.N. (eds) *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Vol. 10. pp. 279–302. [Online] Available from: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article§ion=8&id=162> (Accessed: 11th April 2023).

28. Shnirelman, V.A. (2006) *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow: NLO.
29. Wormsbecher, G.G. (2015) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 29 avgusta 1964 g. kak faktor zarozhdeniya poslevoennogo dvizheniya rossiyskikh nemtsev [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of August 29, 1964, as a factor in the emergence of the post-war movement of Russian Germans]. *Rossiyskie nemtsy: 50 let poslevoennomu obshchestvennomu dvizheniyu: ot pervykh delegatsiy v pravitel'stvo cherez "Vozrozhdenie" k sovremennoy sisteme Samoorganizatsii (1965–2014 gg.)* [Russian Germans: 50 years of the post-war social movement: from the first delegations to the government through the "Renaissance" to the modern system of Self-organization (1965–2014)]. Proc. of the Fifth International Conference. Moscow, February 11–16, 2015. Moscow: MaVi grupp. pp. 20–33.
30. Anon. (1995) Rabota initsiativnoy gruppy sovetskikh nemtsev, pribyvshikh v Moskvu po voprosu o vosstanovlenii nemetskoj avtonomnoy respubliky v yanvare 1965 g. Khronika [The work of the initiative group of Soviet Germans who arrived in Moscow on the issue of restoring the German Autonomous Republic in January 1965 Chronicle]. *Neues Leben*. 2. p. 8.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7523. List 83. File 423. *Priemnaya Prezidiuma. Perepiska po zayavleniyam i zhalobam s lichnogo priema grazhdan Predsedatelem Prezidiuma Verkhovnogo Soveta* [Reception of the Presidium. Correspondence on applications and complaints from the personal reception of citizens by the Chairman of the Presidium of the Supreme Council]. Vol. 10.
32. Pigalev, P.F., Georgadze, M.P. & Semichastny, V.E. (2003) Zapiska P.F. Pigaleva, M.P. Georgadze i V.E. Semichastnogo v TsK KPSS o reabilitatsii sovetskikh grazhdan nemetskoj natsional'nosti, vyslannykh iz ASSR nemtsev Povolzh'ya, ot 17 iyunya 1964 g. [Note by P.F. Pigaleva, M.P. Georgadze and V.E. Semichastny in the Central Committee of the CPSU on the rehabilitation of Soviet citizens of German nationality, the Volga Germans expelled from the ASSR, dated June 17, 1964]. In: Artizov, A.N. et al. (eds) *Reabilitatsiya: kak eto bylo: dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy* [Rehabilitation: how it was: documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials]. Vol. 2. Moscow: MFD. pp. 467–469.

Сведения об авторах:

Раков Тимофей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: timofey.rakov@gmail.com

Свирина Дарья Викторовна – аспирант, лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rakov Timofey N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: timofey.rakov@gmail.com

Svirina Daria V. – Post-graduate Student, Laboratory Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: dsvirina@eu.spb.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 14.04.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 94(47+57)“185/186”

doi: 10.17223/19988613/84/8

«Я принимаю живое участие»: евразийский контекст взаимоотношений Н.П. Игнатьева и Ч.Ч. Валиханова (конец 1850-х – первая половина 1860-х гг.)

Сергей Васильевич Селиверстов

Академия государственного управления, Астана, Республика Казахстан, seliverst.sv@googlemail.com

Аннотация. Исследуются контакты Н.П. Игнатьева и Ч.Ч. Валиханова. Реконструкция контекста (на основе служебных, мемуарных, эпистолярных материалов) показывает, что интересы не только Валиханова, но и Игнатьева включали проблематику Степного мира и Средней Азии. Игнатьев, будучи инициатором Степного генерал-губернаторства (с центром Атбасар / Акмола), поддержал Валиханова как инклюзивного эксперта. Сделан вывод, что контекст их отношений (региональный и социокультурный) был не односторонне проевропейским или проазиатским, но имел евразийский характер.

Ключевые слова: Степной регион, Н.П. Игнатьев, Ч.Ч. Валиханов, казахский социум, социокультурные миры

Для цитирования: Селиверстов С.В. «Я принимаю живое участие»: евразийский контекст взаимоотношений Н.П. Игнатьева и Ч.Ч. Валиханова (конец 1850-х – первая половина 1860-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 63–71. doi: 10.17223/19988613/84/8

Original article

“I take an active part”: the Euro-Asian context of the relationship between N.P. Ignatyev and Ch.Ch. Valikhanov (late 1850s – first half of the 1860s)

Sergey V. Seliverstov

Academy of Public Administration, Astana, Republic of Kazakhstan, seliverst.sv@googlemail.com

Abstract. The Russian experience of the 19th century contains evidence of sociocultural differentiation and consolidation. The person who embodied both historical and cultural trends was Chokan Valikhanov, a Russian officer and Kazakh intellectual. Researchers traditionally dwell on his contacts with scientists and cultural figures, but relations with statesmen have not been deeply studied. Therefore, the aim of the study is to analyze the relationship between Chokan Valikhanov and Nikolay Ignatyev, the Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, in the regional and socio-cultural context of the late 1850s - first half of the 1860s. The method of reconstructing the context of relations between two persons is applied. The sources are service papers, memoir and epistolary materials. Reconstruction of the context shows that the interests of Nikolay Ignatyev and Chokan Valikhanov covered the regional problems of the Steppe World (from Kashgar to Orenburg), Russia's relations with China and the Central Asian states. Nikolay Ignatyev understood the complexity of Chokan Valikhanov's position in the Steppe-Omsk system, supported him in correspondence with the administration of Western Siberia, tried to attract him to cooperation. He understood that the strengthening of Russia's Asian policy requires the consolidation and incorporation of the Steppe region, adjacent to the Central Asian states. Chokan Valikhanov, a supporter of the modernization of traditional society, was needed as an exclusive and, at the same time, inclusive expert on Asian issues. Nikolay Ignatyev was the first who, in 1858, put forward the idea (in 1863 – a specific project) to unite the region within the framework of the Steppe Governor-General. He pragmatically sought to transfer control from Orenburg and Omsk to the Steppe region - closer to Central Asia. The idea of the center of the Steppe Governor-General to be in the Atbasar / Akmoла region (today – the Nur-Sultan city) is impressive. It should be admitted that in the project of Nikolai Ignatiev, the interests of the empire intersected with the interests of the steppe society. Nikolay Ignatyev counted on cooperation during the entire period of directorship in the Asian Department (1861-1864). Chokan Valikhanov also wanted to return to St. Petersburg, however, associated with the Kazakh society and the Omsk administration, did not overcome the circumstances. Foreign Minister Alexander Gorchakov did not allow Nikolay Ignatyev to go to serve in the Steppe region (and got him sent as ambassador to Constantinople). This circumstance interrupted the relationship between Nikolay Ignatyev and Chokan Valikhanov. Nevertheless, in their relationship the sociocultural worlds that they represented - Russian (Petersburg) and Kazakh (Steppe) - converged. As a result, the study proves that the context of the relationship between Nikolay Ignatyev and Chokan Valikhanov (regional and socio-cultural) was not one-sidedly pro-European, or pro-Asian, but had a Euro-Asian character.

Keywords: Steppe region, Chokan Valikhanov, Nikolay Ignatyev, Kazakh society, socio-cultural worlds

For citation: Seliverstov S.V. (2023) "I take an active part": the Euro-Asian context of the relationship between N.P. Ignatyev and Ch.Ch. Valikhanov (late 1850s – first half of the 1860s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 63–71. doi: 10.17223/19988613/84/8

Отечественный исторический опыт XIX в. содержит немало персоналий, свидетельствующих о процессах как дифференциации, так и консолидации на европейско-азиатском пространстве. Для Сибири и Степного мира, для Казахстана и России одной из личностей, отражающих оба историко-культурных тренда, является персоне Ч.Ч. Валиханова – российского офицера и казахского интеллектуала. Рассматривая круг, с которым он контактировал, исследователи традиционно останавливаются на деятелях науки, культуры, общественной жизни. В 2016 г. опубликована книга казахского историка К.К. Абуева, суммирующая многолетние исследования, – «Чокан Валиханов и его современники», в которой рассмотрен в том числе круг общения Валиханова (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, Ф.М. Достоевский, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, С.Ф. Дуров и др.) [1]. Однако отсутствуют специальные работы, в которых раскрывались бы сюжеты его отношений, с одной стороны, с сибирскими администраторами (Г.Х. Гасфорт, К.К. Гутковский, А.О. Дюгамель), а с другой – со столичными деятелями (Д.А. Милютин, Д.И. Романовский и др.). Неслучайно современные петербургские исследователи отмечают, что применительно к кругу общения Валиханова «есть и еще ряд имен», которые требуют «дополнительных разысканий» [2. С. 61–62]. В этом ряду находится такая незаурядная личность, оставившая заметный след в истории XIX в., как Н.П. Игнатьев. В работе К.К. Абуева это имя упоминается в разделе о пребывании Валиханова в Петербурге [1. С. 176], а И.И. Стрелкова в известной книге из серии ЖЗЛ пишет, что между Валихановым и Игнатьевым установились «самые дружеские отношения» [3. С. 201]. Возможно. Но для исследователя персоналий важны содержательные точки пересечения. Что касается работ, посвященных собственно Игнатьеву, его дипломатической деятельности [4] и мемуарному наследию [5], то в них отношения с Валихановым также не раскрыты.

Подобная историографическая ситуация позволяет предпринять попытку выведения из «тени», реконструкции контекста и определения характера взаимоотношений Игнатьева и Валиханова, что и является задачей данной статьи. В качестве источников используются материалы служебного, мемуарного и эпистолярного характера, относящиеся к обоим персонам, – как опубликованные, так и неопубликованные. Учитывая, что сочинения Валиханова, изданные в 2010-х гг., в документах (по рассматриваемому сюжету) повторяют классическое издание 1984–1985 гг. [6], именно оно используется в настоящем исследовании.

Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) и Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865) принадлежали фактически к одному поколению, сформировавшемуся в 1850-е гг., получили образование европейского типа, представляли аристократические круги – дворянский и султанский. Возможности у выпускника столичного

Пажеского корпуса и выпускника Омского кадетского корпуса были различны, по разным траекториям шел служебный рост, но имелись и сближающие обстоятельства. О необходимости реконструкции взаимоотношений Валиханова и Игнатьева свидетельствует рекомендательное письмо к А.О. Дюгамелю (май 1861 г.), генерал-губернатору Западной Сибири, написанное в связи с отъездом Валиханова из Петербурга. Констатируя, что тот командирован в Область сибирских киргизов для лечения, Игнатьев рекомендует Дюгамелю «сего молодого офицера, в котором, – как он пишет, – я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы». Поэтому, далее пишет Игнатьев, «я убедительно прошу вас, в личное мое одолжение, оказать ему ваше благосклонное внимание и в случае надобности покровительство ваше» [7. С. 82]. Подобные рекомендательные письма («в личное одолжение») направлялись в провинцию из Петербурга нечасто и не в отношении каждого командированного. То, что Игнатьев принял в судьбе Валиханова «живое участие», свидетельствует – он по достоинству оценил его потенциал. В целом письмо подтверждает, что между ними сложились позитивные служебные и личные отношения, в ином случае оно было бы невозможно. Будущий директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел рассчитывал, что Валиханов еще не раз проявит себя на службе. Но что конкретно их сближало и каков был контекст рекомендательного письма?

Пути Игнатьева и Валиханова пересеклись в январе 1861 г., когда Игнатьев вернулся по окончании миссии из Китая (Валиханов находился в Петербурге с февраля 1860 г.). Примечательно, что, прежде чем подавать отчет о переговорах в Пекине, Игнатьев запросил в Азиатском департаменте отчетную записку Валиханова об экспедиции в Кашгар, которую изучал в течение месяца [8. С. 81]. Сравнение двух отчетов показывает, что записка Валиханова системна, насыщена комплексной информацией о пограничном западном Китае (Кашгарии / Малой Бухарии) [9], а отчет Игнатьева, имевшего полномочный статус, посвящен собственно ходу дипломатической миссии и переговорам [10. Л. 1–110]. Однако, несмотря на различия, обе миссии дополняли друг друга. В частности, материалы Валиханова информировали о том малоизвестном регионе, в котором Пекинский договор, подписанный Игнатьевым в ноябре 1860 г., намечал контуры западной китайско-русской границы, прежде «совершенно неопределенной», позволял установить пути, «ведущие в города Малой Бухарии», открывал возможность присутствия в Кашгаре, где Россия получала право на торговую факторию и консула [11. С. 303–304]. Подчеркнем, это касалось региона, в который Валиханов в 1858 г. смог проникнуть только инкогнито и с риском для жизни. В результате именно он сформулиро-

вал для Азиатского департамента предложения по фактории в Кашгаре и рекомендовал торговые маршруты (из Семипалатинска и Верного). Существенно, что вопрос предварительно обсуждался с Игнатьевым и был им поддержан [12]. Имелась и вторая, более важная область пересечения их интересов – собственно Степной регион. Если включенность Валиханова в проблематику данного региона известна, то отношение Игнатьева следует прояснить.

На начальном этапе службы Игнатьев был далек от казахской Степи. Энергично вникать в новую проблематику он стал в 1857 г., когда ему была поручена миссия в Хиву и Бухару. Региональной властью, ответственной за организацию миссии, являлась Оренбургская администрация, однако Игнатьев, в отличие от Оренбурга и Омска, смотревших на Степь фрагментарно и «завязанных» на различные регионы – Южный Урал и Западную Сибирь, стал рассматривать Степной край не с точки зрения локальных административных задач, а с общегосударственных позиций.

Путь миссии через Степь и Устьюрт к Аму-Дарье и возвращение в Оренбург через Сыр-Дарью, на протяжении которого Игнатьев постоянно контактировал с представителями казахского социума, приблизил его к проблематике Степи, дал видение ситуации изнутри. Это был совершенно новый опыт, который невозможно было получить в Европе. И хотя ему не раз приходилось «прощаться с гранью родной земли», тем не менее, – писал он своему отцу, – «приздумался я, когда вышел в степь и увидел себя на коне, среди зеленого, необъятного моря» [13. С. 48]. Собеседниками Игнатьева на долгом пути были представители разных степных страт – султаны, батыры, бии, старшины, «вожатые», «разведчики», гонцы и др. С некоторыми, «умными и занимательными», он подолгу беседовал, «расспрашивая о крае и местных обстоятельствах» [13. С. 54]. Кстати, миссия Игнатьева (май 1858 г.) началась фактически одновременно с миссией Валиханова (июнь 1858 г.)

В понимании Игнатьева казахская Степь воспринималась общим протяженным передовым регионом по отношению к ханствам Средней Азии (Хива, Бухара, Коканд) и Китаю. А потому Степной регион следовало не дробить, а консолидировать. Однако такая инициатива не могла исходить от оренбургского и западно-сибирского генерал-губернаторов – ее мог выдвинуть тот, кто обладал общим видением и находился вне рамок региональных администраций. Таковым в конце 1850-х гг. и был Игнатьев, смотревший на Степной регион глобально, с учетом фактора Британской империи. С 1858 г. он предлагал «соединить» разделенные пространством Сыр-Дарьинскую и Сибирскую линии, «выйдя из песков» в населенный и богатый бассейн Сыр-Дарьи [13. С. 58], и тем самым объединить обширный Степной регион.

Свою позицию Игнатьев разъяснил Александру II сразу после возвращения из Средней Азии – в конце декабря 1858 г. Он обратил внимание государя на различия административных «воззрений», проводимых в казахской Степи «двумя губернаторами», Оренбургским и Западно-Сибирским, воззрений, «часто между

собой не согласующихся и преследующих нередко противоположные цели», что вредно для государства, «непонятно ни для наших подданных киргиз, ни для соседей наших, азиатских владетелей», чем и пользуется постоянно Коканд [13. С. 260]. Когда Александр II спросил: «Какое же средство положит предел разномыслию наших деятелей в степи?» – Игнатьев сформулировал то, что вынашивал в течение 1858 г.: «соединить» две линии, «продвинуть их вперед, чтобы выйти из пустынь», и, наконец, «подчинить всю киргизскую степь одному генерал-губернатору, а не двум» [13. С. 260]. Александр II в целом поддержал данный подход, поэтому в январе 1859 г. Игнатьевым была подготовлена для Азиатского департамента подробная «Программа действий на 1859 г.» из 20 пунктов, посвященная в основном отношениям с Хивой и Бухарой. Примечателен, однако, лаконичный финальный пункт: «Надлежит обдумать заблаговременно вопрос о соединении всей киргизской степи под одно управление» [14. Л. 19]. При этом соединение Сырдарьинской и Сибирской линий как предпосылка регионального объединения могло, по его представлению, произойти «не ранее, как в 1861 г.» [14. Л. 19]. Более подробно на проблеме реорганизации управления «Киргизской степью» Игнатьев останавливается в черновых записках, относящихся к материалам конца декабря 1858 – января 1859 г. [15. Л. 2-19]. Данные записки подтверждают, что заключительный пункт в программе действий на 1859 г. не был спонтанным либо продиктованным субъективными (в пользу Оренбурга или Омска) моментами, а являлся продуманным, принципиальным шагом – исходя из общегосударственных интересов, состояния местного управления в Степи, региональной безопасности и логики продвижения в Среднюю Азию.

Таким образом, понимание необходимости консолидации управления Степным краем было впервые осмыслено Игнатьевым в 1858 – начале 1859 г. (до миссии в Китай). Но как эту идею мог воспринять Валиханов, когда они в первой половине 1861 г. пересеклись в Азиатском департаменте? Чтобы выявить его позицию, следует иметь в виду, что он был не только российским офицером, служившим с 1854 по 1859 г. под началом Западно-Сибирского генерал-губернатора Гасфорта, но и казахским султаном, правнуком Абылайхана, объединившего в XVIII в. большую часть казахских земель. Валиханову как казахскому интеллектуалу, знающему национальный и общетюркский контекст, было присуще понимание общности пронизанного родовыми структурами казахского народа. Несмотря на расстояния, казахские жузы поддерживали традиции родства. Например, Чингиз Валиханов (отец Чокана), старший султан Кокчетавского округа, подчинявшегося Омску, желал породниться с султаном «из оренбургской степи» [16. С. 153]. И это было обычное дело. С другой стороны, зная минусы административной разделенности между двумя губернаторствами (несогласованность, различия в правовых основаниях и практике, личный фактор, конкуренция, удаленность главных городов и т.д.), Валиханов не стал бы, полагая, отвергать предложение Игнатьева об объединении

Степного региона, которое объективно соответствовало потребностям казахского социума, рассредоточенного на значительной территории.

Но вот Валиханов в мае 1861 г. покинул Петербург. Как впоследствии развивались его взаимоотношения с Игнатьевым? Статус командированного не мог быть бесконечен – следовало на перспективу определиться с местом службы. Свои помыслы Валиханов доверил Достоевскому, которому в январе 1862 г. признался, что желает получить место российского консула в Кашгаре [17]. В любом случае, чтобы определиться по службе, следовало вернуться в Петербург, тем более что обсуждавшийся с весны 1861 г. вопрос о новом директоре Азиатского департамента завершился в августе назначением Игнатьева. Этой перспективой, известной самому Игнатьеву, кстати, и объясняется процитированное выше личное письмо Дюгамелю по поводу Валиханова (май 1861 г.), в котором Игнатьев фактически выступает с учетом предстоящего директорского статуса.

В 1862 г. Валиханов, решив участвовать в выборах старшего султана Атбасарского округа, не поехал в Петербург, но вел активную переписку с петербургскими знакомыми. Он писал в Омск Гутковскому, председателю Областного правления сибирских киргизов: «Я имею из Петербурга много писем» [18. С. 156]. Велась в 1862 г. переписка и с Игнатьевым. Прямое свидетельство имеется в письме Гутковскому (январь 1863 г.), где Валиханов отмечает, что сам писал по итогам атбасарской интриги Игнатьеву, а потом получил ответ [18. С. 156]. Примечательно, что Игнатьев еще прежде знал об исходе местных выборов в Атбасарском округе и запрашивал Омск о причине не назначения Валиханова. В этой нечистоплотной истории Игнатьев был на стороне Валиханова и потому написал ему в конце 1862 г. (слова Игнатьева цитируются в письме Гутковскому), чтобы тот «потерпел немного», «а терпеть вам нужно недолго» [18. С. 156]. Комментаторы сочинений Валиханова (В.Н. Настич, И.В. Ерофеева, Л.И. Копылова) трактуют это сообщение как намек, что Дюгамель «скоро будет смещен» [19. С. 472]. Однако ситуация была более многозначительной, нежели возможность обычной смены губернатора.

Возглавив Азиатский департамент, Игнатьев среди множества вопросов не упускал из виду свою идею 1858 г. о преобразовании управления в Степном регионе: он вернулся к ней в 1863 г., а его единомышленником стал военный министр Милютин. Несмотря на существенную разницу в возрасте, они были в отношениях, «почти товарищеских», и «входили в частые между собой отношения по азиатским делам» [20. С. 514]. Эволюция административно-территориального управления азиатскими регионами Российской империи не является предметом данной статьи, поэтому кратко отметим следующее. Имеются две работы, в которых вопрос о проекте 1863 г. затрагивается на материале РГИА [21. С. 86–87] и РГВИА [22. С. 14] (во втором случае – без упоминания Игнатьева). В ГАРФ в фонде Игнатьева также сохранился базовый документ – проект административной реорганизации Степного регио-

на и сопредельных территорий азиатской и отчасти европейской России, подготовленный к декабрю 1863 г. Игнатьевым, затем, 29 декабря, представленный в виде записки тремя министрами – военным (Д.А. Милютин), иностранных (А.М. Горчаков), внутренних дел (П.А. Валуев) – Александру II и одобренный [23. Л. 1–46]. Примечательно, что государь при обсуждении проекта в январе 1864 г. «припомнил» аналогичные идеи Игнатьева (о соединении двух линий и подчинении Степи одному генерал-губернатору), относящиеся к декабрю 1858 г. [13. С. 260–261]. Следовательно, «мысль» о консолидации региона «возникла» не в 1863 г. [22. С. 14], а «первое предложение» было сформулировано для Александра II (в устной форме) на пять лет раньше – в декабре 1858 г. Проект («подробная записка» [13. С. 58]) предусматривал соединение в Степном крае военных, гражданских и дипломатических функций и учреждение нового Степного генерал-губернаторства и военного округа на территории прежних – Оренбургского и Западно-Сибирского – генерал-губернаторств (за вычетом губерний традиционного типа – Тобольской, Томской, Самарской и др.). Пространство казахской Степи предполагалось разделить на две области – западную, с возможным центром в Оренбургском укреплении (Тургай), и восточную, с возможным центром в Сергиеполе (Аягуз). Что касается общего административного центра Степного генерал-губернаторства, то проект предлагал установить его не в Оренбурге или Омске, а желательно – «в самой степи среди кочевых ордынцев». Предлагалась как вариант будущего центра – станица Атбасарская (Акмолинская область) [23. Л. 11–17]. Обсуждались и иные пункты. В частности, впоследствии Игнатьев замечал: весной 1864 г. предполагалось, что «резиденция» Степного генерал-губернатора может находиться в Акмоле [13. С. 261] (современная столица Казахстана Астана).

С учетом реалий середины XIX в. – политических и ментальных – задуманный Игнатьевым проект административно-территориального реформирования Степного региона был смелой инициативой, открывающей при полноценной реализации новые возможности как для государства, так и для подданных. Само обозначение генерал-губернаторства как Степного свидетельствовало о выводе его из традиционных, «оренбургской» и «сибирской», парадигм административного и пограничного мышления, порожденных региональной ситуацией XVIII в. Игнатьев не просто разработал «по заказу» проект Степного генерал-губернаторства, он, по сути, вынашивал его ряд лет. Более того, несмотря на трудности, которые должны были встать на пути, он чувствовал в себе силы взяться за создание этого уникального по масштабу и проблематике административно-территориального образования. Таков был контекст, который имманентно присутствовал за письмами Игнатьева к Валиханову, в частности за словами о «недолгом терпении». Нет сомнений, он рассчитывал на Валиханова в деле создания Степного генерал-губернаторства.

В 1862–1864 гг. Игнатьев несколько раз писал о Валиханове в Омск Дюгамелю (обнаружена часть этих писем) и пытался оказать ему содействие. В 1863 г.

он решает активизировать «зависшую» ситуацию. Сначала в июне Игнатьев отправляет в Военное министерство уведомление, что Валиханов «доныне значится причисленным к Азиатскому департаменту и находится от сего департамента в командировке в Области сибирских киргизов» [24], а в июле – письмо Дюгамелю, в котором уважительно, но твердо ставит вопрос о вызове штабс-ротмистра Валиханова («состоящего в ведомстве Азиатского департамента») в Петербург. При этом Игнатьев просит Дюгамеля «потребовать означенного офицера» в Омск и командировать в МИД, снабдив «прогонными деньгами» [25]. Все четко и предельно ясно: Игнатьев ждал Валиханова осенью 1863 г. в Петербург – пришло время разрабатывать проект административного преобразования Степного региона. Однако Дюгамель, настороженно относясь к Валиханову и его связям в Петербурге, не предпринял требуемых мер.

Зиму 1863–1864 гг. (когда в Петербурге на высшем уровне обсуждался проект Игнатьева) Валиханов провел в Омске, и в оправдание ему можно поставить то, что он завершил «Записку о судебной реформе», а также продиктовал работу «О мусульманстве в степи». Но ситуация в целом была для него неприемлемой («вообще все идет скверно», «все ждут новых порядков» и «берут страшно и явно» [26. С. 162]). В начале марта 1864 г. Валиханов пишет Гутковскому о единственно возможном выходе – ехать в Петербург – и называет месяц – май [27. С. 160]. Игнатьев также продолжал надеяться на возвращение Валиханова, ожидая его в апреле. Переписка по этому поводу с Омском продолжалась. Однако в марте 1864 г. в Омск прибыл полковник М.Г. Черняев, поставленный во главе экспедиции против Кокандского ханства. Валиханов, как известно, предпочел участие в военном походе возвращению в Азиатский департамент, где его два с половиной года ждал Игнатьев. 24 марта 1864 г. Валиханов пишет Гутковскому: «Завтра мы выезжаем», – и добавляет со свойственной ему иронией, – «думал в Питер, а попал в страну диких и каменных киргизов». Откровенно указан и мотив: «Еду я, признаться, для того, чтобы получить чин» [26. С. 161]. Такое желание естественно для офицера, но понимал ли он недипломатический характер миссии? Отрицать это затруднительно, так как он сам признает, что отправляется «пожинать победоносные лавры» [26. С. 161].

В начале апреля 1864 г. (когда отряд Черняева находился в пути) штаб Сибирского корпуса по поручению Дюгамеля направляет уведомление в Азиатский департамент, в котором «задним числом» объясняет не командирование Валиханова осенью 1863 г. в столицу: прибыв в Омск, он «по болезни не смог следовать далее в С.-Петербург и остался для излечения» [28. С. 86]. Такова официальная трактовка, но следует учитывать, что Дюгамель не желал отъезда Валиханова в столицу, а потому и рекомендовал его Черняеву. Далее в уведомлении отмечается, что Валиханов по ходатайству Черняева назначен «на время экспедиции» на должность переводчика [28]. Через две недели, в конце апреля, уведомление было доставлено в Петербург. В результате в Омск в мае пошло отношение Азиатского

департамента, в котором констатировалось, что в связи с участием в экспедиции Черняева, а также тем, что Валиханов не последовал в Петербург «к месту прямого служения своего», МИД прекратил производство ему жалования [29]. Игнатьев, однако, не стал подписывать данное отношение, а поручил вице-директору. Здесь следует учесть, что экспедиция против Коканда – для соединения пограничных линий – являлась предпосылкой его проекта. Неслучайно он участвовал в совещании у Александра II в начале 1864 г., которое наряду с обсуждением переустройства азиатского региона положило основание экспедиции Черняева [13. С. 58].

Примечательно и то, что тогда же, весной (и летом) 1864 г., в Петербурге решалась судьба и самого Игнатьева – в связи с инициированным им проектом. Он вспоминал, что по результатам зимне-весенних обсуждений проекта Степного генерал-губернаторства государю «благоугодно было предназначить меня на эту должность», о чем ему, Игнатьеву, «уже было объявлено» государственным секретарем и управляющим Сибирским комитетом В.П. Бутковым и военным министром Милютиным [13. С. 261]. То, что в Степное генерал-губернаторство «предполагался» именно Игнатьев, подтверждает и Валуев [30. С. 292]. Однако назначение (переход из дипломатической сферы в военно-административную) не состоялось, и причину спустя тридцать лет Игнатьев обозначил конкретно – «сопротивление» Горчакова [13. С. 261]. Мотивы министра иностранных дел в целом понятны: с одной стороны, его беспокоила инициативность директора Азиатского департамента, полагавшего, в свою очередь, что министр излишне осторожен и недостаточно вникает в среднеазиатскую проблематику (неслучайна аттестация Горчакова со стороны Милютина как «пугливого канцлера» [20. С. 514]). Поэтому последовавшее «удаление» Игнатьева из центрального аппарата МИДа было не только его желанием, «но и желанием Горчакова» [31. С. 104]. С другой стороны, министр иностранных дел не желал видеть инициативного Игнатьева именно на должности Степного генерал-губернатора, где тот смог бы самостоятельно и комплексно активизировать азиатский вектор политики. Чтобы сохранить в своем распоряжении опытного сотрудника и одновременно в известной мере его нейтрализовать, министр стал предлагать Александру II отправить Игнатьева посланником в Османскую империю. Так, учитывая значимость личности Игнатьева для реализации инициированного им проекта, была упущена возможность решительного преобразования Степного региона. Неслучайно после отъезда Игнатьева в Турцию вопрос о Степном генерал-губернаторстве стал предметом многолетних и малоэффективных дискуссий [22]. Административная инерция, лоббирование и конкуренция локальных интересов, дефицит политической воли, отсутствие ключевой фигуры – все это препятствовало реализации неординарного проекта. Учреждение через два десятилетия, в 1882 г., Степного генерал-губернаторства только словесно напоминало инициативу Игнатьева, так как разделение Степного региона между Оренбургом и Омском в полной мере сохранялось.

Возвращаясь к Валиханову, следует отметить, что в конце мая 1864 г. отряд Черняева приближался к кокандской крепости Аулие-Ата. 4–5 июня после обстрела, повлекшего жертвы, крепость была взята, а уже через день, 7 июня, Черняев принял решение удалить Валиханова из отряда обратно в Верный (документ об этом был опубликован в 1968 г., но не включен в собрание 1985 г.) [32]. То есть это не было «покидание» военного отряда (без приказа), как нередко трактуется, но должны были явиться причины для такого поворота. Вероятно, Валиханов действительно «разошелся» (как полагал Потанин) с начальником отряда в оценке событий [33. С. 109]. Но в любом случае, что мог думать Валиханов летом 1864 г., оставшись вне военной экспедиции (на которую в Омске сделал ставку), о перипетиях последних лет, письмах Игнатьева, о своем невозвращении на службу в Азиатский департамент? Надо отдать должное Игнатьеву: несмотря на изменившиеся обстоятельства, он не инициировал отчисление Валиханова из департамента, что свидетельствует – возможность сотрудничества сохранялось. В конечном счете включение в отряд Черняева было только «на время экспедиции».

Тем временем Горчаков решил вопрос об Игнатьеве в свою пользу, и тот в июле получил назначение в Константинополь. Хотя должность Степного генерал-губернатора он упустил, но назначение в Османскую империю – ключевую страну восточного мира – также открывало немалые возможности и для него, и для сотрудников. На новом месте российскому посланнику необходимы были компетентные дипломаты, знатоки восточных языков и консулы в регионы Османской империи. В этом плане служба в эпицентре мирового Восточного вопроса могла стать перспективным импульсом, который так нужен был Валиханову в 1860-е гг. Однако для этого следовало восстановить связь с Игнатьевым и Азиатским департаментом. В марте, накануне отъезда в экспедицию, у Валиханова такое намерение сохранялось: он желал по завершении военных дел не возвращаться в Омск, а следовать через Ак-Мечеть в Оренбург [26. С. 161], – до Петербурга оттуда было много ближе. Тем не менее летом и осенью Валиханов такого шага не предпринял. В итоге новый директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов в октябре 1864 г. поднял вопрос об «отчислении» Валиханова, так как Азиатский департамент «надобности» в нем «уже не встречал» [34. С. 402]. Приказ об «отчислении» (в распоряжение Дюгамеля) состоялся в январе 1865 г. [35. С. 89]. Что касается очередного чина, к которому Валиханов стремился, то его мирные усилия не были забыты государством. В феврале–марте 1865 г., после служебного перехода (по документам) в Омск, Валиханов в числе других офицеров был представлен («за отличия в делах с кокандцами») к награде – чину ротмистра. И если бы он в июне 1864 г. действительно «покинул» отряд Черняева, награждение было бы невозможно. Другой немаловажный момент: чин ротмистра, аналог капитана, был присвоен не с марта 1865 г. (когда состоялось представление), а со 2 июня 1864 г., когда Валиханов лично прилагал усилия для сдачи крепости Аулие-Ата. 14 марта 1865 г. Александр П

напротив его имени собственноручно написал: «Согласен» [36. С. 434].

Подведем итоги. Реконструкция контекста взаимоотношений Игнатьева и Валиханова (с конца 1850-х гг.) показала, что в начале 1860-х гг. пересеклись не только их служебные траектории, но интересы и устремления, охватывающие проблематику Степного мира (от Кашгара до Оренбурга), отношения России с Китаем и среднеазиатскими государствами. Указанное пространство стало, по сути, региональным контекстом их отношений.

Игнатьев поддержал намерение Валиханова выехать в казахскую Степь, а став директором Азиатского департамента, сохранил личные эпистолярные контакты. Он понимал сложность положения Валиханова в региональной связке Степь–Омск и в переписке с администрацией Западной Сибири поддерживал его. Благодаря расположению Игнатьева на протяжении 1861–1864 гг. и продолжалось это исключительное командирование без определения сроков. Директор Азиатского департамента имел серьезное намерение привлечь Валиханова к сотрудничеству. Он понимал: усиление азиатской политики потребует административной консолидации и инкорпорации Степного региона (как непосредственно сопредельного, с одной стороны, с традиционными губерниями, а с другой – со среднеазиатским миром), что возможно только при активном участии образованных представителей казахского социума. Валиханов, сторонник обновления традиционного общества, был необходим ему как эксклюзивный и одновременно инклюзивный эксперт по степной и азиатской проблематике.

Игнатьев был первым, кто выдвинул идею (1858) и сформулировал проект (1863) соединения Степного региона в рамках Степного генерал-губернаторства. Им двигало прагматичное стремление изменить контур и структуру управления, перенести центр тяжести из Оренбурга и Омска (окраинных по отношению Степи и весьма отдаленных от Средней Азии) на передний план – в собственно Степной регион. Административные преобразования со временем повлекли бы иные сдвиги – инфраструктурные, урбанистические, образовательные, культурные. Впечатляет идея возмещения центра Степного генерал-губернаторства – Атбасар / Акмола. Именно через Валиханова, участвовавшего в выборах старшего султана Атбасарского округа, Игнатьев информационно приблизился к центральному пространству Степного региона. Оценивая объективно, следует признать, что в проекте Игнатьева общие интересы империи пересеклись с интересами степного социума.

По существу, Игнатьев рассчитывал на сотрудничество с Валихановым весь период своего директорства в Азиатском департаменте (август 1861 – июль 1864 г.). Вместе, в тандеме, они могли сделать немало. Валиханов также не раз утверждал в переписке о поездке в Петербург, однако, тесно связанный с казахским обществом и Омском, не преодолел обстоятельств. Последующее противодействие переходу Игнатьева на военно-административную службу в Степном регионе (и направление в Константинополь) прервало их отношения. Тем не менее личные контакты Игнатьева и Валиханова остались в отечественной истории XIX в. –

русской и казахской — проявлением возможной альтернативы колониальному подходу.

Характер их отношений несводим к военно-служебному знаменателю. Во взаимоотношениях Игнатъева и Валиханова сошлись социокультурные миры, которые они представляли, — русский (российско-петербургский) и казахский (султанско-степной). Более того, учитывая известное внимание Игнатъева к славянской проблематике, а Валиханова — к тюркской, своими контактами они олицетворяли и славяно-тюркское взаимодействие.

Таким образом, контекст взаимоотношений Игнатъева и Валиханова (региональный и социокультур-

ный) и их контакты (непосредственные в Петербурге и опосредованные, когда Валиханов вернулся в Степь) были в содержательном, интеллектуальном смысле не односторонне проевропейскими или проазиатскими, но имели евразийский характер. И данный вывод может экстраполироваться на отношения Валиханова с иными представителями российской государственной и интеллектуальной элиты. Несмотря на ограниченность контактов между Игнатъевым и Валихановым в первой половине 1860-х гг., взаимоотношения подобного евразийского типа в силу историко-культурных особенностей Российской империи и Степного мира имели потенциал и перспективы.

Список источников

1. Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники. Кокшетау : Изд-во КГУ, 2016. 386 с.
2. Мусина М.Ш., Тихомиров Б.Н. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. СПб. : Серебряный век, 2009. 68 с.
3. Стрелкова И.И. Валиханов. М. : Молодая гвардия, 1990. 298 с.
4. Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат. М. : Квадрига, 2009. 392 с.
5. Блуднова Е.Ю. Мемуары Н.П. Игнатъева как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 216 с.
6. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1984–1985.
7. Письмо Н.П. Игнатъева генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю. 22 мая 1861 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 82.
8. Записка Н.П. Игнатъева директору Азиатского департамента Е.П. Ковалевскому. 5 февраля 1861 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 81.
9. Валиханов Ч.Ч. О состоянии Алтыншара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 3. С. 97–218.
10. Отчет Игнатъева в Азиатский департамент о переговорах с английским и французским послами в Китае и китайским правительством в Пекине в 1860 г. Январь 1861 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 414.
11. Отчетная записка, поданная в Азиатский департамент в январе 1861 г. генерал-адъютантом Н.П. Игнатъевым о дипломатических сношениях его во время пребывания в Китае в 1860 г. СПб. : Тип. Комарова, 1895. 310 с.
12. Валиханов Ч.Ч. Об устройстве фактории в Кашгаре и о дорогах в Кашгар // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 3. С. 267–269.
13. Игнатъев Н.П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатъева. СПб. : Гос. тип., 1897. 284 с.
14. Записка Игнатъева «Программа действий на 1859 г.» // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 305.
15. Записки Игнатъева о необходимости реорганизации административного управления Киргизской степью // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 312.
16. Валиханов Ч.Ч. — Майкову А.Н. 6 декабря 1862 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 152–154.
17. Валиханов Ч.Ч. — Достоевскому Ф.М. 14 января 1862 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 147.
18. Валиханов Ч.Ч. — Гутковскому К.К. 1 января 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 156–157.
19. Комментарии // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 448–497.
20. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864. М. : РОССПЭН, 2003. 686 с.
21. Проходцев К.А. Проекты реформирования управления казахскими степями конца 1850 — середины 1860-х гг. // Этнопанорама. 2015. № 1-2. С. 88–92.
22. Васильев Д.В. Административно-территориальное деление Азиатской России: дискуссия 1860–1887 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 13–20.
23. Записка Горчакова, Милютина и Валуева об административном преобразовании азиатской части России. 29 декабря 1863 г. // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 488.
24. Уведомление Азиатского департамента МИД в Комиссариатский департамент Военного министерства. 12 июня 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 83.
25. Письмо Н.П. Игнатъева генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю о командировании Ч.Ч. Валиханова в Петербург. 6 июля 1863 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 84.
26. Валиханов Ч.Ч. — Гутковскому К.К. 24 марта 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 161–162.
27. Валиханов Ч.Ч. — Гутковскому К.К. 4 марта 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 160–161.
28. Уведомление штаба Отдельного сибирского корпуса. 6 апреля 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 86–87.
29. Отношение Азиатского департамента в штаб Отдельного сибирского корпуса. 21 мая 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 87.
30. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М. : Наука, 1961. Т. 1. 420 с.
31. Хевролина М.В. Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории / отв. ред. А.Н. Сахаров. М. : Наука, 2006. Вып. 6. С. 99–119.
32. Наказ начальника 8-го батальона Богацевича начальнику 9-го батальона Курзину // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Наука, 1968. Т. 4. С. 433–434.
33. Потанин Г.Н. — Пылину А.Н. 28 июня 1889 г. // Письма Г.Н. Потанина. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. Т. 4. С. 108–110.
34. Отношение Азиатского департамента МИД военному министру. 17 октября 1864 г. // Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Наука, 1968. Т. 4. С. 402–403.

35. Приказ военного министра о переводе Ч.Ч. Валиханова из Азиатского департамента в распоряжение командующего войсками Западной Сибири. 17 января 1865 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Гл. ред. КСЭ, 1985. Т. 5. С. 89.
36. Список чинов иррегулярных войск, представленных к наградам за отличия в делах с кокандцами 2 июня 1864 г. 10 марта 1865 г. // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата : Наука, 1968. Т. 4. С. 434.

References

1. Abuev, K.K. (2016) *Chokan Valikhanov i ego sovremenniki* [Chokan Valikhanov and his contemporaries]. Kokshetau: Kokshetau State University.
2. Musina, M.Sh. & Tikhomirov, B.N. (2009) *Chokan Valikhanov v Sankt-Peterburge* [Chokan Valikhanov in St. Petersburg]. St. Petersburg: Serebryanyy vek.
3. Strelkova, I.I. (1990) *Valikhanov* [Valikhanov]. Moscow: Molodaya gvardiya.
4. Khevroлина, V.M. (2009) *Nikolay Pavlovich Ignat'ev. Rossiyskiy diplomat* [Nikolay Pavlovich Ignatyev. Russian diplomat]. Moscow: Kvadriga.
5. Bludnova, E.Yu. (2007) *Memuary N.P. Ignat'eva kak istoricheskiy istochnik* [Memoirs of Nikolay P. Ignatiev as a historical source]. History Cand. Diss. Moscow.
6. Valikhanov, Ch.Ch. (1984–1985) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols]. Alma-Ata: KSE.
7. Ignatiev, N.P. (1985a) Pis'mo N.P. Ignat'eva general-gubernatoru Zapadnoy Sibiri A.O. Dyugamelyu. 22 maya 1861 g. [Nikolay P. Ignatyev's letter to Governor-General of Western Siberia A.O. Dugamel. May 22, 1861]. In: Valikhanov, Ch.Ch. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 81.
8. Ignatiev, N.P. (1985b) Zapiska N.P. Ignatieva direktoru Aziatskogo departamenta E.P. Kovalevskomu. 5 fevralia 1861 g. [Nikolay P. Ignatyev's note to the Director of the Asian Department E.P. Kovalevsky. February 5, 1861]. In: Valikhanov, Ch.Ch. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 81.
9. Valikhanov, Ch.Ch. (1985a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 97–218.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 414. Otchet Ignat'eva v Aziatskiy departament o peregovorakh s angliyskim i frantsuzskim poslami v Kitae i kitayskim pravitel'stvom v Pekine v 1860 g. Yanvar' 1861 g. [Ignatyev's report to the Asian Department on negotiations with the British and French ambassadors in China and the Chinese government in Beijing in 1860. January 1861]. pp. 1–110.
11. Ignatiev, N.P. (1895) *Otchetnaya zapiska, podannaya v Aziatskiy departament v yanvare 1861 g. general-ad'yutantom N.P. Ignat'evym o diplomati-cheskikh snoshe-niyakh ego vo vremya prebyvaniya v Kitae v 1860 g.* [A memorandum filed with the Asian Department in January 1861 by Adjutant General Nikolay P. Ignatyev about his diplomatic relations during his stay in China in 1860.]. St. Petersburg: Komarov.
12. Valikhanov, Ch.Ch. (1985b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Alma-Ata: KSE. pp. 267–269.
13. Ignatiev, N.P. (1897) *Missiya v Khivu i Bukharu v 1858 godu fligel'-ad'yutanta polkovnika N. Ignat'eva* [Mission to Khiva and Bukhara in 1858 by Fliegel-Adjutant Colonel Nikoaly Ignatyev]. St. Petersburg: Gos. tip.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 305. *Zapiska Ignat'eva "Programma deystviy na 1859 g."* [Note by Nikolay Ignatyev "Program of Action for 1859"]. pp. 1–19.
15. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 730. List 1. File 312. *Zapiski Ignat'eva o neobkhodimosti reorganizatsii administrativnogo upravleniya Kirgizskoy step'yu* [Ignatyev's notes on the need to reorganize the administrative management of the Kyrgyz steppe]. pp. 1–19.
16. Valikhanov, Ch.Ch. (1985c) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 152–154.
17. Valikhanov, Ch.Ch. (1985d) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 147.
18. Valikhanov, Ch.Ch. (1985e) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 156–157.
19. Valikhanov, Ch.Ch. (1985f) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 448–497.
20. Milyutin, D.A. (2003) *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1863–1864*. Moscow: ROSSPEN.
21. Prokhodtsev, K.A. (2015) Proekty reformirovaniya upravleniya kazakhskimi stepyami kontsa 1850 – serediny 1860-kh gg. [Projects of reforming the management of the Kazakh steppes in the late 1850s – mid-1860s.]. *Etnopanorama*. 1–2. pp. 88–92.
22. Vasilyev, D.V. (2018) Administrative-territorial division of Asian Russia: discussion of 1860–1887. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 51. pp. 13–20. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/51/2
23. The State Archives of the Russian Federation (GARF). *Zapiska Gorchakova, Miliutina i Valueva ob administrativnom preobrazovanii aziatskoi chasti Rossii*. 29 dekabria 1863 g. Fund 730. List 1. File 488. pp. 1–46.
24. The Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs. (1985) Uvedomlenie Aziatskogo departamenta MID v Komissariatskiy departament Voennogo ministerstva. 12 iyunya 1863 g. [Notification of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs to the Commissariat Department of the Ministry of War. June 12, 1863]. In: Valikhanov, Ch.Ch. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 83.
25. Ignatiev, N.P. (1985c) Pis'mo N.P. Ignat'eva general-gubernatoru Zapadnoy Sibiri A.O. Dyugamelyu o komandirovaniy Ch.Ch. Valikhanova v Peterburg. 6 iyulya 1863 g. [Nikolay Ignatyev's letter to the Governor-General of Western Siberia A.O. Dugamel on the secondment of Ch.Ch. Valikhanov to St. Petersburg. 6 July 1863]. In: Valikhanov, Ch.Ch. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 84.
26. Valikhanov, Ch.Ch. (1985g) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 161–162.
27. Valikhanov, Ch.Ch. (1985h) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 160–161.
28. Valikhanov, Ch.Ch. (1985i) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. pp. 86–87.
29. Valikhanov, Ch.Ch. (1985j) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 87.
30. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
31. Khevroлина, M.V. (2006) Rossiyskiy diplomat graf N.P. Ignat'ev: lichnost', programma, taktika [Russian diplomat Count Nikolay P. Ignatyev: Personality, program, tactics]. In: Sakharov, A.N. (ed.) *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Vol. 6. Moscow: Nauka. pp. 99–119.
32. Valikhanov, Ch.Ch. (1968a) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Alma-Ata: KSE. pp. 433–434.
33. Potanin, G.N. (1990) *Pisma G.N. Potanina* [Letters from G.N. Potanin]. Vol. 4. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 108–110.
34. Valikhanov, Ch.Ch. (1968b) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Alma-Ata: KSE. pp. 402–403.
35. Valikhanov, Ch.Ch. (1985k) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Alma-Ata: KSE. p. 89.
36. Valikhanov, Ch.Ch. (1968c) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Alma-Ata: KSE. p. 434.

Сведения об авторе:

Селиверстов Сергей Васильевич – кандидат исторических наук, приглашенный доцент Академии государственного управления (Астана, Республика Казахстан). E-mail: seliverst.sv@googlemail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Seliverstov Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Visiting Associate Professor of the Academy of Public Administration (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: seliverst.sv@googlemail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2021; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 02.05.2021; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/84/9

Ландшафтно-климатический аспект хозяйственной деятельности русского населения Северного Зауралья (XVIII – 30-е гг. XIX в.)

Сергей Викторович Туров

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, svtur57@mail.ru

Аннотация. Рассматривается опыт функционирования русской традиционной хозяйственной структуры в условиях таежной и лесотундровой ландшафтно-климатических зон. Показано перераспределение хозяйственной активности населения в область добывающих промыслов в связи с невозможностью хлебопашества. Рассмотрена адаптация к условиям севера традиционного скотоводства и огородничества. В результате пропульсивными отраслями северного хозяйства стали добывающие промыслы и скотоводство при вспомогательной роли огородничества. Выявлена зависимость структуры ремесленных занятий от особенностей ландшафта.

Ключевые слова: Северное Зауралье, тайга, лесотундра, климат, русские, хозяйство

Благодарности: Выявление источников по исследовательской теме в центральных архивах (РГАДА, НИА СПб И РАН, СПбФА РАН) выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-720018 «Интеллектуальный капитал как драйвер ускоренного развития Тюменского региона: от аграрно-сырьевой к постиндустриальной модели развития» (рук. А.Н. Сорокин). Выявление источников в региональных архивах (ГА в г. Тобольске, ГАПК) выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. В.П. Зиновьев).

Для цитирования: Туров С.В. Ландшафтно-климатический аспект хозяйственной деятельности русского населения Северного Зауралья (XVIII – 30-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 72–78. doi: 10.17223/19988613/84/9

Original article

Landscape and climatic aspect of the Russian population's economic activity in the Northern Trans-Urals (XVIII – 30s of the XIX centuries)

Sergei V. Turov

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, svtur57@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the functioning of the Russian traditional agro-industrial structure in the landscape and climatic conditions of the Northern Trans-Urals during the period from 1700s to 1830s. Following L.S. Berg, we understand the landscape as "... regular groupings of objects and phenomena on the land surface, on the bottom and on the surface of the sea (and in general reservoirs), due to the regular repetition of the properties and features of soils and rocky soils, rock formations, aquatic environment, relief, vegetation, wildlife, human and his material and spiritual culture aspects". The sources of the study include economic and geographical descriptions of the region left by contemporaries and the office records of local government agencies as well.

Due to the landscape and climatic conditions of the Northern Trans-Urals, arable farming in the north of the region did not go beyond experiments and it was sporadic in the south. At least the Berezovitsy and Surgutyans had vegetable gardens since the second half of the 18th century. As time went on, the range of plants expanded, and the truck farming advanced to Obdorsk. The hunter was primarily interested in fur-bearing animals, whose reserves were largely depleted (especially in the cities), but still provided the hunter with acceptable prey sizes. Stocks of the other fur-bearing animals, birds, fish and wild plants remained at a very high level. Tools, methods and timing of fishing activities depended on time of the year, terrain features and behavioral attitudes of fur-bearing animals. The fishing activity was complicated by the fact that the lands, except for suburban ones, had to be rented from the aborigines. Cattle breeding was restrained by the lack of hayfields, their quality (hummocks, shrubs) and the relief of floodplain spaces – in case of high flood, bottom-land meadows went under water for a long time. Keeping sheep, pigs, and poultry was complicated by a huge number of dogs. Dogs and deer were widely used for trips through the taiga and tundra. The structure of handicraft lessons had been organically integrated into the landscape. In the 1820s, the Berezov's residents engaged in the deer skins manufacturing. In summer river transport became the only type of transport in the region. Shipbuilding and ship repair work required specialists – carpenters and blacksmiths.

Keywords: Northern Trans-Urals, taiga, forest tundra, climate, Russians, economy

Acknowledgements: Identification of sources on the research topic in the central archives (RGADA, NIA SPbII RAN, SPbFA RAN) was carried out with the support of the RFBR grant, project No. 20-49-720018 “Intellectual capital as a driver of accelerated development of the Tyumen region: from the primary to the post-industrial development model” (exec. A.N. Sorokin). Identification of sources in regional archives (GA in Tobolsk, GAPK) was carried out with the support of a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Man in the changing space of the Urals and Siberia” (exec. V.P. Zinoviev).

For citation: Turov, S.V. (2023) Landscape and climatic aspect of the Russian population's economic activity in the Northern Trans-Urals (XVIII – 30s of the XIX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 72–78. doi: 10.17223/19988613/84/9

Северное Зауралье в рассматриваемый период в административном отношении составляло Сургутский и Березовский уезды, а также северную часть Тобольского уезда. Большинство русских проживали в городах и с. Самарово. В уездах русское население жило в основном в волостных центрах (погостах) и было малочисленно. Хозяйственная деятельность северян обуславливалась прежде всего суровыми ландшафтно-климатическими условиями. Регион представляет собой равнину, расположенную между Уральскими горами и Обь-Енисейским водоразделом с большим количеством рек. Кроме рек здесь расположено около 300 тысяч озер. Треть территории занимают болота. Все это пространство до полугода покрыто снегом и льдом. После 70° северной широты тайга переходит в лесотундру, а затем в тундру. В таких условиях невозможно было организовать традиционную для русского хозяйства агропромысловую структуру, где пропульсивной отраслью являлось земледелие. Вместе с тем таежные дебри и Обь-Иртышская озерно-речная система предоставляли широкие возможности для промысловых занятий. По этой причине главное место в хозяйстве занимали охота и рыбная ловля. Самой желанной добычей северного охотника являлась пушнина. К началу XVIII в. запасы ценного пушного зверя были в значительной степени истощены. И тем не менее пушная охота оставалась занятием выгодным. По свидетельству Г.Ф. Миллера, в 1730–1740-х гг. в зауральской тайге добывали соболей, славившихся «добротой», «нарочито хороших» бобров. Белка также водилась – «лучшая, которая густа и пышна». Особенно ценилась касимская белка, «которую промышляют при реке Касим в Березовском уезде». По свидетельству первого сибирского историографа, китайские торговцы «обскую белку всем прочим предпочитают». Лучшие по качеству и драгоценные по цене лисицы редких окрасов – черные и черно-бурые – также водились в северно-зауральской тайге [1. С. 80, 85–86, 90–92]. В середине XVIII в. тобольский ямщик И. Черепанов в своей летописи сообщает, что сургутские росوماхи считались лучшими в Сибири и шли на продажу по цене от одного до полутора рублей за шкуру [2]. В 1780-х гг. отмечалось, что даже в не столь удаленной, по сибирским меркам, от густонаселенных мест Самаровской местности «...в лесах имеетца звери: лоси, олени, медведи, черныя лисицы красныя и бурья, соболи, горностаи, розсомаги, ласки, белые зайцы, а ниже Самарова по Обе в речках бобры и выдры...» [3. Л. 43 об.]. Охо-

та на пушного зверя была добычлива еще в 1820-е гг. Со слов А. Эрмана, в это время бобры «весьма часто встречаются, под широтою Березова при некоторых притоках реки Оби...» [4. С. 242]. Наиболее интенсивный период охоты приходился на конец осени и зиму. Именно в это время шкура пушного зверя приобретала особую «доброту». С окончанием зимы охота на пушного зверя практически прекращалась. Весной в больших количествах добывали перелетную птицу перевесами [5. С. 53].

Интенсивность и способы охоты зависели не только от сезона, но и от особенностей поемного рельефа. Так, укрывшихся от половодья на заливных островах зайцев били палками: «...острова и высокие бугры, которых никогда и в самую большую воду не потопляет, на таковых бывают, что держатся лисицы, зайцы, а в зимнее – великое множество куропатки» [6. Л. 6]. Охота на «зверя по заливным островам» в XVIII в. характеризовалась губернской администрацией как «важнейшая статья продовольствования» северян. В результате на Сибирь не был распространен указ «о нестрелянии зверей и птиц весною» [7. С. 508. № 12025]. Палка вновь шла в дело в конце лета, ею били и «давили» собаками линную водоплавающую птицу. Специализированный набор ловушек предназначался для боровой дичи – слопцами, пастями, силками ловили тетеревов, куропаток, рябчиков [5. С. 53]. Рыболовный промысел также был организован в связи с сезонными изменениями в поведении рыбы. Наиболее интенсивный лов осуществлялся в летнее время. Об орудиях лова в 1740-х гг. сообщалось следующее: «Как русские, так и иноземцы... рыбу ловят на Обе реке в летнее время неводами и переметами, а зимою неводами же и мордами. Морды делаютца из лесу и плетут их корнем лесным, который растет от лесу в землю» [8. Л. 187]. Кроме морды широко применялся колдан, а также запор на малых реках [5. С. 59].

Серьезным препятствием для русских добывающих промыслов являлось то, что все промысловые угодья принадлежали аборигенам. Так, в 1706 г. березовские казаки отписали в Сибирский приказ: «...около Березова в близости версты по две и по три от города все иноземские угожы... и те иноземцы нас на свои угожи промышлять не пускают, потому что сами они промышляют...» [9. Л. 400]. Таким образом, березовцы и сургутяне были ограничены в промысловой деятельности территорией, прилегающей к городам. Вполне ожидаемо закончилась подобная практика тем, что

«угодные места поиспортились» уже в начале XVIII в., а к 1825 г. зверь «совершенно удалился» из пригородных пространств. По этой причине русское население северных городов стремилось к расширению территории промысловой деятельности. Такое расширение могло осуществляться двумя способами – через деловые контакты с коренным населением или через аренду «кортом» угодий. В начале XIX в. местная администрация отмечала, что аборигены допускают березовцев и сургутян в свои угодья: «...иных по знакомству, а от других получают муку и нужные домашние промыслы» [5. С. 54–58]. В уездах у русских охотничий и рыболовный промыслы были организованы так же, как и в городах. В частности, о Самаровской местности сообщалось в 1781 г., что русские «питаются от рыбного промысла на отводных песках, а отводного места имеют по реке Иртышу на 50 верст около яму, а протчие в уезде ямские селения жительство имеют на купленных землях сыстари у ясашных, и выше означенные Самаровскаго яму ямщики в зимние время по согласию и по кортому с ясашными упряжняются в звериного промысла, и как от рыбного промысла так и от звериного и содержанию получает достаточество» [3. Л. 43].

Кроме охоты и рыбной ловли северяне занимались сбором дикоросов – кедровой шишки, ягод, а также яиц диких птиц. Имелись порайонные различия в ассортименте собирательных промыслов. Так, в Самаровской местности собирали «...кедровые орехи; ягоды – малина, земляника, черемуха, смородина, мурошка, клюква, рябина, черника; губы, грузди, рыжики, масленики» [3. Л. 43 об.]. Самым изобильным и доходным являлся промысел кедрового ореха. В 1820-х гг. отмечалось: «Заметить надобно, что здешний округ (Березовский. – С.Т.) изобилует кедровником, так что обитатели оного в хороший урожайный год собирают кедровых орехов до 20 000 пудов» [10. Л. 59 об.]. В это же время, по подсчетам Ф. Белявского, в Самаровской волости Тобольского округа местные жители за сезон собирали до 10 тыс. пудов ореха [11. С. 16]. Кроме кедрового ореха, не только для собственного употребления, но и на продажу, собиралась в большом количестве брусника [10. Л. 59 об.].

Из производящих русских хозяйственных отраслей на Севере практиковалось скотоводство. Горожане и жители уездов держали крупный рогатый скот и лошадей. Богатые березовцы уже в 1770-х гг. заводили свиней, овец и кур «на яйцо» [12. С. 215–216]. Разведение кур, по-видимому, время от времени прерывалось. Иначе трудно объяснить, почему хорошо информированный автор доктор Эрман отметил в 1828 г., что березовцы только начинают разводить кур [4. С. 251]. Возможно, это объясняется тем, что кур, свиней и овец приходилось содержать взаперти, иначе они становились добычей собак. Собак русские северяне содержали как для транспортных нужд, так и для охоты. Собаководство как отрасль хозяйства укоренилось по крайней мере с 1740-х гг. [5. С. 80]. В силу климато-ландшафтных условий собачья или оленья упряжка в зимний сезон часто становилась единственным возможным средством передвижения. Огромное количество собак – охотничьих, пастушьих, ездовых и

попросту бродячих – было обязательным элементом антропогенных биоценозов на Севере: «Каждый день небывалым людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, который по всему городу (Березову. – С.Т.) раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, первое подерутся, потом начнут выть, что услыша, прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе делается такой вой, что из конца в конец переходит...» – живописал эту проблему в 1770-х гг. академический студент В.Ф. Зуев [12. С. 215]. В это же время имелись у березовцев серьезные проблемы с выпасом не только мелкого скота, но и крупного – лошадей и коров. В этом случае трудности создавал рельеф: «А около города небольшое число чистого места для скотского выпуска, например, как десяти на пять и то неровное ложистое и мокрое» [3. Л. 33].

Для скота на длительный период стойлового содержания приходилось заготавливать сено. Покосы, выделенные березовцам «от отцов и дедов их... во владение им вечно», находились от города «верстах в пяти» [13. Л. 125–125 об.]. Однако были они недостаточны: «Сенокосные луга хотя в дачах городских и имеются, но по количеству граждан весьма недостаточно... потому принуждены бывают для поставки сена кортомить места у ясашных, живущих поблизости города», – сообщалось в 1804 г. Сургутяне подобных трудностей не испытывали [5. С. 80]. Однако общей проблемой северян при заготовке сена являлось то, что поемные луга были покрыты кустарником и кочками, удобных участков было мало. По этой причине сенокосные угодья «опаливались». В свою очередь, выжигание кустарника, кочек и прошлогодней травы (ветоши) становилось причиной лесных пожаров.

Самое раннее из известных нам свидетельств о содержании свиней в русских хозяйствах Среднего Приобья относится к 1807 г. В 1810 г. Тобольской духовной консистории зачем-то понадобились сведения о том, «в какой цене состояли вышеозначенного 1807 года в Юганском погосте годовые свиньи, обещающие родить 12 поросят» [14. С. 188]. О Самаровской местности в 1781 г. сообщалось, что «у жителей скот содержится: лошади, коровы, свиньи, куры русские, а гусей и уток не водят» [3. Л. 43 об.]. В целом развитию традиционного русского скотоводства препятствовали природные условия региона: «Большему распространению скотоводства препятствует здесь суровость климата, а более всего нередко случающиеся весною большие воды, которые, потопляя все места, находятся в разлитии продолжительное время, отчего много гибнет скота от неимения корма и удобных мест, где бы сохранить его можно было. Также немало вреда скоту причиняют и хищные звери», – отмечалось в «Экономическом или хозяйственном описании Березовского округа» за 1827 г. [10. Л. 63 об.]. Катастрофические последствия для скотоводства жителей Березова от половодья описал в начале 1840-х гг. Н.А. Абрамов: «Разлив держался долго, а потом вскоре наступил холод и, наконец, зима. Посему жители очень мало запаслись сеном, да притом оно было худое, потому что трава росла в воде и иле. Со второй половины зимы сделался ощутительный недостаток в сене; скот валился от голода и худого

корма... В феврале и марте начали кормить скот талом (дерево тальник. – *С.Т.*), в половине апреля, по опасности весеннего льда и проталин на реках Сосве и Вогулке, нельзя было достать с другой стороны даже и тальнинных ветвей. Снег лежал еще везде и закрывал в полях оставшуюся от лета траву. Поэтому скот кормили запасенными на зиму и весну для бань березовыми вениками; кончили их – скот валился. Начали затем кормить кедровой хвоей (иглами) с примесью муки, но от этого неправильного корма скот еще больше валился» [15. С. 508–509].

Несмотря на обозначенные выше препятствия, скотоводство во второй половине XVIII в. продвинулось до северной границы расселения русских в крае, т.е. до лесотундры. В.Ф. Зуев отметил, что обдоряне содержат крупный рогатый скот. Кроме того, березовцы «...на судах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом». Коровы жили дольше. Однако редкая обдорская корова в XVIII в. достигала до пятилетнего возраста [12. С. 215].

Во второй половине XVIII в. русские начинают заниматься оленеводством. Больше, чем в других местностях, оленей было у жителей Березова. В 1764 г. оленями владел местный протопоп Кайдалов. У березовского атамана Ильи Сверчкова в 1780-х гг. имелось стадо в 180 голов. Оленей он выменял у хантов. Так поступали и другие, иной раз платя «немалую цену». Потребность в оленях возникла из-за участвовавших длительных поездок по волостям в административных и хозяйственных целях. Крупные стада русские владельцы поручали заботам аборигенов. С этой целью они либо нанимали пастухов, либо раздавали оленей разным хозяевам на содержание. Чаще всего таковых находили в Обдорской волости, но, бывало, отдавали и в другие – например в Ляпинскую. Как сообщали казаки, поездки к аборигенам они совершали «...на собственных своих конях, а по неимению конных дорог в зимнее время на собаках и оленях, ис коих последние находятся как в зимнее, так и в летнее время у остяков и самоедов в пазбе» [5. С. 78–79]. Оленей держали и в уездах. Об этом свидетельствует курьезный результат одной охоты. В 1790 г. пономарь ларьякской Знаменской церкви добыл «домашнего оленя», принадлежавшего, как выяснилось, священнику той же церкви. Горехотник принял оленя за «полевого», т.е. дикого [16. С. 280]. Успехи оленеводства были настолько значительны, что в 1820-х гг. некоторые жители Березова занялись выделкой оленьих шкур у себя «на дому» [5. С. 82].

Как уже отмечалось, землепашество на Севере из-за сурового климата развития не получило. Дело ограничивалось незначительными опытными посадками. Наиболее ранние опыты хлебопашества были предприняты на юге региона, близ с. Самарово. В 1767 г. самаровская пашня составляла около 80 десятин (27 десятин – озимая рожь, 22 – яровая, 31 – пар). Еще одно свидетельство дошло от начала 1770-х гг.: «Около Самарово почти ничего не сеют, кроме ячменя и овса, а уже много ежели несколько ярового хлеба, льну и коноплей. В три года здесь в окольных местах случился хороший урожай хлеба» [17. С. 227]. На севере региона в XVIII в. даже об опытах хлебопашества не

помышляли. «Обыватели города Березова» сообщали в 1741 г., что «...пшеница, рожь, ячмень, овес, пшено, греча, семя льняное и конопляное, тако ж чечевица, горох и бобы в Березове не сеют и не родитца и пашенных земель не имеетца» [18. Л. 11]. В 1752 г. Березовская воеводская канцелярия на запрос Тобольской губернской канцелярии отписала, что «...как на пред сего, так и ныне за происходящим ежегодно студеном климатом хлеба не пашут...» [19. Л. 37.].

Первые земледельческие опыты зафиксированы в Березове только в первой половине 1820-х гг. Березовский купец Нижегородцев сеял ячмень и рожь и собирал небольшие урожаи. Так, в 1826 г. сбор ячменя составил «сам двадцать» [4. С. 235]. Опыт Нижегородцева, однако, не перерос в хозяйственную отрасль. Суровый климат здесь явился не единственным препятствием. Не менее значимым было отсутствие соответствующих хозяйственных навыков. В 1825 г. из Сургута сообщали, что в окрестностях города «прежде не производилось и ныне не производится хлебопашество потому, что грунт земли к тому не свойственной, а хотя есть в отдаленности от Сургута к посеву овса, ярицы, ячменя некоторые способные места, но нет, как тут, так и по всему Сургутскому отделению таковых жителей, которые бы могли в том действовать и знать совершенное хлебопашество и обрабатывание земли» [20. Л. 2]. Наконец, северянину значительно проще было покупать хлеб на вырученные от привычных хозяйственных занятий средства.

Больших успехов, чем в полеводстве, добились северяне в огородничестве. По крайней мере уже во второй половине XVIII в. у березовцев и сургутян имелись огороды [12. С. 214]. В огородах в это время выращивали репу, редьку, морковь, свеклу, капусту, а в районе с. Самарова – еще и чеснок, хрен: «Капуста же в оных местах (с. Самарово. – *С.Т.*) родится без кочней, чеснок, редька, репа и хрен растут в довольном количестве» [5. С. 82; 17 С. 227]. Приличный огород «...в длину 35 сажен... для сажения на братию капуст» возделывали служители Кординского монастыря в 1763 г. [21. С. 181]. В начале XIX в. в огородах березовцев появились бобы, горох и огурцы [5. С. 81–82]. В первой трети XIX в. жители Кординского и Сургутского отделений выращивали в огородах репу, редьку, морковь, свеклу, капусту, огурцы. Впрочем, отмечалось, что из-за сурового климата «труды редко вознаграждаются надлежащим образом» [10. Л. 63]. Тем не менее даже на крайнем севере региона, в Обдорске, по крайней мере в конце XVIII в. имелись огороды: «По краткости же лета, овощей огородных, кроме как зеленой капусты и малой редьки и репы, другого ничего родиться не может, а при том зелень и всякая быть может, но только всходит да цветет, а в совершенное возрастание не приходит» [6. Л. 4-4об.]. В XIX в. в огородах северян появляется картофель. В 1819 г. Самаровское волостное правление сообщало, что «вследствие холодного климата хлеба здесь не сеют, картофель же и другие огородные овощи вырастают, но в весьма малом количестве» [22. С. 46]. «Картофель мог бы здесь расти неплохо, хотя клубни мелкие, так как ранние заморозки портят ботву, но здесь его мало сажают,

разве что для забавы, всего по несколько кустов. Хозяйка, засадившая целую гряду, думает, что сделала великое дело. Вообще жителям Березова не нравится этот овощ. Видно, что их желудки привыкли к мясным блюдам...» — отмечала в 1839 г. Э. Фелинская, проживавшая в Березове польская ссыльная [23. С. 23].

Особенности ландшафта диктовали структуру ремесленных занятий. В летнее время сухопутное сообщение в крае прерывалось, причиной чего являлись болота и непролазные таежные дебри; единственными «дорогами» оставались реки. Отсюда самыми распространенными ремеслами в XVIII в. были плотнично-столярное и кузнечно-слесарное. Эти специальности были востребованы прежде всего на починке, разборке и строительстве судов. Так, в 1752 г. по обращению березовского «плотнического старосты» Михаила Карпова было отпущено на «починку казенного дощаника железа два пуда пять фунтов». Принял железо «слесарь казак Михаил Протопопов» [19. Л. 128]. Вполне вероятно, что этому же «плотничьему старосте» было поручено в июле 1752 г. «барку розломать, годной лес положить в удобном месте» [19. Л. 130]. По меньшей мере еще с двумя барками в 1752 г. поступили подобным образом [19. Л. 145]. Из «годного леса» затем строились суда. В 1753 г. «березовский казак Алексей Оболтин с товарищи... для сколачивания казенного дощаника» истребовал у березовской канцелярии скобы, гвозди, и «...к казенке, в котором поставлена ясажная мягкая рухлядь, к дверям цепочки...» [19. Л. 161].

Помимо судостроения плотнично-столярное ремесло было востребовано на строительстве. Огромные запасы леса на Севере в рассматриваемый период находились в распоряжении местного населения без каких-либо законодательных ограничений [24]. Строительство велось исключительно из дерева, дерево являлось единственным топливом. Уже знакомый нам плотничный староста Михаил Карпов с товарищами в 1751 г. ремонтировал кровли на угловых башнях березовского острога и кровлю на казенном амбаре, «...в коем имеетца ясажная мягкая рухлядь» [19. Л. 98]. Березовские плотники работали по найму в волостях. В 1753 г. «разночинцами Иваном Чакилевым с товарищем» была сооружена «в Обдорской волости вкруг Василиевской церкви ограда» [19. Л. 176]. Березовцы

подражались на рубку дров. Так, в 1751 г. разночинцы Яков Кулебакин с товарищами поставили в Березовскую воеводскую канцелярию дрова «...по учиненному с ними... договору» [19. Л. 136].

Кузнечное ремесло также обслуживало не только судостроение. Кузнечные работы в городе выполнялись «казенными кузнецами» [5. С. 82], и работы эти могли быть достаточно тонкими. Так, березовский казак Петр Котельников в 1752 г. изготовил по казенному заказу 24 фунта медной «кабацкой посуды» [19. Л. 134].

Структура ремесленных занятий существенно не менялась десятилетиями. В описании Березова от 1762 г. говорится, что «...здесьшний народ по малолюдству никаких ремесел кроме топорной и кузнечной работы не имеет...» [25. Л. 3 об.]. О с. Самарово в описании 1762 г. сообщается, что «...из самаровских ямщиков некоторые имеют ремесла. Дома обывательские деревянные строить, тако ж на казенные, купеческие и на протчии малыи суда к судовому водяному ходу принадлежащие постройки и к тому приуготовить потребной лес и тем имеют довольство без недостатка...» [26. Л. 3об.—4]. Десяток лет спустя березовцы по-прежнему занимались почти исключительно заготовкой дров, кузнечным и столярным ремеслом [3. Л. 33].

Таким образом, в XVIII — первой трети XIX в. хозяйственная структура русского населения Северного Зауралья была адаптирована к ландшафтно-климатическим условиям. Пропульсивными отраслями являлись добывающие промыслы и скотоводство, вспомогательное значение имело огородничество, а на юге региона — еще и спорадическое пашенное земледелие. Примечательно, что русские на протяжении всего рассматриваемого периода не оставляли попыток распространить земледелие как можно далее на север, хотя и без особого успеха. Также трудно продвигалось на север региона скотоводство. Южнее традиционное русское скотоводство укоренилось, несмотря на сложности, доставляемые климатом, особенностями речного стока и рельефом поемных пространств. Севернее развивалось крупнотабунное оленеводство. Структура ремесленных занятий складывалась в связи с особенностями ландшафта, характеризующегося разветвленной речной системой и изобилием леса.

Список источников

1. Миллер Г.Ф. Описание о торгах сибирских. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1756. 172 с.
2. Сибирская летопись Ивана Леонтиевича Черепанова // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010655313/ (дата обращения 12.04.2023).
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 316. Оп. 1. Д. 25.
4. Пятидневное пребывание доктора Эрмана в Березове // Журнал Министерства внутренних дел. 1834. № 12. С. 215–268.
5. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.: истико-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
6. Русская секция научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (РСНИА СПбИИ РАН). Кол. 238. Оп. 2. Ед. хр. 310/18.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. СПб.: Тип. II Отд-ния Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 16. 1120 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портф. 481. Ч. III.
9. РГАДА. Ф. 214. К. 1464.
10. РСНИА СПбИИ РАН. Ф. 179. Д. 13.
11. Беляевский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М.: Тип. Лазаревых Института восточных языков, 1833. 259 с.
12. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов, сочиненное студентом Василием Зуевым // Путешествия по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 140–217.
13. РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 2.

14. Пирожников Г. Обь-Иртышский север : этнографический очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север : ист.-краевед. сб. Ханты-Мансийск–Сургут : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 90–191.
15. Абрамов Н.А. Празднование в г. Березове святителю Епифанию, епископу кипрскому // Абрамов Н.А. Город Тюмень : из истории Тобольской епархии. Тюмень : СофтДизайн, 1998. С. 508–510.
16. Цысь В.В., Цысь О.П. О хозяйственной деятельности православного приходского духовенства Тобольского Севера в XVIII–XIX вв. // Макарьевские чтения : материалы XIV междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2019. С. 278–285.
17. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. 466 с.
18. РГАДА. Ф. 462. Оп. 1. Д. 20.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, ч. 8. Д. 6212.
20. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 152. Оп. 41. Д. 1.
21. Кординский (Кондинский) Свято-Троицкий монастырь в первой половине XVIII в.: люди и стены сибирской обители накануне секуляризации : сб. док. / сост., вступ. ст. и коммент. С.В. Тулова. Тюмень : Вектор Бук, 2003. 216 с.
22. Лопарев Х.М. Самарово. Село Тобольской губернии и округа : материалы и воспоминания о его прошлом. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1896. 244 с.
23. Орывки из дневника Эвы Фелинской, который она писала в Березове // Подорожник : краеведческий альманах / ред.-сост. В.К. Белобородов. Тюмень : Мандр и Ка, 2005. Вып. 6. С. 4–115.
24. Туров С.В. Правительственная регламентация агропромышленного лесопользования в Западной Сибири (XVIII – начало XIX вв.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. Вып. 3. С. 35–42.
25. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 3. Оп. 10 а. Д. 188.
26. СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10 б. Д. 140.

References

1. Miller, G.F. (1756) *Opisanie o torgakh sibirskikh* [Description of the Siberian auctions]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Cherepanov, I.L. (n.d.) *Sibirskaya letopis' Ivana Leontievicha Cherepanova* [Siberian Chronicle of Ivan Leontievich Cherepanov]. [Online] Available from: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_010655313/ (Accessed 12.04.2023).
3. The State Archive of the Perm Territory (GAPK). Fund 316. List 1. File 25.
4. Anon. (1834) Pyatidnevnoe prebyvanie doktora Ermana v Berezove [A five-day stay of Dr. Erman in Berezov]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 12. pp. 215–268.
5. Minenko, N.A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Northwestern Siberia in the 18th – first half of the 19th century: a historical-ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka.
6. The Russian Section of the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (RSNIA SPbII RAS). Col. 238. List 2. File 310/18.
7. The Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 1. Vol. 16. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 199. Portf. 481. Part III.
9. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. B. 1464.
10. The Russian Section of the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (RSNIA SPbII RAS). Fund 179. File 13.
11. Belyavskiy, F. (1833) *Poezdka k Ledovitomu moryu* [Journey to the Arctic Sea]. Moscow: The Lazarev Institute of Oriental Languages.
12. Zuev, V. (1999) *Opisanie zhivushchikh Sibirskoy gubernii v Berezovskom uезде inovercheskikh narodov ostyakov i samoedov, sochinennoe studentom Vasil'em Zuevym* [Description of the Ostyaks and Samoyeds living in the Siberian province in the Berezovsky district by a student Vasily Zuev]. In: Parkhimovich, S.G. (ed.) *Puteshestviya po Obskomu Severu* [Travels in the Ob North]. Tyumen: Yu. Mandrika. pp. 140–217.
13. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 462. List 1. File 2.
14. Pirozhnikov, G. (2002) *Ob'-Irtyskiy sever: etnograficheskiy ocherk* [The Ob-Irtys North: an ethnographic essay]. In: Tsaregradskaya, L.V. (ed.) *Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyskiy sever* [So distant and so close: Ob-Irtys North]. Khanty-Mansiysk; Surgut: Sev.-Sib. region. kn. izd-vo. pp. 90–191.
15. Abramov, N.A. (1998) *Gorod Tyumen': iz istorii Tobol'skoy eparkhii* [The City of Tyumen: From the History of the Tobolsk Diocese]. Tyumen: SoftDizayn. pp. 508–510.
16. Tsys, V.V. & Tsys, O.P. (2019) O khozyaystvennoy deyatel'nosti pravoslavnogo prikhodskogo dukhovenstva Tobol'skogo Severa v XVIII–XIX vv. [On the economic activities of the Orthodox parish clergy of the Tobolsk North in the 18th–19th centuries]. *Makar'evskie chteniya* [The Macarius Readings]. Proc. of the 14th International Conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 278–285.
17. Redin, D.A. (ed.) (2000) *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashikh dney* [History of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug from ancient times to the present]. Ekaterinburg: Volot.
18. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 462. List 1. File 20.
19. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1, Part 8. File 6212.
20. The State Archive in Tobolsk (GA in Tobolsk). Fund 152. List 41. File 1.
21. Tuova, S.V. (ed.) (2003) *Kodinskiy (Kondinskiy) Svyato-Troitskiy monastyr' v pervoy polovine XVIII v.: lyudi i steny sibirskoy obiteli nakanune sekulyarizatsii* [Kodinsky (Kondinsky) Holy Trinity Monastery in the first half of the 18th century: people and walls of the Siberian monastery on the eve of secularization]. Tyumen': Vektor Buk.
22. Loparev, Kh.M. (1896) *Samarovo. Selo Tobol'skoy gubernii i okruga: materialy i vospominaniya o ego proshlom* [Samarovo. Village of the Tobolsk province and district: Materials and memories of its past]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
23. Felinskaya, E. (2005) *Otryvki iz dnevnika Evy Felin'skoy, kotoryy ona pisala v Berezove* [Excerpts from the diary of Eva Felinskaya, which she wrote in Berezov]. In: Beloborodov, V.K. (ed.) *Podorozhnik: kraevedcheskiy al'manakh* [Plantain: local history almanac]. Vol. 6. Tyumen: Mandr i Ka. pp. 4–115.
24. Turon, S.V. (1999) *Pravitel'stvennaya reglamentatsiya agropromyslovogo lesopol'zovaniya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – nachalo XIX vv.)* [Governmental regulation of agro-industrial forest management in Western Siberia (18th – early 19th centuries)]. In: *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik* [Tyumen Historical Collection]. Vol. 3. Tyumen: Tyumen State University. pp. 35–42.
25. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF AРАН). Fund 3. List 10 a. File 188.
26. St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbF AРАН). Fund 3. List 10 b. File 140.

Сведения об авторе:

Туров Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Антропошколы Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: svtur57@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Turov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and World Politics of the Institute of Social and Humanitarian Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Anthropol's Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 24.05.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.17223/19988613/84/10

Угольная промышленность Кузбасса: социально-политическое измерение

Ольга Валерьевна Устюжанцева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, o.v.ustyuzhanceva@utmn.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы развития угольной промышленности в условиях нарастающего мирового тренда по декарбонизации экономик и реконфигурации энергетических рынков. Кемеровская область, будучи одним из крупнейших российских угледобывающих регионов, находится в зоне повышенного риска, связанного с мировыми трендами, поскольку социально, экономически, инфраструктурно регион находится в зависимости от того, насколько успешно и долго уголь будет использоваться в энергетике России и стран, импортирующих российский уголь. В статье дан анализ данных тенденций и выявлено, каким образом российские и региональные власти в этой связи позиционируют регион для дальнейшего развития.

Ключевые слова: угольная промышленность, Кузбасс, климатическая политика, энергетическая политика, история

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Устюжанцева О.В. Угольная промышленность Кузбасса: социально-политическое измерение // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 79–87. doi: 10.17223/19988613/84/10

Original article

Coal industry of Kuzbass: socio-political dimension

Olga V. Ustyuzhantseva

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, o.v.ustyuzhanceva@utmn.ru

Abstract. The article is devoted to the development of the coal industry in the context of the growing global trend towards the decarbonization of economies and the reconfiguration of energy markets. The Kemerovo region, being one of the largest Russian coal-mining regions, is in a zone of increased risk associated with global trends since the region depends socially, economically, and infrastructurally on how successfully and longly coal will be used in the energy sector of Russia and other countries importing Russian coal.

This article aims to reveal the significance of the Kuzbass coal industry for the country and the region in the socio-political context of global and domestic trends. In this regard, the coal industry of Kuzbass is considered through the prism of political and strategic documents defining federal policy (industrial/coal, energy and climate) and regional policy (on the development of the region and the development of the coal industry, social policy).

The article is structured as follows: first, the industry context of the coal industry as a whole in Russia is given, including the structure of the industry, the economy and participation in the social, economic and political processes of the country; then the social and political positioning of the Kemerovo region as a coal mining region is considered.

The study concludes that the Russian government views the coal industry as an economic asset and seeks to protect it from the risks and threats formulated as “Western-style decarbonization”. The government creates a protective niche to counteract external pressure on the development of the industry by providing access to financial resources and alternative markets. The coal industry is also experiencing an “internal” recession provoked by the peculiarities of its energy balance (availability of cheap gas) and the location of large coal reserves, remote from consumers within the country and abroad. To cope with this trend, the government is introducing measures to improve the efficiency of the industry and the spatial diversification of coal production.

Kuzbass, having a long “coal” history and deep roots of the coal industry in the politics, economy and social life of the region, is in a particularly vulnerable position, associated, firstly, with global decarbonization trends and secondly, with the state’s domestic policy on spatial diversification of coal production. The region tries to diversify its economy. However, the measures maintain and strengthen the positioning of Kuzbass as a coal region.

Keywords: coal industry, Kuzbass, climate policy, energy policy, history

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 «Human and the changing Spaces of Ural and Siberia».

For citation: Ustyuzhantseva, O.V. (2023) Coal industry of Kuzbass: socio-political dimension. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 79–87. doi: 10.17223/19988613/84/10

Несмотря на рост спроса и цен на уголь в 2022 г., процессы упадка угольной отрасли в том виде, в каком она существует сейчас, носят необратимый характер [1, 2]. Верно и то, что уголь не исчезнет из экономик стран в ближайшие десятилетия [3, 4]. Поскольку уголь часто имеет социально-экономическое значение для регионов его добычи, этот временной разрыв важен в том числе для того, чтобы найти способ гарантировать, что изменение отрасли (трансформация или полная ликвидация) не будет иметь тяжелых социально-экономических последствий, как это было в Великобритании в 1980-х гг. Как отрасль переживет этот период и как страна преодолеет вызовы, связанные с упадком отрасли, – вопрос политического решения.

В последние десять лет уголь все чаще появляется в дискурсе энергетического перехода к зеленой энергетике и справедливого перехода, которые взаимосвязаны. Справедливый переход (just transition) – это концепция, разработанная международным профсоюзным движением для охвата ряда социальных мер, необходимых для защиты прав работников и обеспечения их средствами к существованию при переходе экономики к устойчивому производству, в первую очередь для борьбы с изменением климата и защиты биоразнообразия.

За ликвидацией наиболее загрязняющих производителей энергии – угольных электростанций – следуют социально-экономические проблемы: люди теряют работу и экономическую базу для жизни, происходит исход населения из городов и других населенных пунктов, экономическая жизнь которых основывалась на деятельности, связанной с углем. Политическое вмешательство здесь также незаменимо.

В случае с добычей и переработкой угля вмешательство государства не так однозначно. С одной стороны, в добыче угля имеются экономические агенты, осуществляющие рыночную деятельность. Экономические интересы этих агентов нацелены на увеличение объемов добычи, расширение рынков сбыта. С другой стороны, угольная промышленность является частью повестки, широко распространенной во многих странах и связанной с изменением климата и стремлением к декарбонизации экономики. Обязательства, принятые в рамках международных соглашений (Парижское соглашение, конференции ООН по климатическим изменениям) влияют на принятие решений странами, присоединившимися к Парижскому соглашению, а именно на введение углеродного налога (местного и трансграничного), ограничений на импорт угля, поэтапное и полное исключение угля из энергетического баланса [5]. Это приводит к снижению мирового спроса на уголь, колебаниям цен на уголь, существенно сужает инвестиционную базу угольных проектов, что в итоге приводит к нехватке ресурсов и подрывает финансовую

поддержку технологической трансформации угольной отрасли [6].

В таких условиях варианты государственной политики могут быть различными: реструктурировать угольную промышленность, внедряя технологии «чистого угля», свернуть угольную промышленность (как это случилось во многих европейских странах), реализовывать инерционный сценарий, не предпринимая никаких мер или обеспечивая меры по защите отрасли от негативного влияния мировых трендов. Другими словами, государство может стабилизировать и сохранить угольную промышленность или подтолкнуть и стимулировать ее трансформацию. Политические решения здесь будут зависеть от того, какую роль и какое место угольная промышленность играет в жизни и развитии страны или региона, причем не столько экономически, сколько социально и в рамках политического целеполагания акторов, принимающих решения.

Цель данной статьи – выявить значение угольной промышленности Кузбасса для страны и региона в социально-политическом контексте мировых и внутрироссийских тенденций. Угольная промышленность Кузбасса в этой связи будет рассматриваться через призму политических и стратегических документов, определяющих федеральную (промышленную / угольную, энергетическую и климатическую) и региональную политику (по развитию региона и по развитию угольной отрасли, социальную политику). В статье использованы данные официальных статистических отчетов, эмпирических работ, в которых используются первичные количественные и качественные данные об угольной промышленности региона.

Статья структурирована следующим образом: сначала дан отраслевой контекст угольной промышленности в целом по России, включая структуру отрасли, экономику и участие в социальных, экономических и политических процессах страны; затем рассматривается социальное и политическое позиционирование Кемеровской области как угледобывающего региона.

Уголь России

Россия – один из мировых лидеров по добыче и экспорту угля, на ее долю приходится около 5% мировой добычи угля. Она занимает шестое место в мире по добыче после Китая, США, Индии, Австралии и Индонезии и третье место по экспорту угля после Индонезии и Австралии [7]. Запасы угля в РФ на конец 2021 г. превышают 400 млрд тонн. Они расположены в пределах 22 угольных бассейнов и 146 отдельных месторождений. Запасы каменного угля оцениваются в 120,4 млрд т, из которых 50,1 млрд т пригодны для коксования, а запасы бурого угля составляют 146 млрд т. Запасы антрацита составляют 9 млрд т. В состав дей-

ствующих угледобывающих компаний России входит 171 предприятие, в том числе 54 шахты и 117 разрезов (на 1 января 2022 г.). Суммарная производственная мощность угледобывающих предприятий составляет 523 млн т угля в год [8].

В России уголь потребляют практически все регионы, но неравномерно. Основными потребителями угля на внутреннем рынке являются электрические, тепловые электростанции и коксохимические заводы. Потребление коксующихся углей в металлургии остается стабильным с 2018 г. за счет постоянного технологического совершенствования металлургического производства в части снижения удельного расхода кокса, применения пылеугольного вдувания и расширения роли производства стали с использованием лома черных металлов [8]. Доля коксующихся углей в топливном балансе ТЭЦ снижается, что является следствием уменьшения доли кислородных печей в плавке, а также повышения эффективности производственных мощностей компаний [9].

Уголь не является ключевым источником энергетического баланса страны. К 2019 г. 74% ТЭЦ использовали в качестве основного топлива газ. Остальные 26% используют уголь в качестве основного топлива, и более половины из них находится в Сибири, учитывая расположение крупных угольных шахт [10]. Крупнейшим потребителем угля является промышленность; это также крупнейший источник CO_2 в стране [11].

Внутренний спрос на энергетический уголь для производства электроэнергии и тепла снижается. Часть угольного генерирующего оборудования выведена из эксплуатации в связи с износом и снижением эффективности. Еще одной причиной сокращения использования угля является расширение системы электро- и теплоснабжения на природном газе, который в России дешевле угля. Тем не менее в восточной части страны на тепловых электростанциях и в котельных в городах по-прежнему преобладает уголь [9].

Единственным растущим сегментом потребления угля является экспорт. 63% угольных компаний экспортируют свою продукцию. В 2021 г. Россия экспортировала 125 млн тонн угля в Юго-Восточную Азию, 50 млн тонн – в ЕС. Среди других регионов, импортировавших российский уголь в 2021 г., – Ближний Восток (16 млн т), Содружество Независимых Государств (17 млн т) и страны Африканского континента (9 млн т) [8].

На 2019 г. 64% угольных компаний были чисто российскими и не имели иностранных акционеров. Наиболее значительную добычу угля (80%) осуществляют 15 крупных компаний [12]. С начала 2000-х гг. угольные компании динамично меняют структуру своих собственников: создаются многопрофильные угольно-металлургические и энергоугольные холдинги; мелкие и средние предприятия сливаются в мощные хозяйственные структуры с высокой концентрацией капитала. Практически все шахты, добывающие коксующийся уголь, входят в состав металлургических холдингов: ЕВРАЗ, Северсталь-ресурс, Мечел-Майнинг, Уральская горно-металлургическая компания, Кузбасс-Разрезуголь, Промышленно-металлургический холдинг [13].

В угольной промышленности России занято 150 тыс. человек, еще около полумиллиона рабочих мест создается смежными отраслями (транспорт, строительство, машиностроение). Вклад угольной промышленности в ВВП России составляет 0,4% (доходы сверх затрат на добычу угля), что ниже нефтяной и газовой ренты (9,2 и 2,8% соответственно). Однако угольная промышленность в целом и ее экспорт в частности являются драйвером роста для смежных отраслей. Например, одним из основных грузов, перевозимых РЖД, является уголь, его доля в грузообороте этого перевозчика составляет 44% [7]. Таким образом, уголь имеет экономическое значение для страны в основном в части получения экспортной выручки и нагрузки для некоторых смежных отраслей.

Угольная промышленность (включая добычу, переработку и потребление) никогда не фигурировала в российских планах и стратегиях климатической политики. Объяснение сформулировано в «Плане адаптации топливно-энергетического комплекса Российской Федерации к изменению климата» от 2022 г., в котором уровень риска изменения климата от угля оценивается как низкий [14]. В России не реализованы проекты, обеспечивающие развитие угольной энергетики на основе чистых угольных технологий в промышленных масштабах. Стратегический документ объясняет это «их экономической неэффективностью и неконкурентоспособностью в условиях функционирования российского топливно-энергетического комплекса» [15. С. 15]. Экономическая целесообразность является основной аргументацией в различных документах и выступлениях российских официальных лиц, говорящих о климатической политике: «Любые шаги по достижению углеродной нейтральности как в сегменте возобновляемых источников, так и в традиционных топливно-энергетических отраслях должны предприниматься исходя из их экономической целесообразности», – заявил Павел Сорокин, первый заместитель Министра энергетики Российской Федерации, 21 декабря 2022 г [16].

Глобальный тренд на декарбонизацию, особенно в ЕС – втором по величине импортере российского угля – мотивировал правительство РФ искать пути смягчения рисков, которые усиливались для российской угольной промышленности по мере нарастания этого глобального тренда. Решением стало пространственное реориентирование угледобычи в стране. В связи с тем, что основной акцент в угольной программе России сделан на развитии экспорта, в частности в страны АТР, логичным стало решение о перемещении центров развития угледобычи в Восточную Сибирь и на Дальний Восток [15].

«Принципиальное отличие новой программы – это масштабное перенесение центров развития угольной промышленности в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Такой путь развития связан с разработкой перспективных угольных месторождений в малоосвоенных восточных регионах – в Якутии, в Тыве, в Забайкалье, на Сахалине... Проекты могут быть высоко rentабельными из-за близости пунктов сбыта», – так сформулировал эту позицию глава Минэнерго Александр Новак [17].

Программа развития угольной отрасли включает совместные проекты по развитию месторождений, транспортировке и экспорту «угольной» электроэнергии в страны Азии. Для этих целей инвестируется развитие транспортной инфраструктуры, например расширяется крупный углекспортный терминал в порту Находка (Приморский край). В 2014 г. Россия приступила к развитию железнодорожного «восточного направления» экспорта угля. В том же году начался большой проект расширения железнодорожных возможностей на Востоке: программа развития Транссибирской магистрали и Байкало-Амурской магистрали. В 2018 г. министр энергетики Александр Новак доложил президенту Владимиру Путину, что России удается «завоевать» Южную Азию и увеличить экспорт угля в Южную Корею, Японию и Китай [18].

В 2019 г. Россия присоединилась к Парижскому соглашению. Однако в дискурсе вокруг декарбонизации началось дистанцирование от «западного понимания декарбонизации»: «В политике западных стран одним из центральных вопросов, который поднимается, является сокращение добычи и потребления угля как одного из основных генераторов CO₂. Хочу подчеркнуть, что это западные страны. Потому что мы видим, что на Востоке крупнейший потребитель угля, Китай, идет по другому пути. Это достаточно технологичный способ снижения выбросов CO₂ при стабилизации потребления угля, в том числе от угольных электростанций», – отмечал Андрей Белоусов, первый вице-премьер, в 2022 г. [19].

Правительство РФ определяет тренд декарбонизации как «угрозу», «риск», «вызов» и «международную кампанию против использования угля под предлогом реализации экологической повестки» [12]. Энергетическая стратегия 2021 г. и Стратегия развития угольной промышленности 2020 г. направлены на создание условий для повышения конкурентоспособности российских угольных компаний ввиду испытываемого ими давления, связанного с тенденцией декарбонизации на европейских экспортных рынках. Угольная стратегия России определяет обязанности государства и угольных компаний. Государство берет на себя меры по формированию рынков (включая ценовую политику, развитие смежных отраслей – электроэнергетики, газовой промышленности, транспорта), решению вопросов социально-экономического развития регионов и рационального топливно-энергетического баланса, принимает на себя обязательства по социальным и инвестиционным мерам поддержки отрасли, оказывает антикризисную финансовую поддержку, включая субсидирование части процентных ставок по инвестиционным кредитам, рефинансирование долговых обязательств. Правительство также берет на себя реализацию программ поддержки моногородов (на базе угольной промышленности) и реализует меры по обеспечению развития науки и образования для нужд промышленности. Бизнес отвечает за модернизацию действующего производства, реализацию новых инвестиционных и инновационных проектов, обеспечение промышленной и экологической безопасности и охраны труда, выполнение социальных обязательств [15]. Экологическая безопасность –

это то, что государство относит к зоне ответственности угольных предприятий, признавая, что в стране отмечается ухудшающаяся динамика воздействия угольной промышленности на окружающую среду. Так, в Угольной стратегии 2020 г. отмечается, что за период 2012–2018 гг. количество уловленных и обезвреженных вредных веществ снизилось с 1 094 до 488 тыс. т, площадь нарушенного земного покрова за эти же годы увеличилась в 2,5 раза (с 4 184 до 10 657 га), площадь рекультивированных земель за год уменьшилась в 1,7 раза (с 1 018 до 589,5 га) [15]. На уровне государственной политики это формулируется как *технологическая* проблема угольных производств.

Государство пытается стимулировать компании к обновлению своих технологий, чтобы сделать их чище, двумя способами. Во-первых, через систему дополнительных платежей и налогов. К ним относятся плата за водопользование и водный налог, экологические платежи, отчисления за пользование землей, размещение вскрышных и угольных отходов. Во-вторых, через внедрение системы наиболее доступных технологий (НДТ) в работу угольных компаний с тем, чтобы компании снижали углеродную нагрузку. Согласно Росстандарту, НДТ представляют собой технологии производства продукции (товаров), выполнения работ, оказания услуг, создаваемые на основе современных достижений науки и техники и наилучшего сочетания критериев достижения целей охраны окружающей среды при условии наличия технической возможности ее применения (подробнее см. на сайте Росстандарта: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/NDT>). Кузбасс стал пилотным регионом для внедрения этой системы.

Кемеровская область – Кузбасс

Кемеровская область – Кузбасс является основным производителем и поставщиком угля России. Регион расположен на юго-востоке Западной Сибири и удален от ближайших водных путей в среднем на 4 тыс. км. Более половины (51,0%) всего добываемого в стране угля приходится на Кузбасс; здесь же добывается 64,7% коксующихся углей. Кузбасс также является крупнейшим экспортером российского угля, в том числе для коксования. По статистике, в 2021 г. большая часть кузбасского угля экспортировалась в 61 страну за пределами России [20].

Первые документальные сведения об угле на территории Кузбасса относятся к 1721 г. Промышленное использование угля началось в 1851 г., добыча угля принадлежала государству. В конце XIX в. по территории Кузбасса прошла Транссибирская магистраль. Это позволило поставлять крупногабаритное оборудование для шахт, а также вывозить добытый уголь к местам его использования (в основном на Уральские металлургические заводы). К этому времени произошла технологическая революция в выплавке металлов, основным топливом стал уголь [21].

В 1921 г. советское правительство заключило соглашение с группой американских рабочих во главе с Себальдом Рутгерсом. Американские рабочие были

обязаны создать в Сибири автономную индустриальную колонию (АИК) «Кузбасс», вести добычу угля, построить коксохимический завод, а также запустить сельскохозяйственные фермы. АИК «Кузбасс» являлась юридическим лицом, работавшим на основе хозрасчета, и, по сути, рабочей концессией. В сущности, эта концессия американских рабочих и инженеров заложила основу промышленной инфраструктуры Кузбасса, хотя просуществовала всего шесть лет [22].

Начало советской индустриализации положило начало бурному развитию региона. Во время индустриализации были построены Кузнецкий металлургический комбинат, шахты, заводы. Возникло множество городов. Типичной историей становления городов Кемеровской области являлось появление рабочих поселков вокруг угольных рудников, которые затем, в 1930-х гг. и позднее, получали статус города. Так произошло с Прокопьевском (статус города присвоен в 1931 г.), Анжеро-Судженском (1931), Киселевском (1936), Белово (1938), Осинниками (1938), Мысками (1956) [21].

В состав Кемеровской области входят 20 городов, в 13 из них добывается уголь. Это значит, что 13 городов обязаны своим развитием углю, как и в целом регион [23]. Для развития угольной промышленности и жизнеобеспечения занятых в этой отрасли строились заводы, прокладывались железнодорожные и автомобильные транспортные пути, открывались школы, институты и НИИ.

В конце 1980-х гг. угольная промышленность страны и особенно Кузбасса оказалась в кризисе. К этому времени добыча угля производилась экстенсивно и все менее эффективно. Цены на уголь регулировались государством, отрасль фактически существовала благодаря государственным субсидиям. Вплоть до 1993 г. расходы на добычу угля на 23% покрывались за счет средств потребителей, остальные 77% производственных затрат – за счет бюджета [24]. При этом в результате либерализации цен в российской экономике в 1992 г. фактические расходы на добычу и транспортировку угля резко возросли из-за роста цен на логистические ресурсы и железнодорожные тарифы. В 1993 г. правительство отпустило цены на уголь, что резко увеличило его стоимость, соответственно, долги потребителей и, в свою очередь, породило рост долга отрасли перед железными дорогами. В рыночных условиях все структурные, технологические и организационные проблемы, которые ранее закрывались бюджетными субсидиями, стали причиной фактического коллапса угольной отрасли. Особенно это проявилось в Кемеровской области, поскольку Кузнецкий угольный бассейн находится в значительной удаленности от большинства рынков сбыта. Огромные задолженности по зарплатам, рост аварий в местах добычи угля, в целом падение уровня жизни людей спровоцировали забастовки шахтеров, в том числе в Кузбассе. Ситуация осложнялась тем, что многие объекты социальной инфраструктуры угольных городов были на балансе угольных предприятий. В условиях коллапса отрасли страдала и социальная сфера этих городов [25].

Все это привело к началу крупномасштабной реорганизации отрасли, основными результатами которой

стали закрытие убыточных подземных шахт, быстрый рост открытой добычи угля, приватизация и консолидация отрасли. Социальные проблемы, связанные с реформированием отрасли, решались за счет перераспределения социальной нагрузки угольных регионов между региональной и федеральной властью. Кемеровская область, будучи одним из крупнейших центров протестного движения шахтеров, стала предметом особого внимания в решении социальных проблем. Регион получил дополнительное бюджетное финансирование для стабилизации положения в угольной отрасли. При этом в 1999 г. Правительство РФ и администрация области подписали соглашение о стабилизации социально-экономической ситуации в области, согласно которому часть функций управления угольной отраслью было передано на уровень области. Такая конфигурация управления позволила руководству региона в лице главы администрации Кемеровской области Амана Тулеева реализовывать социальную политику через фактическое вмешательство в хозяйственную деятельность угольных предприятий [26]. В начале 2000-х гг. было введено в практику заключение соглашений о социально-экономическом партнерстве между региональными властями и угольными компаниями. В таких соглашениях определялось, какую социальную поддержку окажет угольная компания региону. Это могли быть строительство и ремонт объектов социальной инфраструктуры, финансирование проведения праздничных мероприятий и т.п. [27].

Уголь продолжает играть большую роль в регионе по сей день; он преобладает в энергетическом балансе Кузбасса, обеспечивая 96% всех топливных ресурсов [20]. Уголь используется домохозяйствами для производства тепла и электроэнергии, а также местной промышленностью, включая металлургию. Регион имеет развитый металлургический кластер. В угольной отрасли занято 133 тыс. человек, что составляет более 30% промышленного производства региона [28]. Во многих городах угольные компании все так же являются системообразующими предприятиями. Кузбасс имеет одну из самых высоких плотностей населения на Востоке России. Большинство людей живут в городах, которые фактически были построены вокруг рудников и обслуживали горнодобывающую промышленность и переработку. Более половины мест добычи угля – открытого типа (угольные разрезы). Довольно типична ситуация, когда вблизи административных границ городов с населением около 50 тыс. человек имеется 7–9 разрезов. Все это создает серьезную экологическую нагрузку в регионе. Увеличивается количество техногенных землетрясений [29], фиксируются высокие уровни заболеваемости раком, болезнями системы крови, смертности, бесплодия. Заболеваемость населения приводит к потерям до 11% валового регионального продукта [30].

Первая попытка внедрить экологическую повестку в региональную политику была предпринята в 2002 г., когда была разработана Концепция экологической политики Кемеровской области в рамках российско-британского проекта «Разработка концепции экологической политики Кемеровской области. Взаимодей-

ствие власти, бизнеса и общественности» [31]. Британскую сторону представлял Департамент международного развития правительства Великобритании. Концепция стала результатом совместной работы многих участников: областной администрации, местного министерства здравоохранения, экологических НКО. Она была сосредоточена на благополучии местных сообществ и направлена на его улучшение. Это был единственный документ, в котором учитывался предыдущий экологический ущерб и предлагались меры по его уменьшению. Концепция не была реализована в связи с отсутствием средств и общим фокусом региона на реорганизацию отрасли для решения более насущных проблем, связанных с закрытием шахт, задолженностями по зарплатам и т.п.

Системный возврат к этой повестке произошел спустя почти 20 лет. Как было сказано выше, Кузбасс стал пилотным регионом для внедрения системы НДТ в работу угольных компаний с тем, чтобы они в том числе снижали углеродную нагрузку на окружающую среду. Реализация этой системы проводится через программу «Чистый уголь – зеленый Кузбасс», запущенную в 2018 г. и рассчитанную до 2026 г. Программа содержит 15 основных инициатив, направленных на решение вопросов безопасной добычи и переработки угля, разработку цифровых ресурсов и технологий для угольной отрасли, поиска решений для защиты окружающей среды и здоровья. Общий объем финансирования составил 3,6 млрд руб., из них 2 млрд получено от инвесторов и 1,6 млрд – из федерального бюджета [32]. Программа является своеобразной мерой защиты региона от нарастающей дестабилизации угольной отрасли в мире, поскольку, по сути, предлагает снижение зависимости региона исключительно от угольной промышленности через ее технологизацию и создание новых рабочих мест в научном и высокотехнологичном секторе. Так, инновационные проекты включают разработку технологий экологически сбалансированного ведения горных работ на основе цифровой трансформации буровзрывных процессов разрушения горных пород и технологии комплексной переработки угля с получением нового вида сырья и материалов для производства углеродных волокон.

Климатическая повестка также нашла отражение во включении индикативных показателей удельных выбросов парниковых газов в информационный справочник НДТ [33]. Термин «индикативный» был выбран для того, чтобы подчеркнуть принципиальную разницу между обязательными технологическими показателями выбросов загрязняющих веществ, используемыми в рамках природоохранного законодательства, и показателями, стимулирующими индикативное снижение углеродоемкости выбросов парниковых газов [34]. Анализ нормативных требований к установлению показателей добычи и обогащения угля в НДТ показал полное отсутствие их «чувствительности» к обезуглероживанию угледобычи в связи с отсутствием среди маркерных веществ метана, оксида углерода и других парниковых газов. Это означает, что производство угля не имеет обязательств по нормированию выбросов парниковых газов [35].

Основным фокусом региональной власти остается развитие угольной промышленности; это зафиксировано в «Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2035 года», где подтверждается важность угля для региона, а топливно-энергетический и металлургический секторы рассматриваются как основные драйверы регионального экономического роста. Для их поддержки в регионе планируется увеличить добычу угля примерно на 25–30% [36]. На региональном уровне оговаривается, что развитие угольной промышленности должно осуществляться в условиях постепенного «снижения нагрузки на окружающую среду». Предпринимаются усилия по созданию локального «экологического стандарта» для промышленности на основе НДТ, который в основном касается загрязнения воды и нарушения земель. Тем не менее позиция регионального правительства Кузбасса по углю прочно связана с идеей модернизации и благополучия Кузбасса в будущем. Ресурсное богатство региона обрательно патриотической риторикой и представлено как общее благо [37].

Российский официальный нарратив как на федеральном, так и на региональном уровне формирует образ угля как важнейшего источника энергии для страны и мира. «Здесь коллеги упомянули одну из таких незаменимых составляющих для экологии, для энергетики – это электромобиль. Хороший, действительно очень экологичный вид транспорта. Для того чтобы подключиться к электрической сети и испытать батарею, аккумулятор, нужно выработать электроэнергию, а для этого нужен первичный источник. Сегодня в мире таким первичным источником... является даже не нефть, а уголь», – отметил Президент РФ Владимир Путин на Пленарном заседании форума «Российская энергетическая неделя» [38].

Другой стратегией формирования общественной легитимности угля является дискредитация альтернативной энергетики. «Когда вам говорят, что электроэнергия от ветряков и солнца дешевле угля, и скоро мы навсегда откажемся от угольной генерации, вас, мягко говоря, вводят в заблуждение. Солнечная энергетика и энергия ветра не смогут стать основными на планете ни сегодня, ни в перспективе», – указывал Андрей Панов, заместитель губернатора Кузбасса по промышленности и экологии, 15 декабря 2022 г. [39]

В конечном итоге данный нарратив подтверждает отсутствие у России интереса к развитию альтернативной энергетики. Доля возобновляемой энергетики в энергобалансе России остается одной из самых низких среди развитых стран – 0,5% от общей выработки электричества в стране [40].

Заключение

Угольная промышленность всех стран испытывает тенденцию к дестабилизации. Реакция правительств связана в основном с позиционированием угольной отрасли во внутренней «системе координат» страны, что прослеживается через программные документы и публичный дискурс. Правительство России рассматривает угольную отрасль как экономический актив

и стремится защитить ее от рисков и угроз, сформулированных как «декарбонизация западного типа». Правительство создает защитную нишу для противодействия внешнему давлению на развитие отрасли, предоставляя доступ к финансовым ресурсам и альтернативным рынкам. Угольная промышленность также переживает «внутренний» спад, спровоцированный особенностями ее энергетического баланса (доступность дешевого газа) и расположением крупных запасов угля, удаленных от потребителей внутри страны и за ее пределами. Чтобы справиться с этой тенденцией, правительство вводит меры по повышению эффективности отрасли и пространственной диверсификации добычи угля. Усилия по контролю и улучшению экологических показателей угольной промышленности (как в энергетическом секторе, так и в горнодобывающей промышленности) путем внедрения НДТ находятся в зачаточном состоянии, причина чему – подчинение экологической повестки

экономической эффективности. Это также объясняет продуманное разделение климатической повестки и мер по развитию угольной промышленности. Можно утверждать, что государство является основным драйвером стабилизации угольного режима в стране.

Кузбасс, имея долгую «угольную» историю и глубокое укоренение угольной промышленности в политике, экономике и социальной жизни региона, находится в особенно уязвимом положении, связанном, во-первых, с глобальными трендами декарбонизации, а во-вторых, с внутренней политикой государства по пространственной диверсификации угледобычи, решая через это проблему удаленности добычи угля от пока еще перспективных рынков сбыта Азии. Программа «Чистый уголь – зеленый Кузбасс» – попытка диверсификации экономики региона, ответ на существующие вызовы, который, тем не менее, сохраняет и укрепляет позиционирование Кузбасса как угольного региона.

Список источников

1. Jakob M., Steckel J.C., Jotzo F., Sovacool B.K., Cornelsen L., Chandra R., Edenhofer O., Holden C., Löschel A., Nace T. The future of coal in a carbon-constrained climate // *Nat. Clim. Chang.* 2020. Vol. 10. P. 704–707.
2. Energy transition outlook: a global and regional forecast to 2050 // DNV GL. 2018. URL: <https://eto.dnvgl.com/2018/download> (accessed: 24.01.2023).
3. Madhavi M., Nuttall W.J. Coal in the twenty-first century: a climate of change and uncertainty // *Proc. Inst. Civ. Eng. Energy.* 2019. Vol. 172. P. 46–63.
4. Annual Energy Outlook 2020 with Projections to 2050 // International Energy Agency. 2020. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/> (accessed: 02.12.2022).
5. The Paris Agreement // United Nations Climate Change. 2022. URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (accessed: 02.12.2022).
6. Baker L., Hook A., Sovacool B.K. Power struggles: Governing renewable electricity in a time of technological disruption // *Geoforum.* 2021. Vol. 118. P. 93–105.
7. Угольная промышленность России и мира. Итоги 1 полугодия 2021 года и перспективы развития до 2030 года : отраслевой обзор. М. : Инфолайн, 2021. 50 с.
8. Об отрасли // Министерство энергетики РФ. 2022. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/433> (дата обращения: 01.11.2022).
9. Петренко И.Е., Шинкин В.К. Итоги работы угольной промышленности России за январь–март 2022 года // *Уголь.* 2022. № 6. С. 6–16. doi: 10.18796/0041-5790-2022-6-6-16
10. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года // Министерство энергетики РФ. 2021. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 10.02.2022).
11. Energy Transitions Indicators // International Energy Agency. 2022. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/iea-energy-and-carbon-tracker-2022> (accessed: 14.06.2022).
12. Перспективы развития угольной промышленности в России. Экспортный потенциал, финансовое положение: социально-экономические эффекты // Центр социально-экономических исследований. 2020. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/fd6/fd69a69529035a5127eb498dfcc7d565.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).
13. Кукушкина Н.С. Структура угледобывающей отрасли России: интеграция как стратегия финансового менеджмента угледобывающих компаний // ПУФ. 2017. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugledobyvayuschey-otrasli-rossii-integratsiya-kak-strategiya-finansovogo-menedzhmenta-ugledobyvayuschih-kompaniy> (дата обращения: 19.02.2022).
14. План адаптации к изменениям климата в сфере топливно-энергетического комплекса Российской Федерации // Министерство энергетики Российской Федерации. 2022. URL: <https://minenergo.gov.ru/en/system/download-pdf/23068/184557> (дата обращения: 19.07.2022).
15. Стратегия развития угольной промышленности : утв. распоряжением Правительства РФ от 13.06.2020 № 1582-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565123539> (дата обращения: 05.04.2022).
16. Павел Сорокин: «Достижение углеродной нейтральности должно быть обосновано экономически» // Министерство энергетики РФ. 2022. 21 дек. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/23862> (дата обращения: 12.04.2022).
17. Минэнерго: центр угольной отрасли перенесут в Восточную Сибирь и на Дальний Восток // ТАСС. 2014. 3 апр. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1094826> (дата обращения: 10.02.2022).
18. Встреча с Министром энергетики Александром Новаком // Президент России. 2018. 29 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/325/events/57150> (дата обращения: 10.04.2022).
19. Андрей Белоусов принял участие в Международном угольном форуме в Кузбассе // Правительство России. 2022. 7 окт. URL: <http://government.ru/news/46735/#46735=1:1:BZB,1:5:UBB> (дата обращения: 10.04.2022).
20. Кузбасс в цифрах (оперативные данные) : стат. сб. // Федеральная служба государственной статистики по Кемеровской области – Кузбассу. 2022. URL: [https://kemerovostat.gks.ru/storage/mediabank/Кузбасс%20в%20цифрах\(1\).pdf](https://kemerovostat.gks.ru/storage/mediabank/Кузбасс%20в%20цифрах(1).pdf) (дата обращения: 12.03.2022).
21. Шерин Е.А. Историко-географические особенности формирования угольного комплекса Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-geograficheskie-osobennosti-formirovaniya-ugolnogo-kompleksa-kuzbassa> (дата обращения: 19.02.2022).
22. Заболотская К.А., Халиулина А.А., Карпенко З.Г. и др. Угольная промышленность Кузбасса : 1721–1996. Кемерово : Кемерово. кн. изд-во, 1997. 304 с.
23. Общая информация // Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/history.php> (дата обращения: 21.02.2022).
24. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России. М. : Гос. ун-т – Высшая школа экономики, 2003. 146 с.
25. Попов В.Н., Татаркин А.И. О социально-экономической политике в регионах горнопромышленного профиля // *Уголь.* 2001. № 6. С. 25–28.
26. Россия после кризиса 1998 г.: на пути к беспроигрышной стратегии роста и социальной защиты // *Вопросы экономики.* 2001. № 12. С. 62–102.

27. Социально-экономическое партнерство: кто из угольщиков и как помогает Кузбассу // Ваш город. 2022. 7 апр. URL: <https://vashgorod.ru/post/1487658> (дата обращения: 29.05.2022).
28. Паспорт Кемеровской области – Кузбасса за 2019 год : утв. распоряжением Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 30.12.2020 № 877 // Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области. URL: <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/297042> (дата обращения: 29.05.2022).
29. Адушкин В.В. Развитие техногенно-тектонической сейсмичности в Кузбассе // Геология и геофизика. 2018. Т. 59, № 5. С. 709–724.
30. Соловьева Е., Сливяк В. Гонка по нисходящей : последствия широкомасштабной добычи угля в Кузбассе для окружающей среды и здоровья населения. Кемерово и др., 2020. URL: <https://ecdru.files.wordpress.com/2020/10/race-to-the-bottom.pdf> (дата обращения: 02.05.2021).
31. Матвеева Е.В., Несова Е.В. Региональная экологическая политика: опыт Кемеровской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №7 (38). URL: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/regionalnaya-ekologicheskaya-politika-opyt-keмеровской-oblasti> (дата обращения: 19.02.2021).
32. Программа «Чистый уголь – зелёный КуЗбасс» утверждена Правительством РФ // Научно-образовательные центры мирового уровня. 2022. 18 мая. URL: <https://ноц.рф/news/programma-chistii-ugol-zelenii-kuzbass-utverjdена-pravitelstvom-rf1652907247> (дата обращения: 12.02.2022).
33. Башмаков И.А., Скобелев Д.О., Борисов К.Б., Гусева Т.В. Системы бенчмаркинга по удельным выбросам парниковых газов в черной металлургии // Черная металлургия : бюллетень научно-технической и экономической информации. 2021. Т. 77, № 9. С. 1071–1086.
34. Доброхотова М.В. Особенности перехода российской угольной промышленности к наилучшим доступным технологиям // Уголь. 2022. № 9 (1158). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perehoda-rossiyskoy-ugolnoy-promyshlennosti-k-nailuchshim-dostupnym-tehnologiyam> (дата обращения: 19.01.2023).
35. Семенова Т.С. Зеленая экономика в России и Кузбассе // Инновационные результаты современных научных исследований : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 14 января 2022г. Белгород : Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2022. С. 96–101.
36. Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса на период до 2035 года от 23.12.2020 № 163-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571049329?marker> (дата обращения: 11.04.2022).
37. Пискунова А.Е. Угольный регион как дискурсивный конструкт: смыслы угля в медиаповседневности Кузбасса // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Политические, социальные и экономические науки. 2022. № 3 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolnyy-region-kak-diskursivnyy-konstruk-t-smysly-uglya-v-mediapovsednevnosti-kuzbassa> (дата обращения: 12.12.2022).
38. Пленарное заседание форума «Российская энергетическая неделя» // Президент России. 2017. 4 окт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55767> (дата обращения: 11.11.2022).
39. Андрей Анатольевич Панов : телеграм-канал. 2022. 15 дек. URL: https://t.me/panov_kuzbass (дата обращения: 18.12.2022).
40. Единая энергетическая система России // Системный оператор Единой энергетической системы. URL: <https://www.so-ups.ru/functioning/ups/ups2021/> (дата обращения: 03.03.2021)

References

1. Jakob, M., Steckel, J.C., Jotzo, F., Sovacool, B.K., Cornelsen, L., Chandra, R., Edenhofer, O., Holden, C., Löschel, A. & Nace, T. (2020) The future of coal in a carbon-constrained climate. *Nature Climate Change*. 10. pp. 704–707. DOI: 10.1038/s41558-020-0866-1
2. DNV GL. (2018) *Energy transition outlook: a global and regional forecast to 2050*. [Online] Available from: <https://eto.dnvgl.com/2018/download> (Accessed: 24th January 2023).
3. Madhavi, M. & Nuttall, W.J. (2019) Coal in the twenty-first century: a climate of change and uncertainty. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Energy*. 172. pp. 46–63.
4. International Energy Agency. (2020) *Annual Energy Outlook 2020 with Projections to 2050*. [Online] Available from: <https://www.eia.gov/outlooks/aeo/> (Accessed: 2nd December 2022).
5. United Nations Climate Change. (2022) *The Paris Agreement*. [Online] Available from: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-paris-agreement> (Accessed: 2nd December 2022).
6. Baker, L., Hook, A. & Sovacool, B.K. (2021) Power struggles: Governing renewable electricity in a time of technological disruption. *Geoforum*. 118. pp. 93–105. DOI: 10.1016/j.geoforum.2020.12.006
7. The Russian Federation. (2021) *Ugol'naya promyshlennost' Rossii i mira. Itogi 1 polugodiya 2021 goda i perspektivy razvitiya do 2030 goda: otraslevoy obzor* [Coal industry in Russia and the world. Results of the 1st half of 2021 and development prospects until 2030: industry overview]. Moscow: Infolayn.
8. Ministry of Energy of the Russian Federation. (2022) *Ob otrasli* [About the industry]. [Online] Available from: <https://minenergo.gov.ru/node/433> (Accessed: 1st November 2022).
9. Petrenko, I.E. & Shinkin, V.K. (2022) Itogi raboty ugol'noy promyshlennosti Rossii za yanvar'–mart 2022 goda [The results of the work of the Russian coal industry in January–March 2022]. *Ugol'*. 6. pp. 6–16. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-6-6-16
10. Ministry of Energy of the Russian Federation. (2021) *Energeticheskaya strategiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2035 goda* [Energy strategy of the Russian Federation up to 2035]. [Online] Available from: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Accessed: 10th February 2022).
11. International Energy Agency. (2022) *Energy Transitions Indicators*. [Online] Available from: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/iea-energy-and-carbon-tracker-2022> (Accessed: 14th June 2022).
12. The Center for Socio-Economic Research. (2020) *Perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti v Rossii. Eksportnyy potentsial, finansovoe polozhenie: sotsial'no-ekonomicheskie efekty* [Prospects for the development of the coal industry in Russia. Export potential, financial situation: socio-economic effects]. [Online] Available from: https://www.csr.ru/upload/iblock/fd6/fd69a69529035a5127eb_498dfcc7d565.pdf (Accessed: 13th September 2022).
13. Kukushkina, N.S. (2017) *Struktura ugledobyvayushchey otrasli Rossii: integratsiya kak strategiya finansovogo menedzhmenta ugledobyvayushchikh kompaniy* [The structure of the coal mining industry in Russia: integration as a strategy for the financial management of coal mining companies]. *PUF*. 3(27). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-ugledobyvayushchey-otrasli-rossii-integratsiya-kak-strategiya-finansovogo-menedzhmenta-ugledobyvayushchih-kompaniy> (Accessed: 19th February 2022).
14. Ministry of Energy of the Russian Federation. (2022) *Plan adaptatsii k izmeneniyam klimata v sfere toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossiyskoy Federatsii* [Plan for adaptation to climate change in the fuel and energy complex of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://minenergo.gov.ru/en/system/download-pdf/23068/184557> (Accessed: 19th July 2022).
15. The Russian Federation. (2020) *Strategiya razvitiya ugol'noy promyshlennosti: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 13.06.2020 № 1582-r*. [Strategy for the development of the coal industry: Approved by Decree No. 1582-r of the Government of the Russian Federation of June 13, 2020]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/565123539> (Accessed: 5th April 2022).
16. Ministry of Energy of the Russian Federation. (2022) *Pavel Sorokin: "Dostizhenie uglerodnoy neytral'nosti dolzhno byt' obosnovano ekonomicheski"* [Pavel Sorokin: "Achieving carbon neutrality must be economically justified"]. [Online] Available from: <https://minenergo.gov.ru/node/23862> (Accessed: 12th April 2022).
17. TASS. (2014) *Minenergo: tsentr ugol'noy otrasli perenesut v Vostochnuyu Sibiri i na Dal'niy Vostok* [Ministry of Energy: The center of the coal industry will be transferred to Eastern Siberia and the Far East]. 3rd April. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/1094826> (Accessed: 10th February 2022).

18. The President of the Russian Federation. (2018) *Vstrecha s Ministrom energetiki Aleksandrom Novakom* [Meeting with Energy Minister Aleksandr Novak]. 29th March. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/catalog/ persons/325/events/57150> (Accessed: 10th April 2022).
19. The Russian Federation. (2022) *Andrey Belousov prinyal uchastie v Mezhdunarodnom ugol'nom forume v Kuzbasse* [Andrey Belousov took part in the International Coal Forum in Kuzbass]. 7th October. [Online] Available from: <http://government.ru/news/46735/#46735=1:1:BZB,1:5:UBB> (Accessed: 10th April 2022).
20. Federal State Statistics Service for the Kemerovo Region – Kuzbass. (2022) *Kuzbass v tsifrakh (operativnye dannye)* [Kuzbass in numbers (operational data)]. [Online] Available from: [https://kemerovostat.gks.ru/storage/mediabank/Kuzbass%20v%20tsifrakh\(1\).pdf](https://kemerovostat.gks.ru/storage/mediabank/Kuzbass%20v%20tsifrakh(1).pdf) (Accessed: 12th March 2022).
21. Sherin, E.A. (2016) Historical and geographical features of building the Kuzbas's coal-mining industry system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(40). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-geograficheskie-osobennosti-formirovaniya-ugol'nogo-kompleksa-kuzbassa> (Accessed: 19th February 2022).
22. Zabolotskaya, K.A., Khaliulina, A.A., Karpenko, Z.G. et al. (1997) *Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa: 1721–1996* [Coal industry of Kuzbass: 1721–1996]. Kemerovo: Kemerovo. kn. izd-vo.
23. Administration of the Government of Kuzbass. (n.d.) *Obshchaya informatsiya* [General information]. [Online] Available from: <https://ako.ru/oblast/obshchaya-informatsiya/history.php> (Accessed: 21st February 2022).
24. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [Restructuring of the Russian coal industry]. Moscow: HSE.
25. Popov, V.N. & Tatarkin, A.I. (2001) O sotsial'no-ekonomicheskoy politike v regionakh gornopromyshlennogo profilya [On the socio-economic policy in mining regions]. *Ugol'*. 6. pp. 25–28.
26. Anon. (2001) Rossiya posle krizisa 1998 g.: na puti k besproigryshnoy strategii rosta i sotsial'noy zashchity [Russia after the crisis of 1998: on the way to a win-win strategy of growth and social protection]. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 62–102.
27. *Vash gorod*. (2022) Sotsial'no-ekonomicheskoe partnerstvo: kto iz ugol'shchikov i kak pomogaet Kuzbassu [Socio-economic partnership: which of the coal miners and how helps Kuzbass]. 7th April. [Online] Available from: <https://vashgorod.ru/post1487658> (Accessed: 29th May 2022).
28. The Government of the Kemerovo region – Kuzbass. (2020) *Pasport Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa za 2019 god: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa ot 30.12.2020* [Passport of Kemerovo region – Kuzbass for 2019: Approved by Order No. 877 of the Government of Kemerovo region – Kuzbass dated December 30, 2020]. [Online] Available from: <https://bulleten-kuzbass.ru/bulletin/297042> (Accessed: 29th May 2022).
29. Adushkin, V.V. (2018) Razvitiye tekhnogenno-tektonicheskoy seysmichnosti v Kuzbasse [Development of technogenic-tectonic seismicity in Kuzbass]. *Geologiya i geofizika*. 59(5). pp. 709–724.
30. Solovieva, E. & Sliviyak, V. (2020) *Gonka po niskhodyashchey: posledstviya shirokomasshtabnoy dobychi uglya v Kuzbasse dlya okruzhayushchey sredy i zdorov'ya naseleniya* [Downward race: Consequences of large-scale coal mining in Kuzbass for the environment and public health]. [Online] Available from: <https://ecdru.files.wordpress.com/2020/10/race-to-the-bottom.pdf> (Accessed: 2nd May 2021).
31. Matveeva, E.V. & Nesova, E.V. (2015) Regional'naya ekologicheskaya politika: opyt Kemerovskoy oblasti [Regional environmental policy: Kemerovo region]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issle-dovatel'skiy zhurnal*. 7(38). [Online] Available from: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/regionalnaya-ekologicheskaya-politika-opyt-kemerovskoy-oblasti> (Accessed: 19th February 2021).
32. The Russian Federation. (2022) *Programma “Chistyy ugol' – zelenyy KuZbass” utverzhdena Pravitel'stvom RF* [The program “Clean Coal – Green KuZbass” approved by the Government of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://nots.rf/news/programma-chistii-ugol-zelenii-kuzbass-utverzhdena-pravitel'stvom-rf1652907247> (Accessed: 12th December 2022).
33. Bashmakov, I.A., Skobelev, D.O., Borisov, K.B. & Guseva, T.V. (2021) Sistemy benchmarkinga po udel'nym vybrosam parnikovykh gazov v chernoy metallurgii [Benchmarking systems for specific greenhouse gas emissions in ferrous metallurgy]. *Chernaya metallurgiya: byulleten' nauchno-tekhnicheskoy i ekonomicheskoy informatsii*. 77(9). pp. 1071–1086.
34. Dobrokhotova, M.V. (2022) Osobennosti perekhoda rossiyskoy ugol'noy promyshlennosti k nailuchshim dostupnym tekhnologiyam [Features of the transition of the Russian coal industry to the best available technologies]. *Ugol'*. 9(1158). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perekhoda-rossiyskoy-ugol'noy-promyshlennosti-k-nailuchshim-dostupnym-tehnologiyam> (Accessed: 19th January 2023).
35. Semenova, T.S. (2022) Zelenaya ekonomika v Rossii i Kuzbasse [Green economy in Russia and Kuzbass]. *Innovatsionnye rezul'taty sovremennykh nauchnykh issledovaniy* [Innovative results of modern scientific research]. Proc. of the Conference. January 14, 2022. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI). pp. 96–101.
36. The Russian Federation. (2020) *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa na period do 2035 goda ot 23.12.2020 № 163-OZ* [Strategy for the socio-economic development of Kemerovo region – Kuzbass up to 2035, dated December 23, 2020, No. 163-OZ]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/571049329?marker> (Accessed: 11th April 2020).
37. Piskunova, A.E. (2022) Ugol'nyy region kak diskursivnyy konstrukt: smysly uglya v mediapovsednevnosti Kuzbassa [Coal region as a discursive construct: meanings of coal in the media everyday life of Kuzbass]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 3(25). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugol'nyy-region-kak-diskursivnyy-konstrukt-smysly-uglya-v-mediapovsednevnosti-kuzbassa> (Accessed: 12th December 2022).
38. *Prezident Rossii*. (2017) Plenarnoe zasedanie foruma “Rossiyskaya energeticheskaya nedelya” [Plenary session of the forum “Russian Energy Week”]. 4th October. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/55767> (Accessed: 11th November 2022).
39. *Andrey Anatolievich Panov*. Telegram. 15th December. [Online] Available from: https://t.me/panov_kuzbass (Accessed: 18th December 2022).
40. System Operator of the Unified Energy System. (n.d.) *Edinaya energeticheskaya sistema Rossii* [Unified Energy System of Russia]. [Online] Available from: <https://www.so-ups.ru/functioning/ups/ups2021/> (Accessed: 3rd March 2021).

Сведения об авторе:

Устюжанцева Ольга Валерьевна – научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: o.v.ustyuzhanceva@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ustyuzhantseva Olga V. – Researcher, Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: o.v.ustyuzhanceva@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 22.02.2023; accepted for publication 03.07.2023.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 93/94:329.7"1945/1948"

doi: 10.17223/19988613/84/11

«Британская лига домохозяек»: опыт послевоенной женской политической организации Великобритании (1945–1948 гг.)

Анастасия Васильевна Вячистая

Томский государственный университет, Томск, Россия, nastyamun@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории развития одной из женских организаций – «Британской лиги домохозяек» – в 1945–1948 гг. Обозначаются причины формирования группы, дается характеристика основных этапов ее развития. На основании анализа сюжетов, связанных с попытками общества найти свое место на политической арене страны, формулируется вывод, что история «Лиги» отобразила границы возможностей использования социально-экономических вопросов в риторике правых сил Великобритании, а также способствовала изменению правых групп и активизации их работы с населением.

Ключевые слова: «Британская лига домохозяек», Консервативная партия, группы давления, Д. Крисп, лобби, Великобритания

Для цитирования: Вячистая А.В. «Британская лига домохозяек»: опыт послевоенной женской политической организации Великобритании (1945–1948 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 88–96. doi: 10.17223/19988613/84/11

Original article

The British Housewives' League: The Experience of the Post-war Women's Political Organization of Great Britain in 1945–1948

Anastasiya V. Vyachistaya

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nastyamun@mail.ru

Abstract. This article presents the development of Post-war Women's Political Organization of Great Britain in 1945–1948. The aim of the study is to determine the influence of the British Housewives' League (BHL) on the political system of the country in 1945–1948.

In the article, the author analyses the post-war development of Great Britain, characterises the reasons and prerequisites for the formation of the British Housewives' League, and describes the activities of the organisation during the first post-war years. The researcher also focuses on the attempts of the British Housewives League to become an independent political force in the political arena of the country. The author analyses how the activities of the League influenced the further development of the right-wing forces of Great Britain.

The source base of the study includes debates in the House of Commons and the House of Lords, memoirs, leaflets, proclamations, and materials from the periodical press.

The formation of the British Housewives' League was determined by the deterioration of socio-economic conditions in the country. In particular, the main reasons were the tightening of the card system and an increase in queues in stores. Initially, the British Housewives' League was a small women's non-party movement. Subsequently, the BHL attempted to become an independent political force. So they believed that the British Housewives' League would be one of the right-wing political societies. However, not all participants supported the right-wing rhetoric of this organisation. In particular, after the "march on London", the British Housewives' League lost popular support.

We can note several consequences of the activity of the British Housewives' League in 1945–1948. Foremost, the history of the League demonstrated the limits of the possibilities of using socio-economic issues in the rhetoric of the right-wing

forces of Great Britain. The author emphasises that socio-economic issues could act as a short-term unifying factor. However, the organisation needed to build its own ideology around most important social problems for further successful functioning in the political arena. In addition, the author notes that the activities of the British Housewives' League contributed to the activation of the work of the right forces with the population.

Keywords: British Housewives' League, The Conservative Party, Dorothy Crisp, lobbyism, Great Britain

For citation: Vyachistaya, A.V. (2023) The British Housewives' League: The Experience of the Post-war Women's Political Organization of Great Britain in 1945–1948. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 88–96. doi: 10.17223/19988613/84/11

Введение

Принятие парламентом Шотландии акта о гендерной реформе 23 декабря 2022 г. спровоцировало судебное разбирательство между Лондоном и Эдинбургом по поводу возможностей и границ правотворчества в рамках Соединенного Королевства. На фоне развернувшихся общественно-политических дискуссий в отношении принятого решения особую активность проявила Шотландская национальная партия, сторонники которой выступили против любого вмешательства правительства страны в дела региона, аргументируя это последующей утратой национальной независимости и ликвидацией местного правительства.

Такая позиция, продвигаемая в том числе одним из лидеров партии Н. Стерджен, наглядно демонстрирует попытки воспользоваться развернувшимися в британском обществе гендерными дебатами и заработать политические очки на данной проблеме [1]. Выбранная Шотландской национальной партией стратегия является традиционной практикой различных сил на политической арене Великобритании, когда партии или группы стремятся использовать гендерные вопросы и лозунги эмансипации в собственных интересах. Схожие ситуации уже не раз возникали по мере развития феминистического движения и борьбы женщин за равноправие на протяжении XX–XXI вв. В связи с этим особый интерес представляет малоизученный сюжет, связанный с взаимодействием одной из женских послевоенных организаций – «Британской лиги домохозяек» – и политических сил на арене страны. Поэтому целью работы стало определение влияния «Британской лиги домохозяек» на политическую систему страны в 1945–1948 гг.

Социально-экономическое положение Великобритании после окончания Второй мировой войны

После окончания Второй мировой войны Национальное правительство, руководившее страной в военные годы и представлявшее собой объединение трех крупнейших партий Соединенного Королевства – консерваторов, либералов и лейбористов, объявило о прекращении деятельности, назначив дату новых всеобщих выборов. По итогам прошедшего голосования 48% населения поддержало лейбористскую партию, а 36% высказалось в пользу консерваторов [2].

Пришедшие в 1945 г. к власти лейбористы под руководством К. Эттли столкнулись с комплексом внутренних проблем. На момент окончания войны страна

находилась в состоянии экономического кризиса: расходы на боевые действия составили более 25 млрд ф. ст., а государственный долг достиг 23,7 млрд ф. ст. [3. С. 22]. Помимо этого, с 1939 по 1945 г. было потеряно около 25% национального богатства [4. С. 71–73].

Одними из главных вопросов внутреннего социально-экономического восстановления страны являлись жилищная проблема и сохранение системы нормирования товаров массового потребления. Напомним, что с января 1940 г. на территории Соединенного Королевства была введена карточная система распределения продуктов питания, и правительство взяло на себя обязательство по экспорту и импорту данных товаров [5. Р. 175–177]. После окончания Второй мировой войны население выражало надежду на окончание режима экономии, однако лейбористское правительство К. Эттли в силу ограниченности ресурсов, наоборот, усилило нормирование продуктов и товаров. В 1946 г. была возобновлена карточная система в отношении хлеба, действовавшая до конца 1948 г. [6. Р. 116]. Сходная ситуация наблюдалась и в отношении потребительских товаров. С 1941 г. действовала система нормирования одежды и обуви, а также предметов мебели (исключения делались только в отношении жертв авианалетов и молодоженов) [7]. Такая практика просуществовала до июня 1948 г., однако карточная система получения предметов мебели была продлена до ноября этого года [8, 9]. Ограничения на продажу одежды сохранились до марта 1949 г. [10. Р. 85].

Как отмечает И. Цвайнигер-Баргеловска, результаты общественных опросов продемонстрировали, что с июня 1946 по апрель 1949 г. большинство жителей Соединенного Королевства называли основными проблемами нехватку продовольствия и существование ограничений по потребительским товарам [5. Р. 178–185]. Подтверждают этот тезис и данные статистики. Так, индекс калорийности продовольственных пайков в 1946–1947 гг. достиг своего минимума [5. Р. 178–185]. Проблема дефицита порождала недовольство населения, которое не ожидало, что временное нормирование продуктов, введенное в военное время, просуществует еще несколько лет после его окончания. Нарастание недовольства среди жителей Великобритании фиксируют результаты социологических опросов. На вопрос о том, довольны ли граждане своим уровнем жизни, 62% опрошенных ответили, что предпочли бы жить в довоенное время [11. Р. 165].

Таким образом, после окончания Второй мировой войны проблема нормирования продуктов стала одним из наиболее острых социально-политических вопросов. Однако, несмотря на громкие высказывания со

стороны тори, критиковавших политику лейбористов, в частности политику кабинета министров К. Эттли, карточная система и, соответственно, очереди на получение продукции все еще сохранялись, что вызывало негодование со стороны британского общества, особенно женской ее части. Недовольство британских домохозяек было обусловлено не только сохранением системы талонов на товары и очередей на их получение, но и уменьшением общего объема выдаваемых продуктов. Симптоматично, что ответом на данные условия стала активизация женского движения, добивавшегося улучшения социально-экономического положения британских граждан.

Создание «Британской лиги домохозяек» как ответ на экономические вызовы послевоенного времени

В июне 1945 г. на фоне сохранения карточной системы, полагая, что ее регион не получает нужного объема продовольствия, домохозяйка И. Лавлок организовала митинг против нормирования продуктов. И. Лавлок происходила из среднего класса (ее отец был торговцем) и получила образование в Бирмингемской школе для девочек. Особую известность женщина получила в годы Второй мировой войны. В частности, будучи женой священника, она возглавляла «Союз матерей» – женскую организацию, поддерживавшую матерей погибших или раненых солдат, а также была руководителем гражданской обороны по предотвращению пожаров, возникавших вследствие авиационных налетов. За выполнение своих обязанностей она была награждена медалью за оборону страны. Поэтому ее идея создания особой женской организации, направленной на улучшение социально-экономических условий британских граждан, легко получила одобрение со стороны жителей небольшого города Селхерст.

В скором времени к протесту присоединились другие домохозяйки, считавшие, что государство игнорирует социально-экономические проблемы женщин. Инициативу И. Лавлок поддержали женщины из Нисдена (пригорода на северо-западе Лондона), которые под руководством А. Ландау, жены местного раввина, предложили создать единую организацию по защите прав женщин – «Британскую лигу домохозяек» (далее – «Лига», «Лига домохозяек») [12. Р. 128–130]. Изначально «Лига» рассматривалась как внепартийная структура, цель которой заключалась в стремлении добиться отмены нормирования продовольственных и потребительских товаров. Подчеркивая внепартийный характер организации, одна из ее основательниц, К. Хилл, отмечала: «Нам все равно – большинству из нас – какая партия, мы слишком заняты с нашими собственными домами» [13].

Социальный состав организации на протяжении всего времени ее существования оставался достаточно рыхлым. Среди сторонников «Лиги» можно выделить представителей среднего и рабочего классов. В частности, первые выступали против «диктата очереди» и «могущества лавочников», вынуждавших женщин при любой погоде стоять в очередях за талонами. Так, И. Лавлок характеризовала директоров магазинов, вы-

дающих продукцию по карточкам, как «властных мелких тиранов, которые обращаются с женщинами, как с детьми» [12. Р. 129–131]. В то же время представительницы рабочего класса видели в «Лиге домохозяек» возможность решения проблем, связанных с сокращением пайков и уменьшением нормирования продуктов. Поэтому сокращение выдачи хлеба являлось одним из наиболее острых вопросов, вызвавшим негодование среди как представителей среднего класса, так и рабочих.

Аморфная социальная база организации предопределила дальнейшие проблемы с консолидацией «Лиги» [12. Р. 128–131]. Слабая ее структурированность стала одной из причин сложности подсчетов общего количества участников. Отмечается, что к декабрю 1945 г. численность организации составляла около 10 тыс. участников. Однако впоследствии, к окончанию следующего года, группа насчитывала около 80 тыс. человек и имела локальные организации не только в Англии, но и в Шотландии и Уэльсе [12. Р. 133–135; 14. Р. 12–16.].

В чем же заключались основные причины создания данной организации? С одной стороны, как было указано выше, ухудшение социально-экономического положения населения и сохранение системы нормирования продуктов и товаров широкого потребления обусловили общее недовольство населения, что впоследствии стало одним из главных факторов формирования «Британской лиги домохозяек». С другой же – активная позиция женщин по данному вопросу была не только закономерной реакцией на сложившуюся экономическую ситуацию, но и следствием борьбы за равноправие в первой половине XX в. и движения суфражисток. С момента получения гражданских прав (для женщин старше 30 лет) в 1918 г. выросло новое поколение, стремящееся расширить собственные возможности и добиться от правительства полноценного равноправия. Соответственно, как внешние факторы – карточная система и сохранение очередей за продуктами, так и внутренние – стремление к расширению гражданских прав – стали катализаторами для активизации женского движения Великобритании.

Отличительной чертой новой организации стала ее политическая направленность. В отличие от уже существовавших групп, сосредоточившихся на социальной и экономической взаимопомощи участников, «Лига домохозяек» полагала, что решение актуальных проблем возможно только при воздействии на лейбористское правительство К. Эттли. Так, И. Лавлок и А. Ландау утверждали, что главные требования «Лиги» могут быть достигнуты массовыми протестами и митингами домохозяек. Суждения основательниц, ранее не имевших какого-либо опыта политической деятельности, были основаны на убеждении в быстром росте сторонников организации, а также вере в поддержке со стороны СМИ. Укреплению их позиции способствовала растущая популярность «Лиги». Однако несмотря на то, что за пару месяцев существования организации количество ее последователей было увеличено до 17 тыс. человек, «Британская лига домохозяек» оставалась локальной организацией, напоминая довоенные женские клубы [12. Р. 133–136; 15; 16. Р. 87–88].

Ситуация изменилась в 1946 г. Дело в том, что 5 февраля министр продовольствия Б. Смит объявил о сокращении нормирования продуктов питания вследствие нехватки кормов для животных и общего неурожая [17. Р. 38–60]. За принятые решения политик не только подвергся критике со стороны оппозиционной партии – тори, но и стал мишенью для однопартийцев, не одобрявших жесткие социальные меры. При этом наибольшее несогласие с правительственным курсом выразила «Британская лига домохозяек», осудившая курс Б. Смита. Практически сразу после публикации новых указов министра вспыхнули массовые протесты в Ливерпуле [18. Р. 1; 19]. Волнения начались в пригороде Чайлдвелл, где под руководством одного из лидеров регионального отделения «Лиги», К. Хилл, женщины среднего класса решили провести демонстрацию против решения правительства. Изначально численность протестующих оценивалась примерно в 700 человек, однако на следующий день количество сторонников «Лиги», выступающих против сокращения нормирования превысило 2 тысячи [12. Р. 134.]. Слова К. Хилл, сказанные во время одного из маршей, что из-за уменьшения объема выдаваемой продукции «вчерашняя улыбчивая мать сегодня стала сварливой матерью, а понимающий партнер стал ворчливой женой» [14. Р. 12–16; 20. Р. 19–20], впоследствии стали лозунгом женского движения по улучшению социально-экономических условий в стране.

Вторым событием, способствовавшим развитию данной организации, стало решение нового министра продовольствия Дж. Стрейчи, сменившего на посту Б. Смита, о возобновлении нормирования хлеба в июле 1946 г. Новый указ вызвал негативную реакцию со стороны населения, и в особенности – «Лиги домохозяек», которая призвала своих сограждан к массовым выступлениям. Поддержку группе оказали британские газеты. В частности, периодическое издание Sunday Graphic пригласило И. Лавлок в качестве автора собственной колонки. В то же время редакция Manchester Daily Dispatch организовала специальную рубрику, в которой могли высказываться британские домохозяйки [20. Р. 19–20]. Узнав об обсуждениях вопроса о нормировании хлеба в Палате Общин, И. Лавлок обратилась к читателям своих статей с призывом о начале новых выступлений, направленных против принятия этого акта. Помимо этого, И. Лавлок и А. Ландау от имени своей организации в обход правительства подали личное прошение королю Георгу VI против «диктата очереди» и ужесточения системы нормирования продукции. Итогом подписанной более 1,5 млн домохозяек петиции стала встреча руководства «Лиги» с министром продовольствия. Несмотря на то, что, по описанию домохозяек, визит прошел в «положительных тонах», какого-либо детального соглашения не было достигнуто. В данном случае стоит отметить, что эту встречу правительство рассматривало с позиций повышения собственного рейтинга среди населения и не планировало делать никаких уступок в отношении женского движения. Однако в силу отсутствия политического опыта И. Лавлок и А. Ландау полагали, что их задача выполнена, и со временем лейбористский

кабинет министров примет решения по улучшению социально-экономического положения населения. Поэтому после встречи И. Лавлок и А. Ландау с другими лидерами группы количество протестных выступлений в Ливерпуле, Бирмингеме, Лондоне, Бристоле и Челтнеме сократилось.

Примечательно, что еще одним действием «Британской лиги домохозяек», направленным против введения нормирования хлеба, стало проведение совместного митинга с Элеонорой Теннант, руководившей правой организацией «Ассоциация лицом к лицу с фактами» [21, 22]. В частности, Э. Теннант, муж которой Эрнест Теннант в 1930-е гг. был одним из сторонников И. Риббентропа, придерживалась правых воззрений и ранее была известна антисемитской кампанией против переселения еврейских беженцев в Столичный округ Хэмпстед [22]. Однако попытка реализации совместного протеста провалилась: во-первых, на митинг пришло сравнительно небольшое количество участников, во-вторых, среди протестующих возникло недовольство политическими взглядами Э. Теннант, переросшее впоследствии в потасовку. Такой кратковременный союз между этими организациями может быть рассмотрен как попытка «Лиги домохозяек» увеличить число собственных сторонников и продемонстрировать общее недовольство социально-экономическим курсом К. Эттли.

Таким образом, создание «Лиги домохозяек», с одной стороны, являлось «ответом» британского общества на внешние и внутренние вызовы первых послевоенных лет. С другой стороны, объединение женщин с целью формирования независимой политической силы, способной оказывать давление на правительственные решения, было закономерным развитием суфражистского движения и стремления к равноправию [23]. Действительно, «Британская лига домохозяек» явилась одной из первых послевоенных групп, предпринявших попытку решения социальных вопросов посредством политического лоббирования. Несмотря на рост численности группы и открытие отделений по всей стране, отсутствие политического опыта у руководителей «Лиги» и структуры объединения сделало группу инструментом для манипуляций со стороны политических сил Соединенного Королевства. В частности, встреча министра продовольствия с И. Лавлок и А. Ландау была не более чем популистским шагом лейбористского правительства, направленным на укрепление собственной популярности. В связи с этим внутри «Британской лиги домохозяек» обострился вопрос об идейно-политических основаниях общества и дальнейшей стратегии его развития. Дискуссии на эти темы способствовали новому этапу развития организации.

«Британская лига домохозяек»: проект новой политической партии или неудавшееся социально-политическое движение?

На фоне организованных «Лигой» массовых протестов летом 1946 г. в руководящий состав организации вошла правонастроенный политик, писатель и изда-

тель Д. Крисп. Поскольку в дальнейшем она будет играть в группе одну из значимых ролей, необходимо более детально остановиться на ее биографии. В отличие от И. Лавлок, А. Ландау и других руководителей «Британской лиги домохозяек», Д. Крисп принадлежала к более высокому социальному слою и входила в британскую аристократию [24; 25. Р. 1–4]. Окончив Оксфордский университет, Д. Крисп с 1920-х гг. сотрудничала с издательством National Review, публикуя собственные статьи о национализме и политической системе Соединенного Королевства. Впоследствии ее колонка в издании стала основой для монографий «Возрождение консерватизма» (1931) [26], «Христос не пацифист: религиозное и светское дело против пацифизма» (1938) [27]. С 1930-х гг. она стремилась к участию в британской политике. В частности, в 1931 г. женщина вступила в оппозиционную группу внутри консервативной партии, выступавшую против того, чтобы С. Болдуин оставался лидером тори. Однако, потерпев неудачу, она уехала из страны, посвятив несколько лет путешествию по континентальной Европе.

Вернувшись в Великобританию в конце 1930-х гг., Д. Крисп продолжила заниматься журналистикой и вела собственные колонки в издании Sunday Dispatch. Но редакция разорвала с ней отношения после негативной статьи о У. Черчилле в сентябре 1943 г., в которой она обвиняла премьер-министра в «продаже Великобритании американскому президенту и последующем исчезновении британской нации» [25. Р. 1–4]. Несмотря на скандал, впоследствии Д. Крисп баллотировалась как независимый кандидат на дополнительных выборах в Актоне в декабре 1943 г. Набрав 707 голосов из 8 315, она решила сделать «паузу» в политической карьере. Однако ее настроения изменились летом 1946 г., когда «Британская лига домохозяек» решила провести несколько митингов и пикетов против ужесточения нормирования хлеба.

Вступив в организацию, Д. Крисп написала и издала листовку «Лиги домохозяек», призывающую к восстаниям и протестам против карточной системы и сокращения рабочего пайка [14. Р. 12–16; 25. Р. 1–4]. И. Лавлок и А. Ландау высоко оценили этот шаг Д. Крисп, пригласив ее в руководство группы. В дальнейшем Д. Крисп провела несколько благотворительных вечеров в поддержку женского движения в Соединенном Королевстве [12. Р. 133–134]. Деятельность Д. Крисп, включавшая работу с печатными изданиями группы, позволила ей в скором времени занять место президента «Лиги домохозяек». Бывшие руководители организации А. Ландау и И. Лавлок, отмечая «неустанную энергию» Д. Крисп, предпочли передать ей большую часть своих полномочий. На протяжении осени 1946 – весны 1947 г. она, выступая в различных регионах страны, работала над расширением организации и попыткой ее структурирования. В частности, понимая, что она «как никогда близка к исполнению собственной мечты – созданию своей партии и получению поста премьер-министра» [24; 28. Р. 19–25], Д. Крисп инициировала ряд внутренних реформ. Так, в октябре 1946 г. была принята конституция «Лиги», обязывающая ее сторонников участвовать в местном само-

управлении, а в середине 1947 г. Д. Крисп объявила о планах преобразования «Лиги» в полноценную политическую партию, выдвинув 50 кандидатов в парламент на будущих выборах [28. Р. 20–25].

Стоит отметить идейно-политические изменения в организации после назначения Д. Крисп президентом «Лиги». Прежде всего в новых буклетах и листовках группы стало уделяться больше внимания политическим проблемам Великобритании. Критикуя как политику лейбористского кабинета министров, так и выступления консерваторов, Д. Крисп подчеркивала, что «Британская лига домохозяек» может стать самостоятельной силой в британской политике [12. Р. 133–134]. В связи с этим она отмечала, что в современных условиях женщины должны стремиться не только к улучшению социально-экономических условий, но и к формированию независимых партий и последующим всеобщим выборам. К трансформации идейно-политических воззрений группы можно отнести и то, что помимо традиционных социально-экономических тем в риторике Д. Крисп появляются сюжеты, связанные с негативным отношением к приехавшим во время Второй мировой войны жителям колониальных территорий. Несмотря на то, что их количество было незначительным, политик отмечала, что после окончания военных действий новоприбывшие граждане должны немедленно вернуться в колонии [12. Р. 133–134]. Помимо этого, она выступала против возобновления дискуссий о признании независимости Индии, считая, что этот шаг может стать «первым звеном» в дальнейшем разрушении великой Британской империи.

Полагая, что отсутствие каких-либо конкретных действий со стороны лейбористского правительства после переговоров с «Лигой домохозяек» демонстрирует пренебрежение женской организацией, Д. Крисп считала невозможным дальнейшее сотрудничество с лейбористами и представителями левых сил. В то же время она отказалась от взаимодействия с консервативной партией, опасаясь, что тори впоследствии включат «Лигу» в свой состав, что приведет к фактическому распаду женской организации. Подобные опасения Д. Крисп имели под собой почву. Так, после разрыва отношений с «Лигой домохозяек» председатель консерваторов лорд Вултон предложил создать альтернативное общество, способное «переманить» женщин на сторону тори. Данное предложение во многом было направлено на популяризацию тори среди женской общественности и увеличение электората. Желая показать стремление консерваторов к улучшению социально-экономических условий британских домохозяек, тори создали «Объединенный женский фронт» – лояльную беспартийную организацию, деятельность которой находилась под контролем партии. Такие действия тори наглядно продемонстрировали, что «Лига» рассматривалась ими в качестве инструмента для дальнейшей популяризации партии [12. Р. 135–136]. Соответственно, осознавая, что любая попытка взойти на политическую арену страны встретит сопротивление со стороны ведущих партий, Д. Крисп отмечала, что союзниками ее организации могут стать разрозненные правые группы давления. В связи с этим она

возобновила сотрудничество с Э. Теннант, призвав всех участников группы поддержать новые протесты «Ассоциации лицом к лицу с фактами».

Смена политического курса «Лиги» вызвала ряд внутренних противоречий. Основное противостояние развернулось между Д. Крисп, нынешним руководителем общества, и обеспокоенными за судьбу своего «детища» А. Ландау и И. Лавлок. Дело в том, что изначально общество планировалось как внепартийная группа британских женщин, но с момента вступления Д. Крисп общая идеология «Лиги домохозяек» сдвинулась вправо. Другим пунктом разногласий внутри руководства группы являлась попытка Д. Крисп превратить «Лигу» в самостоятельную политическую партию. Против амбициозных замыслов Д. Крисп выступили бывшие руководители организации А. Ландау и И. Лавлок, декларируя принцип внепартийности «Лиги».

Обострение конфликта произошло в 1947 г., когда Д. Крисп объявила «поход на Лондон». Данная инициатива была связана с «угольным кризисом» 1947 г., когда после национализации этого сектора промышленности на фоне аномальных холодов правительство было вынуждено нормировать выдачу угля. Несмотря на принимаемые меры, дальнейшее ухудшение погодных условий и увеличение снежных заторов на дорогах привели к тому, что часть предприятий была вынуждена закрыться или снизить обороты производства, а ряд домохозяйств остался без отопления [29; 30]. Логично, что в сложившейся ситуации «Британская лига домохозяек» сформировала петицию об отставке министра топлива и энергетики Э. Шинвела и министра продовольствия Дж. Стрейчи. По предложению Д. Крисп итоговый текст документа снова был отправлен не в парламент, а непосредственно королю Георгу VI. Поскольку ни монарх, ни правительство К. Эттли не отреагировали на призывы «Лиги», Д. Крисп решила организовать «поход на Лондон» с последующей отставкой неугодных министров. Призывая домохозяек включиться в проект и совершить марш на столицу, Д. Крисп подчеркнула, что ее инициатива была задумана как прямая противоположность «походу на Рим» Б. Муссолини [24. Р. 63–65; 28; 31]. Против этой идеи высказались И. Лавлок и А. Ландау, отметив, что организации следовало бы озаботиться об улучшении социально-экономического положения женщин на местах.

«Марш на Лондон» продемонстрировал политическую несостоятельность «Британской лиги домохозяек». Во-первых, число участников было в несколько раз ниже ожидаемого – в финальный день митинга пришло около 7 тыс. человек, в то время как организаторы ожидали до 50 тыс. сторонников. Во-вторых, выступление Д. Крисп в Альберт-холле было сорвано левыми силами [12. Р. 145; 31]. В-третьих, после провала «похода» на очередном заседании «Лиги» А. Ландау и И. Лавлок добились исключения Д. Крисп из состава руководителей организации, сместив ее с поста президента. Впоследствии, к началу 1948 г., «Лига домохозяек» окончательно отказалась от политических амбиций, сосредоточившись на автономной работе региональных отделений [12. Р. 145–146]. В подобном формате общество просуществовало до начала XXI в.

Таким образом, рассуждая о роли «Британской лиги домохозяек» в политической системе Великобритании, стоит отметить, что руководителям организации, с одной стороны, не хватило смелости открыто противостоять правительству в вопросах нормирования товаров и продуктов, с другой же – внутренние разногласия стали основой для дальнейшего конфликта и перехода группы в статус региональной внепартийной организации. Главное противоречие развития группы на данном этапе заключалось в стремлении Д. Крисп реализовать свои амбиции, став руководителем политической партии Соединенного Королевства, и в попытке И. Лавлок и А. Ландау сохранить вектор на реализацию «Лиги» как внепартийной локальной организации. Образовавшийся разрыв в понимании «Британской лиги домохозяек» в качестве женской организации, требовавшей у правительства улучшения социально-экономических условий, или новой политической партии, придерживающейся правых воззрений и выступающей против «цветных» граждан на территории метрополии, предопределил дальнейший распад организации.

В то же время апелляция Д. Крисп к правым группам также не способствовала укреплению позиций «Лиги». Такие общества, как «Британская народная партия», «Фонд борьбы за свободу», не были заинтересованы в сотрудничестве с женским движением, стремящимся к получению собственного места в политической системе страны. Также после Второй мировой войны правый фланг не был единым, а представленные на нем группы, приверженцы которых разделяли сходные позиции, боролись между собой как за распространение собственных позиций, так и за возможность в дальнейшем объединить правый фланг под своим руководством. Поэтому попытки женской организации стать одним из представителей правых групп вызвали недовольство со стороны «Британской народной партии» и «Фонда борьбы за свободу», для которых включение нового участника потенциально могло бы привести к ужесточению борьбы на правом фланге. В связи с этим данные общества были нацелены на противодействие «Британской лиге домохозяек», следствием чего стали усиление собственной пропаганды и попытки срывов заседаний местных комитетов «Лиги». Внешние вызовы привели к подрыву внутренних сил организации, что в контексте внутреннего противостояния между А. Ландау, И. Лавлок и Д. Крисп лишь ослабило общество.

В результате, как бы это парадоксально ни звучало, именно амбиции создателей стали основной причиной последующего спада в развитии «Лиги домохозяек» и окончательного перехода ее на региональный уровень. Соответственно, «Лига», несмотря на амбиции Д. Крисп, И. Лавлок и А. Ландау, по сути, представляла собой неудавшееся социально-политическое движение женщин за улучшения жилищных условий.

Заключение

«Британская лига домохозяек» стала закономерным шагом в развитии феминистического движения в Со-

единенном Королевстве. Возникнув как ответ на внешние социально-экономические вызовы, «Лига», по сути, стремилась к расширению женских прав и являлась «наследницей» движения суфражисток. Созданная в рамках борьбы за отмену системы нормирования и диктатуры лавочников, группа видела себя защитницей женских прав, подчеркивая необходимость дальнейшей работы по обеспечению равноправия в обществе. Однако отсутствие политического опыта у учредительниц «Лиги», а также представленный широкий спектр идеологических воззрений участников не позволили организации развить успех. После первой незначительной победы – встречи с министрами продовольствия – И. Лавлок и А. Ландау полагали, что их миссия выполнена и группе следует сосредоточиться на проблемах женщин.

Попытки Д. Криппс придать «Лиге» импульс стать самостоятельной группой на правом фланге страны стали катализаторами дальнейшего упадка организации. С одной стороны, как отмечалось выше, правые группы давления не были заинтересованы в появлении нового игрока. С другой же – смещение акцентов с проблемы нормирования товаров и продуктов питания на критику политической системы государства и будущего Британской империи способствовало тому, что часть домохозяек покинула организацию, тем самым уменьшив поддержку группы на политической арене. Как отмечал Дж. Хинтон, «трансформацию заботливой домохозяйки в воинственно настроенную феминистическую партию» не поддержали как сторонники объединения, так и другие политические группы [12. Р. 148–

150]. Вполне закономерно, что для большинства игроков на политической арене страны «Британская лига домохозяек» выступала своеобразным инструментом для увеличения собственного электората.

Какое же влияние оказала «Британская лига домохозяек» на последующее развитие политической системы Великобритании? История «Лиги» продемонстрировала, что актуальные социально-экономические проблемы не могут стать прочной основой для дальнейшего формирования лоббистской группы. Подобные вопросы действительно могли выступить кратковременным объединяющим фактором, однако для дальнейшего успешного функционирования на политической арене страны организации необходимо было выстраивать собственную идеологию вокруг более важных общественных проблем. Помимо этого, деятельность «Британской лиги домохозяек» также оказала непосредственное влияние на взаимодействие правых групп с населением страны. Поскольку правые общества того периода представляли собой закрытые группы, то пример использования маршей протестов, массовых петиций в качестве инструмента давления на правительство впоследствии оказал влияние на дальнейшую структурную перестройку «Британской народной партии» и «Фонда борьбы за свободу». Таким образом, несмотря на относительно небольшой период политической активности, «Лига» выступила катализатором, запустившим структурные изменения в деятельности других правых групп, что в последующие десятилетия повлекло их превращение в полноценные правые лоббистские объединения.

Список источников

1. Tapsfield J. No10 slaps down Cabinet minister Gillian Keegan after she goes off-message by insisting 16 year-olds ARE old enough to change genders // Daily Mail. 2023. 12 Jan. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11643587/amp/Cabinet-minister-Gillian-Keegan-goes-message-gender-identity-rules.html> (accessed: 21.01.2023).
2. General Election Results 1885–1979 // United Kingdom Election Results. 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20080223222448/http://www.election.demon.co.uk/geresults.html> (accessed: 21.01.2023).
3. Хахалкина Е.В. Между Европой и империей: политика Великобритании в отношении европейской интеграции и деколонизации. 1945–1964 гг. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 334 с.
4. Боброва В.Д. Программа американской помощи в восстановлении экономики послевоенной Европы (план Маршалла) // Вестник МГУП. 2011. № 12. С. 71–79.
5. Zweigner-Bargielowska I. Rationing, Austerity and the Conservative Party Recovery after 1945 // The Historical Journal. 1994. Vol. 37, № 1. P. 173–197.
6. Hammond R.J. Food: the Growth of Policy. London : HMSO, 1951. Vol. 1. 436 p.
7. Board of Trade Journal 1948-01-03: Vol. 154, is. 2663 // Archive.org. URL: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1948-01-03_154_2663 (accessed: 21.01.2023).
8. Board of Trade Journal 1949-08-20: Vol. 157, is. 2748 // Archive.org. URL: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1949-08-20_157_2748 (accessed: 21.01.2023).
9. Board of Trade Journal 1949-01-29: Vol. 156, is. 2719 // Archive.org. URL: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1949-01-29_156_2719 (accessed: 21.01.2023).
10. Payton-Smith D.J. Oil: A study of war-time policy and administration. London : HMSO, 1971. 520 p. (History of the Second World War: United Kingdom civil series).
11. Gallup H. The Gallup International Public Opinion Polls: Great Britain 1937–1975. New York : Greenwood, 1976. Vol. 2: 1965–1975. 955 p.
12. Hinton J. Militant Housewives: The British Housewives' League and the Attlee Government // History Workshop. 1994. № 38. P. 128–156.
13. Liverpool Echo. 1946. 12 Feb. // British newspaper archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-02-12?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460212%2F&County=Lancashire%2C%20England> (accessed: 21.01.2023).
14. Conservative Organisations in the United Kingdom: Conservative Political Pressure Groups of the United Kingdom, Truth in Science. London, 2010.
15. Hansard 1803–2005. Vol 413: Deb 23 August 1945. // Historic-Hansard. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/5C/413> (accessed: 21.01.2023).
16. Hinton J. 'The Tale of Sammy Spree': Gender and the Secret Dynamics of 1940s British Corporatism // History Workshop Journal. 2004. № 58. P. 86–109.
17. Sissons M., French P. Age of Austerity, 1945–51. London : Penguin Books, 1963. 368 p.
18. Liverpool Echo. 1946. 30 Jan. // British newspaper archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-01-30?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460130%2F&County=Lancashire%2C%20England> (accessed: 21.01.2023).
19. Liverpool Echo. 1946. 6 Feb. // British newspaper archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-02-06?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460206%2F&County=Lancashire%2C%20England> (accessed: 21.01.2023).

20. Pitchford M. *The Conservative Party and the Extreme Right 1945–1975*. Manchester ; New York : Manchester University Press, 2011. 385 p.
21. Griffiths R. *Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Naz Germany, 1933–39*. Oxford : Oxford University Press, 1983. 410 p.
22. Deveson A. Tennant, Eleonora Elisa (1893–1963) // ANU.edu. URL: <https://oa.anu.edu.au/obituary/tennant-eleonora-elisa-16157> (accessed: 21.01.2023).
23. Вершинина Д.Б. Радикальное измерение мужских и женских общественно-политических движений в Британии XX века // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2004. № 5. С. 79–84.
24. Crisp D. *The Dominance of England*. London : The Holborn publ.co, 1960. 342 p.
25. Crisp D. *A life for England*. London : Holt Paperbacks, 1946. 1088 p.
26. Crisp D. *The rebirth of conservatism*. London : Methuen, 1931.
27. Crisp D. *Christ is No Pacifist – The Religious and Secular Case Against Pacifism*. London : Boswell Publishing Co. Ltd., 1938.
28. Crisp D. *A Light in the Night*. London : The Holborn Publishing Co., 1960. 154 p.
29. Coal as a nationalised industry // National Archives. URL: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/coal-nationalised-industry.htm> (accessed: 21.01.2023).
30. Bradley R. *The UK Energy Shortages of Winter 1946–47 (planned chaos w/o prices and profits)* // Master Resource. URL: <https://www.masterresource.org/united-kingdom/uk-fuel-shortage-winter-1946-47/> (accessed: 21.01.2023).
31. British Housewives' League Meeting. 1947. 6 June // Royal Albert Hall. URL: <https://memories.royalalberthall.com/content/british-housewives-league-meeting-0> (accessed: 21.01.2023).

References

1. Tapsfield, J. (2023) No10 slaps down Cabinet minister Gillian Keegan after she goes off-message by insisting 16 year-olds ARE old enough to change genders. *Daily Mail*. 12th January. [Online] Available from: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-11643587/amp/Cabinet-minister-Gillian-Keegan-goes-message-gender-identity-rules.html> (Accessed: 21st January 2023).
2. The UK. (2020) *General Election Results 1885–1979*. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20080223222448/http://www.election.demon.co.uk/geresults.html> (Accessed: 21st January 2023).
3. Khakhalkina, E.V. (2016) *Mezhdv Evroпой i imperiei: politika Velikobritanii v otnoshenii evropeyskoy integratsii i dekolonizatsii. 1945–1964 gg.* [Between Europe and Empire: British Policy towards European Integration and Decolonization. 1945–1964]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Bobrova, V.D. (2011) Programma amerikanskoy pomoshchi v vosstanovlenii ekonomiki poslevoennoy Evropy (plan Marshalla) [The program of American assistance in the reconstruction of the economy of post-war Europe (Marshall plan)]. *Vestnik MGUP*. 12. pp. 71–79.
5. Zweiniger-Bargielowska, I. (1994) Rationing, Austerity and the Conservative Party Recovery after 1945. *The Historical Journal*. 37(1). pp. 173–197.
6. Hammond, R.J. (1951) *Food: The Growth of Policy*. Vol. 1. London: HMSO.
7. *Board of Trade Journal*. 1948-01-03: Vol. 154, is. 2663. [Online] Available from: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1948-01-03_154_2663 (Accessed: 21st January 2023).
8. *Board of Trade Journal*. 1949-08-20: Vol. 157, is. 2748. [Online] Available from: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1949-08-20_157_2748 (Accessed: 21st January 2023).
9. *Board of Trade Journal*. 1949-01-29: Vol. 156, is. 2719. [Online] Available from: https://archive.org/details/sim_great-britain-board-of-trade-board-of-trade-journal_1949-01-29_156_2719 (Accessed: 21st January 2023).
10. Payton-Smith, D.J. (1971) *Oil: A study of war-time policy and administration*. London: HMSO.
11. Gallup, H. (1976) *The Gallup International Public Opinion Polls: Great Britain 1937–1975*. Vol. 2. New York: Greenwood.
12. Hinton, J. (1994) Militant Housewives: The British Housewives' League and the Attlee Government. *History Workshop*. 38. pp. 128–156.
13. *Liverpool Echo*. (1946a) 12th February. [Online] Available from: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-02-12?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460212%2F&County=Lancashire%2C%20England> (Accessed: 21st January 2023).
14. The UK. (2010) *Conservative Organisations in the United Kingdom: Conservative Political Pressure Groups of the United Kingdom, Truth in Science*. London: [s.n.].
15. The UK. (2010) *Hansard 1803–2005. Vol 413: Deb 23 August 1945*. [Online] Available from: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/volumes/5C/413> (Accessed: 21st January 2023).
16. Hinton, J. (2004) 'The Tale of Sammy Spree': Gender and the Secret Dynamics of 1940s British Corporatism. *History Workshop Journal*. 58. pp. 86–109.
17. Sissons, M. & French, P. (1963) *Age of Austerity, 1945–51*. London: Penguin Books.
18. *Liverpool Echo*. (1946b) 30th January. [Online] Available from: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-01-30?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460130%2F&County=Lancashire%2C%20England> (Accessed: 21st January 2023).
19. *Liverpool Echo*. (1946c) 6th February. [Online] Available from: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results/1946-02-06?NewspaperTitle=Liverpool%2BEcho&IssueId=BL%2F0000271%2F19460206%2F&County=Lancashire%2C%20England> (Accessed: 21st January 2023).
20. Pitchford, M. (2011) *The Conservative Party and the Extreme Right 1945–1975*. Manchester; New York: Manchester University Press.
21. Griffiths, R. (1983) *Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Naz Germany, 1933–39*. Oxford: Oxford University Press.
22. Deveson, A. (n.d.) *Tennant, Eleonora Elisa (1893–1963)*. [Online] Available from: <https://oa.anu.edu.au/obituary/tennant-eleonora-elisa-16157> (Accessed: 21st January 2023).
23. Vershinina, D.B. (2004) Radikal'noe izmerenie muzhskikh i zhenskikh obshchestvenno-politicheskikh dvizheniy v Britanii XX veka [Radical measurement of male and female socio-political movements in Britain of the 20th century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 5. pp. 79–84.
24. Crisp, D. (1960a) *The Dominance of England*. London: The Holborn publ.co.
25. Crisp, D. (1946) *A Life for England*. London: Holt Paperbacks.
26. Crisp, D. (1931) *The rebirth of conservatism*. London: Methuen.
27. Crisp, D. (1938) *Christ is No Pacifist – The Religious and Secular Case Against Pacifism*. London: Boswell Publishing Co. Ltd.
28. Crisp, D. (1960b) *A Light in the Night*. London: The Holborn Publishing Co.
29. The UK. (n.d.) *Coal as a nationalised industry*. [Online] Available from: <https://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/themes/coal-nationalised-industry.htm> (Accessed: 21st January 2023).
30. Bradley, R. (n.d.) *The UK Energy Shortages of Winter 1946–47 (planned chaos w/o prices and profits)*. [Online] Available from: <https://www.masterresource.org/united-kingdom/uk-fuel-shortage-winter-1946-47/> (Accessed: 21st January 2023).
31. *Royal Albert Hall*. (n.d.) British Housewives' League Meeting. 1947. 6th June. [Online] Available from: <https://memories.royalalberthall.com/content/british-housewives-league-meeting-0> (Accessed: 21st January 2023).

Сведения об авторе:

Вячистая Анастасия Васильевна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nastyamun@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyachistaya Anastasiya V. – Postgraduate Student of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastyamun@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 27.03.2023; accepted for publication 03.07.2023

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; принята к публикации 03.07.2023

Original article

UDK 94

doi: 10.17223/19988613/84/12

Zheng He's contribution to the development of China's soft power concept

Xiang Yiyuan¹, Luo Yanchao²

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ i.yuan@inbox.ru

² 1121080390@qq.com

Abstract. The article discusses how Zheng He's travels to the West created a good reputation and image of China in the world. Zheng He led his fleet to visit countries in Asia and Africa, showcasing China's achievements in various fields including culture, economy, science and technology. It not only promoted the exchange of goods, but also strengthened cooperation between China and foreign countries through cultural exchange. Such diplomacy has successfully shaped China's soft power and laid a solid foundation for subsequent public diplomacy. As a result, peaceful and friendly attitude towards neighboring countries, as well as scientific, technological and cultural cooperation laid the foundations of a soft power policy. This approach had successfully attracted many countries to join the Ming Dynasty's tributary system and the international order with Ming as its priority.

Keywords: soft power of China, public diplomacy, Zheng He, Ming Dynasty

For citation: Xiang Yiyuan, Luo Yanchao (2023) Zheng He's contribution to the development of China's soft power concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 97–102. doi: 10.17223/19988613/84/12

Научная статья

Вклад Чжэн Хэ в развитие концепции мягкой силы Китая

Сян Июань¹, Ло Яньчао²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ i.yuan@inbox.ru

² 1121080390@qq.com

Аннотация. Статья посвящена периоду, когда китайский император Юнлэ осознал, что посредством мирных обменов с соседними странами, расширения культурного влияния, укрепления народной власти и облегчения обмена информацией и товарами с соседними странами можно достичь долгосрочных результатов развития. Он предпринял ряд мер по продвижению собственных ценностей, культуры и политики, чтобы сформировать предпочтения других стран, привлечь и склонить их к участию во взаимодействии. В то время военно-морской флот династии Мин обладал неоспоримой властью в мире, поэтому император послал Чжэн Хэ, чтобы посетить страны Азии и Африки, демонстрируя достижения Китая в различных областях, включая культуру, экономику, науку и технологии. Это не только способствовало обмену товарами, но и укрепило сотрудничество между Китаем и зарубежными странами посредством культурного обмена. Деятельность Чжэн Хэ – это не только многолетняя дипломатическая деятельность, но и политическая деятельность в форме экономической и культурной дипломатии. Путешествие пропагандировало процветание и высокий имидж Китая, произвело положительное впечатление на жителей других стран.

Такая дипломатия успешно сформировала мягкую силу Китая и заложила прочную основу для последующей публичной дипломатии. В результате миролюбивое и дружественное отношение к соседним странам, а также научно-техническое и культурное сотрудничество заложили основы политики «мягкой силы». Такой подход привлек многие страны к присоединению к системе данников династии Мин и международному порядку, приоритетом которого является Мин. С другой стороны, в результате исследования авторы приходят к выводу, что, преследуя эффект масштаба в современном международном взаимодействии, Китай должен видеть скрытый кризис. Если проводить параллель с инициативой «Один пояс, один путь», то, несмотря на выдающиеся результаты, Китай должен всесторонне оценивать экономические издержки, придерживаться принципа равенства и взаимной выгоды и в любой момент подстраиваться под обеспечение национальных интересов.

Ключевые слова: мягкая сила Китая, публичная дипломатия, Чжэн Хэ, династия Мин

Для цитирования: Сян Июань, Ло Яньчао. Вклад Чжэн Хэ в развитие концепции мягкой силы Китая // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 97–102. doi: 10.17223/19988613/84/12

Soft power holds a unique and important position in international relations. In essence, soft power includes culture, influence, thought, public diplomacy, and the ability to compete and cooperate [1. P. 19]. This power is not only used in contemporary times, but also reflected in ancient international exchanges. In the Ming Dynasty of China, Emperor Yongle attached great importance to utilizing soft power to build the national image. The Ming Dynasty navy had an undeniable power in the world at that time. However, Emperor Yongle realized that through peaceful exchanges with neighboring countries, expanding cultural influence, exerting the power of the people, promoting information sharing and commodity exchange with neighboring countries, could achieve more long-term development results. Therefore, the emperor took a series of measures to articulate his own values, culture, and policies, in order to shape the preferences of other countries, attract and persuade them to participate in the interaction [2], among which the most classic example is Zheng He's navigation activities

Zheng He led a huge fleet to sail along the South China Sea, crossing the Indian Ocean, and ultimately reaching eastern Africa. Navigation uses trade and culture as the medium to achieve the exchange of products and culture between China and countries along the route. At the same time, Zheng He's fleet did not use military power to carry out colonial activities. Instead, as ambassadors of love and peace, they spread the image of China's peace and win-win situation to other countries, and communicated the emperor's idea of universal harmony with the people of the countries they sailed to. They exported the values and cultural traditions of the Ming Dynasty to the world, expanding China's influence at that time. He successfully completed the initial attempt of public diplomacy under the social background at that time [3. P. 114].

I. The social background of the time

The Ming Dynasty was established by Zhu Yuanzhang, a peasant by birth, who overthrew the Yuan Dynasty. Ming dynasty was a dynasty with significant influence in the political, economic and cultural fields. Since the beginning of the Ming Dynasty, the greatest threat faced by the Ming Dynasty came from the nomads in the north. In order to concentrate on the possible counterattack at any time, Zhu Yuanzhang made several military strikes against the Mongolian army and had his sons each hold part of the military force stationed on the northern border. Among them, Zhu Yuanzhang's fourth son Zhu Di (later Emperor Yongle) was stationed in Beijing (the capital of the Yuan Dynasty). Zhu Di possessed military talent, and with a strong military force at his disposal, Zhu Di became a powerful local power in both power and fame.

However, after the death of his eldest son Zhu Biao (the Crown Prince), Zhu Yuanzhang, the first emperor of the Ming Dynasty, selected Zhu Biao's son - Zhu Yunwen - as the new successor. Later, with the death of the first emperor, conflicts arose between the young heir-Zhu Yunwen, and his powerful uncle-Zhu Di. The battle between the two sides resulted in Zhu Di's victory. Zhu Di usurped the throne and became emperor with the year

Yongle, and he moved the capital from Nanjing to Beijing.

While the internal struggle for power within the empire was going on, the northern nomads aimed for the opportunity to attack continuously, but due to the powerful military talents of Emperor Yongle, he personally led his army many times and repelled the Mongol attacks again and again.

Whereas, the empire still faced constant crises. On the one hand, the usurpation of power affected reputation, so the powerful civil official group formed a certain degree of restraint on the imperial power. On the other hand, the economic and trade activities between the Ming dynasty and foreign countries were affected by years of war, and pirates attacked the coastal trade rampantly. Under the internal and external pressure, considering that the existing military hard power was mainly used to deal with the nomads from the north, how to use other flexible forces to stabilize the empire and expand its influence was an important issue for Emperor Yongle. Therefore, in 1405, the emperor Yongle supported Zheng He's sea voyages, hoping to improve country's public diplomatic image [4. P. 6].

II. The official purpose of Zheng He's voyage activity

The voyages of Zheng He were a diplomatic activity combined with pragmatism, a top-down political activity that represented the aspiration of the ruler. From 1405 to 1422, Zheng He completed six voyages. While preparing for his seventh voyage in 1424, Zheng He's operations were suspended due to the death of Emperor Yongle. Then, in 1430, Zheng He completed the 7th and last voyage of his life.

All ancient Chinese dynasties had a cruel eunuch system in which all male chamberlains were castrated. As a senior chamberlain in internal official of the Yongle Emperor, Zheng He had no way to have offspring, so unlike the civil official group, Zheng He had no conditions or ideas to profit for his offspring or family.

In this case, the emperor chose Zheng He to hold sailing activities because Zheng He would be completely loyal to the emperor. Zheng He had enough appreciation from the emperor, and the great power in Zheng He's hands all came from the emperor. So the voyages could completely express the ideas of the emperor.

Zheng He's voyages had the following main purposes: Firstly, to strengthen diplomatic interaction with various countries, to stabilize China's relations with neighboring countries, to maintain Ming Dynasty own security, and to make neighboring countries recognize the orthodoxy of Emperor Yongle. Secondly, highlighting China's prosperity, enhancing the level of trade development, promoting economic interdependence, and creating a profitable atmosphere for countries along the route with constantly evolving cultural and social realities, expanding official control over high-value trade, enabling both sides to benefit from trade activities [5. P. 24]. Thirdly, to improve the national prestige of the Ming dynasty through the establishment of a tributary system, to establish the Ming dynasty's central and exclusive position in the world, and to further expand the space for imperial development.

III. The soft power elements in Zheng He's voyage event

III.1. Peace and friendship are the mainstream idea of diplomacy

After the establishment of Ming Dynasty, except for the military strikes against Mongolia in the north, it seldom took the initiative to conquer neighboring countries. Zhu Yuanzhang learned the experience of conquests of Yuan Dynasty (Yuan Dynasty had sent armies to conquer Java, Japan and other countries), and formulated the "Ancestral discipline of Emperor in Ming Dynasty" to admonish future generations to get along with all countries in a peaceful and friendly way. Zhu Yuanzhang admonished his descendants to learn the experience and conscientiously fulfill it, and specifically pointed out that the Ming Dynasty should not conquer 15 countries, including countries in East and Southeast Asia as well as South Asia, such as Korea, Japan, Ryukyu, and countries that had established regimes in the region at that time, such as Malaysia, Indonesia, India and Brunei. Zhu Di inherited Zhu Yuanzhang's idea of peace and friendship as a diplomatic guideline. He hopes to promote the prosperity of the country through unique culture and concepts, thereby establishing and enhancing China's positive image in the international community [6. P. 21].

During voyages, Zheng He's fleet faithfully carried out the policy of good neighbor, "sharing the blessings of peace" with the countries along the route.

According to the Emperor Yongle's idea, the role of the Ming Dynasty was gradually attracting other countries to follow China, China leading the world towards a peace and harmony. Guided by this strategic goal, Zheng He was very cautious in his travel, and although he had a powerful force, he did not abuse it. The few times Zheng He used troops, they all were self-defense [7].

A total of three military operations took place during Zheng He's series of voyages.

The first was the suppression of Chen Zuyi. Chen Zuyi was a fugitive from Guangdong Province, China. During Zheng He's voyages, Chen Zuyi plundered merchants and tourists in the Palembang City area, kidnapped overseas envoys to China. In 1406, Chen Zuyi was captured by Zheng He and brought back to China.

The second was the Ceylon (Sri Lanka) War. In 1411, this battle was initiated by the local king who coveted the wealth of Zheng He's fleet after a well-designed war. This fight resulted in the defeat and capture of the king.

The third was the Battle of Sumatra, which took place in 1415. This battle was due to the internal struggle of the local regime, where Zheng He's fleet passed through to bestowed upon the previous royal family, and the opposition was discontented for not receiving the bestowed wealth, thus carrying out violent activities against Zheng He's fleet. The final result of the war was the victory of the Zheng He's fleet.

In Chinese historical documents, Zheng He was only involved in these three wars during his series of voyages. These wars were all self-defense wars, not active attacks of a hegemonic nature. There were many countries on Zheng He's voyages, yet no large-scale wars occurred,

which was determined by the purpose of Zheng He's voyages, which was a peaceful and friendly activity to seek information, establish relationship and extend trade, rather than an action for the purpose of conquest.

III.2. Science, technology and economic strength constituted the foundation of confident diplomacy

The era of China's navy dominating the ocean was earlier than that of Europe, and the development of Zheng He's soft power activities in voyages was inseparable from the support of hard power such as science and technology [8. P. 80].

Zheng He's team was the largest ocean-going fleet in the 15th century. Its crew was about 27,000 people each time. The ships were huge, and there were more than 200 large and small sea ships each time, and the largest ship named "treasure ship", which length was 130-150 meters and width was 50-60 meters. In addition, there are also horse ships, grain ships, war ships, water ships and other kinds of ships [9. P. 280-282, 290].

Due to the support of science, technology and economic strength, the shipbuilding and navigation technology of Ming Dynasty reached a peak. The fleet scale, navigation information and logistic support, the power of these fields were advanced level at that time, which helped Zheng He's team to be able to travel to ocean-going countries. Zheng He's fleet used navigational instruments such as compasses and bathymetry, and drew the "Zheng He Navigation Chart". The fleet came with cooks, doctors and skilled workers to guarantee the daily life of the whole fleet members.

Zheng He's team reached as far as the African countries along the Red Sea. Dialogue with foreign audiences is the condition for the success of this public diplomacy abroad [10. P. 14]. The shock of citizen after seeing Zheng He's fleet on the way was undoubtedly, it is the best form of soft power propaganda. The purpose of such a large, luxurious fleet driving to here, not to conquer by force, but to be willing to carry out diplomatic activities and trade activities. This scene is an effective advertisement. Zheng He transmitted cultural elements with Chinese characteristics such as compass, gunpowder, shipbuilding technology, traditional books, religious beliefs, scientific research methods, experience in agricultural technology, and advanced concepts of governing the country on his way. The spread of culture narrowed the gap between countries, deepened the effect of China's foreign contacts, and brought closer ties with many countries, while cultural phenomena were recorded, saved and carried forward. Since then, Zheng He's voyages to the Ocean have opened up diverse channels for Chinese culture to the outside world by the way of dissemination and exchange [11].

III.3. "To be partial to other while neglecting self" approach

The concept of political connotation of tributary relationship in Chinese history is complicated, and to some extent, it is similar to the political alliance relationship in modern times. Its goal is to prevent and eliminate the

influence of common external threats and maintain the survival and safety environment of alliance relationship. The common concept of the two "provides the feasibility expectation of reaching an agreement, provides the credibility expectation of keeping the promise", which is conducive to maintaining the long-term and rationality of the alliance [12].

Zheng He's fleet had a strong military forces, but Zheng He did not use this force to invade the relevant countries to establish the subsidiary relation between China and the countries along the route. This is a characteristic of Zheng He's voyages that differs from the Western "geographic discoveries". Zheng He did not occupy the lands of overseas countries, nor did he establish any colonial institutions of governing (similar to the British East India Company and other institutions that ruled colonies) during his diplomatic activities. In addition, Zheng He's voyages focused on the principle of "generosity in dealing with the subsidiary ". This principle focused on bestowing the vassal states with great wealth, and Zheng He's fleet did not have clear requirements or quantitative limits on the products that the vassal states could pay as tribute, and the value of the products paid by the vassal states was far less than the wealth bestowed by the Ming Dynasty. This was in contrast to the West's plundering of raw materials and slaves from the colonies, which also was the main reason for the popularity of Zheng He's voyages in the region.

Rather than seeing tribute and bounty as forms in vassal relations, tribute and bounty should be seen as a medium for liaising harmonious and friendly values. Bounties was an active but paradoxical political device by giving gifts to the rulers of the countries along the route and then inviting the local rulers to participate in tributary relations, rather than conquering the local rulers and forcing them to join.

The acceptance of the bounty by the local rulers meant that they recognized the status of Ming suzerainty and became members of the tribute system from then on. Such bounties could be described as an attractive activity in the form of exchange or advance payment. Unlike the constant supply of raw materials to the suzerain state by the colonies under Western rule, the tribute at that time was bartering character, was a limited, rare and unique relationship.

By conducting activities through generous bestowing wealth, the countries along the route felt the strong and prosperous of the Ming Dynasty as a suzerain state, which led to the idea of interacting with China. By issuing documents to the vassal states, the Ming Dynasty was in fact just concluding a promise of friendship in writing with the smaller neighboring states, a promise that was a mild statement rather than an unequal treaty. The countries along the route did not lose their sovereignty such as diplomacy, so this was the main reason why the countries along the route want to establish relations with the Ming Dynasty. Importantly, this relationship shows how countries along the route benefit from interaction with China. This relationship follows the principle of non-interference, focuses on listening to the needs and ideas of various countries on trade, and systematically promotes and disseminates Chinese values while serving economic activities [13. P. 15].

III.4. Cultural interaction and immigration during navigation

Zheng He's voyages were recorded in documents, which became an important record for the study of related history. Zheng He's attendant Ma Huan wrote *Ying Ya Sheng Lan* (It means to enjoy the ocean scenery) Gong Zhen wrote *Western Countries*, Fei Xin wrote *Xing Cha Sheng Lan* (It means to enjoy the scenery on the boat), and *Zheng He Navigation Chart* all recorded the relevant national conditions, which greatly enriched Chinese people's knowledge of the world [14].

Zheng He's fleet was so large that many of the crew members, when they were old enough to marry, married indigenous women in the area and had offspring. The descendants of these people became part of the early Chinese immigrants overseas. The descendants of these Chinese immigrants actively integrated into local life and lived in harmony with the local people. Zheng He was a Muslim and many of the members of his fleet were Muslim as well. Zheng He's fleet sailed to Southeast Asia and made a significant contribution to the spread of Islam there. The mosques in the city of Malacca nowadays are built in the style of Chinese mosques [15]. A variety of cultures mingle and converge here, reflecting the inclusiveness of Chinese culture. At the same time, Zheng He brought the beliefs of the fishermen of the southeast coast of China in Mazu to Southeast Asia, and temples were built in many places in Malaysia, the Philippines and Indonesia to pay homage to Mazu.

In addition, Zheng He himself has become an object of worship and faith for the people of the countries along the route. There are many temples and pagodas named Zheng He in Southeast Asia. For example: In Malacca, Malaysia, there are places named after Zheng He, such as Sambo Mountain, Sambo Temple, Sambo Pavilion, and Sambo Well. (Sambo is the name given to Zheng He by the emperor).

In Sri Lanka, there is a stone tablet carved by Zheng He during his voyage. It is inscribed with Chinese, Tamil and Persian characters. The Tamil text tells the story of the Chinese emperor to praise the greatness of the protector when emperor heard the protector of the Tamil help people. The Persian text means dedicated to Allah and the Holy One of Islam. The Chinese text is about the Ming emperor giving tribute of gold, silver and other items to the temple. The difference in meaning between the three texts is a sign of respect for the three cultures and a representation of the harmony of many cultures, reflecting the cultural inclusiveness and integration in Chinese voyages.

III.5. Commodity exchange and tribute enthusiasm

Chinese silk and ceramics have always enjoyed a good reputation in Asian countries, many countries have long wanted to develop trade relations with China, but pirate attacks were frequent in the early Ming Dynasty. The Ming Dynasty implemented a long period of "maritime prohibition" policy. Since Zheng He visit to the ocean, many countries thought that establishing friendly trade relations with China by paying tribute to China was an effective method to obtain economic benefits [16. P. 138].

Zheng He's voyages meant the abolition of the maritime prohibition policy, and the trade network established by the voyages rapidly connected all countries, with the characteristics of primary globalization. Zheng He's fleet brought Chinese porcelain and silk, especially precious porcelain such as celadon and saffron porcelain, many kinds of textiles such as silk, satin, brocade, gauze, and products such as iron and bronze, which contained advanced technology and were welcomed for maritime state local. And the featured products of various countries were also imported in large quantities by Zheng He's team. Zheng He's fleet was equivalent to a modern shopping cart, adding many types of products at once and exporting many types of products as well. Products such as gems, corals, ivories and rhino horn from Africa, pearls and colored glaze from the Persian Gulf, double-edged knives from Syria, frosting sugar from Bengal, and cotton cloth from India were imported to China.

Chinese and foreign production technology reached the purpose of exchange and communication, Chinese ceramic firing technology spread to the Arab region, and China introduced glass firing technology from overseas [17]. Although the initial purpose of trade was for tribute, in the process of product exchange, in addition to bartering, the circulation of money exchange was also gradually formed. Chinese copper coins and silk cloths were used for market transactions and such, and Chinese copper coins were also used in the Palembang [14].

IV. The effect of Zheng He's voyage event

Zheng He's voyages were the culmination of the development of friendly relations between China and maritime countries during the Ming Dynasty, and even throughout the ancient period.

First of all, Zheng He's voyaging activities spread China's reputation to the whole world and enhanced its international influence. Zheng He showed a prosperous, powerful Ming Dynasty image to all countries, spread the prestige of Emperor Yongle to all countries. Zheng He's activity made all countries along the route recognize Ming Dynasty's status as the sovereign of the world.

Secondly, through Zheng He's voyages, Ming dynasty attracted many Indian Ocean countries and even African countries that had never been in contact with China to interaction, which further improved the development of tributary system. The far-ranging tribute system laid the foundation for the development of friendship between China and the neighboring maritime countries. The Voyages also achieved the goal of peaceful coexistence between China and other countries, which to a certain extent reflected the success of the ruler's soft power policy.

In addition, Zheng He's voyages promoted the economic and cultural interaction between the Ming Dynasty and other countries, and spread Chinese production, technology exported to the world, while China also introduced products and technology from other countries. The tribute system promoted the prosperity of commerce in relevant countries, the inclusiveness and harmonious cultural ideas of Ming Dynasty also spread to the world. At the same time, both rulers and Chinese citizen, got knowledge of the

world and reshaped their respective worldviews in some extent.

V. Drawbacks

The biggest weakness of Zheng He's voyages was the lack of attention to economic benefits, thus failing to open up a new pattern of world historical development. Zheng He's voyages relied entirely on the personal will of Emperor Yongle and lacked strong economic motivation. The excessive bestowed wealth and huge sailing costs put serious pressure on the national economy, so the voyages were not sustainable.

Besides, the rulers of the Ming Dynasty still belonged to the traditional ideological outlook of the agricultural nations and did not have deeper understanding of the sea. Emperor Yongle did not further explore the additional value of economic, social integration and circular development between the maritime countries and China.

Summary

In essence, Zheng He's navigation activities were the product of the era when Emperor Yongle (Zhu Di) actively developed diplomatic relations. It was an attempt by the rulers to apply the soft power factor to the diplomatic and political fields. This attempt successfully attracted many countries to join Ming Dynasty's tributary system and the international order with Ming as its priority. The activity achieved the three main purposes expected by the rulers to publicize the national prestige, build a harmonious and friendly international environment, and promote economic interaction.

Zheng He's navigation activities are not only a diplomatic activity that has lasted for many years, but also a political activity in the form of economic and cultural integration. This activity fully reflected Emperor Yongle's thinking of breaking through the convention under the social background at that time. It was a kind of fantastic idea and embodied the emperor's political wisdom. These voyages were established on the premise of economic prosperity, without considering costs of reward, were led by strong rulers from the top. Although Zheng He's voyages are a brilliant page in world history, they are not replicable and unsustainable.

From my perspective, Zheng He's voyages were a subjective diplomatic activity initiated by ancient China, and there was no denying its expansionary factors. However, in essence, Zheng He's series of activities did not colonize or enslave the countries along the line. He did not change the order of the world at that time, nor did he use hegemony. The voyage publicized China's prosperity and advanced image, left a positive and friendly impression on the people of other countries. Voyages also attracted and promoted economic and cultural ties around the world at that time.

While pursuing scale effect in current international interaction, China should see the hidden crisis. When a country provides a large number of loan assistance to some countries with weak economic strength, if the credit of small countries collapses and cannot be repaid, the im-

pact on the countries that provide loans will also be great. China should fully assess economic costs, adhere to the principle of equality and mutual benefit, and adjust at any time to ensure national interests. China needs to formulate detailed strategies according to the different national conditions of each country to achieve the sustainable development of soft power and promote the further development of diplomacy, rather than replicating diplomatic strategies in a model way and letting economic strength pay more for soft power.

In addition, for other countries, this era is full of competition and opportunities. It is a greater victory to abandon the conservative thinking in the past and try to use a variety of methods to cooperate with different types of countries. Understanding the differences between China and the West in maritime activities, deepening the understanding of China's relevant policies, and fully recognizing the value of soft power will enable countries around the world to better carry out diplomatic activities and promote common development.

References

1. Chitty, N., Li Ji, Rawnsley, G.D. & Hayden, C. (2017) *The Routledge Handbook of Soft Power*. London: Routledge.
2. Nye, J.S. (2014) The Information Revolution and Soft Power. *Current History*. 113. pp. 19–22.
3. d'Hooghe, I. (2014) *China's Public Diplomacy*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers.
4. Melissen, J. (2011) *Public Diplomacy and Soft Power in East Asia*. New York: Springer.
5. Li, M. (2009) *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*. Plymouth: Lexington Books.
6. Jain, B.M. (2017) *China's Soft Power Diplomacy in South Asia: Myth or Reality?* Lanham: Lexington Books.
7. 徐晓望. (2017) 论郑和下西洋与明朝构建大同世界的梦想 [Discussion on Zheng He's Sea Voyages and the Dream of Building a Great Harmony World in the Ming Dynasty]. 中共福建省委党校学报. 12. pp. 94–99.
8. Barr, M. (2011) *Who's afraid of China? The challenge of Chinese soft power*. London: Bloomsbury Publishing.
9. 王德侠. (2015) 郑和下西洋中的“软实力”因素探析 [An Analysis of the Factors of Soft Power in Zheng He's Sea Voyages]. 收藏. 14. pp. 280–282, 290.
10. Melissen, J. (2005) *The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations*. New York: Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. China. (2002) 葛兆光. 古代中国社会与文化十讲 [Ten Lectures on Ancient Chinese Society and Culture]. Beijing: 清华大学出版社有限公司.
12. 张景全. (2010) 观念与同盟关系探析 [Analysis of Concept and Alliance Relationship]. 世界经济与政治. 9. pp. 109–120.
13. Melissen, J. & Sohn, Y. (2016) *Understanding public diplomacy in East Asia: Middle powers in a troubled region*. New York: Springer.
14. 何平立 & 沈瑞英. (2014) 中国现代海权战略的先驱 – 郑和下西洋的时代精神与现实意义 [Pioneer of China's Modern Sea Power Strategy. The spirit of the times and practical significance of Zheng He's Sea voyages]. 人民论坛·学术前沿. 5. pp. 68–73.
15. 王付兵. (2000) 郑和下西洋在古代中国与东南亚关系史中的地位 [The position of Zheng He's voyages to the Western Seas in the history of relations between ancient China and Southeast Asia]. 南洋问题研究. pp. 82–88.
16. 张婧. (2016) 郑和下西洋与明初对外政策探讨 [Exploring Zheng He's Sea Voyages and the Foreign Policy of the Early Ming Dynasty]. 同行. 7. pp. 138.
17. 梁克敏. (2014) 郑和下西洋与早期全球化的启动初探 [Zheng He's Sea Voyages and the Initiation of Early Globalization]. 郑和研究. 2. pp. 12–15.

Information about the authors:

Xiang Yiyuan – PhD student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: i.yuan@inbox.ru

Luo Yanchao – PhD student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1121080390@qq.com

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Сян Июань – аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: i.yuan@inbox.ru

Ло Яньчао – аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 1121080390@qq.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 10.06.2023; accepted for publication 03.07.2023

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; принята к публикации 03.07.2023

Научная статья

УДК 94(438)

doi: 10.17223/19988613/84/13

Традиционализм и проблема репродуктивного выбора женщин в Польше

Владислава Олеговна Кривошеина

Томский государственный университет, Томск, Россия, wladyslawakrivoszeina@gmail.com

Аннотация. Анализируется традиционализм гендерной политики в постсоциалистической Польше на примере дискуссии об ограничении репродуктивного выбора польских женщин. Начиная с 1989 г. в Польше усилилась вовлеченность католической церкви в политику, и христианские ценности существенно повлияли на дискуссию об абортах. В течение трех десятилетий происходили законодательные изменения, направленные на ограничение права женщин на аборт, что противоречит принципам международной политики гендерного равноправия. При этом не был проведен референдум по этому вопросу, хотя такой общественный запрос существовал.

Ключевые слова: Польша, традиционализм, гендерная политика, репродуктивная политика, право на аборт

Для цитирования: Кривошеина В.О. Традиционализм и проблема репродуктивного выбора женщин в Польше // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 103–111. doi: 10.17223/19988613/84/13

Original article

Traditionalism and the problem of women's reproductive choice in Poland

Vladislava O. Krivosheina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wladyslawakrivoszeina@gmail.com

Abstract. The article analyzes the traditionalism of gender policy in post-socialist Poland on the example of the discussion about limiting the reproductive choice of Polish women. The sources used in the study can be divided into several groups. These are the laws of Poland of the socialist and modern periods, materials from the meetings of the Polish Sejm, international documents in the field of gender equality, materials from the English and Polish media. The article was written with the involvement of articles and monographs of Polish researchers in the original language, which were analyzed in Russian science for the first time.

Since 1989, the involvement of the Catholic Church in politics in Poland has increased, and Christian values have significantly influenced the debate about abortion. For three decades there have been legislative changes aimed at restricting women's right to abortion, while there was no referendum on this issue, although there was such a public demand. Thousands of protests in the second half of the 2010s and massive "abortion tourism" in Poland in neighboring European countries show that the legal ban on abortion in Poland is not based on public consensus. The tightening of the country's reproductive policy took place alongside with the general democratization of the political regime in the context of European integration. The peculiarity of the Polish reproductive policy is revealed, consisting in the choice in favor of protecting the life of the human fetus in accordance with Christian values, which ignores the choice of women. Poland's goal to build a national model of reproductive policy is an attempt to isolate reproductive legislation from the influence of common European values of gender equality and mechanisms for their promotion. The influence of traditionalization on the ban on abortion gave rise in Poland to the situation of women's struggle for the rights of the "second wave of feminism" in the 1960s and 1970s. Poland is moving away from the EU gender equality policy, which takes into account the extensive historical experience of women defending the right to choose and the security of exercising such a right.

Keywords: Poland, traditionalism, gender policy, reproductive policy, right to abortion

For citation: Krivosheina, V.O. (2023) Traditionalism and the problem of women's reproductive choice in Poland. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 103–111. doi: 10.17223/19988613/84/13

Центральной проблемой статьи являются традиционализация гендерной политики в постсоциалистической Польше, ее влияние на специфику дискуссии о прерывании беременности и ограничение репродуктивного выбора польских женщин. Опыт Польши инте-

ресен тем, что после продолжительного периода законодательного разрешения абортов (с середины 1950-х гг.) женщины были лишены права на прерывание беременности при демократическом и проевропейском режиме. Такой ситуации не возникло ни в одной дру-

гой стране Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) в период перехода от социалистических режимов.

Актуальность исследования обусловлена остротой общественной дискуссии о праве женщин на аборт, которая происходит в других демократических государствах. В 2022 г. Верховный суд США отменил конституционное право на аборт, существовавшее в стране почти полвека [1]. Последствием этого решения стал запрет на искусственное прерывание беременности в ряде консервативных штатов. В Алабаме, Луизиане, Южной Дакоте запрет стал касаться и беременности, наступившей в случае изнасилования или инцеста. Решение Верховного суда привело к массовым протестам американского общества [2]. Противоположную тенденцию демонстрируют Республика Ирландия и Северная Ирландия, которые расширили репродуктивные права женщин в 2018 [3] и 2019 г. соответственно [4]. Легализация абортов при беременности сроком до 12 недель в Республике Ирландия стала результатом проведенного здесь референдума, а в Северной Ирландии была закреплена решением правительства Великобритании. Дискуссии по поводу прерывания беременности выстраиваются вокруг вопроса о праве плода на жизнь или праве женщины на репродуктивный выбор и того, что определяется как приоритет. Морально-этическим основанием разделения на противников и сторонников легализации абортов в этих странах являются представления о человеческой жизни и ее религиозное толкование. Социалистическая Польша решала этот вопрос в пользу женщин, принимая во внимание негативные последствия запретов на аборт и предоставляя возможность легального прерывания беременности. После 1989 г. и усиления политической вовлеченности польской католической церкви в решение общественно значимых вопросов ситуация кардинально изменилась.

Тема нашла отражение в публикациях российских и польских исследователей, в которых раскрываются общие тенденции традиционализации гендерной политики современной Польши, влияние католичества на дискуссию о прерывании беременности, аргументы оппонентов в дискуссии об абортах, изменения польского законодательства. О.В. Тимофеева рассматривает идеологические и политические аспекты содержания, основных участников и ход дискуссии о праве женщин на аборт. Она полагает, что приверженность польского общества католическим ценностям является источником традиционалистской репродуктивной политики, где право ребенка на жизнь признается более значимым, чем право женщины на репродуктивный выбор [5]. Д.Б. Вершинина и О.В. Тимофеева обсуждают роль Римско-католической церкви в политике в области прерывания беременности. Авторы сравнивают опыт Польши и Ирландии и приходят к выводу, что разная политика объясняется разными темпами секуляризации обществ в этих странах [6]. Смягчение абортного законодательства в Ирландии стало следствием ослабления роли католичества. В Польше христианские ценности, имевшие большое значение для усиления национального самосознания после 1989 г., существенно

влияют на строгость политики в области прерывания беременности.

О.В. Макарова рассматривает влияние католической церкви на гендерную политику Польши после 1989 г. и отмечает возврат к традиционализму, что свойственно некоторым постсоциалистическим странам. Рост политического влияния церкви в решении социальных вопросов отразился на оформлении традиционалистской гендерной модели, которая «определяет социальные функции женщины как рождение и воспитание детей, сохранение и трансляцию “христианских ценностей”» [7. С. 209]. Эта модель, по мнению О.В. Макаровой, противоречит либеральной социальной доктрине и логике европейской интеграции. В статье С. Шлек-Миллер анализируются дискуссии об абортах в Польше в первые годы экономической и демократической трансформации и то, как это привело к принятию антиабортного закона 1993 г. Этот закон стал одним из самых строгих в Европе, хотя не ввел полного запрета на аборт, что стало следствием компромисса разных политических сил в Сейме. С. Шлек-Миллер полагает, что политика современной Польши по вопросу абортов демонстрирует «проблему примирения светских и религиозных ценностей» [8. Р. 69].

М. Козуб-Каркут анализирует дискуссию о допустимости абортов в Польше после 1996 г. на материалах Сейма и сопоставляет религиозные аргументы польских депутатов – противников абортов и их оппонентов. [9]. М. Козуб-Каркут делает важный вывод о том, что парламентские дебаты отражают два более широких политических дискурса – о Польше католической и национальной и о Польше западной и европейской. А.С. Шатилина анализирует правовое регулирование прерывания беременности на примере комментария к Постановлению Конституционного трибунала Республики Польша от 22 октября 2020 г. Она рассматривает предпосылки решения о полном запрете абортов, его материально-правовые и процессуальные аспекты и последствия. А.С. Шатилина показывает, как решение польского Конституционного трибунала противоречит общеевропейской тенденции к либерализации законодательства об абортах и предоставлению женщинам доступа к легальному и безопасному прерыванию беременности [10].

Новизна представленной статьи заключается в расширении исследовательского подхода к изучению дискуссии об абортах в Польше, включающего исторический подход, элементы постсоциалистической теории, анализ правовых документов Республики Польша. Исследование дополняет существующую методологию изучением взаимосвязи дискуссии об абортах в Польше с общественной традиционализацией, «конфессиональной демократией», международной гендерной политикой и политикой репродуктивных прав.

Репродуктивные права относятся к основным правам человека, что зафиксировано в Пекинской декларации и Платформе действий (1995) [11] – стратегической международной программе расширения прав и возможностей женщин, принятой в рамках Четвертой Всемирной конференции по положению женщин. В частности, супружеские пары или лица должны иметь

«право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия, о чем говорится в документах по правам человека» [11. С. 71]. Вопрос доступности аборт является частью политики репродуктивных прав. Европейский институт по вопросам гендерного равенства (European Institute for Gender Equality, EIGE) определяет репродуктивные права следующим образом: «...права человека, которые уже признаны в национальных законах, международных законах и международных документах по правам человека и других консенсусных документах, основанных на признании основных прав всех супружеских пар и отдельных лиц свободно и ответственно решать вопрос о количестве, интервалах и сроках рождения своих детей и иметь информацию и средства для этого, и право на достижение наивысшего уровня сексуального и репродуктивного здоровья» [12]. Право женщины на прерывание беременности относится к области репродуктивных прав. Пример Польши демонстрирует, что общественная дискуссия – важная часть изменения национального законодательства об абортах.

Изучение традиционализма как фактора, влияющего на общественную дискуссию о праве женщин на аборт в постсоциалистических странах Европы, началось в 1990-е гг. Американские исследователи К. Вердери [13], Дж. Нэйджл [14], С. Гал и Г. Клигман [15] рассматривали возврат к традиционным гендерно-ролевым моделям и отход от социалистической гендерной политики, основанной на принципе равенства полов, под влиянием национальных культурных представлений и традиций. Как отмечает К. Вердери, во всех бывших социалистических государствах Восточной Европы проявились тенденции антифеминизма и натализма (политики поощрения рождаемости), свойственные этнонационализму [13. Р. 100]. Исследователи анализируют традиционализацию в контексте системного реформирования и связывают ее с переходом к рыночной экономике и демократическому гражданскому обществу. В постсоциалистический период перед государствами ЦЮВЕ встал вопрос о национальной идентичности и ценностях. Для современной Польши основной национальной самосознания стала католическая вера. Исторически католицизм играл важную роль в жизни польского общества, что отражалось в высокой религиозности даже при коммунистической власти. После 1989 г. действия церкви были направлены на закрепление христианских ценностей в законах Польши. Данная тенденция была концептуализирована в понятии «конфессиональная демократия», которое предложила польский философ Барбара Становш [16. С. 6] и которое отражает влияние католической церкви на общественную и политическую жизнь в стране [17. С. 55–56].

С 1989 г. на фоне активизации политической инициативы представителей католицизма начинаются парламентские дебаты и общественная дискуссия о прерывании беременности [8. Р. 70–81]. На тот момент аборт в Польше были законодательно разрешены, так как легализация аборт произошла в Польской Народной Республике (ПНР) в 1956 г. [18]. Прерывание бе-

ременности допускалось по медицинским показаниям и при тяжелых социальных либо экономических условиях жизни женщины. Процедуру допускалось совершать не только в больницах, но и в частных врачебных кабинетах, что давало пациенткам и докторам возможность сохранять анонимность. При социализме в дебатах в Сейме были представлены разные точки зрения в отношении легализации аборт [19. С. 261–265]. Позиция депутатов-социалистов выражала интересы женщин, оказавшихся в неблагоприятных социальных и экономических условиях для рождения ребенка. Их оппоненты приводили католическую точку зрения, что любая человеческая жизнь нуждается в защите, и проблему аборт надо решать не доступностью процедуры прерывания беременности, а улучшением материальных условий жизни женщин. В 1956 г. вопрос был решен в пользу разрешения аборт для предотвращения нелегальных и для защиты здоровья женщин [19. С. 275].

В 1990 г. Сенат представил проект новой польской конституции, где право человека на жизнь признавалось с момента зачатия, а христианские ценности были заявлены как основа польской нации [8. Р. 76]. Поправка к конституции о праве человека на жизнь с момента зачатия могла привести к полному запрету аборт. Некоторые депутаты Сейма выдвигали предложения о проведении референдума по вопросу доступа к аборт и для его проведения собрали более миллиона подписей [8. Р. 80]. Но за четыре года обсуждения первых поправок к антиабортному закону решение об общенациональном референдуме так и не было принято. В 1993 г. в Польше был принят «Закон о планировании семьи, охране человеческого плода и условиях прерывания беременности» [20]. Он запрещал аборт за исключением случаев, когда беременность несет угрозу жизни и здоровью женщины, при изнасиловании, инцесте или необратимом повреждении плода. Аборт легально допускалось производить только в государственных больницах, но не в частных клиниках или врачебных кабинетах. В 1997 г. в уголовном кодексе Республики Польша появилась статья о лишении свободы сроком до трех лет лиц, совершающих процедуру прерывания беременности по непредусмотренным Законом 1993 г. показаниям [21]. Новое законодательство допускало четыре законных показания к процедуре. Это решение было компромиссом между традиционалистами и сторонниками доступа к легальным аборт и позволило на некоторое время снизить напряженность общественной дискуссии об аборт.

Дальнейшее изменение гендерной политики в Польше в течение нескольких лет не касалось проблемы репродуктивных прав, а было обращено к другим вопросам. В 1997 г. в стране была принята новая конституция. Статья 33 обозначила равные права женщин и мужчин в семейной, политической, социальной и экономической жизни, «равное право на образование, занятость и продвижение по службе, на одинаковое вознаграждение за труд одинаковой ценности, на социальное обеспечение, а также на занятие должностей, выполнение функций, равно как на получение публичных отличий (*godności*) и наград» [22]. Закрепленные в польской конституции принципы гендерного равно-

правия соотносились с целями гендерной политики ЕС в 1990-е гг. В 2000-е гг. к устранению социально-экономического неравенства мужчин и женщин в Евросоюзе добавились такие приоритеты, как баланс профессиональной и частной жизни, равное участие мужчин и женщин в принятии решений (политическая сфера, администрирование, гражданские институты), ликвидация гендерного насилия и гендерных стереотипов [23; 24; 25. С. 57–60].

Ко времени вступления Польши в ЕС в 2004 г. в гендерной политике пересекались черты социалистической модели [26. Р. 302–327], доставшиеся по наследству от Польской Народной Республики, и традиционализма [27. Р. 95–114], проявившиеся в ситуации усиления национального самосознания. Социалистическая идеология времен ПНР основывалась на принципах равенства полов в образовании, труде, отдыхе, семье и общественной жизни, что являлось продолжением классических идей социального равенства, свойственных левой политике. Переход к рынку и последствия «шоковой терапии», падение уровня жизни и массовая безработица в Польше привели к усилению гендерного неравенства. Общее число безработных в Польше в 1990–2002 гг. росло, количество безработных женщин увеличивалось, средняя заработная плата женщин составляла около 70% от уровня доходов мужчин [28. Р. 245]. Сокращение государственных мер поддержки семьи, по уходу за детьми привело к уменьшению числа мест в детских садах на 46,8% [28. Р. 246] и являлось, что вынуждало полек отказываться от работы вне дома, так как было необходимо заниматься воспитанием детей и ведением быта. Государственные меры поддержки частично продолжили социальную политику периода социализма – поддержка малоимущих семей, сохранение пособий на ребенка, выплата которых назначалась только женщинам. Социально-экономические последствия дестабилизации на рынке труда в 1990-е гг. привели к возрождению традиционных представлений о роли женщины как матери в противовес социалистическому видению женщины как работницы.

После вступления Польши в ЕС правые политики начинают активно использовать традиционалистскую гендерную риторику для подкрепления консервативной, патристической окрашенной политической позиции. Консервативные политики рассматривают концепцию гендерного равноправия в ЕС как культурный или идеологический «вызов» национальным христианским ценностям страны. После избрания в 2005 г. президентом Л. Качиньского от партии «Право и справедливость» в Польше предпринимались попытки ужесточить уже и так самое строгое законодательство в Европе наряду с Мальтой и Ирландией, также находившихся под сильным католическим влиянием [9. С. 242]. В 2000-е гг. можно выделить две программы гендерной политики в Польше – традиционалистскую и либеральную [7]. Традиционалистская линия гендерной политики продвигается консервативными, ультраконсервативными партиями и организациями, политическими и духовными лидерами, авторитетами, СМИ. Наиболее яркими приверженцами таких идей выступают консервативная партия «Право и справедливость» (Prawo i

Sprawiedliwość) [29], популистская партия «Самозащита Республики Польша» (Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej) [30], христианская радиостанция «Радио Мария» (Radio Maryja) [31]. Идеи либерализации гендерной политики поддерживают центристские, либеральные и левые партии, интеллигенция, феминистские организации, например партия «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska) [32] и движение «Конгресс женщин» (Kongres Kobiet) [33]. Традиционалистская позиция выражается через движение pro-life (англ. – за жизнь), объединяющее тех, кто выступает против абортов, контрацепции, экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), пренатального тестирования, и чьи идеи базируются на христианском представлении о жизни. Их оппоненты выступают за либерализацию репродуктивного законодательства, их самой главной целью является легализация абортов, – это местные сторонники движения pro-choice (англ. – за выбор). Важно отметить, что оба движения не являются сугубо польским феноменом и распространены в других странах [34–36]. В Польше как католической стране движение pro-life сильно за счет поддержки церкви.

В 2006–2007 гг. в Польше рассматривали проект поправок к конституции, связанных с защитой жизни плода. В случае одобрения поправок Сеймом формулировка «Республика Польша обеспечивает каждому человеку правовую защиту жизни» была бы дополнена фразой «с момента зачатия» [37]. Для принятия изменений было необходимо одобрение 2/3 голосов депутатов Сейма, или 296 голосов. Но поправку не включили в конституцию, так как за нее высказались только 269 депутатов, против проголосовал 121 депутат, воздержались 53 [38]. Следующая попытка ограничения права на аборт в Польше была предпринята в марте 2016 г., когда маршалу Сейма М. Кучиньскому был представлен законопроект [39], разработанный организацией Ordo Iuris, которая позиционирует свою деятельность как «защиту конституционных ценностей и свобод человека, в частности свободы вероисповедания и привязанности к польскому национальному наследию и польской правовой культуре» (§ 7, п. 7 Устава Фонда Института правовой культуры Ordo Iuris) [40]. Законопроект предлагал ввести уголовное наказание до пяти лет лишения свободы для женщин, решившихся прервать беременность, и для врачей, осуществляющих данную операцию. Кроме того, согласно предложенному документу, изнасилование и наличие врожденной патологии у плода перестали бы считаться законной причиной для прерывания беременности. Однако на фоне массовых многотысячных протестов в крупнейших городах страны [41] осенью 2016 г. парламент Польши не стал принимать данный закон. Впоследствии Сейму были представлены гражданские проекты как по либерализации репродуктивного законодательства (разрешение абортов на сроке до 12 недель, безрецептурная контрацепция, половое просвещение), так и по его ужесточению. В 2020 г. Конституционный суд Польши признал неконституционным показание к прерыванию беременности на основании поражения плода или наличия у него неизлечимого заболевания [42]. Прерывание беременности

официально стало допустимо только в двух случаях: при угрозе жизни или здоровью беременной; при наличии обоснованного подозрения, что беременность наступила в результате изнасилования или инцеста (беременность сроком до 12 недель). После принятия Конституционным судом этого решения в Польше прошли новые массовые протесты [43].

Допустимые законом показания к аборту не всегда гарантируют, что женщина в Польше сможет прервать беременность. Кодекс медицинской этики польских врачей предполагает отказ в проведении аборта на основании «оговорки совести» (*klauszula sumienia*) [44. S. 33]. Это правило было введено в 1990-е гг. и подразумевает право врача отказать пациенту в каком-либо виде медицинской помощи, если это противоречит его / ее этическим или религиозным соображениям. В 2014 г. в Польше 3 тысячи врачей подписали «Декларацию веры католических врачей и студентов-медиков о сексуальности и фертильности человека», где они заявляли об отказе от совершения аборта, контроля над рождаемостью, экстракорпорального оплодотворения и эвтаназии как противоречащих воле Бога и их совести действий [45]. Документ не носит юридического

характера, но является публичным манифестом биоэтической позиции польских врачей-католиков.

В 2020 г. Центр изучения общественного мнения Польши опубликовал исследование об отношении поляков к допустимости прерывания беременности и результаты опросов, проведенных в 1992–2020 гг. (рис. 1). Более 70% поляков поддерживают допустимость прерывания беременности, угрожающей жизни и здоровью матери, беременности из-за инцеста или изнасилования, и с 1990-х гг. этот показатель практически не меняется. Показания, связанные с дефектом плода или наличием врожденных неизлечимых заболеваний (инвалидность будущего ребенка), которые были исключены из перечня допустимых к прерыванию беременности в 2020 г., считают допустимыми более 50% поляков (самый высокий показатель 71% в 1992 г., самый низкий – 53% в 2016 г.). За последние годы в польском обществе снижается уровень одобрения легализации абортов при тяжелом материальном положении женщины (47% в 1992 г., 20% в 2020 г.) или тяжелой личной ситуации (38% в 2002 г., 18% в 2020 г.), нежелании женщины иметь ребенка (28% в 2002 и 2005 гг., 18% в 2020 г.).

Как Вы думаете, должно ли быть разрешено прерывание беременности, когда:

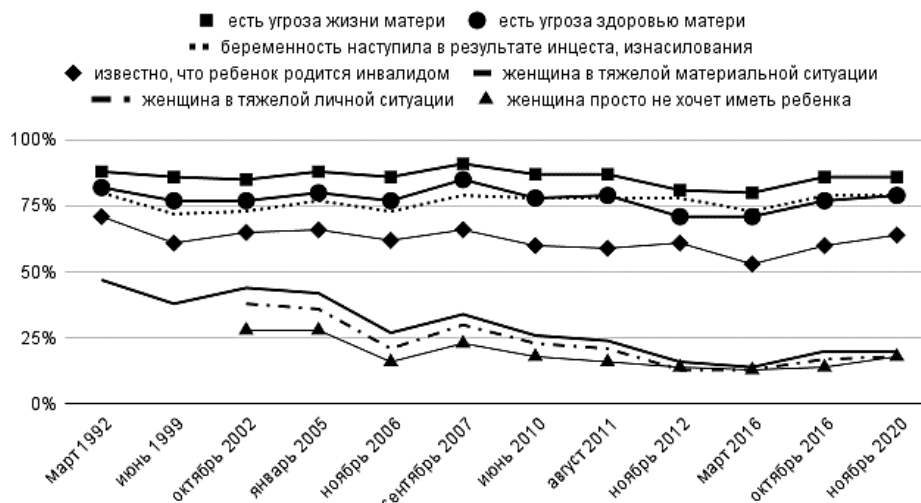

Рис. 1. Отношение поляков к вопросу о возможности искусственного прерывания беременности. Составлено по: [46. S. 4].

Строгость репродуктивного законодательства не решает проблему совершения абортов. Не имея возможности легально прервать беременность в Польше, польки выезжают в соседние европейские страны. Это массовое явление получило название «абортный туризм» [47]. Вокруг запроса польских женщин на подобные услуги образовалась индустрия, предоставляющая консультации, услуги по проезду, проживанию, поиску медицинских учреждений и врачей в других странах, подбору медикаментозных вариантов решения проблемы нежелательной беременности. Также существуют различные гражданские инициативы по предоставлению помощи польским женщинам, решившим прервать беременность. Одна из них – «Аборты без границ» (*Abortion Without Borders*) [48], которая профессионально консультирует женщин и помогает покрыть расходы, связанные с затратами на проезд в другую страну

и процедуру прерывания беременности. По неофициальным данным польские женщины совершают в обход законодательства до 150 тысяч абортов в год [47, 49].

Сегодня репродуктивная политика в Польше противоречит политике гендерного равенства, продвигаемой ООН и Европейским союзом. В 2020 г. Европейская Комиссия (ЕК) опубликовала Стратегию по продвижению гендерного равенства в ЕС в 2020–2025 гг. [50]. ЕК отдает приоритет защите репродуктивных прав женщин на национальном уровне, так как политика здравоохранения находится в компетенции стран-членов ЕС [51]. Практически полный запрет абортов в Польше уже вызывал реакцию Европейского парламента, Комитета по вопросам гражданских свобод, юстиции и внутренних дел (LIBE) и Комитета по правам женщин и гендерному равенству (FEMM Committee). Они осудили меры, препятствующие защите

прав польских женщин на жизнь и здоровье. Международная стратегия репродуктивных прав акцентирует внимание на том, что вопрос доступности легальных аборт – это вопрос жизни и здоровья женщины. Соображения безопасности женщины в такой трактовке стоят выше, чем морально-этическая оценка прерывания беременности. Это реализация политики *pro-choice* – за репродуктивный выбор женщины.

Традиционализация гендерной политики и криминализация абортов в современной Польше вписались в логику разрыва с социализмом и оформления новой идеологии. «Конфессиональная демократия» позволила католическим лоббистам изменять репродуктивное законодательство в соответствии с христианской си-

стемой ценностей без проведения общенационального референдума. В то же время стремление Польши построить национальную модель репродуктивной политики является попыткой изоляции репродуктивного законодательства от влияния общеевропейских ценностей гендерного равенства и механизмов их продвижения. Влияние традиционализации на запрет абортов породило в Польше ситуацию борьбы женщин за права «второй волны феминизма», которых добивались в западноевропейских странах в 1960–1970-х гг. Происходит отдаление Польши от политики гендерного равноправия Евросоюза, которая учитывает обширный исторический опыт отстаивания женщинами права выбора и безопасности реализации такого права.

Список источников

1. Roe v. Wade. The landmark U.S. Supreme Court ruling recognizing the right to abortion // Center for Reproductive Rights. URL: <https://reproductiverights.org/roe-v-wade/> (accessed: 26.03.2023).
2. Thousands Protest End of Constitutional Right to Abortion // The New York Times. 2022. 24 June. URL: <https://www.nytimes.com/live/2022/06/24/us/roe-wade-abortion-supreme-court> (accessed: 26.03.2023).
3. Irish abortion referendum: Ireland overturns abortion ban // BBC News. 2018. 26 May. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-44256152> (accessed: 26.03.2023).
4. After 158 Years U.K. Lawmakers Have Voted to Decriminalize Abortion in Northern Ireland. The Fight's Not Over Yet // Time. 2019. 25 July. URL: <https://time.com/5634762/northern-ireland-abortion-law-impact/> (accessed: 26.03.2023).
5. Тимофеева О.В. Аборты, контрацепция и дискуссия о роли женщин в обществе в политической повестке современной Польши // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 4. С. 485–494.
6. Вершинина Д.Б., Тимофеева О.В. Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX – начала XXI века (на примере вопроса об абортах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. Вып. 3 (46). С. 95–108.
7. Макарова А. В. Религиозный фактор в гендерных трансформациях в III Речи Посполитой (1989–2000-е гг.) // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен : материалы Пятой междунар. науч. конф. Российской Ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН, Тверь, 4–7 октября 2012 г. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. Т. 1. С. 207–210.
8. Szlek Miller S. Religion and Politics in Poland: The Abortion Issue // Canadian Slavonic Papers. 1997. Vol. 39, № 1/2. P. 63–86.
9. Kozub-Karkut M. Religia w dyskursie polityki – polski spór o aborcję // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. 2017. Vol. 24, № 2. S. 237–255.
10. Шатилина А.С. Ваше тело не только Ваше дело: комментарий к Постановлению Конституционного трибунала Республики Польша от 22 октября 2020 года № К 1/20 // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 141–157.
11. Пекинская декларация и Платформа действий / ООН. Нью-Йорк, 2014. URL: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf (дата обращения: 26.03.2023).
12. Reproductive rights // European Institute for Gender Equality. URL: <https://eige.europa.eu/thesaurus/terms/1350> (accessed: 26.03.2023).
13. Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? Princeton, NJ : Princeton University Press, 1996. 298 p.
14. Nagel J. Masculinity and nationalism: Gender and sexuality in the making of nations // Ethnic and Racial Studies. 1998. Vol. 21, № 2. P. 242–269.
15. Gal S., Kligman G. Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2000. 448 p.
16. Rochon A., Grzybek A., Graff A. i inni. Kościół, państwo i polityka płci / red. A. Ostolski. Warszawa : Przedstawicielstwo Fundacji im. Heinricha Bölla w Polsce, 2010. 185 s. URL: https://pl.boell.org/sites/default/files/kosciol_panstwo_i_polityka_plci.pdf (дата доступа: 26.03.2023).
17. Зубжицки Ж. Polonia semper fidelis? Национальная мифология, религия и политика в Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 44–78.
18. Ustawa z dnia 27 kwietnia 1956 r. o warunkach dopuszczalności przerywania ciąży (Dz. U. Nr 12, poz. 61). Rzeczpospolita Polska. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19560120061/O/D19560061.pdf> (дата доступа: 26.03.2023).
19. Baranowska M., Fiktus P. Dyskurs polityczny i prawny o ustawie z dnia 27 kwietnia 1956 r. o warunkach dopuszczalności przerywania ciąży // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2022. Vol. 74, № 1. S. 253–278. URL: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/34684/30060> (дата доступа: 26.03.2023).
20. Ustawa o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach przerywania ciąży : została przyjęta 1 marca 1993 r., Rzeczpospolita Polska. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19930170078/U/D19930078Lj.pdf> (дата доступа: 26.03.2023).
21. Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks kamy, Dz. U. 1997. Nr 88, poz. 553. Rzeczpospolita Polska. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970880553/U/D19970553Lj.pdf> (дата доступа: 26.03.2023).
22. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej : została przyjęta 2 kwietnia 1997 r., Rzeczpospolita Polska (opracowano na podstawie: Dz. U. z 1997 r. Nr 78, poz. 483, z 2001 r. Nr 28, poz. 319, z 2006 r. Nr 200, poz. 1471, z 2009 r., Nr 114, poz. 946). URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970780483/U/D19970483Lj.pdf> (дата доступа: 26.03.2023).
23. Lisbon European Council 23 and 24 March 2000. Presidency Conclusion. URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm (accessed: 26.03.2023).
24. Community framework strategy on gender equality (2001–2005). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSEM%3Ac10932> (accessed: 26.03.2023).
25. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008. 768 с.
26. Wolchik S.L., Einhorn M., Rueschemeyer M. et al. Democratic reform and the position of women in transitional economies / ed. V.M. Moghadam. Oxford : Clarendon Press, 1993. 376 p. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Book/Book-democratic-reform-position-women-transitional-economies.pdf> (accessed: 26.03.2023).
27. Hann C.M., Humphrey C., Verdery K. et al. Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia / ed. C.M. Hann. London : Routledge, 2001. 360 p.
28. Bystydziński J.M. Negotiation the New Market: Women, Families, Women's Organizations and the Economic Transition in Poland // Journal of Family and Economic Issues. 2005. Vol. 26, № 2. P. 239–265.
29. Prawo i Sprawiedliwość. URL: <https://pis.org.pl/> (дата доступа: 26.03.2023).
30. Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej. URL: <http://samoobrona.net.pl/> (дата доступа: 26.03.2023).

31. Radio Maryja. URL: <https://www.radiomaryja.pl/> (data dostępu: 26.03.2023).
32. Platforma Obywatelska. URL: <https://platforma.org/> (data dostępu: 26.03.2023).
33. Kongres Kobiet. URL: <https://www.kongreskobiet.pl/> (data dostępu: 26.03.2023).
34. Callahan J.C., Callahan S., Easterbrook G. et al. *The Ethics of Abortion: Pro-Life Vs. Pro-Choice (Contemporary Issues)* / ed. R.M. Baird, S.E. Rosenbaum. Prometheus, 2001. 354 p.
35. Ralph D. *Abortion and Ireland: How the 8th Was Overthrown*. Palgrave Pivot, 2020. 142 p.
36. Amery F. *Beyond Pro-life and Pro-choice: The Changing Politics of Abortion in Britain*. Bristol University Press, 2020. 234 p.
37. Projekt ustawy o zmianie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej. 5 września 2006 r. URL: [http://orka.sejm.gov.pl/Druki5ka.nsf/0/79EB9DAFA9F1849FC12571F60033806C/\\$file/993.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/Druki5ka.nsf/0/79EB9DAFA9F1849FC12571F60033806C/$file/993.pdf) (data dostępu: 26.03.2023).
38. Głosowanie nad przyjęciem w całości projektu ustawy o zmianie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej, w brzmieniu proponowanym przez Komisję Nadzwyczajną. Sejm RP. 13.04.2007. Posiedzenie 39 – głosowanie nr 79. URL: [https://orka.sejm.gov.pl/Glos5.nsf/nazwa/39_79/\\$file/glos_39_79.pdf](https://orka.sejm.gov.pl/Glos5.nsf/nazwa/39_79/$file/glos_39_79.pdf) (data dostępu: 26.03.2023).
39. Płatek M. Opinia prawna na temat projektu ustawy o zmianie ustawy o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach dopuszczalności przerywania ciąży (Dz. U. z 1993 r. nr 17, poz. 78 ze zm.) oraz ustawy z dnia 6 czerwca 1997 r. – Kodeks karny (Dz. U. nr 88, poz. 553 ze zm.) // Instytut Spraw Publicznych. 2016. 55 s. URL: <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/opinia-prawna-na-temat-projektu-ustawy-o-zmianie-ustawy-o-planowaniu-rodziny-ochronie-plodu-ludzkiego-i-warunkach-dopuszczalnosci-przerywania-ciazy> (data dostępu: 26.03.2023).
40. Ordo Iuris. Kim Jesteśmy. URL: <https://ordoiuris.pl/kim-jestesmy> (data dostępu: 26.03.2023).
41. Bunt kobiet : czarne protesty i strajki kobiet / red. E. Korolczuk, B. Kowalska, C. Snochowska-Gonzalez, J. Ramme. Europejskie Centrum Solidarności, 2019. 207 s. URL: https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/18107/ECSRaport_buntkobiet.pdf?sequence=1&isAllowed=y pdf (data dostępu: 26.03.2023).
42. Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r. sygn. akt K 1/20. Rzeczpospolita Polska. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20210000175/O/D20210175.pdf> (data dostępu: 26.03.2023).
43. Poland abortion ruling: Protests spread across the country // BBC News. 2020. 23 Oct. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54669257> (accessed: 26.03.2023).
44. Obecność Kościoła katolickiego w sferze publicznej demokratycznego państwa prawa. Przykład współczesnej Polski. Warszawa, 2013. 75 s.
45. Deklaracja wiary lekarzy to klauzula sumienia. Kto podpisał deklarację wiary? Lista lekarzy // Dziennik Zachodni. 2014. 30 maja. URL: <http://www.dziennikzachodni.pl/artykul/3455075,deklaracja-wiary-lekarzy-to-klauzula-sumienia-kto-podpisal-deklaracje-wiary-lista-lekarzy,2,id,t,sa.html> (data dostępu: 26.03.2023).
46. Komunikat z badań CBOS. O dopuszczalności przerywania ciąży i protestach po wyroku Trybunału Konstytucyjnego. Centrum Badania Opinii Społecznej. 2020. № 153. 16 s. URL: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2020/K_153_20.PDF (data dostępu: 26.03.2023).
47. Chelstowska A. Stigmatisation and commercialization of abortion services in Poland: turning sin into gold // *Reproductive Health Matters*. 2011. Vol. 19, № 37. P. 98–106.
48. Abortion without borders. URL: <https://abortion.eu/> (accessed: 26.03.2023).
49. Dzwonią kobiety, którym szpital właśnie odwołał aborcję. Pomożemy wszystkim [ROZMOWA] // OKO.press. 2020. 25 października. URL: <https://oko.press/dzwonia-kobiety-ktorym-szpital-wlasnie-odwolal-aborcje-pomozemy-wszystkim-rozmowa> (data dostępu: 26.03.2023).
50. A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020–2025 COM/2020/152 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0152> (access date: 26.03.2023).
51. Zacharenko E. Reproductive rights as a social justice issue in the EU // *The Future of the European Union: Feminist Perspectives from East-Central / E. Kovats* (ed.). Budapest : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017. P. 27–36. URL: http://fesbp.hu/common/pdf/The_Future_of_the_EU.pdf (accessed: 26.03.2023).

References

1. The Center for Reproductive Rights. (n.d.) *Roe v. Wade. The landmark U.S. Supreme Court ruling recognizing the right to abortion*. [Online] Available from: <https://reproductiverights.org/roe-v-wade/> (Accessed: 26th March 2023).
2. *The New York Times*. (2022) Thousands Protest End of Constitutional Right to Abortion. 24th June. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/live/2022/06/24/us/roe-wade-abortion-supreme-court> (Accessed: 26th March 2023).
3. *BBC News*. (2018) Irish abortion referendum: Ireland overturns abortion ban. 26th May. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-44256152> (Accessed: 26th March 2023).
4. *Time*. (2019) After 158 Years U.K. Lawmakers Have Voted to Decriminalize Abortion in Northern Ireland. The Fight's Not Over Yet. 25th July. [Online] Available from: <https://time.com/5634762/northern-ireland-abortion-law-impact/> (Accessed: 26th March 2023).
5. Timofeeva, O.V. (2018) Aborty, kontratseptsiya i diskussiya o roli zhenshchin v obshchestve v politicheskoy povestke sovremennoy Pol'shi [Abortion, contraception and discussion about the role of women in society in the political agenda of modern Poland]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2(4). pp. 485–494.
6. Vershinina, D.B. & Timofeeva, O.V. (2019) Zhenskiy vopros v katolicheskoy strane: traektorii gendernoy politiki v Irlandii i Pol'she kontsa XX – nachala XXI veka (na primere voprosa ob abortakh) [Women's question in a Catholic country: Trajectories of gender policy in Ireland and Poland in the late 20th – early 21st century (the abortion question)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. 3(46). pp. 95–108.
7. Makarova, A.V. (2012) Religioznyy faktor v gendernykh transformatsiyakh v III Rechi Pospolitoj (1989–2000-e gg.) [Religious factor in gender transformations in the Third Commonwealth (1989–2000s)]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and men in the context of historical changes]. Proc. of the Fifth International Conference. Tver, October 4–7, 2012. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2012. T. 1. pp. 207–210.
8. Szlek Miller, S. (1997) Religion and Politics in Poland: The Abortion Issue. *Canadian Slavonic Papers*. 39(1/2). pp. 63–86.
9. Kozub-Karkut, M. (2017) Religia w dyskursie polityki – polski spór o aborcję. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*. 24(2). pp. 237–255.
10. Shatilina, A.S. (2021) Vashe telo ne tol'ko Vashe delo: kommentarij k Postanovleniyu Konstitutsionnogo tribunala Respubliki Pol'sha ot 22 oktyabrya 2020 goda № K 1/20 [Your body is not only your business: a commentary on the Ruling of the Constitutional Tribunal of the Republic of Poland dated October 22, 2020 No. K 1/20]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 3(142). pp. 141–157.
11. The UNO. (2014) *Pekinskaya deklaratsiya i Platforma deystviy* [Beijing Declaration and Platform for Action]. [Online] Available from: https://www.unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/CSW/BPA_R_FINAL_WEB.pdf (Accessed: 26th March 2023).
12. European Institute for Gender Equality. (s.n.) *Reproductive rights*. [Online] Available from: <https://eige.europa.eu/thesaurus/terms/1350> (Accessed: 26th March 2023).
13. Verderly, K. (1996) *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
14. Nagel, J. (1998) Masculinity and nationalism: Gender and sexuality in the making of nations. *Ethnic and Racial Studies*. 21(2). pp. 242–269.
15. Gal, S. & Kligman, G. (2000) *Reproducing Gender: Politics, Publics, and Everyday Life after Socialism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
16. Rochon, A., Grzybek, A., Graff, A. et al. (2010) *Kościół, państwo i polityka plci*. Warszawa: Przedstawicielstwo Fundacji im. Heinricha Bölla w Polsce. [Online] Available from: https://pl.boell.org/sites/default/files/kosciol_panstwo_i_polityka_plci.pdf (Accessed: 26th March 2023).

17. Zubrzycki, J. (2016) Polonia semper fidelis? Natsional'naya mifologiya, religiya i politika v Pol'she [Polonia semper fidelis? National mythology, religion and politics in Poland]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3. pp. 44–78.
18. Poland. (1956) *Ustawa z dnia 27 kwietnia 1956 r. o warunkach dopuszczalności przerywania ciąży* (Dz. U. Nr 12, poz. 61). *Rzeczpospolita Polska*. [Online] Available from: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19560120061/O/D19560061.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
19. Baranowska, M. & Fiktus, P. (2022) Dyskurs polityczny i prawny o ustawie z dnia 27 kwietnia 1956 r. o warunkach dopuszczalności przerywania ciąży. *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 74(1). pp. 253–278. [Online] Available from: <https://pressto.amu.edu.pl/index.php/cph/article/view/34684/30060> (Accessed: 26th March 2023).
20. Poland. (1993) *Ustawa o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach przerywania ciąży : została przyjęta 1 marca 1993 r., Rzeczpospolita Polska*. [Online] Available from: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19930170078/U/D19930078Lj.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
21. Poland. (1997) *Ustawa z dnia 6 czerwca 1997 r. Kodeks karny*, Dz. U. 1997. Nr 88, poz. 553. *Rzeczpospolita Polska*. [Online] Available from: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970880553/U/D19970553Lj.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
22. Poland. (1997) *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej: została przyjęta 2 kwietnia 1997 r., Rzeczpospolita Polska (opracowano na podstawie: Dz. U. z 1997 r. Nr 78, poz. 483, z 2001 r. Nr 28, poz. 319, z 2006 r. Nr 200, poz. 1471, z 2009 r., Nr 114, poz. 946)*. [Online] Available from: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970780483/U/D19970483Lj.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
23. EU. (n.d.) *Lisbon European Council 23 and 24 March 2000. Presidency Conclusion*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm (Accessed: 26th March 2023).
24. EU. (n.d.) *Community framework strategy on gender equality (2001–2005)*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac10932> (Accessed: 26th March 2023).
25. Voronina, O.A. (ed.) (2008) *Gendernoe ravenstvo v sovremennom mire: rol' natsional'nykh mekhanizmov* [Gender equality in the modern world: The role of national mechanisms]. Moscow: MAKSS Press.
26. Wolchik, S.L., Einhorn, B., Rueschemeyer, M. et al. (1993) *Democratic reform and the position of women in transitional economies*. Oxford: Clarendon Press. [Online] Available from: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/Publications/Book/Book-democratic-reform-position-women-transitional-economies.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
27. Hann, C.M., Humphrey, C., Verdery, K. et al. (2001) *Postsocialism. Ideals, ideologies and practices in Eurasia*. London: Routledge.
28. Bystydziński, J.M. (2005) Negotiation the New Market: Women, Families, Women's Organizations and the Economic Transition in Poland. *Journal of Family and Economic Issues*. 26(2). pp. 239–265.
29. Poland. (n.d.) *Prawo i Sprawiedliwość*. [Online] Available from: <https://pis.org.pl/> (Accessed: 26th March 2023).
30. Poland. (n.d.) *Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej*. [Online] Available from: <http://samoobrona.net.pl/> (Accessed: 26th March 2023).
31. Poland. (n.d.) *Radio Maryja*. [Online] Available from: <https://www.radiomaryja.pl/> (Accessed: 26th March 2023).
32. Poland. (n.d.) *Platforma Obywatelska*. [Online] Available from: <https://platforma.org/> (Accessed: 26th March 2023).
33. Poland. (n.d.) *Kongres Kobiet*. [Online] Available from: <https://www.kongreskobiet.pl/> (Accessed: 26th March 2023).
34. Callahan, J.C., Callahan, S., Easterbrook, G. et al. (2001) *The Ethics of Abortion: Pro-Life Vs. Pro-Choice (Contemporary Issues)*. Prometheus.
35. Ralph, D. (2020) *Abortion and Ireland: How the 8th Was Overthrown*. Palgrave Pivot.
36. Amery, F. (2020) *Beyond Pro-life and Pro-choice: The Changing Politics of Abortion in Britain*. Bristol University Press.
37. Poland. (2006) *Projekt ustawy o zmianie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej. 5 września 2006 r.* [Online] Available from: [http://orka.sejm.gov.pl/Druki5ka.nsf/0/79EB9DAFA9F1849FC12571F60033806C/\\$file/993.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/Druki5ka.nsf/0/79EB9DAFA9F1849FC12571F60033806C/$file/993.pdf) (Accessed: 26th March 2023).
38. Poland. (2007) *Głosowanie nad przyjęciem w całości projektu ustawy o zmianie Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej, w brzmieniu proponowanym przez Komisję Nadzwyczajną. Sejm RP. 13.04.2007. Posiedzenie 39 – głosowanie nr 79*. [Online] Available from: [https://orka.sejm.gov.pl/Glos5.nsf/nazwa/39_79/\\$file/glos_39_79.pdf](https://orka.sejm.gov.pl/Glos5.nsf/nazwa/39_79/$file/glos_39_79.pdf) (Accessed: 26th March 2023).
39. Płatek, M. (2016) *Opinia prawna na temat projektu ustawy o zmianie ustawy o planowaniu rodziny, ochronie płodu ludzkiego i warunkach dopuszczalności przerywania ciąży* (Dz. U. z 1993 r. nr 17, poz. 78 ze zm.) oraz ustawy z dnia 6 czerwca 1997 r. – Kodeks karny (Dz. U. nr 88, poz. 553 ze zm.). [Online] Available from: <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/opinia-prawna-na-temat-projektu-ustawy-o-zmianie-ustawy-o-planowaniu-rodziny-ochronie-płodu-ludzkiego-i-warunkach-dopuszczalności-przerywania-cięży> (Accessed: 26th March 2023).
40. *Ordo iuris. Kim Jesteśmy*. [Online] Available from: <https://ordoiuris.pl/kim-jestesmy> (Accessed: 26th March 2023).
41. Korolczuk, E., Kowalska, B., Snochowska-Gonzalez, S. & Ramme, J. (eds) (2019) *Bunt kobiet: czarne protesty i strajki kobiet*. [Online] Available from: <https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/18107/ECSRaportBuntKobiet.pdf?sequence=1&isAllowed=y> pdf (Accessed: 26th March 2023).
42. Poland. (n.d.) *Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r. sygn. akt K 1/20. Rzeczpospolita Polska*. [Online] Available from: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20210000175/O/D20210175.pdf> (Accessed: 26th March 2023).
43. BBC News. (2020) *Poland abortion ruling: Protests spread across the country*. 23rd October. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54669257> (Accessed: 26th March 2023).
44. Poland. (2013) *Obecność Kościoła katolickiego w sferze publicznej demokratycznego państwa prawa. Przykład współczesnej Polski*. Warszawa: [s.n.].
45. *Dziennik Zachodni*. (2014) Deklaracja wiary lekarzy to klauzula sumienia. Kto podpisał deklarację wiary? Lista lekarzy. 30th May. [Online] Available from: <http://www.dziennikzachodni.pl/artykul/3455075,deklaracja-wiary-lekarzy-to-klauzula-sumienia-kto-podpisal-deklaracje-wiary-lista-lekarzy,2,id,t,sa.html> (Accessed: 26th March 2023).
46. Poland. (2020) Komunikat z badań CBOS. O dopuszczalności przerywania ciąży i protestach po wyroku Trybunału Konstytucyjnego. *Centrum Badań Opinii Społecznej*. 153. [Online] Available from: https://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2020/K_153_20.PDF (Accessed: 26th March 2023).
47. Chelstowska, A. (2011) Stigmatisation and commercialization of abortion services in Poland: turning sin into gold. *Reproductive Health Matters*. 19(37). pp. 98–106.
48. EU. (n.d.) *Abortion without borders*. [Online] Available from: <https://abortion.eu/> (Accessed: 26th March 2023).
49. OKO.press. (2020) *Dzwonią kobiety, którym szpital właśnie odwołał aborcję. Pomożemy wszystkim [ROZMOWA]*. 25 października. [Online] Available from: <https://oko.press/dzwonia-kobiety-ktorym-szpital-wlasnie-odwolal-aborcje-pomozemy-wszystkim-rozmowa> (Accessed: 26th March 2023).
50. EU. (n.d.) *A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020–2025 COM/2020/152 final*. [Online] Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0152> (Accessed: 26th March 2023).
51. Zacharenko, E. (2017) Reproductive rights as a social justice issue in the EU. In: Kovats, E. (ed.) *The Future of the European Union: Feminist Perspectives from East-Central*. Budapest: Friedrich-Ebert-Stiftung. pp. 27–36. [Online] Available from: http://fesbp.hu/common/pdf/The_Future_of_the_EU.pdf (Accessed: 26th March 2023).

Сведения об авторе:

Кривошеина Владислава Олеговна – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wladyslawakrivoszeina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Krivosheina Vladislava O. – Postgraduate Student of the Department of World Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wladyslawkrivoszeina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 27.03.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 339.923

doi: 10.17223/19988613/84/14

Влияние российско-украинского конфликта на треугольник отношений Россия–Китай–Индия

Ло Яньчао

Томский государственный университет, Томск, Россия, 1121080390@qq.com

Аннотация. Рассматривается влияние российско-украинского конфликта на китайско-российские и индийско-российские отношения. Приведены исторические справки, проанализирована динамика развития отношений между странами, рассмотрен фактор влияния США и их санкций на треугольник Россия–Китай–Индия. С экономической и финансовой точки зрения именно неуклонный рост напряженности привел к возникновению российско-украинского конфликта, затягивание которого вызывает серьезную озабоченность у всего мира.

Ключевые слова: Китай, Россия, Индия, США, российско-украинский конфликт, двусторонние отношения

Для цитирования: Ло Яньчао. Влияние российско-украинского конфликта на треугольник отношений Россия–Китай–Индия // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 112–118. doi: 10.17223/19988613/84/14

Original article

The Impact of the Russian-Ukrainian Conflict on the Triangle of Russia-China-India Relations

Luo Yanchao

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1121080390@qq.com

Abstract. The article examines the impact of the Russian-Ukrainian conflict on Chinese-Russian and Indian-Russian relations. The relations between Russia, China and India have been improving in recent years. The three countries have a lot of common interests which makes them want to cooperate with each other. In the past, there were many conflicts between the three countries but now they are trying to solve their problems peacefully through negotiations. This article contains historical references and dynamics of the development of relations between countries, analysis of the US factor and their sanctions on the Russia-China-India triangle are given. From an economic and financial point of view, it is the inherent tension that has given rise to serious concerns about the international Russian-Ukrainian conflict. The situation in Ukraine has led to a new cold war between Russia and the west, with the US and EU imposing sanctions on Russia. However, it is not only about economic relations but also about cultural relations as well. The relationships between India and China are very important for Russia as they are two of its largest trading partners. India and Russia have enjoyed strong relationship since the collapse of the Soviet Union, partially as a legacy of the Indo-Soviet partnership during the Cold War. But how will this invasion impact future relations between New Delhi and Moscow? Western sanctions and Russian material losses in the war will make it difficult for Russia to fulfill Indian arms orders, especially if the sanctions regime remains in place for several years, forcing India to turn to other sources of weapons, including the United States. Its increasing isolation from Europe could also force Russia to move even closer to India's rival China, making India less secure. There may be opportunities to improve energy ties between India and Russia, but Western sanctions and geographic barriers will limit any energy gains. A rather unexpected consequence of the Ukraine war, wherein China and India maintained a strategic silence toward Russia when the war initially began, is that each state's respectively cordial relations with Moscow has become a point of concord.

Keywords: China, Russia, India, USA, Russian-Ukrainian conflict, bilateral relations

For citation: Luo Yanchao (2023) The Impact of the Russian-Ukrainian Conflict on the Triangle of Russia-China-India Relations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 112–118. doi: 10.17223/19988613/84/14

Не успев оправиться от последствий эпидемии COVID-19, мир был потрясен другими немаловажными историческими событиями, предвещающими крах современного устоявшегося однополярного мира. Военный конфликт на Украине повлек рекордное количество санкций, введенных западным сообществом против одного государства – России. Активный разворот политики РФ в сторону Востока, в первую очередь Китая и Индии, проходит не так гладко, и виной этому «фактор США» и их санкции [1]. Таким образом, к треугольнику Россия–Китай–Индия добавляются треугольники США–Китай–Индия и США–Россия–Индия; странам приходится с осторожностью искать пути взаимовыгодного сотрудничества, дабы не попасть под санкции Вашингтона.

Невзирая на то, что Китай и Индия являются давними стратегическими партнерами РФ и имеют существенное значение для взаимодействия, нельзя не учитывать фактор влияния США как игрока, присутствующего во всех регионах. И с начала российской спецоперации на Украине Вашингтон заявил о том, что сотрудничество с Россией в любых «подсанкционных» областях повлечет за собой ряд санкций против третьих стран.

Говоря о геополитической геометрии, нельзя не упомянуть так называемый треугольник Киссинджера. Американский политик считал, что в любом треугольнике, где присутствуют Соединенные Штаты, их положение более выгодно, если они поддерживают более высокий уровень отношений с двумя другими странами, чем эти страны между собой. Однако, в отличие от классического треугольника Киссинджера во времена советско-китайского противостояния, сейчас ситуация совершенно иная – у России стабильные и прочные отношения как с Китаем, так и с Индией. Поэтому, стремясь продавить для себя выгодную ситуацию, США пытаются разрушить отношения Москвы с Пекином и Дели, а главным инструментом для этого выступает санкционный шантаж.

Распад Советского Союза, подъем Индии и Китая, напряженность в отношениях между США и Китаем, углубление американо-индийских связей и российско-китайское партнерство, усиленное разрывом России с Западом и военным конфликтом на Украине, оказали глубокое влияние на как на российско-китайские, так и на российско-индийские отношения.

Встреча между президентом Владимиром Путиным и премьер-министром Нарендрой Модии на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в сентябре 2022 г. в Самарканде (Узбекистан), зафиксировала изменения, происходящие в партнерстве между Россией и Индией. Говоря о военной операции Кремля на Украине, Модии в разговоре, равносильном публичному увещанию, сказал Путину, что он «много раз говорил с ним раньше» о необходимости полагаться на дипломатию и идти по пути к миру, чтобы положить конец конфликту, который привел к резкому росту цен на продовольствие и топливо [2]. Си Цзиньпин, который также присутствовал на саммите ШОС, не одобрял СВО, но и не осудил ее открыто; Модии же, напротив, раскритиковал действия Москвы. Индия, хотя и зависела долгое время от России и по-прежнему счи-

тает ее важным партнером, все чаще стремится устанавливать собственные условия своего участия.

Россия и Индия имеют долгую историю дружественных, взаимовыгодных отношений. На протяжении всей холодной войны Советский Союз как сверхдержава имел преимущество в отношениях с Индией, которая была частью сообщества «развивающихся» стран, хотя и одним из лидеров Движения неприсоединения. Распад Советского Союза и последующее снижение международного статуса России изменили баланс в отношениях с Индией, которая превратилась в крупную державу, преобразованную экономическими реформами, начатыми в начале 1990-х гг., а также растущим глобальным присутствием. В продолжающихся дружеских и обширных связях между Москвой и Нью-Дели ни один наблюдатель не назвал бы Индию «младшим партнером».

После начала Россией СВО на Украине 24 февраля 2022 г. эти отношения могут претерпеть еще большую трансформацию по четырем причинам, в числе которых:

- 1) стремление России к еще более тесным связям с Китаем;
- 2) большее значение для России ее связей с Китаем, чем с Индией;
- 3) снижение значимости России во внешнеполитической повестке Индии;
- 4) расширяющиеся отношения Индии в области безопасности с Соединенными Штатами.

Последствия российско-украинского военного противостояния будут ощущаться десятилетиями. В Европе – эпицентре конфликта между Россией и Западом – он разрушил остатки ландшафта безопасности после «холодной войны», спровоцировал исторический разрыв между Россией и остальным континентом и побудил НАТО коренным образом пересмотреть свою позицию в области безопасности [2].

Этот сдвиг следует за длинной чередой событий за три десятилетия после окончания холодной войны, в течение которых отношения России с Западом неуклонно ухудшались. Ключевыми факторами, приведшими к полномасштабному вторжению в Украину, были противодействие России расширению НАТО за счет бывших советских сателлитов, ее несогласие со свержением Соединенными Штатами режима Саддама Хусейна в Ираке, российско-грузинская война 2008 г., военный переворот в Киеве и начало необъявленной войны против русскоговорящего населения на востоке Украины в 2014 г.

Внешняя политика России в первые десятилетия XXI в. руководствовалась двумя целями: углублением партнерства с Китаем, которое недавно Президент РФ В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин охарактеризовали как «безграничную дружбу», и продвижением многополярного мира, в котором коалиция крупных держав во главе с Россией будет ограничивать влияние Соединенных Штатов и их западных союзников. Такая стратегия предусматривает партнерство крупных держав, в которое входят Индия и Китай.

На протяжении большей части путинского срока управление динамикой внутри треугольника Россия–Китай–Индия было относительно легкой задачей, не

требующей особых дипломатических навыков. Отношения с Китаем, которые постепенно улучшались с конца 1980-х гг., значительно расширились после возвращения Путина на пост президента в 2012 г. Его визит в Пекин после отказа присоединиться к лидерам G8 в Кэмп-Дэвиде всего несколькими неделями ранее был символом его приверженности развивать более тесные связи с Китаем [2].

Партнерство между Москвой и Пекином подкрепляется их все более враждебными отношениями с Вашингтоном. В то время как американо-российские отношения ухудшались, американо-китайские отношения также становились все более напряженными по мере того, как амбиции Пекина расширялись вместе с его возможностями, а администрация Барака Обамы «разворачивалась» в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обещала увеличить военное присутствие США там, чтобы успокоить союзников и партнеров с четкой целью сдерживания растущего влияния и амбиций Китая.

Отношения России с Индией развивались по другому сценарию. Индии не уделялось такого же внимания на высшем уровне, как Китаю, по нескольким причинам, важнейшими из которых являются география и геополитика. Для России с ее протяженной границей с Китаем и враждебными отношениями с Западом избегание конфронтации на два фронта является императивом. В противном случае она рискует совершить ту же ошибку, что и Советский Союз во время холодной войны. На протяжении десятилетий Кремль фактически вел сразу две холодных войны – с США и Китаем. Поэтому нормализация отношений с Китаем в конце 1980-х – 1990-х гг. имела первостепенное значение. Более того, в то время как стремление России к еще более тесным связям с Китаем подпитывалось общим геополитическим соперничеством с Соединенными Штатами, в отношениях с Индией не было подобной мотивации. Скорее, подход Москвы к Нью-Дели был обусловлен невозвратными издержками их давних тесных связей: у России не было причин отказываться от присутствия и влияния в Индии, которые она создавала в течение шести десятилетий. Ухудшившиеся обстоятельства России после окончания холодной войны не позволили ей значительно усилить свое влияние в Индии. Между тем по мере роста экономической мощи Индии, расширения геополитических горизонтов ее амбиций и развития ее партнерства с Соединенными Штатами положение России как стратегического и экономического партнера пошло на убыль по сравнению с эпохой холодной войны [2].

Задача России по управлению динамикой внутри этого треугольника, вероятно, значительно усложнится. Нарушив российские отношения с Западом, спецоперация на Украине значительно сократила пространство РФ для геополитического маневра и подтолкнула ее ближе, чем когда-либо прежде, к Китаю, при этом ослабив ее влияние на Пекин. «Безграничное» объятие Китая стало стратегическим императивом. Приоритет Китая во внешней политике России на фоне ухудшения отношений между Китаем и Индией, а также расширение круга партнерских отношений последней усиливают риск серьезного сдвига в российско-индийских

отношениях, возможно, даже вплоть до свертывания их стратегического партнерства, продолжавшегося десятилетиями.

Сочетание окончания холодной войны, динамики в Южной Азии и перегруппировки великих держав привело к серьезным изменениям в отношениях между Индией и Россией, которые все еще продолжаются и почти наверняка будут «подпитываться» конфликтом на Украине. Россия стала единственной страной в мире, против которой введено беспрецедентное количество санкций. Портал Statista приводит следующие цифры: против индивидуальных лиц введено 10 608 санкций, против российских компаний – 3 431; против учреждений – 492 [3].

В то же время в Китае заявляют, что российско-украинский конфликт не изменит внутренней логики и самостоятельного значения развития китайско-российских отношений. В своей работе Чжао Лун [4] отмечает, что за последние годы отношения между Китаем и Россией стали образцом отношений между крупными странами с высокой степенью взаимного доверия, высоким уровнем координации и имеют большую стратегическую ценность. Китайско-российские отношения, несомненно, подвергаются колоссальному давлению со стороны мирового сообщества.

Во-первых, консенсус в отношении поддержания международной системы и порядка проходит «стресс-тест». В условиях конфликта между Россией и Украиной, хотя международная система и не находится в безвыходной ситуации полного краха, ее общая хрупкость и тенденция к локальной дифференциации неизбежны. Приостановка членства России в Совете ООН по правам человека, обсуждение вопроса об исключении России из Совета Безопасности ООН, Всемирной торговой организации и G20 [5], все более ожесточенный «демократически-авторитарный» бинарный оппозиционный нарратив [6], а также формирование «китайско-российской оси» [7] показывают, что возможна «лагерная» реорганизация международной силы, отмеченная исключительной безопасностью и противоположными ценностями. В этом контексте право России определять глобальную повестку дня и участвовать в многосторонних делах может быть ущемлено. Китай и Россия также столкнутся с беспрецедентными стресс-тестами и институциональными издержками, когда они будут совместно поддерживать международную систему, ядром которой являются Организация Объединенных Наций, международный порядок, основанный на международном праве и консенсусе «подлинной многосторонности».

Во-вторых, возрастают как возможности, так и риски углубления практического сотрудничества. Преимущества глобализации для всех, вероятно, исчезнут из-за совокупного воздействия COVID-19 и российско-украинского конфликта. Трудно повернуть вспять тенденцию превращения в оружие финансов, технологий и энергетики, а также реструктуризации безопасности международных цепочек производства, поставок, инноваций и создания стоимости. С точки зрения возможностей китайско-российские отношения станут ключевыми для избавления России от политической

изоляции, экономических затруднений и технологической блокады. Спрос на Китай в энергетике, науке и технике, инвестициях и финансах будет сильнее. Китайские рынок, капитал, технологии и таланты могут заполнить вакуум, образовавшийся в результате «разъединения» США и Европы с Россией. Но в то же время затяжной конфликт между Россией и Украиной дал Соединенным Штатам, Европе, Японии и другим странам возможность ужесточить санкции, что серьезно повлияло на ожидания России в области экономического развития, финансовый рынок и инвестиционную среду. Использование финансовых санкций «ядерного класса», таких как SWIFT, инициированный Россией «делистинг российских акций» [8], попытка обрушить «нефтедолларовую» гегемонию с помощью «газового рубля» [9] увеличат внешние риски углубления практического сотрудничества между Китаем и Россией. Китайские предприятия или физические лица могут столкнуться с риском «вторичных санкций» при сотрудничестве с Россией, в том числе быть включенными в список граждан особого назначения и лиц, находящихся под блокадой США. Россия сталкивается с препятствиями при заключении контрактов по зарубежным проектам, трансграничных инвестициях и торговых расчетах.

В-третьих, нужно скоординировать стратегическое позиционирование и дипломатический фокус. Для РФ конфликт с Украиной приведет к глубокому идеологическому и этическому «водоразделу» между Россией и ЕС [10]. Поскольку ЕС предложил избавиться от своей зависимости от российских энергоносителей до 2027 г. [11], рычаги влияния энергетического сотрудничества на отношения Россия–ЕС заканчиваются. Импульс США воспользоваться российско-украинским конфликтом для «изоляции» России также ограничит готовность обеих сторон и пространство для компромисса. Стратегическая ориентация России может сместиться с дебатов о «цивилизационной принадлежности» на самостоятельный консенсус «цивилизационного исключения», а незападный мир и «взгляд на восток» станут приоритетом ее внешней политики [12]. По сравнению с российской «дипломатической опорой» китайская дипломатия по-прежнему настаивает на построении рамок отношений с крупными странами, отличающихся общей стабильностью и сбалансированным развитием. Всесторонне продвигая китайско-российское всеобъемлющее стратегическое партнерство координации в новую эпоху, Китай подчеркивает, что рассматривает и регулирует китайско-американские отношения в соответствии с принципами взаимного уважения, мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Китай и ЕС как две основные силы, два основных рынка и две основные цивилизации в мире имеют широкие общие интересы и прочную основу для сотрудничества. В будущей игре великих держав между Китаем, Россией, Соединенными Штатами и Европой инициативный статус России и оперативные исследовательские возможности изменятся, и Китай и Россия столкнутся с необходимостью перекоординации стратегического позиционирования и дипломатических направлений.

Чжау Лун полагает, что необходимо сохранять способность рационально рассматривать конфликты, чтобы изменить внутреннюю логику китайско-российских отношений [4]. Во-первых, Китай и Россия не воспользуются возможностью сформировать союз или создать «антизападный» единый фронт. Многие эксперты считают, что перед лицом стратегического давления так называемого «коллективного Запада» и американской стратегии «двойного сдерживания», особенно в условиях беспрецедентных санкций и изоляции России из-за российско-украинского конфликта, Китай и Россия будут вынуждены встать на давно обсуждаемый диалог, путь союзничества, укрепить связку стратегии и интересов, создать так называемый «антизападный» единый фронт. Фактически союз Китая и России идет вразрез с историческим опытом развития отношений между двумя странами и не соответствует позиционированию друг друга. Судя по историческому опыту, Китай трижды пытался заключить союз с Россией (Советским Союзом) в новое время, включая «Китайско-русский секретный договор», подписанный цинским правительством и царской Россией в 1896 г., «Китайско-советский договор о дружбе и сотрудничестве», подписанный правительствами Китайской Республики и Советского Союза в 1945 г., и «Китайско-советский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», подписанный правительствами КНР и СССР в 1950 г.

Однако результаты показывают, что три попытки альянса не привели к реализации общей обороны, не способствовали построению равноправных и взаимовыгодных отношений между Китаем и Россией, не смогли разрешить разногласия в идеологии и национальных интересах и даже однажды привели к войне друг с другом, что в конечном итоге стало «провалом» в истории двусторонних отношений. Основываясь на данном опыте, Китай и Россия подписали ряд исторических политических договоров, таких как «Договор о добрососедстве и дружбе между Китаем и Россией», закрепив в юридической форме концепцию вечной дружбы, передающейся из поколения в поколение. «Золотой стандарт» китайско-российских отношений – «неприсоединение к конфронтации и не нацеливание на какую-либо третью сторону», подтвержденный историей и реальностью, не будет изменен хаосом политическим и хаосом в сфере безопасности, вызванным конфликтом на Украине.

Кроме того, Китай и Россия (особенно Китай) и «коллективный Запад» очень взаимозависимы с точки зрения экономики, торговли, науки и техники, а также гуманитарных наук. В 2021 г. АСЕАН, Европейский Союз, США, Япония и Южная Корея входили в пятерку крупнейших торговых партнеров Китая, из которых на Европу, Америку, Японию и Южную Корею приходилось 38% общего объема внешней торговли Китая [4]. Европейский Союз является торговым партнером номер один для России, на его долю приходится 37% всего объема внешней торговли России. Хотя торговля между Россией и Европой может постепенно сокращаться из-за таких мер, как снижение энергетической зависимости, этот процесс не может быть завершен

в одночасье. Несмотря на то, что некоторые страны пропагандируют «технический национализм», мир еще не раскололся на две несовместимые системы с точки зрения научных норм и технических стандартов. Поэтому у Китая и России нет объективной материальной базы для построения единого «антизападного» фронта. На субъективном уровне создается впечатление, что Китай и Россия сближаются в рамках «антизападного» консенсуса, что обусловлено ответом на стратегический прессинг США и усиливающееся «демократически-авторитарное» идеологическое противостояние. Однако это «оборонительное взаимодействие» в ответ на запугивание и односторонние санкции, а не наступательный единый фронт с «антизападной» целью.

Во-вторых, конфликты не приведут к дефициту взаимного доверия между Китаем и Россией, а «санкционная угроза» не сможет помешать углублению стратегической координации. После начала российско-украинского конфликта китайско-российские отношения подвергаются испытаниям, Китай столкнулся с дилеммой между Соединенными Штатами и Россией, а китайско-российское военное сотрудничество может углубиться. Некоторые страны даже угрожают Китаю санкциями, чтобы тот отказался от сотрудничества с Россией. Следует отметить, что Китай не просто «встал на чью-то сторону» в конфликте между Россией и Украиной, исходя из западной логики, а вынес независимые суждения, исходя из существа и национальных интересов произошедшего. Поддерживая законные интересы России в области безопасности, Китай подчеркнул, что уважает и гарантирует суверенитет и территориальную целостность всех стран, включая Украину, и искренне соблюдает цели и принципы Устава ООН. Это показывает, что Китай и Россия имеют разные взгляды на некоторые международные и региональные вопросы и по-разному реализуют свои требования, но это не мешает общей стратегической координации между Китаем и Россией, поскольку взаимное доверие между Китаем и Россией основано на общем понимании международной честности и справедливости, суждении о мировых тенденциях и взаимном согласовании соответствующих национальных интересов. КНР и РФ могут поддерживать высокую степень внутренней устойчивости и внешней гибкости. В то же время, поскольку эти две страны не следуют логике альянса «ни враг, ни друг» или логике идентичности «мы другие», стратегическая координация Китая и России не будет отчуждена из-за различий в позициях и не может быть разделена из-за отчуждающих интересов внешнего мира. В то же время в трехстороннем взаимодействии Китая, США и России тенденция параллельного развития двусторонних отношений не будет нарушена. Невозможно пытаться провоцировать логику «треугольника холодной войны», чтобы «объединить Россию для противостояния Китаю», или угрожать и оказывать давление на Китай, чтобы он сделал «судьбоносный выбор» в отношениях между Китаем и Россией, а также Китаем и Западом.

В-третьих, внутренняя движущая сила и независимая ценность китайско-российских отношений станут более заметными. Китай и Россия являются крупней-

шими соседями друг друга, общая граница которых составляет 4 300 км. Оба постоянных члена Совета Безопасности ООН, Китай и Россия являются опорными силами для обеспечения международного мира и стабильности. И Китай, и Россия – важные развивающиеся рынки с взаимодополняющие экономические и торговые структуры. Объем их двусторонней торговли увеличился с 8 млрд долл. США в 2000 г. до 146,8 млрд долл. США в 2021 г. [13], перейдя от простой торговли на новый уровень совместных исследований и разработок, совместного производства и согласования стратегий развития. Трансграничная электронная коммерция, цифровая экономика, сельское хозяйство, туризм и торговля услугами все чаще становятся новыми драйверами и областями роста, которые идут рука об руку с традиционными стратегическими проектами. Китай и Россия являются ключевыми игроками в региональном и многостороннем сотрудничестве, возглавляя развитие таких механизмов, как Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС и G20. Будучи крупнейшими соседями, Китай и Россия имеют общую географическую среду, несут международную ответственность, имеют сравнительные преимущества и взаимодополняемость в развитии, что является внутренними движущими силами быстрого развития двусторонних отношений. На эти «постоянные факторы» российско-украинский конфликт не повлияет. У Китая и России нет ни намерения, ни условий для заключения союза, и Китай не обязан прерывать нормальные экономические и торговые отношения с Россией. Кроме того, целью укрепления всесторонней стратегической координации между Китаем и Россией является не «экспансия власти» на основе статуса силы, а выполнение обязательств крупных стран по защите общих интересов международного сообщества. Укрепление двусторонней стратегической координации не нацелено на какую-либо третью страну и не зависит от изменений международной ситуации. Поскольку в традиционной политике альянса не существует таких вещей, как ограничение ответственности, обмен интересами и «отношения между господином и рабом», стратегическая координация между Китаем и Россией не требует создания «воображаемых врагов» или разграничения «сфер влияния», используя российско-украинский конфликт в своих интересах. Сотрудничеству двух стран не нужно выходить за пределы их соответствующей стратегической воли и возможностей, а тем более за пределы разумных требований и потребностей развития.

Несомненно, разделение и сочетание глобальных сил, раскол и восстановление порядка, столкновение и слияние идеологических течений, а также турбулентность и изменения во всем мире, вызванные побочными эффектами российско-украинского конфликта, будут продолжаться. Как справиться с новыми вызовами в государственном устройстве, мировом порядке и глобальном управлении в «постконфликтную» эпоху, – станет приоритетной задачей развития китайско-российских отношений.

В первую очередь КНР необходимо усилить конструктивную координацию на глобальном и многостороннем уровнях, чтобы стать «стабилизатором» перед

лицом бурных изменений. Хотя китайско-российская стратегическая координация является двусторонними отношениями, она имеет глобальное значение и напрямую касается региональной и мировой стабильности. Ввиду дискуссий о порядке возвращения к «Ялте» (раздел сфер влияния) или «Вене» (координация и баланс сил между крупными державами), которые могут быть вызваны конфликтом между Россией и Украиной, мир может вернуться от «взаимодействия Север–Юг», в котором преобладает повестка дня в области развития, к «борьбе между Востоком и Западом», в которой преобладает повестка дня в области безопасности, а также когнитивный разрыв и конфликт концепции безопасности, концепции порядка и ценностей различных стран. Китаю и России необходимо сформировать «конструктивную координацию» в поддержании мира, стабильности и развития во всем мире, поддержании стабильного функционирования международного порядка, отстаивании общечеловеческих ценностей и совершенствовании глобального управления. КНР и РФ должны воспрепятствовать какой-либо силе проводить «деструктивную перестройку» международной системы, ядром которой является ООН, международный порядок, основанный на международном праве и основных нормах, регулирующих международные отношения, на основе целей и принципов Устава ООН, и предотвратить скатывание мира к «новой холодной войне».

Следующий шаг – придерживаться «отсутствия верхнего предела» двустороннего взаимного доверия между Китаем и Россией, но в то же время прояснить его суть. До того как разразился российско-украинский конфликт, Китай в совместном заявлении повторил позицию России о «противодействии расширению НАТО на восток», а также предложил «понимать и поддерживать соответствующие предложения России по созданию юридически обязывающей долгосрочной гарантии европейской безопасности». Причиной тому не «неограниченное» взаимное доверие между Китаем и Россией, а общая, всеобъемлющая, совместная и устойчивая новая концепция безопасности, которую отстаивает Китай, в рамках которой безопасность одной страны не должна обеспечиваться за счет других, а региональная безопасность не должна гарантироваться за счет укрепления и расширения военных блоков. Кроме того, перед лицом стратегического импульса Соединенных Штатов укреплять альянс «Пять глаз», продвигать «четырёхсторонний механизм», собирать воедино «трехстороннее партнерство в сфере безопасности» и пытаться создать «индо-тихоокеанскую версию маленького НАТО», Китай впервые дал понять, что «противодействие расширению НАТО на восток» также основано на глобальном уровне. Это не «обязательная позиция», связанная с требованиями безопасности России. Следует сказать, что суть «безграничного взаимного доверия» между Китаем и Россией заключается в достижении баланса между их соответствующими требованиями и взаимным согласием, балансом

между национальными интересами и общими интересами международного сообщества, а также между принципами «взаимопомощи» и «единомышленников», чтобы взаимное доверие между Китаем и Россией стало «качественным активом» в защите основных международных норм и принципов и поддержании честности и справедливости в мире.

Возникновение конфликта между Россией и Украиной показывает, что у Китая, Индии и России есть общее понимание несправедливости, иррациональности и несовершенства международной системы и порядка и есть различия в выборе решений. Китай и Индия делают упор на реформирование и совершенствование международного порядка на основе его тщательного поддержания, тогда как Россия стремится к его реконструкции или «прекращению» и даже рассматривает классические военные конфликты как один из способов обратить вспять политический процесс.

Подводя итог, отметим, что хотя конфликт между Россией и Украиной может подвергнуть существующий консенсус между Китаем и Россией стресс-тесту, перекоординировать стратегическое позиционирование и дипломатическую направленность и привести к кризисам в практическом сотрудничестве, он не изменит внутреннюю логику развития китайско-российских двусторонних отношений, не приведет к возникновению «антизападного» альянса и не вызовет дефицита взаимного доверия между Китаем и Россией; эндогенная сила и независимая ценность китайско-российских отношений станут более заметными. Укрепление конструктивной координации на глобальном и многостороннем уровнях, прояснение практических результатов при соблюдении взаимного доверия «без потолка» и отстаивание «отсутствия ограниченных зон» для сотрудничества при подчеркивании ценностной ориентации – вот путь, по которому китайско-российские отношения перейдут на более высокий уровень и станут более качественными.

Однако российско-индийские отношения претерпели перебалансировку. Этого и следовало ожидать, учитывая радикально изменившиеся обстоятельства обеих стран и их геополитические приоритеты. Баланс в отношениях решительно сместился в пользу Индии. Это связано с ее послужным списком экономического развития и превращением в великую державу с растущими амбициями. Но это также отражает проблемы, с которыми сталкивается Индия в результате еще более впечатляющего роста экономической и военной мощи Китая и, как следствие, усиления его глобального влияния и статуса. Вопрос в том, какое место занимает Россия в этой новой динамике, учитывая ее приверженность «безграничному» партнерству с Китаем и одновременное намерение защитить свои многолетние инвестиции в отношения с Индией. На это в равной степени должны ответить Москва и Нью-Дели, поскольку Индия также много вложила в двусторонние отношения.

Список источников

1. Уянаев С.В. Россия-Китай-Индия-США: сложное переплетение «киссинджеровских треугольников» // Интерфакс. 2022. 17 апр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/835350> (дата обращения: 28.12.2022).

2. Menon R., Rumer E. Russia and India: A New Chapter // Carnegie Endowment for International Peace. 2022. 20 Sept. URL: <https://carnegieendowment.org/2022/09/20/russia-and-india-new-chapter-pub-87958> (accessed: 02.01.2023).
3. Total number of list-based sanctions imposed on Russia by territories and organizations worldwide from February 22, 2022 to February 10, 2023, by target // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1293531/western-sanctions-imposed-on-russia-by-target/> (accessed: 18.01.2023).
4. Чжао Лун. Сто дней российско-украинского конфликта: куда катится мир? // China US Focus. 2022. 16 июня. URL: <http://cn.chinausfocus.com/foreign-policy/20220616/42619.html> (дата обращения: 02.01.2023).
5. Shalal A., Strzelecki M. Russia's G20 membership under fire from U.S., Western allies // Reuters. 2022. 23 March. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/poland-pushes-call-russia-be-excluded-g20-2022-03-22/> (accessed: 22.01.2023).
6. Applebaum A. There is no Liberal World Order, unless democracies defend themselves, the forces of autocracy will destroy them // The Atlantic. 2022. 31 March. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2022/05/autocracy-could-destroy-democracy-russia-ukraine/629363/> (accessed: 12.01.2023).
7. Stent A. Russia and China: Axis of revisionists? // Brookings. 2020. February. URL: <https://www.brookings.edu/research/russia-and-china-axis-of-revisionists/> (accessed: 12.01.2023).
8. Galouchko K. Russian Lawmakers to Ban Stock Listings on Foreign Exchanges // BQ Prime. 2022. 7 April. URL: <https://www.bloombergquint.com/politics/russian-lawmakers-to-ban-stock-listings-on-foreign-exchanges> (accessed: 12.01.2023).
9. Putin orders to supply gas to unfriendly countries for rubles only // TASS. 2022. 23 March. URL: <https://tass.com/economy/1426397> (accessed: 08.01.2023).
10. Лукьянов Ф. Между Россией и ЕС прокладывается серьезный водораздел // Россия в глобальной политике. 2022. Апрель. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mezhdu-rossiej-i-es-vodorazdel/> (дата обращения: 08.01.2023).
11. Joint Statement between the European Commission and the United States on European Energy Security // European Commission. 2022. 25 March. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_2041 (accessed: 18.01.2023).
12. Тренин Д. Кто мы, где мы, за что мы – и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Апрель. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kto-my-gde-my/> (дата обращения: 18.01.2023).
13. Информационное бюро Госсовета провело пресс-конференцию о ситуации с импортом и экспортом за весь 2021 год. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/15/content_5668472.html (дата обращения: 18.01.2023).

References

1. Uyanaev, S.V. (2022) Rossiya-Kitay-Indiya-SShA: slozhnoe perepletienie "kissindzherovskikh treugol'nikov" [Russia-China-India-USA: The complex interweaving of "Kissinger triangles"]. *Interfaks*. 17th April. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/835350> (Accessed: 28.12.2022).
2. Menon, R. & Rumer, E. (2022) Russia and India: A New Chapter. *Carnegie Endowment for International Peace*. 20th September. [Online] Available from: <https://carnegieendowment.org/2022/09/20/russia-and-india-new-chapter-pub-87958> (Accessed: 2nd January 2023).
3. Statista. (2023) Total number of list-based sanctions imposed on Russia by territories and organizations worldwide from February 22, 2022 to February 10, 2023, by target. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/1293531/western-sanctions-imposed-on-russia-by-target/> (Accessed: 18th January 2023).
4. Zhao Long. (2022) Sto dney rossiysko-ukrainskogo konflikta: kuda katitsya mir? [One Hundred Days of the Russian-Ukrainian Conflict: Where is the World Heading?]. *China US Focus*. 16th June. [Online] Available from: <http://cn.chinausfocus.com/foreign-policy/20220616/42619.html> (Accessed: 2nd January 2023).
5. Shalal, A. & Strzelecki, M. (2022) Russia's G20 membership under fire from U.S., Western allies. *Reuters*. 23rd March. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/world/europe/poland-pushes-call-russia-be-excluded-g20-2022-03-22/> (Accessed: 22nd January 2023).
6. Applebaum, A. (2022) There is no Liberal World Order, unless democracies defend themselves, the forces of autocracy will destroy them. *The Atlantic*. 31st March. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2022/05/autocracy-could-destroy-democracy-russia-ukraine/629363/> (Accessed: 12th January 2023).
7. Stent, A. (2020) Russia and China: Axis of revisionists? *Brookings*. February. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/research/russia-and-china-axis-of-revisionists/> (Accessed: 12th January 2023).
8. Galouchko, K. (2022) Russian Lawmakers to Ban Stock Listings on Foreign Exchanges. *BQ Prime*. 7th April. [Online] Available from: <https://www.bloombergquint.com/politics/russian-lawmakers-to-ban-stock-listings-on-foreign-exchanges> (Accessed: 12th January 2023).
9. TASS. (2022) Putin orders to supply gas to unfriendly countries for rubles only. 23rd March. [Online] Available from: <https://tass.com/economy/1426397> (Accessed: 8th January 2023).
10. Lukyanov, F. (2022) Mezhdru Rossiei i ES prokladyvaetsya ser'eznyy vodorazdel [A serious watershed is being laid between Russia and the EU]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/mezhdu-rossiej-i-es-vodorazdel/> (Accessed: 8th January 2023).
11. European Commission. (2022) Joint Statement between the European Commission and the United States on European Energy Security. 25th March. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_2041 (Accessed: 18th January 2023).
12. Trenin, D. (2022) Kto my, gde my, za chto my – i pochemu [Who we are, where we are, what we are for – and why]. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/kto-my-gde-my/> (Accessed: 18th January 2023).
13. China. (2022) Informatsionnoe byuro Gossoveta provelo press-konferentsiyu o situatsii s importom i eksportom za ves' 2021 god [The State Council Information Office held a press conference on the situation of imports and exports for the entire year of 2021]. [Online] Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2022-01/15/content_5668472.html (Accessed: 18th January 2023).

Сведения об авторе:

Ло Яньчао – аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 1121080390@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Luo Yanchao – PhD student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1121080390@qq.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 25.01.2022; accepted for publication 03.07.2023

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 93/94/72

doi: 10.17223/19988613/84/15

Фотоальбом «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе». Из истории изучения и сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД в конце XX в.

Владимир Григорьевич Дацышен

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, Красноярский государственный педагогический университет, Красноярск, Россия, dazishen@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения историко-культурного наследия КВЖД. В работе ставится проблема введения в научный оборот в качестве исторических источников по истории сохранения русского историко-архитектурного наследия в Маньчжурии работ русских реэмигрантов – выходцев из Китая. Представлен фотоальбом «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе» как наиболее содержательный исторический источник, отражающий первый этап изучения в России историко-архитектурного наследия КВЖД русскими реэмигрантами.

Ключевые слова: Китайская Восточная железная дорога, историко-архитектурное наследие, русские реэмигранты

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия», <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

Для цитирования: Дацышен В.Г. Фотоальбом «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе». Из истории изучения и сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД в конце XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 119–126. doi: 10.17223/19988613/84/15

Original article

Photo album “Harbin of the twenties and forties in a modern city”. From the history of the study and preservation of the historical and architectural heritage of the CER at the end of the 20th century

Vladimir G. Datsyshen

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dazishen@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of studying the historical and cultural heritage of the CER. The paper raises the problem of introducing the works of Russian emigrants, immigrants from China, into scientific circulation as historical sources on the history of the preservation of the Russian historical and architectural heritage in Manchuria, primarily in the city of Harbin. In Russia, the study of the Russian historical and architectural heritage in Northeast China began in the 1990s. Architects were engaged in this process, and historical documents were the basis of the research. The first study on the history of Russian architecture in Northeast China was carried out in Novosibirsk, then for more than two decades, the monopoly on the study of the history of Russian architectural heritage passed to the Khabarovsk residents. In the works of the early 2000s the researchers pointed out that the sources already contained materials from “natural

surveys". In recent years, historians and representatives of other scientific specialties have actively begun to study the issues of preserving and studying the historical and architectural heritage of the CER. For further study of this problem, it is necessary to expand the source base of research. Among the first to show interest in Russian heritage in the post-Soviet era were Russian immigrants from China, who remained contemporaries of an epoch they studied as carriers of studied culture. In the 1990s emigrants, known as "Harbiners", joined public life, restored ties with China, and began to actively visit their native places. They actively published the materials collected in China and impressions of what they saw in their homeland in the periodicals of their public organizations. The works of re-emigrants from China are also historical sources for researchers. This article presents a photo album "Harbin in the twenties and forties in a modern city." This album was the result of many years of searching work by G.A. Myslina, one of the organizers of the social movement "Kharbintsev" in Russia. This photo album remains the most informative historical source, reflecting the first stage in the study of the historical and architectural heritage of the CER by Russian emigrants in Russia.

Keywords: Chinese Eastern Railway, historical and architectural heritage, Russian emigrants from China

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-48-00004 "Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection", <https://rscf.ru/project/23-48-00004/>

For citation: Datsyshen, V.G. (2023) Photo album "Harbin of the twenties and forties in a modern city". From the history of the study and preservation of the historical and architectural heritage of the CER at the end of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 119–126. doi: 10.17223/19988613/84/15

Историко-культурное наследие русско-китайского взаимодействия в Северо-Восточном Китае вызывает неизменный интерес у российских исследователей на протяжении нескольких десятилетий. Он обусловлен как потребностями более глубокого изучения сложной и противоречивой истории России, русской культуры во всем ее разнообразии, с учетом опыта развития русской культуры в эмиграции, так и необходимостью использования исторического опыта русско-китайского взаимодействия для успешного сотрудничества между Россией и Китаем на современном этапе их развития.

Важнейшей составляющей культурного наследия русских в Китае остается историко-архитектурное наследие первой половины XX в. на КВЖД. Сегодня здания и сооружения «в русском стиле» являются визитной карточкой Харбина и ряда других городов Хэйлунцзяна, они привлекают внимание китайских туристов, вызывают интерес у многих русских, связавших свою жизнь с Китаем. Однако современное состояние русского историко-архитектурного наследия в Китае отражает не только историю русской эмиграции, но и периоды забвения, сознательного разрушения, первых попыток сохранения и реконструкции зданий и сооружений, построенных русскими. После отъезда подавляющего большинства русских эмигрантов из Северо-Восточного Китая историческая и культурная ценность данной архитектуры для местного населения надолго потеряла актуальность, а в годы «Культурной революции» многими она воспринималась как символ чужого и враждебного. Понадобилось более четверти века, прежде чем китайские власти и общество впервые обратили внимание на необходимость сохранения культурного наследия русской эмиграции в Хэйлунцзяне.

В российской науке интерес к русскому историко-культурному наследию в Китае резко возрос в постсоветскую эпоху [1]. В конце 1996 г. в Новосибирске была защищена первая кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры, посвященная «особенностям архитектуры Китайско-

Восточной железной дороги» [2]. В качестве одного из источников для исследования был привлечен изданный в 1988 г. в Харбине фотоальбом «Архитектура Харбина»; автор указывает, что на основе этого альбома «можно судить о современном состоянии зданий периода строительства КВЖД» [2. С. 2]. В начале 2000-х гг. дальневосточные архитекторы опубликовали первые обобщающие исследования по истории русской архитектуры в Северо-Восточном Китае [3]. Исследователи в дополнение к анализу исторических документов провели «натуральные обследования». Н.П. Крадин писал: «Натурное обследование и фотофиксация позволили определить масштабы сохранившегося архитектурного наследия Харбина, типологию зданий и их стилистику, проследить влияние первоначальной планировки города на его современную структуру» [3. С. 82]. В работе С.С. Левашко указано, что она качестве источников использовала «материалы натурных обследований автора (2000–01)» [4. С. 143]. Однако проблемы современного состояния и сохранения памятников историко-архитектурного наследия в данных работах не поднимались.

В последние годы исследователи продолжают работу по изучению русского историко-архитектурного наследия КВЖД. В 2015 г. в Хабаровске вышло совместное русско-китайское исследование «Архитектурное наследие Харбина» [5]. На страницах этого издания наряду с историческими фотографиями зданий, построенных в первой половине XX в., имеются и современные фотографии, но без датировки и пояснений о их состоянии, сохранности, проблемах реконструкции. В том же 2015 г. известные исследователи русской культуры в Маньчжурии выпустили в Благовещенске монографию «Русский Харбин» [6]. Первую главу, «Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина», написала уже упоминавшийся выше специалист по истории русской архитектуры в Китае С.С. Левашко. И здесь, в отличие от первых работ, рассмотрена проблема сохранения историко-архитектурного наследия: последний параграф этой главы называется

«Китайский опыт сохранения архитектурного наследия, 1990-е – 2013 гг.» [6. С. 68–72]. Однако автор основное внимание уделила 2000-м гг., относительно 1990-х гг. было лишь отмечено, что в 1997 г. Центральная улица в Харбине стала пешеходной.

С 2018 г. значимой площадкой для рассмотрения вопросов сохранения русского исторического наследия на КВЖД стала организуемая Русским клубом в Харбине международная научно-практическая конференция, посвященная прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. В сборнике материалов первой конференции была опубликована статья аспиранта кафедры философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета Дин Сян «Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине». В работе показана не только история русского строительства в Харбине, но и проблемы сохранения историко-архитектурного наследия. Дин Сян указывает, что до 1984 г. в Харбине было разрушено более половины зданий «старой архитектуры», и лишь с 1984 г. власти Харбина начали политику сохранения русского историко-архитектурного наследия, «приступили к разработке конкретных мер по охране и, если нужно, реставрации» 68 памятников «русской архитектуры» [7. С. 128].

В сборнике материалов второй конференции, посвященной прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае, уже был выделен раздел «Памятники российского исторического присутствия на Северо-Востоке Китая» [8. С. 224–269. В этот раздел было включено пять статей, в том числе работы молодого исследователя Е.В. Глатоленковой «Наследие русской архитектуры в поселениях вдоль бывшей Китайско-Восточной железной дороги» и председателя Русского клуба С.Ю. Ерёмкина «Опыт изучения и восстановления православного участка кладбища Хуаншань в пригороде Харбина». Старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды Тихоокеанского государственного университета в Хабаровске Е.В. Глатоленкова соглашается с мнением других исследователей о том, что «недостаточная сохранность городов – бывших станций КВЖД – затрудняет их изучение» [9. С. 225]. В работе описано состояние построек, проиллюстрированное современными фотографиями зданий и сооружений, построенных в «русский» период истории КВЖД.

В 2022 г. в Москве вышло большое обобщающее исследование А.В. Огорокова и М.А. Огороковой «Русские православные храмы в Китае», выполненное в НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата Дмитрий Петровский в предисловии к этой работе написал: «Настоящий труд... предоставляет уникальную возможность в полноте познакомиться со значительным культурным и духовным наследием России в Китае. Богатый фактический и иллюстративный материал... дает новый образ Китая для жителей современной России» [10. С. 4]. Историко-архитектурное наследие КВЖД в данном исследовании рассмотрено в разделе «Северо-Восточный Китай». Здесь представлены фотографии, рисунки и чертежи церквей, построенных русскими в Харбине, с опи-

санием истории их постройки и функционального назначения. В данном исследовании специально не рассматривается проблема сохранности русского историко-архитектурного наследия в современном Китае. Однако на страницах издания встречаются такие фотографии, как «Церковь Успения Пресвятой Богородицы. Современный вид. Фото 2015 г.» [10. С. 202], несколько современных фотографий Покровского и Свято-Алексеевского храмов в Харбине. Отдельно можно выделить представление в этой работе здания Иверской церкви в Харбине, кроме исторических и современных фотографий здесь представлены две фотографии «Внешний вид и архитектурные элементы фасадов Иверского храма до реставрации» и фотография «Начало реставрации храма» [10. С. 268–269].

Кроме Харбина, в исследовании представлены храмы, построенные в других местах КВЖД. Говоря о «Часовне Рождества Честного и Славного Предтечи Господня Иоанна» авторы указывают: «В 1995 году на средства местных властей... часовня была отреставрирована» [10. С. 297]. Описывая церковь в Суйфэньхэ, авторы пишут: «В 2000 году церковь была отреставрирована силами энтузиастов и краеведов. В 2006 году правительством Китая было принято решение восстановить часть русских исторических зданий, включая Свято-Никольский храм» [10. С. 320]. В части, посвященной церкви в Хайлине, указывается: «В 2017–2018 годах по инициативе местной китайской администрации и при поддержке Русского клуба в Харбине по сохранившимся чертежам храм был отреставрирован. В настоящее время в церкви Пресвятой Богородицы – единственном деревянном православном храме, сохранившемся в Китае, располагается музей. Здание охраняется государством как памятник истории и архитектуры» [10. С. 328]. В работе есть фотографии храма Успения Божией Матери в г. Ичунь, который в 1982 г. был взят под охрану местными властями как исторический памятник. Среди других сохранившихся сегодня памятников историко-культурного наследия в Харбине исследователи показали и описали «Приют для маленьких детей “Ясли”. Фото 2019 г.» [10. С. 367]. При описании ст. Пограничная дана фотография «Мемориальный музей связи. Здание построено в 1913 году для общежития российских служащих КВЖД» [10. С. 317]. Таким образом, в исследовании показана, с демонстрацией в качестве иллюстраций фотографий, история сохранения и реконструкции на протяжении последних сорока лет восьми зданий в Харбине и других населенных пунктах КВЖД, отражающих историко-архитектурное и культурное наследие русской эмиграции в Китае.

Подводя итог обзору научных публикаций по проблеме русского историко-архитектурного наследия КВЖД, можно констатировать, что первое исследование по истории русской архитектуры в Северо-Восточном Китае было выполнено в Новосибирске в середине 1990-х гг. Затем на протяжении более двух десятилетий монополия на исследования по истории русского архитектурного наследия перешла к хабаровчанам. Издавали работы по этой теме в России только архитекторы. И лишь в последние несколько лет география

и специализация исследователей значительно расширились. К изучению данной проблемы в России подключились и китайские аспиранты, в основном обучающиеся в Санкт-Петербурге [7, 11]. В последние годы исследователи уже обозначили расширение круга вопросов, связанных с русским историко-архитектурным наследием, в нескольких работах подняты и рассмотрены «проблемы охраны и использования построек русских архитекторов» [12. С. 180]. Однако история изучения и сохранения историко-архитектурного наследия КВЖД в конце XX в. до сих пор остается в российской науке слабоизученной.

Для дальнейшего развития исследований по проблемам историко-архитектурного наследия КВЖД необходимо введение в научный оборот новых исторических источников. Особый интерес для современных исследователей представляет опыт изучения историко-культурного наследия русско-китайского взаимодействия на начальном его этапе, в первые годы истории современной России, сразу после восстановления отношений между двумя странами – в 1990-е гг. В числе первых исследователей были русские реэмигранты, которые оставались современниками изучаемой ими эпохи, носителями изучаемой культуры. Работы реэмигрантов из Китая являются для исследователей и собственно историческими источниками.

Интерес русских реэмигрантов к историко-культурному наследию КВЖД в конце XX в. был обусловлен комплексом факторов. Эпоха гласности и демократизации позволила различным слоям советского общества открыто говорить о своем прошлом, акцентировать внимание общественности на особенностях своей культуры. Русская культура в эмиграции воспринималась в качестве одного из важных источников сохранения и развития России. В 1989 г. были полностью нормализованы отношения между СССР и КНР, а в 1990-х гг. российско-китайские отношения достигли уровня «стратегического партнерства». В Северо-Восточный Китай вновь массово поехали россияне, стала формироваться современная русская община в Харбине. Исторический опыт русско-китайского взаимодействия, знания и умения русских, живших и работавших в прошлом в Китае, вновь оказались востребованными.

В новых общественно-политических условиях в России вырос социокультурный статус русских реэмигрантов из Китая, в большинстве жителей Харбина. В стране появились общественные организации, объединившие «харбинцев». В российском обществе возникла потребность изучения опыта русской эмиграции. Важным поводом к активизации интереса к истории русской эмиграции в Китае стали столетние юбилеи начала строительства КВЖД и основания Харбина, отмечавшиеся во второй половине 1990-х гг.

Одним из региональных центров сотрудничества с Китаем была Новосибирская область, а «столица Сибири» стала центром общественного движения «харбинцев». Новосибирск в 1980-е гг. начал налаживать прямые связи с Китаем, в том числе и с Харбином. В это время в городе проживало немало русских реэмигрантов из Китая, в основном тех, кто родился и вырос в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а в 1950-х гг.

приехал в СССР. Выходцы из Маньчжурии в 1988 г. создали в Новосибирске свою общественную организацию – Ассоциацию друзей Харбинского политехнического института (ХПИ), переименованную позже в Ассоциацию «Харбин». Ассоциацию возглавил Г.А. Мыслин – внук начальника материально-технической службы КВЖД Ф.Ф. Витте, сын инженера и преподавателя ХПИ А.М. Мыслина. Вскоре Ассоциация стала общесоюзной; 12 октября 1990 г. газета этой организации сообщила о создании Советской Ассоциации Друзей ХПИ. В газете «Харбин» указывалось, что в налаживании деловых, научных и прочих контактов между Россией и Китаем большую помощь оказывали именно «харбинцы» как умеющие вести переговоры с китайскими коллегами люди с большим жизненным опытом.

С начала 1990-х гг. новосибирские «харбинцы» активно занялись сохранением и популяризацией русского историко-культурного наследия в Маньчжурии. В 1991 г. Новосибирское книжное издательство по инициативе Ассоциации друзей ХПИ выпустило сборник «Харбин. Ветка русского дерева» тиражом в 15 тыс. экземпляров. Сборник был подготовлен благодаря подвижничеству новосибирских «харбинцев» Г.А. Мыслина, Л.П. Кравченко, П.К. Фиалковского и др. С 1993 г. «харбинцы» начали выпускать в Новосибирске свою вторую газету – «На сопках Маньчжурии», в которой публиковались письменные и визуальные материалы, отражающие историко-культурное наследие КВЖД. Например, в опубликованной в газете «На сопках Маньчжурии» заметке уроженца Хайлара А.А. Смирнова о поездке летом 2002 г. на родину сказано: «Хайларских церквей нет. Школ наших нет. Осталось только здание б. японской школы... Кинотеатра “Прогресс” тоже нет. Нет и русского кладбища» [13]. В заметках другого автора говорится: «Муданьцзян почти перестроен заново... Старый Чурин. Над входом надпись по-русски «Компания Чурин», так ни разу и не увидевший ремонта, готовый на слом» [14].

По примеру новосибирцев русские реэмигранты создали свои общественные организации в разных городах России и начали издавать свои газеты. В них русские «харбинцы» в 1990-х – начале 2000-х гг. публиковали материалы о поездках на родину. В опубликованном в екатеринбургской газете в 1998 г. письме русской эмигрантки из Австралии о поездке в Харбин сообщалось: «Каким мы увидели Харбин сегодня? Мы и не ожидали увидеть его таким, каким он был 40 лет назад, и поэтому нас не удивили высокие дома, сменявшие “наши” одно- и двухэтажные старинные здания... К счастью, “мой” дом пока стоит... Тяжелое впечатление произвел на нас вид Иверской церкви. Подверженная естественному разрушению, церковь вызывала щемящую боль в душе. Время унесло с собой ее красоту. Красовался перед нами Софийский собор, обнесенный строительными лесами... По неподтвержденным сведениям, этот храм будет действующим или музеем... Непонятная участь постигла Благовещенский храм. Часть его, по всей вероятности, разрушена. Оставшаяся же часть как бы замурована стенами вновь построенного здания» [15. С. 17–18]. В некоторых публикациях кроме описания размещены

фотографии. Например, в статье реэмигрантки из Омска Е.Н. Захаровой «Путешествие в прошлое» описание проиллюстрировано фотографиями, под которыми подпись: «Так выглядят в 2009 г. дома, построенные русскими 100 лет назад» [16].

Важнейшим и наиболее содержательным памятником, отражающим первый этап изучения в России исторического наследия русского Харбина и вклад в это новосибирских «харбинцев», является «фотоальбом» «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе» [17]. Один экземпляр данного «фотоальбома» остался от одного из лидеров общественного движения «харбинцев» в Красноярске С.В. Пятунина и сейчас хранится в моем личном архиве. Представляет из себя «фотоальбом» переплетенные листы с напечатанными на принтере фотографиями и текстом. Первый и последний листы заламинированы и являются своеобразными обложками альбома. Кроме названия на первом листе (обложке) подписано: «К столетию Харбина (1898–1998)», – и размещена фотография бывшего харбинского собора Св. Софии. На обороте последнего листа (обложки) размещена цветная фотография буддийской пагоды, а внизу надпись: «Россия, Новосибирск, 28 мая 1998 г.».

Фотоальбом «Харбин двадцатых–сороковых годов в современном городе» содержит 90 листов с текстом и черно-белыми фотографиями без оборотов, не считая первого и последнего листа (обложек). Листы не пронумерованы. На первом после «обложки» листе представлены три строчки из стихотворения А. Поздняковой и фотография «Харбинский Свято-Николаевский собор», а на обороте указано: «Г. и Т. Мыслины – авторы текста, фотографий, составление – 1998 г.». На следующем листе представлены «слова благодарности» составителей альбома: «За помощь в издании альбома благодарим П.К. Фиалковского, А.Г. Петренко – председателя Ассоциации “Харбин” (Новосибирск), Нину и Александра Китуниных – представителей “новой колонии” россиян в Харбине, а также всех, кто принимал участие в этой работе».

Информация об организаторе и главном исполнителе данного проекта представлена в конце альбома на двух листах текста с двумя фотографиями. Там указано: «Георгий Александрович Мыслин родился в г. Харбине 14 мая 1927 года в семье инженера А.М. Мыслина, преподавателя СМУ и ХПИ, и О.Ф. Мыслиной, дочери начальника материально-технической службы КВЖД Ф.Ф. Витте...» Г.А. Мыслин получил высшее образование в Харбине, а в 1955 г. переехал с семьей в СССР. Далее в биографическом очерке говорится: «Последние пять лет (1992–1997) работал в Харбине представителем новосибирских предприятий и фирм в Китае и Юго-Восточной Азии... В 1988 году по его инициативе была создана “Ассоциация друзей Харбинского политехнического института”, преобразованная в 1990 году в Ассоциацию “Харбин”. С 1988 по 1994 год был председателем Правления этих Ассоциаций. Скончался 1 июля 1997 года в г. Новосибирске после тяжелой и продолжительной болезни». В завершение биографического очерка его авторы отметили: «Георгий Александрович не смог завершить эту рабо-

ту сам, и готовить к выпуску альбом пришлось его родным, которые и несут ответственность за возможные неточности и недостатки. Несколько фотографий Георгия Александровича помещены в память о нем: сам он, в силу скромности, не позволил бы сделать это». О втором составителе альбома, Тамаре Мыслиной, информации в самом альбоме нет. Уроженка Харбина Тамара Васильевна Мыслина, в девичестве Панова, была женой Г.А. Мыслина. Под текстом «Вместо предисловия», а также на некоторых других листах фотоальбома есть фотографии Г.А. и Т.В. Мыслиных/

Согласно «Содержанию», основная часть фотоальбома называется «По Харбину нашей молодости» и разбита на пять разделов: «Из Старого Харбина в Модягоу», «Новый Город», «Пристань», «Некоторые места отдыха», «Вот он, новый Харбин». Перед основной частью на двух листах дано введение под названием «Вместо предисловия», в конце альбома – приложения¹. В приложениях помещены стихи поэтов-харбинцев, в том числе два четверостишия Арсения Несмелова, воспринимаемые в качестве неофициального гимна Харбина:

Милый город, горд и строен.
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек, –
Не опустим глаз.
Вспомяни, старик историк,
Вспомяни о нас...

Составители фотоальбома во введении написали: «Судьба авторов настоящей работы сложилась так, что после 34 лет разлуки с этим городом они снова вернулись в Харбин. Сперва в качестве командированных, а с декабря 1992 по март 1997 года проживали там, находясь на постоянной работе. На наших глазах не только отдельные здания, но целые кварталы уходили в небытие... И пока этот процесс не стал необратимым, мы решили совершить путешествие по Новому-Старому Харбину, запечатлев на фотографиях некоторые места и характерные здания, оставшиеся нам в наследство от тех, кто созидал Харбин, жил в нем».

На подавляющем большинстве листов описываемого альбома размещено по две фотографии с краткими подписями под каждой. Два первых листа раздела «Из Старого Харбина в Модягоу» называются «По Старохарбинскому шоссе». На них помещены фотографии с подписями: «Вокзал станции Старый Харбин, ныне Сян Фан. Отсюда началось создание “Большого Харбина”», «Типография КВЖД на Старохарбинском шоссе. Постройка двадцатых годов. И сейчас выполняет свои функции», «Здание Хорватовской гимназии на Старохарбинском шоссе, дававшей своим питомцам блестящее образование» и «Дом генерала Ма на Старохарбинском шоссе, угол Пограничной ул. Был окружен тенистым парком и забором, скрывавшим его красоту». На следующих четырех листах, объединенных названием «От Пограничной к Новому Городу», размещено восемь фотографий с подписями: «Один из первых кирпичных 2-этажных домов в Модягоу...»; «В этом здании на Черногорской улице по-

мещались бани...»; «Трансформаторная будка...»; «Водокачка... Возраст этих сооружений – не менее 65–70 лет»; «Новая Св.-Алексеевская церковь...»; «Дом доктора Б.Н. Чистякова... Немало харбинцев лечилось у доброго доктора»; «Жилой дом на Бельгийской... перед домом был сад с беседкой и фонтаном, где сейчас построен 6-этажный жилой дом, что потребовало “урезания” строения почти наполовину. Дом сохранил свой № 112. Здесь жила семья А.М. Мыслина – преподавателя СМПИ, СМУ, ХПИ»; «Дом на Гоголевской... Здесь была китайская аптека, где принимал больных старый “тайфу”. Следом за аптекой размещалась лечебница докторов Торновского и Челахсаева. И сейчас здесь находятся медицинские учреждения».

Самыми большими разделами в фотоальбоме являются «Новый город» и «Пристань». Здесь в основном представлены фотографии различных жилых домов и храмов. Два последних раздела основной части называются «Некоторые места отдыха» (6 фотографий) и «Вот он, новый Харбин» (25 фотографий).

Некоторые листы целиком отведены отдельным зданиям. Например, на одном листе помещено две фотографии Свято-Покровского храма или две фотографии буддийского храма Цзи Лэ Сы. Иногда вид историко-архитектурных памятников сопровождается дополнительными фотографиями, сделанными внутри зданий. Например, на одном из листов размещены две уличных фотографии «здания гимназии ХСМЛ на Садовой улице», а также фотография «парадная лестница». Составители альбома здесь указывают: «В настоящее время спортивный зал разделен по высоте на два этажа. В здании расположена гостиница». Всего в фотоальбоме представлены фотографии около 100 зданий русской и европейской архитектуры и несколько китайских зданий той эпохи. Имеются и фотографии современных зданий, построенных в исторической части Харбина.

Кроме фотографий зданий в альбоме имеются фотографии и других сооружений. Под фотографией сооружения над захоронением русских, погибших, очевидно, во время обороны Харбина в 1900 г., стоит подпись: «Единственный сохранившийся склеп на Покровском (Старом) кладбище». На одном листе представлены фотографии двух памятников погибшим в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. В этой части можно отметить фотографии с подписями: «Закрытый участок на Успенском (Новом) кладбище», «Общий вид захоронений на кладбище Хуаншань», «Сборный колокол...» и др. На одном листе помещено две фотографии виадука через железную дорогу, имеются фотографии «Памятная всем харбинцам брусчатка на Китайской улице...». В альбоме помещена фотография «Первого на Дальнем Востоке бетонного велотрека». На листе с двумя фотографиями «Дома известного в Харбине подрядчика КВЖД строителя знаменитого Хинганского тоннеля Джибелло Сокко в Николаевском переулке» добавлена фотография «Забора, окружавшего усадьбу Джибелло Сокко, а ныне и здание Хэйлунцзянэнерго», с припиской: «Возраст забора минимум 65 лет, а может быть, и более». В работе Мыслиных встречаются фотографии садов, улиц и набережных Сунгари и Модяговки.

В основной части альбомы современные фотографии зданий иногда дополняются старыми фотографиями. Например, в разделе «Пристань» помещены фотографии «Иверская церковь сегодня» и «Иверская церковь... 1908 г.», а также современная и старая фотографии здания синагоги. На одном из листов представлены две фотографии Софийской церкви – до реставрации 1997 г. и после. Несколько старых фотографий Харбина помещены в раздел «Приложение».

Некоторые здания Харбина составители альбома успели сфотографировать накануне их разрушения, на это указывают такие подписи: «Здание Северо-Маньчжурского университета... Вскоре после фотографирования снесено», «Дом Бринера... (снесен через два дня после фотографирования)», «В этом здании на Биржевой улице размещалось Главное Бюро по делам российских эмигрантов. Подготовлено к сносу». Важными для исследователей представляются и такие пояснения: «Белый зал института... К сожалению, ныне закрыт многоэтажной “коробкой”», «Жилой дом... Сейчас подготовлен для открытия Харбинского отделения Генконсульства России в Шэньяне». В фотоальбоме имеются фотографии зданий с пометкой «Сохранившийся фрагмент здания».

Ценность для современных исследователей представляют и встречающиеся под фотографиями пояснения, указывающие на степень сохранности памятников: «Железнодорожная гостиница... Здание только что отреставрировано», «Магазин “И.Я. Чурин и Ко” в Новом Городе... Надстроен на два этажа с сохранением прежнего образа», «Такие типовые дома строило Управление КВЖД... Из-за расширения проезжей части снесены украшавшие их веранды и палисадники».

Составители фотоальбома под некоторыми фотографиями поместили такие примечания: «“Дом с птицами”... Образец архитектуры 20-х годов», «Дом Копецкого на Речной улице – образец архитектуры на стыке Нового Города и Модягоу», «Дом Шевченко – украшение Бульварного проспекта», «Творение профессора Владимира Андреевича Барри», «В архитектуре здания чувствуется рука петербургского зодчего», «Характерный дом русской постройки...», «Типичный дом русских харбинцев». В пояснительных подписях представлены краткая история организаций и учреждений, размещавшихся в этих зданиях, имена людей, живших и работавших там. В конце пояснительной записки под некоторыми фотографиями имеются приписки: «Теперь здесь музей...», «В настоящее время здесь музей...», «В настоящее время – ателье...», «Ныне – офис Союза работников искусств», «Сейчас престижная средняя школа», «Сейчас здесь средняя школа». Также под некоторыми фотографиями указано, что размещавшиеся в прошлом в зданиях предприятия и учреждения сохранились и даже сохранили прежние названия: «Краса и гордость тогдашних харбинских гостиниц – отель “Нью-Харбин”, построенный С. Кондо в 1938 году, и ныне принимает иностранных туристов», «И в настоящее время фабрика выпускает свою продукцию под тем же названием», «Кинотеатр “Азия”... Под таким названием работает и сейчас».

Таким образом, Г.А. и Т.В. Мыслины провели одно из первых исследований, посвященных проблемам русского историко-архитектурного наследия КВЖД. «Харбинцы» из Новосибирска, проживая и работая в Харбине в 1990-х гг. сделали фотографии большинства сохранившихся к концу XX в. уникальных зданий, построенных в «русском» Харбине, а также представили несколько фото типовых русских жилых построек и иных сооружений. Кроме того, они указали на степень их сохранности, функциональное назначение в прошлом и на момент съемки и даже отметили детали современной реконструкции зданий.

Фотоальбом «Харбин двадцатых-сороковых годов в современном городе» является одним из первых

в современной России исследований по истории культурного наследия Китайско-Восточной железной дороги, русско-китайского взаимодействия и сотрудничества в Харбине. При этом данный фотоальбом является ярким историческим памятником общественной и культурной жизни россиян, связанных своим происхождением с КВЖД, реэмигрантов из Северо-Восточного Китая, известных как русские «харбинцы». Для современных исследователей истории русского историко-архитектурного наследия в Китае, истории русско-китайского взаимодействия в Северной Маньчжурии фотоальбом «Харбин двадцатых-сороковых годов в современном городе» остается важнейшим историческим источником.

Примечание

¹ Представленные в «Содержании» названия приложений не полностью соответствуют фактическому содержанию.

Список источников

1. Шевцова Т.И. Русская архитектура за рубежом: Харбин далекий и близкий // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9. С. 32–34.
2. Троицкая Т.Ю. Особенности архитектуры Китайско-Восточной железной дороги (конец XIX – первая треть XX вв.) : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 1996. 22 с.
3. Крадин Н.П. Русское архитектурное наследие в Харбине // Россия и АТР. 2003. № 1. С. 79–88.
4. Левашко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск : Частная коллекция, 2003. 176 с.
5. Козыренко Н.Е., Ян Хунвэй, Иванова А.П. Архитектурное наследие Харбина. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. 564 с.
6. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
7. Дин Сян. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.). Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. С. 122–130.
8. Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвященной русской истории города Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 18–20 сентября 2020 г.). Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2021. 326 с.
9. Глатоленкова Е.В. Наследие русской архитектуры в поселениях вдоль бывшей Китайско-Восточной железной дороги // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвященной русской истории города Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 18–20 сентября 2020 г.). Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2021. С. 224–232.
10. О कोरोков А.В., О कोरोкова М.А. Русские православные храмы в Китае. М. : Ин-т наследия, 2022. 600 с.
11. Цуй Лун. Русская архитектура в Харбине // Россия в глобальном мире. 2022. № 23 (46). С. 131–141.
12. Лава Д.А. Современное использование построек начала XX в. в г. Харбине // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6 (96), ч. 1. С. 180–183.
13. Смирнов А.А. Сон в три дня // На сопках Маньчжурии (Новосибирск). 2003. № 103. С. 6.
14. Лалетина Н. Город Муданьцзян. Картинки с китайской натуры // На сопках Маньчжурии (Новосибирск). 2004. № 107. С. 6.
15. Шаповала А. Шаги по старым местам // Русские в Китае (Екатеринбург). 1998. № 13. С. 16–18.
16. Захарова Е.Н. Путешествие в прошлое // Русская Атлантида (Челябинск). 2010. № 36. С. 17.
17. Харбин двадцатых-сороковых годов в современном городе : фотоальбом : к столетию Харбина (1898–1998) / сост. Г.А. и Т.В. Мыслины. Новосибирск, 1998. (Личный архив Дацышена В.Г.).

References

1. Shevtsova, T.I. (1993) Russkaya arkhitektura za rubezhom: Kharbin dalekiy i blizkiy [Russian Architecture Abroad: Far and Near Harbin]. *Sankt-Peterburgskaya panorama*. 9, pp. 32–34.
2. Troitskaya, T.Yu. (1996) *Osobennosti arkhitektury Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi (konets XIX – pervaya tret' XX vv.)* [Architecture of the Chinese Eastern Railway (the late 19th – the first third of the 20th centuries)]. Abstract of Architecture Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Kradin, N.P. (2003) Russkoe arkhitekturnoe nasledie v Kharbine [Russian architectural heritage in Harbin]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 1, pp. 79–88.
4. Levoshko, S.S. (2003) *Russkaya arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaya polovina XX veka* [Russian architecture in Manchuria. The late 19th – the first half of the 20th century]. Khabarovsk: Chastnaya kollektsiya.
5. Kozыrenko, N.E., Yang Hongwei & Ivanova, A.P. (2015) *Arkhitkturnoe nasledie Kharbina* [The Architectural heritage of Harbin]. Khabarovsk: The Pacific State University.
6. Zabiako, A.A., Zabiako, A.P., Levoshko, S.S. & Khisamutdinov, A.A. (2015) *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: life-building in the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Amur State University.
7. Ding Xiang. (2018) *Pamyatniki russkoy arkhitektury i kul'tury v Kharbine* [Monuments of Russian architecture and culture in Harbin]. In: *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Proc. of the International Conference. Harbin, June 16–18, 2018. Vladivostok: VGUES. pp. 122–130.
8. Li Yanglin. (ed.) (2021) *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Proc. of the Second International Conference. Harbin, September 18–20, 2020. Vladivostok: VGUES.
9. Glatolenkova, E.V. (2021) *Nasledie russkoy arkhitektury v poseleniyakh vdol' byvshey Kitaysko-Vostochnoy zheleznoy dorogi* [The heritage of Russian architecture in the settlements along the former Chinese Eastern Railway]. *Lyubimyy Kharbin – gorod druzhby Rossii i Kitaya* [Beloved Harbin – the city of friendship between Russia and China]. Proc. of the Second International Conference. Harbin, September 18–20, 2020. Vladivostok: VGUES. pp. 224–232.

10. Okorokov, A.V. & Okorokova, M.A. (2022) *Russkie pravoslavnye khramy v Kitae* [Russian Orthodox churches in China]. Moscow: Institute of Heritage.
11. Cui Long. (2022) Russkaya arkhitektura v Kharbine [Russian architecture in Harbin]. *Rossiya v global'nom mire*. 23(46). pp. 131–141.
12. Lava, D.A. (2020) Sovremennoe ispol'zovanie postroek nachala XX v. v g. Kharbine [Modern use of buildings of the early twentieth century in Harbin]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 6-1(96). pp. 180–183.
13. Smirnov, A.A. (2003) Son v tri dnya [Sleep in three days]. *Na sopkakh Man'chzhurii*. 103. p. 6.
14. Laletina, N. (2004) Gorod Mudan'tszyan. Kartinki s kitayskoy natury [The City of Mudanjiang. Pictures from Chinese nature]. *Na sopkakh Man'chzhurii*. 107. p. 6.
15. Shapovalova, A. (1998) Shagi po starym mestam [Steps through the old places]. *Russkie v Kitae*. 13. pp. 16–18.
16. Zakharova, E.N. (2010) Puteshestvie v proshloe [Journey into the past]. *Russkaya Atlantida*. 36. pp. 17.
17. Myslin, G.A. & Myslin, T.V. (1998) *Mysliny Kharbin dvadtsatykh–sorokovykh godov v sovremennom gorode: fotoal'bom: k stoletiyu Kharbina (1898–1998)* [Harbin in the 1920s and 1940s in a modern city: A photo album: on the centenary of Harbin (1898–1998)]. Novosibirsk. (V.G. Datsyshen's personal archive).

Сведения об авторе:

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); профессор Сибирского федерального университета; профессор Красноярского государственного педагогического университета (Красноярск, Россия). E-mail: dazishen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Datsyshen Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Professor at Siberian Federal University; Professor at Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dazishen@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 10.06.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.17223/19988613/84/16

Итальянское деловое письмо в русском архиве

Оксана Алексеевна Молодченко

Северо-Кубанский гуманитарно-технологический колледж, ст. Кущевская, Россия, Vulkanchik07@mail.ru

Аннотация. Правление Петра I – период масштабных системных преобразований. Изменения так или иначе затронули многие аспекты жизни страны. Общей тенденцией преобразований стала европеизация государства – процесс, который предполагал активное заимствование иностранного опыта и привлечение европейских специалистов. Венецианская республика, имевшая исключительный опыт кораблестроения, стала источником необходимых мастеров в процессе создания российского флота. Одним из таких специалистов стал гражданин Венеции Контий Босис. Его переписка с царем и генерал-адмиралом Ф.А. Головиным дает возможность понять особенности взаимоотношений иностранного мастера с русскими начальниками и царем, что помогает глубже изучить переходную эпоху правления Петра I.

Ключевые слова: европеизация, Контий Босис, российский флот, Олонецкая верфь

Для цитирования: Молодченко О.А. Итальянское деловое письмо в русском архиве // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 127–130. doi: 10.17223/19988613/84/16

Original article

Italian business letter in the Russian archive

Oksana A. Molodchenko

North Kuban College of Humanities and Technology, Kuschchevskaya staniza, Russian Federation, Vulkanchik07@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the letters of the Venetian master shipbuilder Konti Bosis, found in the Russian State Archives of Ancient Documents (further-RGADA). The study of these documents makes it possible to understand the peculiarities of personal relationships between a foreign specialist and the Tsar and general-admiral - F. A. Golovin.

The source base was two letters from the RGADA fund №150 "Cases about trips of foreigners to Russia" for 1705, case number 13. The author also used the research by J. Le Goff – The Symbolic Ritual of Vassalage // 'Time, Work, and The Culture in the Middle Ages' and 'Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Russia' by Mininkova L. V.

The Republic of Venice was an important foreign policy partner for Russia. Moscow was interested in an alliance with the Republic, as it had an exceptionally deep tradition of building ships.

Kontiy Bosis was an example of a foreign master, one of many specialists, who arrived in Russia during a difficult and crucial period for it – the period of europeanization. Bosis was known as an excellent specialist in marine navigation. For his active work in the war of 1684-99, the Venetian Senate appointed him as a consul. In 1702, the Russian ambassador Peter Tolstoy invited Bosis to serve the Tsar. In Russia, Bosis gets high rank – shautbenah. During the Northern war, he took part in the construction of a fleet in the Baltic sea.

The reason for the correspondence between the Venetian and the Russian authorities were the production problems that arose at the Olonets shipyard, and personal insults from some people. The letters show the character of the relationship that developed between Bosis and Peter I. The letters present interest as Bosis appears in them not only as a hired specialist, but also as a carrier of Western European culture, which developed during the reign of suzerainty - vassalage. This means using the words "father" and "mercy" in a different sense. In this case, the "father" is used not only to the king, but also to F. A. Golovin, which also reflects the peculiarities of the relations that prevailed in the armies of European states in the modern period.

The analysis of the letters gives us a deeper understanding of the nature of the era of Peter's transformations and the europeanization of the country.

Keywords: europeanization, Contii Bosis, navy of Russia, Olonets shipyard

For citation: Molodchenko, O.A. (2023) Italian business letter in the Russian archive. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 127–130. doi: 10.17223/19988613/84/16

Политика европеизации России при Петре I предполагала необходимость активного привлечения иностранных специалистов самых разных отраслей. Немало таких специалистов давали итальянские государства. Особенно это касалось Венецианской республики, – она имела исключительно глубокие исторические морские традиции, уходящие еще в римские времена. Противостояние республики на море против столь могущественного противника, как Османская империя, способствовало возникновению целых династий моряков, капитанов и судостроителей, среди которых были не только итальянцы, но и греки, проживавшие на территории республики. Поэтому интерес Петра I к военно-морскому опыту Венецианской республики был неслучайным, он определялся необходимостью выхода сухопутной России на море и создания военного флота для ведения войны против Турции, а затем Швеции.

Венецианские моряки участвовали в строительстве азовского флота. Когда же началась Северная война, они принимали участие в строительстве военного флота на Балтийском море. Одним из таких специалистов был венецианский гражданин, имя которого в русских документах звучит как Контий Босис; он получил на русской службе высокий чин шаутбенахта, соответствовавший более позднему чину контр-адмирала. В фонде 150 РГАДА «Дела о выездах иностранцев в Россию» за 1705 г. под номером 13 имеется дело, состоящее из двух его писем. Оба письма направлены из Олонца, где невдалеке от города на реке Свирь была создана судовой верфь. Первое было послано Петру I и датировано 14 мая, второе – генерал-адмиралу Федору Алексеевичу Головину, от 16 мая [1. Л. 1]. Тексты писем написаны по-русски с указанием на то, что даны они в переводе. Вероятно, перевод сделан с греческого, поскольку Босис был венецианским греком. Письма весьма показательны для понимания характера службы иностранцев в России, в том числе итальянских специалистов, в данном случае моряков и судостроителей. Они, кроме того, дают возможность уяснить особенности личных взаимоотношений, которые складывались у привлеченных на службу в России иностранцев с их русскими начальниками и самим царем.

Из дела этого же фонда под номером 1 за 1702 г. известны сведения о появлении Босиса на службе в России. Из письма русского посла в Константинополе П.А. Толстого следует, что посол предложил Босису (Боцыну) эту службу. Сам Босис в документах за 1702 г. назван и Контием, и Иваном. Такое предложение поступило Босису неслучайно. Как писал Толстой, Босис «служил в армаде венецкой, и зело человек в ыскустве новигацыи славен». Посол давал некоторые сведения о его службе, напоминая своего рода послужной список. Он «во время войны многие чинил походные дела, и был доньне всего арцыпелягу комиссаром». Имеется в виду война 1684–1699 гг., которая завершилась Карловицким миром, в соответствии с условиями которого Венецианская республика отдавала туркам Аттику, но сохраняла за собой Пелопоннес и ряд островов. В Венеции были недовольны условиями мира. Неудивительно, что венецианцы, как итальянцы, так и греки, с надеждой смотрели на Россию, которая

с конца XVII в. вела войны с Турцией и присоединила Азов в ходе Азовских походов 1695–1696 гг. Босис был одним из таких венецианских граждан. Как писал посол Толстой, Босис, «оставя жену и детей и дом, также и чин, и поехал в вечное служение царского величества» [2. Л. 1]. Несколько более подробные сведения о его службе были даны в послужном списке, с которого также был сделан перевод. Из послужного списка следовало, что «служил он Речи Посполитой Венецийской 17 лет, во многих морских и земляных войнах, со многими своими людьми и расходами на атаргах и караблях, ея волею всегда при капитан-генералах, при которых и ранен. И никто над ним не начальствовал, окромя их и сенату». Заслуги Босиса перед республикой были очевидны. Поэтому венецианский Сенат «за такие его службы... учинили ево консулом на всех островах архипелажских, дав во власть ево все карабли и капитанов». Босис, получивший такую должность, «не имел... больше себя никого, окроме Сената и капитан-генерала морского во время мирное» [2. Л. 1 об.]. В случае же войны он становился «яко сопро интентент Белого моря» [2. Л. 1 об.–2].

Некоторые дополнительные сведения дает несколько более позднее письмо Босису от брата Дмитрия от 21 августа 1703 г. Как писал Дмитрий, Иван (Контий) «внезапным своим объездом он... всех их своих сродников весьма опечалил». Это скажется, по мнению Дмитрия, неблагоприятно на его собственности, поскольку от этого «и вотчины его, Контиевы, и сады все вконец разоряютца». Но при этом, писал Дмитрий, «желает он, чтоб (Контий. – О.З.) служил царю православному» [2. Л. 3 об.].

К весне 1705 г. появились, однако, некоторые обстоятельства, которые дали основание венецианскому моряку обратиться с письмами к генерал-адмиралу и самому царю. Первая причина состояла в производственных сложностях, которые сложились на Олонецкой верфи при изготовлении боевых судов и при наборе на них команд из офицеров и матросов. Вторая причина носила для Босиса более личный характер. Он понял, что его пребывание на службе на верфи в Олонце послужило поводом для обвинений в том, что он тем самым стремился скрыться от участия в военных действиях на море. Между тем после выхода России на устье Невы, основания Петропавловской крепости и Санкт-Петербурга, закладки военно-морской крепости в Кроншлоте и взятия русскими войсками Нарвы сложились предпосылки для распространения войны на морской театр.

В первом своем письме, написанном царю, венецианский моряк тему работы Олонецкой верфи и кораблестроения затрагивает мало. Он довольно сухо сообщает сведения, которые могут заинтересовать Петра I и в положительном свете характеризуют некоторые итоги работы верфи, а значит, и его самого. По его сообщению, «те 4 галерки бриганины», о которых, по-видимому, царю было известно, «из Петербурга х Кроншлоту пошли». Но он указал и на сложности, которые испытывала верфь. «Я обретався здесь для приготовления караблей и галер», – напоминал он о своих служебных обязанностях. Однако они «здесь

обретаются без надежды сущей, что мне так и скоро туды итить что невозможно будет». Более ничего конкретного о положении на верфи он не писал. Но и из этого очень короткого сообщения царю становилось ясно, что положение было сложным.

Более пространно писал венецианский моряк о том, что его затрагивало более всего. Он сообщал, что некоторые лица, не названные им, стремятся его «поносити». Они обвиняли его в том, что службу на верфи в Олонце он выбрал неслучайно. Он будто бы «искал в Олонец приити, дабы мне не прежде на море доити, и как бы я боев неприятельских уклонится хотел». Это обвинение он отвергал, тем более что его боевая биография венецианского военного моряка и ранение во время войны с турками давали для этого самые серьезные основания. Чтобы снять с себя такие обвинения, Босис обращался к Петру I с просьбой разрешить ему «со единою галерою» идти «до Санкт Петербурга, и оттуды далее до Кроншлота». Напоминая о своей прежней венецианской службе во время венецианско-турецкой войны, он писал царю, что мог бы послужить на Балтийском море «для правительствования над галеры, с кампавидми и бригантинами, и такожде приобщение иметь с первую победою, которую ваше превосходительство на Балтийском море одержите». Он заявлял при этом о своей готовности «свою кровь пролити» на этой войне.

Обращает на себя внимание понимание Босисом характера своих отношений с русским царем. Это видно из смыслового анализа его обращений к монарху. В начале письма Босис называет Петра I «яко отца моего милостивейшаго кесаря и короля подданным». В этом обращении проявились хорошо усвоенные моряком, венецианским греком, основы западной культуры отношений между монархом и служилым человеком, которые сформировались еще в период господства отношений сюзеренитета-вассалитета, или во времена развитого феодализма. Венецианская республика как часть западной культуры общественных отношений Средневековья и раннего Нового времени давала возможность усвоить эти отношения не только итальянцам, но и грекам, проживавшим в пределах республики. В письме также указывалось на «всю великую милость, которую ваше величество ко мне показали» [1. Л. 1]. Слово «отец» относится к словам, выражающим семейные отношения. Но русский сюзеренитет-вассалитет эпохи позднего Средневековья как раз отличался тем, что подобные отношения облекались в словесную форму отношений в семье. Свой смысл имеет слово «милость», поскольку принятие в вассальную службу означало проявление милости к младшей стороне со стороны сюзерена. Это находило выражение в западных символических ритуалах сюзеренитета-вассалитета – мануальном обряде и поцелуе [3. С. 213–217; 4. С. 391–392]. На понимание своей службы царю как службы западного типа, которую нес верный вассал, указывают заключительные слова письма Босиса: «...до смерти своя пребываю вашего державнейшего царского величества покорнейший слуга» [1. Л. 1 об.].

Письмо венецианского моряка к царю раскрывает модель взаимоотношений между российским монархом

и прибывшим на службу иностранцем из одного из государств Западной Европы, которым была Венецианская республика. Такая модель строилась по типу отношений сюзеренитета-вассалитета, где безусловная верность сочеталась с вольностью службы. Характерно, что так же понимал прибытие на службу к Петру I своего предка, Абрама Ганнибала, А.С. Пушкин в «Арапе Петра Великого». Версия А.С. Пушкина о характере службы находит подтверждение в письме Босиса Петру I от 14 мая 1705 г.

Письмо генерал-адмиралу Ф.А. Головину, написанное Босисом через день после письма царю, по своей структуре обратно письму, написанному монарху. В первой его части венецианец прямо не писал, но давал понять о своей обиде на обвинения его в стремлении уклониться от участия в военных действиях на море. Генерал-адмиралу он только переслал «список» с письма царю и просил его, чтобы и он его «безвинность яко отец» защитил. Таким образом, слово «отец» употреблено Босисом и по отношению к Головину. Но смысл этого употребления был уже иной. Это уже «отец» не как термин семейных отношений, соответствующий в русском языке позднего Средневековья и отношениям между вышестоящими и нижестоящими князьями как сюзереном и вассалом. Это постепенно входившее в оборот понятие военной службы в армиях нового времени, когда командир мог рассматриваться как «слуга царю, отец солдатам». В данном случае Головин как начальник Босиса был для него таким отцом-командиром нового времени.

Значительно больше, чем в письме царю, в письме генерал-адмиралу уделено внимания положению на верфи в Олонце и трудностям, с которыми были связаны судостроение и набор команд на боевые суда. Босис писал, что «тамо парусного полотна нет», и «никаких пушек и ни на каких древес нету ко устройению подстав, на которых оные на воду спускать». Но при этом те подставы, которые имелись, «однако же в добром состоянии суть». Особенно плохо было, как писал Босис, то, что имел место «недостаток людей». Особенно это касалось офицеров и боцманов. Для галер, писал он, «я имею... токмо одного капитана, одного поручика, одного ботсмана и 2-х ботсманматов». Без них, писал он, невозможно вновь построенные суда пустить в плавание даже от Олонца до Петербурга, «ибо без главных офицеров таких судов простым матросам въверить невозможно». Описывая свое трудное положение в Олонце, Босис писал Головину, что «он на удачу столько людей имеет, которых он на 4 галеры в Санкт Петербург сущие, яко же и на шампавик и бригантину посадить может». Из этого «ваше превосходительство удоб уразумети можете, в каком состоянии я здесь есмь, от всех оставленный». От своего начальника, генерал-адмирала, он ожидал «указов к приказу» [1. Л. 2 об.] и всякой помощи.

Таким образом, два письма венецианского моряка Ивана (Контя) Босиса от 1705 г. из фонда 150 РГАДА позволяют уяснить, как смотрели на свою службу в России при Петре I некоторые иностранные военные специалисты, которые привлекались на такую службу. Опора на методологический принцип понимания че-

ловека прошлого и культуры его времени, заключающийся в данном случае в анализе смыслов слов из деловых писем, не только дает возможность показать особенности характера личных и служебных взаимоотношений иностранных специалистов с царем и рус-

скими властями. Она также дает представление об общем характере переходной эпохи в России, когда в процессе ее европеизации в практику отношений между людьми проникали характерные черты прошлого и нового времени.

Список источников

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 150. Оп. 1. 1705 год. Д. 13.
2. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1702 год. Д. 32.
3. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье : время, труд и культура Запада / пер. с фр. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. 326 с.
4. Мининкова Л.В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. 518 с.

References

1. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 150. List 1. File 13.
2. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 150. List 1. File 32.
3. Le Goff, J. (2002) *Drugoe Srednevekov'e: vremya, trud i kul'tura Zapada* [Another Middle Ages: Time, Labor and Culture of the West]. Translated from French by S.V. Chistyakova, N.V. Shevchenko. Ekaterinburg: Ural State University.
4. Mininkova, L.V. (2007) *Syuzerenitet-vassalitet v domongol'skoy Rusi* [Suzerainty-vassalage in pre-Mongol Rus]. Rostov on Don: SKNTs VSh.

Сведения об авторе:

Молодченко Оксана Алексеевна – кандидат исторических наук, преподаватель юридических дисциплин Автономной некоммерческой профессиональной образовательной организации «Северо-Кубанский гуманитарно-технологический колледж» (ст. Кущевская, Россия). E-mail: Vulkanchik07@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Molodchenko Oksana A. – Candidate of Historical Sciences, Teacher of Legal Disciplines of the Autonomous non-profit Professional Educational Organization "North Kuban College of Humanities and Technology" (Kushchevskaya staniza, Russian Federation). E-mail: Email: Vulkanchik07@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.03.2020; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 15.03.2020; accepted for publication 03.07.2023

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/19988613/84/17

Традиционные промыслы, благопожелания и кухня северных алтайцев

Дарья Аркадьевна Аткунова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия, Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия, Russlana06@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию традиционных промыслов, благопожеланий и кухни северных алтайцев, которые в 1990-е гг. были включены в Перечень коренных малочисленных народов России, что способствовало росту интереса к народным традициям. Приводятся сведения о кедровом промысле, рыболовстве, охоте, собирательстве съедобных диких растений (черемши (колбы), папоротника, кандыка) и ягод (клюквы). Описанные промыслы для многих семей северных алтайцев являются дополнительным источником дохода.

Ключевые слова: северные алтайцы, кумандинцы, тубалары, челканцы, коренные малочисленные народы, традиционные промыслы, кухня, национальное возрождение

Благодарности: Статья публикуется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18.00018 «Этнософия Алтая: идеология и мифология национального сознания») (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН).

Для цитирования: Аткунова Д.А. Традиционные промыслы, благопожелания и кухня северных алтайцев // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 131–141. doi: 10.17223/19988613/84/17

Original article

Traditional crafts, well-wishes and cuisine of the Northern Altai

Darya A. Atkunova

Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov, Gorno-Altai, Russian Federation, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, Russlana06@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to describe and analyze traditional crafts, well-being and cuisine of the northern Altaians (Kumandinians, tubalars, Chelkance). In the 1990s, the northern Altaians were included in the List of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation, which contributed to an increase in interest in folk traditions. The settlement territory of the northern Altaians is dominated by a low-ground landscape with a fir-cedar taiga, which in many ways defined their main occupations. Limited farming and pastoralism led to a greater role of gathering in the economy of the population of Northern Altai. To write the article, the author's field materials collected during ethnographic expeditions to the places of compact residence of the northern Altaians, the Turochak district of the Republic of Altai, were used.

The article emphasizes the adaptation capabilities of the traditional culture of the northern Altaians in modern market relations. The main objectives of the State national policy for the small indigenous peoples of the Russian Federation are the preservation and development of their unique culture and the improvement of their socio-economic situation. Territories traditionally inhabited by small peoples have been officially approved by the Russian Government. At the same time, the State guarantees that indigenous representatives of small peoples will have full opportunity to pursue cultural life and engage in activities considered traditional for them.

The work deals with the gathering of edible wild plants (cherries, ferns, candies) and berries (cranberries). Data on cedar trade, fishery, hunting are provided. The materials on well-being in the crafts, and traditional cuisine of the northern Altaians are given. The described fisheries for many families of northern Altaians are an additional source of income.

In conclusion, it is stated that the processes that took place in the early 21st century among the northern Altai people showed how the culture, which has undoubtedly been changed over time, is being transformed. However, as the study shows, its basis remains unchanged (descent, importance of language knowledge, traditional crafts, hunting territories, etc.).

Keywords: northern Altaians, Kumandins, Tubalars, Chelkans, small indigenous peoples, traditional crafts, cuisine, national revival

Acknowledgements: The article is published at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18.00018 “Ethnosophy of Altai: Ideology and Mythology of National Consciousness” (Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences).

For citation: Atkunova, D.A. (2023) Traditional crafts, well-wishes and cuisine of the Northern Altai. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 131–141. doi: 10.17223/19988613/84/17

В этнографической литературе к вопросам традиционных промыслов северных алтайцев обращались в своих работах такие исследователи, как В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, Н. Богатырев, Л.П. Потапов, Ф.А. Сатлаев, Е.П. Кандаракова, А.П. Макошев, Е.А. Бельгибаев, И.И. Назаров и др. Данное исследование основывается как на материалах предшественников, так и на полевых материалах автора, полученных с применением таких методов, как включенное наблюдение и интервьюирование (полевые материалы хранятся в личном архиве автора) [ПМА]¹. Главным методологическим основанием исследования является полипарадигмальный подход, представляющий собой синтез примордиалистских и конструктивистских позиций.

Промыслы – одно из важных направлений традиционной хозяйственной деятельности северных алтайцев. В географическом аспекте этнос в момент своего формирования, приспособлявая определенный ландшафтный регион к своим потребностям, одновременно сам приспособлялся к нему. Для поддержания достигнутого этноландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе. Это и называется «традицией» [1].

Результаты этнографических экспедиций демонстрируют, что распад Советского Союза и отказ от плановой экономики вынуждали северных алтайцев возвращаться к традиционным промыслам и впоследствии проходить болезненную адаптацию к рыночным условиям. В таком ракурсе именно социально-экономическая адаптация стала процессом, обуславливающим доминирующие тенденции общественного развития России, который охватил как макроуровень государственно-политических и социально-экономических задач, так и микроуровень реальных условий жизнедеятельности населения [2].

Национальная политика Российской Федерации по отношению к северным алтайцам оказала существенное влияние на сохранение традиционной культуры челканцев, тубаларов, кумандинцев. Важным событием в сфере государственной национальной политики России на рубеже XX–XXI вв. стало принятие базового закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. и ряда федеральных законов: «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 20 июля 2000 г.; «О территориях традиционного пользования коренных ма-

лочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 г., – способствовавших этнокультурному возрождению.

Принятие соответствующих законов и постановлений Российской Федерации, Республики Алтай позволило возродить многое забытое и утраченное в традиционной культуре северных алтайцев. Закон 1999 г. дал северным алтайцам внутренний стимул. Получив внешнюю поддержку, северные алтайцы начали самое настоящее символическое конструирование. Угроза поглощения южноалтайской культурой североалтайской была приостановлена, во-первых, законом, во-вторых, самим населением, которое, получив такую поддержку, стало возрождать свои традиции. Например, создание современных общин (родовых / территориальных) на территории Северного Алтая – это путь к объединению и возрождению традиционного образа жизни северных алтайцев [3].

В перечень традиционных видов занятий общин включены собирательство (заготовка, переработка и реализация продукции природного происхождения), растениеводство (выращивание лекарственных растений и ягод), охота на пушных зверей и изготовление меховых изделий и др.

Собирательство

Занимались собирательством в основном женщины и дети. Весной, с конца апреля и практически весь май, шел сбор черемши (лат. *allium ursinum*). Этот вид промысла, как и многие другие, является одним из сезонных доходов. Массовый сбор колбы (чел. *ацет*) проходит у с. Сугул Чойского района Республики Алтай. Здесь ежегодно у р. Аксай располагаются палаточные городки, растянувшиеся вдоль автодороги. По сообщению информатора, колбу срезают, предварительно связав в небольшие пучки и обмотав их резинкой. Продают колбу проезжающим, чаще сдают оптом перекупщикам, которые приезжают на место сбора. Некоторые заготовители возят колбу на продажу в ближайшие города – Горно-Алтайск, Бийск. Цена одного пучка составляет от 30 до 50 руб. Так как промысел длится около двух месяцев, часть денег тратится на продукты питания, оставшуюся каждая семья расходует по своему усмотрению. О роли промыслового сбора колбы в жизни северных алтайцев говорят слова авторской песни «Аксай», написанной Зинаидой Бакашевой из рода / сёока санмай.

Алтайдэ тер пар
Аксай деп адалбыт
Яскыда улуста
Калва мындэ каурбыт
Аксай, Аксай туваларынг тайаазы

На Алтае есть место
Называется Аксай
Весной люди
Колбу здесь собирают
Аксай, Аксай тайга тубаларов

Акса́й, Акса́й ащю́, жа́жыл калвазы
 Аальны артызып
 Пери келип жада́рыс
 Пыр вы ай, э́кы вы ай
 Калва кезип иштеры́с
 Акса́й, Акса́й туваларнын тайа́азы
 Акса́й, Акса́й ащю́, жа́жыл калвазы
 Э́р-Жа́жина писты
 Тайа́а азрабы́т
 Акщаны иштевалы́п
 Тува-ки́жи сое́нбы́т
 Акса́й, Акса́й туваларнын тайа́азы
 Акса́й, Акса́й ащю́, жа́жыл калвазы.

Акса́й, Акса́й горькая зелёная колба
 Бросив дом
 Едем сюда,
 Один месяц, или два
 Собираем, режем колбу
 Акса́й, Акса́й тайга тубаларов
 Акса́й, Акса́й горькая зелёная колба
 Постоянно нас
 Тайга кормит
 Деньги заработав
 Тубалары радуются
 Акса́й, Акса́й тайга тубаларов
 Акса́й, Акса́й горькая зелёная колба.

С начала XXI в. появился спрос на заготовку папоротника орляка (лат. *pteridium aquilinum*), произрастающего в предгорьях Северного Алтая (рис. 1). Отметим, что сроки заготовки черемши и папоротника-орляка устанавливает Министерство природных ресурсов, экологии и имущественных отношений Республики Алтай. Заготовкой орляка традиционно занимаются пять лесхозов. Турачакский лесхоз – лидер в заготовке орляка.

Здесь его заготавливают ежегодно около 120–130 т. В некоторых селах Северного Алтая организовано целое производство по заготовке и первичной обработке орляка. Наиболее известное место сбора орляка – Бийская грива в Турочакском районе. На территории Северного Алтая ежегодно открыты пункты приема орляка в селах Кебезень, Курмач-Байгол, Новотроицк и поселке Бийке.

Рис.1. Дорога на сбор орляка, с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай

Побеги орляка (алт. *чилгем*) заготавливают в 10–15 дневном возрасте, когда листья еще не развернулись. По сообщению информанта, заготавливают его с середины мая до конца июня, срезая нераспустившийся папоротник длиной около 40 см, собирая в небольшие пучки, которые сдают в пункты первичной обработки [ПМА–1]. Закупочная цена орляка составляет 30 рублей за один килограмм.

Засолка происходит в специальных чанах. На 100 кг орляка расходуется 40 кг соли. Перед засолкой собранные растения обязательно проходят отбор: заготовитель обращает внимание на длину, толщину стебля, смотрит, чтобы он был не засушенный. Вторая засолка производится через 30 дней после первой. Необходи-

мые условия при хранении и переработке: орляк должен быть обязательно закрыт от попадания солнечного света и дождевой воды и придавлен сверху грузом не ниже веса заготовленных растений. Только после соблюдения этих правил можно переходить к третьему этапу засолки папоротника [4]. Пролежав еще месяц, орляк становится готовым к употреблению. Орляк как продают на внутреннем рынке, так и экспортируют в Японию.

В 2016 г. представители Центра развития туризма и предпринимательства Республики Алтай и руководство японской компании N.B.R. Co Ltd провели переговоры о сотрудничестве. Республика Алтай долгие годы являлась одним из лидеров по сбору папоротника

в России, а ранее и в СССР. В целом по России, и почти исключительно в ее азиатской части, заготавливается и засаливается ежегодно 2–2,5 тыс. т орляка. Основными заготовительными организациями являются потребительская кооперация, охотничье-промысловые хозяйства, лесхозы, предприятия пищевой промышленности. В 2008 г. для экспорта в Японию в Горном Алтае было заготовлено 60 т орляка. За килограмм готовой продукции высшего и первого сорта японцы тогда платили по \$1,7. В последние годы объемы заготовок папоротника в республике резко уменьшились. В лучшие годы в Японию из республики отправляли по 450–500 т [5].

В июне северные алтайцы также начинают выкапывать корни кандыка (лат. *Erythronium sibiricum*) и заготавливать побеги пучки (лат. *Heracleum sibiricum*). Кандык (чел. *онок*) выкапывают обычной деревянной палкой. В интервью с информатором нами была записана загадка о цветке кандыка [ПМА–1].

Осенью, объединившись, несколько семей северных алтайцев едут на кедровый промысел. Сбор кедрового ореха для своих нужд был развит у северных алтайцев с давних пор и носил длительное время чисто потребительский характер. Во второй половине XIX в. в связи с интенсивным освоением края русскими крестьянами сбор кедрового ореха переходит в промысел и становится важной статьёй торговли русских купцов и таяжской части Горного Алтая [6. С. 134–135]. Собирают шишки в урочищах Кажа, Кубанок, Обога и др. Сезон кедрового промысла начинается во второй половине августа и длится до снегов, редко может продолжаться и в зимний период (обработка собранных шишек в помещении или сбор их сеткой по снегу). Богатые на орех года бывают примерно раз в три года (два года кедр отдыхает, набирается жизненной энергии). Добираются в тайгу на лошадях, машинах, тракторах (рис. 2). Там строят небольшой временный шалаш из бревен либо живут в палатках, в центре которых устанавливается железная печь [ПМА–1]. Кедровый промысел – сложный, тяжелый и опасный труд. Промысел становится более безопасным и результативным, когда пройдет *тушкюн*, т.е. когда шишки сами упадут при сильном ветре [7].

В качестве техники для сбивания созревших шишек (чел. *торчык*) с дерева используются большие деревянные колотушки (*токлок*) с длинным черенком для удара по стволу дерева, легковесные деревянные колотушки для сбивания шишек наверху дерева, железные когти (*така*), которые привязываются к ногам, что позволяет лазить по деревьям, лишённым внизу сучьев (нелазовые кедр) [7]. В орудия кедрового промысла челканцев и тубаларов входили также палка и шест (чел. *шуйдем*, туб. *прогон*), вальки (чел., туб. *туркуш* / *турки*), берестяной короб (*элек*) и ручной лоток (*эскин*) [8].

Северные алтайцы благодаря сбору и заготовке ореха кормятся, одеваются, живут. Большинство шишек сдается скупщикам, для этого их собирают в мешки. В 2019 г., в связи с лесными пожарами в соседних сибирских регионах, самая высокая цена за мешок шишек составила 2 000 руб. (средняя цена 1 500 руб.). Килограмм ореха стоил 150–200 руб.

Рис. 2. Урочище Кубанок, дальняя тайга, п. Бийка Турочакского района Республики Алтай

Об особом почитании кедра у северных алтайцев свидетельствует один из важных традиционных праздников – *Тюрюк-Байрам* (Праздник Кедр) [9]. *Тюрюк-Байрам* проводился во многих алтайских селениях еще в начале прошлого века. Он был приурочен к началу сбора кедрового ореха и проходил в конце августа – начале сентября. Но затем эта традиция была надолго утрачена: сложно совмещать праздник почитания кедра и деятельность леспрохозов. Праздник был восстановлен только в 2000 г. по инициативе Ассоциации коренных малочисленных народов. Теперь *Тюрюк-Байрам* имеет статус республиканского праздника и проводится каждые два года, но не осенью, а в начале лета, чтобы привлечь больше гостей и участников.

В структуру традиционного праздника входит соревнование по лазанью на кедр («*мошко чыгары*»), которое включено в программу национального праздника алтайского народа «Эл-Ойын». Отметим, что в этом виде состязаний традиционно побеждают представители северных алтайцев: Руслан Сумачаков (с. Курмач-Байгол), Артем Кумандин (с. Кебезень) и др. В интервью Артем отметил, что выигрывать соревнования ему

помогает опыт: он часто собирает кедровые орехи именно таким способом.

В последние годы в средствах массовой информации остро обсуждается вопрос о массовой вырубке кедра на территории традиционного проживания северных алтайцев – п. Бийка, с. Курмач-Байгол, п. Иогач, с. Новотроицк и др. В статье «Сохраним для потомков» в газете «Звезда Алтая» рассказывается о проблеме сохранения леса в п. Бийка Турочакского района. Под видом реконструктивных рубок лесхоз вырубил большой участок леса. Жители поселка призывали население Республики Алтай встать на защиту кедра, учитывая действующий закон Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [10]. В статье «Возрождение» в газете «Звезда Алтая» В. Кушнаренок-Суртаева писала о желании народа возрождать природу: «Тубалары хотят помочь Черневой тайге возродиться» [11].

В начале осени происходит еще один массовый промысел – сбор клюквы (лат. *oxycoccus*). Созревать она начинает с середины сентября. Клюква (чел. *то-рвош*) – полезная дикорастущая ягода, в которой содержатся различные витамины и множество макроэлементов.

Рис. 3. Место сбора клюквы, с. Кебезень Турочакского района Республики Алтай

Растет клюква на болоте, там она образует заросли, забираясь на кочки и бугорки, покрывая их темно-красной россыпью ягод. В с. Кебезень клюкву собирают на болоте Тукса, в с. Курмач-Байгол – на местности Шукша (Шокша), Тогоно, Корвоч, в с. Суранаш место сбора клюквы – Чибищень (рис. 3).

На сбор клюквы уходит практически весь день. Чтобы дойти до места сбора, нужно пройти от 4 до 25 км, поэтому с собой обязательно берут еду. Это обычно заранее приготовленная пища в контейнерах либо «сухой паек» – сваренная круглая картошка, тушенка, хлеб, печенье, вода и т.п. Информаторы отмечают, что данный вид промысла – своего рода и отдых на природе, во время которого набираешься духовных сил [ПМА–1]. Клюкву собирают в ведра, бидончики и т.п. Сдают ее оптом. Осенью 2019 г. средняя цена, которую предлагали закупщики, составляла 120–130 руб. за килограмм. Некоторые заготовители возят ягоду на продажу сами в ближайшие города – Горно-Алтайск, Бийск.

Хранят клюкву в замороженном виде, не подвергая термической обработке, долгое время (замороженная клюква не теряет своих лечебных и вкусовых свойств). Клюкву и едят в свежем виде, и используют для приготовления различных блюд. Из клюквы готовят самый известный напиток – клюквенный морс, варят варенье, пекут пироги и т.д. Информаторы отмечали использование клюквы в народной медицине: «Чтобы избавиться от сильного жара, в ухо засовывали замороженную ягоду клюквы, когда ягода становилась мягкой, ягоду заменяли другой» [ПМА–1].

Охота

Современная охота, конечно, лишь отчасти сохраняет элементы традиционной охоты северных алтайцев. Однако все наиболее важные с точки зрения носителей культуры действия и магические формулы до сих пор бережно передаются из поколения в поколение. Среди ученых, занимавшихся данной темой, в первую очередь необходимо отметить ученого-этнографа Леонида Павловича Потапова. В 2001 г. вышла в свет его монография «Охотничий промысел алтайцев», где автор привел уникальный полевой материал, полученный им непосредственно от охотников – северных алтайцев. В книге описаны охотничьи угодья, формы организации промысла, которые позволяют более детально раскрыть коллективную форму охоты у северных алтайцев [12].

Охота проходила в зимнее время на лыжах, летом пешком. Объектами охоты являлись медведь, заяц, марал, барсук, лось, дикий козел, волк, олень и др. Охотились и на диких птиц – глухаря, рябчика, гуся и др.

С охотой связано большое количество поверий и примет. У кумандинцев на весь период охоты вырубалась для костра одна палочка из черемухи или рябины длиной не больше полуметра. Если она получалась длиннее, то верили, что белка при встрече будет сидеть на дереве высоко; если она вырубалась короткой, то и белка на дереве должна сидеть низко [6. С. 47]. На промысле нельзя было выбрасывать остатки пищи, зачерпывать котелком воду из ручья, иначе, по поверью,

удача уйдет. Если ветер или зверь разрушали охотничий балаган, возникал пожар, то охотники уезжали на некоторое время домой, полагая, что это сделал хозяин тайги и удача не будет. На охоту уходили перед рассветом, обязательно совершив обряд поклонения горному хозяину *талканом* (мука крупного помола из жареной пшеницы / ячменя). Однако если ты не умел совершать обрядовые действия, то и не стоило их совершать. Информант А.А. Кучуков из рода / *сёока каратогус* рассказывал: «Когда мой отец был маленький (лет 15), его отец взял с собой на охоту (дедушка мой), по приходу до места стана охоты тот стал совершать определенное камлание перед очагом, после легли спать. В полночь вдруг мой отец проснулся от того, что стало светло, как днем, перед его отцом появилась фигура, напоминающая рослого мужчину с бородой, который инсценировал камлание, совершенное дедом, после снова стемнело. Утром отцу мой дед объяснил, что ночью приходил хозяин тайги, и ему не понравилось то, как он совершил угощение. В итоге они не стали охотиться, а ушли домой» [ПМА–2].

Северные алтайцы верили, что звери находятся в ведении хозяев гор и тайги, и результаты охоты рассматривали как проявление их снисходительности и расположения или, напротив, недовольства. Охотничьи обряды у тубаларов сохраняются по настоящее время. Согласно полевым материалам О.Н. Пустогачевой, охотники, прибыв на место, совершали кропление духам – хозяевам местности и охоты. Удача воспринималась охотником как дар хозяина тайги, награда за «правильное» поведение, расположение к нему хозяина. Напротив, неудачный промысел расценивался как гнев духа-хозяина за неумеренный промысел. Угощая хозяина тайги специально приготовленным кушаньем, совершая кропление, охотники приговаривали, как бы вели беседу с духом тайги: «*Саа иженип, аш-курсакла азыранайн деп келгем. Аттан Кижжи адатан ак поон, тапкан Кижжи таптан ак поон. Сеен положсына иженип, аннап суглап келдим*» («Пришел в твою тайгу, надеясь на твою щедрость. И раньше я пользовался твоей добротой, добывая дичь, себе пропитание. И сегодня не откажи в милости своей, разреши добыть немного пропитания для себя») [13. С. 310].

Куль охоты и промысловый культ у северных алтайцев выражается в особом уважительном отношении к диким животным. Каждый род у алтайцев имел своего общего предка-основателя – животного или птицу, духи которых охраняют и берегут их от злых духов и всевозможных опасностей. Поэтому каждый человек с особым почтением и уважением относится к животному или птице своего рода / *сёока*.

Охотничьи обряды играют существенную роль в традиционной системе мировоззрения северных алтайцев, в которой все элементы, как правило, имеют символические смыслы и являются своего рода маркерами этнической идентичности. В условиях, когда идет процесс национального возрождения, их роль, естественно, возрастает. Живое бытование обряда устойчиво сохраняется в материализованной деятельности, например охоте. Традиционное мировоззрение в данной сфере до сих пор сохраняет прагматичный смысл.

Обряды существуют затем, чтобы работала идентификационная система группы. Они дают своим участникам причастность к знанию, существенному для идентичности. Не давая «миру» погибнуть, они создают и воспроизводят идентичность группы. Обряды – это каналы, «жилы», в которых «течет» обеспечивающий идентичность смысл, инфраструктура идентификационной системы [14. С. 154].

Рыболовство

Северные алтайцы, проживающие по берегам крупных рек и Телецкого озера, традиционно занимаются рыболовством. Наряду с мужчинами рыбу ловят и дети, даже женщины. На Телецком озере, в ближайших речках водится несколько видов рыб: таймень (*недер*), ленок, окунь (*ала пуга*), налим (*корты*), телецкий сиг, килька, подкаменщик, хариус (*шаран*), карась (*чарты балык*), щука (*шортон*), пескарь (*пудурге*) и др. Наряду с охотой рыболовство являлось источником мясной пищи. Рыбу обычно ловят удочкой, сетью, неводом. Северные алтайцы довольно часто практиковали ловлю рыбных мальков (*удура*). Когда вода в Бие становилась достаточно светлой, мальки устремлялись вверх по течению. В это время женщины и подростки строили на отмели небольшой проход. В этом проходе кто-либо держал большой длинный мешок, остальные старались направлять косяк в мешок, при удачном улове добывали такой мелочи по ведру и больше [6]. В настоящее время часть пойманной рыбы идет на продажу туристам, другая употребляется в пищу.

Благопожелания на промысле

Северные алтайцы тесно связаны с природой. Они почитают природу, как живого человека, и представляют, что в природе каждый объект имеет своего хозяина-духа. Актуальным остается бережное отношение к целебным источникам, а также рекам и озерам. В одной из этнографических экспедиций мне посчастливилось попасть в с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай и посетить целебный источник *кара суу* вместе с местным жителем. Как пояснил информант, поездка на источник совершается дважды в год: в июне-июле, августе-сентябре, на растущую луну [ПМА–2]. Пользуются источником *кара суу* жители села и приезжие гости, проводя на нем один день. Придя на источник, перед тем как наполнить принесенную посуду, привязывают у источника *жалама* (ритуальная лента), оставляют принесенные продукты (национальные мучные изделия – *терпек*, *калدران*), кладут в родник монеты, пуговицы. Поднося вышепеченное, посетившие *кара суу* обязательно почтительно кланяются в его сторону. И только после этого совершают действия: пьют, умываются, набирают воду (рис. 4). За поведением людей, как считается, наблюдает хозяин источника *кара суу*. С.К. Сумачакова из рода / *сёока телвеш* говорила, что у этого родника – хозяйка, она чаще всего представляется в образе женщины. Чтобы задобрить ее, она брала с собой украшения для волос, которые оставляла в роднике [ПМА–2].

Рис. 4. У родника Кара Суу, с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай

Связь северных алтайцев с природой выражается и в промысловой деятельности. Так, перед выходом на сбор кедрового ореха (охоту) обязательно произносят-

ся благопожелания (*алкыш сӧс*). При благопожелании природе Алтая – кормилице – звучат добрые, сокровенные чувства:

Алтайдан бай немее жок,
Алтайдан быйанду немее жок,
Ак тайга да Алтайда,
Аржан кутук да Алтайда.

Нет природы богаче Алтая,
Нет места, благодарного, как Алтай,
И белая тайга на Алтае,
И аржан-суу на Алтае.

У тубаларов существует обряд священной тайги, распространены благопожелания во время посещения священных мест, а также обряд во время длительных проливных дождей. Данные обряды описала Уренчи Григорьевна Улагашева из рода / *сёока комдош* (записала и перевела слова при исполнении обряда К.Е. Укачина, старший сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова). Из толокна (*талкана*) или солода (*угута*) делают жидкую кашу (*ботко*), затем делают жертвоприношение, угощение (*чачылга*) своему Алтаю.

Приведем ее описание: «Когда я прибываю на родовую гору, нахожу место, где много берез, разжигаю костер, обращаюсь лицом на восток. На ветку березы

повязываю ленточку (*жалама*). Снимаю шапку, кладу вверх дном, на нее ставлю деревянную пиалу и деревянную ложку. Наливаю *аракы*. Кроплю вверх (три раза). На огонь кроплю (три раза) “Мать огонь – Ойбок пригубите *аракы*, пригубите *аракы*”, – говорю. Затем в сторону, где дверь, нужно брызгать (три раза). “Жертвенные капли *ур* (*урус*, алт) от приготовленной пищи, жертвенный навар *течи* (*тееји*, алт) от сваренной еды”. *Талкан* (мука из жаренных зерен ячменя) или *угут* (солод, каша из пророщенных зерен ячменя) разбавляю водой, таким образом получается *ботко*. Этим *ботко* делаю *чачылга* – жертвенное кропление Алтая. Как по три раза молочной водкой (*араккой*) кропила, таким образом (этим *ботко*) совершаю обряд *жан* и говорю:

Сары чакпын тайакту
Сары тайак журутту.
Куу чакпын тайакту,
Куу тайак журутту.
Эс башту, Чаптыган!
Туманды тартып отур.
Туруна балазы бар болбой жат,
Кижине балазы иштеп болбой жат.
Корболоры кортыт па?
Ўрбелери ўрўт пе?
Эс башту, Чаптыган!
Туманды тарт,
Как айасты божот.

С желтым посохом, похожим на косу
Желтой зарей стойбищем
С бледно-серым посохом, похожим на косу,
С бледно-серой зарей стойбищем
Высокой макушкой, Чаптыган!
Туманы (облака дождевые) свои притяни (обратно к себе).
Птенцы журавлей дорогу не находят.
Дети (человека) работу начать не могут.
Детей своих не пугай,
Животных своих не отгоняй.
Высокой макушкой Чаптыган!
Туманы (облака) свои останови.
Ясное небо пусти.

Необходимо обратить внимание на слово «журавль» (*туруна*), употребляемый в рассматриваемом *алкыше*. Дело в том, что образ журавля нередко встречается в песенном фольклоре тубаларов (например, в обряде свадьбы). В семантическом плане этот образ, безусловно, связан с символикой беззаветной верности супружеских пар, заботы родителей о подрастающем потомстве [15].

Несмотря на то, что исполнитель ни разу не употребил термин «дух-хозяин» (*ээзи*), по косвенным атрибутивным признакам очевидно, что речь идет о духе горы Чаптыган. Вместе с тем отчетливо прозвучал текст, обращенный духу – хозяину огня. Термин *тандак* (утреннее зарево) очень часто употребляется в шаманских *алкышах*. В семантическом значении он, безусловно, символизирует восход / восток начало дня / начало жизни.

В контекстном плане говорится, что обряд выполняется охотниками, если постоянные дожди, непогода не позволяют им охотиться. Структура обряда, по сути, является типовой, т.е. невербальный блок состоит из подготовительных действий – выбора ритуального

места, выбора объекта, символизирующего вертикальную ось (береза), медиативного (очистительного, переходного) объекта (костер), маркирования себя в ритуальном пространстве (по востоку), подготовки предметов (вещей), еды, посредством которых осуществляется контакт с духами. Семантические единицы расшифровки данного текста можно найти в других фольклорных источниках – мифологических рассказах о духе-хозяине горы.

Представления о том, что гора служит защитой для своего народа, очень устойчивы в мировоззрении северных алтайцев.

Благопожелание, посвященное духу-покровителю охотников и хранителю домашнего благополучия Ёрген-ээзи и Шалыгу, описал Антон Урузаков из рода / *сёока суг-тастар*. Обряд был записан на кумандинском языке в 1966 г. в с. Егона Красногорского района Алтайского края исследователем кумандинской культуры Феофаном Александровичем Сатлаевым [16. С. 110–111]. Текст обряда читается после возвращения с охоты (перевод Ф.А. Сатлаева):

Ал тайгадан нянганда Абыр чөр ньандым, Карчы кайын кестирбес Кайыр Солтон Өро турган кудайым Ал-тайгадан чөр ньандым. Арыкбазан аас тег. Сары тийин сагалыг, Сары шакпын тайактын, Кара чылан камчылыг, Сары чылан тискиниг, Пир ньанчы сындыктыг Кичиглеп суг кечерде, Көлдүгиме чөлөк болды. Ал тайганы ажарда Аргам чөлөк болды.	Когда возвращался с дикой тайги. Благополучно, блуждая, возвратился, Не разрешающий рубить переплетенную березу, Кайыр Солтон Верху стоящий мой бог В глухой тайге, блуждая, возвратился Если не сердисься, то выпей. Из жёлтой белки борода твоя, Из жёлтой акации посох твой, Чёрная змея бич твой, Жёлтая змея повод твой, Хромающий на одну сторону / ногу, Когда через переправу переходил, Моей тени костылем был. Когда глухую тайгу переваливал Моим плечом костылем был.
---	---

Благопожелание произносится и когда убивают медведя. Медведя убивают, обдирают, жаривают мясо на костре, срезают верхушку молодого дерева и говорят: «*Ол тьерге парзан, кижи өлтөргөн теп айт-на, гаитын, кайадын ашкам теп айт*» («На том свете не говори, что тебя убил человек, а скажи, что ты упал с дерева или со скалы») [17. С. 185].

В алтайской мифологии медведь является творением Эрлика. Необходимо также отметить, что Эрлик и медведь имеют одно табуированное имя – абы. Надо сказать, что культ медведя у северных алтайцев (по сравнению с южными) развит в значительной степени. Так, в одном из мифов рассказывается, что медведь был в прошлом человеком. В частности, легенда говорит о том, что медведь произошел от человека [18]; в другой легенде северных алтайцев отмечается, что медведь раньше был настоящим сыном бога, крепким богатырем. Похожую легенду можно встретить у народов ханты и манси: медведь произошел через обращение или видоизменение человека-богатыря [19. С. 79]. В монографии В.А. Муйтуевой встречаем текст, в котором говорится, что для того, чтобы на том свете не быть наказанным за убийство медведя, охотники совершают соответствующие обряды, придерживаются запретов [20.

С. 136]. У селькупов после убийства медведя-людоеда (Кунема) происходит медвежий праздник – праздник освобождения человеческой души из его медвежьего тела [21. С. 56]. Приведенное сравнение свидетельствует об определенной связи между северными алтайцами и народами угорского происхождения.

В целом для фольклорной традиции северных алтайцев характерна такая закономерность, как мифологический подтекст, т.е. человек, исполняющий текст, и аудитория, к которой обращен текст, в принципе знают, о чем идет речь, если исполнитель даже умалчивает о каком-нибудь эпизоде.

Национальная кухня

Национальная кухня является важным «маркером» этнической идентификации. Современной пропагандой национальной кухни северных алтайцев занимаются общины, историко-этнографические музеи и другие объекты культуры. Дегустиация традиционной кухни северных алтайцев широко представлена на различных республиканских праздниках – *Тюрюк-Байрам* (Праздник Кедрa), *Яылгайак*, День коренных народов мира, *Эл-Ойын*. Опишем ряд рецептов национальной кухни

северных алтайцев из вышеописанных продуктов собирательства.

Из ягод в пищу употреблялись красная и черная смородина, ежевика, костяника, крыжовник, жимолость, черника, брусника, рябина, клюква, черемуха и др. В пищу шли черемша (колба), ревень, лук-слизун, папоротник, сарана. Большая часть съедобных растений употреблялась без обработки, в свежем виде. Это преимущественно ягоды, молодые побеги травянистых растений, луковички. Некоторые использовались как специи, приправы к мясным блюдам, например разные виды лука. Не меньшее значение придавали растениям, подлежащим заготовлению и хранению. Для чая сушили листья малины, смородины, зверобоя, душицы, для компота сушили ягоды черемухи, малины.

В 2018 г. на республиканском празднике – Дне коренных народов мира – в с. Сайдыс Чойского района колба была представлена в разных видах: маринованная, острая, соленая, в виде салата, были и бутерброды с колбой и салом, с колбой и сливочным маслом [22. С. 3]. В настоящее время популярны изделия из теста, приготовленные на сквашенном молоке: *калدران(ы)* с колбой. Раньше *калدران* готовился следующим образом: топили сливочное масло, в растопленное масло добавляли простоквашу, соль, соду, муку, месили тесто до густой и упругой консистенции. Далее из него формировали каральки круглой формы. Сегодня *калدران* пекут в духовке. По вкусу эти два вида *калдрана* отличаются. Сегодня можно встретить *калдраны* с различными начинками, например с творогом, колбой и сметаной (*каймак*). Начинка готовится следующим образом: колба (*ачет*) нарезается мелко, добавляют творог, сметану, соль, все это перемешивается. Из теста раскатывается форма пирога, кладется начинка, соединяют края теста и пекут в духовке [ПМА–3].

Орляк является ценным пищевым растением в кухне северных алтайцев. Его жарят на подсолнечном масле, с картошкой, отдельно жарят с морковью и получают салат, в качестве салата употребляют и один папоротник с репчатым луком.

Корни кандыка сушили, измельчали и добавляли в суп на молоке. По воспоминаниям информанта, «раньше корни кандыка были величиной небольшой картошки» [ПМА–1]. Из пучки готовят молочный суп, добавляя сечку (чел. *уре*). В настоящее время популярным блюдом стала фаршированная пучка, сваренная на воде или на пару. Нужно отметить, что в современной кухне корни кандыка, стебли пучки в основном употребляют в свежем виде. Как было отмечено информантами, «чтобы вспомнить вкус детства», «угостить гостей и туристов национальной кухней» [ПМА–1].

Для приготовления мясных блюд наиболее широко используется мясо домашних животных, диких оленей, лося, косули, медведя, из дичи – глухаря, тетерева, рябчика, дикой утки и гуся, а из грызунов – мясо зайца, белки, бурундука. Наиболее часто приготовляемое блюдо из мяса – суп *тутнац* (от слова *тут* – буквально «отщипывать тесто»). Для его приготовления пресное тесто раскатывается на небольшие лепешки, из которых нарезаются мелкие кубики; варят на мясном бульоне, можно также и на молоке [ПМА–3].

Пойманную рыбу северные алтайцы употребляют в жареном и сушеном виде. Зимой *тутнац* также варят с мелкой сушеной рыбой (*ывраак*).

По сообщению информанта, приготовлением национальных блюд могли заниматься и девочки, если старших не было дома или они были заняты другой работой [ПМА–3]. В настоящее время прослеживается преемственность традиционных элементов, сохранившихся в современном приготовлении национальных блюд северных алтайцев, изустно передающихся в пределах семьи из поколения в поколение.

Заключение

Традиционные промыслы для северных алтайцев – это не только хозяйственное занятие, обеспечивающее их существование, но и своеобразный быт, тесно связанный с духовной культурой. Все приготовления к промыслам, путь, обустройство жилища охотников, добыча пищи были насыщены различными поверьями, приметами, запретами, правилами поведения людей на охоте. Для современных северных алтайцев традиционные промыслы – не просто эксплуатация природных ресурсов для извлечения прибыли. Как и их предки, они понимают, что их собственное благополучие и будущее их детей зависит от бережного отношения к природе. Поэтому связь северных алтайцев с землей зачастую можно описать лишь в духовном плане.

Национальная политика России по отношению к северным алтайцам оказала существенное влияние на сохранение традиционных промыслов челканцев, тубаларов, кумандинцев. Создание современных общин (родовых / территориальных) на территории Северного Алтая – это защита исконной среды обитания, традиционного образа жизни северных алтайцев. Процессы, происходившие в начале XXI в. на Алтае, показали, как трансформируется культура, которая, несомненно, подверглась изменениям с течением времени. Однако, как показывает исследование, ее базис остается неизменным (родовая принадлежность, важность знания языка, традиционные промыслы, охотничьи территории и т.п.).

Примечания

¹ ПМА–1 – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2019 г., Республика Алтай, Турочакский район, с. Курмач-Байгол, п. Бийка, с. Кебезень.

ПМА–2 – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2016, 2017 гг., Республика Алтай, Турочакский район, с. Курмач-Байгол, с. Кебезень.

ПМА–3 – Полевые материалы автора. Этнографические экспедиции 2015 г., Республика Алтай, Турочакский район, с. Кебезень, п. Яйлю.

**Перечень общин коренных малочисленных народов, сведения о которых содержатся в ведомственном реестре
Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Алтай на 16.05.2012 г. [3. С. 241–243]**

№ п/п	Общины	Дата регистрации	Глава
1	Семейная община коренного малочисленного народа тубаларов с. Артыбаш Турочакского района Республики Алтай Туймешевых (с. Артыбаш)	20.01.2003	Д.С. Туймешев
2	Семейная община коренных малочисленных народов «Алтын-Туу» (с. Кебезень)	07.02.2003	В.А. Романов
3	Территориальная община коренных малочисленных народов с. Артыбаш Турочакского района Республики Алтай «Алтын-Кель» (с. Артыбаш)	07.02.2003	Э.М. Туймешева
4	Община коренных малочисленных народов с. Усть-Пыжа «Пыжа» (с. Усть-Пыжа)	19.03.2003	З.П. Бакашева
5	Семейная община коренных малочисленных народов с. Кебезень «Чаган» (с. Кебезень)	18.04.2003	А.И. Пустогачев
6	Община коренных малочисленных народов Тубаларов, родов Токус и Юс, с. Каракокша «Биле» (с. Каракокша)	21.05.2003	Л.А. Петургина
7	Община коренного малочисленного народа тубаларов и русскоязычного населения с. Уймень (с. Уймень)	30.05.2003	М.А. Камылин
8	Община коренных малочисленных народов с. Кебезень «Тан Чаан» (с. Кебезень)	05.11.2003	Т.А. Борбоякова
9	Семейно-родовая община коренных малочисленных народов с. Бийка «Бий» (с. Бийка)	15.11.2003	Н.С. Пустогачева
10	Община коренного малочисленного народа тубаларов с. Старый Кебезень «Альбаган» (с. Кебезень)	09.02.2004	Ю.С. Тарбаганов
11	Община коренного малочисленного народа с. Кебезень «Тура» (с. Кебезень)	02.06.2004	Г.Н. Евичева
12	Семейная община коренных малочисленных народов Сибири «Карал-Таш» (с. Иогач)	23.11.2005	Б.С. Сапкин
13	Община коренных малочисленных народов «Туба» с. Каракокша (с. Каракокша)	01.03.2006	М.В. Сакова
14	Территориальная община коренных малочисленных народов «Телекей» с. Шунурак (с. Шунурак)	04.02.2007	Н.В. Аксантаева
15	Территориальная община коренных малочисленных народов «Куучак» (с. Талон)	19.04.2007	А.В. Бакашев
16	Территориальная община коренного малочисленного народа тубаларов с. Средний Сайдыс Майминского района Республики Алтай «Чаптыган» («Священная гора») (с. Средний Сайдыс)	25.05.2009	А.Н. Уланкин
17	Семейная община семьи Тартыковых «КАРАГАЯ» коренного малочисленного народа тубаларов	29.06.2009	А.А. Тартыков
18	Территориальная община коренного малочисленного народа тубаларов «Алас-Суулу» («Святая вода») с. Урлу-Аспак Майминского района Республики Алтай (с. Урлу-Аспак)	17.07.2009	Е.П. Мамашева
19	Семейная, родовая община «Клык» коренного малочисленного народа челканцев с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай (с. Курмач-Байгол)	01.09.2009	К.В. Ганенко
20	Семейная, родовая община «Шукша» коренного малочисленного народа челканцев с. Курмач-Байгол Турочакского района Республики Алтай (с. Курмач-Байгол)	09.03.2010	О.Я. Крачнаков

Список источников

- Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М.: Экпрос, 1993. 544 с.
- Адаптационные стратегии населения / под. ред. Е.М. Авраамовой. СПб.: Компьютербург, 2003. 196 с.
- Чемчиева А.П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 254 с.
- Сбор папоротника-орляка становится составляющей экономики Республики Алтай // Банкфакс: информационное агентство. 2004. 15 июля. URL: <https://www.bankfax.ru/news/24519>
- Турочакский папоротник отправят на экспорт в Японию // Новости Горного Алтая. 2016. 5 авг. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/60690>
- Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1974. 200 с.
- Макошев А.П. Тубалары: население и хозяйство. Горно-Алтайск, 2013. 48 с.
- Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования: инф.-метод. справочник / ред. И.И. Назаров. Барнаул: Азбука, 2009. 310 с.
- Аткунова Д.А. Материалы по традиционным праздникам коренных малочисленных народов Северного Алтая // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 179–190.
- Сохраним для потомков // Звезда Алтая. 2000. 20 мая. С. 4.
- Кушнаренко-Суртаева В. Возрождение... // Звезда Алтая. 2000. 11 апр. С. 3.
- Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев: (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: МАЭ РАН, 2001. 167 с.
- Пустогачева О.Н. Этнолингвистические особенности челканского языка: слова-благопожелания в лексиконе охотников и рыбаков // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: Изд. Дом СПб. гос. ун-та, 2008. С. 309–313.
- Асман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Кучукова Д.А. Обрядовый фольклор северных алтайцев: мемораты и возрождения // Межкультурный диалог на Евразийском пространстве: сб. материалов междунар. науч. конф., Горно-Алтайск, 22–25 октября 2013 г. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2013. С. 176–187.
- Люди степи и тайги: история и культура кумандинцев: материалы науч. чтений, посвященные 85-летию со дня рождения Ф.А. Сатлаева. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. 220 с.
- Кандаракова Е.П. Алтайский фольклор: сб. устного народного творчества. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1988. 216 с.
- Кандаракова Е.П. Алтайские благопожелания и обряды их исполнения. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1993. 19 с.
- Лукина Н.В., Новик Е.С. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Муйтуева В.А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск: Тип. ЧП Высоцкой Г.Г., 2004. 166 с.
- Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск: Изд-во НТЛ, 1998. 80 с.
- Иванова Е. Делегация Турочакского района приняла участие в праздновании Дня коренных народов мира // Истоки. 2018. 16 авг.

References

- Gumilev, L.N. (1993) *Etnosfera: istoriya lyudey i istoriya prirody* [Ethnosphere: The history of people and the history of nature]. Moscow: Ekpros.
- Avraamova, E.M. (ed.) (2003) *Adaptatsionnye strategii naseleniya* [Adaptation Strategies of the Population]. St. Petersburg: Komp'yuterburg.
- Chemchieva, A.P. (2012) *Altayskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [Altai sub-ethnic groups in search of identity]. Novosibirsk: SB RAS.

4. Bankfaks: informatsionnoe agentstvo. (2004) Sbor paporotnika-orlyaka stanovitsya sostavlyayushchey ekonomiki Respubliki Altay [Harvesting bracken becomes a component of the economy of the Altai Republic]. 15th July. [Online] Available from: <https://www.bankfax.ru/news/24519>
5. Novosti Gornogo Altaya. (2016) Turochakskiy paporotnik otpravlyat na eksport v Yaponiyu [Turochaksky fern will be sent for export to Japan]. 5th August. [Online] Available from: <https://www.gorno-altaysk.info/news/60690>
6. Satlaev, F.A. (1974) Kumandinty: (istoriko-etnograficheskiy ocherk XIX – pervoy chetverti XX veka) [The Kumandins: (historical and ethnographic essay of the 19th – first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo.
7. Makoshev, A.P. (2013) Tubalary: naselenie i khozyaystvo [The Tubalars: population and economy]. Gorno-Altaysk: [s.n.].
8. Nazarov, I.I. (2009) Traditsionnye znaniya korennykh narodov Altae-Sayanskogo ekoregiona v oblasti prirodopol'zovaniya [Traditional knowledge of the indigenous peoples of the Altai-Sayan ecoregion about nature management]. Barnaul: Azbuka.
9. Atkunova, D.A. (2018) Materialy po traditsionnym prazdnikom korennykh malochislennykh narodov Severnogo Altaya [Materials on the traditional holidays of the indigenous peoples of the Northern Altai]. *Antropologicheskii forum*. 39. pp. 179–190.
10. Zvezda Altaya. (2000) Sokhraneniye dlya potomkov [Save for descendants]. 20th May. pp. 4.
11. Kushnarenko-Surtaeva, V. (2000) Vozrozhdeniye... [Revival...]. *Zvezda Altaya*. 11th April. pp. 3.
12. Potapov, L.P. (2001) Okhotnichiy promysel altaytsev: (otrazheniye drevnetyurkskoy kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaytsev) [Hunting trade of the Altaians: (Reflection of the ancient Turkic culture in the traditional hunting trade of the Altaians)]. St. Petersburg: MAE RAS.
13. Pustogacheva, O.N. (2008) Etnolingvisticheskie osobennosti chelkansko-yazyka: slova-blagopozhelaniya v leksikone okhotnikov i rybakov [Ethnolinguistic features of the Chelkan language: Words of good wishes in the lexicon of hunters and fishermen]. In: Malinov, A.V. (ed.) *Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaya* [Culture and traditions of the indigenous peoples of the Northern Altai]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 309–313.
14. Assman, J. (2004) Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Kuchukova, D.A. (2013) Obryadovyy fol'klor severnykh altaytsev: memoraty i vozrozhdeniya [Ritual folklore of the northern Altaians: memorials and revivals]. *Mezhkul'turnyy dialog na Evraziyskom prostranstve* [Intercultural Dialogue in the Eurasian Space]. Proc. of the International Conference. Gorno-Altaysk, October 22–25, 2013. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 176–187.
16. Ekeev, N.V. & Enchinov, E.V. (eds) (2018) *Lyudi stepi i taygi: istoriya i kul'tura kumandintsev* [People of the Steppe and Taiga: The History and Culture of the Kumandins]. Gorno-Altaysk: S.S. Surazakov Research Institute of Altaistics.
17. Kandarakova, E.P. (1988) *Altayskiy fol'klor* [Altai folklore]. Gorno-Altaysk: Alt. kn. izd-vo.
18. Kandarakova, E.P. (1993) *Altayskie blagopozhelaniya i obryady ikh ispolneniya* [Altai blessings and rituals of their fulfillment]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. tip.
19. Lukina, N.V. & Novik, E.S. (1990) *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Moscow: Nauka.
20. Muiyueva, V.A. (2004) *Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaytsev* [Traditional religious and mythological picture of the world of the Altaians]. Gorno-Altaysk: Vysotskaya G.G.
21. Pelikh, G.I. (1998) *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: NTL.
22. Ivanova, E. (2018) Delegatsiya Turochakskogo rayona prinyala uchastie v prazdnovanii Dnya korennykh narodov mira [The delegation of the Turochak region took part in the celebration of the Day of the Indigenous Peoples of the World]. *Istoki*. 16th August.

Сведения об авторе:

Аткунова Дарья Аркадьевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова (Горно-Алтайск, Российская Федерация), Социологического института РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: Russlana06@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Atkunova Darya A. – Senior Researcher of the Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakova (Gorno-Altaysk, Russian Federation), Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: Russlana06@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2019; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 12.05.2019; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/84/18

Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев

Томский государственный университет, Томск, Россия,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, vpz@tsu.ru

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в Семипалатинской области в конце XIX в. На основе данных переписи 1897 г. доказано, что кочевое скотоводство было главным в жизни казахского населения области. Основным занятием пришлого населения – великоросских, малоросских и других выходцев из Европейской России – было земледелие. Евреи, сарты, татары определились в основном как городское население, занятое ремеслом и торговлей.

Ключевые слова: Семипалатинская область, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, казахи, татары, сарты

Благодарности: Результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18

Original article

Interethnic division of labor in the Semipalatinsk region according to the census of 1897

Vasiliy P. Zinoviev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, vpz@tsu.ru

Abstract. The interethnic division of labor in the Semipalatinsk region at the end of the XIX century is considered. Analysis of the 1897 census data shows that in the Semipalatinsk region, the 1897 census took into account only 684,590 people, including 158,547 amateur persons and 526,043 persons living at their expense. Thus, the occupations of the population as a whole provided a simple reproduction of the labor force. One employed person supported himself and on average three dependents. Of the total number of the amateur population, 23,334 or 14.7% belonged to the alien peoples, 15,8547 or 85.3% - to the Siberian indigenous peoples (Kirghiz and Sart), of the dependents 56,295 or 10.7% belonged to the alien peoples, and 469,846 or 89.3% - to the Siberian indigenous peoples. The share of self-employed persons among the alien population was 29.3%, among the indigenous population of the region - 17.0%. The ratio of the amateur population and dependents among the Kirgiz-Kaysaks 1 to 3.5 indicates an expanded reproduction of this ethnic group.

Representatives of the alien ethnic groups were employed in all spheres of activity, most of all in agriculture – 7,982 (34.2%), in industry – 3,669 (15.7%), in service – 2,469 (10.6%), existed at the expense of rent – 3,345 (4.5%), engaged in trade – 1,776 (7.6%), in transport and communications – 606 (2.6%), in military service – 2,725 (11.7%), in management – 677 (2.9%), were engaged in fishing and hunting – 371 (1.5%), animal husbandry – 219 (0.9%), in education and medicine - 359 (1.5%), in the correction of religious cults – 163 (0.7%), etc. The majority of the newcomer population were Russians - 19,012 (81.5%). They provided the majority of those employed in all spheres of the national economy of the region, with the exception of animal husbandry, in which Kirghiz-Kaysaks absolutely prevailed. Russians were the main inhabitants of the cities of the region: 29,019 people or 53.3% of the 54,488 people of the urban population. The author claims that by the end of the XIX century, the interethnic division of labor in the Semipalatinsk region, as well as in Akmola, was preserved in relation to the largest Kirgiz (Kazakh) ethnic group, which was still engaged in traditional cattle breeding. It should also be noted that the Kirgiz-Kaysaks of the region, as in other regions of Siberia, shunned cities and almost did not engage in industrial labor, but in this region Kazakhs resorted to agriculture as the main way of life support much more often than in the Akmola region. The alien population, in which Russians predominated, differed little in the nature of their work in rural areas, they were engaged in agriculture. In the cities, Jews competed with Tatars and Sartas, who traditionally performed trading functions in the Steppe. The Great Russian population performed the main binding economic, cultural and managerial functions, preserving traditional agriculture as the leading occupation for peasants.

Keywords: Semipalatinsk region, inter-ethnic division of labor, economic development, Russians, Kazakhs, Tatars, Sarts

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Zinoviev, V.P. (2023) Interethnic division of labor in the Semipalatinsk region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 142–147. doi: 10.17223/19988613/84/18

Настоящая статья продолжает анализ межэтнического разделения труда в Сибири в конце XIX в. Начат он Е.В. Карих [1, 2], она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Статистический анализ переписи 1897 г. проведен ею по Тобольской, Томской губерниям, Омскому уезду Акмолинской области, т.е. по той территории, которая относится сейчас к Западной Сибири, а также по Якутской области [3].

Проведенный мной анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии подтвердил вывод Е.В. Карих на материалах Западной Сибири о делении населения на скотоводов-тюрков на юге губерний, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней их полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [4]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показали, что буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [5]. Оценка характера межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., наоборот, показала, что буряты сохранили скотоводство как основной вид деятельности, а тунгусы оказались более склонны к земледелию [6]. Таким образом, разрушение традиционных систем жизнеобеспечения у коренных народов Сибири в разных ее районах шло в направлении перехода к земледелию как к более эффективному способу

получения средств существования, но разными темпами. В настоящей статье анализируется срез межэтнического разделения труда в Семипалатинской области, в которой преобладающим населением, как и в Акмолинской области, были киргиз-кайсаки (казахи). Анализ велся по уже апробированной методике выделения коренных и пришлых этносов, различающихся по основным системам жизнеобеспечения и характеру участия в хозяйственной деятельности населения регионов.

Сведения таблицы № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Семипалатинской области в обобщенном виде представлены в табл. 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь начиная с XVII в. из-за Урала и Центральной Азии, и так называемые коренные народы Сибири.

К коренным этносам по данным переписи 1897 г. в области можно уверенно отнести только киргизов (казахов) и сартов. Под последними имеется в виду оседлое тюркоязычное население Центральной Азии [8]. Татары в таблице не разделены на сибирских, казанских и бухарских, поэтому они все внесены в пришлое население. В таблице также выделены наиболее крупные по численности пришлые народы – русские (великороссы и малороссы), мордва, евреи, татары.

Таблица 1

Распределение населения Семипалатинской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Население области		Киргиз-кайсаки		Сарты		Коренные народы	
		Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	Управление	846	1893	168	379	1	4	169	383
4	Военнослужащие	2 755	355	29	14	1	–	30	14
5–8	Служители культа	210	473	45	76	2	2	47	78
9–12	Образование, наука, культура, медицина	660	918	300	425	1	–	301	425
13	Прислуга	9 924	8 095	7 438	6 672	19	6	7 457	6 678
14–15	Рантье	1 963	1 306	901	302	3	1	904	303
16	Арестанты	239	41	142	35	2	–	144	35
17–18	Земледелие и пчеловодство	26 624	95 006	18 613	60 782	29	88	18 642	60 870
19	Животноводство	98 840	386 349	98 608	385 726	13	44	98 621	385 770
20	Лесные промыслы	375	836	281	649	–	–	281	649
21	Рыболовство, охота	454	1305	111	256	–	–	111	256
22–40	Промышленность	8 604	15 027	4 906	7 185	29	16	4 935	7 201
41–45	Транспорт и связь	1 556	4 843	948	1 812	2	4	950	1 816
46–62	Торговля	3 778	10 124	1 903	4 396	109	122	2 002	4 518
63	Неопределенные занятия	622	680	406	445	3	–	409	445
64	Проституция	30	12	–	–	–	–	–	–
65	Занятия не указаны	437	430	195	227	–	–	195	227
Итого		158 547	526 043	135 001	469 563	212	283	135 213	469 846

Продолжение табл. 1

№	Великороссы		Малороссы		Татары		Мордва		Евреи		Пришлые народы	
	Самодетельное население	Иждивенцы	Самодетельное население	Иждивенцы	Самодетельное население	Иждивенцы	Самодетельное население	Иждивенцы	Самодетельное население	Иждивенцы	Самодетельное население	Иждивенцы
1–3	636	1 445	6	11	15	38	–	–	–	–	677	1 510
4	2 620	317	22	3	64	4	–	–	2	–	2 725	341
5–8	128	256	–	–	35	136	–	–	2	9	163	395
9–12	296	471	5	–	22	32	–	–	7	20	359	493
13	2 091	1 067	25	18	299	308	12	6	4	5	2 467	1 417
14–15	683	696	2	–	213	263	–	–	7	12	1 059	1 003
16	78	6	–	–	13	–	–	–	–	–	95	6
17–18	7 144	29 336	498	2 494	543	2 018	80	429	–	–	7 982	34 136
19	157	422	3	2	43	158	–	–	–	–	219	579
20	78	154	–	6	13	23	–	–	–	–	94	187
21	339	932	–	7	4	9	1	3	–	–	343	1 049
22–40	3 024	6 268	39	85	474	1 296	9	15	29	63	3 669	7 826
41–45	476	920	–	–	127	541	–	–	–	–	606	3 027
46–62	1 258	2 920	6	19	778	2 349	1	4	27	85	1 776	5 606
63	161	180	1	3	34	37	2	6	6	6	211	235
64	30	12	–	–	–	–	–	–	–	–	30	12
65	219	168	2	5	19	23	2	7	–	–	242	203
Итого	19 012	45 510	607	2 650	2 705	7 235	105	287	84	203	23 334	56 295

Примечание. Составлено по: [7. С. 88, 96–101].

Данные в табл. 1 сгруппированы по той же форме, что и по другим областям и губерниям Сибири, чтобы получить сравнимый материал по всей территории Северной Азии. Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены по той же методике, что и по другим регионам, поскольку для анализа межэтнического разделения труда не требуется столь подробного определения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1. показывает, что в Семипалатинской области перепись 1897 г. учла всего 684 590 чел., в том числе 158 547 самодетельных лиц и 526 043 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и в среднем троих иждивенцев. Из общего числа самодетельного населения 23 334, или 14,7%, относились к пришлым народам, 158 547, или 85,3%, – к сибирским коренным народам (киргизам и сартам), из числа иждивенцев 56 295, или 10,7%, относились к пришлым народам, а 469 846, или 89,3%, – к сибирским коренным народам. Доля самодетельных лиц в числе пришлого населения составляла 29,3%, у коренного населения области – 17,0%. Разница в 12,3% свидетельствует о присутствии большого числа отходников, пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму, военнослужащих без семей. Показатель соотношения самодетельного населения и иждивенцев у киргиз-кайсаков 1 к 3,5 свидетельствует о расширенном воспроизводстве этого этноса.

Коренные жители Семипалатинской области занимались преимущественно животноводством – 98 621 (72,9%), земледелием – 18 642 (13,8%), услугами 7 457 (5,5%), промышленностью – 4 935 (3,6 %), торговлей – 2 002 (1,5%). В остальных сферах хозяйствования были представлены немногие из коренного народа области. В городах жили всего 16 030 киргизов области, в том

числе самодетельных 6 797 чел. [7. С. 109] Доля киргизов в населении городов Семипалатинской губернии была значительной, в отличие от Акмолинской области, – 29,4%, но от численности всего киргизского населения области горожане составили 2,7%. Они и были учтены переписью преимущественно как занятые в услужении, промышленности и торговле (см. табл. 1). Немногочисленные в области сарты на 70% жили в городах, занимались ремеслом и торговлей.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус инородцев Семипалатинской области, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям» [7. С. 122–130]. На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о распределении наиболее крупных народов области по сословиям (табл. 2). Анализ показывает, что сословная идентичность киргизов области практически не была нарушена к концу XIX в. В имперские сословия перешли только 1 722 киргиза, из них 573 чел. относились к мещанам. Таким образом, лишь 0,28% казахов области утратили сословную идентичность, в то же время традиционные занятия животноводством утратили около 27% киргиз-кайсаков. Киргиз-кайсаки Семипалатинской области в три раза чаще, нежели в Акмолинской области, оставляли традиционное животноводство ради земледелия, однако расстаться с сословным статусом «инородца» не спешили, так как несли более легкие повинности по сравнению с крестьянами или мещанами империи.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего в земледелии – 7 982 (34,2%), в промышленности – 3 669 (15,7%), в услужении – 2 469 (10,6%), существовали за счет ренты – 3 345 (4,5%), заняты в торговле – 1 776 (7,6%), на транспорте и связи – 606 (2,6%), на военной службе – 2 725 (11,7%), в управлении – 677 (2,9%), заняты рыболовством и охо-

той – 371 (1,5%), животноводством – 219 (0,9%), в образовании и медицине – 359 (1,5%), в исправлении религиозных культов – 163 (0,7%). Основную часть пришлого населения составляли русские – 19 012 (81,5%). Они обеспечивали большинство занятых во всех сферах хозяйствования области, за исключением животноводства, в котором абсолютно преобладали киргиз-кайсаки. Русские составляли большинство во всех со-

словиях, за исключением инородцев. Они же были основными жителями городов области: 29 019 чел., или 53,3%, из 54 488 чел. городского населения.

Великороссы концентрировались преимущественно в трех уездах Семипалатинской области – Павлодарском, Семипалатинском и Усть-Каменогорском – 53 204 (82,5%) из 64 522 их общего числа, почти все малороссы – в Усть-Каменогорском уезде.

Таблица 2

Распределение населения Семипалатинской области по сословиям и по родному языку по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия							Всего
	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Прочие	
Все народы	2 503	1 349	24 035	219 692	28 717	605 110	871	684 590
В том числе:								
великороссы	2 228	729	16 778	16 051	28 326	185	472	65 062
малороссы	11	5	153	2 818	154	7	–	3 257
татары	25	540	6 042	1 945	40	1 321	23	9 940
киргиз-кайсаки	97	44	573	243	171	603 166	259	604 888
мордва	–	–	11	367	11	–	3	392
евреи	12	19	229	17	–	–	–	287
сарты	–	–	23	4	–	404	64	495

Примечание. Составлено по: [7. С. 136–137].

Три этноса – татары, сарты и евреи – были в Семипалатинской области преимущественно городскими и занимались в основном ремеслом, торговлей, транспортом и услугами. Эти этносы входили в городские сословия – дворян, почетных граждан, купцов и мещан, среди татар таких было 66,5%, евреев – 90,6%. В городах Семипалатинской области, как и в городах Акмолинской области, была значительная доля татар в рядах купечества и мещанства [9]. В среде управленцев и военных преобладали русские (см. табл. 1).

Особенностью населения Семипалатинской области было также присутствие некоторого числа (378 чел.) мордвы среди крестьян и казаков (см. табл. 2). Они появились здесь как поверстанные в Сибирское казачье

войско в 1849 и 1851 гг. из уездов Саратовской и Оренбургской губерний. Численность их составляла 2,9 тыс. чел, а в начале XX в. – около 8 тыс. чел. По мнению Г.Е. Катанаева, численность их в Киргизской степи увеличивалась только за счет естественного прироста [10].

Деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако население области, кроме основных занятий, занималось десятками различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслах сельского населения. Сжатые сведения включены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение сельского населения Семипалатинской области по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Побочные промыслы	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	126 218	482 560	608 778
В том числе занимающихся побочными промыслами	27 804	62 061	89 865
из них:			
земледелием и садоводством	14 369	13 405	27 774
пчеловодством и шелководством	262	90	352
скотоводством	4 021	1 611	5 632
лесными промыслами	451	240	691
рыболовством и морским промыслом	788	500	1 288
промысловой охотой	411	204	615
горными промыслами	243	277	520
обрабатывающей промышленностью	4 303	44 584	48 887
строительством	1 171	511	1 672
транспортом	882	367	1 249
торговлей и услугами	185	209	394
черной и поденной работой	943	1 717	1 660
прочими заработками	34	55	89

Примечание. Составлено по: [7. С. 128–134].

Наиболее развитым промыслом населения области была кустарная выделка шерстяных изделий – войлока, ковров, одежды и обуви – 26,7 тыс. чел, в основном

женщин. Производством изделий из льна и пеньки были заняты почти 6 тыс. чел., тоже в основном женщины. Очевидно, что первая группа работников – из ко-

ренных жителей, вторая – из пришлых. Число занятых животноводством как побочным промыслом значительно отставало от числа самостоятельного коренного населения, занятого в животноводстве: 4 021 чел. против 98 608. Они не составляли серьезной конкуренции коренным жителям Степи в их главном занятии. Побочный земледельческий промысел стал уже заметным в области, им занимались более половины от постоянных земледельцев: 14 369 против 26624 чел. Вместе с членами семей занятых земледелием как побочным промыслом было учтено 27 774 чел. Всех же занимавшихся обработкой земли в области было 54 398 чел., или 22% всех работников.

Таким образом, к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Семипалатинской области, как и в Акмолинской, сохранялось применительно к наиболее крупному киргизскому (казахскому) этносу, который по-прежнему занимался традиционным скотоводством.

Также следует отметить, что киргиз-кайсаки области, как и в других регионах Сибири, чуждались городов и почти не занимались индустриальным трудом, однако в этом регионе казахи значительно чаще, нежели в Акмолинской области, прибегали к земледелию как к основному способу жизнеобеспечения. Пришлое население, в котором преобладали русские, мало различалось по характеру трудовой деятельности в сельской местности, оно занималось земледелием. Городской этнос – евреи – и в условиях Степи занимался ремеслом и торговлей. Он составил конкуренцию татарам и сартам, традиционно выполнявшим в Степи торговые функции. Великоросское население выполняло основные связующие хозяйственные, культурные и управленческие функции, сохраняя традиционное земледелие как ведущее занятие для крестьян. Земледелие уже достаточно глубоко проникло и в быт коренных жителей.

Список источников

1. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
2. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
3. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
4. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 137–141. doi: 10.17223/19988613/76/16
5. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2022. Т. 40. С. 40–48. doi: 10.26516/2222- 9124.2022.40.40
6. Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. кн. В.П. Мещерского, 1904. Т. LXXXIV: Семипалатинская область. 148 с.
8. Иохельсон В. Сарты // Гранат : энциклопедический словарь. URL: <http://wiki/enc/s/sarty-/?ysclid=lesl35jdt1492365726> (дата обращения: 03.03.2023).
9. Зиновьев В.П. Национальный состав купечества и мещанства Северной Азии по переписи населения Российской империи 1897 г. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тез. докл. Пятой междуна. науч. конф. (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т истории Сиб. отд-ния и др.; сост. А.И. Раздорский. СПб. ; Новосибирск, 2022. С. 109–111.
10. Андреев С.М. Мордва в этническом составе сибирского казачества (по материалам Г.Е. Катанаева, 1890–1891 гг.) // Архивный вестник : ежегодник Архивного управления администрации Омской области. Омск, 1994. № 5. С. 26–29.

References

1. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Karikh, E.V. (2009) *Ekonomichekies svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v.* [Economic relations of the Evenks and Russians in the north of Irkutsk province in the second quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.
3. Karikh, E.V. (2007) *Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX veka* [Ethnic structure of the population of the Yakut region in the late 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.
4. Zinoviev, V.P. (2022a) Interethnic division of labor in the Yenisei province according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 137–141. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/76/16
5. Zinoviev, V.P. (2022b) *Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Irkutskoy gubernii po dannym perepisi 1897 g.* [Interethnic division of labor in the Irkutsk province according to the 1897 census]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 40. pp. 40–48. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.40.40
6. Zinoviev, V.P. (2022c) Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/19
7. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. LXXXIV. St. Petersburg: Tipografiya kn. V.P. Meshcherskogo
8. Iokhelson, V. (n.d.) *Sarty* [Sarty]. [Online] Available from: <http://wiki/enc/s/sarty-/?ysclid=lesl35jdt1492365726> (Accessed: 3rd March 2023).
9. Zinoviev, V.P. (2022d) *Natsional'nyy sostav kupechestva i meshchanstva Severnoy Azii po perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The national composition of the merchants and bourgeoisie of North Asia according to the census of the Russian Empire in 1897]. In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vv.* [Trade, merchants and customs in Russia in the 16th – 20th centuries]. Proc. of the Fifth International Conference. Novosibirsk, September 27–29, 2022. St. Petersburg; Novosibirsk: [s.n.]. pp. 109–111.
10. Andreev, S.M. (1994) *Mordva v etnicheskom sostave sibirskogo kazachestva (po materialam G.E. Katanaeva, 1890–1891 gg.)* [Mordovians in the ethnic composition of the Siberian Cossacks (based on the materials of G.E. Katanaev, 1890–1891)]. *Arkhivnyy vestnik: ezhegodnik Arkhivnogo upravleniya administratsii Omskoy oblasti*. 5. pp. 26–29.

Сведения об авторе:

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zinoviev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Leading Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 10.03.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 314.1-045.625"1959/1989"(=511.131)

doi: 10.17223/19988613/84/19

К вопросу о методике определения количественных размеров этнической ассимиляции в 1959–1989 гг. (на примере удмуртов)

Сергей Николаевич Уваров

Удмуртский государственный аграрный университет, Ижевск, Россия, sergey.uvarov@mail.ru

Аннотация. Впервые в мировой и отечественной историографии подсчитан объем этнической ассимиляции удмуртов с 1959 по 1989 г. По расчетам, за этот период 84,3 тыс. удмуртов сменили свою этническую идентичность в Удмуртии, еще 38,1 тыс. чел. – за ее пределами. Предложенная методика количественного измерения этнической ассимиляции может использоваться и по отношению к другим народам и в других регионах. Ограничением для использования данной методики является временной период: в силу специфики сбора текущей статистики об этническом воспроизводстве ее возможно применять лишь к 1959–1988 гг.

Ключевые слова: этническая ассимиляция, этнодемографические процессы, население, удмурты, Удмуртия

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>

Для цитирования: Уваров С.Н. К вопросу о методике определения количественных размеров этнической ассимиляции в 1959–1989 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 148–153. doi: 10.17223/19988613/84/19

Original article

On the question of the method of determining the quantitative dimensions of ethnic assimilation in 1959–1989 (on the example of Udmurts)

Sergey N. Uvarov

Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russian Federation, sergey.uvarov@mail.ru

Abstract. Currently, there are no generally accepted methods in the world for the quantitative measurement of ethnic assimilation. Scientists have repeatedly made such attempts, but none of the proposed methods was perfect. Therefore, they have not received distribution. For the first time in world and domestic historiography, the article proposes a technique which makes it possible to determine the quantitative dimensions of ethnic assimilation. Udmurts, who are the largest people of the Russian Federation, are taken as an example. According to the 2010 census, they were thirteenth in size. At the same time, from 1959 to 2010, the number of Udmurts in Russia decreased by 10.3%. During the same time, among the more numerous peoples of Russia, the number fell only among Ukrainians (by 42.6%) and Mordovians (by 38.5%), while among the rest it increased significantly (only among the Chuvashs it remained almost at the same level). The essence of the developed original methodology is that the changes in the number of people for a certain period of time (between population censuses) and the results of the reproduction of the same people are compared. The difference in this information is that during the census, nationality is recorded by self-determination (parents indicate children); when taking into account the natural movement of the population, it is recorded according to the relevant identification documents. This takes into account migration from one region to another. The relationship of these parameters is expressed by a formula with two unknowns. To solve it, you need to know the increase in the number of people in the region, the increase in the number of people outside the region, the natural increase in the people in the region, the natural increase in the diaspora. Using this original technique, the quantitative sizes of the ethnic assimilation of the Udmurts from 1959 to 1989 were calculated. According to estimates for this period, 84.3 thousand Udmurts changed their ethnic identity in Udmurtia, another 38.1 thousand people - beyond its borders. The proposed method of quantitative measurement of ethnic assimilation can be used in relation to other peoples in other regions. The limitation on the use of this technique is the time period: due to the specifics of collecting current statistics on ethnic reproduction, it can only be applied to 1959–1988. This is explained by the fact that in order to calculate the numerical scale of ethnic assimilation, it is necessary to know the size of the natural increase. Moreover, the information on fertility and mortality by individual nationalities was collected in our country only from 1958 to 1996.

Keywords: ethnic assimilation, ethno-demographic processes, population, Udmurts, Udmurtia

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/>

For citation: Uvarov, S.N. (2023) On the question of the method of determining the quantitative dimensions of ethnic assimilation in 1959–1989 (on the example of Udmurts). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 148–153. doi: 10.17223/19988613/84/19

Этническая ассимиляция – это процесс, в ходе которого этносы или отделившиеся от них небольшие группы, оказавшись в иноэтнической среде, воспринимают язык и культуру другого этноса, постепенно с ним сливаются и причисляют себя к данному этносу [1. С. 33]. Поскольку конечной стадией такого процесса обычно считается перемена этнического самосознания, то в результате ассимиляции численность этнических групп подвергается значительным колебаниям. Поэтому ее исследование крайне важно для этнографической науки. Незнание объема ассимиляции приводит к неверным демографическим оценкам, что может использоваться и в политических целях. Одним из последних примеров являются популярные ныне в зарубежной и украинской историографии обвинения в организации «голодомора», масштабы которого исчисляются почти в 4–5 млн человек. Это интерпретируется как намеренная акция «русского государства» против украинского народа, хотя, как выяснилось, уменьшение украинцев между переписями 1926 и 1937 гг. на 4,7 млн чел. произошло в основном не за счет естественного движения, а благодаря смене этнической идентичности [2].

Изучению ассимиляционных процессов посвящено немало зарубежных [3–10] и отечественных исследований [11–21], но масштабы смены этнической принадлежности практически никто не анализировал. Количественному измерению этнической ассимиляции посвящено лишь несколько работ. Так, В.И. Козлов определял размеры ассимиляции путем сравнительного анализа прироста численности различных народов, имеющих близкие показатели воспроизводства. Поскольку их прирост был неравномерным, а миграция за пределы страны – минимальна, то разница, по его мнению, означала количество ассимилированных. В качестве примера он приводил мордву. У них и у чувашей были близки показатели рождаемости и смертности в 1927 и 1940 гг., поэтому за 1926–1939 гг. и численность должна была вырасти в равной пропорции. Однако этого не произошло; соответственно, в течение этого периода ассимилировало около 200 тыс. представителей мордвы. Сравнивая демографические показатели мордвы и марийцев, В.И. Козлов пришел к выводу, что за 1959–1979 гг. ассимиляции подверглось еще свыше 400 тыс. чел. представителей первых [17. С. 283].

Такой метод, вероятно, позволяет установить примерные размеры ассимиляции различных народов относительно друг друга. Однако он малоприменим для установления абсолютного количества сменивших этническую принадлежность, ведь численность народа, с которым идет сравнение, может также уменьшаться или увеличиваться в результате ассимиляции. Кроме того, нужно знать более точные цифры рожденных и умерших за весь анализируемый период.

А.В. Топилин использовал особенности статистического учета: при переписях населения национальность записывается по самоопределению (за детей указывают родители); при учете естественного движения населения она фиксируется по соответствующим документам, удостоверяющим личность. К примеру, в русско-украинской семье рождается ребенок, которого текущая статистика учитывает по национальности матери как украинца и который записывается в момент переписи родителями как украинец. Но по достижении им совершеннолетия и получения паспорта он осознает себя русским, о чем делается соответствующая запись в документах, и при опросе в момент проведения переписи он называет себя русским. Соответственно, на одного украинца становится меньше, а на одного русского больше. Таким образом, ассимиляцию можно определить в случае, когда при переписи называлась иная национальность.

На основании своей методики А.В. Топилин произвел расчеты количественных размеров этнической ассимиляции на примере шести крупнейших народов СССР (русские, украинцы, белорусы, узбеки, казахи, татары), по которым с 1979 г. органами статистики учитывалось естественное движение. По его подсчетам, за 1979–1988 гг. положительное сальдо ассимиляции составило 872 тыс. чел. у русских и 262 тыс. чел. у украинцев. У белорусов сальдо было отрицательным (–54 тыс. чел.), как и у узбеков (–490 тыс. чел.), казахов (–215 тыс. чел.), татар (–327 тыс. чел.) [22. С. 32]. При этом внешнюю миграцию А.В. Топилин исключил из расчетов как малозначительный фактор. Поэтому для исследования этнической ассимиляции в регионе, который сильно подвержен миграциям, такой способ не подойдет.

В зарубежной историографии также предпринимались попытки оценить количественные размеры этнической ассимиляции. Для этого предлагалось использовать метод когортного анализа, суть которого в сравнении возрастных распределений по какой-либо национальности за период между двумя переписями с учетом смертности в этот промежуток времени. Для применения когортного анализа наиболее удобным случаем являются две последовательные переписи с межпереписным периодом, равным или кратным числу лет, составляющих возрастные группы. Если, например, берутся две переписи с интервалом в 10 лет, в которых использованы 5-летние возрастные группы, то тем, кому было 10–14 лет при начальной переписи, будет 20–24 года при конечной переписи. Таким образом, возрастные группы могут рассматриваться как набор когорт. Если уровень смертности в течение межпереписного периода известен, то можно вычесть из каждой когорты число тех, кто не дожил до даты конечной переписи. Путем сравнения чисел доживающих с воз-

растными данными из второй переписи можно подойти к количественным оценкам сальдо ассимиляции (нетто-ассимиляции) в межпереписной период.

Пионерами применения когортного анализа считаются Б. Андерсон и Б. Сильвер [3]. На примере восточно-финских народов России его использовал финский ученый С. Лаллукка. Он вычислил, в частности, что за период 1959–1970 гг. было ассимилировано 121,9 тыс. мордвы, 40,3 тыс. удмуртов, 27,5 тыс. марийцев, 14,1 тыс. представителей коми [23. С. 285]. Правда, этот исследователь признавал, что метод когортного анализа строится на большом числе допущений, которые делают расчеты приблизительными. Кроме того, применять его возможно к тем периодам, когда нет аномальной смертности.

Таким образом, ни один из рассмотренных способов не является совершенным, возможно, поэтому они не получили распространения. В данной статье будет рассмотрена этническая ассимиляция удмуртов и проведено ее количественное измерение. Для этого требуется разработать методику, которая может быть использована и в отношении любого другого народа. Выбор в пользу удмуртов предопределен несколькими причинами. Они являются крупнейшей этнической общностью Российской Федерации, занимая, по данным переписи 2010 г., 13-е место. При этом с 1959 по 2010 г. численность удмуртов в России удмуртов уменьшилась на 10,3%. За то же самое время из опережавших удмуртов народов России численность упала только у украинцев на 42,6% и мордвы на 38,5%, а у остальных значительно выросла (у чувашей осталась практически на том же уровне) [24]. Очевидно, что столь значительное сокращение было обусловлено прежде всего этнической ассимиляцией.

Временные рамки будут ограничены лишь периодом 1959–1989 гг. Объясняется это тем, что для вычисления масштабов ассимиляции необходимо знать размеры естественного прироста, а сведения о рождаемости и смертности по отдельным национальностям собирались в стране не всегда. С 1958 г., после долгого перерыва, возобновилась практика сбора текущей статистики воспроизводства (она не публиковалась), но лишь для нескольких основных национальностей России: русских, украинцев, белорусов, казахов, татар, евреев и армян (с 1969 по 1975 г. этот список был ограничен только русскими, украинцами и белорусами). В отдельных регионах собирались также данные и о некоторых других национальностях. В Удмуртской АССР (Удмуртской Республике), например, к ним относились удмурты, марийцы и чуваша. Однако в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики хранятся материалы, показывающие естественное движение самых многочисленных этнических групп республики лишь до 1996 г. (с 1997 г. органы ЗАГС не фиксировали национальность родившихся и умерших). В других регионах, где доля удмуртского населения не была значительной, сведения по ним не собирались, поэтому сводных данных об удмуртах в целом по РСФСР нет.

Известно, что прирост численности народа – это сумма, складывающаяся из его естественного прироста, сальдо миграции и размеров ассимиляции. Прирост численности показывают переписи. Данные о естественном приросте за каждый из трех межпереписных периодов отражены в табл. 1. Лишь в 1981 г. статистический учет воспроизводства по национальностям не проводился, поэтому за этот год взяты среднеарифметические значения за 1980 и 1982 гг.

Таблица 1

Рождаемость, смертность, естественный прирост у удмуртов Удмуртской АССР в 1959–1988 гг., чел.

Межпереписной период	Родилось (без мертворожденных)	Умерло	Естественный прирост
1959–1969	138 134	49 063	89 071
1970–1978	84 442	47 452	36 990
1979–1988*	111 412	56 471	54 941

Примечания. Составлено по: Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 42–44 об.; Д. 93. Л. 33–35 об.; Д. 100. Л. 36–38 об.; Д. 107. Л. 30–32 об.; Д. 115. Л. 27–29 об.; Д. 123. Л. 24–26 об.; Д. 131. Л. 45–47 об.; Д. 162. Л. 40–42 об.; Д. 171. Л. 37–39 об.; Д. 191. Л. 35–38 об.; Д. 205. Л. 50–52 об.; Д. 216. Л. 48–50 об.; Д. 288. Л. 43–45 об.; Д. 239. Л. 29–32 об.; Д. 270. Л. 40–42 об.; Д. 280. Л. 43–45 об.; Д. 291. Л. 37–39 об.; Д. 321. Л. 41–43 об.; Д. 332. Л. 39–41 об.; Д. 344. Л. 52–54 об.; Д. 376. Л. 77–79 об.; Д. 388. Л. 84–86 об.; Д. 408. Л. 57–59 об.; Д. 417. Л. 50–52 об.; Д. 427. Л. 58–60 об.; Д. 438. Л. 55–57 об.; Д. 446. Л. 52–55 об.; Д. 454. Л. 39–41 об.; Д. 461. Л. 7–9. * – Поскольку за 1981 г. статистика этнической рождаемости и смертности отсутствует, взяты среднеарифметические значения за 1980 и 1982 гг.

Также потребуются данные о диаспоре в других регионах страны, численность которой напрямую зависела от миграции из республики. При этом необходимо сделать два допущения. Первое касается естественного прироста. Его относительные размеры у удмуртской диаспоры и титульной нации в Удмуртии были относительно схожими. По крайней мере в 1970 г. средние размеры семьи, состоящей только из удмуртов, по РСФСР и УАССР равнялись 4,3 чел. [25]. Поэтому допустим, что темпы естественного прироста совпадали. Во-вторых, предположим, что доли ассимилянтов у удмуртов на их исторической родине и у диаспоры тоже были равными.

Далее составим систему уравнений с двумя неизвестными m и a :

$$\begin{cases} \text{пчу} = \text{епу} - m - k \times a, \\ \text{пчд} = \text{епд} + m - (1 - k) \times a, \end{cases}$$

где пчу – прирост численности удмуртов УАССР, пчд – прирост численности удмуртов, проживавших за пределами Удмуртии, епу – естественный прирост удмуртов УАССР, епд – естественный прирост удмуртов диаспоры, m – сальдо внешней миграции удмуртов республики, k – коэффициент, означающий долю удмуртов, проживавших в УАССР, a – сальдо ассимиляции удмуртов страны.

Первое уравнение отражает результаты этнодемографических процессов удмуртов в республике, а второе – диаспоры. Самая первая цифра в уравнениях – прирост их численности. Вторая цифра – их есте-

ственный прирост. Третья цифра неизвестна (m) – это сальдо внешней миграции. Она одинакова и для Удмуртии, и для диаспоры. Если эта цифра получится со знаком «минус» – значит, сальдо миграции удмуртов республики было отрицательным, а для удмуртов, находящихся за пределами республики, – положительным. Поскольку число удмуртов, эмигрировавших из страны или иммигрировавших из других стран, было ничтожно малым, в расчет оно не берется. На четвертом месте находится коэффициент, означающий долю удмуртов, проживавших в УАССР (он высчитывается путем деления числа удмуртов УАССР на общее количество удмуртов страны). Чтобы определить удельный вес диаспоры, данный коэффициент надо вычитать из единицы. Пятая цифра (a) также неизвестна и означает количество ассимилянтов среди всех удмуртов СССР. Одна часть из них ассимилировалась в республике, другая – за ее пределами. Коэффициент как раз поможет их разделить в пропорции, в которой соотносились удмурты, проживавшие в Удмуртии, и удмурты диаспоры.

Далее произведем расчеты, которые позволят нам определить сальдо миграции и количество ассимилян-

тов у удмуртов. Цифры при этом будут приводиться точные, чтобы читатель смог проследить за ходом рассуждений. Разделим рассматриваемое время на три периода сообразно межпереписным интервалам. Целесообразность такого деления объясняется неравным приростом численности титульной нации в республике и за ее пределами, что сильно влияло на соотношение удмуртов. Их доли менялись, поскольку численность диаспоры росла быстрее. В 1959 г. она составляла 148 881 чел., в 1970 г. – 220 160, в 1979 г. – 233 994, в 1989 г. – 250 271 чел. (табл. 2). Если в 1959 г. 76,2% удмуртов проживало в пределах Удмуртии, то в 1970 г. – уже 68,7%, в 1979 г. – 67,2%, в 1989 г. – 66,5%. Взяв среднеарифметические значения начала и конца каждого из межпереписных периодов, получим следующие коэффициенты: $k = 0,72, 0,68$ и $0,67$ соответственно.

По материалам переписей, число удмуртов выросло в республике с 1959 по 1970 г. на 8 255 чел. Согласно данным текущей статистики, за аналогичный период, т.е. за 1959–1969 гг., естественный прирост составил у них 89 071 чел. (1970 г. в расчеты тут не вошел, поскольку перепись проводилась в январе), или 18,72% по отношению к численности в 1959 г.

Таблица 2

Численность удмуртов по данным переписей населения, чел.

Годы	Всего в СССР	Удмуртская АССР		Диаспора	
		чел.	%	чел.	%
1959	624794	475 913	72,6	148 881	23,8
1970	704328	484 168	68,7	220 160	31,3
1979	713696	479 702	67,2	233 994	32,8
1989	746793	496 522	66,5	250 271	33,5

Примечание. Составлено по: [24].

Численность удмуртов за пределами республики выросла на 71 279 чел., из них за счет предполагаемого естественного прироста – на 27 871 чел. Далее подставляем эти цифры в систему уравнений:

$$\begin{cases} 8255 = 89071 - m - 0,72a, \\ 71279 = 27871 + m - 0,28a. \end{cases}$$

В результате получаем, что $a = 37 408$ чел., а сальдо миграции $m = 53 882$ чел. Осталось с помощью коэффициента разделить число ассимилянтов. Отрицательное сальдо ассимиляции удмуртов в Удмуртии составило 26 934 чел., а за ее пределами – 10 474 чел. Заметим, что полученная цифра, означающая число ассимилянтов, чуть меньше, чем полученная С. Лаллуккой [23].

Аналогичным способом вычисляем сальдо миграции и ассимиляции за 1970–1978 и 1979–1988 гг. По материалам переписей за 1970–1978 гг. удмуртов оказалось в республике меньше на 4 466 чел. Естественный прирост за тот же период составил у них 36 990 чел., или 7,64% по отношению к численности в 1970 г. Численность удмуртов за пределами республики выросла на 13 834 чел., при этом предполагаемый естественный прирост составил 16 820 чел. Далее вновь подставляем известные числа в уравнения и снова находим неизвестные:

$$\begin{cases} -4466 = 36990 - m - 0,68a, \\ 13834 = 16820 + m - 0,32a. \end{cases}$$

Сначала находим значение a . Оно оказывается равным 44 442 чел. Применив коэффициент, получим, что

сальдо ассимиляции удмуртов Удмуртской АССР составило 30 221 чел., а диаспоры – 14 221 чел. Сальдо миграции m получится равным 11 235 чел.

По материалам переписей за 1979–1988 гг. удмуртов в Удмуртской АССР оказалось больше на 16 820 чел. Естественный прирост за 1979–1980 и 1982–1988 гг. составил у них 50 353 чел. К этому числу нужно прибавить естественный прирост за 1981 г. Поскольку в том году за рождаемость и смертность населения Удмуртии приняты промежуточные результаты между 1980 и 1982 гг. [26–28], можно предположить, что и по национальностям они были такими же. Поэтому возьмем средний арифметический прирост удмуртов за 1980 и 1982 гг. – 4 588 чел. В итоге получится 54 941 чел., т.е. 11,45% по отношению к численности в 1979 г. Численность удмуртов за пределами республики выросла на 16 277 чел., при этом предполагаемый естественный прирост у них составил 18 637 чел. Далее вновь подставляем известные числа в уравнения и снова находим неизвестные:

$$\begin{cases} 16820 = 54941 - m - 0,67a, \\ 16277 = 18637 + m - 0,33a. \end{cases}$$

Сначала находим значение a . Оно оказывается равным 40 481 чел. Применив коэффициент, получим, что сальдо ассимиляции удмуртов Удмуртской АССР составило 27 122 чел., а диаспоры – 13 359 чел. Отрицательное сальдо миграции m за 1979–1988 гг. получится равным 10 999 чел.

Таким образом, всего за 1959–1988 гг. из Удмуртской АССР выехало на 76,1 тыс. удмуртов больше, чем прибыло. В пределах республики за тот же период сальдо ассимиляции удмуртов составило 84,3 тыс. чел., а диаспоры – 38,1 тыс. чел.

Конечно, все эти расчеты верны только при наших допущениях. Возможно, в будущем появятся исследования рождаемости и смертности удмуртов в других регионах, и будет вычислен точный естественный прирост удмуртской диаспоры. Тогда можно будет, пользуясь приведенной формулой, уточнить (или подтвердить) размеры их ассимиляции и сальдо миграции. Как представляется, уточнения, если и будут, то не сильно изменят полученные цифры. Предложенной методикой можно воспользоваться также при изучении ассимиляции в других регионах.

Резюмируя, скажем, что предлагаемая методика позволила измерить количество ассимилировавшихся

удмуртов с 1959 по 1989 г. В пределах Удмуртской республики за этот период сальдо ассимиляции удмуртов составило 84,3 тыс. чел., а диаспоры – 38,1 тыс. чел. Абсолютное большинство из них обрусело. Соответственно, этническая ассимиляция явилась главной причиной, по которой численность удмуртов в данный период не росла вслед за их естественным приростом.

Предложенная методика количественного измерения этнической ассимиляции может использоваться и в других регионах. Все, что нужно найти для расчетов – естественный прирост, данные о котором собирались статистическими органами. При этом одновременно возможно узнать размеры миграции народа. Так, за 1959–1988 гг. из Удмуртской АССР выехало на 76,1 тыс. удмуртов больше, чем переместилось в обратном направлении, причем основные потоки миграции пришлось на 1959–1969 гг.

Список источников

1. Тавадов Г.Т. Этнология : современный словарь-справочник. М. : Диалог культур, 2007. 704 с.
2. Тишков В.А. Демографические «голодоморы» // Родина. 2007. № 7. С. 84–89.
3. Anderson B., Silver B. Estimating russification of ethnic identity among non-Russians in the USSR // Demography. 1983. Vol. 20, № 4. P. 461–489.
4. Alba R., Logan J.R. Minority proximity to whites in suburbs: an individual-level analysis of segregation // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98, № 6. P. 1388–1427.
5. Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2005. xiv, 359 p.
6. Gordon M. Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins. New York : Oxford University Press, 1964. 288 p.
7. Hall M. Interstate migration, spatial assimilation, and the incorporation of US immigrants // Population, Space and Place. 2009. Vol. 15. P. 57–77.
8. Kronenberg C. Ethnic communities and school performance among the new second generation in the United States: testing the theory of segmented assimilation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. № 620. P. 138–160.
9. Park R.E., Burgess E. Introduction to the science of sociology. Chicago : University of Chicago Press, 1921. 1059 p.
10. Portes A., Rumbaut R.G. Immigrant America: A Portrait. Berkeley : University of California Press, 1990. xxiii, 300 p.
11. Алексахина Н.А. Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 49–54.
12. Арутюнов С.А. Этничность, сходящая на нет // Вестник антропологии. 2017. № 1. С. 41–62.
13. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 246 с.
14. Современные этнические процессы в СССР / отв. ред. Ю.В. Бромлей и др. М. : Наука, 1975. 543 с.
15. Бубликов В.В. Трансформация этнического состава населения Белгородчины в отражении этнографических карт // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 72–81.
16. Козлов В.И. Проблемы этнического самосознания и его место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 79–93.
17. Козлов В.И. Национальности СССР : этнодемографический обзор. М. : Финансы и статистика, 1982. 263 с.
18. Сулейманов А.А. Этнические процессы и этническая идентичность аборигенного населения Российской Арктики в 50–80-е годы XX века (по материалам полевых исследований в Якутии) // Научный диалог. 2017. № 7. С. 162–174.
19. Сусоколов А.А. Межнациональные браки в СССР. М. : Мысль, 1987. 144 с.
20. Тишков В.А. Языки нации // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 4. С. 291–303.
21. Щербakov А.С. Этнодемографическое развитие мордовского населения Башкортостана в XX в. // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 151–169.
22. Топилин А.В. Влияние миграции на этнонациональную структуру // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 31–43.
23. Лаллукка С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб. : Европейский Дом, 1997. 391 с.
24. Переписи населения Российской Империи: демографические показатели по СССР и 15 новым независимым государствам // Демоскоп Weekly. Приложения. URL: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
25. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 5. Д. 384. Л. 181, 241.
26. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 388. Л. 17, 17 об.
27. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 401. Л. 16.
28. ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 408. Л. 16, 16 об.

References

1. Tavadov, G.T. (2007) *Etnologiya: sovremennyy slovar'-spravochnik* [Ethnology: A Modern Reference Dictionary]. Moscow: Dialog kul'tur.
2. Tishkov, V.A. (2007) Demograficheskie "golodomory" [Demographic "famines"]. *Rodina*. 7. pp. 84–89.
3. Anderson, B. & Silver, B. (1983) Estimating russification of ethnic identity among non-Russians in the USSR. *Demography*. 20(4). pp. 461–489.
4. Alba, R. & Logan, J.R. (1993) Minority proximity to whites in suburbs: an individual-level analysis of segregation. *American Journal of Sociology*. 98(6). pp. 1388–1427.
5. Alba, R. & Nee, V. (2005) *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
6. Gordon, M. (1964) *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press.
7. Hall, M. (2009) Interstate migration, spatial assimilation, and the incorporation of US immigrants. *Population, Space and Place*. 15. pp. 57–77.
8. Kronenberg, C. (2008) Ethnic communities and school performance among the new second generation in the United States: testing the theory of segmented assimilation. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 620. pp. 138–160.
9. Park, R.E. & Burgess, E. (1921) *Introduction to the Science of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.

10. Portes, A. & Rumbaut, R.G. (1990) *Immigrant America: A Portrait*. Berkeley: University of California Press.
11. Aleksakhina, N.A. (1998) Tendentsii v izmenenii natsional'noy identichnosti narodov Rossii [Trends in changing the national identity of the peoples of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 49–54.
12. Arutyunov, S.A. (2017) Etnichnost', skhodyashchaya na net [Ethnicity, coming to naught]. *Vestnik antropologii*. 1. pp. 41–62.
13. Arutyunov, S.A. (1989) *Narody i kul'tury: razvitie i vzaimodeystvie* [Peoples and Cultures: Development and Interaction]. Moscow: Nauka.
14. Bromley, Yu.V. et al. (1975) *Sovremennye etnicheskie protsessy v SSSR* [Modern ethnic processes in the USSR]. Moscow: Nauka.
15. Bublikov, V.V. (2016) Transformatsiya etnicheskogo sostava naseleniya Belgorodchiny v otrazhenii etnograficheskikh kart [Transformation of the ethnic composition of the population in Belgorod region according to ethnographic maps]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 6. pp. 72–81.
16. Kozlov, V.I. (1974) Problemy etnicheskogo samosoznaniya i ego mesto v teorii etnosa [Problems of ethnic self-consciousness and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 79–93.
17. Kozlov, V.I. (1982) *Natsional'nosti SSSR: etnodemograficheskiy obzor* [Nationalities of the USSR: An ethno-demographic review]. Moscow: Finansy i statistika.
18. Suleymanov, A.A. (2017) Etnicheskie protsessy i etnicheskaya identichnost' aborigennogo naseleniya Rossiyskoy Arktiki v 50–80-e gody XX veka (po materialam polevykh issledovaniy v Yakutii) [Ethnic Processes and Ethnic Identity of the Aboriginal Population of the Russian Arctic in the 1950s–1980s (Based on Field Research in Yakutia)]. *Nauchnyy dialog*. 7. pp. 162–174.
19. Susokolov, A.A. (1987) *Mezhnatsional'nye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR]. Moscow: Mysl'.
20. Tishkov, V.A. (2016) Yazyki natsii [Languages of the nation]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 86(4). pp. 291–303.
21. Shcherbakov, A.S. (2010) Etnodemograficheskoe razvitie mordovskogo naseleniya Bashkortostana v XX v. [Ethno-demographic development of the Mordovian population of Bashkortostan in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 151–169.
22. Topilin, A.V. (1992) Vliyanie migratsii na etnonatsional'nuyu strukturu [Influence of migration on the ethno-national structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 31–43.
23. Lallukka, S. (1997) *Vostochno-finskie narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov* [The East Finnish minorities of Russia: Analysis of ethnodemographic trends]. Translated from English. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
24. Demoskop Weekly. Prilozheniya. (n.d.) *Perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii: demograficheskie pokazateli po SSSR i 15 novym nezavisimym gosudarstvam* [Population censuses of the Russian Empire: demographic indicators for the USSR and 15 new independent states]. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>
25. The Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845. List 5. File 384. pp. 181, 241.
26. The Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845. List 7. File 388. pp. 17, 17 ob.
27. The Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845. List 7. File 401. pp. 16.
28. The Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund R-845. List 7. File 408. pp. 16, 16 ob.

Сведения об авторе:

Уваров Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Удмуртского государственного аграрного университета (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Uvarov Sergey N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department Social and Humanitarian Disciplines Udmurt State Agrarian University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: sergey.uvarov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 20.03.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/19988613/84/20

Мордва на территории Иркутской области во второй половине XIX – начале XXI в.: динамика численности и история переселения

Любовь Николаевна Щанкина

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия, schanckina@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается история переселения мордвы на территорию Иркутской области по материалам Центрального государственного архива Республики Мордовия и данным этнографической экспедиции 2008 г. в два района Иркутской области – Куйтунский (пос. Уян, пос. Сосновский, д. Листвянка) и Тулунский (д. Афанасьева, с. Гуран). В переселенческом движении выделено 3 периода: 1861–1917 гг. (пореформенный период); 1920–1930 гг. (индустриализация, коллективизация); 1950–1960 – активное образование промышленно развивавшихся городов, освоение целинных и залежных земель.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутская область, Поволжье, мордовские переселенцы, динамика численности

Для цитирования: Щанкина Л.Н. Мордва на территории Иркутской области во второй половине XIX – начале XXI в.: динамика численности и история переселения // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 154–163. doi: 10.17223/19988613/84/20

Original article

Mordovian people in the Irkutsk region in the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century: population dynamics and history of migration

Lyubov N. Shchankina

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, schanckina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the history of migration and the population dynamics of the Mordovian people living in the Irkutsk Region. The empirical basis of the work was the archival materials stored in the Central State Archive of the Republic of Mordovia, and the field materials collected during our ethnographic expedition in 2008. It was revealed that the Mordovian people moved to the Irkutsk Region from the territories included into modern ones of the Republic of Mordovia, the Penza Region and the Chuvash Republic.

The conditions for the migration of peasants appeared after the abolition of serfdom in 1861, and were supported by the Stolypin agrarian reform aimed at overcoming the agrarian crisis in the centre of the country. According to published data, the main reason for the movement to the Irkutsk Region was the difficult economic situation of the peasantry. At the end of 19th century – the beginning of 20th century the economy of the Mordovian Region was based on agriculture, and the peasantry was in difficult conditions of shortage of land. To conduct an independent middle peasant farm, the peasant needed at least 15.0 acres of land, but by the beginning of the 20th century in the region one peasant farm had 7.5 tithing of all lands, and 4.5 tithing of arable land. Frequent droughts and crop failures aggravated the situation.

In the 1920s and 1930s there was a tendency towards a rapid increase in the population of Mordovian nationality in Siberia dealing with the privileges provided by the state for moving and housekeeping in a new place. State aid was aimed at the development of the settlement construction and natural resources. If in the 1920s peasants' migration prevailed, then in the 1930s workers' one prevailed as the form of a planned organized recruitment. As for the reasons for the Mordovians' moving to the Irkutsk Region, the main one was the redistribution of land after the October Revolution in 1917, since landowners' land was transferred to the Russian peasants, as a result of which the amount of cultivated land of the Mordovian people was reduced up to 1.0 ha. per capita (while there are 1.4 hectares for a Russian). Another reason for the resettlement is the lack of developed industry in the towns of the Mordovian Region that led to a lack of free work places, so many rural residents were forced to migrate beyond its borders.

The next wave of mass migration occurred in the 1950s and 1960s. The main reasons for the Mordovian people to move to the Irkutsk Region were the post-war hunger in their original places of residence, the possibility and desire for more income, more comfortable living and working conditions, military service, education, and other circumstances, including family affairs.

Keywords: Siberia, Irkutsk region, Volga region, Mordovian migrants, population dynamics

For citation: Shchankina, L.N. (2023) Mordovian people in the Irkutsk region in the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century: population dynamics and history of migration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 154–163. doi: 10.17223/19988613/84/20

Изучение истории переселения, динамики численности, миграционных процессов переселенцев в многонациональной среде сибирского региона актуально в региональной и отечественной науке. Миграционные процессы в жизни мордовского этноса, приведшие к дисперсности его расселения, имеют длительную историю. Особенно интенсивными были процессы миграционного движения населения в Сибири. Промышленность края, развивавшаяся ускоренными темпами, требовала привлечения все новых кадров. В Восточной Сибири роль центров притяжения мигрантов играли в основном Иркутская область, Забайкальский и Красноярский края.

На территории Сибири издавна живут представители различных народов и культур. Столетия ее исторического развития в составе России сочетают неспешное течение со стремительным потоком кардинальных изменений. Одним из примеров служат аграрные переселения конца XIX – начала XX в., во многом сформировавшие облик современной Сибири. В результате на ее территории проживают представители более 100 этносов. Согласно материалам переписей населения, самыми многочисленными неавтохтонными группами являются русские, украинцы, белорусы, мордва, татары, чуваша, немцы и др. Для сибирского края характерны заселение и проживание мордвы с разными этносами чересполосно, что способствовало интенсивности их взаимных контактов. Если в прошлом для многих народов совместные поселения были редкостью, то сегодня, наоборот, довольно трудно отыскать селения, где этносы полностью однородны по национальному составу. Часто в одном населенном пункте живут представители многих национальностей [1. С. 11].

Основываясь на материалах переписей населения, рассмотрим динамику численности и размещение мордвы в Иркутской области. По имеющимся опубликованным данным второй половины XIX в., мордовский народ проживал в 22 губерниях Российской империи. Переселенческое движение народов России, в том числе мордовского населения из различных регионов Поволжья на территорию Сибири, стало быстро увеличиваться после реформы 1861 г. Согласно переписи 1897 г., мордовские переселенцы селились главным образом в Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях, где их численность составила на тот момент 20 223 чел., из них в Иркутской губернии – 224 чел. (0,04%): в Киренском округе числились 5 чел.; в Иркутском – 9; в Верхотенском – 10; в Балаганском – 38; в Нижнеудинском – 162 чел. [2. С. 2–3]. Отметим, что большинство мордовского населения в Иркутской губернии было зарегистрировано в сельской местности, и в сибирских губерниях у мордвы численность мужского пола была выше, чем женского. Например, на 100 мужчин-мордвы Иркутской губернии приходилось 14,8 женщины, а в целом по 4 губерниям Сибири (Иркутская, Томская, Енисейская и То-

больская) – 94,2 [3. С. 49]. Данная тенденция была связана с тем, что мужское население страны чаще направлялось для работы в лесопильной, деревообрабатывающей, рыбной промышленности и в сельском хозяйстве.

Немаловажное значение для переселенческого дела имело создание в 1896 г. государственного Переселенческого управления сначала в составе Министерства внутренних дел, а затем переведенного в ведение Главного управления землеустройства (1905). Правительство гарантировало переселенцам дешевый проезд по железной дороге, ссуды, бесплатное пользование местными лесами и т.д. Вопросами устройства переселенцев, изысканием новых территорий для заселения занимались переселенческие участки, создаваемые на местах. Например, в 1896 г. Переселенческое управление было создано и в Куйтунской волости Иркутской губернии. К 1910 г. в Куйтунской волости было заселено 20 переселенческих участков и оставалось свободными 19. К 1914 г. Куйтун стал центром волости, в состав которой вошли 4 волости – Барлукская, Куйтунская, Кимильтейская, Уянская [4. Л. 5]. В 1896 г. открылся переселенческий участок Мугунское, в 1897 г. – Едогонский участок Тулунского округа. В XIX в. Тулун превратился в крупное торговое купеческое село, куда переселялись из многих мест. В 1905 г. здесь, близ станции Нюра, открылись предприятия Н.В. Цявловского – Велестовские копи. До Октябрьской революции они входили в состав Черемховского угольного района. Копи обслуживали в 1908 г. около 90 рабочих. Функционировали также кирпичный и лесопильный заводы торгового дома «Щелкунов и Метелов». Лесопильный завод удовлетворял хозяйственные потребности местного населения и обеспечивал шпалами и пиломатериалами железную дорогу. В 1927 г. начал строиться Тулунский лесодеревообрабатывающий комбинат, первым директором которого был Ф. Ложников. В то время на заводе работали 300 чел. Также была построена контора «Хлебопродукты», в 1929 г. сдали в эксплуатацию хлебоприемный пункт «Заготзерно» с элеватором [5. Л. 2].

Следующий подъем был вызван Столыпинской реформой, обеспечившей крестьянам свободный выход из сельской общины с предоставлением земельного надела в полную собственность с правом залога или продажи. В тот период Сибирь превратилась в один из основных объектов крестьянского переселения. Например, только в 1906 г. число переселенцев из Пензенской губернии увеличилось по сравнению с предыдущим годом в 3,4 раза, а в 1907 г. – почти в 6,0 раз. Переселенческая волна в губернии достигла высшей точки в 1909 г., когда за один год отправлялись 9 566 чел. Начиная с 1910 г. волна переселенцев резко снизилась. За пять последующих лет (с 1910 по 1914 г.) из губернии переселились 7 189 чел.; в среднем ежегодно отправлялось менее 1 500 чел., а в 1915 г. – лишь

1 251 чел. За девять лет, с 1906 по 1914 г., за Урал уехали 33 838 переселенцев [6. С. 62].

Период с 1897 по 1917 г. характеризуется немногочисленностью мордвы на территории Иркутской области. Вероятно, это было связано с тем, что условия переселения были крайне тяжелыми, и не каждый решался продать свое имущество и ехать в далекий сибирский край. Тем не менее малоземелье и нищета в мордовской деревне, где в конце XIX – начале XX в. ускорился процесс расслоения крестьянства, слабое развитие фабрично-заводской промышленности во многом обусловили распространение в Мордовии отходничества. Ежегодно из Мордовии в рассматриваемое время уходило на отхожий промысел свыше 100 тыс. бедняков (русские и мордва), или более 30% всего взрослого мужского населения [7. С. 147]. Как отмечают историки, ввиду плохой организации переселения многие мордовские крестьяне – разоренные, лишенные земли и средств к существованию, возвращались в места прежнего проживания.

В 1920-е гг. повсеместно в сибирском регионе имела тенденция к быстрому росту населения мордовской национальности. Так, с 1926 по 1939 г. численность мордвы увеличилась более чем втрое [8. С. 81]. Главная причина переселения большого числа сельских жителей мордовского края состояла в аграрном перенаселении еще до наступления Октябрьской революции. Отметим, что переселение мордвы на территорию Сибири было вызвано перераспределением земли после революции 1917 г. Как правило, помещичьи земли передавались русским крестьянам соседних бывших владельческих селений. В результате к 1923 г. в основных районах расселения мордвы на одну душу населения приходилось пашни: на правобережье Волги у мордвы – 1,0 га, у русских – 1,4 га, в Заволжье – соответственно 1,4 и 2,9 га [9. С. 75–76]. В качестве другой причины переселения следует указать отсутствие в городах мордовского края развитой промышленности, что приводило к недостатку свободных мест, поэтому многие сельские жители были вынуждены мигрировать дальше, за его пределы.

После создания при ЦИК СНК специального Центрального колонизационного комитета (с 1926 г. – Переселенческого) миграционные процессы в Сибирь возобновились, так как желающим переселенцам выделялась земля и оказывалась различная помощь. В 1920-е гг. перед правительством встал вопрос о планомерном экономическом развитии всех регионов страны, включая отдаленные сибирские земли. В связи с этим Постановлением Совета Труда и Оборона СССР «О ближайших задачах колонизации и переселения» от 17 октября 1924 г. было установлено, что задачей колонизации является «вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов населения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов». После выхода данного документа переселения стали коренным образом отличаться от переселений в дореволюционное время. Значительно

увеличилась помощь, оказываемая государством по переезду и хозяйственному устройству на новом месте. Индивидуальные переселения заменились коллективными, переселенцы организовывались в товарищества. В результате было прекращено обратное движение переселенцев на исконные территории, широко распространенное до Октябрьской революции.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сибири числились 107 794 чел. мордовской национальности, т.е. по сравнению с 1897 г. численность мордовского этноса резко увеличилась. К сожалению, статистических данных по населенным пунктам Иркутской области, где числится мордва, не имеется. Существуют только отрывочные сведения по Тулунскому округу. В частности, по переписи 1926 г., в Тулунском округе Иркутской губернии числились 536 чел. (269 мужчин, 267 женщин), или 2,4%, мордовской национальности, из них 84 чел. (соответственно 45 и 39) проживали в городской местности, а наибольшее число – 452 чел. (224 и 228) – в сельской. Следует отметить, что в сельской местности не только проживало большинство мордовских переселенцев, но и практически была одинаковой численность мужского и женского населения [10. С. 77–78]. Рост населения Сибири был связан главным образом с предоставлением государством на льготных условиях ссуд для образования поселков, строительством железных дорог, растущей промышленностью, в частности с освоением природных богатств, в первую очередь полезных ископаемых. В регионах Сибири имелись значительные лесные ресурсы и плодородные почвы, а реки и озера изобиловали рыбой. Кроме того, большую роль сыграл и естественный прирост населения.

Исходя из имеющихся сведений, если в 1920-е гг. преобладало сельскохозяйственное переселение, то в 1930-е гг. возобладало промышленное – в виде планового организованного набора. Например, согласно утвержденному плану в ноябре 1939 г. в Иркутскую область из районов Мордовской АССР было отправлено: из Старосиндровского – 150 чел. (мужчин – 69, женщин – 81, из них трудоспособных – 67), Мельцанского – 156 (соответственно 70, 86 и 63), Рыбкинского – 141 чел. (74, 67 и 68). Помимо мордвы в Иркутскую губернию переселялось и русское население Мордовии. Среди переселенцев из Старосиндровского района отправлены 150 чел. русской национальности, из Мельцанского – 29, из Рыбкинского – 141, из Старошайговского – 35. Среди переселявшихся были следующие специалисты: трактористы и комбайнеры – по 1 из Старосиндровского и Мельцанского районов; кузнецы, слесари – 2 из Старосиндровского; плотники, столяры – 1 из Старосиндровского, 8 из Мельцанского, 1 из Рыбкинского; животновод – 1 из Рыбкинского района [11. Л. 88].

В 1940 г. в Куйтунский и Нижнеудинский районы Иркутской области были переселены 700 чел. [12. Л. 114]. Следует отметить, что при отборе колхозников и единоличников на 28 марта 1940 г. для переселения в Иркутскую и другие области особое внимание уделялось вовлечению в число переселявшихся технических кадров (механиков, шоферов и трактористов);

также Переселенческое управление СССР оказывало всяческое содействие медицинским и ветеринарным работникам, изъявившим желание устроиться на постоянную работу в переселенческие колхозы Иркутской области, отправляя их преимущественно в те районы, где уже имелись готовые дома. При отправке специалистам выдавали переселенческие билеты [13. Л. 1]. На территорию Сибири переселялись не только отдельными семьями, но и целыми хозяйствами. Например, в 1942 г. из районов МАССР было отправлено в Иркутскую область: в Ольхонский район – 300 хозяйств, в Слюдянский – 95, в Иркутский – 50, в Кировский – 40, в Черемховский район – 15 хозяйств. Хозяйства, отбираемые для этих районов, направлялись в рыболовецкие (в рыболовецкие бригады) и сельскохозяйственные колхозы [14. Л. 1–17]. В 1943 г. к переселению в районы в Иркутской области было отобрано 72 хозяйства, из которых СНК утвердил 50, а 22 хозяйствам было отказано в переселении как эвакуированному населению [15. Л. 24].

Анализируя списки переселенцев за 1942–1943 гг., отправленных в Иркутскую область, выявлена география выхода мордвы из Мордовской АССР. В частности, в те годы преимущественно выезжали из р.ц. Ковылкино, с. Подгорное Алексово, Мордовское Коломасово, Новое Пшенево, Старое Дракино Ковылкинского района – 21 семья (70 чел.); из с. Атемар и Левжа Саранского района – 18 (70); из с. Глушково и Паево Кадошкинского района – 15 (45); из с. Сакаево Теньгушевского района – 11 (43); из с. Кичатово Рыбчинского района – 7 (20); из г. Инсар Инсарского района – 1 семья (2 чел.). Из перечисленных районов выезжало и русское население. Например, из Ковылкинского района 12 русских семей (21 чел.) выехали из с. Троицк, Новые Дубровки; из Краснослободского района – 4 семьи (9 чел.) из с. Селищи, Черновские Выселки и др. [16. Л. 2–28]. В мае 1943 г. в Иркутскую область были отправлены всего 76 чел. (20 хозяйств), в том числе из Рузаевского района – 19 чел. (6 семей), из Лямбирского – 42 (10), из Инсарского района – 15 чел. (4 семьи). Из Инсарского района 4 семьи выехали из с. Верхняя Лухма (А.Е. Кузнецов), Кочетовка (А.Д. Голованова, Е.З. Есмейкин), Сингилейка (Е.Ф. Трянкина). В июле 1943 г. в Иркутскую область из Рузаевского района переселились 17 чел. (5 семей). Переселенцы выезжали из с. Перхляй, Мордовская Пишля, Яковщина. Из них 11 взрослых, детей до 5 лет – 2 и от 5 до 12 лет – 2. 3 августа 1943 г. эшеленом со станции Саранск в Иркутскую область отправились 56 чел. (15 семей) [17. Л. 62, 197, 212]. В итоге из 16 районов Мордовской АССР за май–август 1943 г. выехали 1 230 хозяйств (4 625 чел.), из них в Иркутскую область – 633, в Нижнеамурский бассейн – 239, в Камчатскую область – 358 хозяйств [18. Л. 259].

После окончания Великой Отечественной войны с целью привлечения переселенцев в районы Сибири для восстановления разрушенного хозяйства и строительства новых объектов, заготовки строительных материалов правительство принимало различные нормативные акты. В частности, 25 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял Постановление «О повыше-

нии заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий истроек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Данный документ, естественно, оказывал моральное воздействие на тех, кто намеревался переехать на окраинные территории страны. В колхозы, совхозы и на промышленные предприятия Сибири массово переселялись десятки тысяч колхозников со всей страны, в том числе из Поволжья. В Иркутской области активно шло строительство новых объектов. Открылись леспромпхозы в г. Зиме, Тулуне, Куйтуне и Мингатуне. 1 июня 1949 г. начал работу леспромпхоз на блокпосту Тулюшка. Это был небольшой лесозаготовительный пункт (директор М. Э. Кавалерчик). В первые годы заготовка леса проводилась вручную поперечными пилами, грузили его на автомашины также вручную веревками. Круглый лес вывозили на станцию Мингатуй, где и отгружали, так как в Тулюшке не имелось подъездных путей. В 1957 г. Мингатуйский и Иркутский леспромпхозы объединились в Тулунский лесокOMBинат, переименованный позднее в Тулунский леспромпхоз [4. Л. 12].

Таким образом, несмотря на военное положение, переселенческие отделы вели работу по трудовому, хозяйственному устройству и материально-бытовому обслуживанию эвакуированного населения, а в послевоенные годы в их задачу входили восстановление и развитие промышленности, строительства, народного хозяйства в целом. Глобальными последствиями войны были людские потери. В связи с этим в послевоенное время численность мордовского народа сокращалась по всем регионам России.

На середину XX в. пришлась очередная волна массовых переселений, связанная со строительством новых шахт, электростанций, предприятий легкой и тяжелой промышленности, началом освоения целинных и залежных земель и т.д. Заметно увеличилось переселенческое движение и среди мордовского населения. 2 марта 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В ходе освоения целинных земель, например, в Куйтунском районе Иркутской области с 1954 по 1959 г. был освоен 26 881 га новых земель [4. Л. 14].

Первая послевоенная перепись населения 1959 г. не содержит сведений о численности мордовского населения в Иркутской области. Неполные количественные данные дали нам архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия.

Согласно годовому бухгалтерскому отчету за 1955 г., к переселению из Мордовской АССР было утверждено 700 семей, из них в Иркутскую область в леспромпхоз – 173 семьи (712 чел.). На финансирование в районах Мордовской АССР для переселения из Сельхозбанка за 1955 г. всего было выделено 1 482 938,54 руб. [19. Л. 9, 13]. По архивным материалам, в 1955 г. из Zubovo-Полянского района Мордовии выехало 70 семей, на их переселение потрачено 125 300 тыс. руб., из Краснослободского – соответственно 20 семей и 35 800 тыс. руб., из Саранского – 15 и 26 850 тыс. руб., из Теньгу-

шевского – 50 и 89 500 тыс. руб., из Ширингушского – 45 семей и 80 550 тыс. руб. [20. Л. 26]. Кроме того, для выполнения плана по переселению денежные средства Переселенческим отделом расходовались на издание агитационных материалов. Например, в марте 1955 г. были распечатаны объявления и листовки о переселении в Иркутскую и Сахалинскую области на мокшанском и эрзянском языках тиражом 2 тыс. экземпляров объявлений и 3 тыс. экземпляров листовок на сумму 400 руб. В октябре того же года было отпечатано на русском языке листовок о переселении в леспромхозы Иркутской и Сахалинской областей 5 тыс. экземпляров [19. Л. 14].

В марте 1955 г. из Мордовской автономной республики в леспромхозы Иркутской области было отправлено 50 семей [21. Л. 5]. В августе того же года – 296 чел., из них в Нижнеудинское ЛПХ – 42 чел., Черемховское ЛПХ – 6, Заларинское ЛПХ – 37, Иркутское ЛПХ – 43, Фрунзенское ЛПХ – 96, Чунское ЛПХ – 41, Широкопадское ЛПХ – 6, в Смирныховское ЛПХ – 1, в г. Тайшет – 1 чел. [22. Л. 1–8]. В сентябре 1955 г. в леспромхозы выехало всего 368 семей, или 73% от годового плана, в том числе в леспромхозы Архангельской области – 19 семей, Иркутской – 166 и Сахалинской – 183 семьи [21. Л. 37].

В ходе этнографической экспедиции нами было выявлено, что в Иркутскую область мордва стала переезжать в 1950–1960 гг. Например, в 1950 г. из с. Тяглова Кучкуровского района Мордовии переселилась семья Тетюшкиных. Сначала Мария Федоровна и Захар Семенович проживали в с. Андреевка Тулунского района, а потом переехали в г. Гуран. В первое время жили у родственников, затем построили свое жилье. Александр Игнатович Тришин всю жизнь работал комбайнером и получил орден Трудового Красного Знамени.

Следует отметить, что мордва переселялась не только из районов Мордовии, но и из других регионов Поволжья. Например, семья Нины Дмитриевны Рогожиной переехала в пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области из с. Большое Нурусово Батыревского района Чувашии в 1955 г. Сначала Нина Дмитриевна приехала в пос. Уян, где прожила три года. Здесь осталась ее сестра Елена, а Нина в 1958 г. переехала жить в пос. Сосновский и в 1959 г. вышла замуж за украинца. Проработала 38 лет в поселке дояркой.

Согласно архивным данным, в 1956 г. в леспромхозы Иркутской области переселилось из Мордовской АССР 250 семей. Переселенцам выделялись денежные средства в размере 1 760 руб. из расчета на средний состав семьи в 4 чел. Таким образом, было на 1 семью потрачено 1 955 руб., а всего – 488,2 тыс. руб. Например, из Ардатовского района выехало 10 семей (17,6 тыс. руб.), из Атяшевского – 25 (44,0 тыс.), из Большеберезниковского – 5 (8,8 тыс.), из Большеигнатовского – 5 (8,8 тыс.), из Дубенского – 20 (44,0 тыс.), из Зубово-Полянского – 15 (26,4 тыс.), из Ичалковского – 10 (17,0 тыс.), из Ковылкинского – 20 (35,2), из Козловского – 30 (52,8 тыс.), из Краснослободского – 10 (17,6 тыс.), из Пурдошанского – 5 (8,8 тыс.), из Рыбкинского – 10 (17,6 тыс.), из Торбеевского – 30 (52,8 тыс.),

из Ширингушского – 35 (61,6 тыс.), из г. Саранска – 20 (35,2 тыс. руб.) [20. Л. 66]. Переселенцы также направлялись для работы в Братский химлесхоз (94 чел.), Камышетский химлесхоз (72), Нижнеудинский леспромхоз (47), Тайшетский лестранхоз (112), Икейский лестранхоз (33) и Тулунский район (1 чел.), всего выехали 359 чел. [23. Л. 93–99].

В 1957 г. в Иркутской области мордовское население трудилось в тресте «Ангарлесжелстрой» (100 чел.), тресте «Черемховуголь» (100 чел.), на транспортном строительстве станции Мысовая (100) чел., комбинате «Братсклес» (100 чел.) [24. Л. 60, 103, 216, 269]. По другим архивным данным, в Иркутской области мордва заселялась в Аларский (25 чел.), Осинский (13), Жигаловский (8) районы, всего 46 чел. [25. Л. 1].

В 1957 г. из с. Стандрова Теньгушевского района Мордовии планировала выехать семья Кугушевых (Павел Иванович Кугушев (1928 г.р.) и Анна Николаевна Нарбекова (1918 г.р.)). В ходе агитационной политики будущим переселенцам сообщили, что на новом месте их ждут хорошая местность и благоприятные условия для жизни. В результате с Кугушевыми переехали Черентаевы, Федоровы, Волковы, Чиняевы и др. В пос. Уян Куйтунского района Иркутской области к тому времени уже были украинцы и чуваша. В течение года Кугушевы жили в доме на две семьи. В 1972 г. они вернулись обратно в Мордовию, а их сын Николай Павлович с 1969 г. живет в поселке. По его словам, после армии в 1970 г. он женился на мордовке из с. Стандрова. Когда переехал в поселок, начал работать шофером (1 год). Затем поступил в строительный техникум в г. Тулуне (3 года). После его окончания работал 20 лет прорабом на строительстве домов и животноводческих помещений. На выделенные ему при переселении средства он купил коров и поросят.

По плану переселения в 1959 г. из районов Мордовской АССР в колхозы Иркутской области планировалось переселить 500 семей. К 20 июля переселилось 324 семьи. Крайне неудовлетворительно работали по выполнению плана Атюрьевский район – 10 семей из плановых 20, Ичалковский – 2 из 18, Кочкуровский – 35 из 145, Торбеевский район – 18 из 45, Теньгушевский – 22 из 35, Пурдошанский район – 1 из 20 семей, всего выехали 88 чел. [26. Л. 194]. Переселенцы направлялись и для работы в Усольский (42 чел.), Нукутский (34), Куйтунский (29), Тулунский (31 чел.) районы Иркутской области, всего 136 чел. [27. Л. 141].

В 1960 г. отдел переселения и организованного набора рабочих Совета Министров Мордовской АССР по плану предполагал направить в Иркутскую область 150 семей (675 чел.), были направлено 144, или 96,0%, фактически вселились 143 семьи (588 чел.), или 95,3%. Одну семью иркутский отдел не включил в акт, так как спустя 3 дня после приема этой семьи уполномоченным Тулунского района она выехала в неизвестном направлении. Сумма, фактически причитавшаяся переселенному количеству семей исходя из утвержденного по смете среднего расхода на 1 семью, составила 157 600 руб., или 1 102 руб. на 1 семью. Фактически было израсходовано: всего 154 600 руб., или 1 081 руб. на 1 семью. В том числе расходы по выплате единовремен-

менного денежного пособия всего составили 115 000 руб., на 1 семью – 804 руб.; расходы по отправке и приему переселенцев всего – 21 900 руб., на 1 семью – 153 руб.; командировочные и организационные расходы всего – 17 700 руб., на 1 семью – 124 руб. [28. Л. 3, 17]; организационные расходы (почтово-телеграфные, телефонные, типографские, издательские, медико-санитарное обслуживание, культмассовые мероприятия, расходы по отбору и содержанию персонала, обслуживающего эшелона) на 1 семью – 65 руб., всего израсходовано 9 700 руб. Вторая половина единовременного денежного пособия, согласно приказу по Главному Управлению № 33 от 18 июля 1958 г. выплачивалась в местах вселения [29. Л. 56].

В 1960 г. для работы в Иркутской области требовались трактористы, комбайнеры и кузнецы. 27 февраля в Нукутский район из Дубенского района были отправлены 2 тракториста и 1 комбайнер; в Тулунский район – 2 тракториста из Ардатовского района; в Куйтунский район – 2 тракториста из Ельниковского района и 1 из Теньгушевского района; в Усольский район – 3 тракториста, 1 комбайнер и 1 кузнец. 26 апреля направлены 5 трактористов и по 1 кузнецу и комбайнеру. Всего отправился 131 чел., из них в Тулунский район – 57 чел., в Куйтунский – 22, в Усольский – 30, в Нукутский – 22 чел. [30. Л. 75, 78, 82].

В 1960 г. из с. Стандрова Теньгушевского района в пос. Уян Куйтунского района Иркутской области переехала семья Черентаевых – Анна Ивановна с мужем Василием Федоровичем. По рассказам переселенцев, они поженились в 1957 г. в Мордовии, где в 1958 г. родился сын Михаил. В Уяне родились еще Анна, Николай, Марина, Александр и Сергей. Через год, в 1961 г., к ним приехали свекровь Ефросинья Ефимовна (1912 г.р.) и свекровь свекрови – Степанида Филипповна. По словам Анны Ивановны, с ними переехало еще 9 семей из того же села. Некоторые остались в Красноярске. Вербовал всех Яков Львович Зверев.

Семья Каргиных переехала в д. Афанасьева Тулунского района Иркутской области в 1960 г. из с. Турдаково Ардатовского района Мордовии. Семья Исайкиных переехала в 1962 г. из с. Чукалы Ардатовского района. Вербовать приезжал Андрей Помаев. Как говорили переселенцы, дома тогда стоили 8,5 тыс. руб.

В 1961 г. план переселения семей и организованного набора рабочих в Иркутскую область составил 100 семей (400 чел.) и был перевыполнен на 2%: в места вселения было направлено 102 семьи (428 чел.). Утвержденная сумма расходов на фактически переселенное количество семей всего составила 23 358 руб. (на 1 семью – 229 руб.), фактически было израсходовано 20 800 руб. (203,92 руб.). Сюда входили расходы по выплате единовременного денежного пособия – 8 200 руб. (на 1 семью – 80,39 руб.), расходы на перевозку переселенцев по железнодорожным, морским и речным путям сообщения – 10 500 руб. (102,94 руб.), расходы по отправке и приему переселенцев – 800 руб. (7,85 руб.), командировочные и организационные расходы – 1 300 руб. (12,74 руб.) [31. Л. 2, 15]. В 1961 г. в Иркутскую область были также направлены для работы 536 чел.: в Куйтунский район (136 чел.), Заларинский (212 чел.),

Качугский (4 чел.), Усть-Кутский (27 чел.), Нукутский (156 чел.), в Усольский (1 чел.) районы [32. Л. 1–14].

В 1961 г. семья Третьяковых переехала в пос. Сосновский Куйтунского района Иркутской области из с. Чукалы Атяшевского района Мордовии. С ними переехало еще около 40 семей. По рассказам Ивана Романовича Третьякова, переселился он по своему желанию. Сначала приехали в совхоз Харик, а потом в пос. Сосновский, где он проработал механизатором 42 года и 3 месяца. В 1962 г. женился, и родились четверо детей (Нина, Татьяна, Марина и Роман). Когда они переехали в пос. Сосновский, домов в округе не было. Заготовкой леса занимались сами переселенцы, а дома строили специальные бригады.

В этом же году в д. Листвянка Куйтунского района Иркутской области переехала семья Ананьевых из с. Вечерлей Атяшевского района. Нина Васильевна работала дояркой, а ее муж – Анатолий Федорович – сначала пастухом, а потом трактористом в совхозе. С ними же переселились Бурмистровы, Морозовы и др.

В 1962 г. в Иркутскую область было также направлено большое число рабочих – 822 чел.: в Куйтунский район – 78 чел., в Черемховский – 148, в Заларинский – 1, в Эхирит-Булагатский – 60, в Качугский – 109, в Баяндаевский – 138, в Усть-Удинский – 76, в Нижнеудинский – 149, в Иркутский – 63 чел. [32. Л. 2, 5–8].

Большую роль в жизни страны играли сезонные миграции, масштабы и динамику которых определить трудно, так как эта категория мигрирующих при учете специально не выделялась. Однако даже разрозненные данные свидетельствуют о значительных масштабах явления и его сложной структуре. Главная функция сезонной миграции состояла в обеспечении рабочей силой отраслей народного хозяйства, испытывавших на тот момент потребность в ее дополнительном привлечении в связи с сезонным увеличением работ. Рабочие привлекались для работы в рыбной, лесной и торфяной промышленности, в сельском хозяйстве и строительстве. Традиционными районами выхода сезонных рабочих в 1960 г. были Мордовская АССР, Башкирская АССР, Чувашская АССР и Татарская АССР. Следует отметить, что со временем роль организованного набора в формировании сезонной рабочей силы стабилизировалась.

В 1956 г. отдел организованного набора рабочих Совета Министров Мордовской АССР со станции г. Саранск Куйбышевской железной дороги для сезонной работы в трест «Заярскспецлесзаг» Иркутской области направил 11 чел.: из Атюрьевского района – 6 чел., из Саранского – 5 чел. Срок трудового договора составлял 2 года [33. Л. 34]. Сюда направлялись в основном одинокие рабочие.

В 1957 г. для работы в г. Братске в тресте «Ангралесжилдорстрой» Иркутской области из районов Мордовии был направлен 91 чел., также сроком на 2 года. Суточные выплачивались в размере 15 руб. На работу в трест «Черемховуголь» Иркутской области направлены 118 рабочих; в Кобский леспромхоз комбината «Братсклес» (станция Тулун) – 117 рабочих сроком на 3 года. Каждому выплачивалось единовременное пособие в размере 500 руб. [34. Л. 106].

В 1958 г. для сезонной работы в Иркутскую область на станции Залари и Нижнеудинск и комбинат «Братсклес» (г. Братск) были отправлены 305 чел., сроки договоров – от 1 до 3 лет. Им устанавливалось единовременное пособие в размере 600 руб. [35. Л. 64].

В 1960 г. для работы в промышленности в Иркутскую область были отправлены в г. Нижнеудинск на 2 года 35 чел. (им выплачивались суточные в размере 15 руб. в сутки); в г. Тулун – 17 рабочих; на станцию Шеберта – 58 чел.; на комбинат «Братсклес» – 65 рабочих сроком от 2 до 5 лет [36. Л. 7, 17].

В 1961 г. для промышленности Иркутской области – в Кадинский леспромхоз, Усть-Удинский леспрмхоз и Тулунский химлесхоз – были направлены 177 чел. сроком на 2 года [37. Л. 13].

В 1962 г. в лесную промышленность – на комбинат «Иркутсклес» и Зиминский химлесхоз (г. Зима) – были направлены из Мордовской АССР 100 чел.: в апреле – 25 рабочих, в мае – 50, в июне – 25. Среди отправленных было 8 семейных пар и насчитывалось 15 женщин. Единовременное пособие составляло 100 руб.; срок договора – 2 года [38. Л. 87]. Эти рабочие направлялись из Саранска, Ельниковского, Инсарского, Рузавского районов Мордовии.

В 1964 г. в «Иркутскцелинстрой» (на 2 года) и в трест «Мамслюда» Иркутской области (на 5 лет) направлены 98 чел. Рабочим, отправлявшимся в трест «Мамслюда», выдавали аванс в размере 15 руб. в счет единовременного пособия [39. Л. 104].

В 1965 г. в Нижнеудинский химлесхоз комбината «Тайшетлес» (г. Нижнеудинск Иркутской области) по плану направлялись 50 чел., из них в начале года – 25 чел. и в апреле – 25 чел.; в мае, августе, сентябре и октябре – еще по 49 чел., итого 196 чел. [40. Л. 27]. Во 2-м квартале 1965 г. для Чунского химлесхоза (пос. Мухино Чунского района), комбината «Тайшетлес» из Мордовской АССР были переселены в организованном порядке 50 чел., из них 43 мужчины, 7 женщин. Договор с рабочими заключался на 2 года, единовременное пособие устанавливалось в размере 100 руб., суточные за время нахождения в пути – 1 руб. 50 коп. [41. Л. 58].

В 1967 г. в тресты «Иркутскцелинстрой», «Черемховпромстрой» сроком на 2 года были направлены 56 рабочих [42. Л. 79]. В 1968 г. из с. Стандрова Теньгушевского района Мордовии в колхоз «Заветы Ильича» Куйтунского района Иркутской области отправлен 1 чел. [43. Л. 17], а в 1-м квартале 1969 г. в колхозы Иркутской области еще 2 чел. [44. Л. 64].

Следует отметить, что в 1967 г. всем сезонным рабочим, направляемым в порядке организованного набора сроком на 2 года на лесозаготовительные, лесосплавные, лесоперевалочные предприятия и в химлесхозы Иркутской и других областей, выплачивалось единовременное безвозвратное пособие в размере 200 руб., из них 40 руб. по прибытии рабочего на предприятие, 30 – после 2 месяцев работы, 30 – после 6 месяцев работы и 100 руб. по истечении 2 лет работы на предприятии. По трудовым договорам рабочим, выезжавшим с семьями, единовременное безвозвратное пособие выплачивалось в размере 200 руб., из них 50 руб. (через отдел переселения и организованного набора рабо-

чих) – при заключении трудового договора, 50 – предприятием по прибытии к месту работы и 100 руб. – по истечении 2 лет работы на предприятии [45. Л. 31].

Таким образом, в 1950–1960-е гг. очередной приток массовых переселений был связан со строительством предприятий народного хозяйства, началом освоения целинных и залежных земель и т.д. Специфической чертой указанного периода являлась организованная трудовая миграция, которая определялась плановой экономикой Советского Союза и политикой партии. Переселение мордовского народа в изучаемый район Сибири зависело от темпов промышленного развития.

Согласно данным переписи 1970 г., в Иркутской области числились 7 067 чел. мордвы (в городе 4 634 чел. и в селе 2 433 чел.) [46. С. 85–86], а в 1979 г. – 6 824 чел. (соответственно 4 956 и 1 868 чел.) [47. С. 154–155]. При этом в 1970 г. в исследуемых областях численность мордвы была самой высокой по сравнению с другими годами (благодаря освоению новых земель и развитию промышленных предприятий, чему способствовал плановый набор переселенцев).

В конце 1970-х гг. произошло снижение численности мордовского населения на территории Иркутской области. В те годы оно проживало преимущественно в городской местности, что было связано с оттоком сельского населения в крупные промышленные города, на стройки объектов народного хозяйства и т.д. Следующая перепись, проведенная в 1989 г., показывает дальнейшее сокращение мордовского населения в изучаемом регионе. В Иркутской области, по переписи 1989 г., мордвы был зафиксирован 6 781 чел. (в городе – 5 366 чел. и в селе – 1 415 чел.). С 1979 по 1989 г. численность мордвы сократилась меньше всего – на 43 чел. [48. С. 141]. Главная причина заключалась в том, что постепенно началось сокращение промышленного строительства в этих регионах, кроме того, некоторая часть мордовских переселенцев мигрировала в иные регионы России. Процесс снижения численности был связан и с частичной ассимиляцией мордвы и выбором молодыми людьми из национально-смешанных семей при получении паспорта русской национальности.

Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. показали, что в последнее десятилетие XX в. – первые годы XXI в. происходило дальнейшее снижение численности мордовского этноса в Сибири. Это вызвано переездом мордвы из сельской местности в крупные промышленные города. Миграции молодых людей из сел – глобальная проблема не только в Сибири. Данная тенденция характерна для всей территории Российской Федерации, что приводит к значительным изменениям в материальной, духовной культуре и социальной жизни этносов. Так, по переписи 2002 г., в Иркутской области числились 3 879 чел. мордвы [49. С. 104], что на 2 902 чел. меньше по сравнению с 1989 г. Согласно переписи 2002 г., в Тулунском районе Иркутской области проживали 38 чел. мордовской национальности, из них 18 мужчин и 20 женщин. В г. Тулуне числились 13 мужчин и 14 женщин [4. Л. 13].

По данным переписи 2010 г., общая численность мордовского этноса составила 744 237 чел. (указавшие свою национальность), или 0,54% удельного веса. В гра-

ницах Республики Мордовия проживали 333 112 чел. мордовской национальности. Мордвы-мокши было зарегистрировано 4 767 чел., мордвы-эрзи – 57 008 чел. Численность мордовского народа в Алтайском крае составила 2 976 чел., в Иркутской области – 2 128, в Кемеровской области – 3 932, в Красноярском крае – 4 295, в Тюменской области – 7 444, в Республике Хакасия – 1 124 чел. [50]. По другим регионам данных о численности мордовского населения нет.

Итоги переписи 2010 г. указывают на уменьшение численности населения, владеющего национальным языком, не только у мордвы. Данная тенденция характерна для большинства национальностей, проживающих в Российской Федерации, и связана с общей ситуацией демографического спада. Основные причины этого – экономические трудности, проблема с жильем, изменение внутрисемейного отношения к семье. Не менее важной причиной выступает и этническая ассимиляция. В XXI в. как у мордовского народа, так и у других этносов наблюдается тенденция к ассимиляции. Это вызвано урбанизацией и ростом крупных городов, что приводит к замене мордовского языка русским и, как результат, к сокращению официальной численности мордвы. Как известно, дисперсно расселенные группы народа больше подвержены изменению этнического самосознания [1. С. 16].

Таким образом, причины переселения мордовского населения во второй половине XIX в. – начале XX в. коренятся в следующем: реформа 1861 г. и аграрное переселение с исконных мест проживания мордвы, особенно до Октябрьской революции; Столыпинская реформа; неурожай и голод в Европейской России в 1891–1892 г., охватившие основную часть Черноземья и Среднего Поволжья.

Переселение мордвы и других народностей в Сибирь шло неравномерно вплоть до Октябрьской революции. Ситуация изменилась после 20-х годов XX в., когда правительство создало условия для развития различных отраслей промышленности и сельского хозяйства, что, соответственно, привело к увеличению численности мордовского населения Иркутской области в последующие годы. Государство стремилось заинтересовать переселенцев, используя также и идеологический компонент, и организованные формы переселения. Благодаря выдаваемым льготам и различным надбавкам в пути следования и при обустройстве на новом месте приток переселенцев увеличивался, что дало положительные результаты – были освоены десятки миллионов десятин необжитых земель, появилось много различных поселений, увеличились объемы зернового, мясомолочного производства, рыбной продукции и т.д.

Список источников

1. Коровушкин Д.Г., Щанкина Л.Н. Мордва в Азиатской России: миграции, массивы, трансформации // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы : сб. материалов Междунар. науч. конф., 30 ноября – 02 декабря 2017 г. Красноярск : СФУ, 2017. С. 11–16.
2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Э.Д. Пороховщиковой, 1904. Т. LXXV: Иркутская губерния. 176 с.
3. Разживин В.Ф., Никонова Л.И. Мордовское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Мордва юга Сибири / под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой. Саранск : Красный Октябрь, 2007. С. 45–57.
4. Архив Муниципального учреждения культуры «Куйтунский районный краеведческий музей», р.ц. Куйтун Куйтунского района Иркутской области. [Без Фонда, Описи]. 25 л.
5. Архив Муниципального учреждения культуры «Краеведческий музей имени П.Ф. Гущина», г. Тулун Тулунского района Иркутской области [Без Фонда, Описи]. 14 л.
6. Гребнев А.М. О переселенческой политике царизма в период столыпинской аграрной реформы // Ученые записки Мордовского университета. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. № 9. С. 56–71.
7. Филатов Л.Г., Юрченков В.А. Мифы и реальность. Критика немарксистских концепций истории мордовского народа. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1989. 240 с.
8. Козлов В.И. Национальности СССР : этнодемографический обзор. М. : Финансы и статистика, 1982. 263 с.
9. Щанкина Л.Н. Мордва Сибири и Дальнего Востока: историко-этнографический аспект / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Москва : ВивидАрт, 2013. 452 с.
10. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М. : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1929. Т. IX. 228 с.
11. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф-473. Оп. 1. Д. 6.
12. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 21.
13. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 16.
14. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 75.
15. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 77.
16. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 82.
17. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 91.
18. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 90.
19. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 119.
20. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 118.
21. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 114.
22. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 113.
23. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 125.
24. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 128.
25. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 133.
26. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 143.
27. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 148.
28. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 150.
29. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 151.
30. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 153.
31. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 155.
32. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 158.

33. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 127.
34. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 135.
35. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 141.
36. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 154.
37. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 161.
38. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 162.
39. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 179.
40. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 183.
41. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 182.
42. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 207.
43. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 225.
44. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 216.
45. ЦГА РМ. Ф-473. Оп. 1. Д. 186.
46. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М. : Статистика, 1973. Т. 4. 648 с.
47. Численность и состав населения СССР : по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М. : Финансы и статистика, 1984. 336 с.
48. Национальный состав населения РСФСР : по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Респ. информ.-издат. центр, 1990. 477 с.
49. Национальный состав населения и владение языками, гражданство : итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М. : Статистика России, 2004. Т. 4, кн. 2. 2075 с.
50. Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (дата обращения: 06.02.2020).

References

1. Korovushkin, D.G. & Shchankina, L.N. (2017) Mordva v Aziatskoy Rossii: migratsii, massivy, transformatsii [Mordvins in Asian Russia: migrations, massifs, transformations]. In: Koptseva, N.V. (ed.) *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov na territorii Tsentral'noy Sibiri v XX–XXI vekakh: opyt i perspektivy* [Specificity of ethnic migration processes on the territory of Central Siberia in the 20th – 21st century: Experience and prospects]. Krasnoyarsk: SFU. pp. 11–16.
2. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g. Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. The Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs]. Vol. LXXV. St. Petersburg: Tip. E.D. Porokhovshchikovoy.
3. Razzhivin, V.F. & Nikonova, L.I. (2007) Mordovskoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Mordovian population of Siberia based on the materials of the 1897 census]. In: Yurchenkov, V.A. & Nikonova, L.I. (eds) *Mordva yuga Sibiri* [Mordva in the South Siberia]. Saransk: Krasnyy Oktyabr'. pp. 45–57.
4. The Archive of the Municipal Institution of Culture “Kuytun Regional Museum of Local Lore”, Kuytun, Kuytunsky district, Irkutsk region. [Without Fund, List]. 25 l.
5. The Archive of the Municipal Institution of Culture “P.F. Gushchin Local History Museum”, Tulun, Tulunsky district, Irkutsk region [Without Fund, List]. 14 l.
6. Grebnev, A.M. (1959) O pereselencheskoy politike tsarizma v period stolypinskoy agrarnoy reformy [On the resettlement policy of tsarism during the period of the Stolypin agrarian reform]. *Uchenye zapiski Mordovskogo universiteta*. 9. pp. 56–71.
7. Filatov, L.G. & Yurchenkov, V.A. (1989) *Mify i real'nost'. Kritika nemarksistskikh kontseptsiy istorii mordovskogo naroda* [Myths and reality. Criticism of non-Marxist concepts of the history of the Mordovian people]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo.
8. Kozlov, V.I. (1982) *Natsional'nosti SSSR: etnodemograficheskiy obzor* [Nationalities of the USSR: an ethno-demographic review]. Moscow: Finansy i statistika.
9. Shchankina, L.N. (2013) *Mordva Sibiri i Dal'nego Vostoka: istoriko-etnograficheskiy aspekt* [Mordvins of Siberia and the Far East: Historical and ethnographic aspect]. Moscow: VividArt.
10. The USSR. (1929) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g.* [All-Union population census of 1926]. Vol. 9. Moscow: Izd. TsSU Soyuz SSR.
11. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 6.
12. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 21.
13. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 16.
14. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 75.
15. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 77.
16. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 82.
17. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 91.
18. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 90.
19. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 119.
20. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 118.
21. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 114.
22. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 113.
23. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 125.
24. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 128.
25. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 133.
26. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 143.
27. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 148.
28. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 150.
29. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 151.
30. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 153.
31. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 155.
32. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 158.
33. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 127.
34. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 135.
35. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 141.
36. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 154.
37. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 161.
38. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 162.
39. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 179.
40. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 183.

41. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 182.
42. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 207.
43. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 225.
44. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 216.
45. The Central State Archive of the Republic of Mordovia (TsGA RM). F-473. List 1. File 186.
46. The USSR. (1973) *Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 g.* [Results of the All-Union Population Census of 1970]. Vol. 4. Moscow: Statistika.
47. The USSR. (1984) *Chislennost' i sostav naseleniya SSSR: po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1979 g.* [Number and composition of the population of the USSR: according to the All-Union population census of 1979]. Moscow: Finansy i statistika.
48. The USSR. (1990) *Natsional'nyy sostav naseleniya RSFSR: po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 g.* [The national composition of the population of the RSFSR: according to the data of the All-Union population census of 1989]. Moscow: Resp. inform.-izdat. tsentr.
49. The USSR. (2002) *Natsional'nyy sostav naseleniya i vladenie yazykami, grazhdanstvo: itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 g.* [National composition of the population and language proficiency, citizenship: results of the All-Russian population census of 2002]. Vol. 4(2). Moscow: Statistika Rossii.
50. The USSR. (2010) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda* [All-Russian population census of 2010]. Vol. 4. [Online] Available from: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf-m.html (Accessed: 6th February 2020).

Сведения об авторе:

Щанкина Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия). E-mail: schanckina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shchankina Lyubov N. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Law Disciplines Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: schanckina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2020; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 11.05.2020; accepted for publication 03.07.2023

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/19988613/84/21

История исследований металлургии и металлообработки бронзы таштыкской культуры

Анна Сергеевна Савельева

*Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук,
Кемерово, Россия, antverpen@mail.ru*

Аннотация. Систематизируются данные по истории исследований металлургии и металлообработки бронзы таштыкской археологической культуры. Прослеживается терминологическое разнообразие исследовательских подходов к описанию техник изготовления маркерных атрибутов таштыкских погребений – медно-бронзовых изображений головок коней (вырезание / вырубание). Анализ опубликованных данных об элементном составе сплавов показывает преобладание в таштыкских рецептурах лигатур олова, свинца или их сочетаний. Это существенно отличает таштыкский цветной металл от предшествующей медно-мышьяковой тагаро-таштыкской / тесинской металлургической традиции.

Ключевые слова: таштыкская культура, историография, медно-бронзовые изделия, металлургия, элементный состав

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Для цитирования: Савельева А.С. История исследований металлургии и металлообработки бронзы таштыкской культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 164–174. doi: 10.17223/19988613/84/21

Original article

The history of studies of Tashtyk culture's bronze metallurgy and metalworking

Anna S. Savelyeva

*Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Kemerovo, Russian Federation, antverpen@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the generalization of historiographical facts about the study of bronze metallurgy and metalworking of Tashtyk archaeological culture. On the base of published and archive data the registration of settlements with signs of bronze industry, including copper based alloys wares, mould and foundry vessel was done (Shestakovsky fort, Tuim-Alatau-1 and Mikhailovsky settlements). All of them are situated in the territory of Kuznetsky Alatau's foothills. According to the published data, copper smelting points, not associated with settlement complexes, but concentrated in the Middle Yenisei basin, have been given and mapped. On the basis of the analysis of publications, the technological methods of metal processing of bronze, the mastery of which is attributed by archaeologists to the masters of metallurgy of Tashtyk culture, were established. Among them are casting (flat, volume, hollow), engraving and felling from the copper-bronze sheets or plates, making holes, stamping. Such technological methods of bronze metalworking are declared in the essays of A.P. Ermolaev, S.V. Kiselev, L.R. Kyzlasov. The example of repairing of broken copper-bronze ware has been cited by L.R. Kyzlasov. The opinion about tashtyk forging and drilling have been expressed by E.B. Vadetskaya. Thanks to the studies of L.R. Kyzlasov and I.L. Kyzlasov we have the idea about tashtyk skilled workmen's tools (stone large hammers for ore crushing, chisels, cutters, iron and bimetal jewelry hammers). Since 1910s the main method of tashtyk metallurgy and metalworking's study is visual surface (macroscopic) searching of the copper-bronze wares. In many ways, this is the reason for the terminological diversity of research approaches to the description of the methods of manufacturing such characteristic attributes of Tashtyk burials as copper (or bronze?) images of heads of horses. Two technological methods of its production are mentioned in the essays – engraving from the sheets and felling from the plates. The planned research of such images from museum collections, based on the modern research (trasological) methods of R.S. Minasyan (2014), will clarify and differentiate the views available in historiography.

Analysis of a small number of published data on the elemental composition of copper-based alloys has shown a predominance of tin, lead or their combinations in tachtyk formulations. These peculiarities make the tashtyk metal considerably different from preceded Tagar-Tashtyk Transition Period's tradition to make the wares from the copper or arsenic alloys. It is planned to clarify this preliminary conclusion as a result of the work on obtaining a series of new data of an element composition of alloys on a copper basis from the materials of monuments of Tashtyk archaeological culture.

Keywords: Tashtyk culture, historiography, copper-bronze wares, metallurgy, elemental composition

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the State task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. AAAA-A21-121012090006-0 "Sociocultural genesis and cross-border interaction of ancient and medieval societies in the contact zones of Western and Central Siberia".

For citation: Savelyeva, A.S. (2023) The history of studies of Tashtyk culture's bronze metallurgy and metalworking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 164–174. doi: 10.17223/19988613/84/21

Хунно-сарматское время на территории Южной Сибири связано с таштыкской культурой, памятники которой представлены грунтовыми могильниками, склепами, поминальниками, стоянками, плавильнями и рисунками на скалах [1–7]. История, быт и облик таштыкского населения реконструируются преимущественно по находкам из погребений с характерным разнообразием материалов, применяемых для изготовления сопроводительного инвентаря. Наряду с отсутствием или слабой представленностью в погребальных комплексах таких категорий изделий, как оружие [2. С. 432; 3. С. 86; 5. С. 136; 6. С. 242] и орудия [1. С. 51; 5. С. 137; 8. С. 198], в качестве характерной черты таштыкской материальной культуры принято отмечать освоение железоделательного производства и преобладание предметов из железа [6. С. 244–245; 9. С. 102]. По образному выражению геолога Л.В. Громова, в таштыкскую эпоху происходил «обмен значениями между металлом меди и железа» [10. С. 24].

Несмотря на небольшую количественную репрезентативность, из медно-бронзовых сплавов в таштыкское время изготавливались разнообразные изделия (бляхи, пряжки, амулеты, миниатюрные подвески-котелки, браслеты, булавки, гвоздики, фигурки животных, копии хуннских поясных пластин и др.). Техника их изготовления и металлургия бронзы этой эпохи на фоне хорошо разработанной в археологии темы таштыкского железоделательного производства [11. С. 25–80; 12. С. 61–100], привлекает меньший научный интерес. Между тем история исследований таштыкского цветного металла и имеющиеся знания о металлургии предшествующего времени позволяют предварительно осветить проблему металлургии и металлообработки таштыкской культуры.

Объекты Таштыкской металлургии

По данным Э.Б. Вадецкой, бронзолитейным делом занимались на краю таштыкских поселений [5. С. 139]. О инвентаре на подобных местонахождениях позволяют судить упоминания И.Л. Кызласовым таштыкских дробильных молотов [13. С. 107]. Однако сведения о находках, свидетельствующих о производстве изделий из меди или бронзы, единичны. Так, по материалам 16 поселений таштыкской культуры, приведенных Э.Б. Вадецкой для степных пространств Среднего Енисея [5], ни на одном не упоминаются предметы бронзолитейного производства. В своде археологиче-

ских памятников Ужурского района Красноярского края [14] не приводится поселений таштыкской культуры. В материалах к археологической карте Шарыповского района Красноярского края [15] не фигурирует таштыкская атрибуция поселенческих памятников (за исключением таштыкской керамики с поселения Косые Ложки VI), но приведено восемь объектов, датированных I тыс. н.э., или железным веком. О материалах, связанных с бронзолитейным производством, для них не упоминается. На территории Ширинского района Республики Хакасия известно поселение Туим-Алатау-1, ранний период функционирования которого связывается с таштыкской культурой. В числе находок с местонахождения приводится фрагмент керамической литейной формы с двумя газоотводными отверстиями по краям [16. С. 116–118]. На территории Кемеровской области учтено 13 таштыкских поселенческих комплексов [17, 18]. Из них происходят глиняная льялка (или тигильк?) (городище Шестаково XI, раскопки А.М. Кулемзина) [19. С. 7; 20. С. 217], обломок бронзового ножа и фигурная бронзовая поясная пряжка (Михайловское поселение, раскопки А.И. Мартынова) [21. С. 99; 22. С. 292].

Столь же немногочисленны сведения о пунктах металлургии бронзы, не приуроченных к поселениям. Они обнаруживаются в публикациях двух авторов – Л.В. Громова и Я.И. Сунчугашева. В «Регистрационном списке мест местонахождения следов древних плавильных на юге Красноярского края и частично в Тувинской автономной области», приведенном Л.В. Громовым, указано четыре объекта, связанных с выплавкой меди [10. С. 40, 41, 48, 51], сведения о трех из них были продублированы позже Я.И. Сунчугашевым в числе «Памятников древней металлургии меди в Хакасско-Минусинской котловине» [23. Приложение].

1. Медные сплавы, шлаки на днах бассейна р. Беи, у с. Бея (№ 94 на «Схематической карте...») Л.В. Громова и Э.Р. Рыгдылона (здесь и далее порядковый номер соответствует номеру на рис. 1).

2. Шлаки, мелкие сплавы меди, бронзы в песках бассейна р. Енисей, в окрестностях с. Батени (№ 96 на «Схематической карте...»). По публикации Я.И. Сунчугашева, местонахождение занято Красноярским морем.

3. Сплавы меди и бронзы в песках бассейна р. Кой, в окрестностях д. Кой (№ 97 на «Схематической карте...»).

Источником этих данных является Инвентарная книга Минусинского музея.

4. Медь в бассейне р. Шуши, к юго-востоку от с. Шушенское (№ 99 на «Схематической карте...»). В качестве источника сведений Л.В. Громовым указана рукопись В.П. Левашевой, Э.Р. Рыгдылона 1949 г. и Инвентарная книга Минусинского музея [10. С. 51].

Рис. 1. Объекты со следами металлургии бронзы таштыкской культуры. По: [10]

Составление в 1950 г. опубликованной Л.В. Громовым «Схематической карты распространения следов древней металлургии в Хакасско-Минусинской впадине (Южная Сибирь)» было одним из главных итогов работы археологического отряда Э.Р. Рыгдылона, проводившего разведки в Туве и на севере Хакасии. Отряд действовал в составе Южно-Енисейской экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР, организованной в 1948 г. под общим руководством Л.В. Громова. Работа экспедиции была связана с правительственным заданием геологических изысканий рудопроявлений в Минусинской котловине. Одной из задач выступало изучение древних плавильных регионов в ходе археологических обследований [24. С. 171].

Таким образом, следует отметить единичность пунктов металлургии (бассейн Среднего Енисея) и следов металлообработки (в виде литейной формы, льячки и готовых изделий), представленных на нескольких поселениях в северных и восточных предгорьях Кузнецкого Алатау (городище Шестаково XI, поселения Туим-Алатау-1 и Михайловское). На «упадок», который переживали добыча и обработка бронзы в таштыкское время, указывалось В.П. Левашевой [25. С. 42, 43].

Металлообработка таштыкской культуры

Отдельные характеристики техники изготовления бронзовых изделий, отнесенных позже к таштыкской культуре, содержатся в описании Ишимской коллекции, составленном А.П. Ермолаевым [26]. Клад был обнаружен в 1911 г. в окрестностях д. Ишимка в левобережной части р. Чулым [26; 27. С. 388; 28. Р. 595, 596]. Исследователями отмечено наличие в коллекции тагарского, таштыкского и кулайского предметных комплексов [29. С. 126]. Время сложения клада определено в широких рамках хунно-сарматской эпохи [2. С. 467; 30. С. 136; 31. С. 110].

Пять целых и фрагментированных изделий (рис. 2, 1–5) объединены А.П. Ермолаевым в группу предметов «непонятного назначения, представляющих из себя длинную бронзовую или медную полоску, то тонкую и широкую эластичную, то толстую и грубую, заканчивающуюся на одном конце изображением животного с вытянутой шеей, с более или менее раскрытым ртом и поджатыми ногами. Эти изображения по способу отливки или односторонни, или двусторонни, т.е. не всегда с обеих сторон одинаково отделаны и орнаментированы. Материал для них — сплав беловато-серого свинцового цвета» [26. С. 13, 14].

Ю.В. Тетериным в классификации булавок хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины описанные вещи отнесены к группе III, подгруппе «Б», типу 5 — «булавки с навершиями в виде вертикально расположенных фигурок животных» [31. С. 103]. К технологической стороне обстоятельств их изготовления добавлено наблюдение о том, что стержень отлит вместе с фигуркой животного [31. С. 105]. Вместе с тем известные находки прорезных фигурок косуль трактованы Ю.В. Тетериным как съемные навершия булавок [31. С. 105; 32. С. 106], что указывает по меньшей мере на два способа изготовления данной категории украшений в таштыкское время — цельное литье и посредством составления из навершия и стержня. Хронологическая принадлежность ишимских булавок и прорезных фигурок косуль определена исследователем по сходству с аналогичными фигурками из таштыкских склепов, датированных IV–VI вв. н.э. [31. С. 109, 110]. Напротив, Л.Р. Кызласовым описываемые прорезные фигурки из Ишимской коллекции, насаженные на длинные медные пластинки, представляются как маркер распространения образа лежащих косуль с юга на север около рубежа н.э. [3. С. 94] и иллюстрируют единство традиции изготовления составных изделий этой категории.

Как поясная подвеска, подражающая таштыкским образцам IV–VII вв. н.э., описана Ю.В. Тетеринем другая находка из Ишимской коллекции (рис. 2, 6). Она отнесена исследователем к группе II, типу 4 — «подвески в виде кольца, внутреннее поле которого оформлено спицами, соединенными с круглым диском в центре» [33. С. 52, 56]. А.П. Ермолаевым находка приводится как бронзовое литое кольцо из сплава, близкого к «свинцоватому цвету», с выпуклым кружком, помещенным в центре на трех радиусах [26. С. 10].

К аналогиям деревянных моделей меча из таштыкских комплексов могил № 2 и 7 могильника Оглахты Л.Р. Кызласовым причисляется находка из состава Ишимского клада бронзовой литой модели меча [3. С. 112] (рис. 2, 7). А.П. Ермолаевым изделие описано как медный (или бронзовый?) литой предмет неопределенного назначения, в верхней части напоминающий человеческую фигуру в высокой шапке [26. С. 13].

Таким образом, по материалам Ишимской коллекции А.П. Ермолаевым упомянуты такие характеристики технологии изготовления изделий, атрибутированных позже таштыкским временем, как двустороннее и одностороннее литье, использование меди, бронзы и сплавов свинцового цвета. По Ю.В. Тетерину, булавки

таштыкского времени могли быть либо цельнолитыми, либо составными, со съемными навершиями, по Л.Р. Кызласову – составными.

К технологической стороне изготовления бронзовых изображений двуглавых коньков и полных изображений коней из таштыкских склепов обращался

С.В. Киселев. Все исследованные им пластинки (например, рис. 2, 8–10) описаны как «плоские, чисто силуэтные, в большинстве случаев отлитые в плоской форме. Однако наряду с литыми, более массивными, встречаются просто вырезанные из тонкого бронзового листка» [2. С. 440].

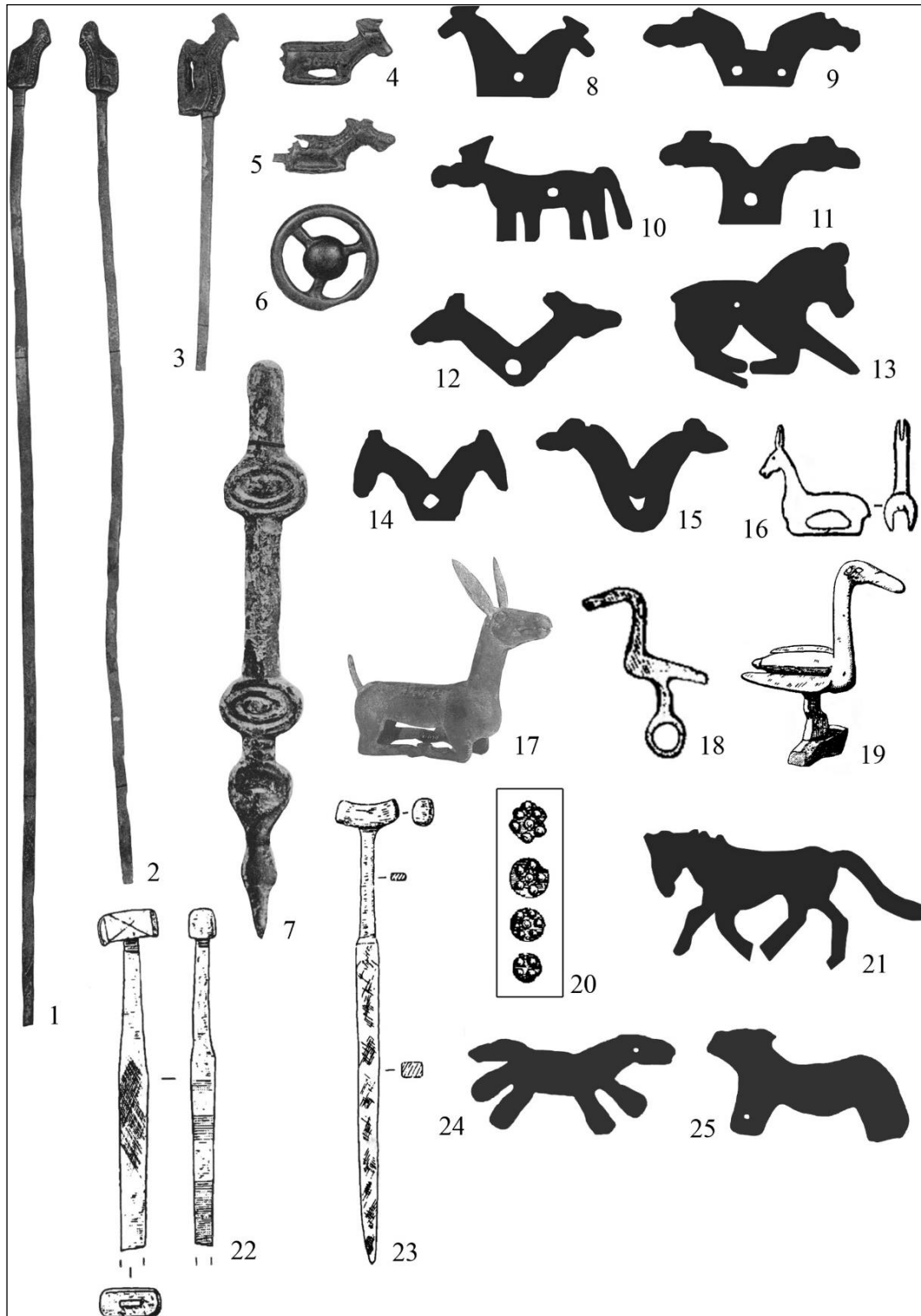

Рис. 2. Медно-бронзовые изделия таштыкской культуры: 1–7 – Ишимский клад; 8–10 – Уйбатский чаатас; 11, 12, 14, 18, 20 – Изыхский чаатас; 13 – Сырский чаатас; 15 – с. Кривинское; 16, 19, 23 – случайные находки (Средний Енисей); 17 – Монголия; 21 – Михайловский могильник; 22 – г. Изых; 24, 25 – Косоголь IV. Без масштаба. 1–7 по: [26]; 8–10 по: [2]; 11–16, 18–20 по: [3]; 17 по: [34]; 21 по: [36]; 22, 23 по: [35]; 24, 25 по: [40]

По мнению Л.Р. Кызласова, профильные изображения двух конских головок, повернутых в противоположные стороны (например, рис. 2, 11–12), изготавливались индивидуально, «путем вырубания легким зубильцем из тонких или довольно толстых бронзовых пластинок. По отпечаткам на них, полученным при случайных неточных ударах, видно, что зубильца эти имели рубящее острие шириной до 7 мм при миллиметровой толщине» [3. С. 89, 90]. Эти особенности были установлены Л.Р. Кызласовым в процессе обследования 30 изображений из склепа № 1 Сырского чаатаса, а затем подтверждены материалами из Уйбатского и Изыхского чаатасов. Та же техника зафиксирована для силуэтных бронзовых пластинок в виде целых стоящих или медленно идущих фигурок коней [3. С. 93], в виде изображений бегущих коней (рис. 2, 13), а также для фигурки сидящего медведя [3. С. 130]. Изучение имеющихся на пластинках отверстий позволило специалисту заключить, что пробивались они металлическим бородком, оставившим круглые, овальные, четырехугольные (рис. 2, 14) или полулунные (рис. 2, 15) отверстия [3. С. 90].

Л.Р. Кызласовым также проиллюстрирован сюжет ремонта одного из парных изображений (могильник у с. Кривинское): вместо отломленной и потерянной головки мастер вырезал маленькую, еле намеченную, и присоединил ее к оставшейся длинной и большой голове с помощью бронзовой заклепки. Затем было пробито новое общее отверстие [3. С. 91].

При описании литейных приемов изготовления таштыкских фигурок косуль Л.Р. Кызласовым отмечено, что эти изображения могли быть как цельнолитыми рельефными, несколько уплощенными, толщиной до 3 мм, так и полыми внутри (рис. 2, 16) [3. С. 90, 93, 94]. При этом первая традиция связывается происхождением «с тагарскими изображениями оленя», а вторая находит «южное, во всяком случае центральноазиатское, происхождение» [3. С. 93, 94]. Подобные изображения, датированные V–IV вв. до н.э., происходят, например, из юго-западной Внутренней Монголии и северо-западного Китая (рис. 2, 17). Такие фигурки отливались в двухчастных литейных формах, причем уши изготавливались отдельно [34. Р. 231].

Помимо косуль способом литья изготовлены также бронзовые фигурки стоящих гусей. При этом у одних «ноги, переданные одним стерженьком, заканчиваются колечком» (рис. 2, 18) [3. С. 95]. Статуэтки же гусей на прямоугольных бронзовых подставках – с полыми туловищем, шеей и клювом, нижняя часть которого отливалась отдельно и прикреплялась на шарнире (рис. 2, 19) [3. С. 95].

В отношении находок из склепа № 1 Изыхского чаатаса Л.Р. Кызласовым используется термин «штампование»: «...бронзовые, очень тонкие и хрупкие штампованные нашивные бляшки. Они имеют круглую форму и от четырех до семи выпуклостей, а также по несколько мелких отверстий для пришивания к коже» (рис. 2, 20) [3. С. 137].

Помимо установленных Л.Р. Кызласовым фактов применения таштыкскими мастерами зубила для рубки металла и борodka для пробивания отверстий,

И.Л. Кызласовым приведены сведения о наличии в инструментарии этой поры молоточков-напильников. Известны два таких ювелирных орудия, частично изготовленных из бронзы, в отличие от известных таких же цельножелезных орудий.

Первый молоточек (рис. 2, 22) был найден на горе Изых. Конец его обломан, общая длина 9 см, из которых 5 см представляют собой напильник. «Головка молоточка изготовлена из желтой бронзы (ее размеры $1,6 \times 0,8 \times 0,7$ см; бойки подквадратной формы). Боковины молоточка украшены резным узором: косым крестом и вертикальными черточками (на одной щеке у левого края таких полосок две). Головка молоточка имеет специальный паз, хорошо заметный с нижней стороны ($0,6 \times 0,2$ см), с помощью которого она крепилась к верхней черешковой части ручки». Орудие отнесено к виду прямых брусковидных [35. С. 113].

Второй молоточек (рис. 2, 23) был найден в долине Среднего Енисея. Длинной он 14,6 см (ручка 3,7 см, напильник 10 см). Прогнутая бронзовая головка молоточка имеет размеры $2 \times 0,8 \times 0,7$ см, бойки овальной формы. Отнесен к виду орудий с прогнутой головкой [35. С. 114].

Позже терминологический арсенал приемов изготовления таштыкских медно-бронзовых изделий был пополнен Э.Б. Вадецкой. Специалистом медные амулеты-пластинки, нашивавшиеся на одежду, приведены как кованые [7. С. 32], а отверстия для ремешков на концах гривны, обнаруженной в могиле 16 могильника Комаркова, охарактеризованы как просверленные [7. С. 36].

Таким образом, начиная с 1910-х гг. в археологических исследованиях возникали в той или иной степени обобщающие или в качестве отдельных замечаний суждения о характере таштыкской металлообработки. На отливку в односторонние или двусторонние формы одним из первых указано А.П. Ермолаевым. С.В. Киселевым, помимо способа отливки в плоские формы, отмечен способ вырезания из тонкого бронзового листка. Существенно уточнил эти технологические подходы Л.Р. Кызласов. Помимо литья, в результате которого получались цельнолитые или полые внутри фигурки, им выделены приемы вырубания или выбивки из бронзовых пластинок тонким зубильцем, а также приведены примеры ремонта таштыкцами медно-бронзовых вещей. Э.Б. Вадецкой использованы такие категории, как ковка и сверление.

После работ Л.Р. Кызласова 1960-х гг. новых исследований технологии изготовления таштыкских медно-бронзовых изделий не предпринималось. Имела место систематизация известных ранее данных о металлообработке этой эпохи, включающих вырезание, плоскостное и объемное полые литье [9. С. 104–105]; вырезание из пластинок, литье из меди и бронзы [5. С. 107, 138].

Отдельные формулировки о способе изготовления того или иного предмета специалистами высказываются при вводе в научный оборот новых материалов раскопок таштыкских памятников. Обычно для них характерно разнообразие трактовок материала – медь или бронза, осуществляемых в большинстве случаев на основе визуальных наблюдений. Так, Г.С. Мартыновой при публикации бронзовой плоской фигурки бегу-

щей лошади из Михайловского могильника использован термин «выштампована» (рис. 2, 21) [36. С. 92, 93]. А.И. Готлиб при публикации материалов некоторых захоронений могильника Черноозерное II указал на находку бронзовой бляшки округлой формы, вырезанной из тонкого листа бронзы и имевшей по внешнему краю два пробитых отверстия [37. С. 15]. Ю.В. Тетерин, описывая находки могильника Маркелов Мыс I, отметил факт применения какого-то острого инструмента, которым вырублен нижний край у профильных бронзовых изображений конских голов [38. С. 83]. А.И. Поселянин в публикации материалов таштыкского погребально-поминального комплекса Быстрая 2 описал бронзовые цельнолитые или отлитые вместе со шпеньком пряжки [39. С. 10, 24].

Используются некоторые термины для обозначения способов производства тех или иных находок в публикациях описаний музейных коллекций и при составлении тематических каталогов. Так, в описании пред-

метного комплекса могильника Косоголь IV фигурная бляшка в виде бегущего жеребенка представляет собой плоское изображение, вырезанное из пластины (рис. 2, 24) [40. С. 48]. Те же формулировки использованы при описании фигурной бляшки в виде хищника из семейства кошачьих (рис. 2, 25) [40. С. 48]. М.А. Дэвлет для фрагмента прямоугольной пластины с решетчатым орнаментом, образованным извивающимися змеями, из могилы 5 могильника Новая Черная V отмечена ее плоская оборотная сторона (рис. 3, 1) [41. С. 24], что может указывать на литье в односторонней форме.

Помимо терминологического разнообразия, в историографии нет единства в оценках уровня мастерства таштыкских бронзолитейщиков. Высоко оно оценивалось С.В. Киселевым, считавшим, что таштыкское искусство основано на сочетании старых традиций скифо-сибирского звериного стиля и его совершенствования в соответствии с новыми веяниями [2. С. 444].

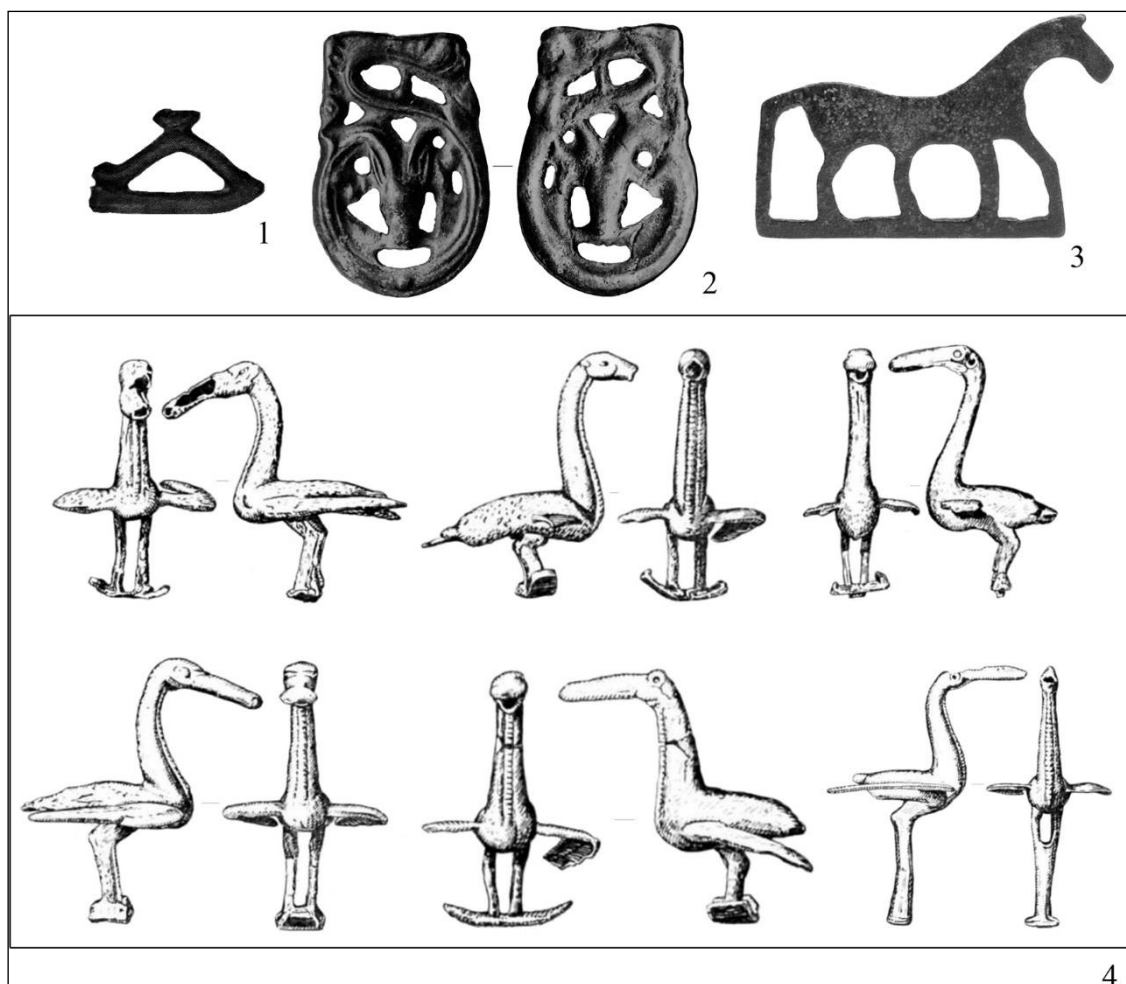

Рис. 3. Медно-бронзовые изделия таштыкской культуры. Без масштаба.
1 – Новая Черная V; 2, 4 – Косогольский клад; 3 – Монголия. 1, 2 по: [41]; 3 по: [34]; 4 по: [47]

По мнению И.Л. Кызласова, художественная обработка металла таштыкской эпохи развивалась на фоне процветания горного дела, металлургии и кузнечного мастерства, что обусловило формирование определенной производственной специализации [35. С. 118]. В.П. Левашевой даже указана дата, когда был завершен

процесс выделения мастерства литейщиков в самостоятельное производство – IV в. н.э. [42. С. 43]. Об успехах таштыкского прикладного искусства также высказывался Л.Р. Кызласов. Однако им не отрицались общинный характер цветной металлургии, отсутствие специализации и стандартизации в эту эпоху, зависи-

мость схематизированной или высокохудожественной передачи образов от степени искусности каждого отдельного мастера [3. С. 91, 186, 187]. Основываясь на сходных материалах, Э.Б. Вадецкой стереотипность изготовления таштыкских бронзовых амулетов трактована как признак упрощения технологии художественного литья [5. С. 139]. Входит в противоречие с идеями И.Л. Кызласова о «процветавшем» таштыкском горном деле приведенное выше заключение В.П. Левашевой об «упадке» добычания бронзы в таштыкское время [25. С. 42, 43].

Элементный состав таштыкских бронз

Об элементном составе таштыкских бронз данных немного. Малая известность состава металла предметного комплекса этой культуры констатирована Э.Б. Вадецкой [7. С. 75]. Одно зеркало исследовано методом спектрального анализа И.В. Богдановой-Березовской, установившей наличие в сплаве 15% олова, 4% свинца, 0,1% мышьяка, по 0,02% сурьмы и цинка [43. С. 134]. Такой состав позволяет говорить об оловянисто-свинцовой рецептуре. О применении оловянистой бронзы для изготовления таштыкских зеркал упоминается Э.Б. Вадецкой [5. С. 138]. Так, из оловянистой бронзы зеркало с широким ободком на оборотной стороне и шишкой-петлей из могильника Комаркова [7. С. 38, 41]. Из этого могильника происходит шейная гривна, проволочка для изготовленной которой охарактеризована как латунная [7. С. 36].

С.С. Миняевым произведен спектральный анализ металла упоминавшегося выше углового фрагмента пластины из раннетащтыкского могильника Новая Черная V (рис. 3, 1), показавший 1,5% свинца [44. Табл. Ан. 69]. Такая концентрация свинца явилась основанием для предположения о забайкальско-монгольском центре изготовления пластины, для которого наличие свинца в сплавах более характерно, чем для местного минусинского производства позднетагарского времени [44. С. 30]. Э.Б. Вадецкой не исключается, что «это не привозная вещь, а копия, сделанная таштыкцами» [7. С. 72, 75]. К этой же категории таштыкских копий ею отнесена грубо отлитая пластина с изображением дракона из Косогольского кладка (рис. 3, 2) [7. С. 75], также изготовленная из оловянистой бронзы (олова 3%) [44. Табл. Ан. 33]. По классификации М.А. Дэвлет, это пластина с закругленным краем в виде дракона, туловище которого закручено вокруг головы [41. С. 27]. Металл некоторых аналогичных таштыкским бронзовых изображений животных проанализирован в составе коллекции Артура М. Саклера. Например, фигурка идущей лошади, датированная I в. до н.э. из Западной Внутренней Монголии (рис. 3, 3). Примечательно, что ее сплав представляет собой свинцовисто-оловянистую бронзу [34. Р. 267].

В числе опубликованных таштыкских изделий, металл которых можно отнести к проанализированному серийно – шесть наверший в виде фигурок гусей (рис. 3, 4). Анализ был выполнен С.С. Миняевым в ходе исследования состава металла предметов Косогольского кладка методом спектрального анализа [45].

Об их таштыкской атрибуции приведены сведения Э.Б. Вадецкой, с определением времени закладки IV–V вв. н.э. [7. С. 75]. К числу памятников раннего железного века и гуннского времени Косогольский клад отнесен С.В. Красниенко и А.В. Субботиным [14. С. 29]. С.В. Красниенко полагает, что с открытия Косогольского кладка в 1966 г. началось изучение таштыкской культуры на территории Назаровской котловины [46. С. 169]. Н.В. Нащекиным клад датирован концом тагарской – началом таштыкской эпохи (III–I вв. до н.э.) [47. С. 163]. В Полевом отчете отмечено, что бронзовые скульптурные фигурки гусей относятся С.В. Киселевым к таштыкскому времени, а Л.Р. Кызласовым – к изыхскому этапу таштыкской культуры (I в. до н.э. – I в. н.э.) [48. С. 153].

С.С. Миняевым металл наверший распределен на три металлургические группы [45. С. 39, 40]. Четыре экземпляра составили группу оловянистых бронз (олова 15–17%). Один экземпляр (№ ан. 180) – формально из многокомпонентного сплава медь–олово–мышьяк (олова 15%, мышьяка 0,5%). По существу же этот металл также представляет собой оловянистую бронзу. Один экземпляр (№ ан. 181) – из многокомпонентного сплава меди, олова и свинца (олова 16%, свинца 5%). Согласно выводам С.С. Миняева, металл всех наверший содержит олово в высоких концентрациях. Этот особый состав фигурок древние литейщики, по всей видимости, хорошо знали и «намеревались путем переплавки их вместе с другими предметами получить изделия с довольно высоким содержанием олова» [45. С. 43].

Еще одно интересное наблюдение о таштыкской цветной металлургии также принадлежит С.С. Миняеву. По его мнению, одним из своеобразных источников металла для бронзолитейщиков этого времени выступали хуннские бронзы, которые вышли из употребления с образованием на Среднем Енисее таштыкской культуры и поступили на переплавку, продолжая встречаться вкладах литейщиков [49. С. 103; 50. Р. 162].

Таким образом, немногочисленные и разрозненные данные о составе таштыкских сплавов на медной основе свидетельствуют о преобладании в их числе рецептур, содержащих лигатуры олова и / или свинца. Тенденция использовать высокооловянистые сплавы в целом характерна для археологических комплексов первой половины I тыс. н.э. Западной Сибири [51. С. 184]. По И.В. Богдановой-Березовской, бронза, содержащая лигатуры олова и свинца, обладает хорошими литейными свойствами – повышенной жидкотекучестью и малой пористостью; при невысокой твердости она легко обрабатывается резцом, что не могло быть неизвестно древним мастерам [43. С. 134, 140]. Упоминание Э.Б. Вадецкой о латунном изделии (гривна из могильника Комаркова) не противоречит известным по материалам Забайкалья, Прибайкалья и Минусинской котловины данным о появлении сплавов с содержанием цинка до 6% в качестве естественной примеси уже в конце II – начале I тыс. до н.э. [52. С. 354].

Фиксируемые по опубликованным данным особенности элементного состава таштыкских бронз по меньшей мере указывают на их слабую преемственность с медно-мышьяковой металлургической традицией

переходного тагаро-таштыкского периода (тесинского этапа / тесинской культуры) [53. С. 47]. В рамках медно-мышьяковой позднетагарской традиции рубежа эр доля металла с лигатурой олова не превышала 28% от совокупной коллекции проанализированных бронз, а по отдельным памятникам составляет от 18 до 43% [54]. В качестве одной из черт таштыкского металла, намекающей все же сходство с предшествующей эпохой, можно привести отмеченный Л.Р. Кызласовым обычай укладывать в могилы с покойными не сами вещи, а их «миниатюрные воспроизведения», «модели-заменители», зародившийся в позднетагарское время [3. С. 81, 112]. Этот факт, по аналогии с тагарской металлургией, должен учитываться исследователями при анализе таштыкских медно-бронзовых изделий, в том числе при корреляции рецептов и типов инвентаря.

Заключение

Анализ истории исследования таштыкской металлургии и металлообработки бронзы позволил выявить сведения всего о нескольких пунктах выплавки меди этого времени. Все они сосредоточены в бассейне Среднего Енисея и известны преимущественно благодаря рекогносцировочным работам Э.Р. Рыгдылона. Немногочисленные примеры поселенческих комплексов со следами металлообработки (Туим-Алатау-1, Шестаково XI, Михайловское), приуроченных к предгорьям Кузнецкого Алатау. Основные же выводы о таштыкском цветном литье сделаны на основе визуального изучения готовых медно-бронзовых изделий. Наблюдения А.П. Ермолаева, В.П. Левашевой и С.В. Киселева первой половины и середины XX в. заложили основы представлений об освоенности таштыками литья в двусторонние или односторонние формы и вырезания из бронзовых листков. В 1960-е гг.

исследования были продолжены Л.Р. Кызласовым, давшим развернутую оценку таштыкского изобразительного и прикладного искусства. Оснащенность техническими навыками и приемами таштыкских мастеров им была уточнена и дополнена понятием о вырубании из бронзовых пластинок и данными о способах выполнения отверстий на изделиях. Существенно меньше представляется изученной такая сторона таштыкской металлургии, как элементный состав металла изделий. Начало работ в этом направлении можно отсчитывать с 1970-х гг., когда методом спектрального количественного анализа И.В. Богдановой-Березовской был установлен состав одного таштыкского зеркала, определенный как оловянисто-свинцовистая бронза, а С.С. Миняевым – состав металла наварший в виде гусей из числа предметов Косогольскогоклада. Специалистом был сделан вывод о ведущей роли олова для составления сплавов фигурок. Предварительное сравнение с металлом позднетагарских комплексов показало слабую степень преемственности металлургических традиций таштыкской культуры с обычаями предшествующей эпохи. Для построения более уверенных выводов необходима серия данных по элементному составу металла таштыкских медно-бронзовых изделий. В свете выявленного разнообразия применяемых исследователями терминов, передающих способ изготовления характерного атрибута предметных комплексов таштыкских погребений – вырезанных или вырубленных пластинок-амулетов – актуально обследование этих изделий на предмет техники изготовления. Фиксацию признаков механического воздействия на металл, оказываемого вырезанием или вырубанием, возможно производить дифференцированно благодаря современным представлениям о следах, оставленных на изделиях в древности в результате резки или рубки [55. С. 287–288].

Список источников

1. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV, вып. II. С. 41–57.
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 643 с.
3. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 198 с.
4. Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 167 с.
5. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, Ленингр. Отд-ние, 1986. 179 с.
6. Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 236–246.
7. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
8. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы: спецкурс. Кемерово, 1971. 250 с.
9. Завитухина М.П. Хуннский период // Древняя Сибирь: путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII век до н.э. – XII век н.э.». Л.: Аврора, 1976. С. 98–112.
10. Громов Л.В. Исторические исследования на службу поиску полезных ископаемых (древняя металлургия Хакаско-Минусинской котловины) // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. 1960. Вып. VIII. С. 19–55.
11. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 192 с.
12. Сунчугашев Я.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 3–89.
13. Кызласов И.Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // Советская археология. 1985. № 1. С. 107–121.
14. Красниенко С.В., Субботин А.В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. 192 с.
15. Красниенко С.В., Субботин А.В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 1999. 114 с.
16. Иптышев А.В. Об итогах археологической разведки в Ширинамском районе Республики Хакасия в 2016 году // Мартяновские краеведческие чтения (2016–2017 гг.). Минусинск, 2018. Вып. 11. С. 114–118.
17. Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 3–89.
18. Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области: материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1989. Вып. I. 158 с.

19. Кулемзин А.М. Отчет о продолжении работ на городище Шестаково XI в 1983 году // Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Ед. хр. № 696. Кемерово, 1984. 14 л., ил.
20. Кулемзин А.М. Раскопки городища Шестаково XI // Археологические открытия 1983 года. М. : Наука, 1985. С. 217–218.
21. Мартынов А.И. Михайловское поселение по результатам раскопок 1967 и 1968 годов // Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Ед. хр. № 300. Кемерово, 1969. 101 с.
22. Мартынов А.И. Раскопки в Кузбассе // Археологические открытия 1971 года. М. : Наука, 1972. С. 292–293.
23. Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. 173 с.
24. Ярославцева Л.Г. Жизненный путь и судьба первого бурятского археолога Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона (10.11.1906–24.04.1957). По материалам личного архива // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : материалы все-рос. семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : Амтера, 2009. С. 166–173.
25. Левашева В.П. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск : Краснояр. краевое гос. изд-во, 1939. 68 с.
26. Ермолаев А. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. Красноярск : Тип., б. М.И. Абалакова, 1914. Вып. 1: Ишимская коллекция. 29 с.
27. Баташев М.С., Вдовин А.С., Макаров Н.П. Археолого-этнографические исследования А.П. Ермолаева // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археолого-этнограф. конф. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 387–390.
28. Malitskaya A.A., Makarov N.P., Vdovin A.S. A.P. Ermolaev and the First Description of Archaeological Collection of the Krasnoyarsk Museum // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. № 4 (8). P. 593–599.
29. Кунгурова Н.Ю., Оборин Ю.В. Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 126–136.
30. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 224 с.
31. Тетерин Ю.В. Булавки хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. С. 95–113.
32. Тетерин Ю.В. Бронзовые фигурки косуль Хакасско-Минусинского края // Nota Bene. Новосибирск, 2007. Вып. 1: Случайная находка. С. 105–109.
33. Тетерин Ю.В. Поясные подвески хуннской эпохи Южной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14, вып. 5: Археология и этнография. С. 51–60.
34. Bunker E.C., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York : Harry N. Abrams, Inc, 1997. 373 p.
35. Кызласов И.Л. Орудия таштыкских ювелиров (к истории ремесленного производства в Южной Сибири) // Советская археология. 1985. № 1. С. 107–121.
36. Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 112 с.
37. Готлиб А.И. Ярусные захоронения таштыкского могильника Черноозерное II в Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 8–38.
38. Тетерин Ю.В. Таштыкские склепы могильника Маркелов Мыс I на севере Хакасско-Минусинского края // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск, 2007. С. 62–88.
39. Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая 2 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1 (13). С. 3–47.
40. Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Кемерово : СКИФ, 2006. Вып. 2. 124 с.
41. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. 68 с. (Археология СССР. САИ; вып. Д 4-7).
42. Левашева В.П. Ремесло в древне-хакасском государстве // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Абакан : Хакас. обл. нац. изд-во, 1947. Вып. I: История, этнография, археология. С. 43–49.
43. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М. : Наука, 1975. С. 131–149.
44. Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Наука, 1980. С. 29–34. (Археология СССР. САИ; вып. Д 4-7).
45. Миняев С.С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 26–45.
46. Красниенко С.В. Гунно-сарматское время на севере Минусинской котловины (археологические данные) // Древние культуры Евразии : материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 167–171.
47. Нашекин Н.В. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М. : Наука, 1967. С. 163–165.
48. Нашекин Н.В. Отчет о полевых археологических исследованиях в 1966 году (НА ИА РАН, ф. 1, р. 1, № 3077) // Красниенко С.В., Субботин А.В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. С. 151–153.
49. Миняев С.С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры Евразийских степей по материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. С. 101–103.
50. Miniaev S.S. Production of Bronze Wares among Thexiongnu // The Silk Road. 2016. № 14. P. 147–165.
51. Ширин Ю.В. К атрибуции одной случайной находки из коллекции Национального археологического музея в Варшаве // Stratum plus. 2014. № 4. С. 179–187.
52. Хаврин С.В., Чугунова К.С. Древняя латунь: проблемы происхождения, распространения и интерпретации // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 351–354.
53. Савельева А.С., Герман П.В., Боброва Л.Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Марининской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Вып. 1 (65). С. 39–48.
54. Савельева А.С. Цветная металлургия тагарской культуры северо-западного лесостепного района (по данным элементного состава) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2018. 33 с.
55. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

References

1. Teploukhov, S.A. (1929) Opyt klassifikatsii drevnikh metallicheskikh kul'tur Minusinskogo kraia (v kratkom izlozhenii) [An attempted classification of ancient metal cultures of the Minusinsk Territory (in brief)]. In: *Materialy po etnografii* [Materials on Ethnography]. Vol. 4(2). Leningrad: [s.n.], pp. 41–57.
2. Kiselev, S.V. (1951) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri* [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow: USSR AS.
3. Kyzlasov, L.R. (1960) *Tashtykская эпоха в истории Khakassko-Minusinskoy kotloviny* [Tashtyk era in the history of the Khakass-Minusinsk basin]. Moscow: Moscow State University.

4. Gryaznov, M.P., Zavitukhina, M.P., Komarova, M.N., Minyaev, S.S., Pshenitsyna, M.N. & Khudyakov, Yu.S. (1980) *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Enisee* [Complex of archaeological monuments near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk: Nauka.
5. Vadetskaya, E.B. (1986) *Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya* [Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka.
6. Vadetskaya, E.B. (1992) *Tashtytskaya kul'tura* [The Tashtyk culture]. In: Moshkova, M.G. (ed.) *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka. pp. 236–246.
7. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtytskaya epokha v drevney istorii Sibiri* [The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
8. Martynov, A.I., Martynova, G.S. & Kulemzin, A.M. (1971) *Shestakovskie kurgany* [The Shestakovo barrows]. Kemerovo: [s.n.].
9. Zavitukhina, M.P. (1976) *Khunnskiy period* [The Hunnic period]. In: *Drevnyaya Sibir': putevoditel' po vystavke "Kul'tura i iskusstvo drevnego naseleniya Sibiri. VII vek do n.e. – XII vek n.e."* [Ancient Siberia: a guide to the exhibition "Culture and Art of the Ancient Population of Siberia. 7th century BC – 12th century AD]. Leningrad: Avror. pp. 98–112.
10. Gromov, L.V. (1960) *Istoricheskie issledovaniya na sluzhbu poisku poleznykh iskopaemykh (drevnyaya metallurgiya Khakassko-Minusinskoy kotlovi-ny)* [Historical research for the search for minerals (ancient metallurgy of the Khakass-Minusinsk basin)]. *Uchenye zapiski KhakNIYaLI*. VIII. pp. 19–55.
11. Sunchugashev, Ya.I. (1979) *Drevnyaya metallurgiya Khakasii. Epokha zheleza* [Ancient metallurgy of Khakassia. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
12. Sunchugashev, Ya.I. (1993) *Pamyatniki gornogo dela i metallurgii drevney Khakasii* [Monuments of mining and metallurgy of ancient Khakassia]. Abakan: Khakas. kn. izd-vo.
13. Kyzlasov, I.L. (1985) *Orudiya tashtytskikh yuvelirov (k istorii remeslennogo proizvodstva v Yuzhnoy Sibiri)* [Tools of Tashtyk jewelers (on the history of handicraft production in Southern Siberia)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 107–121.
14. Krasnienko, S.V. & Subbotin A.V. (2013) *U Solgonskogo kryazha. Arkheologicheskie pamyatniki Uzhurskogo rayona (Krasnoyarskiy kray): istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyaniye* [At the Solgon Ridge. Archaeological monuments of Uzhursky region (Krasnoyarsk Territory): History of study and current state]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Krasnienko, S.V. & Subbotin, A.V. (1999) *Arkheologicheskaya karta Sharypovskogo rayona (Krasnoyarskiy kray)* [The archaeological map of Sharypovo region (Krasnoyarsk Territory)]. St. Petersburg: Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences.
16. Iptyshev, A.V. (2018) *Ob itogakh arkheologicheskoy razvedki v Shirinskom rayone Respubliki Khakasiya v 2016 godu* [On the results of archaeological exploration in the Shirinsky district of the Republic of Khakassia in 2016]. *Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2016–2017 gg.)*. 11. pp. 114–118.
17. Martynov, A.I. (1973) *Pamyatniki i otdel'nye nakhodki predmetov skifo-sarmatskogo vremeni v Tomsko-Eniseyskom lesostepnom rayone* [Monuments and individual finds of objects of the Scythian-Sarmatian period in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 6. pp. 3–89.
18. Kulemzin, A.M. & Borodkin, Yu.M. (1989) *Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti : materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of the Kemerovo region: Materials for the Code of monuments of history and culture of the USSR]. Vol. 1. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo.
19. Kulemzin, A.M. (1984) *Otchet o prodolzheniiy rabot na gorodishche Shestakovo XI v 1983 godu* [Report on the continued work on the settlement Shestakovo XI in 1983]. The Scientific Archive of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of KemSU. File 696.
20. Kulemzin, A.M. (1985) *Raskopki gorodishcha Shestakovo XI* [Excavations of the settlement Shestakovo XI]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda* [Archaeological discoveries of 1983]. Moscow: Nauka. pp. 217–218.
21. Martynov, A.I. (1969) *Mikhailovskoye poseleniye po rezul'tatam raskopok 1967 i 1968 godov* [Mikhailovskoye settlement based on the results of excavations in 1967 and 1968]. The Scientific Archive of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of KemSU. File 300.
22. Martynov, A.I. (1972) *Raskopki v Kuzbasse* [Excavations in Kuzbass]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1971 goda* [Archaeological discoveries of 1971]. Moscow: Nauka. pp. 292–293.
23. Sunchugashev, Ya.I. (1975) *Drevneyshie rudniki i pamyatniki ranney metallurgii v Khakassko-Minusinskoy kotlovina* [The oldest mines and monuments of early metallurgy in the Khakass-Minusinsk basin]. Moscow: Nauka.
24. Yaroslavtseva, L.G. (2009) *Zhiznennyy put' i sud'ba pervogo buryatskogo arheologa Erdemto Rinchinovicha Rygdylona (10.11.1906–24.04.1957). Po materialam lichnogo arkhiva* [The life path and fate of the first Buryat archaeologist Erdemto Rinchinovich Rygdylon (10.11.1906–24.04.1957). Based on the materials of the personal archive]. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoy Azii. Irkutskaya shkola 1918–1937 gg.* [University scientific archeology and ethnology of North Asia. Irkutsk school 1918–1937]. Proc. of the Seminar. Irkutsk, May 3–6, 2009. Irkutsk: Amtera. pp. 166–173.
25. Levasheva, V.P. (1939) *Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya* [From the distant past of the southern part of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. kraevoye gos. izd-vo.
26. Ermolaev, A. (1914) *Opisaniye kolleksiy Krasnoyarskogo muzeya. Otdel arkheologicheskoy* [Description of the collections of the Krasnoyarsk Museum. Department of Archaeology]. Vol. 1. Krasnoyarsk: M.I. Abalakov.
27. Batashev, M.S., Vdovin, A.S. & Makarov, N.P. (2010) *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya A.P. Ermolaeva* [Archaeological and ethnographic research by A.P. Ermolaeva]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskoy kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in a historical context: West Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International Conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 387–390.
28. Malitskaya, A.A., Makarov, N.P. & Vdovin, A.S. (2015) *A.P. Ermolaev and the First Description of Archaeological Collection of the Krasnoyarsk Museum. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 4(8). pp. 593–599.
29. Kungurova, N.Yu. & Oborin, Yu.V. (2013) *Klad, obnaruzhennyy na r. Uybat (Minusinskaya kotlovina)* [Treasure found on the river Uibat (Minusinsk Basin)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2(54). pp. 126–136.
30. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi* [History of the Ancient Tribes of the Upper Ob]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
31. Teterin, Yu.V. (2010) *Bulavki khunno-sarmatskoy epokhi Minusinskoy kotloviny* [Pins of the Hunno-Sarmatian era of the Minusinsk Basin]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 9(7). pp. 95–113.
32. Teterin, Yu.V. (2007) *Bronzovyye figurki kosul' Khakassko-Minusinskogo kraya* [Bronze figurines of roe deer of the Khakass-Minusinsk Territory]. *Nota Bene*. 1. pp. 105–109.
33. Teterin, Yu.V. (2015) *Poyasnye podveski khunnskoy epokhi Yuzhnoy Sibiri* [Belt pendants of the Xiongnu era of Southern Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 14(5). pp. 51–60.
34. Bunker, E.C., Kawami, T.S., Linduff, K.M. & Wu En. (1997) *Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collections*. New York: Harry N. Abrams, Inc.
35. Kyzlasov, I.L. (1985) *Orudiya tashtytskikh yuvelirov (k istorii remeslennogo proizvodstva v Yuzhnoy Sibiri)* [Tools of Tashtyk jewelers (on the history of handicraft production in Southern Siberia)]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 107–121.
36. Martynova, G.S. (1985) *Tashtytskie plemena na Kie* [Tashtyk tribes on the Kiya]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
37. Gotlib, A.I. (2007) *Yarusnyye zakhoroneniya tashtytskogo mogil'nika Chernoozernoy II v Khakasii* [Tiered burials of the Tashtyk burial ground Chernoozernoy II in Khakassia]. In: Nesterov, S.P. (ed.) *Tashtytskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya* [Tashtyk monuments of the Khakass-Minusinsk region]. Novosibirsk: NSU. pp. 8–38.

38. Teterin, Yu.V. (2007) Tashtytskie sklepy mogil'nika Markelov Mys I na severe Khakassko-Minusinskogo kraia [Tashtyk crypts of the Markelov Mys I burial ground in the north of Khakas-Minusinsk region]. In: Nesterov, S.P. (ed.) *Tashtytskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraia* [Tashtyk monuments of the Khakas-Minusinsk region]. Novosibirsk: NSU. pp. 62–88.
39. Poselyanin, A.I. (2016) Tashtytskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Bystraya 2 [Tashtyk funerary and memorial complex Bystraya 2]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1(13). pp. 3–47.
40. Sher, Ya. A. & Bobrov, V.V. (eds) (2006) *Katalog kollektsiy muzeya "Arkheologiya, etnografiya i ekologiya Sibiri" KemGU* [The catalog of collections of the museum "Archaeology, ethnography and ecology of Siberia" KemSU]. Vol. 2. Kemerovo: SKIF.
41. Devlet, M.A. (1980) *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – I century AD]. Moscow: Nauka.
42. Levasheva, V.P. (1947) Remeslo v drevne-khakasskom gosudarstve [Craft in the ancient Khakas state]. *Uchenye zapiski KhakNIYaLI*. I. pp. 43–49.
43. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1975) K voprosu o khimicheskom sostave zerkal Minusinskoy kotloviny [On the chemical composition of the mirrors of the Minusinsk Basin]. In: Lubo-Lesnichenko, E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri* [Imported mirrors from the Minusinsk basin. On external relations of the ancient population of Southern Siberia]. Moscow: Nauka. pp. 131–149.
44. Minyaev, S.S. (1980) Proizvodstvo i rasprostraneniye poyasnykh plastin s zoomorfnyimi izobrazheniyami (po dannym spektral'nogo analiza) [Production and distribution of belt plates with zoomorphic images (according to spectral analysis)]. In: Devlet, M.A. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e.* [Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – I century AD]. Moscow: Nauka. pp. 29–34.
45. Minyaev, S.S. (1978) Rezul'taty spektral'nogo analiza Kosogol'skogo klada [The results of the spectral analysis of the Kosogolsky treasure]. In: Matyushchenko, V.I. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnokul'turnaya istoriya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural History of the Population of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 26–45.
46. Krasnienko, S.V. (2010) Gunno-sarmatskoe vremya na severe Minusinskoy kotloviny (arkheologicheskie dannye) [Hunno-Sarmatian time in the north of the Minusinsk basin (archaeological data)]. *Drevnie kul'tury Evrazii* [Ancient Cultures of Eurasia]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg: Info-ol. pp. 167–171.
47. Nashchekin, N.V. (1967) Kosogol'skiy klad [The Kosogolsky treasure]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya 1966 goda* [Archaeological discoveries of 1966]. Moscow: Nauka. pp. 163–165.
48. Nashchekin, N.V. (2013) Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh v 1966 godu (NA IA RAN, f. 1, r. 1, № 3077) [Report on field archaeological research in 1966 (NA IA RAS, f. 1, p. 1, No. 3077)]. In: Krasnienko, S.V. & Subbotin, A.V. *U Solgonskogo kryazha. Arkheologicheskie pamyatniki Uzhurskogo rayona (Krasnoyarskiy kray): istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie*. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 151–153.
49. Minyaev, S.S. (1983) Khunnskie bronzy na Srednem Enisee [Hun bronzes on the Middle Yenisei]. In: *Drevnie kul'tury Evraziyskikh stepey po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroykakh* [Ancient cultures of the Eurasian steppes based on materials from archaeological work on new buildings]. Leningrad: Nauka. pp. 101–103.
50. Minyaev, S.S. (2016) Production of Bronze Wares among Thexiongnu. *The Silk Road*. 14. pp. 147–165.
51. Shirin, Yu.V. (2014) K atributsii odnoy sluchaynoy nakhodki iz kollektsii Natsional'nogo arkheologicheskogo muzeya v Varshave [On the attribution of one chance find from the collection of the National Archaeological Museum in Warsaw]. *Stratum plus*. 4. pp. 179–187.
52. Khavrin, S.V. & Chugunova, K.S. (2004) Drevnyaya latun': problemy proiskhozhdeniya, rasprostraneniya i interpretatsii [Ancient brass: problems of origin, distribution and interpretation]. In: *Kompleksnye issledovaniya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii* [Complex studies of ancient and traditional societies of Eurasia]. Barnaul: Altai State University. pp. 351–354.
53. Savelieva, A.S., German, P.V. & Bobrova, L.Yu. (2016) Bronzy kurgana Alchedat I v kontekste metallurgii tesinskogo etapa tagarskoy kul'tury v Mariinskoy lesostepi [The bronze of the Alchedat I kurgan in the context of metallurgy of the Tesinsky stage of the Tagar culture in the Mariinsky forest-steppe]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(65). pp. 39–48.
54. Savelieva, A.S. (2018) *Tsvetnaya metallurgiya tagarskoy kul'tury severo-zapadnogo lesostepnogo rayona (po dannym elementnogo sostava)* [Non-ferrous metallurgy of the Tagar culture of the northwestern forest-steppe region (according to elemental composition)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
55. Minasyan, R.S. (2014) *Metalloobrabotka v drevnosti i srednevekov'e* [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg: The State Hermitage.

Сведения об авторе:

Савельева Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (Кемерово, Россия). E-mail: antverpen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Savelyeva Anna S. – Candidate of Historical Sciences, researcher at the Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2019; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 06.12.2019; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья

УДК 902.01

doi: 10.17223/19988613/84/22

Новые данные по Чустской культуре Памиро-Алая (Южный Кыргызстан)

Дмитрий Владимирович Селин¹, Светлана Владимировна Шнайдер²
Аида Абдыканова³, Вильям Тейлор⁴, Андрей Иннокентьевич Кривошапкин⁵

^{1, 2, 5} Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

³ Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан

⁴ Университет Колорадо-Боулдер, Музей естественной истории, Колорадо, США

¹ selin@epage.ru

² sveta.shnayder@gmail.com

³ abdykanova@gmail.com

⁴ William.Taylor@colorado.edu

⁵ shapkin@archaeology.nsc.ru

Аннотация. Представлены результаты технического и типологического анализа керамики чустской культуры со стоянки Обишир-5 (Ферганская долина) и комплекса памятников Чегиртке (Алайская долина). Изучение особенностей технологии керамики проводилось с использованием таких методов, как микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей и технологических следов с эталонной базой экспериментальных образцов. Выявлено, что при сходстве субстратных навыков гончарной технологии (конструирование начина и полого тела, использование ожелезненного глинистого сырья) эти памятники демонстрируют значимые отличия в приспособительных навыках (состав формовочной массы, способы обработки поверхности).

Ключевые слова: археология, бронзовый век, Центральная Азия, чустская культура, керамика

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01958 «Пересмотр перехода к производящей экономике в Центральной Азии: Новый междисциплинарный подход к вопросу неолитизации в Ферганской долине».

Для цитирования: Селин Д.В., Шнайдер С.В., Абдыканова А., Тейлор В., Кривошапкин А.И. Новые данные по Чустской культуре Памиро-Алая (Южный Кыргызстан) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 175–183. doi: 10.17223/19988613/84/22

Original article

New evidence for the Chust culture in the Pamiro-Alay mountains (South Kyrgyzstan)

Dmitrii V. Selin¹, Svetlana V. Shneider², Aida Abdykanova³, William Taylor⁴, Andrei I. Krivoshapkin⁵

^{1, 2, 5} Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

³ American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyzstan

⁴ University of Colorado-Boulder Museum of Natural History, Colorado, USA

¹ selin@epage.ru

² sveta.shnayder@gmail.com

³ abdykanova@gmail.com

⁴ William.Taylor@colorado.edu

⁵ shapkin@archaeology.nsc.ru

Abstract. The Fergana and Alay valleys occupy a special position in the geography and history of Central Asia. Nestled between mountain gorges, these territories have served as important migration corridors and channels for exchange from ancient times – shaping key cultural and social developments across the region. In the Soviet era, archaeological research in Fergana suggested that the region was widely occupied during the Late Bronze Age. During this research, scholars identified what is known as the Chust culture (dating from roughly the 15th/14th to the 9th/8th centuries BCE). Initial characterization of the Chust culture derived from the excavations of large settlements (Chust, Dal'veserin, Osh.) and other separate settlements. In the Alay Valley, researchers characterized most sites as part of the 'Andronovo' horizon. In recent years, collaborative international research in Fergana and Alay has identified new evidence of Chust ceramics in both Fergana and Alay. At the site of Obishir-5, located in the Fergana valley near Aydarken city, we recovered Chust pottery from the rock shelter's upper layer during 2015-2018 excavations. Archaeological work in the Alay valley conducted in 2017 by a joint Russian-Kyrgyz expedition also revealed Chust ceramics at the site of Chegirtke cave, Chegirtke-1 and Kyzyl-Ungur. The material found at these sites is represented by fragments of vessels of different periods, among which

a small but pronounced collection of Chust pottery. Ceramics are not ornamented; traces of facing, engobing or scalding are not fixed on it. The neck of the vessels is slightly bent, tissue prints are found on the inside of the potteries, which indicates the manufacture of these vessels on the form. We conducted technological analysis of this pottery, along with microscope analysis of interior, exterior and fracture surfaces, and composition analysis using a comparative reference database. This analysis reveals similar technology, including manner of construction and use of iron-rich raw materials. We identify local variants between these regions, including manner of surface treatment and clay composition that may reflect the use of local material sources and cultural contacts with different groups. This research provides the first evidence for Chust ceramic tradition in the Alay valley, while the presence of common technological features attests to contacts between this region during the late Bronze Age. In addition, new data from ceramic allow to propose a new cultural and chronological approach to Obishir-5. According to the previous researches, the site was occupied during the Early Holocene and Middle Age. The new discovery of pottery typical for culture points out that the area was occupied also during the late Bronze Age.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Central Asia, Chust culture, pottery

Acknowledgements: The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-01958 “Revisiting the Transition to a Producing Economy in Central Asia: A New Interdisciplinary Approach to the Issue of Neolithization in the Ferghana Valley”.

For citation: Selin, D.V., Shnaider, S.V., Abdykanova, A., Taylor, W., Krivoschapkin, A.I. (2023) New evidence for the Chust culture in the Pamiro-Alay mountains (South Kyrgyzstan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 175–183. doi: 10.17223/19988613/84/22

Ферганская и Алайская долины в истории Средней Азии занимают особое положение: окруженные со всех сторон горными хребтами, они были изолированы от сопредельных территорий, однако через них проходили важные пути сообщения древних людей, что наложило отпечаток на своеобразие историко-культурных процессов в этих долинах. На территории Ферганской долины в советское время проводились масштабные археологические работы, и, согласно накопленному массиву данных, территория Ферганской долины была широко освоена только в период поздней бронзы. Материалы, относящиеся к более раннему периоду, представлены случайными находками и единственным обнаруженным кладом.

В период поздней бронзы в Ферганской долине сформировалась чустская культура, датируемая от XV–XIV до IX–VIII вв. до н.э. [1; 2; 3. С. 306–312; 4]. Основные данные по чустской культуре были получены

из раскопок крупных городищ (Чуст, Дальверзин, Ошское поселение и др.) и отдельных поселений, где наиболее многочисленной категорией находок является керамика [5; 6. С. 11–49; 7. С. 127–131; 8; 9. С. 3–10; 10]. При этом последние археологические данные с памятников восточной Ферганы подкрепляют тезис А.Н. Бернштама о сосуществовании здесь пастушества и земледелия и о том, что чустское население занималось земледелием [11. С. 5]. Что касается Алайской долины, то здесь в большей степени были представлены памятники андроновской культуры, что свидетельствует о скотоводческом типе ведения хозяйства [3. С. 56].

Границы чустской и андроновской культур в Ферганской и Алайской долинах представляются нам более сложными и обширными, нежели было принято считать ранее. В особенности это касается чустской культуры, которую традиционно описывали как равнинную и располагающуюся строго в пределах Ферганской долины.

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников Обишир-5 и Чегиртке

В последние годы международным коллективом в ходе планомерных археологических изысканий на территориях Ферганской и Алайской долин были получены новые материалы по чустской культуре (рис. 1) [12. Р. 6–7; 13. Р. 2–4].

Материалы и методы

Стоянка Обишир-5 располагается на территории Ферганской долины, в непосредственной близости от г. Айдаркена. Памятник был обнаружен в 1965 г. и исследовался в 1966–1971 и 1973 гг. экспедицией Института истории и археологии АН УзССР под руководством академика У.И. Исламова. В процессе раскопок был изучен участок общей площадью 141 м². В соответствии с полевыми наблюдениями У.И. Исламова в северной стенке траншеи (1973 г.) было выделено 4 литологических слоя, в южной стенке раскопа (1970 г.) – 7, в западной стенке раскопов (1968–1971 и 1973 гг.) – 6, в восточной стенке раскопа (1968–1969 гг.) – 5 литологических слоев [14. С. 10–20].

Археологические раскопки на памятнике Обишир-5 были возобновлены в 2015 г. силами российско-кыргыз-

ской археологической экспедиции. Целями полевых работ являлись: уточнение стратиграфической ситуации, получение образцов для абсолютного датирования, верификация и уточнение имеющихся палеоэкологических реконструкций на основе новых археологических и естественно-научных данных. На новом этапе работ (2015–2018) был исследован участок площадью 22 м². Новый раскоп примыкает к западной части изначального раскопа 1968–1969 гг.

В процессе раскопок была уточнена стратиграфическая ситуация на памятнике, выделено шесть литологических слоев. Керамика была обнаружена в первом слое, который сложен суглинками от светло-серого до серо-коричневого цвета.

Археологические работы в высокогорной Алайской долине проводились в 2017 г. российско-кыргызской экспедицией. В ходе данных работ в археологическом комплексе у пещеры Чегиртке и памятниках Чегиртке-1 и Кызыл-Унгур была обнаружена керамика чустской культуры [12. Р. 8–10]. Найденный на этих памятниках материал представлен фрагментами сосудов разных периодов, среди них выделяется небольшая, но выраженная коллекция изделий чустской культуры (рис. 2).

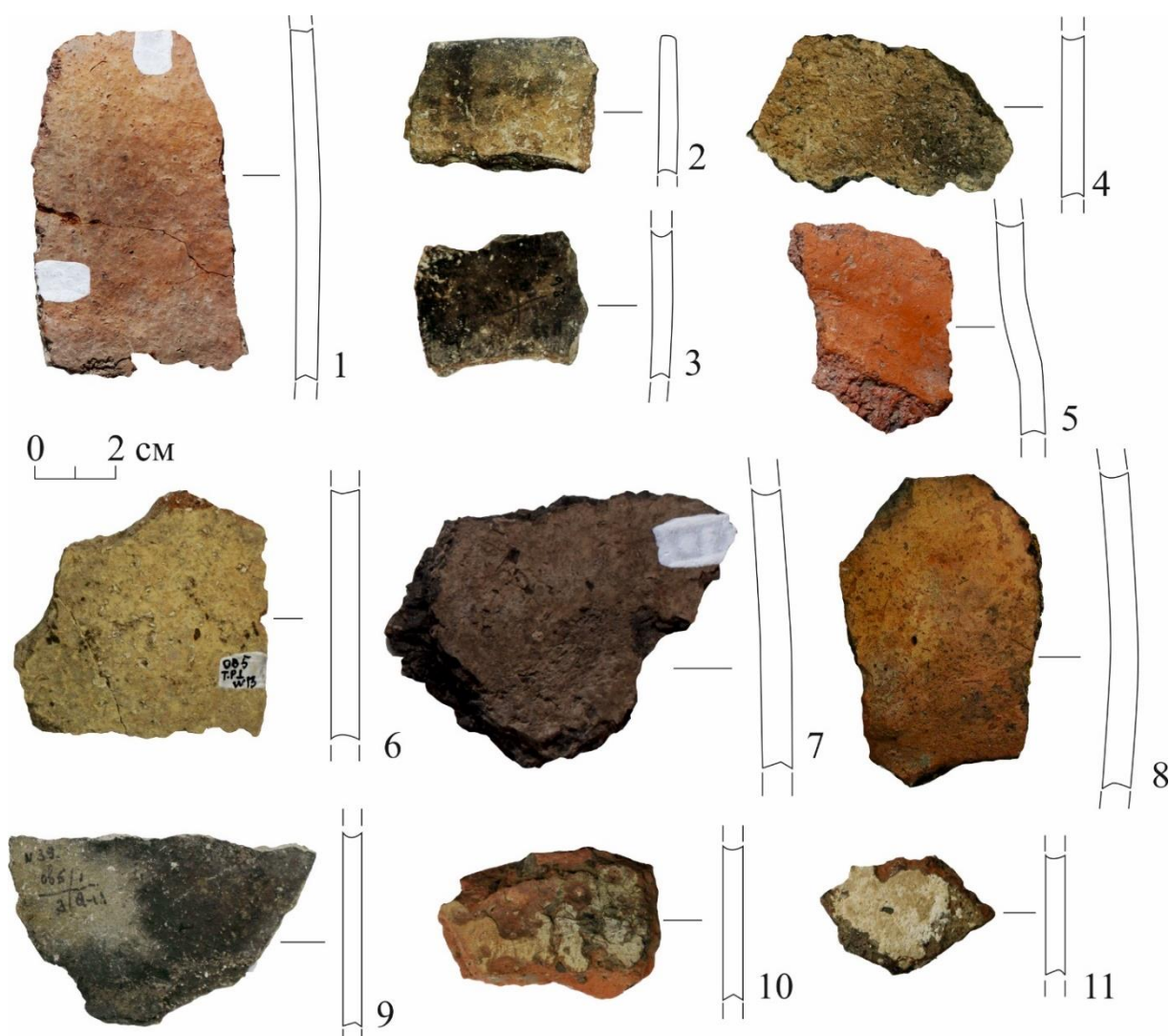

Рис. 2. Памятник Обишир-5 и пещера Чегиртке. Керамика чустской культуры. Фотографии и прорисовки авторов: 1–7, 9 – керамика чустской культуры памятника Обишир-5; 8, 10, 11 – керамика чустской культуры пещеры Чегиртке

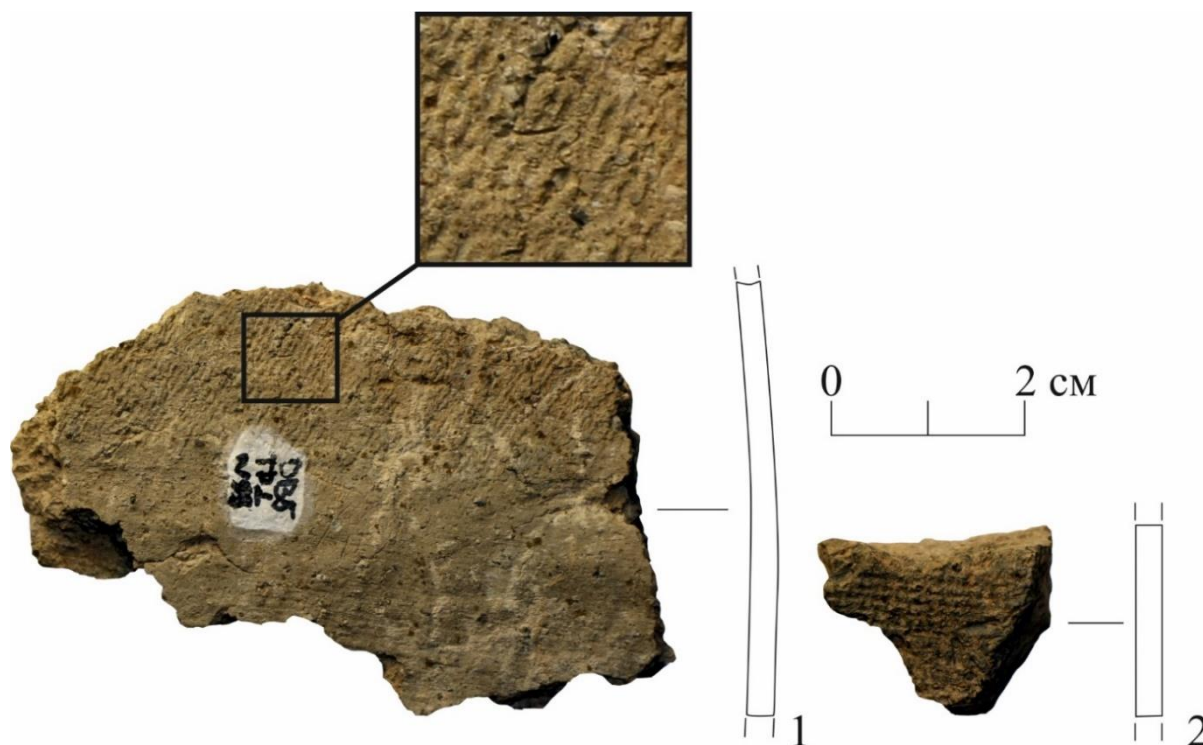

Рис. 3. Памятники Обишир-5 и Чегиртке. Отпечатки ткани на внутренней поверхности сосудов. Фотографии авторов:
1 – фрагмент керамики с памятника Обишир-5; 2 – фрагмент керамики из пещеры Чегиртке

Керамика не орнаментирована, на ней не зафиксированы следы облицовки, ангобирования или обваривания. Горловина изделий слегка отогнута, обнаружены отпечатки ткани на внутренней стороне посуды, что свидетельствует об изготовлении этих сосудов на форме-основе (рис. 3). В целом вся обнаруженная керамика с исследованных памятников относится к сероглиняной (кухонной) керамике (тип VI по классификации Ю.А. Заднепровского) [6. С. 28].

Особый интерес представляет технология изготовления гончарной посуды, так как ее изучение позволяет получить новые данные об особенностях генезиса культуры, контактах, торговых связях, миграциях населения [15; 16; 17. С. 7–10]. Следует особо отметить, что это первый опыт технико-технологического исследования керамики данной культуры, хотя исследователи уже частично касались проблематики гончарной технологии древнего населения Средней Азии [18]. Изучение технологии изготовления керамики чустской культуры проводилось с использованием комплекса методов, таких как микроскопический анализ поверхностей и изломов сосудов, сопоставление выявленных примесей и технологических следов с эталонной базой экспериментальных образцов.

Представление результатов и обсуждение

Обишир-5. На памятнике Обишир-5 при помощи микроскопического анализа изучены образцы от 18 сосудов (рис. 2, 1–7, 9; рис. 4). Все изделия изготовлены из ожелезненного глинистого сырья. По степени запесоченности исходное сырье подразделяется на средне- (9 обр.) и низкозапесоченное (9 обр.). Зафиксированы естественные примеси бурого железняка (14 обр.),

окатанного известняка (4 обр.), пластинок слюды (4 обр.), единичного крупного песка (3 обр.) и обрывков растительности (1 обр.). Бурый железняк подразделяется на полностью окатанный (10 обр.) и угловатый (3 обр.). Сочетание того и другого типа бурого железняка зафиксировано в трех образцах, что указывает на проведение предварительной обработки исходного сырья, в ходе которой бурый железняк принимал более окатанную форму. Вариативность степени запесоченности и разнообразие естественных примесей в исходном сырье могут являться следствием использования разных глиняных залежей, расположенных в пределах одного района.

Искусственные примеси представлены только минеральными добавками шамота и дресвы из кварцитов и известняков. Шамот выявлен в 11 образцах (рис. 4, 1, 2, 4). Он не калибровался, встречаются отдельные включения величиной до 6 мм. Концентрация шамота в исходном сырье составляет: 1:1–2 (3 экз.), 1:3–4 (6 экз.), 1:5–6 (2 экз.). В одном случае удалось зафиксировать шамот в шамоте и дресву из кварцита в шамоте. Это является свидетельством того, что гончары чустской культуры обладали устойчивыми навыками использования этих искусственных примесей.

Вторым искусственным компонентом, входящим в состав формовочной массы, является дресва из известняка (3 экз.; рис. 4, 1) и кварцита (8 экз., рис. 4: 3, 4). Она, как и шамот, не калибровалась; зафиксированы фракции размерами до 5 мм. Другими словами, ее минеральный состав и тип не влияли на особенности калибровки минеральных примесей. Концентрация дресвы в исходном сырье следующая: 1:1 (3 экз.), 1:3–4 (4 экз.), 1:5–6 (3 экз.), 1:8 (1 экз.). Особо интересен тот факт, что в четырех образцах керамики чустской культуры

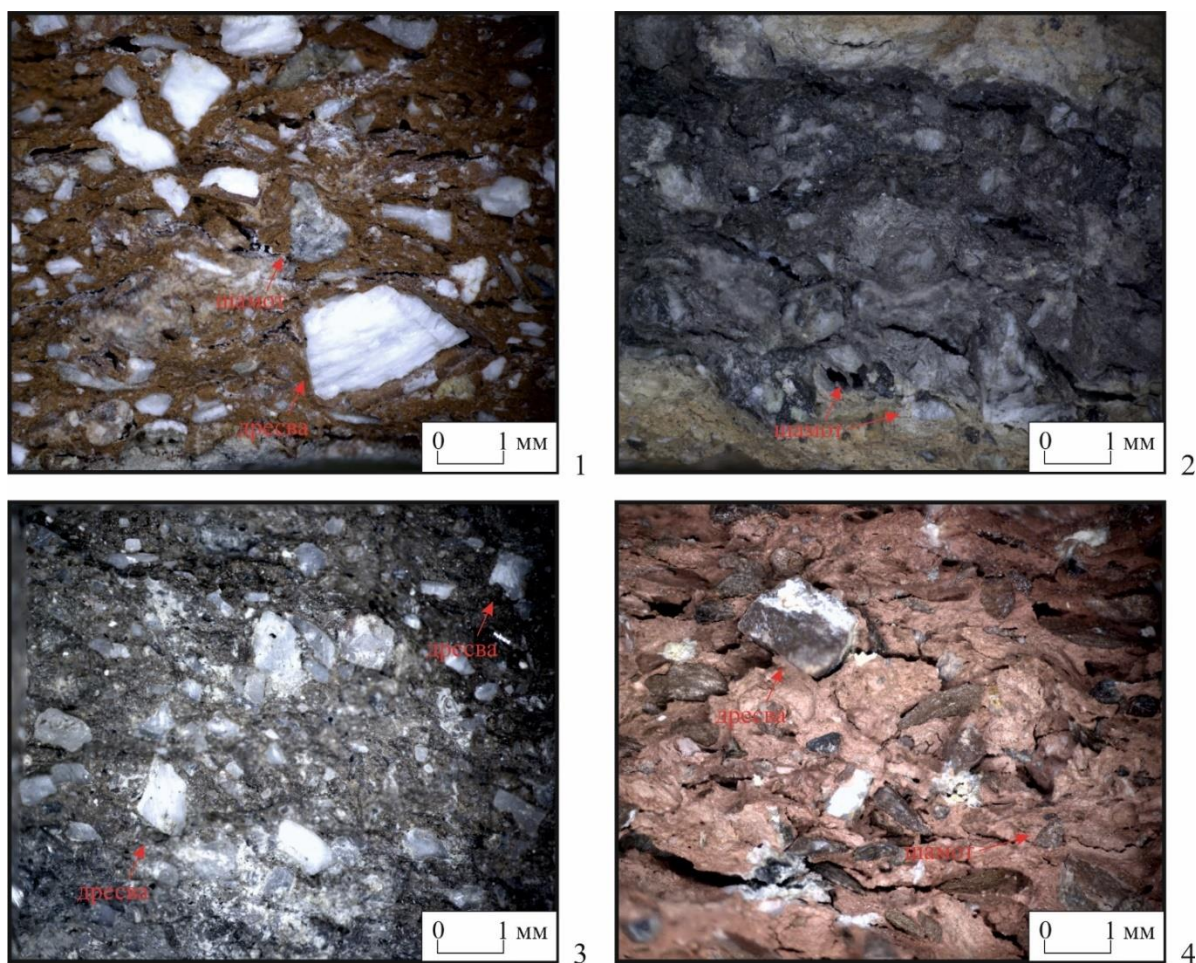

Рис. 4. Памятник Обишир-5. Микрофотографии примесей в составе формовочной массы: 1 – некалиброванные дресва (известняк) и шамот; 2 – некалиброванный шамот; 3 – некалиброванная дресва (кварцит); 4 – некалиброванные дресва (кварцит) и шамот

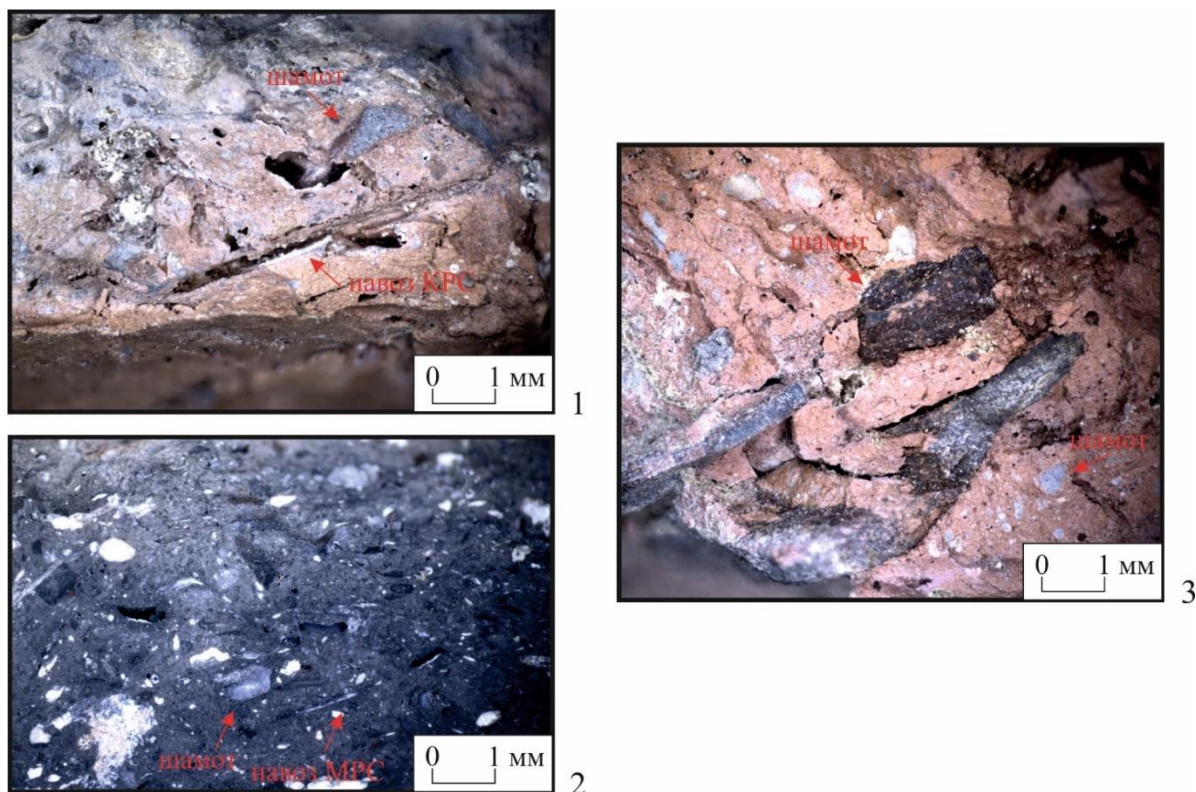

Рис. 5. Пещера Чегиртке. Микрофотографии примесей в составе формовочной массы: 1 – навоз крупного рогатого скота и некалиброванный шамот; 2 – навоз мелкого рогатого скота и некалиброванный шамот; 3 – некалиброванный шамот

зафиксированы совместные примеси шамота и дресвы из кварцита (рис. 4: 1, 4). Это указывает на смешение разных гончарных традиций, тем более что на территории памятника были обнаружены рецепты формовочной массы, в которых в качестве добавки присутствует только одна минеральная примесь.

Таким образом, выделяются следующие рецепты формовочных масс чувской культуры на памятнике Обишир-5 (рис. 6):

- 1) глина + шамот – 6 сосудов;
- 2) глина + дресва – 7 сосудов;
 - 2.1) дресва из кварцита – 4 сосуда;
 - 2.2) дресва из известняка – 3 сосуда;
- 3) глина + шамот + дресва из кварцита – 4 сосуда.

Конструирование начала и полого тела проводилось на форме-основе (рис. 3: 1), в качестве прокладки выступала ткань. В качестве строительных элементов использовались лоскуты, наращиваемые по спиральной траектории (4 экз.) и ленты с наложением с внутренней стороны (2 экз.).

При обработке поверхности посуды использовались различные виды воздействия, такие как заглаживание влажной тканью (3 экз.), пучком травы (6 экз.), пальцами (2 экз.). Сосуды также можно дифференци-

ровать в соответствии с тем, какая именно поверхность подверглась обработке. Так, чаще всего заглаживанию подвергалась исключительно внутренняя сторона (7 экз.), в редких случаях фиксируются следы бытовой залощенности. У трех сосудов обработана только внешняя поверхность, в одном случае зафиксировано заглаживание обеих поверхностей посуды.

Пещера Чегиртке. При помощи микроскопического анализа изучены образцы от 25 сосудов (рис. 2, 8, 10, 11; рис. 5). Все изделия изготовлены из слабо- (3 экз.) и среднежелезненного (22 экз.) глинистого сырья. Степень запесоченности исходного сырья различна. Так, зафиксированы средне- (19 обр.) и средне-низко- (6 обр.) и средне-высокие (1 экз.) состояния запесоченности. В качестве естественной примеси выступают включения бурого железняка (24 обр.), окатанного известняка (6 обр.), единичного крупного окатанного или угловатого песка (6 обр.). В исходном сырье бурый железняк встречается в двух состояниях – полностью окатанном (20 обр.) и угловатом (1 обр.), в трех экземплярах обнаружено их сочетание. По размерности фракций встречается бурый железняк: только мелкий (7 экз.), только средний (1 экз.) и разноразмерный (16 экз.).

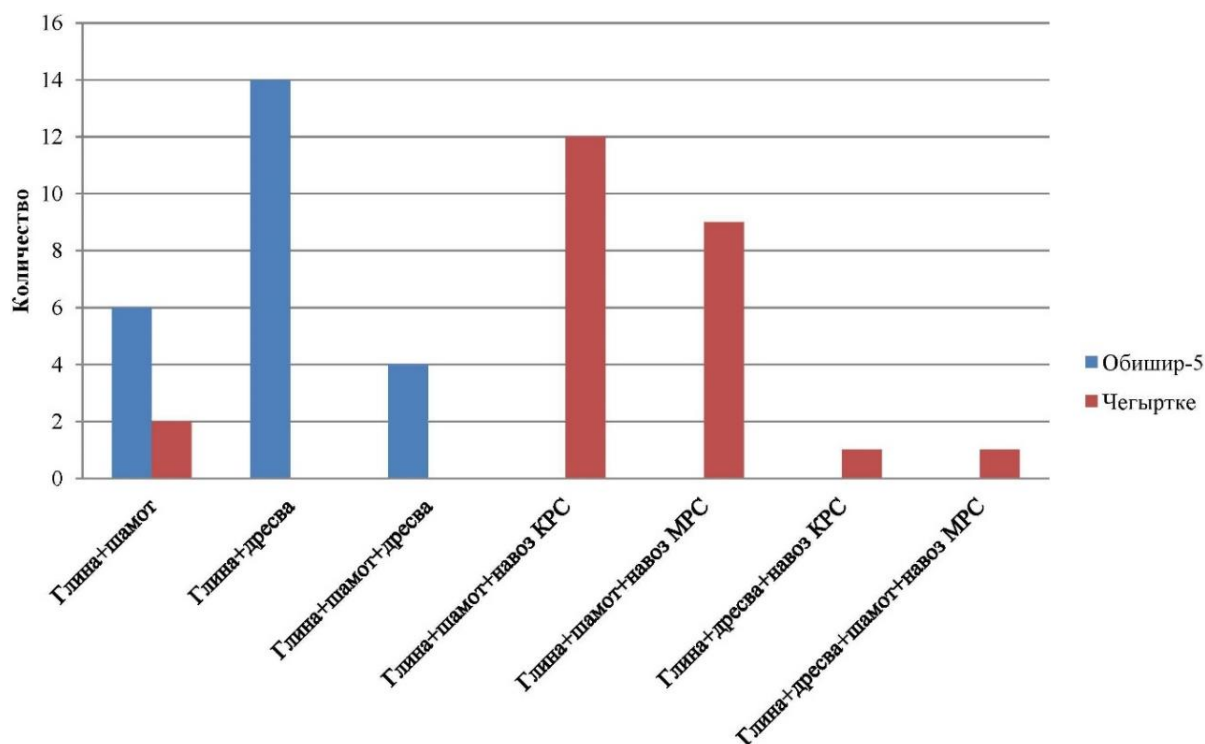

Рис. 6. Соотношение типов рецептов формовочных масс керамики чувской культуры с памятников Обишир-5 и Чегиртке

Как искусственная органическая примесь в формовочную массу вводился навоз крупного (13 экз.; рис. 5, 1) и мелкого (10 экз.; рис. 5, 2) рогатого скота. Этот факт вполне согласуется с результатами палеозоологических исследований, в ходе которых было установлено, что в этот хронологический диапазон как на самом памятнике пещера Чегиртке, так и на соседних памятниках были обнаружены останки таких домашних животных, как корова, лошадь, коза и овца [6. С. 77–80; 12. С. 7–11].

При составлении формовочной массы в качестве минеральной примеси использовались шамот и дресва (рис. 5, 1, 3). Шамот зафиксирован в 24 образцах и является, как и добавка навоза жвачных животных, типичной примесью для этой керамики. Определенные различия проявляются в концентрации шамота и способах его калибровки. Так, зафиксированы пропорции сырья и примеси шамота в соотношениях 1:1–2 (5 экз.), 1:3–4 (9 экз.), 1:5–6 (10 экз.). Подобные результаты подтверждают сосуществование трех вариантов концен-

трации шамота. Способы калибровки можно разделить на две группы. Первая представлена некалиброванным шамотом размерами от 0,1 до 2,2–5 мм (14 обр.), вторая – калиброванным шамотом, размер верхней границы которого не превышает 2 мм (10 обр.).

В двух образцах зафиксирована еще одна минеральная примесь – некалиброванная (от 0,1 до 3–6 мм) дресва из кварцитов в концентрации 1:4 или 1:7. В одном случае она была добавлена в формовочную массу совместно с шамотом, что может указывать на смешение разных гончарных традиций.

Таким образом, для пещеры Чегиртке выделены следующие группы чустской керамики с разными рецептами формовочных масс (см. рис. 6):

- 1) глина + шамот – 2 сосуда;
- 2) глина + шамот + навоз крупного рогатого скота – 12 сосудов;
- 3) глина + шамот + навоз мелкого рогатого скота – 9 сосудов;
- 4) глина + дресва + навоз крупного рогатого скота – 1 сосуд;
- 5) глина + дресва + шамот + навоз мелкого рогатого скота – 1 сосуд.

Конструирование начина и полого тела проводилось на форме-основе (см. рис. 3, 2), в качестве прокладки выступала ткань. В одном случае при исследовании формовочной массы удалось зафиксировать отпечаток ткани формы-основы на включении шамота, что указывает на устойчивость этой гончарной традиции. В качестве строительных элементов использовались лоскуты, наращиваемые по спиральной траектории (8 экз.).

Обработка поверхности сосудов проводилась путем заглаживания влажной тканью (1 экз.), пучком травы (5 экз.), пальцами (2 экз.), твердым предметом (галька? 1 экз.) и лощения твердым предметом (2 экз.). Обработка проводилась как только на внутренней поверхности (5 экз.), так и только на внешней (3 экз.). В трех случаях были обработаны обе поверхности.

Выводы

Таким образом, результаты технико-технологического анализа керамики чустской культуры из памятников Обишир-5 и археологического комплекса Чегиртке и Чегыртке-1 говорят о существенном сходстве субстратных навыков гончарной технологии (конструирование начина и полого тела, использование ожеженного глинистого сырья). В то же время наблюдаются некоторые различия в приспособительных навыках (состав формовочной массы, способы обработки поверхности). Так, для изделий с Обишира-5 характерным технико-технологическим приемом является отбор

ожеженного средне- и низкозапесоченного глинистого сырья. Искусственные примеси представлены только некалиброванными минеральными добавками (шамот и дресва). Конструирование начина и полого тела происходило на форме-основе с тканевой прокладкой при помощи лоскутов и лент. Обработка поверхности проводилась заглаживанием различными материалами внутренней, внешней или обеих поверхностей. С другой стороны, для керамики с памятников Алайской долины характерно использование слабо- и среднеожеженного среднезапесоченного глинистого сырья. Искусственные добавки представлены навозом жвачных животных, шамотом и дресвой. Конструирование начина и полого тела проводилось на форме-основе с тканевой прокладкой при помощи лоскутов. Поверхность обрабатывалась заглаживанием и лощением внутренней, внешней или обеих поверхностей.

Локальные различия в гончарных технологиях, выделенные для изученных памятников, могут объясняться как несхожестью доступных сырьевых баз, так и контактами с носителями иных гончарных традиций. Однако описать историко-культурные процессы, обусловившие наличие этих различий, на настоящий момент затруднительно, так как для этого требуется анализ более широкого круга материалов.

Результаты проведенного анализа позволили уточнить некоторые особенности заселения Ферганской и Алайской долин в целом и изучаемых памятников в частности. Так, обнаружение представительной коллекции керамики чустской культуры на памятнике Обишир-5 свидетельствует о том, что он заселялся практически непрерывно начиная с финального плейстоцена. Детальное изучение этого памятника позволит ответить на вопросы о формировании и дальнейшей трансформации традиционных типов экономики на территории Центральной Азии. Что касается памятников Алайской долины, то обнаруженная здесь керамика позволяет провести культурную атрибуцию памятников. Выявление керамики, костей одомашненных животных, таких как овца, лошадь и верблюд [12. Р. 7–12], свидетельствует о том, что в высокогорной Алайской долине представлены все элементы, которые были присущи чустской культуре [6. С. 11–49].

Согласно предшествовавшим исследованиям, предгорные районы Ферганской долины в эпоху бронзы характеризовались сосуществованием земледельческих и скотоводческих сообществ. Обнаружение керамики чустского типа в Алайской долине позволяет нам расширить общепринятые представления о распространении этой культуры в регионе, а также поставить вопрос о комплексном взаимодействии представителей чустской и андроновской культур.

Список источников

1. Заднепровский Ю.А., Марков Ю.Н. Хронология чустской культуры Ферганы в свете новейших углеродных данных // Известия Академии наук Киргизской ССР. Общественные науки. 1989. № 2. С. 65–79.
2. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек : Мурас, 1997 172 с.
3. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 556 с.
4. Ташбаева К.И. К вопросу о происхождении и особенностях чустской культуры Ферганы // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2015. № 3. С. 101–108.
5. Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб. : Гос. Эрмитаж, 1995. Вып. 32. С. 13–30.

6. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 328 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; вып. 118).
7. Литвинский Б.А. Бронзовый век // История таджикского народа. М. : Изд-во Вост. лит., 1963. Т. 1. 596 с.
8. Спришевский В.И. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.) // Советская этнография. № 3. 1954. С. 69–76.
9. Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы (к истории Ферганы в эпоху бронзы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1963. 17 с.
10. Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1957. № 71. С. 86–98.
11. Бернштам А.Н. Древняя Фергана. Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1951. 44 с.
12. Taylor W., Shnaider S., Abdykanova A., Fages A., Welker F. et al. Early pastoral economies along the Ancient Silk Road: Biomolecular evidence from the Alay Valley, Kyrgyzstan // PLoS One. 2018. № 13 (10). e0205646. doi: 10.1371/journal.pone.0205646
13. Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshepkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. 2017. Vol. 91, is. 360. Art. 208. doi: 10.15184/aqy.2017.208
14. Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент : Фан, 1980. 178 с.
15. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы : источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
16. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика : теория и методы историко-культурного подхода. М. : Изд-во Ин-та археологии РАН, 2012. 379 с.
17. Цетлин Ю.Б. Керамика : понятия и термины историко-культурного подхода. М. : Изд-во Ин-та археологии РАН, 2017. 346 с.
18. Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. : Наука, 1982. 212 с.

References

1. Zadneprovskiy, Yu.A. & Markov, Yu.N. (1989) Khronologiya chustskoy kul'tury Fergany v svete noveyshikh uglevodnykh dannyykh [Chronology of the Chust culture in Fergana valley based on new C14 data]. *Izvestiya Akademii nauk Kirgizskoy SSR. Obshchestvennye nauki*. 2. pp. 65–79.
2. Zadneprovskiy, Yu.A. (1997) *Oshskoe poselenie. K istorii Fergany v epokhu pozdney bronzy* [Osh settlement. On the history of Fergana valley in the late Bronze Age]. Bishkek: Muras.
3. Kuzmina, E.E. (2008) *Arii – put' na yug* [Arias – the way to the south]. Moscow: Letniy sad.
4. Tashbaeva, K.I. (2015) On the origin and characteristics of the Chust culture in Fergana valley. *Izvestiya Natsional'noy Akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki*. 3. pp. 69–108.
5. Gorbunova, N.G. (1995) O kul'ture stepnoy bronzy Fergany [On the culture of the steppe bronze in Fergana valley]. In: *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Collection of the State Hermitage Museum]. Vol. 32. pp. 13–30.
6. Zadneprovskiy, Yu.A. (1962) *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany* [The ancient agricultural culture of Fergana valley]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Litvinskiy, B.A. (1963) Bronzovyy vek [Bronze Age]. In: Gafurov, B.G. & Litvinskiy, B.A. (eds) *Istoriya tadzhikskogo naroda* [History of Tajik]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Vost. lit.
8. Sprishevskiy, V.I. (1954) Chustskaya stoyanka epokhi bronzy (raskopki 1953 g.) [Bronze Age Chust site (excavations of 1953)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 69–76.
9. Sprishevskiy, V.I. (1963) *Chustskoe poselenie epokhi bronzy (k istorii Fergany v epokhu bronzy)* [Bronze Age Chust settlement (on the history of Fergana valley in the Bronze Age)]. Abstract of History Cand. Diss.
10. Sprishevskiy, V.I. (1957) Chustskoe poselenie epokhi bronzy [Bronze Age Chust settlement]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noy kul'tury*. 71. pp. 86–98.
11. Bernshtam, A.N. (1951) *Drevnyaya Fergana* [Ancient Fergana valley]. Tashkent: Academy of Sciences of Uzbek SSR.
12. Taylor, W., Shnaider, S., Abdykanova, A., Fages, A., Welker, F., et al. (2018) Early pastoral economies along the Ancient Silk Road: Biomolecular evidence from the Alay Valley, Kyrgyzstan. *PLOS ONE*. 13(10): e0205646. DOI: 10.1371/journal.pone.0205646
13. Shnaider, S.V., Krajcarz, M.T., Viola, T.B., Abdykanova, A., Kolobova, K.A., Fedorchenko, A.Yu., Alisher-kyzy, S. & Krivoshepkin, A.I. (2017) New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*. 91(360). DOI: 10.15184/aqy.2017.208.
14. Islamov, U.I. (1980) *Obishirskaya kul'tura* [The Obishir culture]. Tashkent: FAN.
15. Bobrinskiy, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy: istochniki i metody izucheniya* [Pottery in Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow: Nauka.
16. Tsetlin, Yu.B. (2012) *Drevnyaya keramika: teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient Pottery: Theory and Methods of the Historical and Cultural Approach]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
17. Tsetlin, Yu.B. (2017) *Keramika : ponyatiya i terminy istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Pottery: Concepts and terms of the historical and cultural approach]. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
18. Sayko, E.V. (1982) *Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Sredney Azii v istoricheskom razviti* [Technique and technology of pottery production in Central Asia in historical perspective]. Moscow: Nauka.

Сведения об авторах:

Селин Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: selin@epage.ru

Шнайдер Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Абдыканова Аида – кандидат исторических наук, доцент Американского университета Центральной Азии (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: abdykanova@gmail.com

Тейлор Вильям – PhD, ассистент профессора Университета Колорадо-Боулдер, Музей естественной истории (Колорадо, США). E-mail: William.Taylor@colorado.edu

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Selin Dmitry V. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: selin@epage.ru

Schneider Svetlana V. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Abdykanova Aida – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the American University of Central Asia (Bishkek, Kyrgyzstan) E-mail: abdykanova@gmail.com

Taylor William – PhD, Assistant Professor at the University of Colorado-Boulder Museum of Natural History (Colorado, USA). E-mail: William.Taylor@colorado.edu

Krivoshapkin Andrey I. – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2022; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 02.12.2022; accepted for publication 03.07.2023

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Научная статья

УДК 141.2; 304.2

doi: 10.17223/19988613/84/23

Проблемное поле образовательной траектории студента в вузе (по результатам социологического опроса в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники)

Маргарита Юрьевна Раитина¹, Елена Михайловна Покровская²,
Валентина Ивановна Зиновьева³, Анна Олеговна Пустоварова⁴

^{1, 2, 3, 4} Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

¹ raitina@mail.ru

² pemod@yandex.ru

³ valentina.zinoviyeva@gmail.com

⁴ anna.o.pustovarova@tusur.ru

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы образовательного процесса в высшей школе на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) в связи с современными вызовами: реформой двухуровневой системы образования, усилением внимания к воспитанию у студентов гражданственности и патриотизма, запросами космической отрасли в деле подготовки кадров для ускорения развития оборонного комплекса. На основе проведенного социологического исследования выявлены проблемы и особенности обучения студентов в вузе. Обоснована необходимость регулярного мониторинга по вопросам отношения студентов к образовательному процессу с целью прогнозирования и проектирования будущих образовательных форматов и актуальных компетенций. Сделан вывод о необходимости модернизации образования с учетом всех факторов и мнений участников.

Ключевые слова: университет, студенты, мониторинг, кураторство, качество образования, позитивная среда вуза

Благодарности: Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2023-0013.

Для цитирования: Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И., Пустоварова А.О. Проблемное поле образовательной траектории студента в вузе (по результатам социологического опроса в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 184–191. doi: 10.17223/19988613/84/23

Original article

The student's educational trajectory at the university: problem field (according to the results of a sociological survey at the Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics)

Margarita Yu. Raitina¹, Elena M. Pokrovskaya², Valentina I. Zinoviyeva³, Anna O. Pustovarova⁴

^{1, 2, 3, 4} Tomsk State University of Control and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

¹ raitina@mail.ru

² pemod@yandex.ru

³ valentina.zinoviyeva@gmail.com

⁴ anna.o.pustovarova@tusur.ru

Abstract. Today, the relevance of the article is the need for design in modeling future educational formats. Thus, in the optics of discussing the education scenario prospects, we take into account the issues of considering the readiness and adaptation of students and teachers, both to external and internal challenges, identifying the effectiveness of applied educational technologies. The opinions of all participants in the educational process, and further digitalization of education are articulated.

The purpose of this work is to identify interests, as well as to identify and structure the problems of students themselves as objects of educational reform. Attention to their views and positions, assistance in interaction in the field: "university – student – education – vocational training-employment" is brought to the fore from the point of view of synchronization in the transfer of knowledge and experience by some and understanding by others.

The review of domestic and foreign works is presented, which allows identifying the problematic perspective of understanding the new realities in education. Reflection on social challenges and their accompanying problems made it necessary to regularly monitor the processes taking place in the education system. In June of 2022, monitoring in the form of an Internet survey was initiated at the faculties of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR). The study participants were students and undergraduates of almost all faculties and courses of TUSUR, a total of 235 people. The hypothesis of the study was the statement that modern students are sufficiently prepared for changes in the educational process and the transition to a new model associated with a combination of classical forms of education and distance learning format.

The conclusion confirmed the hypothesis, that most students are ready for changes, new models of the educational process that are focused on the formation of flexible approaches and trajectories, and also consider the university as a platform for the effective realization of their own potential. Thus, regular analysis of problem areas allows you to integrate the learning process into rapidly changing conditions and challenges of the environment.

Keywords: university, students, monitoring, supervision, quality of education, positive environment of the university

Acknowledgements: The work was performed in the framework of the base part of the state assignment "Science", scientific project code is FEWM-2023-0013.

For citation: Raitina, M.Yu., Pokrovskaya, E.M., Zinoviyeva, V.I., Pustovarova, A.O. (2023) The student's educational trajectory at the university: problem field (according to the results of a sociological survey at the Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 184–191. doi: 10.17223/19988613/84/23

В России формируется новая система высшего образования, в основу которой будут положены гибкие программы подготовки сроком от 4 до 6 лет. После получения любого базового образования, в том числе специалитета, выпускники смогут поступать в магистратуру. В отдельный уровень выделяется аспирантура, которая будет иметь особый статус системы подготовки кадров для высшей школы. В связи с этим сегодня актуализирована необходимость проектирования моделей будущих образовательных форматов. Так, в оптике обсуждения сценарных перспектив образования артикулируются вопросы готовности и адаптации студентов и преподавателей как к внешним, так и к внутренним вызовам, выявления эффективности применяемых образовательных технологий с учетом мнения всех участников, дальнейшей цифровизации образования. Этот процесс совпал с внешним вызовом – проведением специальной военной операции (СВО) по защите Отечества, борьбе за выживание нашего общества, что требует военного усиления страны и быстрого развития оборонных отраслей. Во многих вузах образуются новые образовательные структуры; в ТУСУРе идет формирование Передовой инженерной школы для нужд оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Очевидными являются преимущества цифровизации с точки зрения оперативности, разнообразия форм, использования образовательных платформ в передаче информации и связанное с этим академическое лидерство, но при этом определяющее значение имеют содержание информации, смыслы, контексты, аналитика, доказательность.

В отечественной научной мысли большинство работ по теме выявления проблемного ракурса образования и осмысления новых реалий связано с фокусом внимания, направленного на анализ процессов, происходящих в образовании на этапе становления сетевого общества, востребованность компетенций в области

знаниево-цифровой экономики [1, 2]. Развитие критического мышления, креативности и междисциплинарных навыков, связанных с новым видением человека, выступает актуальной задачей образования, что подчеркивается в работе М.И. Мухина «Образование XXI столетия: особенности развития» [3]. Е.В. Борисова рассматривает цифровую образовательную среду с точки зрения задач, вызовов и перспектив [4].

Зарубежные исследователи отмечают значение образовательных платформ в трансляции знаний в различных формах учебного процесса [5]. В работах китайских ученых показана эффективность применения технологий искусственного интеллекта в подготовке специалистов [6–9].

Дистанционное обучение приобрело распространение в период пандемии COVID-19, в том числе в образовательных системах. В настоящее время, по мнению ряда авторов – С.А. Асанова, Г.В. Акименко, У.С. Захаровой, К.А. Вилковой, Г.В. Егорова, В.А. Ларионовой, Т.В. Семеновой, Е.М. Мурзахановой, Л.В. Дайнеко, К. Чека-Моралес, К. дэ Паблос-Херредеро, Е. Диаз Окампо, Й.Дж. Торрес и А. Гарсия, создается новая, гибридная образовательная модель, сочетающая лучшие практики онлайн- и очного обучения [10–13].

Как следствие, необходимо готовить студентов-инженеров к будущему, ключевыми характеристиками которого выступают изменчивость, неопределенность, сложность и двусмысленность процессов [14].

Вместе с тем новые технологии, являясь частью процесса цифровизации, могут создавать серьезные проблемы для существующей образовательной инфраструктуры. В статье "The Ethical Dimension of Emerging Technologies in Engineering Education" П. дэ Вриес отмечает, что перед университетами стоит задача реагировать на требования современности [15]. Вместе с тем роль киберпедагогики, а также средств виртуальной реальности, сочетающих возможности разви-

тия искусственного интеллекта для решения задач образования, является релевантной условиям быстро меняющегося мира, требующего профессиональных и надпрофессиональных компетенций [16, 17]. Факторы, влияющие на мотивацию обучающихся, их отношение к предмету выступают одним из дискуссионных вопросов в системе образования [18, 19].

Значимыми аспектами функционирования современной образовательной системы являются доступность, инклюзивное обучение, поддержка студентов, что находит отражение в исследовательских материалах зарубежных исследователей К. Листер, В.К. Пирсон, Т. Кулана, Ф., Дж. Ладиаса, Дж. Латраки, С. Сулиса, Х. Инес, М. Абеллы, Ф. Боргес, Х. Пачеко, Х. Донали, В. Солберга, Е. Шейверс, К. Ховард, Б. Исмаил, Х. Нивса, Э. Андерсона, М. Брока, К. Шобитц [20–24].

В условиях глобальных обстоятельств крайне важно на основе опыта выстраивать собственный общеучрежденческий подход к доступности и инклюзивности.

Необходимость конструирования образовательной модели для студента в настоящем и будущем определяется такими социальными вызовами, как:

- внезапные угрозы социальной стабильности нелинейного характера (например, условия пандемии);
- виртуализация образовательной среды (дистанционные образовательные технологии);
- социальный заказ общества на релевантные изменения в мире компетенций [25].

Цель данной работы – выявление интересов, определение и структурирование проблем одного из объектов образовательной реформы – самих студентов. Внимание к их взглядам и позициям, помощь в выстраивании широкого взаимодействия в структуре «вуз–студент–воспитание–профессиональная подготовка–занятость» выдвигаются на первый план с точки зрения синхронизации в передаче одними и понимании другими знаний и опыта.

Рефлексия научно-образовательным сообществом указанных выше вызовов и сопровождающих их проблем сделала необходимым регулярный мониторинг процессов, происходящих в системе образования. В июне 2022 г. на факультетах Томского государственного университета систем управления было положено начало проведению регулярных мониторингов в форме интернет-опроса. Первоначально участниками опроса стали студенты и магистранты практически всех факультетов и курсов ТУСУРа, всего 235 человек.

Гипотезой исследования стало утверждение, что современные студенты достаточно подготовлены к изменениям в образовательном процессе и переходу к новой модели, связанной с сочетанием классических форм обучения и дистанционного формата.

Одним из первых вопросов, предложенных респондентам, был следующий: «Удовлетворены ли Вы качеством получаемого Вами образования?» На него были даны следующие ответы: «Да» – 49% от числа респондентов; «Нет» – 7%; вариант «Частично» выбрали 44% опрошенных. Однозначное одобрение существующей модели образования высказали менее половины студентов, тогда как за изменения выступили те, кто против того, что есть (7%), и те, кто за перемены

в какой-либо части, т.е. в совокупности 51%. Соответственно, абсолютное большинство составили респонденты, которых не вполне или в целом устраивает качество получаемого образования. Данные результаты во многом обусловлены тем опытом, который был получен в период пандемии COVID-19, когда плюсы виделись в возможности обучения на дому, получении консультаций преподавателя доступным способом через образовательную платформу, в системе быстрого опроса в форме коллоквиума, возможности задавать вопросы в чате по ходу занятий, лекций и пр. Минусы дистанционного обучения также были очевидны: студент мог отвлекаться, виртуально присутствовать на занятии, использовать только телефон, отвечать только в чате, ссылаясь на недостаток средств для приобретения микрофона и камеры. Качество обучения в целом снижалось. В конечном итоге этот опыт не отвечал интересам тех студентов, которые хотели получить глубокие знания и умения, чтобы стать конкурентоспособными при устройстве на работу. В этот период обозначился логистический кризис в экономике, в связи с чем возник спрос не только на технически грамотных специалистов, но на тех, кто имеет глубокие и системные знания, способен быстро решать практические задачи. В постпандемийный период ТУСУР был признан опорным вузом в развитии космической отрасли и ракетостроения страны, и это требует новых изменений в подготовке высококвалифицированных кадров, большего внимания к проблемам студентов.

Далее при опросе респондентам было предложено оценить преимущества и недостатки своего обучения. К преимуществам участники опроса отнесли следующее: компетентные преподаватели, индивидуальный подход к студентам, широкий спектр образовательных программ. Так, проект «Цифровые кафедры» реализуется в ТУСУРе в рамках федерального направления «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», в котором принимает участие более 100 вузов страны. Данная программа дает хорошие перспективы трудоустройства в качестве тестировщиков и разработчиков программного обеспечения.

При ответе на вопрос: «Удовлетворены ли Вы своим выбором направления подготовки в вузе? Собираетесь ли Вы в дальнейшем работать по выбранной специальности?» – 42% респондентов ответили: «Да, доволен, собираюсь в дальнейшем работать по выбранной специальности» (рис. 1). Вместе с тем 41% выбрали вариант: «Да, доволен, но не уверен, что буду работать именно по выбранной специальности». 9% затруднились ответить, и только 8% жалеют о своем выборе специальности. Таким образом, подавляющее большинство студентов прошли качественную профориентацию. Из представленной на рис. 1 диаграммы видно, что абсолютное большинство опрошенных в целом удовлетворены своим выбором, направлением подготовки, но часть студентов не вполне уверена в своем будущем (более 17%). В целом возможно переобучение по другой специальности, однако тактика вуза заключается в том, чтобы студент максимально развивал навыки обучения всему новому на университетской скамье.

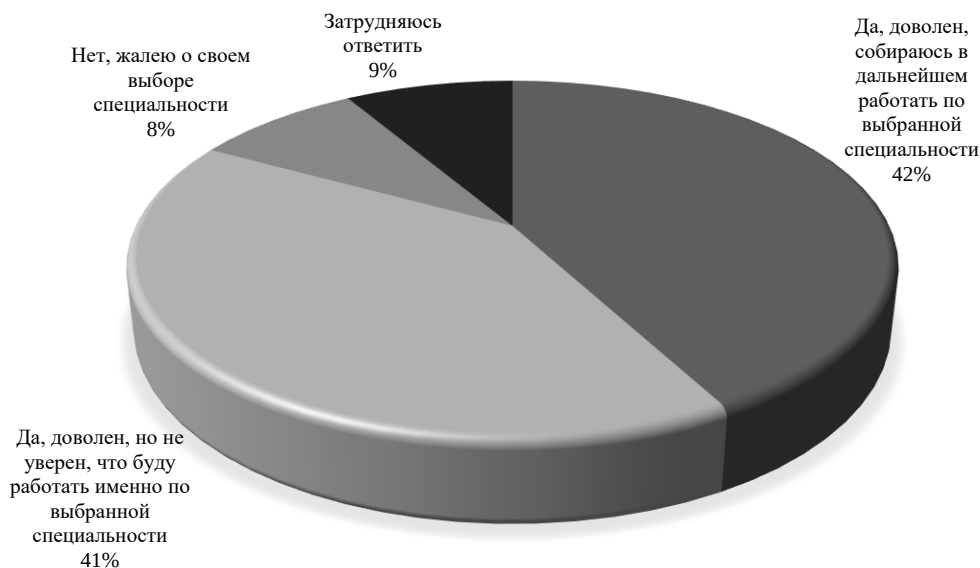

Рис. 1. Удовлетворенность выбором направления подготовки

В текущем году состоялось учреждение ИТ-академии ТУСУРа в формате офиса ИТ-компании с бизнес-процессами и комфортной средой. Сущность всех преобразований в области подготовки специалистов сейчас состоит в том, чтобы студенты получили самые актуальные знания в области ИТ-технологий с тем, чтобы не потребовалось дополнительного обучения при переходе их на работу в компании партнеров вуза, т.е. в соединении «мира студентов и мира работодателей». Полученные результаты свидетельствуют, что университет адекватно реагирует на запросы внешней среды: работает Центр карьеры, проводится мониторинг рынка труда, а также учитываются требования работодателей.

На следующий вопрос: «Оправдались ли Ваши ожидания от учебы в вузе, которые были у Вас при поступлении, на сегодняшний день? Если не оправдались, то что именно не совпало с ожиданиями (в лучшую или худшую сторону)?» – 65% респондентов ответили «Оправдались», и это связано с успешностью внедрения инновационной экосистемы ТУСУРа в сферу высшего образования, проектной и практико-ориентированной направленностью образовательного процесса, вовлечением студентов в научно-исследовательскую и предпринимательскую деятельность (рис. 2). Ответ «Ожиданий как таковых не было / затруднились ответить» был дан 8% опрошенных, что показывает необходимость усиления дальнейшей работы вуза в области профориентации школьников и спецификации нового набора. Для 7,5% опрошенных студентов результаты обучения в вузе превзошли их ожидания – были отмечены комплексность и разносторонность полученного образования. Для 19,5% ожидания не оправдались в худшую сторону. Полученный результат актуализирует совершенствование системы кураторства и наставничества, позволяющей транслировать корпоративную культуру вуза в образовательный процесс, что дает возможность погружать студента, иногда в игровой форме (например, образовательные квесты), в реальную атмосферу практической или производственной деятельности организации

и сокращает сроки адаптации. Следует учитывать, что для молодежной аудитории в возрасте 17–21 года характерны эмоциональная неустойчивость, критическое отношение к себе в прошлом и устремленность в будущее. На этом этапе идет формирование социальной идентичности и гражданской ответственности молодых людей.

Среди рисков обучения в ТУСУРе, отмеченных студентами, выделим эмоциональные стрессы, когда студенты не справляются с предъявляемыми в учебном процессе требованиями. На этом фоне нередко проявляются равнодушие, утрата интереса к специальности, депрессия. Есть проявления эмоционального выгорания и у преподавателей. Опираясь на полученный отклик, отметим необходимость и важность роли курсов повышения квалификации для профессорско-преподавательского состава, позволяющих дать инструменты для профилактики и преодоления эмоциональной нестабильности.

Студентам всегда помогают самоанализ, рефлексия, которым нужно обучать, и поддержка со стороны. Следует также усилить роль кураторов за счет привлечения к этой работе преподавателей с жизненным опытом, имеющих специальные знания. Кураторы должны научить студентов, во-первых, понимать и формулировать личные проблемы, во-вторых, анализировать факты, связанные с изменением (решением) этих проблем, в-третьих, приступать к самостоятельной деятельности по их решению.

Далее респондентам было предложено ответить на вопросы относительно своей адаптации к учебе в условиях смены форматов обучения. Так, по вопросу «Испытываете ли Вы на данный момент трудности с адаптацией (отсутствие мотивации, нехватка времени и т.д.) к обучению в очном формате? Если да, то какие именно?» мнения опрошенных разделились: «Никаких трудностей сейчас не испытываю» – 54,5% респондентов; отсутствие мотивации (нежелание учиться, усталость) отметили 43%, а 2,5% опрошенных студентов в качестве основных трудностей обозначили коммуникативные сложности и финансовые затруднения.

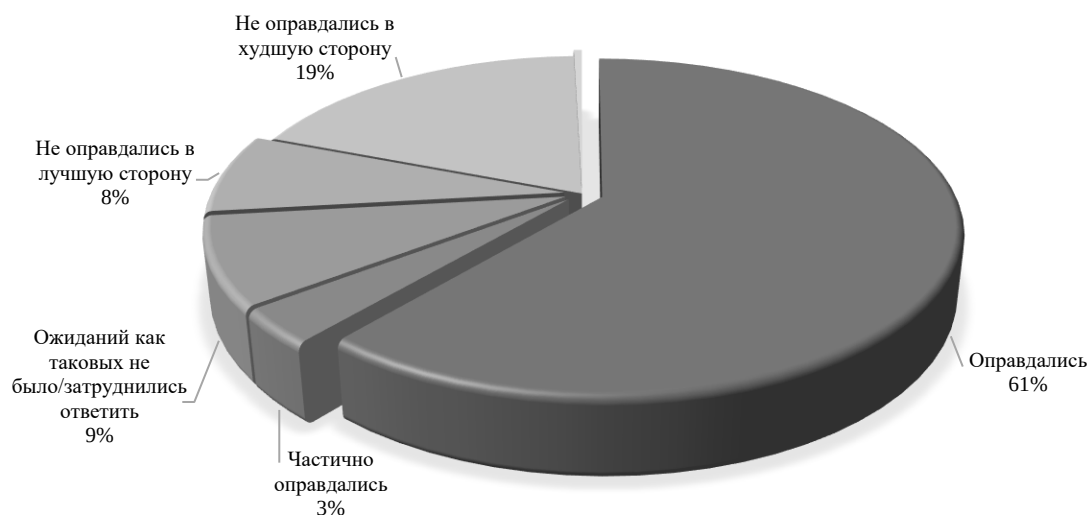

Рис. 2. Оправданность ожиданий при поступлении

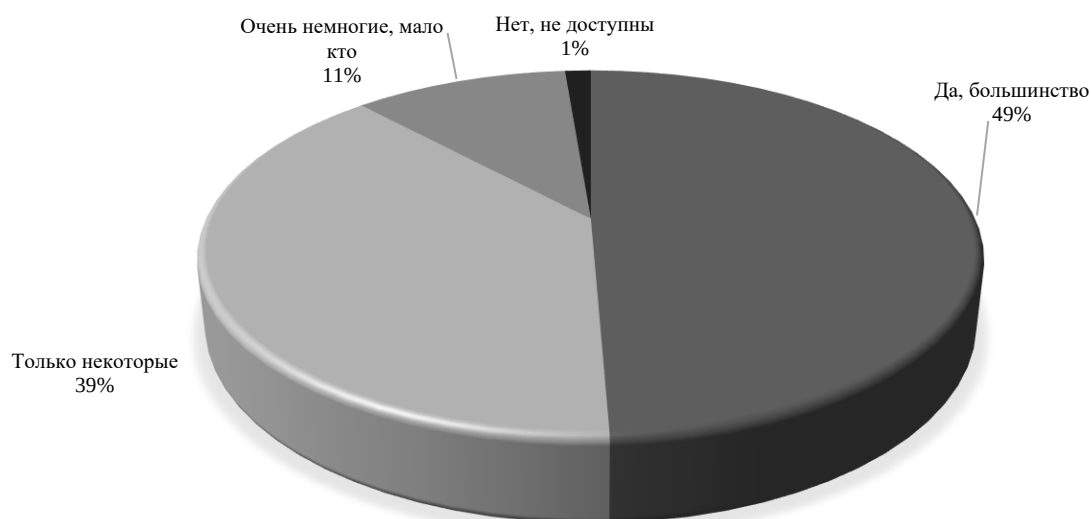

Рис. 3. Доступность преподавателей для оперативных ответов

Эти данные еще раз подчеркивают необходимость увеличения роли тьюторов в академических группах, так как в постпандемический период происходят интенсификация подготовки кадров высшей квалификации, усложнение учебного процесса, его цифровизация, поэтому важно усиливать поддержку студентов и создавать позитивную атмосферу в вузе. Кроме того, необходимо формировать навыки системного планирования, распределения и управления своим временем.

Далее респондентам был задан вопрос: «Какие элементы дистанционного формата образования можно, на ваш взгляд, успешно применять в очном учебном процессе (отдельные виды заданий, элементы организации и пр.)?». В качестве ответа 41% респондентов высказали мнение, что им необходима «запись лекций преподавателей на образовательной онлайн-платформе вуза», а 52% отметили востребованность размещения основного и дополнительного образовательного контента (онлайн-тесты, лабораторные работы, индивидуальные задачи и пр.) в онлайн-формате. 7% выбрали ответ «никакие», так как, возможно, не испытывают необходимости в подоб-

ных материалах. Таким образом, учитывая высказанные мнения, можно констатировать, что гибридный формат обучения – включение дистанционных элементов в очный образовательный процесс – является актуальным трендом, это расширит банк информации для студентов.

Почти половина респондентов отмечает хорошую коммуникацию со своими преподавателями (рис. 3). Предпочитаемый формат консультаций преподавателей опрошенные обозначили таким образом: «Очный» – 52%; «Дистанционный» – 26%; «Консультации не требуются» – 22%.

В заключение опроса была высказана просьба предложить свои способы усовершенствования организации обучения в вузе. 40% респондентов дали конструктивные предложения, которые связаны с оптимизацией расписания занятий; пересмотром учебных планов и рабочих программ с целью реализации принципа междисциплинарности и усиления интеграции с индустриальными партнерами вуза; повышением уровня владения информационно-коммуникационными технологиями; развитием цифрового волонтерства, а именно

бездомездным оказанием помощи со стороны администрации, преподавателей и студентов, быстро освоивших новые подходы, всем остальным сотрудникам и студентам в области повышения цифровой грамотности; расширением профориентационной и производственной подготовки в части добавления непосредственного знакомства с профессией на предприятиях, встреч со специалистами в сыре будущей профессии.

Таким образом, в проведенном исследовании обозначены актуальные вопросы взаимодействия участников образовательного процесса, выявлено, что в целом характер взаимоотношений отвечает современным социальным вызовам и запросам студенческой молодежи. Проведенный опрос показал, что наряду с выявленными проблемными зонами большинство респондентов рассматривают университет как площадку для эффективной реализации собственного потенциала

(профессионального, личностного) как в настоящем, так и в будущем. В своем большинстве студенты готовы к переменам, новым моделям образовательного процесса.

Отметим, что в определении перспектив развития университета, где студент выступает одним из ведущих драйверов, мониторинг образовательного процесса ориентирует на формирование гибких подходов и траекторий. Регулярный анализ проблемных зон позволяет построить процесс обучения в быстро меняющихся условиях и вызовы среды. При этом необходимо отметить важность таких факторов, как усиление внимания к личностному росту студентов, их поддержка, нравственно-патриотическое воспитание, необходимое в условиях политического и военного противостояния, позитивный характер взаимоотношений и взаимосвязей, благожелательная атмосфера в университете.

Список источников

1. Михайленок О.М., Щенина О.Г. Образование в сетевом обществе: навыки XXI века // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. С. 199–218.
2. Иванов В.В. Гуманитарно-технологическая революция как глобальный вызов // Проектирование цифрового будущего : научные подходы / под ред. Г.Г. Малинецкого, В.В. Иванова, П.А. Верника. М. : Техносфера, 2020. С. 42–43.
3. Мухин М.И. Образование XXI столетия: особенности развития // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 22–44. doi: 10.32744/pse.2020.5.2
4. Борисова Е.В. Цифровая образовательная среда: задачи, вызовы, перспективы // Мир образования – образование в мире. 2019. № 4. С. 32–37.
5. Campo L., Galindo-Domínguez H., Bezanilla M.-J., Fernández-Nogueira D., Poblete M. Methodologies for Fostering Critical Thinking Skills from University Students' Points of View // Education Sciences. 2023. Vol. 13, is 2. Art. 132. doi: 10.3390/educsci13020132
6. Niu S.J., Luo J., Niemi H., Li X., Lu Y. Teachers' and Students' Views of Using an AI-Aided Educational Platform for Supporting Teaching and Learning at Chinese Schools. Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 12. Art. 858. doi: 10.3390/educsci12120858
7. Lee D., Yoon S.N. Application of Artificial Intelligence-Based Technologies in the Healthcare Industry: Opportunities and Challenges // Int J Environ Res Public Health. 2021. Vol. 1, is 18. Art. 271. doi: 10.3390/ijerph18010271
8. He J., Baxter S.L., Xu J., Xu J., Zhou X., Zhang K. The practical implementation of artificial intelligence technologies in medicine // Nat. Med. 2019. Vol 25, is 1. P. 30–36. doi: 10.1038/s41591-018-0307-0
9. Huang E. China suddenly has way more of the more powerful computers than the U.S. // Quartz. 2017. 14 Nov. URL: <https://qz.com/1128704/china-has-way-more-of-the-worlds-most-powerful-computers-than-the-us> (accessed: 14.04.2023).
10. Асанов С.А., Акименко Г.В. Дистанционное обучение в период пандемии COVID-19: взгляд студентов и преподавателей технического университета на новый режим обучения // Дневник науки. 2020. № 7 (43). 10 с.
11. Захарова У.С., Вилкова К.А., Егоров Г.В. Этому невозможно обучить онлайн: прикладные специальности в условиях пандемии // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 115–137. doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-115-137
12. Ларионова В.А., Семенова Т.В., Мурзаханова Е.М., Дайнеко Л.В. Экономические аспекты вынужденного перехода на дистанционное обучение, или Какую цену заплатили вузы за дистант // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 138–157. doi: 10.17323/1814-9545-2021-1-138-157
13. Checa-Morales C., De-Pablos-Heredero C., Díaz Ocampo E., Torres Y.G., García A. An Organizational Model of Online Learning in the Pandemic Period: Comparison with Traditional Face-to-Face Learning // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 7. Art. 448. doi: 10.3390/educsci12070448
14. Bühler M.M., Jelinek T., Nübel K. Training and Preparing Tomorrow's Workforce for the Fourth Industrial Revolution // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 11. Art. 782. doi: 10.3390/educsci12110782
15. de Vries P. The Ethical Dimension of Emerging Technologies in Engineering Education // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 11. Art. 754. doi: 10.3390/educsci12110754
16. Беспалько В.П. Киберпедагогика. Педагогические основы управляемого компьютером обучения (E-learning). М. : Народное образование, 2018. 240 с.
17. Демцура С.С., Ягунов В.Р. Особенности организации образовательного процесса с использованием дистанционных образовательных технологий // Наукосфера. 2020. № 7. С. 37–41.
18. Uden L., Sulaiman F., Lamun R.F. Factors Influencing Students' Attitudes and Readiness towards Active Online Learning in Physics. Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 11. Art. 746. doi: 10.3390/educsci12110746
19. Lacey M.M., Shaw H., Abbott N., Dalton C.J., Smith D.P. How Students' Inspirations and Aspirations Impact Motivation and Engagement in the First Year of Study // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 12. Art. 885. doi: 10.3390/educsci12120885
20. Lister K., Pearson V.K., Coughlan T., Tassarolo F. Inclusion in Uncertain Times: Changes in Practices, Perceptions, and Attitudes around Accessibility and Inclusive Practice in Higher Education // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 8. Art. 571. doi: 10.3390/educsci12080571
21. Ladas G., Iatraki G., Soulis S.-G. Providing Access to Reading Comprehension for Greek Secondary Students with Mild Intellectual Disabilities // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 12. Art. 921. doi: 10.3390/educsci12120921
22. Inês H., Pacheco J.A., Abella M., Seabra F. Teaching Students with Learning Difficulties or Disabilities: Regular Education Teachers' Professional Development and Practices // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 10. Art. 652. doi: 10.3390/educsci12100652
23. Donnelly H.K., Solberg V.S.H., Shavers E.I., Howard K.A.S., Ismail B., Nieves H. Support and Perceptions of Teachers Working with Students with Special Needs during the COVID-19 Pandemic // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 8. Art. 531. doi: 10.3390/educsci12080531
24. Anderson E.J., Brock M.E., Shawbitz K.N. Philosophical Perspectives and Practical Considerations for the Inclusion of Students with Developmental Disabilities // Education Sciences. 2022. Vol. 12, is 7. Art. 478. doi: 10.3390/educsci12070478
25. Данилов С.А., Ручин В.А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. № 1. С. 10–14.

References

1. Mikhaylenok, O.M. & Shchenina, O.G. (2021) Obrazovanie v setevom obshchestve: navyki XXI veka [Education in a network society: skills of the 21st century]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 19. pp. 199–218.

2. Ivanov, V.V. (2020) Gumanitarno-tehnologicheskaya revolyutsiya kak global'nyy vyzov [Humanitarian-technological revolution as a global challenge]. In: Malinetskiy, G.G., Ivanov, V.V. & Vernik, P.A. (eds) *Proektirovanie tsifrovogo budushchego: nauchnye podkhody* [Designing the Digital Future: Scientific Approaches]. Moscow: Tekhnosfera. pp. 42–43.
3. Mukhin, M.I. (2020) Obrazovanie XXI stoletiya: osobennosti razvitiya [Education of the 21st century: Features of development]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 5(47). pp. 22–44. DOI: 10.32744/pse.2020.5.2
4. Borisova, E.V. (2019) Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda: zadachi, vyzovy, perspektivy [Digital educational environment: Tasks, challenges, prospects]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 4. pp. 32–37.
5. Campo, L., Galindo-Domínguez, H., Bezanilla, M.-J., Fernández-Nogueira, D. & Poblete, M. (2023) Methodologies for Fostering Critical Thinking Skills from University Students' Points of View. *Education Sciences*. 13(2). Art. 132. DOI: 10.3390/educsci13020132
6. Niu, S.J., Luo, J., Niemi, H., Li, X. & Lu, Y. (2022) Teachers' and Students' Views of Using an AI-Aided Educational Platform for Supporting Teaching and Learning at Chinese Schools. *Education Sciences*. 12(12). Art. 858. DOI: 10.3390/educsci12120858
7. Lee, D. & Yoon, S.N. (2021) Application of Artificial Intelligence-Based Technologies in the Healthcare Industry: Opportunities and Challenges. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 1(18). Art. 271. DOI: 10.3390/ijerph18010271
8. He, J., Baxter, S.L., Xu, J., Xu, J., Zhou, X. & Zhang, K. (2019) The practical implementation of artificial intelligence technologies in medicine. *Nature Medicine*. 25(1). pp. 30–36. DOI: 10.1038/s41591-018-0307-0
9. Huang, E. (2017) China suddenly has way more of the more powerful computers than the U.S. *Quartz*. 14th November. [Online] Available from: <https://qz.com/1128704/china-has-way-more-of-the-worlds-most-powerful-computers-than-the-us> (Accessed: 14th April 2023).
10. Asanov, S.A. & Akimenko, G.V. (2020) Distsionnoe obuchenie v period pandemii COVID-19: vzglyad studentov i prepodavateley tekhnicheskogo universiteta na novyy rezhim obucheniya [Distance learning during the COVID-19 pandemic: The view of students and teachers of a technical university on a new mode of learning]. *Dnevnik nauki*. 7(43).
11. Zakharova, U.S., Vilkova, K.A. & Egorov, G.V. (2021) Etomu nevozmozhno obuchit' onlayn: prikladnye spetsial'nosti v usloviyakh pandemii [It is impossible to teach this online: applied specialties in a pandemic]. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 115–137. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-115-137
12. Larionova, V.A., Semenova, T.V., Murzakhanova, E.M. & Dayneko, L.V. (2021) Ekonomicheskie aspekty vyznuzhennogo perekhoda na distantsionnoe obuchenie, ili Kakuyu tsenu zaplatili vuzy za distant [Economic aspects of the forced transition to distance learning, or What price did universities pay for distance learning]. *Voprosy obrazovaniya*. 1. pp. 138–157. DOI: 10.17323/1814-9545-2021-1-138-157
13. Checa-Morales, C., De-Pablos-Heredero, C., Díaz Ocampo, E., Torres, Y.G. & García, A. (2022) An Organizational Model of Online Learning in the Pandemic Period: Comparison with Traditional Face-to-Face Learning. *Education Sciences*. 12(7). Art. 448. DOI: 10.3390/educsci12070448
14. Bühler, M.M., Jelinek, T. & Nübel, K. (2022) Training and Preparing Tomorrow's Workforce for the Fourth Industrial Revolution. *Education Sciences*. 12(11). Art. 782. DOI: 10.3390/educsci12110782
15. de Vries, P. (2022) The Ethical Dimension of Emerging Technologies in Engineering Education. *Education Sciences*. 12(11). Art. 754. DOI: 10.3390/educsci12110754
16. Bepalko, V.P. (2018) *Kiberpedagogika. Pedagogicheskie osnovy upravlyаемого komp'yuterom obucheniya (E-learning)* [Cyberpedagogy. Pedagogical foundations of computer-controlled learning (E-learning)]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
17. Demtsura, S.S. & Yagupov, V.R. (2020) Osobennosti organizatsii obrazovatel'nogo protsesssa s ispol'zovaniem distantsionnykh obrazovatel'nykh tekhnologiy [Features of the organization of the educational process using distance learning technologies]. *Naukosfera*. 7. pp. 37–41.
18. Uden, L., Sulaiman, F. & Lamun, R.F. (2022) Factors Influencing Students' Attitudes and Readiness towards Active Online Learning in Physics. *Education Sciences*. 12(11). Art. 746. DOI: 10.3390/educsci12110746
19. Lacey, M.M., Shaw, H., Abbott, N., Dalton, C.J. & Smith, D.P. (2022) How Students' Inspirations and Aspirations Impact Motivation and Engagement in the First Year of Study. *Education Sciences*. 12(12). Art. 885. DOI: 10.3390/educsci12120885
20. Lister, K., Pearson, V.K., Coughlan, T. & Tessarolo, F. (2022) Inclusion in Uncertain Times: Changes in Practices, Perceptions, and Attitudes around Accessibility and Inclusive Practice in Higher Education. *Education Sciences*. 12(8). Art. 571. DOI: 10.3390/educsci12080571
21. Ladas, G., Iatraki, G. & Soulis, S.-G. (2022) Providing Access to Reading Comprehension for Greek Secondary Students with Mild Intellectual Disabilities. *Education Sciences*. 12(12). Art. 921. DOI: 10.3390/educsci12120921
22. Inês, H., Pacheco, J.A., Abelha, M. & Seabra, F. (2022) Teaching Students with Learning Difficulties or Disabilities: Regular Education Teachers' Professional Development and Practices. *Education Sciences*. 12(10). Art. 652. DOI: 10.3390/educsci12100652
23. Donnelly, H.K., Solberg, V.S.H., Shavers, E.I., Howard, K.A.S., Ismail, B. & Nieves, H. (2022) Support and Perceptions of Teachers Working with Students with Special Needs during the COVID-19 Pandemic. *Education Sciences*. 12(8). Art. 531. DOI: 10.3390/educsci12080531
24. Anderson, E.J., Brock, M.E. & Shawbitz, K.N. (2022) Philosophical Perspectives and Practical Considerations for the Inclusion of Students with Developmental Disabilities. *Education Sciences*. 12(7). Art. 478. DOI: 10.3390/educsci12070478
25. Danilov, S.A. & Ruchin, V.A. (2020) Riskogennost' obrazovaniya i sotsiokul'turnyy potentsial obshchestva v usloviyakh tsifrovizatsii [Riskogenesis of education and the socio-cultural potential of society in the context of digitalization]. *Izvestiya Sa-ratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 1. pp. 10–14.

Сведения об авторах:

Райтина Маргарита Юрьевна – доктор философских наук, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: raitina@mail.ru

Покровская Елена Михайловна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: remod@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ИСР Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Пустоварова Анна Олеговна – старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: anna.o.pustovarova@tusur.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Raitina Margarita Yu. – D. Phil. In Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raitina@mail.ru

Pokrovskaya Elena M. – Candidate of Philosophy, Head of the Department of Foreign Languages, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: remod@yandex.ru

Zinoviyeva Valentina I. – Candidate of History, Professor of History and Social Work Department, Senior Researcher of the Scientific-educational Centre of ISR, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

Pustovarova Anna O. – Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna.o.pustovarova@tusur.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 18.04.2023; accepted for publication 03.07.2023

Научная статья
УДК 94(575.1)
doi: 10.17223/19988613/84/24

Стипендиальная программа фонда «Эл-юрт умиди» как механизм государственной поддержки внешней интернационализации высшего образования Узбекистана

Олим Таиркулович Турдикулов

Томский государственный университет, Томск, Россия, olim.tairkulovich@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено анализу государственной стипендиальной программы фонда «Эл-юрт умиди» в качестве механизма государственной поддержки внешней интернационализации высшего образования в Узбекистане. Проанализированы текущие тенденции и проблемы в развитии фонда, выявлены основные задачи, которые стоят перед государством в этой области. Также рассмотрен опыт других стран. На основе анализа сделан вывод, что фонд имеет потенциал для улучшения качества высшего образования и может стать эффективным инструментом для подготовки современных кадров.

Ключевые слова: высшее образование, внешняя интернационализация, «Эл-юрт умиди», Узбекистан

Для цитирования: Турдикулов О.Т. Стипендиальная программа фонда «Эл-юрт умиди» как механизм государственной поддержки внешней интернационализации высшего образования Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 192–200. doi: 10.17223/19988613/84/24

Original article

The Scholarship Program of the “El-yurt umidi” Foundation as a mechanism for state support of the external internationalization of higher education in Uzbekistan

Olim T. Turdikulov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, olim.tairkulovich@gmail.com

Abstract. The aim of this study is to explore the state scholarship program of the «El-yurt umidi» fund as a tool for state support of the external internationalization of higher education in Uzbekistan. Legislative documents of the Republic of Uzbekistan, information from the Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan, documents of the «El-yurt umidi» fund, interviews with leaders of organizations, statistical data and analysis of international organizations, as well as some materials from news organizations have been used in this article.

The current trends and problems in the development of the fund are analyzed in the article, and the main tasks facing the government in this area are identified. Additionally, the activities of the fund are viewed as a potential means of improving the quality of higher education in Uzbekistan and can become an effective tool for training modern personnel. The analysis shows that the state scholarship program of the «El-yurt umidi» fund is organized based on domestic and foreign experience. The goal of the scholarship program, the selection mechanism, the conditions for choosing foreign universities, support for studying abroad, mechanisms for returning home after completing education, conditions of employment and benefits created for graduates in their home country, are not significantly different from their foreign counterparts and represent common features.

As a result of the analysis of the activities of the «El-yurt umidi» fund from 2018 to 2023, the following conclusions were drawn: the fund prioritizes technical, exact sciences, and information technology education abroad; educational requirements for candidates and scholarship holders of the fund are higher than the level of local universities; Russian universities predominate in the geography of the fund's scholarship recipients studying in foreign countries, however, the share of English-speaking countries has increased in recent years; in 2021, the fund switched to a long-term model for training professional personnel, and the number of scholarship program winners increased due to the reduction of selection rounds in 2021.

Keywords: Higher education, external internationalization, “El-yurt umidi”, Uzbekistan

For citation: Turdikulov, O.T. (2023) The Scholarship Program of the “El-yurt umidi” Foundation as a mechanism for state support of the external internationalization of higher education in Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* – Tomsk State University Journal of History. 84. pp. 192–200. doi: 10.17223/19988613/84/24

Введение

В 2016 г., после избрания Шавката Мирзиёева президентом Республики Узбекистан, вектор политического, экономического и социального развития страны принял новое направление. Объявленная в 2017 г. «Стратегия развития республики» определила содержание политики государства нового периода. Системные реформы, начатые во всех отраслях, повысили потребность в кадрах, обладающих современными знаниями, навыками и опытом. Система образования, реформированная 20 лет назад, утратила способность готовить современные кадры. В отчете Всемирного банка за 2014 г. о качестве узбекского высшего образования была дана следующая оценка: опрос 232 работодателей в Узбекистане, «проведенный в рамках подготовки настоящего отчета, выявил несоответствие между знаниями и навыками, востребованными работодателями, и знаниями и навыками, которыми обладают недавние выпускники высших учебных заведений страны» [1. С. 38]. Также в этот период вопросы интернационализации были практически закрытой темой в образовательной политике, а практики академической мобильности, приобретавшие все большую популярность в мире, в вузах страны почти не использовались [2, 3].

В 2017 г. начались системные реформы в системе высшего образования с целью подготовки современных кадров нового поколения. За короткий срок были созданы новые государственные вузы, учреждено больше 40 частных вузов, количество филиалов иностранных вузов увеличилось в 4 раза, всем вузам было разрешено широко развивать академическую мобильность в рамках совместных образовательных программ с зарубежными вузами-партнерами [4. С. 520–521].

Важным шагом в политике интернационализации высшего образования Узбекистана на новом этапе развития образования стал фонд «Эл-юрт умиди» («Надежда народа»), созданный государством в 2018 г. для поддержки образования в престижных высших учебных заведениях за рубежом [5]. За короткий период 2018–2022 гг. фонд быстро завоевал популярность среди молодежи страны и сумел направить более 1 700 молодых людей в иностранные вузы для обучения по программам бакалавриата, магистратуры, докторантуры (программы докторантуры в Узбекистане – это аналог программ аспирантуры в России), прохождения стажировок и повышения квалификации. Из того, что квоты на такие стипендиальные программы государство из года в год увеличивает, можно сделать вывод, что руководство страны осознает, что реформы не могут быть логически продолжены без повышения качества кадров в стране. Поэтому в рамках политики интернационализации системы высшего образования возрастает приоритетное значение деятельности фонда «Эл-юрт умиди».

Цель данного исследования – определить особенности принятой в Узбекистане модели государственной поддержки внешней интернационализации высшего образования через стипендиальную программу фонда «Эл-юрт умиди». В рамках исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить приоритетные области развития высшего образования в Узбекистане, которые поддерживаются стипендиальной программой;
- выявить критерии отбора зарубежных вузов для обучения стипендиатов программы;
- исследовать механизмы обеспечения прозрачности процесса отбора стипендиатов;
- определить эволюцию целевой аудитории программы;
- рассмотреть динамику выделения квот, определения победителей, распределения стипендий по странам и уровням обучения;
- исследовать механизмы возвращения стипендиатов на родину;
- определить основные проблемы в деятельности фонда «Эл-юрт умиди».

В Узбекистане практика подготовки кадров в престижных иностранных вузах началась в 1997 г., с учреждением стипендиального фонда «Умид», и активно осуществлялась до 2003 г. [6]. Стипендиальная программа фонда «Умид» была первым опытом Республики Узбекистан по подготовке специалистов за рубежом. За шесть лет программа профинансировала обучение за рубежом 828 стипендиатов [7]. Среди стипендиатов бывшего фонда «Умид» – многие государственные и научные деятели, активно работающие в различных сферах: Шерзод Шерматов (министр по развитию информационных технологий и коммуникаций), Руслан Давлетов (советник главы государства), Сардор Умрзоков (руководитель Администрации Президента), Иброхим Абдурахманов (министр высшего образования, науки и инноваций), Шерзод Кудбиев (министр экономики и финансов), Жамшид Ходжаев (заместитель Премьер-министра Республики Узбекистан) и др. В 2003 г. на базе фонда «Умид» был создан фонд «Истеъдод» [8]. С этого момента закончился активный период практики подготовки кадров за рубежом и начался пассивный период. Также изменились модель, характер и целевая аудитория стипендиальной программы. Стипендиальная программа фонда «Истеъдод» в период своего действия практически прекратила направление студентов за рубеж для обучения в престижных высших учебных заведениях. Вместо этого фонд поддерживал программу повышения квалификации педагогов за рубежом. За 15 лет (2003–2018) фонд за счет государства профинансировал всего 914 стипендиатов-педагогов по программам повышения квалификации за рубежом [9].

Фонд «Эл-юрт умиди», созданный в 2018 г. на базе фонда «Истеъдод», опирается на опыт, полученный в ходе деятельности предшественников – фондов «Умид» и «Истеъдод». По модели и характеру фонд незначительно отличается от аналогов в мире (Казахстан – «Болашак», Саудовская Аравия – «им. Хранителя двух святынь», Бразилия – «Наука без границ», Китай – Китайский стипендиальный совет, Япония – «Тобитатэ» и др.). Фонд «Эл-юрт умиди», помимо реализации стипендиальной программы, поддерживающей обучение молодежи в ведущих университетах за рубежом, также нацелен на сотрудничество с топовыми зарубежными вузами и налаживание постоянной

связи с соотечественниками, осуществляющими профессиональную деятельность за рубежом.

Период с момента создания фонда «Эл-юрт умиди» до второго конкурса стипендиальной программы (2021) можно рассматривать как пилотный период деятельности фонда. В 2021 г. его деятельность была реформирована с учетом опыта последних двух с половиной лет [10]: произошли обновления в программах и направлениях конкурса, отборочных экзаменах, количестве квот и др.

Приоритетные области развития высшего образования Узбекистана

Начиная со второго конкурса 2021 г. было принято решение о проведении конкурса по всем областям знаний на основе принципа равноправия. Чтобы получить максимальный результат от выделенных (ограниченных) бюджетных средств, фонд определил приори-

тетные направления подготовки кадров за рубежом. При этом приоритетные направления регулировались по количеству выделенных квот.

Потребности министерств (ведомств) и спрос населения являются основными факторами, влияющими на количество квот в Узбекистане. С целью изучения динамики этих факторов фонд «Эл-юрт умиди» постоянно проводит исследовательский мониторинг и по его результатам формирует квоты очередного отбора. Если обратить внимание на количество стипендий (далее – квоты), выделяемых на обучение за рубежом в последние годы, то в 2021 г. больше всего квот было выделено по направлению «Естественные и точные науки, производство, техника и связь» – 38% всех квот, а в 2022 г. преимущество было отдано направлению «Социальная сфера, экономика и право» – 29% квот. В конкурсе 2023 г. из 500 мест более 50% было отдано направлению «Естественные и точные науки, производство, техника и связь» (табл. 1).

Таблица 1

Количество квот фонда «Эл-юрт умиди» в 2021–2023 гг. по областям знаний [11–13]

Области знаний	2021 г.		2022 г.		2023 г.		Итого	
	квоты	в %	квоты	в %	квоты	в %	квоты	в %
Образование, искусство и гуманитарные науки	56	16	106	25	79	16	241	19
Социальная сфера, экономика и право	75	21	121	29	98	20	294	23
Естественные и точные науки, производство, техника и связь	132	38	96	23	264	53	492	39
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и ветеринария	44	13	38	9	23	4	105	8
Здравоохранение и социальное обеспечение	24	7	45	11	21	4	90	7
Сфера услуг	19	5	14	3	15	3	48	4
Всего	350	100	420	100	500	100	1270	100

Исследования показывают, что каждая страна отдает приоритет той или иной отрасли, исходя из национальной стратегии развития, потребности в кадрах и запросов населения. Это можно наблюдать на примере стран мира: например, в Казахстане («Болашак») – техническая сфера, в Саудовской Аравии («им. Хранителя двух святынь») – бизнес и менеджмент, в Бразилии («Наука без границ») – науки в области STEM [14–16].

Критерии отбора зарубежных вузов

Сегодня за рубежом действуют десятки тысяч учебных заведений, и далеко не все из них дают знания на высоком уровне. Если посмотреть на опыт зарубежного аналога фонда «Эл-юрт умиди» – фонда «Болашак» (Казахстан), то с 1993 по 1997 г., в первый период работы казахстанской стипендиальной программы, стипендиаты могли учиться в любом зарубежном вузе по своему выбору. В результате было замечено, что некоторые стипендиаты выбирали иностранные вузы с более низким рейтингом, чем местные вузы, или учебные заведения с сомнительной репутацией. С 1997 г. правительство Казахстана начало формировать перечень зарубежных вузов, отвечающих интересам национального развития. С 2007 г. стипендиаты, как правило, могут обучаться в вузах, входящих в топ-200 глобальных рейтингов THE и QS [16].

В целях максимально эффективного использования средств, выделяемых государством, фонд «Эл-юрт умиди» должен был отбирать иностранные вузы и направлять стипендиатов только в лучшие из них. В качестве

критерия отбора качественных зарубежных вузов были приняты результаты рейтингов QS, THE и ARWU, которые считаются самыми престижными в мире [17]. Если до 2021 г. кандидаты стипендиальной программы должны были поступить в один из топ-500 вузов глобального рейтинга QS, THE и ARWU или в топ-200 предметного рейтинга по своей специальности и получить приглашение, то с 2021 г. этот лимит ужесточен до топ-300 и топ-100 соответственно. Если учесть, что ни один из вузов Узбекистана не входит в эти рейтинги, то можно заметить, что фонд нацелен на подготовку для государства кадров более высокого качества, чем это могут сделать местные вузы.

Обеспечение прозрачности отбора

Учрежденная на основании Указа Президента Республики Узбекистан стипендиальная программа фонда «Эл-юрт умиди» не только имеет значение для государственных организаций, но также завоевывает большой авторитет в обществе. Такие привилегии для стипендиатов программы, как зачисление в государственный кадровый резерв, освобождение от участия в конкурсах при назначении на государственные должности, три первых года работы с дополнительной надбавкой за диплом, повышают интерес к программе, ее востребованность среди молодежи [18]. В таких условиях важной задачей фонда является честный и прозрачный отбор кандидатов.

Из мирового опыта известно, что сколь бы великой ни была цель стипендиальных программ, если проце-

дуры отбора неясны, имеют место непрозрачность и отсутствие освещения в СМИ, среди населения возникает чувство недоверия и несправедливости. Например, в 1993–1997 гг. общественное доверие к конкурсам на стипендиальные программы «Болашак» (Казахстан) было невысоким, ходили слухи, что такие стипендии предоставляются лишь «золотой молодежи». Только благодаря реформам, проведенным в стипендиальной программе «Болашак» в 1997 г., к ней вернулось доверие людей [16].

Фонд «Эл-юрт умиди» организует свои стипендиальные программы на основе опыта своих предшественников – фондов «Умид» и «Истеъдод», а также, конечно, мирового опыта. Принципы равенства, справедливости и прозрачности имеют первостепенное значение во всех правилах отбора. Отбор кандидатов на стипендиальные программы фонда изначально осуществлялся в рамках следующих четырех этапов [19]:

- первый этап: проверка документов и предварительный отбор кандидатов;

- второй этап: собеседование с кандидатами, отобранными на первом этапе, для определения уровня владения иностранными языками;

- третий этап: собеседование или письменный экзамен для определения уровня профподготовки, широты мировоззрения, интеллектуальных способностей и знаний о проводимых в Узбекистане социально-экономических реформах;

- четвертый этап: стандартизированные тесты для магистерских и докторских программ (IELTS, TOEFL, TestDaf, GMAT, GRE и т.д.).

В 2021 г. второй и четвертый этапы были упразднены, вместо них кандидат должен был представить международно признанный сертификат о знании иностранного языка или письмо о безусловном принятии кандидата иностранным вузом [17]. Таким образом, отбор кандидатов начал проходить в два этапа: объявление конкурса; отбор кандидатов; определение победителей Попечительским советом фонда; церемония награждения стипендиатов-победителей. Все этапы конкурса последовательно освещаются средствами массовой информации. Интервью СМИ с кандидатами, участвовавшими в отборочных конкурсах, показывают, что конкурсы проходят прозрачно и справедливо.

Целевая аудитория

Целевая аудитория фонда «Эл-юрт умиди» утверждается уставом и определяет содержание конкурсов на получение стипендий по соответствующим образовательным программам. С момента создания фонда в 2018 г. его целевая аудитория менялась, и на сегодня она сформировалась в рамках следующих стипендиальных программ [17]:

- бакалавриат – лица не старше 25 лет, ранее не получавшие бакалаврское образование за рубежом по аналогичной специальности;

- магистратура – лица с 20 лет и не старше 45 лет, не получившие ранее магистерское образование за рубежом по аналогичной специальности;

- докторантура – лица с 22 лет и не старше 45 лет, не получившие ранее ученую степень кандидата наук и доктора наук за рубежом.

Кроме того, к стипендиатам фонда установлены такие требования, как наличие 2-летнего стажа работы по избранной специальности и отсутствие совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Также стипендиаты фонда не должны являться представителями выборных органов государственного управления.

В течение 2018–2021 гг. фонд также выделял стипендии для повышения квалификации и стажировок за рубежом, но после изменений 2021 г. эти программы были закрыты и заменены стипендиальной программой бакалавриата [5, 10]. Стипендиальная программа бакалавриата с точки зрения мирового опыта – спорный вопрос. Эксперты считают, что многие страны отказываются от этой стипендиальной программы из-за того, что студенты на этапе бакалавриата (17–19 лет) психологически не готовы к обучению за границей, программы бакалавриата относительно длительны и требуют больших затрат. Так, если обратиться к опыту Казахстана («Болашак»), то в 1997 г., несмотря на четыре года работы, стипендиальная программа для бакалавров была закрыта и заменена на стипендиальные программы повышения квалификации и стажировок [16].

Следует обратить внимание на то, что эволюция фонда «Эл-юрт умиди» продолжается, и изменения, внесенные в определение его целевой аудитории, не являются окончательными.

Динамика выделения квот и количество победителей

Ежегодно до 1 августа формируется портфель заказов на подготовку, повышение квалификации и стажировку кадров в ведущих вузах, научных центрах и других организациях за рубежом по приоритетным специальностям. На основании реальных приказов министерств и ведомств утверждаются целевые показатели по направлениям отбора. Годовая квота фонда «Эл-юрт умиди» определяется отдельно на каждый год в разделе стипендиальных программ. Квота для стипендиальных программ формируется под влиянием следующих двух основных факторов: потребности министерств и ведомств и средств, выделяемых из государственного бюджета.

Объявленные фондом квоты на стипендиальные программы целесообразно проанализировать, разделив их на два хронологических периода. Это связано с тем, что в 2018–2021 гг. структура стипендиальных программ фонда включала стажировки, повышение квалификации, магистратуру и докторантуру, а в 2021–2023 гг. – бакалавриат, магистратуру и докторантуру. Из этого можно сделать вывод, что первоначальный подход фонда – ориентация на краткосрочные модели обучения – сменился на модель длительного профессионального обучения. В результате растущего спроса на стипендиальные программы среди молодежи и со стороны государственных министерств и ведомств в последние годы квота стипендиальных программ увеличивается (табл. 2).

Таблица 2

Квоты фонда «Эл-юрт умиди» на 2019–2023 гг. [11–23]

Годы	2019	2021		2022	2023	Итого
		1-й конкурс	2–3-й конкурсы			
Стипендиальные программы						
Повышение квалификации	н/д	50	–	–	–	2 483
Стажировка	н/д	150	–	–	–	
Всего		200	–	–	–	
Бакалавриат	–	–	100	120	75	
Магистратура	н/д	25	150	180	275	
Докторантура	н/д	25	100	120	150	
Всего		50	350	420	500	
Итого (по годам)	963	600		420	500	

Таблица 3

Победители стипендиальных конкурсов фонда «Эл-юрт умиди» 2018–2022 гг. [20; 21. С. 23–27]

Годы	2018	2019	2021		2022	Итого
			1-й конкурс	2–3-й конкурсы		
Стипендиальные программы						
Повышение квалификации	306	395	48	–	–	749
Стажировка	31	205	60	–	–	296
Всего	337	600	108	–	–	1 045
Бакалавриат	–	–	–	87	150	237
Магистратура	25	45	1	105	125	301
Докторантура	19	81	6	27	37	170
Всего	44	126	7	219	312	708
Итого (по годам)	381	726	334		312	1 753

В 2020 г., в условиях пандемии COVID-19, фонд не объявлял конкурсы на стипендиальные программы. В 2021 г., после ослабления карантинных ограничений в странах мира, фонд возобновил объявление конкурсов. Начиная со 2-го конкурса 2021 г., в результате упрощения отбора, количество победителей стипендиальной программы начало увеличиваться (табл. 3).

Кроме того, в целях улучшения системы здравоохранения были организованы специальные стипендиальные программы для обучения в зарубежных медицинских вузах. Студенты ряда медицинских вузов, действующих в стране, были направлены на целевые

образовательные программы на основе контракта. Данные квоты в области медицины являются отдельными квотами, и по этим квотам данных в открытом доступе нет.

По итогам 2022 г., более чем за 3 года интенсивной деятельности, фонду «Эл-юрт умиди» удалось направить в 2 раза больше стипендиатов в зарубежные вузы по сравнению с его предшественником, фондом «Умид» (рис. 1). Ежегодное увеличение средств, выделяемых фонду, свидетельствует о возрастающей активности и роли фонда в государственной политике высшего образования.

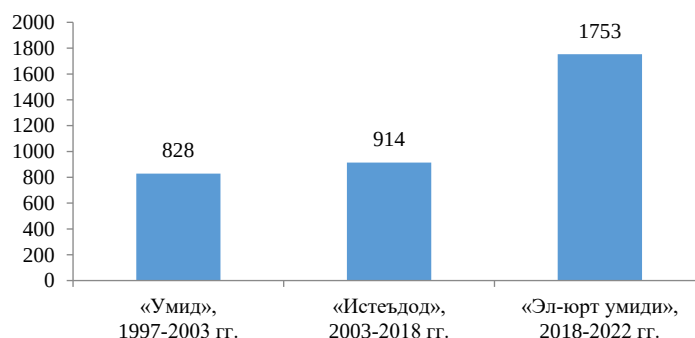

Рис. 1. Победители государственных стипендиальных программ 1997–2022 гг.

Стипендиаты фонда проявляют большой интерес к российским вузам. Среди российских вузов отвечают установленным фондом требованиям семь (Quacquarelli Symonds (QS) Rankings 2023). Новосибирский государственный университет и Томский государственный университет являются лидерами по количеству стипендиатов фонда, принятых в 2018–2022 гг. – более 20 и 6 соответственно.

География распределения стипендий

Опираясь на статистику за 2018–2020 гг., можно сделать вывод, что стипендиаты фонда проявляли наибольший интерес к обучению в вузах трех групп стран:

1. Страны СНГ: Россия, Беларусь.
2. Европа и США: Великобритания, Германия, Испания и США.

3. Страны Азии: Южная Корея, Малайзия, Япония.

Анализируя выбор стипендиатов по странам, можно заметить, что большинство стипендиатов выбрали Россию (47%), за ней следуют Великобритания (13%) и Южная Корея (8%) [22]. Тот факт, что большинство победителей стипендиальных программ Фонда выбрали для обучения российские вузы, можно объяснить тем, что здесь меньшее значение языкового барьера и это исторически близкая страна. Однако в последние годы на фоне большого внимания, уделяемого преподаванию английского языка в Узбекистане на государственном уровне, все чаще стипендиаты фонда выбирают англоязычные страны и программы.

Распределение стипендиатов по программам обучения

Анализ стипендиальных программ показывает, что программы стажировки имели абсолютное преимущество в 2018–2021 гг. и привлекли 58% от общего числа стипендиатов. Другие программы расположились в следующем порядке: повышение квалификации – 23%, докторантура – 13%, магистратура – 6%. (см. табл. 3).

В 2021 г. стипендиальные программы стажировки и повышения квалификации были прекращены и заменены стипендиальной программой бакалавриата. Анализ объявленных в 2021–2023 гг. квот показывает, что, во-первых, фонд отдает абсолютный приоритет магистерскому уровню образования, во-вторых, для программ бакалавриата заметно сокращение квот, в-третьих, происходит стабильный рост квот для программ докторантуры. По уровням образования за истекший период квоты распределились следующим образом: бакалавриат – 23%, магистратура – 48%, докторантура – 29%. Основная причина абсолютного превосходства уровня магистратуры над другими заключается в том, что продолжительность обучения в магистратуре относительно невелика (1–2 года), соответственно, на такие квоты выделяется меньше средств. Также есть возможность подготовить больше кадров в короткие сроки. Однако результаты отбора отличаются от выделенных квот: только на программы бакалавриата был осуществлен полный прием, а в магистратуре и особенно в докторантуре был недобор. Об этом свидетельствует несоответствие между квотами (см. табл. 2) и количеством отобранных стипендиатов (см. табл. 3). В результате состав победителей стипендиальных программ 2021–2022 годов отражает следующее соотношение: бакалавриат – 44%, магистратура – 43%, докторантура – 13% (см. табл. 3).

Возвращение стипендиатов на родину

Фонд, сделавший крупную государственную инвестицию для обучения стипендиатов в престижных вузах за рубежом, заинтересован в их возвращении на родину и служении развитию страны после получения образования. Однако из опыта фонда «Умид» и мирового опыта известно, что некоторые стипендиаты не возвращаются домой после завершения обучения и остаются работать за границей. Так, 1% из тех, кто

выехал за границу на учебу по стипендиальным программам фонда «Болашақ» (Казахстан), остались за границей после окончания обучения [16]. В целях предотвращения подобных ситуаций и эффективного использования потенциала кадров, окончивших зарубежные вузы, фондом «Эл-юрт умиди» был определен механизм их возвращения в Узбекистан после завершения обучения. Условия возвращения установлены в Положении о фонде, и с этими условиями кандидат знакомится перед подачей документов. Перед выездом за границу каждый стипендиат, ставший победителем стипендиальной программы, подписывает четырехсторонний договор между фондом, стипендиатом, работодателем и поручителями. И именно в этом договоре среди обязательств стипендиата упоминаются в том числе следующие [17]: работа в государственной организации Узбекистана в течение определенного периода после окончания обучения (бакалавриат – 5 лет, магистратура и докторантура – 3 года); возврат средств, выделенных государством на обучение, в случае отказа от производственного обязательства.

Помимо вышеперечисленных «санкционных» обязательств, фонд также объявил о ряде государственных льгот, чтобы повысить мотивацию вернуться домой после окончания учебы. Среди них следующие: стипендиаты будут зачислены в Национальный кадровый резерв и включены в список перспективных кандидатов на руководящие должности; молодые люди, которые будут работать в государственных органах, будут получать надбавку к должностному окладу в размере 15–75-кратной базовой расчетной величины в течение трех лет [18]; назначение стипендиатов на руководящие должности осуществляется без конкурса.

Механизмы обеспечения возвращения стипендиатов, завершивших обучение за границей, за период работы фонда меняются в сторону ослабления «санкционных» решений и одновременного увеличения мотивационных средств. Например, в 2021 г. сроки работы в государственных организациях были сокращены до двух лет. В ближайшее время рассматривается возможность пребывания в иностранном государстве до двух лет после окончания учебы с целью получения трудового стажа и опыта. Деятельность в этом направлении была эффективно организована фондом, и около 1 100 стипендиатов, окончивших ведущие высшие учебные заведения, научные центры и компании в зарубежных странах в 2018–2022 гг., в настоящее время заняты в сфере образования, медицины, работают в сферах государственного управления, экономики Узбекистана (табл. 4).

Таблица 4

Стипендиаты фонда, обучавшиеся за рубежом и вернувшиеся после окончания учебы (по состоянию на март 2023 г.) [14]

Программы обучения	Обучающиеся	Вернувшиеся
Стажировка	–	232
Повышения квалификации	–	737
Бакалавриат	205	–
Магистратура, ординатура	193	100
Докторантура	81	20
Всего	479	1 089

Примечание. Программа бакалавриата фонда введена с 2021 г.

Проблемы

Из года в год расширяется деятельность фонда «Эл-юрт умиди», своевременно созданного Указом Президента Республики Узбекистан и набирающего популярность среди молодежи. В рамках исследований отдела мониторинга фонда анализируются все этапы, от объявления конкурсов на получение стипендий до организации обучения стипендиатов за рубежом и их трудоустройства после окончания учебы. Результаты исследований свидетельствуют, что все направления деятельности фонда развиваются и адаптируются к требованиям времени. Однако существуют и вопросы, которые всегда находятся в центре внимания фонда и требуют новых подходов и решений:

а) **Квоты стипендиальной программы** – вопрос удовлетворения постоянно растущего спроса населения в условиях ограниченности государственных средств.

б) **Определение целевой аудитории.** На данный момент целевой аудиторией фонда признаны бакалавриат, магистратура и докторантура. Однако в государственных министерствах и ведомствах существует большой спрос на такие программы, как стажировки, профессиональное развитие и студенческий обмен.

в) **Обеспечение возвращения выпускников на Родину** – этот вопрос является основным не только для фонда «Эл-юрт умиди», но и для всех стипендиальных программ мира.

г) **Создание подходящих рабочих мест для возвращающихся из-за рубежа стипендиатов.** Конечно, этот вопрос не имеет прямого отношения к фонду, но является одной из основных проблем, которую должно решить государство. Стратегической задачей является удержание в Узбекистане уникальных кадров, подготовленных в престижных зарубежных высших учебных заведениях с большими затратами времени и средств. Мировой опыт показывает, что это не всегда простая задача.

Заключение

Деятельность государственной стипендиальной программы Фонда «Эл-юрт умиди» организована на основе отечественного и зарубежного опыта. Цель стипендиальной программы, механизм отбора, условия выбора зарубежных вузов, поддержка обучения за рубежом, механизмы возвращения на родину после завершения обучения, условия труда и льготы, создаваемые для выпускников на родине, не отличаются значительно от таковых зарубежных аналогов. В результате изучения и анализа деятельности фонда «Эл-юрт умиди» за 2018–2023 гг. можно сделать следующие выводы:

– Фонд отдает приоритет таким областям знаний для обучения стипендиатов за рубежом, как технические, точные науки и информационные технологии.

– Требования фонда к кандидатам и стипендиатам намного выше уровня входных требований местных вузов, что делает его важным источником качественных кадров для государственного кадрового резерва.

– В 2018–2020 гг. в географии обучения стипендиатов фонда абсолютное преимущество имели российские вузы, при этом в последние годы увеличивается доля англоязычных стран (Великобритания, США и др.).

– В 2021 г. на фоне обновлений целевой аудитории и системы отбора фонд перешел от краткосрочной модели подготовки кадров на долгосрочную модель подготовки профессиональных кадров.

– Переход на модель долгосрочной подготовки кадров означает, что пилотный период деятельности фонда завершился и он вступил в основную стадию подготовки необходимых государству профессиональных кадров.

Высокие требования к уровню владения иностранным языком обычно являются причиной того, что квоты фонда не заполняются. Однако количество победителей стипендиальных программ увеличилось за счет сокращения отборочных туров в 2021 г.

Список источников

1. Узбекистан: модернизация системы высшего образования : документ Всемирного банка : отчет № 88606-UZ. 2014. 156 с. URL: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/central-asia/Uzbekistan-Higher-Education-Report-2014-ru.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).
2. Об образовании : закон Республики Узбекистан от 29.08.1997 № 464-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/15622> (дата обращения: 23.02.2023).
3. О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан : указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 № УП-4947 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3107042> (дата обращения: 24.03.2023).
4. Социально-экономическое положение Республики Узбекистан [за январь–декабрь 2022 г.] // Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. Ташкент, 2023. 526 с.. URL: https://stat.uz/ru/?preview=1&option=com_dropfiles&format=&task=frontfile.download&catid=404&id=2717&Itemid=1000000000000 (дата обращения: 03.06.2023).
5. Об организации деятельности фонда «Эл-юрт умиди» по подготовке специалистов за рубежом и диалогу с соотечественниками при Кабинете Министров Республики Узбекистан : указ Президента Республики Узбекистан от 25.09.2018 № УП-5545 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3920035> (дата обращения: 24.03.2023).
6. Об организации фонда Президента Республики Узбекистан «Умид» по поддержке обучения одаренной молодежи за границей : указ Президента Республики Узбекистан от 07.01.1997 № УП-1694 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/168034> (дата обращения: 24.03.2023).
7. Выпускники Фонда «Умид» соберутся на конференцию // Газета.uz. 2019. 4 дек. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/12/04/fund-umid/> (дата обращения: 24.03.2023).
8. О совершенствовании системы повышения квалификации и стажировки перспективных молодых педагогов и научных кадров : указ Президента Республики Узбекистан от 01.07.2003 № УП-3272 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/484639> (дата обращения: 24.03.2023).
9. Краткий исторический экскурс // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: <https://eyuf.uz/site/view-page?id=15> (дата обращения: 24.03.2023).
10. О мерах по кардинальному совершенствованию системы подготовки за рубежом и дальнейшего повышения потенциала государственных служащих и специалистов : указ Президента Республики Узбекистан от 11.02.2021 № УП-6168 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5286356> (дата обращения: 24.03.2023).

11. «Эл-юрт умиди» жамғармасининг 2022 йилдаги 3-стипендия танлови учун ажратилган квоталар тўғрисида маълумот // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: https://eyuf.uz/admin/uploads/global/Kvota_2022_3.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
12. Мутахассисларни хорижда тайёрлаш ва ватандошлар билан мулоқот қилиш бўйича «Эл-юрт умиди» жамғармаси стипендиялари асосида 2023 йилда таълим дастурлари, танлов ўтказиш йўналишлари ва таълим соҳалари кесимида ажратилган стипендия квотаси // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: https://eyuf.uz/admin/uploads/2023/Kvota_2023.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
13. «Эл-юрт умиди» жамғармаси 2023 йилги 1-очик стипендия танловини эълон қилади! // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: <https://eyuf.uz/site/event?id=61> (дата обращения: 24.03.2023).
14. Knobel M. Brazil Seeks Academic Boost by Sending Students Abroad // International Higher Education. 2015. Vol. 66. P. 15–17. URL: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/article/view/8836/7913> (accessed: 24.03.2023).
15. Ahmed M.A. Outward Mobility of Saudi University Students: An Overview // International Higher Education. 2015. Vol. 83, special is. P. 19–20. URL: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/issue/view/889/33> (accessed: 24.03.2023).
16. Sagintayeva A., Jumakulov Z. Kazakhstan's Bolashak Scholarship Program // International Higher Education. 2015. № 79. P. 21–23. URL: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/issue/view/631/29> (accessed: 24.03.2023).
17. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 11 февралдаги ПФ-6168-сон Фармонида 4-илова. Мутахассисларни хорижда тайёрлаш ва ватандошлар билан мулоқот қилиш бўйича «Эл-юрт умиди» жамғармаси таълим дастурлари бўйича номзодларни очик саралаш танловини ўтказиш тартиби тўғрисида НИЗОМ // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: https://eyuf.uz/admin/uploads/global/Nizom_yangi.pdf (дата обращения: 24.03.2023).
18. О дополнительных мерах по всесторонней поддержке молодежи и дальнейшему повышению ее общественной активности : указ Президента Республики Узбекистан от 13.07.2021 № УП-6260 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5512122> (дата обращения: 24.03.2023).
19. Методика оценки знаний кандидатов в процессе проведения отбора кандидатов на стипендию фонда «Эл-юрт умиди» при Кабинете Министров Республики Узбекистан. Ташкент, 2019.
20. Фонд «Эл-юрт умиди». URL: <https://eyuf.uz/> (дата обращения: 24.03.2023).
21. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги «Эл-юрт умиди» жамғармаси : проспект-инфографика, 2019 // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: <https://eyuf.uz/site/prospect> (дата обращения: 26.03.2023).
22. Гранты в лучшие вузы мира : интервью с директором фонда «Эл-юрт умиди» // The mag. 2020. 21 апр. URL: <https://themag.uz/post/fond-jel-jurt-umidi> (дата обращения: 27.03.2023).
23. Мутахассисларни хорижда тайёрлаш ва ватандошлар билан мулоқот қилиш бўйича «Эл-юрт умиди» жамғармасининг фаолияти ҳамда 2023 йилги 1-очик стипендия танлови тўғрисида тақдирот // Фонд «Эл-юрт умиди». URL: <https://eyuf.uz/admin/uploads/2023/03.04.23%D0%96%D0%B0%D0%BC%D2%93%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B0%D2%82%D0%B0%D2%9B%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).

References

1. The Republic of Uzbekistan. (2014) *Uzbekistan: modernizatsiya sistemy vysshego obrazovaniya: dokument Vsemirnogo banka: otchet № 88606-UZ* [Uzbekistan: Modernizing the Higher Education System: World Bank Paper: Report No. 88606-UZ]. [Online] Available from: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/central-asia/Uzbekistan-Higher-Education-Report-2014-ru.pdf> (Accessed: 30th April 2023).
2. The Republic of Uzbekistan. (1997a) *Ob obrazovani: zakon Respubliki Uzbekistan ot 29.08.1997 № 464-I* [On education: Law No. 464-I of the Republic of Uzbekistan dated August 29, 1997]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/15622> (Accessed: 23rd February 2023).
3. The Republic of Uzbekistan. (2017) *O strategii deystviy po dal'neyshemu razvitiyu Respubliki Uzbekistan: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 07.02.2017 № UP-4947* [On the strategy of action for the further development of the Republic of Uzbekistan: Decree No. UP-4947 of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 7, 2017]. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/3107042> (Accessed: 24th March 2023).
4. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. (2023) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Uzbekistan [za yanvar'-dekabr' 2022 g.]* [Socio-economic situation of the Republic of Uzbekistan [for January–December 2022]]. [Online] Available from: https://stat.uz/ru/?preview=1&option=com_dropfiles&format=&task=frontfile.download&catid=404&id=2717&Itemid=100000000000 (Accessed: 3rd June 2023).
5. The Republic of Uzbekistan. (2018) *Ob organizatsii deyatelnosti fonda "El-yurt umidi" po podgotovke spetsialistov za rubezhom i dialogu s sootchestvennikami pri Kabinete Ministrov Respubliki Uzbekistan: tskaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 25.09.2018 № UP-5545* [On the organization of the activities of the El-Yurt Umidi Foundation for the training of specialists abroad and dialogue with compatriots under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan: Decree No. UP-5545 of the President of the Republic of Uzbekistan dated September 25, 2018]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/3920035> (Accessed: 24th March 2023).
6. The Republic of Uzbekistan. (1997b) *Ob organizatsii fonda Prezidenta Respubliki Uzbekistan "Umid" po podderzhke obucheniya odarennoy molodezhi za granitsey: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 07.01.1997 № UP-1694* [On the organization of the Fund of the President of the Republic of Uzbekistan "Umid" to support the education of gifted youth abroad: Decree No. UP-1694 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 07.01.1997]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/168034> (Accessed: 24th March 2023).
7. *Gazeta.uz*. (2019) Vypuskniki Fonda "Umid" soberutsya na konferentsiyu [Graduates of the Umid Foundation to gather for a conference]. 4th December. [Online] Available from: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/12/04/fund-umid/> (Accessed: 24th March 2023).
8. The Republic of Uzbekistan. (2003) *O sovershenstvovaniy sistemy povysheniya kvalifikatsii i stazhirovki perspektivnykh molodykh pedagogov i nauchnykh kadrov: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 01.07.2003 № UP-3272* [On improving the system of advanced training and internships for promising young teachers and scientific personnel: Decree No. UP-3272 of the President of the Republic of Uzbekistan dated July 1, 2003]. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/484639> (Accessed: 24th March 2023).
9. El-Yurt Umidi Foundation. (n.d.) *Kratkiy istoricheskiy ekskurs* [A Brief Historical Excursus]. [Online] Available from: <https://eyuf.uz/site/view-page?id=15> (Accessed: 24th March 2023).
10. The Republic of Uzbekistan. (2021a) *O merakh po kardinal'nomu sovershenstvovaniyu sistemy podgotovki za rubezhom i dal'neyshego povysheniya potentsiala gosudarstvennykh sluzhashchikh i spetsialistov: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 11.02.2021 № UP-6168* [On measures to radically improve the system of training abroad and further increase the potential of civil servants and specialists: Decree No. UP-6168 of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 11, 2021]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/5286356> (Accessed: 24th March 2023).
11. El-Yurt Umidi Foundation. (2022) *"El-yurt umidi" zhamgarmasining 2022 yildagi 3-stipendiya tanlovi uchun ajratilgan kvotalar t'yarisida ma'lumot*. [Online] Available from: https://eyuf.uz/admin/uploads/global/Kvota_2022_3.pdf (Accessed: 24th March 2023).
12. El-Yurt Umidi Foundation. (2023a) *Mutakhassislarni xorizhda tayorlash va vatandoshlar bilan mulokot qilish b'yicha "El-yurt umidi" zhamgarmasi stipendiyalari asosida 2023 yilda ta'lim dasturlari, tanlov ytkazish y'nalishlari va ta'lim soxalari kesimida ajratilgan stipendiya kvotasi*. [Online] Available from: https://eyuf.uz/admin/uploads/2023/Kvota_2023.pdf (Accessed: 24th March 2023).
13. El-Yurt Umidi Foundation. (2023b) *"El-yurt umidi" zhamgarmasi 2023 yilgi 1-ochik stipendiya tanlovini e'lon qiladi!* [Online] Available from: <https://eyuf.uz/site/event?id=61> (Accessed: 24th March 2023).

14. Knobel, M. (2015) Brazil Seeks Academic Boost by Sending Students Abroad. *International Higher Education*. 66. pp. 15–17. [Online] Available from: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/article/view/8836/7913> (Accessed: 24th March 2023).
15. Ahmed, M.A. (2015) Outward Mobility of Saudi University Students: An Overview. *International Higher Education*. 83, special is. pp. 19–20. [Online] Available from: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/issue/view/889/33> (Accessed: 24th March 2023).
16. Sagintayeva, A. & Jumakulov, Z. (2015) Kazakhstan's Bolashak Scholarship Program. *International Higher Education*. 79. pp. 21–23. [Online] Available from: <https://ejournals.bc.edu/index.php/ihe/issue/view/631/29> (Accessed: 24th March 2023).
17. El-Yurt Umidi Foundation. (n.d.) *Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 11 февралдаги ПФ-6168-сон Фармонига 4-илова. Mutakhassislarni khorizhda tayarlash va vatandoshlar bilan muloqot qilish b'yicha "El-yurt umidi" zhamzarmasi ta'lim dasturlari b'yicha nomzodlarni ochiq saralash tanlovinin ytkazish tartibi t'zerisida NIZOM*. [Online] Available from: https://eyuf.uz/admin/uploads/global/Nizom_yangi.pdf (Accessed: 24th March 2023).
18. The Republic of Uzbekistan. (2021b) *O dopolnitel'nykh merakh po vnestoronney podderzhke molodezhi i dal'neyshemu povysheniyu ee obshchestvennoy aktivnosti: ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 13.07.2021 № UP-6260* [On additional measures to comprehensively support youth and further increase their social activity: Decree No. UP-6260 of the President of the Republic of Uzbekistan dated 13.07.2021]. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/5512122> (Accessed: 24th March 2023).
19. The Republic of Uzbekistan. (2019) *Metodika otsenki znaniy kandidatov v protsesse provedeniya otbora kandidatov na stipendiyu fonda "El-yurt umidi" pri Kabinete Ministrov Respubliki Uzbekistan* [Methodology for assessing the knowledge in the process of selecting candidates for a scholarship from the El-Yurt Umidi Foundation under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: [s.n.].
20. El-Yurt Umidi Foundation. [Online] Available from: <https://eyuf.uz/> (Accessed: 24th March 2023).
21. El-Yurt Umidi Foundation. (2019) *Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридagi "El-yurt umidi" zhamzarmasi: prospekt-infografika*. [Online] Available from: <https://eyuf.uz/site/prospect> (Accessed: 26th March 2023).
22. *The mag*. (2020) *Granty v luchshie vuzy mira: interv'yu s direktorom fonda "El-yurt umidi"* [Grants to the best universities in the world: an interview with the director of the El-Yurt Umidi Foundation]. 21st April. [Online] Available from: <https://themag.uz/post/fond-jel-jurt-umidi> (Accessed: 27th March 2023).
23. El-Yurt Umidi Foundation. (n.d.) *Mutakhassislarni khorizhda tayarlash va vatandoshlar bilan muloqot qilish b'yicha "El-yurt umidi" zhamzarmasining faoliyati xamda 2023 yilgi 1-ochiq stipendiya tanlovi t'zerisida taqdimot*. [Online] Available from: <https://eyuf.uz/admin/uploads/2023/03.04.23%20%D0%96%D0%B0%D0%BC%D2%93%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B0%20%D1%82%D0%B0%D2%9B%D0%B4%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%82%D0%B8.pdf> (Accessed: 24th March 2023).

Сведения об авторе:

Турдикулов Олим Таиркулович – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Turdikulov Olim T. – Postgraduate Student of the Department of Department of World Politics of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 05.06.2023; accepted for publication 03.07.2023

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(47)''18/19''

doi: 10.17223/19988613/84/25

Рецензия: Ермаков С.В. Театральная жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX века. Новосибирск: ДЕАЛ, 2023. 160 с., ил.

Алексей Николаевич Худолеев¹, Лев Алексеевич Тресвятский²

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия, khudoleev73@mail.ru

² Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк, Россия, lev-35@mail.ru

Аннотация. Публикация посвящена недавно вышедшей монографии новокузнецкого краеведа С.В. Ермакова «Театральная жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX века». Обобщается содержание работы, отмечаются как сильные ее стороны (обнародованный материал, освещение малоизученных аспектов повседневной жизни дореволюционного Кузнецка), так и слабые (расположение материала, стиль изложения, описание научного аппарата). Делается вывод о важности рецензируемого издания для изучения бытовой, повседневной и культурной истории дореволюционного Кузнецка.

Ключевые слова: Томская губерния, Кузнецк, рубеж XIX–XX вв., театральное искусство, благотворительность

Для цитирования: Худолеев А.Н., Тресвятский Л.А. Рецензия: Ермаков С.В. Театральная жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX века. Новосибирск: ДЕАЛ, 2023. 160 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 201–203. doi: 10.17223/19988613/84/25

Review

Review: Ermakov S.V. Theatrical life of Kuznetsk in the late XIX – early XX century. Novosibirsk: DEAL, 2023. 160 p., ill.

Aleksey N. Khudoleev¹, Lev A. Tresvyatsky²

¹ Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation, khudoleev73@mail.ru

² Siberian State Industrial University Novokuznetsk, Russian Federation, lev-35@mail.ru

Abstract. The everyday life of the provincial cities of pre-revolutionary Russia is interesting from the point of view of the micro-historical analysis of the socio-cultural processes that took place at that time. One of its aspects is the consideration of past stories related to various activities of provincial residents. The focus of our attention is an attempt to explore the theatrical life of the county town of Kuznetsk, Tomsk province at the turn of the 19th – 20th centuries in the work of S.V. Ermakov "Theatrical life of Kuznetsk of the late 19th – early 20th century". The purpose of the review is to acquaint the scientific community with the monograph published in 2023, to show its strengths and weaknesses, to determine its place in the Kuznetsk local history. The source base of the work consists of archival documents from the collections of the GATO, the State Archive of Kuzbass in Novokuznetsk, the Novokuznetsk Museum of Local Lore, as well as a number of pre-revolutionary periodicals ("Tomsk Provincial Knowledge", "Siberian Life", "Siberian Bulletin", "Eastern Review", "Commemorative Books of the Tomsk province"). As S.V. Ermakov's research shows, despite the remoteness from cultural centers, theatrical life in the county Kuznetsk was quite active. It existed thanks to the local intelligentsia, which organized amateur troupes. The author identifies several cultural centers of Kuznetsk – the Noble (Public) Assembly, the Pushkin People's House, the Society of Lovers of Dramatic Art and the Kuznetsk County School. Classes in theater circles were an outlet for the educated part of the city, a departure from routine, monotonous everyday life, a kind of relaxing event, a way to diversify your life. Many performances and concerts were given for charity purposes. Yu.N. Kuibysheva, the mother of the famous Soviet party leader V.V. Kuibyshev and V.F. Bulgakov, the last secretary of L.N. Tolstoy, were active participants in the theatrical life of Kuznetsk. The reviewed publication has both

advantages (published material, coverage of little-studied aspects of everyday life in pre-revolutionary Kuznetsk) and disadvantages (location of the material, style of presentation, description of the scientific apparatus). As a result, the conclusion is made about the importance of S.V. Ermakov's work for the study of the domestic, everyday and cultural history of pre-revolutionary Kuznetsk, as it told about the forgotten names of actors, patrons and theatergoers, and published a rich photographic material.

Keywords: Tomsk province, Kuznetsk, the turn of the XIX – XX centuries, theatrical art, charity

For citation: Khudoleev, A.N., Tresvyatsky, L.A. (2023) Review: Ermakov S.V. Theatrical life of Kuznetsk in the late XIX – early XX century. Novosibirsk: DEAL, 2023. 160 p., ill. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 84. pp. 201–203. doi: 10.17223/19988613/84/25

Дореволюционная история г. Кузнецка Томской губернии сложна для реконструкции из-за небольшого количества сохранившихся источников, к тому же разпыленных по центральным, региональным архивам и различным печатным изданиям. Большинство авторов, занимающихся данной проблематикой, затрагивают только политические и социально-экономические аспекты [1]. Поэтому немногочисленные попытки пролить свет на затемненные страницы быта и повседневности уездного Кузнецка вызывают уважение и интерес [2, 3]. Тем более если речь идет о культурной жизни «в отдаленном захолустье Сибири <...>» [4. С. 166]. Автор рецензируемой работы – человек в Новокузнецке известный. С.В. Ермаков – музыкант, актер драматического театра, выпускник геолого-географического факультета Томского государственного университета, краевед. На основе архивных материалов (ГАТО, Государственный архив Кузбасса в г. Новокузнецке, Новокузнецкий краеведческий музей), периодических изданий («Томские губернские ведомости», «Сибирская жизнь», «Сибиркой вестник», «Восточное обозрение», «Памятные книжки Томской губернии») автор постарался воссоздать театральную жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX в.

Известно, что на рубеже XIX–XX вв. в городах Российской империи и в Сибири в частности получили популярность различные культурно-просветительские общества [5]. Не было исключением и уездный Кузнецк. В указанный период любители театрального искусства входили в элитное Кузнецкое благородное собрание, по сведениям С.В. Ермакова, члены тратили 300 руб. в год на аренду и содержание помещения [6. С. 21]. Оно располагалось в двухэтажном каменном особняке купца второй гильдии С.Е. Шукшина. До 1906 г. это было единственное место, где проходили театральные постановки клуба любителей драматического искусства. Из обнародованных С.В. Ермаковым «Рапортов» кузнецкого окружного исправника томскому губернатору мы узнаём о постановках любительского театра (особой популярностью пользовались пьесы А.Н. Островского), составе труппы, ценах на билеты и т.д. Много спектаклей давалось в благотворительных целях. Так, в 1894–1897 гг. прошло несколько представлений в пользу открытия и содержания в Кузнецке общественной библиотеки. В 1899 г. Кузнецкое благородное собрание провело несколько мероприятий в пользу голодающих Европейской России. В этом же году интеллигенция Кузнецка не осталась в стороне от празднования столетнего юбилея А.С. Пушкина. Центром празднования стало Кузнецкое уездное училище,

смотрителем которого был И.С. Шунков – отец крупного советского историка-сибироведа, члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук В.И. Шункова. Тогда же появилась идея построить в городе Народный дом имени великого поэта. Планировалось, что там «будут располагаться общественная библиотека, Общественное собрание и театральная зала. Многие жители сочувственно отнеслись к идее постройки этого дома» [6. С. 43]. Считалось, что возведение нового здания провинциального искусства поможет справиться с пороками старого – игрой в карты, бильярд и пьянством. Выходило, что Благородное собрание Кузнецка на рубеже XIX–XX вв. отличалось от трактира только лишь тем, что «последний находится рядом с полицейским управлением и каталажкой, а общественное собрание довольно отдалено от сих мест» [7].

Автор уделяет внимание рассказу о трудностях, с которыми пришлось столкнуться при строительстве Народного дома. Главная – сбор средств на возведение здания, смета которого составляла 6 тыс. руб. Деньги собирались путем благотворительных спектаклей и концертов, частных пожертвований (С.В. Ермаков упоминает городского старосту С.Е. Попова, принявшего решение передавать 10% от своего жалованья в пользу Народного дома [6. С. 68]). Большую роль в субсидировании сыграли образованные в 1902 г. Томский губернский комитет Попечительства о народной трезвости и Кузнецкий уездный комитет о народной трезвости. Строительство дома неоднократно откладывалось и приостанавливалось. Однако в 1906 г. он был построен и стал центром культурной жизни дореволюционного Кузнецка, хотя еще некоторое время постановки проходили и в помещении Благородного собрания. Основной вид деятельности нового культурного центра оставался тем же – благотворительные концерты и спектакли в пользу голодающих, неимущих и погорельцев. Между тем и старые «традиции» изжить не удалось: буфет изобилует спиртными напитками и закусками, рискуя превратить дом просвещения «в дом развращения» [8. С. 2]. Интересный факт: активными участниками театральной жизни Кузнецка, игравшими на сцене Народного дома, были Ю.Н. Куйбышева – мама известного советского партийного деятеля В.В. Куйбышева, и последний секретарь Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаков.

В советское время Народный дом был превращен в кинотеатр им. М.И. Калинина, в коем качестве он существовал до своего закрытия из-за обветшалости в 1976 г. В 1978 г. Новокузнецкий городской Совет народных депутатов принял решение о капитальном

ремонт здания с размещением в нем затем филиала краеведческого музея. Однако в ноябре 1979 г. бывший Народный дом сгорел.

Как свидетельствует исследование С.В. Ермакова, театральная жизнь дореволюционного Кузнецка протекала не только в Благородном собрании и Народном доме. Еще одним местом было Общество любителей драматического искусства, образованное в 1908 г. Правление общества состояло из председателя и нескольких директоров. Выручка от спектаклей, в которых играли учителя, служащие, купцы, мещане, их дети, шла на организацию различных праздничных мероприятий и благотворительность. Особенно усилилась эта тенденция в период Первой мировой войны, когда сборы от спектаклей «превышали все ожидания» [6. С. 79].

В конце книги приводятся списки постановок в Благородном собрании, Народном доме и Кузнецком уездном училище за 1886–1917 гг. и участников театральной деятельности. К сильным сторонам работы отнесем обнаруженный материал, освещение мало-

изученных аспектов повседневной жизни дореволюционного Кузнецка, презентабельность издания. Конечно, придирчиво-строгий историко-критический взгляд найдет в работе недостатки (хронологические рамки, расположение материала, стиль изложения, описание научного аппарата). Тем не менее считаем, что книга удалась. Удалась потому, что подняла вопрос об оказавшейся богатой культурной жизни дореволюционного Кузнецка, рассказала о забытых именах актеров, меценатов и театралов, обнародовала богатый фотографический материал и, несомненно, заняла свое место в истории кузнецкого краеведения. Исследование получилось также благодаря помощи и консультациям историка П.П. Лизогуба – профессионала своего дела, заместителя директора Новокузнецкого краеведческого музея по научной работе. Это популярное и просветительское издание будет интересно краоведам, современным театрам и исторической корпорации Кузбасса. Добавим также, что книга появилась благодаря поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

Список источников

1. Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России / под ред. Ю.В. Ширина. Томск ; Новокузнецк : Изд-во Том. ун-та, 2018. 478 с.
2. Ермолаев А.Н. Культурно-просветительские общества Кузнецка в конце XIX – начале XX века // Архивы Кузбасса. 2009. № 1. С. 79–93.
3. Ермолаев А.Н. Кузнецк во второй половине XIX – начале XX в. // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России / под ред. Ю.В. Ширина. Томск ; Новокузнецк : Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 287–346.
4. Достоевский Ф.М. – М.М. Достоевскому. 22.12.1856 г. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. СПб. : Наука, 1996. Т. 15. С. 165–170.
5. Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 511 с.
6. Ермаков С.В. Театральная жизнь Кузнецка конца XIX – начала XX века. Новосибирск : ДЕАЛ, 2023. 160 с.
7. Корреспонденция // Сибирская жизнь. 1901. 30 янв. № 24. С. 2.
8. По Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 7 июня. № 42. С. 2.

References

1. Shirin, Yu.V. (ed.) (2018) *Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii* [Kuznetsk Old Times. Novokuznetsk: 400 years in the history of Russia]. Tomsk; Novokuznetsk: Tomsk State University.
2. Ermolaev, A.N. (2009) *Kul'turno-prosvetitel'skie obshchestva Kuznetska v kontse XIX – nachale XX veka* [Cultural and educational societies of Kuznetsk in the late 19th – early 20th century]. *Arkhivy Kuzbassa*. 1. pp. 79–93.
3. Ermolaev, A.N. (2018) *Kuznetsk vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Kuznetsk in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Shirin, Yu.V. (ed.) (2018) *Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii* [Kuznetsk Old Times. Novokuznetsk: 400 years in the history of Russia]. Tomsk; Novokuznetsk: Tomsk State University. pp. 287–346.
4. Dostoevsky, F.M. (1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 15. St. Petersburg: Nauka. pp. 165–170.
5. Popov, D.I. (2006) *Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.* [Cultural and educational societies in Siberia in the late 19th – early 20th century]. Omsk: OSU.
6. Ermakov, S.V. (2023) *Teatral'naya zhizn' Kuznetska kontsa XIX – nachala XX veka* [Theatrical life of Kuznetsk in the late 19th – early 20th century]. Novosibirsk: DEAL.
7. *Sibirskaya zhizn'*. (1901) *Korrespondentsiya* [Correspondence]. 30th January. pp. 2.
8. *Sibirskaya zhizn'*. (1907) *Po Sibiri* [In Siberia]. 7th June. pp. 2.

Сведения об авторах:

Худолеев Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания факультета истории и права Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: khudoleev73@mail.ru

Тресвятский Лев Алексеевич – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин института педагогического образования Сибирского государственного индустриального университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: lev-35@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khudoleev Aleksey N. – Doctor of Historical sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Social Studies, Faculty of History and Law, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: khudoleev73@mail.ru

Tresvyatsky Lev A. – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department Social and Humanitarian Disciplines, Institute of Pedagogical Education of Siberian State Industrial University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: lev-35@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; принята к публикации 03.07.2023

The article was submitted 22.05.2023; accepted for publication 03.07.2023

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2023 № 84

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 31.08.2023 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,7. Тираж 50 экз. Заказ № 5560. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.09.2023 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru